

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ

2019. №24

ISSN 2307-6364

Учредитель, издатель:
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ. 2019. № 24
Научный журнал

Номер журнала включает материалы мероприятий, реализованных при грантовой поддержке фонда «Русский мир»

Редакционная коллегия:

А.А. Ворожбитова (г. Сочи, Россия), гл. редактор – д-р филол. наук, д-р пед. наук, профессор

Анна В. Кузнецова (г. Ростов-на-Дону, Россия), зам. гл. редактора – д-р филол. наук, профессор

Н.Г. Дяловская (г. Лейпциг, Германия), канд. филол. наук, доцент

С.И. Потапенко (г. Киев, Украина), д-р филол. наук, профессор

А.Л. Факторович (г. Краснодар, Россия), д-р филол. наук, профессор

Редакционный совет:

В.И. Аннушкин (г. Москва, Россия)

Л.А. Араева (г. Кемерово, Россия)

С.К. Башиева (г. Нальчик, Россия)

О.Н. Иванищева (г. Мурманск, Россия)

Г.И. Исина (г. Караганда, Казахстан)

В.И. Карасик (г. Москва, Россия)

Э.Р. Лассан (г. Вильнюс, Литва)

И. Лукс (г. Карлсруэ, Германия)

Й. Митурска-Бояновска (г. Щецин, Польша)

Г.Г. Почепцов (г. Киев, Украина)

Ю.Е. Прохоров (г. Москва, Россия)

Г.М. Романова (г. Сочи, Россия)

И.А. Стернин (г. Воронеж, Россия)

В.И. Супрун (г. Волгоград, Россия)

О.В. Тимашева (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58131 от 20 мая 2014 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет.

Журнал включен в базу Научной электронной библиотеки eLibrary (Российский индекс научного цитирования): http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37965

Адрес учредителя, издателя:
354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Адрес редакции, типографии:
354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94/1
Тел.: +7-918-305-44-87

E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
Сайт журнала: <http://лингворитория.рф>

Подписано в печать 30.12.2019 г.

Формат 21 x 29,7/4

Уч.-изд. л. 29,4. Усл. печ. л. 28,8.

Тираж 500 экз. Заказ № 22.

Редактор, корректор
Н.Г. Дяловская

Редактор-переводчик С.И. Потапенко
Технический редактор
В.В. Чернышова

Выходит с 2002 г.

Периодичность – 1 раз в год

Свободная цена

ISSN 2307-6364

© ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», 2019

**Founder, publisher: Federal Budget Educational Institution
of Higher Learning “Sochi State University”, Russia**

LINGUISTIC & RHETORICAL PARADIGM:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS. 2019. № 24
Scientific journal

*The journal issue includes materials of events supported by “**Russkiy Mir Foundation**” grants*

Editorial Board:

A.A. Vorozhbitova (Sochi,
Russia), Ch. Editor – Dr. of Philology, Dr. of
Pedagogics, Professor

Anna V. Kuznetsova (Rostov-on-Don, Russia),
Deputy Editor –
Dr. of Philology, Professor

N.G. Dialovskaia (Leipzig, Germany),
Candidate of Philology,
Associate Professor

S.I. Potapenko (Kyiv, Ukraine),
Dr. of Philology, Professor

A.L. Faktorovich (Krasnodar, Russia),
Dr. of Philology, Professor

Editorial Council:

V.I. Annushkin (Moscow, Russia)

L.A. Arayeva (Kemerovo, Russia)

S.K. Bashiyeva (Nalchik, Russia)

O.N. Ivanisheva (Murmansk, Russia)

G.I. Issina (Karaganda, Kazakhstan)

V.I. Karasik ((Moscow, Russia)

E.R. Lissan (Vilnius, Lithuania)

I. Lux (Karlsruhe, Germany)

J. Miturska-Boyanovska (Szczecin, Poland)

G.G. Pocheptsov (Kiev, Ukraine)

Y.E. Prokhorov (Moscow, Russia)

G.M. Romanova (Sochi, Russia)

I.A. Sternin (Voronezh, Russia)

V.I. Suprun (Volgograd, Russia)

O.V. Timasheva (Moscow, Russia)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-58131 of May 20, 2014.

Information product for children over the age of 16.

The Journal is included in the Scientific Electronic Library (Russian Science Citation Index):
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37965

Address of the founder, publisher:
354003, Sochi, Plastunskaya Str., 94
Address of the editorial office, of the printing
house:
354003, Sochi, Plastunskaya Str., 94/1
Tel.: +7-918-305-44-87
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
Journal site: <http://лингвориторика.рф>

Signed into print 30.12.2019 г.
Format 21 x 29,7 / 4
Publish. print sheets 27,2. Print sheets 28,8.
500 copies. Order № 1038

Editor, proofreader N.G. Dialovskaia

Translation editor S.I. Potapenko

Technical editor V.V. Chernyshova

Published since 2002

Frequency – one issue per year

Free price

ISSN 2307-6364

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Sochi State University», 2019

СОДЕРЖАНИЕ¹

Раздел I. Теория и методология лингвориторической парадигмы

Антонова С.М. (г. Гродно, Беларусь). Современный словесник как риторическая личность: альтернативный образовательный, культурный и антропогенный сценарий языкового сознания и логосферы.....	8
Ерохина Е.Л. (г. Москва). Риторика как праоснова современных учебных дисциплин коммуникативной направленности в школе и вузе.....	15
Козлова Е.А., Колесникова О.И. (г. Киров). Когнитивно-дискурсивный подход в риторике: противодействие манипуляции.....	18
Мельник Я.Г. (г. Ивано-Франковск, Украина). К вопросу о неопарадигматической интерпретации конфликта классической риторики и неориторки: дискурс-анализ.....	22
Троцок С.Н. (г. Санкт-Петербург). Лингвистический анализ художественного текста: теория концептов и их языковые особенности.....	28
Чинлода М.С. (г. Бишкек, Киргизия). Тропеические средства как способ построения национально-культурной языковой картины мира.....	31

Раздел II. Антропоцентрические аспекты лингвориторической парадигмы

Ванюшина Н.А. (г. Москва), Дмитриева О.А. (г. Волгоград). Формирование вторичной языковой личности в процессе изучения русского языка как иностранного (на примере работы с безэквивалентной лексикой).....	34
Вохмина Л.Л., Куваева А.С. Система упражнений для формирования поликультурной языковой личности в современной компетентностной парадигме обучения устной иноязычной речи (русский язык как иностранный).....	39
Криворучко А.И., Бобешко А.В. (г. Пермь). Переводчик как субъект дискурсивных процессов в сфере правовой коммуникации.....	44
Кушина Л.В., Литвинова С.В., Перлова И.В., Пермякова К.В. (г. Пермь). Интерпретирующая функция переводческого понимания как отражение индивидуальной переводческой картины мира.....	48
Самойлова Г.С., Петрова Н.Е., Комышкова А.Д., Павлов С.Г. (г. Нижний Новгород). Аксиологический потенциал древнерусского и старославянского языков в связи с проблемой формирования языковой личности филолога.....	57
Сидорова Т.А. (г. Архангельск). Политик Сергей Михеев как дискурсивная личность.....	64
Усанова О.Г., Пирожкова М.А. (г. Челябинск). Творчество как фактор развития языковой личности.....	69

Раздел III. Языковые аспекты лингвориторической парадигмы

Джинджолия Г. (г. Пльзень, Чехия). Активные процессы во фразеологии (на материале «Национального корпуса русского языка»).....	73
Ионесов В.И. (г. Самара). Язык как область творчества: вызовы и возможности коммуникации.....	79
Кошарная С.А. (г. Белгород). Отражение в языковом поведении этнокультурных стереотипов.....	82
Сирота Е.В., Парахонько Л.В. (г. Бельцы, Молдова). В. фон Гумбольдт и антропология: ее развитие в современном языкознании.....	85
Тариева Л.У., Дударова Л.М., Булгучева С.А., Добриева З.И. (г. Магас, Ингушетия). Прототипическое представление „homo sapiens” в структуре языков различной стратегии.....	89
Чиркова Н.В. (г. Самара). Язык, образ, метафора в репрезентативной практике современной культуры.....	95

Раздел IV. Дискурсивные процессы сферы социокультурной коммуникации в лингвориторической парадигме

Бушев А.Б. (г. Тверь). Техники интервьюирования для гуманитарного знания.....	98
Верминенко Ю.В., Зверев С.Э. (г. Санкт-Петербург). «Вольность» vs «милитаризация».....	102
Дмитриева Ю.Л. (г. Горловка). Образ Горловки в региональных медиа.....	106
Заварзина Г.А. (г. Воронеж). Инновации в языке нового государственного управления: профессионально-престижные социолексизмы или знаки коммуникативных неудач?.....	109
Зубарева А.В. (г. Ростов-на-Дону). Особенности антропонимии в русской деловой прессе.....	113
Нарожная В.Д., Шингарева М.Ю. (г. Шымкент, Казахстан). Политический дискурс в медиа: междисциплинарный характер дискурсивного анализа.....	116
Тамерьян Т.Ю. (г. Владикавказ). Демотиваторы и карикатуры как способ кодирования социополитической реальности.....	120
Чирков М.С. (г. Самара). К вопросу об особенностях национально-языковой политики в СССР.....	124

¹ В выпуск журнала включены материалы V Стратегической сессии «Совещание экспертов российских и зарубежных вузов по проблемам формирования речемышлительной культуры в высшей школе» (26.11.2019).

**Раздел V. Дискурсивные процессы сферы литературно-художественной коммуникации
в лингвориторической парадигме**

Ананьева С.В. (г. Алматы, Казахстан). Фольклор, литература, театр, музыкальное искусство в научных исследованиях Каныша Саптаева	127
Арукенова О.А. (г. Алматы, Казахстан). Дебютный роман Владимира Набокова «Машенька» как сублимация вынужденного расставания с родиной	130
Верминенко Ю. В., Зверев С.Э. (г. Санкт-Петербург). «Разговоры в царстве мертвых»: Суворов или Сумароков? (опыт лексико-стилистического анализа).....	133
Добренкова З. (г. Санкт-Петербург). Фрагменты произведений Л.Н. Толстого как подготовительный этап экскурсии в Ясную Поляну	138
Емельянова Е.В., Тукеева А.К. (г. Актобе, Казахстан). Текст как лингвокультурный феномен (на материале русских народных сказок).....	142
Иванов П.Ф. (г. Сочи). Экфория как средство когнитивной интерпретации прошлого в дискурсе прозаических произведений Г. Грасса	146
Калиаскарова А.Т. (г. Алматы, Казахстан). Интермедальность и диалог искусств в прозе А. Кима	149
Кострова О.А. (г. Самара). Современный немецкий роман в свете лингвориторики	152
Орищенко С.С. (г. Самара). Фразеологизмы в вербальных артикуляциях художественной экранизации (на материалах современного отечественного кинематографа)	156
Тармаева В.И. (г. Красноярск). К вопросу о герменевтических основах техники понимания повествовательного текста	160

**Раздел VI. Непрерывное лингвориторическое образование
как инновационная педагогическая система**

Абаева Г.Б., Оразбаева Н.С. (г. Актобе, Казахстан). Изучение русского языка как иностранного в условиях обновления содержания образования	165
Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б., Рамазанова А.Р. (г. Нур-Султан, Казахстан). Лингвистическая подготовка будущих экспертов в области юрислингвистики: технологии и методики обучения	169
Жернакова И.В., Малых Л.М. (г. Ижевск). Роль многоязычного чтения в формировании экстралингвистической эрудиции школьников (на материале многоязычных комиксов)	174
Каверина В.В. (г. Москва). Контроль сформированности лингвориторической компетенции в Контрольных измерительных материалах Единого государственного экзамена по русскому языку	179
Навасартян Л.Г. (г. Саратов). Основные трудности изучения глаголов движения русского языка (на примере занятий с туркменскими студентами)	183
Нуртазина М.Б., Жаркынбекова Ш.К., Шахпугова З.Х. (г. Нур-Султан, Казахстан). Креативный потенциал лингвориторической парадигмы в формировании профессиональной компетенции студентов	186
Погорельская Л.И. (г. Санкт-Петербург). Особенности формирования коммуникативной компетенции иностранцев, обучающихся в российском вузе	190
Серго Ю.Н., Жернакова И.В. (г. Ижевск). Графический роман-адаптация как способ повышения интереса школьника к изучению мировой литературы	193
Туралина Н.А., Кулопина Г.А., Заманова И.Ф. (г. Белгород). Языковая личность магистра: формирование риторических компетенций	199
Шамуратова З.А., Генжебаева Г.К. (г. Нукус, Узбекистан). Перевод как один из видов межкультурной коммуникации в процессе изучения русской классической литературы в высшей школе	203
Ширяева О. В., Костенко М.Н. (г. Ростов-на-Дону). Юмористический текст на уроках русского языка как иностранного: из опыта преподавания	209
Ширяева О.В., Стороженко Т.А. (г. Ростов-на-Дону). Проблемы и перспективы разработки и проведения квестов, посвященных Дню студента (Татьянин день), в иноязычной аудитории	213

**V Международная молодежная
научно-практическая конференция «Русская речемыслительная культура:
проблемы эффективности коммуникации» (тезисы студенческих докладов)**

Анапьянова А.Е. (г. Нур-Султан, Казахстан). Особенности создания эргонимов г. Нур-Султан	216
Болевич Б. (г. Подгорица, Черногория). Музыкально-литературные параллели в творчестве Виктора Цоя и Милана Младеновича	217
Бредихина Е.В. (г. Самара). Стихотворения в прозе И.С. Тургенева в лингвокультурологической перспективе	218
Грачёва М.А. (г. Самара). Языковой символизм в творчестве Михаила Булгакова (на примере романа «Мастер и Маргарита»)	219
Демина А.Р. (г. Сочи). Эволюция изображения рыцарства: от Вальтера Скотта до Джорджа Р. Р. Мартина	220
Жигалов А.В. (г. Самара). Язык эпохи социализма в лингвокультурологическом дискурсе	221
Жуликова М.А. (г. Нур-Султан, Казахстан). Использование феминитивов в речи казахстанцев	222
Исмаилова Э.Ю. (г. Актобе, Казахстан). Влияние русского языка на формирование лексического состава казахского языка	224
Кобылина В.А. (г. Челябинск). Речевой портрет Л. Г. Парфенова в выпусках YouTube-канала «Парфенон»	225
Коврыгина Ю.В. (г. Краснодар). Семантическая трансформация лексических единиц в медийной коммуникации	226
Крымская Л.К. (г. Челябинск). Риторический аспект современных блогеров (на примере авторской программы Юрия Дудя «ВДудь»)	227

Кузнецова М.Е. (г. Самара). Колыбельная песня в пространстве вербального общения матери и ребёнка	227
Леонтьева В.Э. (г. Самара). Средства художественной выразительности в русских народных сказках.....	228
Лукьянова Е.И. (г. Самара). Читая Ф.М. Достоевского: слово, образ, метафора	230
Морийо У.Д.М. (г. Кито, Эквадор). Музыкально-поэтическое народное творчество как неотъемлемый элемент современной культуры (на примере Эквадора и России)	231
Никитина П.Д. (г. Самара). Язык кино в медиaprостранстве современной России: опыты и культурные практики социальной репрезентации	231
Нурлан У. (г. Баян-Улгий, Монголия). Русский код в монгольской культуре	233
Санабрия Р.Т.А. (г. Богота, Колумбия). Восприятие личности и творчества П.И. Чайковского в Латинской Америке	233
Сироткина К.Д. (г. Екатеринбург). Феминативы: языковая мода или необходимость коммуникации.....	234
Сисеналиева Г.Р. (г. Актобе, Казахстан). Актуальные проблемы перевода художественных текстов на русский язык.....	235
Шолохов М.А. (г. Челябинск). Нарушение языковой нормы как средство художественной выразительности в вербальных интернет-мемах.....	237

Заочное участие

Ван-Чан-Жоу А.А. (г. Екатеринбург). Психолингвистические технологии в процессе обучения русскому языку как иностранному	238
Иванова С.И. (г. Сочи). Употребление предлогов в и на в речемыслительной практике: математический аспект.....	239
Ишанова Г.М. (г. Атырау, Казахстан). Ироническое употребление оценочных слов в публицистике	240
Косали Н.Р. (г. Атырау, Казахстан). Языковые средства пополнения молодежной жаргонной лексики.....	241
Пичковская Е.С. (г. Гродно, Беларусь). Языковая личность современного студента-филолога в зеркале интерпретации художественного текста	242
Тамерьян М.А. (г. Владикавказ). Семиотика вербальной репрезентации зооморфных образов славян	243
Чувиллина С.В. (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин). О роли коммуникации в кодификации форм личных местоимений с предлогом по	245
Шанхоева Я.А.-Б. (г. Магас). Художественный билингвизм в творчестве И. Кодзоева (на примере романа «Обвал»).....	246
Шашко В.А. (г. Екатеринбург). «Казнить нельзя, помиловать»: речевая культура юриста как залог справедливости правосудия.....	246
Шестопалова А.М. (г. Москва). «Квасисубъектные» модели типа <i>Книга легко читается</i> и их когнитивный статус.....	247

"Russkiy Mir" Foundation
Federal State Budget Educational Institution of Higher Learning "Sochi State University"

CONTENTS²

Part 1. Theory and Methodology of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Antonova S.M. (Grodno, Belarus). Modern philologist as a rhetorical personality: An alternative educational, cultural and anthropogenic scenario for linguistic consciousness and logosphere	8
Erokhina E.L. (Moscow). Rhetoric as the original basis of modern academic disciplines of communicative orientation at secondary and higher schools	15
Kozlova E.A., Kolesnikova O.I. (Kirov). Cognitive discursive approach in rhetoric: Countering manipulation	18
Melnyk Y. (Ivano-Frankivsk, Ukraine). On the issue of neoparadigmatic interpretation of the conflict between classical and new rhetoric: Discourse analysis	22
Trotciuk S.N. (St. Petersburg). Linguistic analysis of the belletristic text: Theory of concepts and their linguistic features.....	28
Chinloda M.S. (Bishkek, Kyrgyzstan). Tropes as a way of creating national cultural linguistic picture of the world	31

Part 2. Anthropocentric aspects of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Vanyushina N.A. (Moscow), Dmitrieva O.A. (Volgograd). Formation of secondary linguistic personality in the process of learning Russian as a foreign language (a case of teaching non-equivalent vocabulary).....	34
Vokhmina L.L., Kuvaeva A.S. (Moscow). System of exercises for forming a multicultural linguistic personality in the modern competency-based paradigm of teaching foreign speech (Russian as a foreign language).....	39
Krivoruchko A.I., Bobeshko A.V. (Perm). Translator as a subject of discursive processes in legal communication	44
Kushnina L.V., Litvinova S.V., Perlova I.V., Permiakova K.V. (Perm). Interpretative function of translation understanding as reflection of translator's individual worldview.....	48
Samoilova G.S., Petrova N.E., Komyshkova A.D., Pavlov S.G. (Nizhny Novgorod). Axiological potential of the Old Russian and Old Slavonic languages and the problem of forming the linguistic personality of a philologist	57
Sidorova T.A. (Arkhangelsk). Politician Sergey Mikheev as a discourse personality	64
Usanova O.G., Pirozhkova M.A. (Chelyabinsk). Creativity as a factor in linguistic personality development.....	69

Part 3. Language aspects of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Dzhindzholia G. (Pilsen, Czech Republic). Active processes in phraseology (based on the national corpus of Russian)....	73
Ionesov V.I. (Samara). Language as an area of creativity: Challenges and opportunities for communication	79
Kosharnaya S.A. (Belgorod). Reflection of ethno-cultural stereotypes in language behavior	82
Sirota E.V., Parakhonko L.V. (Bălți, Moldova). W. von Humboldt and anthropology: Its development in modern linguistics.....	85
Tarieva L.U., Dudarov L.M., Bulgucheva S.A., Dobrieva Z.I. (Magas). "Homo sapiens" prototypical representation in the structure of languages with different strategies	89
Chirkova N.V. (Samara). Language, image, metaphor in the representative practice of modern culture.....	95

**Part 4. Discursive processes in the social communication sphere
from the perspective of Linguistic & Rhetorical Paradigm**

Bouchev A.B. (Tver). Interview techniques for acquisition of humanitarian knowledge	98
Verminenko Ju.V., Zverev S. E. (Saint-Petersburg). "Liberty" vs "militarization"	102
Dmitrieva J.L. (Gorlovka). Gorlovka's image in regional mass media	106
Zavarzina G.A. (Voronezh). Innovations in the language of new state government: Prestigious professionalisms or signs of communicative failure?.....	109
Zubareva A.V. (Rostov-on-Don). Peculiarities of anthroponymy in Russian business press.....	113
Narozhnaya V.D., Shingareva M.Yu. (Shymkent, Kazakhstan). Political discourse in the media: Interdisciplinary character of discourse analysis	116
Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz). Demotivators and caricatures as a way of coding sociopolitical reality	120
Chirkov M.S. (Samara). National language policy issue in the Soviet Union.....	124

**Part 5. Discursive processes in the field of literary and artistic communication
from the perspective of Linguistic & Rhetorical Paradigm**

Ananyeva S. (Almaty, Kazakhstan). Folklore, literature, theatre, musical art in Kanysh Satpaev's research	127
Arukenova O.A. (Almaty, Kazakhstan). Vladimir Nabokov's debut novel "Mary" as sublimation of forced parting with the motherland.....	130
Verminenko Ju.V., Zverev S. E. (Saint-Petersburg). "Conversations in the Kingdom of the Dead": Suvorov or Sumarokov? (an attempt at lexical stylistic analysis).....	133

² This issue of the journal includes Materials of the 5th Strategic Session "Meeting of the Experts of Russian and Foreign Universities on the Problem of Communicative Cognitive Culture in Higher School" (26 November 2019).

Dobrenkova Z. (Saint-Petersburg). Excerpts from L.N. Tolstoy's works as a preparatory stage for an excursion to Yasnaya Polyana	138
Emelyanova E.V., Tukeyeva A.K. (Aktobe, Kazakhstan). Text as a linguocultural phenomenon (a case of Russian folk tales)	142
Ivanov P.F. (Sochi). Ecphoria as a means of cognitive interpretation of the past in G. Grass' prose discourse	146
Kaliaskarova A.T. (Almaty, Kazakhstan). Intermediality and dialogue of arts in A. Kim's prose	149
Kostrova O. (Samara). Contemporary German novel: Linguistic rhetorical perspective	152
Orishchenko S.S. (Samara). Phraseological units in verbal articulations of film adaptations (a case of contemporary Russian cinematography)	156
Tarmaeva V.I. (Krasnoyarsk). On the issue of hermeneutic foundations of the technique of understanding a narrative text	160

Part 6. Continuing Linguistic & Rhetorical Education as an innovative pedagogical system

Abaeva G.B., Orazbaeva N.S. (Aktobe, Kazakhstan). Learning Russian as a foreign language in the context of education content updating	165
Zharkynbekova S.K., Nurtazina M.B., Ramazanova A. (Nur-Sultan, Kazakhstan). Linguistic training of future experts in the field of forensic linguistics: Technologies and teaching methods	169
Malykh L.M., Zhernakova I.V. (Izhevsk). Role of multilingual reading in shaping schoolchildren's extra-linguistic erudition (a case of multilingual comics)	174
Kaverina V.V. (Moscow). Monitoring linguistic competence levels in the Control and Measurement Materials of the Unified State Exam in the Russian Language	179
Navasartyan L.G. (Saratov). Main difficulties in learning Russian verbs of motion (a case of teaching Turkmen students)	183
Nurtazina M.B., Zharkynbekova Sh.K., Shakhputova Z. (Nur-Sultan, Kazakhstan). Creative potential of Linguistic & Rhetorical Paradigm in forming students' professional competence	186
Pogorel'skaya L.I. (Saint Petersburg). Specificity of forming communicative competence of foreign learners at Russian higher schools	190
Sergo J.N., Zhernakova I.V. (Izhevsk). Graphic novel adaptation as a way to increase schoolchildren's interest in studying world literature	193
Turanina N.A., Kulupina G.A., Zamanova I.F. (Belgorod). Master's linguistic personality: Formation of rhetorical competencies	199
Shamuratova Z.A., Genjebaeva G.K. (Nukus, Uzbekistan). Translation as a type of intercultural communication in the process of learning Russian classical literature in higher school	203
Shiryayeva O.V., Kostenko M.N. (Rostov-on-Don). Humorous text at lessons of Russian as a foreign language: From teaching experience	209
Shiryayeva O.V., Storozhenko T.A. (Rostov-on-Don). Problems and prospects of developing and conducting Student's Day (Tatiana's Day) quests for a foreign language audience	213

5th International Scientific Practical Youth Conference
"Russian communicative-cognitive culture: Problems of efficiency"
Abstracts of students' reports

Раздел 1.

Теория и методология лингвориторической парадигмы

Part 1.

Theory and Methodology of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Современный словесник как риторическая личность: альтернативный образовательный, культурный и антропогенный сценарий языкового сознания и логосферы

Антонова Светлана Михайловна

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь
230020, г. Гродно, Индурское шоссе, 10
кандидат филологических наук, доцент,
E-mail: antonovasm@inbox.ru

Аннотация. Языковая личность учителя русской словесности, творческий субъект-продуцент литературно-художественной и педагогической коммуникации и институционального дискурса, хранитель системы коммуникативных и языковых норм и кодов, в условиях коммуникативных, культурных и глобализационных вызовов рассматривается как своего рода уникальный «образовательный сценарий» антропогенной прецедентности для логосферы русского языкового сознания и для языковой личности.

Ключевые слова: миромоделирование, идеосфера, логосфера, прецедентная языковая личность, коллективная языковая личность (ЯЛ) реципиента, риторическая личность (РЛ), креативное языковое сознание, филологическая риторика (ФР), дискурс, продуцент, текст-интерпретация.

УДК 808.5

Modern philologist as a rhetorical personality: An alternative educational, cultural and anthropogenic scenario for linguistic consciousness and logosphere

Svetlana M. Antonova

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus
230010 Grodno, Indur Road, 10
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: antonovasm@inbox.ru

Abstract. The paper regards the linguistic personality of a Russian language teacher, a creative producer of literary-belletristic, pedagogical communication and institutionalized discourse, a guardian of the communication system and linguistic norms and codes as a kind of unique educational anthropogenic precedence “scenario” for the logosphere of Russian linguistic consciousness and for linguistic personality in the context of communicative, cultural and globalization imperatives.

Keywords: world modelling, ideosphere, logosphere, precedent linguistic personality, collective linguistic personality of a recipient, rhetorical personality, creative linguistic consciousness, philological rhetoric, discourse, producer, text interpretation.

UDC 808.5

Любое содержание сознания есть, по существу, совместное, интерсубъективное знание.

У действительного, а не вымышленного Маугли должны были бы сформироваться волчьи инстинкты, но даже тени человеческого сознания появиться у него не могло.

Для возникновения в человеческой психике сознания другое сознание необходимо с той же непреложностью, с какой для возникновения тела ребёнка необходимо материнское тело.

В.И. Тюпа [Тюпа 1996: 17]

...Русский язык способен стать и столь же эффективным демотиватором и разрушителем, если направить его на подрыв ценностных основ современного российского общества, на откровенное манипулирование менталитетом носителей русского языка, которые превращаются с его помощью в послушных «продуманчиков».

О.А. Бурукина [Бурукина 2018: 26]

Введение. В нашем собственном опыте педагогического и личностного взаимодействия с учащимися, сознательно устремлёнными к поиску своего Слова о мире, в процессе подготовки будущих и состоявшихся уже олимпиадников, журналистов и риториков, есть свои прецеденты освоения научной картины мира на участке, который можно назвать **мир – человек – слово**. Осваивая сознанием и словом этот участок, наши ученики идут вслед за самим текстом и своей интерпретацией его. Образовательный сценарий этого хождения за текстом, языком и мыслью о мире мы строили на основании **своей риторики** [Антонова 2003: 371–429], выстраданной в процессе интерпретации и рефлексии художественных и научных текстов. Мы назвали её **филологической риторикой (ФР)**. Думается, эта риторика не просто **не наша** (не один какой-то конкретно взятый социум её изобрёл), но и **не своя** (не один конкретно взятый субъект её открыл или до неё додумался и предложил использовать): она, **прототипическая прецедентная и интертекстуальная**, покоится на прецедентах научного (общифилологического и специального – собственно лингвистического, литературоведческого, риторического), системного, когнитивного и герменевтического, а также художественного осмысления феномена человеческого Слова и «Человека говорящего». В основе концепции нашей ФР и технологии её реализации три составляющие: 1) индивидуальные особенности языкового сознания субъекта образовательной деятельности (учащегося) – то, что Ломоносовым называется **природным чувством языка**; 2) образцовые тексты – художественные и научные – то, что когнитологами именуется **прецедентными и прототипическими сценариями и фреймами**; 3) **упражнения в составлении собственных текстов и в их представлении аудитории** – то, что превращает нулевую языковую личность в личность креативную, а потребителя знания и языка – в его творца, а в каждом образовательном последствии научный текст превращается в какие-то грани сценария-методики-технологии обучения-воспитания языковой личности (ЯЛ).

В данной работе востребованность, необходимость, возможности, проблемы и пути позиционирования ФР как важнейшей высокотехнологичной доминанты в системе филологического образования мы рассматриваем преломлёнными в аспекте проблематики формирования риторической личности (РЛ) учителя русской словесности как креативной ЯЛ в аспекте преодоления противоречия, порождающего в образовательном дискурсе коммуникативные и когнитивные барьеры, диссонансы, а иногда и коллапсы. Позиционировать систему филологического образования ЯЛ (в смысле обучения и воспитания) как **ФР (авторскую риторическую технологию опережающего и развивающего образования креативной ЯЛ, мыслящей критически)**, мы исходим из стремления помочь образовательной системе преодолеть наиболее существенные, не только на наш взгляд, концептуальные и технологические противоречия современного образования в целом.

Во-первых, нет ни одной концепции, программы или системы оценивания обучаемого, которая не учитывала бы или не предполагала бы **развития в ЯЛ креативного начала**, как нет ни в одной концепции, программе, их предметном содержании или рекомендуемой технологии обучения риторической компоненты, без опоры на которую о креативности можно только мечтать. Во-вторых, **ни в одном звене средней или высшей школы нет риторики в качестве предмета образовательной деятельности** или риторического знания-умения **в качестве инструментария** таковой, даже в филологических системах подготовки ЯЛ и языкового сознания ученика – студента – учителя – педагога высшей школы **как обязательной составляющей, а в системах и критериях оценивания знания – умения – навыков есть везде**. В-третьих, в каждом образовательном звене есть установка-ориентация на формирование и развитие самостоятельности, осмысленности, ответственности, уникальности в решении интеллектуальных и поведенческих задач, что призвано защищать молодого человека от глобальных вызовов информационного общества, манипулятивных субкультурных и коммуникативных воздействий и способствовать социализации человека в пространстве своего отечества, но **воспитание личности** сегодня фактически именно **манипулятивно выхолощено** и концептуально вытеснено из образования рыночным взглядом на него как на систему образовательных услуг. В-четвёртых, **учитель**, как следствие государственного и общественного взглядов на него, **превращён** из ведущего субъекта образования **в ведомого** – заложника мимикрирующих образовательных и социальных реформ и всё возрастающих к нему требований, не обеспеченных его профессиональной системной подготовкой, а потому учитель **реализует** на практике **антириторику** – риторику лжи: думает и знает одно, говорит другое, а делает третье, становясь прецедентной ЯЛ и РЛ в одном – антириторике **беспомощного приспособленца**.

ФР обеспечивает становление и развитие именно **риторической личности**, поскольку воплощает в школе и вузе **реальную проекцию практикоориентированности** современного трёхкомпонентного **образования словесника** (лингвиста, литературоведа, ритора): системно (концептуально, программно, содержательно, технологически) нацелена **на РЛ словесника**. Как образовательная компонента ФР вырастает из научного осмысления действительности филологического образования, слагаемые которого не только полувековое деятельностное пребывание автора в системе, но и авторское осмысление актуальных для образования ЯЛ словесника русских моделей человека говорящего: национальной, концептуальной, языковой, научной, диалектной, художественной и образовательных. Когнитивная интерпретация образовательно значимых компонент языкового сознания ЯЛ и РЛ не позволяет сегодня говорить ни о каких (из реализованных или реализуемых) сценариях образования ЯЛ словесника как о нацеленных на образование его риторической компоненты. Тем более нет возможности видеть таковую в качестве ведущей, ключевой

или системообразующей. Однако сегодня налицо ситуация, при которой ЯЛ учащегося и учителя, студента и педагога лишь физически сосуществуют в логосфере школы и за её пределами: эстетически, этологически, этически, духовно, нравственно, лингвистически.

Материалы и методы. Рождавшаяся как практическая составляющая опыта когнитивной интерпретации русской языковой картины мира на участке моделирования человека говорящего [Антонова 2003], ФР в нашем понимании и применении к образованию словесника позиционируется нами как всегда уникальный личностный и всегда же социально определённый модус и диктум современного образования, в которых на уровне текста и дискурса отражаются всеми уровнями моделирования отечественные Этос, Логос, Пафос и Риторический Идеал человека говорящего. В основании данного исследования авторский шестидесятилетний опыт становления и развития языкового сознания, для наглядности в демонстрации авторской риторической технологии образования и развития РЛ учителя русской словесности подтверждённый и иллюстрируемый текстами, которые были созданы учениками, студентами, учителями г. Гродно и самим автором в XXI в. при интерпретации художественных текстов русской классики.

Обсуждение. Предварим разговор об альтернативном образовательном культурном и антропогенном учительском сценарии языкового сознания, ЯЛ и логосферы словами из работы, посвящённой модусам языкового сознания и ученика, чтобы обнаружить главное в ученичестве и прецедентности во всяком сознании: нами говорят тексты, прочитанные нами. А потому для представления пресуппозиций своего слова о сценарно-режиссёрских слагаемых современного образовательного полилога приведём фрагмент ещё одного прецедентного филологического сценария – коллективный научный текст о тексте, дискурсе и языковом сознании: «Результатом изучения языка должно быть умение использовать его как материал эффективной речевой деятельности. <...> Образовательный процесс в условиях поликультуры должен быть нацелен на социализацию личности, формирование социального самосознания через овладение культурными нормами человеческих отношений, адекватным межличностным общением» [Современная картина мира 2017: 2–28]. Со своей стороны, добавим к процитированным аргументам крымских коллег в обоснование актуальности обращения к заложенному в партитуру ЯЛ словесника и его креативной ЯЛ собственные аргументы в пользу антропоморфности художественной и научных картин и моделей мира [Антонова 2003: 298–327], а также те рефлексии и саморефлексии филологических учительских когнитивных сценариев прецедентности, которые подарила автору практика сотрудничества с учителями Гродненщины.

Прежде всего, обогатим и уточним наш диалог об антропогенной роли ЯЛ словесника как РЛ ещё одной развёрнутой цитатой из научного текста своего коллеги по работе в Кемеровском университете, блистательного филолога, философа и теоретика художественного моделирования и художественного текста, В.И. Тюпы, который через анализ модусов деятельности нашего сознания (роевое, ролевое, авторитарное и соборное) при освоении действительности, в том числе научной и художественной, выходит к необходимости коммуникативной дидактики как к фактору и становления человека, и адекватного развития социума, и сохранения культурного и ментального кодов наших. Он говорит о соответствии онтогенеза сознания личного как о повторении филогенеза общественного сознания и об обязательной человеческой норме развития ментальности: «структурная синхрония модусов ментальности не отменяет той научно верифицируемой данности, что их возникновение в онтогенезе личного сознания, как и в филогенезе сознания общественного, строго последовательно, стадийно, прогнозируемо. Это **фазы ментальности**, своего рода «этажи» **индивидуального сознания**, уровни разновременного происхождения, синхронная взаимоотношенность которых структурирует деятельность духовного «я»» [Тюпа: 1996]. Установленная взаимоотношенность фактически определяется и используется теоретиком литературоведения как онтологический фактор риторической обеспеченности ЯЛ словесника и естественное педагогическое условие – стратегема – норма формирования РЛ его ученика: «**В ходе первых семи лет жизни в психике нормально развивающегося ребёнка закладываются основы всех четырёх модусов** сознания (выделено нами. – С. А.). <...> Между модусами сознания и модальностями обучения имеются соответствия, объясняющие успешность (или безуспешность) дидактического процесса: **роевому модусу** сознания соответствует **модальность готового знания**, предполагающего запоминание в качестве основного способа учебной коммуникации; **авторитарному** – **модальность убеждения**, предполагающая **доказывание**; **уединённому** – **модальность мнения**, предполагающая **дискутирование**; **конвергентному** – **модальность поискового знания**, предполагающая **согласование**».

Самим фактом существования школы коммуникативной дидактики – фактом технологического сопряжения с моделью школьного образования ЯЛ риторической компоненты образования (ФР) в научном тексте литературоведа (опытнейшего педагога, профессора, подготовившего сотни учителей словесности и десятки их преподавателей, создавшего свою научную школу) – должно избавлять от необходимости аргументировать значимость в структуре ЯЛ школьного учителя словесности риторической составляющей: научить чему-то, воспитать что-то и/или кого-то можно только при наличии и использовании имеющегося в учителе. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, очевидность взаимообусловленности филологической и риторической компетенций, обратимся и к лингвоперсоналогическим, коммуникативистским и собственно риторическим аргументам в обоснование образовательной проекции РЛ учителя словесности как альтернативной вызовом – стратегемам, сценариям, технологиям и логосфере – нового времени.

С рождения бывшая образовательной (обучающей плюс воспитывающей), когда ипостась активного Слова звучавшего служила ведению социума за собой, а Слово было высшим измерением состоятельности Политика и Учителя, риторика нашей современностью будто бы от Школы и Учителя отлучена и отринута, поставленная на службу прагматике речевого потребления – шоу-бизнеса, имиджмейкерства, политики, рекламы, СМИ, PR и политтехнологий. Сегодня даже белорусскую образовательную модель формирования и развития ЯЛ и человека говорящего, *как бы*³ ориентированную на практику говорения, обусловленную коммуникативно-деятельностным подходом к языку и этим самым подходом центрированную, лишили системно – содержательно, концептуально и даже формально в итоге!!! – и учебного системного курса риторики, и самой риторической составляющей, которая мыслилась авторами концепции⁴ как завершающая школьный этап становления ЯЛ белоруса. Однако потом, заключённая в обязательном курсе риторики для 10–11 классов, но не включённая в программы в качестве таковой, риторическая компонента так там и осталась, не открытая школьнику и не распределённая по иным разделам словесности. Школьное же образование в целом потом подчинилось и смиренно покатило навстречу тестоцентризму, не просто не имеющему ничего общего с коммуникативно-деятельностным подходом к языку и литературе, но прямо ему противоположному, а потому и на уровне общедисциплинарных моделей мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной деятельности перестало способствовать развитию риторических компетенций ученика и начало исключать из репертуара образовательных возможностей учителя риторическую составляющую как не востребуемую, даже избыточную и узко прецедентную в непрофильных классах – непедagogических и нефилологических. Мы, представляя концептуальные и методологические основы, условия и слагаемые разрушения влиятельности языкового сознания словесника, выявляя методологические, технологические и образовательные возможности ФР ответить на глобализацию и культуринтервенцию, позиционируем ЯЛ учителя русской словесности как **прецедентную риторическую действующую модель образовательного сценария, альтернативного культурному разрушению** логосферы, коммуникативной и мыслительной **деградации** ЯЛ.

ЯЛ учителя как культурный концепт образовательного сценария, феномен профессионального владения языком и осмысления языка при целостном системном подходе структурируется на четырёх уровнях, каждый из которых формирует свой аспект исследования и соответствующий круг научных и образовательных проблем. **На уровне мышления** как уровне бытия языка и ЯЛ главным оказывается то, что **человек** как мера отношений с миром и самого мира – **производное образовательного процесса**, при котором из **фактора внешней среды образования язык, речь становятся фактором внутреннего культурного онто- и филогенеза мыслящей личности**. Картина мира, определяя собою становление ЯЛ, мыслящей в рамках языка, образовательно формируется благодаря представлению научной картины мира, собственной негневливой, гармонизирующей интонации, включению русского и белорусского логоса, этоса и пафоса через блистательные мифы и мифологемы культуры и слова.

Обращению к **уровню коммуникации** как к уровню действительности языка и ЯЛ **служит собственно общение педагога** с обучаемыми, экспликацией которого в печатном варианте может служить только содержание приложений, тематик учебного и педагогического общения.

Языковая система, которая структурно и онтологически концептуализирует и категоризует мир, ядерным глагольным словом *говорить* [Антонова 2003: 123–268] задавая диапазон развития ЯЛ как личности риторической, будь это учитель или ученик. Школа сегодня даже из этой доминанты языковой концептуализации и категоризации выбирает для обучения и формирования ЯЛ далеко не всё. Сегодня школа учит *писать, читать (артикулировать – в меньшей степени, интерпретировать – в исключительных случаях), пересказывать, излагать, рассказывать, рассуждать, слушать* (в исключительных случаях – интеллектуально, в большинстве – прагматически, практически никогда – диалогически или полифонически гармонично, с приятием оппонента и постижением собственного мнения), т.е. не соответствует не только школе коммуникативной дидактики, но и задачам формирования нормальных модулей рядовой мыслительной деятельности человека, не говоря о креативной. Идти же следует за языковой картиной мира в развитии ЯЛ креативного типа, имея в виду, что язык – это не просто речь, это «полный кругооборот от слова к звуку, от звука к восприятию, от восприятия к пониманию, от понимания к чувству, памяти, поступку и обратно к слову о поступке, который мы, таким образом, осознали как совершившийся в действительности» [Саломатина 2005: 153]. Причём и говорящему, и слушающему в этом кругообороте необходима творческая способность на каждом этапе цикла, не исключая ни этапа ожидания слова, ни этапа молчания. И в этом смысле ФР участвует в подготовке учителя со своим словом – риторической ЯЛ креативного типа. Особо значимо для нас быть в своём слове стимулом для слова собеседника вести **гармонизирующий диалог**, держать соответствующую культурную планку, быть услышанным по этому предмету образования всеми, от кого сегодня реально зависят его стратегия, содержание и технологии (зримые и незримые), как и образовательная компетенция учителя и ученика. Хочется думать, что такой диалог состоится – искомый гармонизирующий, с положительной онтологичностью, подлинно открытый и заинтересованный – и поможет РЛ словесника стать важнейшим образовательным фактором современности, как

³ Как же уместна здесь эта молодёжная сленговая модализация действительности!!!

⁴ Автору статьи в своё время была оказана честь выступать с научной экспертизой этой концепции.

состоялся он в цитируемых нами учительских эссе. Например, от эмпирического переживания проблем собственного мира (боль одиночества) учитель с помощью подлежащего изучению художественного текста («*Не думаю, не жалею, не спорю*») делает шаг к сценарию урока русского языка (односоставные предложения), пониманию художественной картины мира и отражённой в ней картины мира и человека («*я – это только тень от чьей-то тени*») и к Душам Учеников («Надо жить!»).

Риторическим потенциалом языкового миромоделирования сегодня не пользуется только ленивый, в том числе в самых неблагоприятных целях, но ещё не пользуется словесник: именно в языковой картине мира сегодня отчётливо эксплицирован и актуализован **интерпретативный аспект говорения**, о котором пока не сказали даже языковеды, изучающие вдоль и поперёк главную категоризирующую и концептуализирующую систему русского языкового сознания – глаголы говорения. Наше когнитивное осмысление этого звена русской языковой системы и системное описание динамики её функционирования позволяет утверждать, что все глаголы говорения в качестве именуемого ими аспекта речевой деятельности отмечают семантически, лексематически, деривационно и синтагматически именно интерпретативный аспект, традиционно именуемый способом глагольного действия и исключаемый из представления цели говорения. Именно *‘говорить с целью интерпретировать’* может и должно быть определено как та цель говорения, с которой коррелирует семантика, думается и как показывает наш опыт исследования более 1500 лекс [Антонова 2003: 482–517], любого глагольного слова из состава глаголов говорения. И это может и должно быть принято в информационном нашем обществе как соответствие педагогической традиции и когнитивному правилу брать языковую картину мира за оптимальную модель и при моделировании филологической компоненты в образовательных стандартах и в видах учебной деятельности ЯЛ ученика и учителя.

При этом этологическим антропогенным испытательным «полигоном» – моделью «человека говорящего» когнитивной модели, идеальной по выявлению влиятельности и прецедентности для РЛ и самого риторического идеала, способна выступить художественная модель мира: именно в ней актуализована миссия русской литературы, как её объяснял В.А. Венгеров [Венгеров 1993: 22], служить кафедрой, с которой всегда раздавалось учительское, гражданское Слово, и, добавим от себя на основании знания научной картины мира и собственного читательского опыта, быть тем экспериментальным идеологическим театром, в котором апробацию проходили самые невероятные созидательные и разрушительные идеи, миры, прототипы, когнитивные и социальные сценарии. Чего стоит, скажем, один, столь актуальный для нашего времени, по разрушению Русского мира и нашего менталитета, над реализацией которого столь успешно работают «Жрецы» со времён Ф.М. Достоевского, что сценарий переописан Ивановым, и положен в основание плана Даллеса, и убийственно скрупулёзно и последовательно внедряется на наших глазах со времён перестройки: «*Да, развращать! Растлевать! Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов!*» Какая, по сути, разница, что предпочесть тем, в отношении кого реализуется такой сценарий: прочесть ли его вложенным как пророчества-стратегемы в уста Петра Верховенского в романе XIX в. «Бесы», или узнать о его деталях от жандарма Арнольда Лахновского из романа XX в. Анатолия Иванова «Вечный зов», либо узнать, что они приписаны американскому разведчику? Справедливость слов проверяет жизнь, а она более века системно, методично, с последовательностью, достойной иного применения, каждым днём дописывает новые страницы в реализацию этих литературных сценариев развития социума и человека в Отечестве нашем. И поиск альтернатив этому сценарию требует не локальных экспериментов или временных мер. Только последовательная тонкая и мудрая, но всесторонняя планомерная деятельность всех обеспечивающих социальных звеньев и институтов в масштабе Отечества же. Деятельность сплочённая и сплывающая. На условиях общенационального государственного интереса и системного подхода.

Как видим, художественный текст русской литературы и учитель словесности онтологически и по своей антропогенной роли и миссии сопоставимы и во многом изоморфны. Именно и только словесности, понимаемой как изначальное единство языка, литературы и риторики, подвластна актуализация всех антропогенных слагаемых русской художественной модели мира, в том числе важнейшей для образования и его технологии компоненты – риторической. Именно риторика всегда была воплощённой в слове частью духовного опыта нашего народа, как литература всегда была **совестью народа**, одной из тех **святынь**, в общении с которыми человек становился и чище, и лучше, к которой он относился с чувством поистине религиозным и которая позволяла ему почувствовать эмпирически (из читательского опыта сопереживания) и постигать интеллектуально-нравственно (осмыслив, приняв и поняв) духовный мир-космос человека и высочайшую философию его пространства любви. Основной и главнейший носитель этой человековедческой информации о культурологии, эстетике, этологии, этосе и логосе, русская словесность одновременно всегда была и высочайшим проявлением, и носителем, и законодателем эстетического кода эпохи – отечественного риторического идеала – и воплощала собою ментально и образовательно сущностное:

– **ауру творческого начала неприятия мещанского благополучия, грустной красоты, горького смеха, деятельной любви и действенной заботы, любви к униженным и оскорблённым, специфического облика природы и настроения народных песен;**

– **психологию отказа от привилегий; добровольного аскетизма, обязательного подвижничества для каждого «не пошляка» и подчинения личного блага благу общественному** [Венгеров 1993: 25].

И сегодня, с начала III цивилизации, в образовательных стандартах, моделях и стратегиях, соотносимых с названными мыслередеятельностными искомыми параметрами эпохи, она же, классическая сло-

весность, остаётся всё той же, причём уникальной и единственной, хранительницей ключей к Душе народной и воплощением этой Души, а ещё – и сознания человека, и самой ауры земли. Она же, классическая словесность, играет существенную роль **альтернативного антропоморфного и антропогенного сценария в сохранении и развитии человека, народа и народной Души**, насколько и какими бы исковерканными **их трансформерами** ни подменяли и ни позиционировали их ценностные подмены-заместители в рекламной, СМИ, теле-, видео- и/или шоу-поп-реализациях в качестве. Об этом сегодня солидарно говорят культурологи и Поэты [Князева 2001], специалисты по коммуникативным технологиям, риторике [Ворожбитова 2018], психологи и педагоги [Маркова 2002], социологи и филологи [Бурукина 2018] как о глобальных вызовах, угрожающих самому факту существования общества и человека, как когда-то почувствовал эти ментальные угрозы зарождения фашизма и бессилья перед ними интеллектуального общества и личности О. Розеншток-Хюсси [Розеншток-Хюсси 1994], выведя их через исследование речи и действительности грамматическим методом **современного социально востребованного варианта или типа ЯЛ, языкового сознания и культуры мысли и речи**. В таком, моделирующем, качестве русской словесности убеждают и математически рассчитанные матрицы современной ЯЛ во всех параметрах-измерителях её развитости [Севрук, Юнина 2000], большая часть которых отражает когнитивную и риторическую роль словесности, системы филологического обучения, прецедентных ЯЛ, научных и художественных текстов как антропогенный фактор, без учёта которого ЯЛ не может быть адекватна потребностям времени, социума, культуры и самого человека. Перечислим их, равно значимые и не выполнимые без сознательного профессионального участия ЯЛ и РЛ словесника. Это **уникальность**, т.е. умение строить речь в соответствии со своей индивидуальностью (индивидуальная манера речи, индивидуальный стиль речи), что проявляет единственность, неповторимость говорящего субъекта, его непохожесть на других; **осознанность**, т.е. умение говорить со смыслом, наполнять каждое слово смыслом; **ответственность**, т.е. бережное отношение к языку, соблюдение чистоты языка, избирательность словоупотребления, осознанный отказ от использования языковых средств, загрязняющих речь (приблатнённого жаргона и так называемой «фекальной лексики») при стремлении к соблюдению языковых и речевых норм; **диалогичность**, т.е. умение говорить так, чтобы через слово осуществлялось взаимоуважение, взаимообогащение, взаимопонимание, а человек научился «смирять свою власть над Другим» (М.М. Бахтин), способствовал открытости диалога, взаимной самореализации, созданию атмосферы сопереживания, сомыслия, сотворчества; **действенность**, т.е. умение перевести Слово в Действие, сделать слово действенным (прагматический аспект слова), и **эстетичность**, т.е. умение говорить красиво, со вкусом, так, чтобы Слово восхищало, возвышало, доставляло удовольствие, вызывало любованье.

Транслировать же, являть собою, обеспечивать уровнем мыслительных, речевых, языковых и коммуникативных своих компетенций этот социальный, личностный, культурный источник, фактор и ресурс становления человека сегодня, как и всегда, – словеснику, современной креативной и влиятельной ЯЛ, т.е. обнаруживающей себя как личность риторическую во всех ипостасях своей профессиональной деятельности и за её пределами. Так жили и такими были для учеников и народа учителя в нашем Отечестве изначально, а потому потребовалось для дискредитации и разрушения этого образа и социальной роли особенно много самых «интересных» лживых «художественных», «культурных» сценариев, их пародийных и анекдотических кино-, видео-, теле-, интернет- и рекламных воплощений, мощной режиссуры, вплоть до новых образовательных стандартов, включающих борьбу с ненадёжностью личности учителя и за объективность системы оценивания – систему тестирования и ЕГЭ. Особенно грустно, когда таковым видят учителя словесности сами будущие словесники.

Заключение. Таким образом, как бы далеко ни уходил в своих креативных блужданиях-заблуждениях от «допотопных» – названы ли они оболганными, лапотными, совковыми, просто оскомину набившими – отечественных идеалов, стереотипов, идеологем и канонов поведенческих и языковых, реализоваться как творческая или креативная ЯЛ соотечественник наш может, только оставаясь в этом прокрустовом ложе русского менталитета, а не шагнув в свободу-анархию мыслеслова, подобно выпускникам одной из США г. Гродно, встречавшим первый рассвет взрослой жизни под трек Тома Джонса «Sex bomb», смело огласивши этим своим «гимном» в 3.30 окрестные микрорайоны, как бы в унисон с той самой ментальной бездуховностью, которую насаждают сегодня чёрная культура, реклама, теле-, видео- и интернет-образчики мира и человека...

От влиятельности ЯЛ словесника и от его мыслесловопоступков в совместной с учеником мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной творческой деятельности сегодня, как будет и завтра, зависит, останется ли русское языковое сознание мерилom этическим, эстетическим, нравственным, духовным русского человека, как это понималась всегда в Отечестве нашем и виделось лучшим из Словесников: «мы выросли в мировую литературную державу, и никто нашего ранга в ней не оспаривает. И тут мы можем быть патриотами, и даже шовинистами. С одним и тем же благоговением мы все одинаково можем преклониться пред великою литературою нашею, всегда уносящею в горные высоты духа, в мир несравненной красоты и художественной, и нравственной» [Венгеров 1993: 27]. Остаётся научиться встраивать органичной составляющей эту влиятельнейшую составляющую в наш мыслеречевой и речемыслительный опыт через систему филологического образования словесника, начиная с грамматики уровня семилетней ЯЛ школьника, продолжая ФР старшеклассника и студента, гармонизируя искомые миры и векторы мен-

тального развития человека и социума, помогая ЯЛ развиваться как риторической и найти себя в социуме и раскрыть социум для себя. Встраивать, чтобы не «зависнуть» в кресте реальности ментально в бессловесности безвременья и в вакууме пространства по отношению к картине мира и Истине, в том смысле, который вкладывал в это «зависание» О. Розеншток-Хюсси, от которого стремится отвести школу, общество и человека В.И. Тюпа и которое грозит самому факту биологического существования человека: «Реальное биологическое пространство имеет две стороны; и, когда мы говорим, мы сознаём его двойственность... Сейчас и здесь мы живём в двойственном времени и двойственном пространстве. И мы говорим, чтобы не растерять себя в напряжениях этого четырёхугольника... Для всего живого (не только для человека, но и для растений и животных) пространство – это конфликт внутренних и внешних процессов, время – это конфликт между ответственностью перед прошлым и будущим. Но посредством говорения (и вот это уже к растениям и животным не относится) человек может в каждый данный момент раздвигать границы внутреннего пространства, делая его всё более и более ёмким. Изучая грамматику, человек начинает создавать своё место в истории (назад), мире (наружу), обществе (внутри) и призвании (вперёд)» [Розеншток-Хюсси 1994: 55–58]. И далее, подытоживая, – о реабилитации Истины в развитие мысли о роли развитой РЛ учителя и ученика, о коллективной языковой личности реципиента и о РЛ, о креативном языковом сознании и о филологической риторике, о когнитивных сценариях и о педагогической филологической коммуникации, об образовательном дискурсе и о его продуценте, о тексте-интерпретации и о литературно-художественной деятельности учителя и ученика, перечитаем В.И. Тюпу: «Школа коммуникативной дидактики в классах, завершающих обучение, реабилитирует знание перед релятивизмом мнений (делающим и сам диалог фактически избыточным). **Истина – не фантом, но истина «присуща не самому бытию, а только бытию познанному и изречённому».** Поэтому истина существует для человека лишь во множестве своих версий. Подлинное знание – это область согласия, сфера согласуемости версий». Поэтому без сформированной и влиятельной РЛ словесника нет смысла искать, а тем более оценивать креативную ЯЛ ученика или студента – всё равно что искать в Маугли следы материнского языка, этологии, этики и эстетики человеческого поведения или дивиться странному миромоделированию молодёжным сознанием, бравированию сленгом, примитивизму в культуре «мыслесловопуступков» и недотекстам.

Библиография

- Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. – Гродно, 2003. – 519 с.
- Антонова С.М. Русское креативное сознание как предмет современного языкового образования в Белоруссии // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы Международной научной конференции (11–12 апреля 2001 г., Мозырь): в 2 ч. Ч. 1. – Мозырь: МозГПИ им. Н.К. Крупской, 2001. – С. 7–13.
- Бурукина О.А. Реклама как инструмент масштабного социокогнитивного воздействия на менталитет носителей русского языка // Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты. – 2018. – № 23. – С. 149–158.
- Венгеров С.А. В чём очарование русской литературы XIX века? (Речь, произнесённая в Москве 22 октября 1911 г. на праздновании столетнего юбилея Общества любителей российской словесности) // Русская словесность. – 1993. – № 2. – С. 22–27.
- Ворожбитова А.А. Литературно-художественная коммуникация в аспекте динамики дискурсивных процессов полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (лингвориторический подход) // Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты. – 2018. – № 23. – С. 27–31.
- Князева М.Л. «Чёрная культура» и светлый человек // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 97–101.
- Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Кн. 1, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии / Сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова. – В СПб.: при Императорской академии наук, 1748. – 316 с.
- Маркова Н.Е. Интервенция культур / Интернет-издание Вэб-Центра «Омега» – М., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/kulturint/Main.htm> (дата обращения – 04.12.2019).
- Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М., 1994. – 213 с.
- Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога: Психолингвистическое исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Воронеж, 2005. – 227 с.
- Севрук А.И., Юнина Е.А. Языковая личность и параметры её измерения // Словообразование и деривация в современных славянских языках: материалы Международной научной конференции. – Гродно, 2000. – С. 370–375.
- Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн. 1 / Т.В. Аржанцева, Г.Ю. Богданович, С.С. Дикарёва и др.; под ред. Г.Ю. Богданович. – Симферополь, 2017. – 382 с.
- Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. – № 1. – 1996. – С. 17–22.

**Риторика как основа современных учебных дисциплин
коммуникативной направленности в школе и вузе**

Ерохина Елена Ленвладовна

Московский педагогический государственный университет, Россия
119991, г. Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1
доктор педагогических наук, доцент
E-mail: el.erokhina@mpgu.su

Аннотация. В статье утверждается идея о том, что в основе всех современных учебных дисциплин коммуникативной направленности, реализующихся в программах общего и высшего образования, лежат принципы, категории, законы риторики. Данное утверждение подтверждено анализом конкретных примеров: «Русский родной язык» (в программах начального, основного, среднего образования); «Речевые практики» (программа бакалавриата МПГУ), «Педагогическое проектирование в филологическом образовании» (программа магистратуры МПГУ).

Ключевые слова: риторика, коммуникативная компетенция, коммуникативная культура.

УДК 372.881.1

**Rhetoric as the original basis of modern academic disciplines of communicative orientation
at secondary and higher schools**

Elena L. Erokhina

Moscow State University of Education, Russia
119991 Moscow, 1 Malaya Pirogovskaya, 1
Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: el.erokhina@mpgu.su

Abstract. The article argues that all modern educational disciplines of communicative orientation, employed in the syllabi of general and higher education, are based on the principles, categories, and laws of rhetoric. This thesis is substantiated by the analysis of specific examples: “Russian native language” (in primary, basic, secondary education syllabi); “Speech Practices” (undergraduate bachelor syllabus at Moscow State Pedagogical University), “Pedagogical Design in Philological Education” (master syllabus of Moscow Pedagogical State University).

Keywords: rhetoric, communicative competence, communicative culture.

UDC 372.881.1

Введение. В современных образовательных программах общего и высшего образования курс «Риторика», к сожалению, зачастую отсутствует. Однако наши наблюдения показывают, что, какой бы новый или обновленный курс, направленный на формирование коммуникативной культуры обучающихся, ни возникал, в его основе лежат принципы, категории, законы риторики. По существу, мы имеем дело с той или иной модификацией этого курса.

Материалы и методы. Методы исследования основаны на теоретических изысканиях в области педагогической риторики (В.И. Аннушкин, А.А. Волков, А.А. Ворожбитова, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладьяженская, А.А. Леонтьев, А.К. Михальская, И.А. Стернин и др.).

Главным методом настоящего исследования является сравнительный анализ. Именно сравнение (концептуальное, содержательное, методическое) новых учебных предметов и дисциплин с курсом риторики позволяет зримо представить особенности каждого сопоставляемого объекта и, вместе с тем, их типологическое родство, основанное на общем – риторическом – фундаменте.

Обсуждение. Для исследователей-речеvedов очевидно, что риторика обладает исключительной универсальностью и фундаментальностью: «риторика исследует многовековую культуру действенного слова, которая является частью нас самих...» [Марченко 2003: 154]. С методологических позиций ряд ученых признает риторику основой любого гуманитарного знания: «риторика вышла за рамки нормативно-технической дисциплины о способах и приемах конструирования текста и приобрела статус лингвофилологической дисциплины о коммуникативной природе культуры» [Анненкова 2012: 4]. Е.Н. Зарецкая связывает риторику не только с коммуникативным компонентом культуры, но и в целом с духовной культурой человечества: «риторика в широком смысле слова есть некий тип филологического мировоззрения, который составляет часть духовной культуры человеческой цивилизации», «является культурной основой знания и социальной деятельности», «соединяет человечество с историей культуры» [Зарецкая 2002: 3]. О.И. Марченко справедливо утверждает, что на протяжении многих веков риторика была нормой культуры,

одной из классических гуманитарных дисциплин, изучающей действующего речью человека и рекомендуемой правилами искусной, целесообразной и убедительной речи [Марченко 2003].

Сказанное в достаточной мере убедительно доказывает, что риторика, в каком бы трансформированном виде она ни была представлена в образовательных программах, является единственным систематическим курсом, направленным на развитие коммуникативно-речевых умений обучающихся и на формирование их коммуникативной культуры, в том числе в разных сферах профессиональной деятельности.

Раскроем данное утверждение на конкретных примерах. Наши примеры будут касаться как общего (школьного) образования, так и высшего. В виду вариативности образовательных программ высшего образования мы остановимся лишь на тех, которые реализуются в Институте филологии Московского педагогического государственного университета.

В учебные планы общеобразовательных организаций Российской Федерации с недавнего времени включен предмет «Русский родной язык». Многим участникам образовательного процесса он кажется абсолютно новым, учителя зачастую не понимают его задач, не видят его связи с основным курсом русского языка, не владеют методикой его преподавания.

А вместе с тем, при тщательном анализе программы этого курса [Примерная программа 2018: Электронный ресурс] легко прийти к выводу, что его основой является именно риторика, прежде всего, «Школьная риторика», разработанная и внедренная в школьную практику Т.А. Ладыженской. Связь этих курсов наблюдается при разнонаправленном сопоставлении целей, содержания, методических подходов к реализации.

Цели курса «Русский родной язык», как указано его разработчиками [Там же]: гражданское и патриотическое воспитание школьников; совершенствование их умений речевого взаимодействия, овладение языковыми, речевыми нормами и русским речевым этикетом; формирование текстовых умений, проектного и исследовательского мышления; развитие потребности речевого самосовершенствования. Не требует специальных комментариев тот факт, что эти цели основаны на целях обучения риторике.

Содержательные линии (блоки) этого нового курса – «Язык и культура», «Культура речи», «Речь. Речевая деятельность. Текст» – традиционно составляют содержание учебной дисциплины «Риторика».

Очевидно, что и методика реализации этого нового предмета невозможна без обращения к разработанным и многократно апробированным в школьной риторике практико-ориентированным способам речевого развития учащихся: риторическому анализу, риторическим задачам, риторическим играм и др. Поэтому те учителя, которые преподавали риторiku в школе, не будут испытывать проблем с реализацией нового учебного предмета «Русский родной язык».

Перейдем к примерам из образовательных программ высшей школы. В МПГУ, к великому сожалению, вот уже несколько лет не реализуется учебная дисциплина «Риторика». Тесно связанная с этой дисциплиной (по принципу: общая риторика – частная риторика) «Педагогическая риторика» преподается только студентам-филологам. Магистерская программа «Риторика и речеведение», которую много лет разрабатывала и внедряла кафедра риторики и культуры речи МПГУ, заканчивается в этом учебном году.

В обязательную часть учебного плана на всех направлениях и во всех профилях обучения в МПГУ с 2014 года введен курс «Речевые практики». Мы подробно рассматривали риторическую основу этого курса в наших работах [Ерохина 2016, 2018].

С 2018 года в Институте филологии реализуется магистерская программа «Педагогическое проектирование в филологическом образовании». Цель курса: подготовить высококвалифицированных, конкурентоспособных на рынке образовательных услуг педагогических кадров для учреждений образования, культуры и социальной сферы в области филологического образования; сформировать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции, определенные ФГОС ВО по данному направлению подготовки, а также систему фундаментальных знаний с учетом сложившихся в МПГУ научных школ; развить личностные качества, необходимые для осуществления профессиональной деятельности в соответствии с требованиями, запросами и вызовами современной системы образования.

Главная концептуальная идея этой программы: лежащая в основе риторики модель текстопорождения (от определения цели высказывания – к анализу коммуникативной ситуации, в которой эта цель должна быть реализована, – далее к выбору оптимальных средств для реализации цели – затем собственно к реализации – и к завершающей стадии рефлексии и самоанализа), по сути, является проектным способом решения любой задачи. Поэтому, обучая современного учителя-словесника основам проектного мышления и проектным технологиям (что заложено в профессиональном стандарте педагога), мы можем сделать это с наибольшей эффективностью, если обучим его именно риторике и педагогической риторике.

В перечне учебных дисциплин, входящих в нашу магистерскую программу, центральное место занимает «Риторический канон» – основа проектного подхода к осуществлению любой деятельности.

Помимо специальных дисциплин – «Теория проектирования», «Технологии педагогического проектирования», «Проектное и исследовательское обучение», магистранты осваивают риторические курсы: «Речевое воздействие», «Модели текстопорождения», «Конфликтология и речевая агрессия», «Теория риторической аргументации», а также курсы педагогической риторики: «Педагогические речевые жанры», «Коммуникативные аспекты инновационных процессов в образовании», «Приемы риторизации в образо-

вательном процессе», «Парное и групповое обучение», «Культурно-речевая среда образовательной организации».

Именно такой – риторический – подход к разработке и реализации магистерской программы «Педагогическое проектирование в филологическом образовании» позволяет не просто вооружить студентов, избравших педагогическое направление своей подготовки, набором современных образовательных технологий, а сформировать сильную языковую личность современного учителя [Ворожбитова 2003, 2012, 2013; Ерохина 2014].

Заключение. Таким образом, эффективное решение сформулированной в современных образовательных стандартах задачи развития коммуникативной компетенции обучающихся (ФГОС НОО, ООО, СОО, ВО) невозможно без теоретического осмысления и практической реализации концептуальных основ риторики. Поэтому не побоимся утверждать, что все рассмотренные нами в настоящей статье учебные предметы коммуникативной направленности в своей сущности являются ее производными.

Библиография

Анненкова И.В. Современная картина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – М., 2012. – 61 с.

Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2003. – № 3. – С. 134–142.

Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система. Принципы проектирования и опыт реализации. – М.: Изд-во «Флинта», 2013. – 316 с.

Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2012. – № 17. – С. 205–210.

Ерохина Е.Л. Адаптация студентов первого курса к образовательной среде университета: коммуникативный аспект: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Образовательное пространство в информационную эпоху» (International conference “Education Environment for the Information Age”) (EEIA-2018). – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО». – С. 441–451.

Ерохина Е.Л. Научно-практическая конференция школьников: состязание сильных языковых личностей // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 2 (30). – С. 185–188.

Ерохина Е.Л. Педагогический и академический дискурс: проблема преемственности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2016. – № 21. – С. 104–107.

Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

Марченко О.И. Риторика в контексте культуры: Введение в культурологию. Курс лекций; под ред. Ю.Н. Солониной, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 149–160.

Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования / Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию протоколом от 31 января 2018 года № 2/18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/registry/primernaya-rabochaya-programma-po-uchebnomu-predmetu-russkij-rodnoj-yazyk-dlya-obshheobrazovatelnyh-organizatsij-5-9-klassov/>

Когнитивно-дискурсивный подход в риторике: противодействие манипуляции

¹Козлова Елена Анатольевна
²Колесникова Ольга Ивановна

¹Вятская государственная сельскохозяйственная академия, Россия
610004, г. Киров, пр. Октябрьский, 133
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: elena.kozlova1234@mail.ru

²Вятский государственный университет, Россия
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
доктор филологических наук, профессор
E-mail: kolesn2006@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы использования риторической аргументации с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Согласно концепции авторов, общественные настроения, формируемые вследствие нагнетания страха, являются продуктом антириторической деятельности. Когнитивным основанием для аргументации признается пресуппозиционный фонд коммуникантов.

Ключевые слова: аргументация, пресуппозиции, когнитивно-дискурсивный подход, манипулирование, массовая коммуникация.

УДК 808.5

Cognitive discursive approach in rhetoric: Countering manipulation

¹Elena A. Kozlova
²Olga I. Kolesnikova

¹Vyatka State Agricultural Academy, Russia
610004 Kirov, Oktyabrskij Prospekt, 133
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Email: elena.kozlova1234@mail.ru

²Vyatka State University, Russia
610000 Kirov, Moskovskaya Str., 36
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Email: kolesn2006@yandex.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the problem of rhetorical argumentation from the standpoint of the cognitive discursive approach. According to the authors' conception, public moods formed as a result of fear escalation are a product of anti-rhetorical activity. The cognitive basis for argumentation is represented by the presuppositional fund of communication participants.

Keywords: argumentation, presuppositions, cognitive discursive approach, manipulation, mass communication.

UDC 808.5

Введение. Аргументация имеет большое значение во многих областях деятельности: науке, искусстве, образовании, обиходном общении. Во все времена она составляла существенную сторону интеллектуальной культуры любого общества. Риторика была первым научным направлением, связанным с речевым воздействием на основе использования аргументов, причем на первом этапе она являлась инструментом философии [Перельмутер 1980]. Философы-логики использовали риторику для обоснования своих теорий, но активно действовали и философы-софисты, которые сфокусировали риторические знания не на том, чтобы выявить истину или утвердить справедливость, а на том, чтобы добиться влияния и власти.

Таким образом, уже в античные времена риторика была инструментом воздействия, в том числе манипулятивного. Современные исследователи, предлагая различные классификации воздействия, как правило, включают в нее манипуляцию. В отличие от убеждения как воздействия, предполагающего влияние на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению, манипуляция трактуется по-разному. Это навязывание человеку своей воли путем надувательства или путем применения хитрых нечестных коварных средств [Де Джордж 2007], маскировка истинной коммуникативной интенции [Меньщикова 2016], воздействие на психику посредством обращения к образному мышлению [Хазагеров 2006].

Также обращают на себя внимание работы, в которых при исследовании речевого воздействия используются понятия «приемы», «тактики», «стратегии», «технологии». И.М. Дзялошинский выделяет следующие технологии коммуникативного воздействия: безопасные, относительно безопасные, опасные и высокоопасные. Манипулирование, наряду с технологией дезинформации, псевдологическими технологиями, а также технологиями психологического насилия, относится к опасным [Дзялошинский 2012]. Корректной и в то же время наиболее эффективной формой воздействия в большинстве работ признается убеждение. Аргументация не должна подменяться манипулированием, предполагающим скрытое внедрение в сознание адресата тех или иных идей, суждений или оценок. Как известно, эффективность манипулятивного воздействия напрямую связана с отсутствием у адресата защитной реакции, что может говорить о когнитивных сбоях в процессе интерпретации речи, в том числе из-за отсутствия риторических знаний о пресуппозициональном фонде адресата.

Материалы и методы. Для выявления признаков манипулирования мнением адресата в ходе аргументации следует обратиться к ее когнитивному аспекту, который основан на внимании к мыслительному содержанию работы адресата. Особенно актуален, по нашему мнению, синтез риторического и когнитивно-дискурсивного подходов к анализу речевой коммуникации. Риторика всегда рассматривала не только текст, но и речевую ситуацию, а также когниции, обращаясь к логосу. Она всегда была дискурсивна. Этот тезис постулируется в работе Г.Г. Хазагерова, который считает, что сближение с риторикой способно углубить понятие «дискурс» и стабилизировать его изучение [Хазагеров 2018]. Особое внимание она уделяла адресату/аудитории, системе ценностей ратора, а также аксиомам, сложившимся в его сознании или сознании всего общества (в том числе этическим нормам). Исследование речевого воздействия в лингвориторической парадигме связано с параметрами того или иного дискурса (см., например, [Колесникова 2019]) и отражаемыми в нем когнитивными процессами представления нового знания, его обоснования посредством тех аргументов, которые в данном дискурсе признаются наиболее оптимальными. Более глубоко оценить выводы адресата помогают методы когнитивной лингвистики, которая изучает соотношение между когнитивной структурой познания и единицами языка.

Обсуждение. Нельзя не согласиться с идеей развития риторического знаний путем обращения к важнейшим исследованиям в гуманитаристике. В связи с этим интересной представляется работа [Gonsalv 1998], в которой исследуются труды А. Арно и К. Лансло и их последователей. Главным посылом стала идея об овладении грамматикой как искусством для практических целей. Тексты должны не только генерировать интеллектуальный рост, но и «перемещать ум», вмешиваться в образ жизни: не только обращаться к разуму людей, но и влиять на их этос. По мнению автора, сейчас эта идея актуальна как никогда. В информационном обществе коммуникация стала рассматриваться как технологический процесс. Сегодня риторика отвечает за достоинство и общность устремлений человечества, а принадлежность к универсальному языковому сообществу не зависит от происхождения индивида.

Шагом вперед на современном этапе развития риторики является обращение к новым направлениям языкознания и других наук. В круг наук, объединяющихся с риторикой, входят логика, психология, психолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсология и другие.

Следует отметить, что некоторые исследователи высказывают мнение о том, что использование когнитивного подхода к аргументации неэффективно, так как ее когнитивные модели «базируются на предположении о том, что поведение адресата исключительно рационально и эмоциональные факторы никак не влияют на эффективность воздействия» [Пригарина 2015]. Напротив, все виды нашего восприятия, т.е. деятельности перцептивных механизмов человека, запускают разнообразные когнитивные процессы, и именно когнитивная лингвистика может дать ответы на сложные вопросы.

Выбор способов риторической аргументации, которая всегда представляет собой аргументацию с целью речевого воздействия (убеждения), зависит в основном от целевой аудитории: то, что принимается одной аудиторией, не будет принято другой. Главным в мотивации, на основании которой принимаются или отвергаются мнения, является ценностное суждение [Кащей 2012]. Подчеркнем, что ценностный слой (точки зрения, мнения, оценки) составляет часть пресуппозиционального фонда коммуникантов (фонда знаний, который предшествует коммуникации), к которому апеллирует адресант в аргументативном дискурсе.

Согласно принципу когнитивности [Evans, Bergen, Zinken 2007], в любых исследованиях необходимо опираться на данные о мышлении и мозге, полученные в различных научных областях. Так, термин «*пресуппозиция*» может трактоваться с точки зрения логики, философии, психологии и лингвистики. Пресуппозициональный аспект рассматривался в работах Г. Фреге [Frege 1977], Ч. Филлмора [Fillmore 1971], Д. Лайонза [Lyons 1977] и многих других ученых. Разграничиваются пресуппозиции семантические (отношения семантического следствия), прагматические (знания о том, что будет уместно в данной коммуникации) и логические (знания об операциях логического вывода). Важно отметить, что исследователи современного публичного дискурса высказывают мнение, что семантические пресуппозиции являются самым распространенным приемом языковой манипуляции (см. работы [Иссерс 2009], [Ларионова 2013], [Соскина, Сур 2013]), так как они обращены к бессознательному.

Процесс *убеждения* связан, главным образом, с прагматической и логической пресуппозициями. В работе [Козлова 2018] с позиций когнитивного подхода доказывался тезис о том, что для оценки убедитель-

ности высказывания важным представляется знание ценностей адресата. Под логической пресуппозицией мы понимаем знания индивида, связанные со способностью мышления к логическим операциям. Поскольку теория аргументации в риторике касается убеждения и логические следствия выстраиваются вокруг риторического тезиса (мысли, которой посвящаются все другие мысли-аргументы), то мы имеем основание говорить о *риторической пресуппозиции*. Такая пресуппозиция включает в себя знания о риторических способах доказательства и об ошибках в доказательстве тезиса. Среди когнитивных операций, имеющих отношение к риторической пресуппозиции, следует выделить узнавание «логического дезориентирования», т.е. преднамеренного нарушения логических связей при демонстрации в процессе аргументирования. Для психики адресата это крайне агрессивное вторжение в ментальную сферу адресата, особенно при «устрашении» («запугивании»).

С эволюционной точки зрения, страх помогает обращать внимание на опасность, активизирует человека, т.е. апелляция к данному чувству может быть оправданной. Однако зачастую в обществе сознательно нагнетается страх, имеющий иррациональный характер. В этом случае цель манипулятора, использующего недобросовестную аргументацию, – получение выгоды «для себя»: заручиться голосами избирателей, продать лекарственные препараты, настроить людей на одобрение военных действий. Так, например, потребность в войне против Ирака *должна была быть создана*, потому что эта война была неприемлема для граждан Соединенных Штатов, нерациональна. Почва для вмешательства была сформирована путем обнародования информации о постоянной угрозе терактов. Исследователь, обратившийся к данному прецеденту (см. [Stingl 2015]), считает, что использование иррационального страха членов общества создает этическую проблему. Однако он обвиняет в этом манипулятивном приеме риторику: с античных времен риторика связывает такой страх с политикой, а современная эпоха оттачивает этот инструмент манипуляции не только в сфере политики, но и в средствах массовой коммуникации, в экономике. Нельзя не отметить, что в рамках риторики, пусть не в глобальных масштабах, создается теория о противодействии манипуляции. Анализируя ошибки в доказательствах, любой человек, применяющий эту теорию, обнаружит нерелевантность аргументации адресанта и логических пресуппозиций адресата. Раскрывая логические связи в речи адресанта на основе своего логического пресуппозиционного фонда, в том числе знаний о возможных уловках, участник коммуникации приобретает возможность сделать вывод о наличии нечестных ходов оппонента.

Заключение. Этически несовершенной признается такая коммуникативная ситуация, которая порождает в обществе страх, а также недоверие к словам адресанта речи. Такой эффект создается во многом из-за манипулятивных технологий, применяемых в массовой коммуникации.

Риторический подход к коммуникации обязывает адресанта предъявлять аргументы, концентрируясь на логическом и эмоциональном воздействии одновременно, ориентируя это воздействие на систему ценностей адресата речи. Данное воздействие в риторике называется убеждением при условии, что данная коммуникация этична. Аргументативное воздействие через убеждение является более честным, открытым и в то же время эффективным, не вызывающим в обществе страха. Следовательно, если коммуникацию ориентировать на риторические знания, то она станет экологичной и не сможет вызывать массовых психозов и недоверия. Страх и недоверие в обществе являются продуктом антириторической деятельности.

Риторика должна использовать наработки всех наук, так или иначе соприкасающихся с коммуникацией. Особенно важен когнитивно-дискурсивный подход, так как когнитивная лингвистика изучает соотношение между когнитивной структурой познания и единицами языка, а дискурс ориентирован на конкретную языковую ситуацию, включающую в себя время, место, социальных участников и их когниции. В риторическое учение необходимо включить информацию о пресуппозициях.

Библиография

- Де Джордж Р. Деловая Этика. – М.: Прогресс, 2003. – 734 с.
- Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие. – М.: Флинта, 2009. – 224 с.
- Кашей Н.А. Современная риторика как методология убеждения // Вестник Новгородского государственного университета. – 2012. – № 67. – С. 45–48.
- Козлова Е.А. Пресуппозиции в аспекте речевого воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 103–111.
- Колесникова О.И. Прагматический аспект использования риторических средств в информационном медиадискурсе // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение. – М., 2019. – С. 130–134.
- Ларионова М.В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) // Вестник МГИМО. – 2013. – № 2 (29). – С. 220–224.
- Меньщикова Е.В. Прагма-коммуникативный анализ категории «речевое воздействие» в англоязычном интерперсональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2016. – 22 с.
- Перельмутер И.А. Греческие мыслители V в. до н.э. / История лингвистических учений: Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – С. 58–109.

- Пригарина Н.К. Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурса // Грани познания. – 2015. – № 1 (35). – С. 116–121.
- Соскина С.Н., Сур Е.И. Пресуппозиция как языковой индикатор манипулятивных высказываний // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 2. – С. 80–86.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 181–210.
- Хазагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. – М.: Европа, 2006.
- Хазагеров Г.Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 357–372.
- Evans V., Bergen B.K., Zinken J. The cognitive linguistics enterprise: an overview // The cognitive linguistics reader. London: Equinox Publishing, 2007. P. 2–36.
- Fillmore Ch.J. Verbs of judging: an exercise in semantic description // Studies in Linguistic Semantics. – London: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – P. 273–289.
- Gonsalv K. Mainberger. Grammatik, Logik und Rhetorik in Port-Roya // Логическое кантоведение-4: Труды международного семинара / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1998. – С. 119–138.
- Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – V. 2. – 897 p.
- Stingl R. Driving forces of a polic // The International scientific-practical conference «Discoursology: methodology, theory and practice», 2015. – С. 326–338.

**К вопросу о неопарадигматической интерпретации конфликта
классической риторики и неориторики: дискурс-анализ**

Мельник Ярослав Григорьевич

Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника, Украина
76018, г. Ивано-Франковск, Главпочтамт, а/я 59
кандидат филологических наук, профессор
E-mail: mel.jaroslav@gmail.com

Аннотация. В статье освещается проблема конфликта двух методологических подходов к интерпретации публичного слова – риторического и неориторического. Основное различие заключается в том, что классическая риторика оперирует такими базовыми понятиями, как «убеждение» и «влияние», которые исчерпали свой ресурс в XX в. В то же время неориторика стоит на позициях толкования слова и коммуникации как комплекса приемов, сориентированных на «интерпретацию», «актуализацию» и «адекватную аргументацию». Новый подход предусматривает окончательный разрыв с парадигмой традиционной риторики и допускает лишь частичное использование ее категорий. В основе нового принципа также лежат этическая норма, правовая интерпретация слова, толерантность, экология информационного пространства. Предпосылки для этого уже существуют, поскольку в прошлом веке созданы наработки в разных сферах гуманитарных знаний, которые являются концептуальной базой для создания принципиально новой парадигмы понимания и толкования слова и коммуникации как таковых. В наше же время распространены эклектические явления, подмена понятий и смешивание понятийно-терминологического аппарата. Именно они и становятся главным препятствием в процессах формирования новой этически выверенной коммуникативной среды. Самой яркой иллюстрацией этого противостояния является политический дискурс. Наша эпоха обозначена необходимостью осознания важности решения проблем размежевания классической риторики и неориторики.

Ключевые слова: риторика, неориторика, влияние, убеждение, методология.

УДК 808.5

**On the issue of neoparadigmatic interpretation of the conflict
between classical and new rhetoric: Discourse analysis**

Melnyk I. Yaroslav

Precarpathian National University named after Vasyl Stefanyk, Ukraine
76018 Ivano-Frankivsk, General Post Office, PO Box 59
Candidate of Sciences (Philology), Professor
E-mail: mel.jaroslav@gmail.com

Abstract. The article highlights the problem of the conflict between two methodological approaches in the interpretation of public word – classical and new rhetorical. Their main difference is that classical rhetoric employs such basic concepts as “persuasion” and “influence”, exhausted in the 20th century. Conversely, new rhetoric interprets the word and communication as a complex of techniques oriented to “interpretation”, “actualization” and adequate argumentation. This new approach provides for a final break with traditional rhetoric allowing only a partial use of its categories based on ethical standards, tolerance, and the ecology of the information space. The prerequisites for this trend were formed in the last century in various fields of humanitarian knowledge, creating a conceptual basis for the emergence of a fundamentally new paradigm of understanding and interpreting the word and communication as they are. Presently, we experience eclectic phenomena, the substitution of concepts and confusion of the conceptual and terminological apparatus which serve as the main obstacle for the formation of a new ethically verified communicative environment. The most striking illustration of this confrontation is political discourse. Our era is marked by the need to understand the importance of solving the problems of the separation of classical and new rhetoric.

Keywords: rhetoric, new rhetoric, influence, persuasion, methodology.

UDC 808.5

*Классическая риторика и убеждение в своем традиционном понимании являются формами насилия.
Интеллектуалы несут наибольшую ответственность за происходящие события.
Ноам Хомский*

Введение. Проблемы формирования информационного пространства, экологии когнитивной сферы и структура логосферы вообще в начале XXI в. сформировали предпосылки новой эпистемологии, новую концепцию человека говорящего. В значительной мере реконструкция логосферического пространства

опирается на философскую антропологию, которая сформировалась в середине XX в., а также на новые понятия и дефиниции, которые очертились в гуманитарной сфере к началу XXI в. [Крымский 1993: 5]. Кроме этого, на эволюционный процесс гуманитарной науки существенно повлиял крен в сторону интенсификации когнитивного сегмента нашей действительности, т.е. «человек познающий» частично вышел на новый уровень самоинтерпретации, и львиная доля ролевой детерминации лежит на создании нового типа информационного поля – это накопление информации, доступ к ней, возможность синтезировать ее. Т.е. всемирное информационное пространство в значительной мере определило дальнейший ход истории и повлияло как на когнитивно-гуманитарную сферу, так и на человека говорящего. С другой стороны, актуализировались такие категории, как «экология культуры», «экология человека», «экология сознания», «экология информационной среды» и др., являющиеся репрезентантами семантического поля «экология», которое, в свою очередь, переживает в наше время интенсивное расширение. Существенным образом влияют на знание человека о самом себе, культуре и пр. также социально-экономические процессы, контакт культур и языков, события на политической арене. Собственно говоря, в жизненном пространстве современности или на поле противостояний оказались достаточно антагонистичные и сложно компонируемые единицы. И тем не менее, они вступили в коммуникативный контакт, во многих случаях в жесткое противоречие [Мельник 2016: 205]. Речь идет о противостоянии естественных и гуманитарных наук, диссонансе социальных явлений и экономических процессов, нестабильности демографических динамик и постоянном балансировании современности между миром и войной, религиозно-мировоззренческом противостоянии, нестабильности духовно-эстетической сферы и пр. Преобладают в этом контексте такие свойства, как способность влиять на ход истории, на состояние человеческого посредственного сознания, роль которого не следует приуменьшать, поскольку эти факторы и их составляющая в выборах разного уровня и типа стали нормой нашей жизни и лидер (страны, партии, региона, фирмы и т.д.) играет заметную роль в эволюционной динамике. (В целом складывается картина, природа которой весьма близка к инфантилизму или эволюционному диссонансу.) Актуальными в этом контексте остаются вопросы роли и места разума, толерантной метаидеологии в этих процессах, а также их способность влиять на тактики и стратегии развития цивилизации. Точнее, речь идет о недостаточной степени участия высокоорганизованного, высококультурного и толерантного интеллекта в формировании ландшафта нашей действительности и его преобладании над неконтролируемо-стихийными тенденциями, в основе которых лежат хаос и деструктивное начало. Признаки последних категорий прослеживаются в политическом дискурсе, в экономических противостояниях, в подходе человечества к проблемам экологии окружающей среды, в решении вопросов энергетического обеспечения человечества и т.п. Яркой иллюстрацией такой алогичности нашей действительности являются хотя бы массовое исчезновение различных видов растений и животных, вынужденные ассимиляции народов и культур, проблема потепления климата (за которыми неизбежно грядут катастрофы планетарного масштаба), разного типа военные противостояния, религиозный антагонизм и т.д. И надо заметить, что все это происходит в начале XXI в., когда, казалось бы, человечество накопило достаточно знаний о мироустройстве, чтобы запустить механизм ручного, разумного и сбалансированного управления этими процессами. И как следствие, современный мир балансирует на грани мира и войны, экономической, экологической, морально-психологической стабильности и хаоса. Иначе говоря, интеллект, высший разум, мудрость планетарного масштаба не выполняют своей исторической роли в организации нашей действительности. И это происходит на фоне мастер-класса планетарных катастроф, который предложил XX в. [Аджемоглу 2018: 99].

В поисках метрической единицы, толкования первопричин вышеуказанных явлений, а также возможного выхода из сложившейся ситуации обратимся к одной из множества субстанций, в которых скрыт ключик к пониманию проблем нашей действительности. Очевидным является то, что реалии, вызывающие оправданную тревогу, являются зеркальным отражением сложных пазлов и сформированных конфигураций, которые образовались в информационном пространстве.

При скрупулезном рассмотрении всей динамики, взаимной зависимости и детерминации всевозможных типов мутаций очертится доминанта программного образца, главными признаками которой будет необходимость системного исследования **информационного пространства как среды бытия человека** и необходимость **окультуривания** (этого пространства) и среднестатистического пользователя этим пространством (его самого массового обитателя). В связи с этим перенесем фокус наших рассуждений в плоскость, которую номинативно определим как «риторика» [Мельник 2012: 197].

Материалы и методы. Поскольку риторика в течение всей истории была синтетической дисциплиной и охватывала весь спектр знаний о человеке и мире, то очевидной является необходимость использования различных методов и приемов в решении определившейся проблемы. Общенаучные и частнонаучные методы: в частности анализа и синтеза, статистического анализа, обработки и систематизации знаний, моделирования ситуации, аналогии, наблюдения, описания, формализации, обобщения, дискурс-анализа и др. [Щедровицкий 1997: 17] – это неполный перечень методов, которые формируют методологический комплекс и которые позволят более-менее аргументированно определить параметры и координаты современной риторики. Материалом для анализа выступает целый комплекс явлений, который охватывает гуманитарную и естественноведческую сферы. Но фокус рассуждений будет направлен на культурологический, социально-политический, психологический, семиотический и культурно-языковой сегменты, поскольку при

наложении этих сфер знаний современный дискурс получает изометрическое и относительно объективное прочтение. Такие подходы позволяют увидеть в голографическом варианте комплекс проблем, при этом остаться в формате максимальной объективности. Важным в наших рассуждениях будет поиск сходств и различий и проведение демаркационной линии между двумя принципиально разными подходами к интерпретации языкового знака, коммуникации и механизму моделирования информационного пространства и культуры в целом. Для предложенной тематики актуальными являются типы наррации, прагматика, явные и скрытые программы, манипулятивные технологии, а также сознание и подсознание, коллективный разум, которые являются полями и объектами адресаций, всех типов коммуникаций и посылов.

Обсуждение. Дискурсология как определившаяся к началу XXI в. сфера знаний (вместе с ней нарратология, коммуникатология, теория коммуникативных актов, теория информационного пространства, теория манипулятивного воздействия, теория массового сознания и ряд других) в своем современном научном прочтении предполагает «перезагрузку» знаний и относительно новое прочтение как известных науке фактов и законов, так и новых явлений, которые очертились в рамках инновационных подходов. Эти подходы сформированы и эксплицируются разными теориями и концепциями [Языки и наука... 1995: 29–30]. Более того, о социокультурном феномене языковых фактов (знаков) в течение XX в. писали такие исследователи, как К. Леви-Стросс, Ф. де Соссюр, М. Бахтин, Р. Якобсон, Л. Ельмслев, Р. Барт, А. Греймас, К. Бремо, Ж. Деррида, Н. Хомский, Ю. Степанов и многие другие. Также более детально анализу феномены слова и коммуникации были подвергнуты в трудах Ч. Пирса, Ч. Морриса, Дж. Остина, Дж. Серла, Ж. Дюбуа, Х. Леммермана, Х. Перельмана, М. Фуко, У. Эко, Ц. Годорова и др. Следует обратить внимание на то, что предпосылки предложенных рассуждений сформировались и в отечественной науке, в трудах Н. Безменовой, В. Аннушкина, М. Гаспарова, Ю. Рождественского, А. Михальской, А. Волкова, Т. Хазагерова, А. Юниной, Д. Александрова, С. Аверинцева, Г. Сагач, Г. Почепцова, А. Ворожбитовой и др. Но, что очень важно, в течение последних десятилетий проблемы риторики все больше находят свои интерпретации в культурологическом ключе, в контексте функционирования правового поля, в формате экологии человека и социума, в ключе синергетических процессов, в футурологических стратегиях и пр. [Алефиренко 2012: 45; Крымский 1993: 69].

Риторика как наука сложилась в относительно стройную систему со своей парадигмой и терминопонятийным аппаратом в середине I тысячелетия до н.э. Она прожила сложную жизнь, и XX в. стал ее самой яркой эпохой, предоставив разные площадки и сферы для ее реализации – от научно-полемиического и академического дискурса до массмедийного и неополитического. Апофеозом последнего стала риторика А. Гитлера и других лидеров тоталитарных режимов, т.е. становится риторикой пропаганды всеобщей лжи и насилия [Препотенська 2011: 13]. Финальным и переломным этапом в судьбе классической риторики стал Нюрнбергский процесс, который осудил не только фашизм, но и фашистскую риторику (в наши дни такому осуждению подвергнуты многие исторические факты – от Хиросимы до международного терроризма).

Общеизвестным фактом является то, что с начала 50-х гг. прошлого века начинается новая эра не только философской антропологии, но и риторики (и других гуманитарных наук). В этом контексте следует заметить, что в течение двух с половиной тысячелетий содержательным, смысловым и программным эпицентром публичного слова были **влияние** и **убеждение**. Вокруг этих понятий формировалось целое информационное пространство, научно-философская парадигма, культурологическая концепция и, соответственно, методология, терминопонятийный аппарат. Законам классической риторики было подчинено и логосферическое пространство, доминирующий принцип которого заключается в том, что на риторическом ринге сталкивались две идеологии и две стихии, два научно-прикладных подхода, и побеждал не тот, на чьей стороне были правда, истина или научно выверенное мировоззрение, а та позиция, которая могла более изощренно использовать аргументы (даже фальшивые), была более изысканной и проворной в поисках слабых мест в системе обороны своих оппонентов, которая достигла совершенства в области словесной эквилибристики, в умении витиевато реагировать, убеждать, обороняться, нападать. В таком своем первоизданном (древнегреческом) виде риторика «дожила» до XX в., иногда переживая «косметический ремонт» или незначительные конструктивные изменения.

Риторика в XX в. и начале нынешнего не потеряла своей семантической и смысловой доминанты. Риторика в пределах отечественной и зарубежной науки трактуется как *«наука и искусство убеждающей коммуникации»* [Сагач 1993: 3]; *«умение убеждать – необходимое условие успеха»* [Шейнов 2006: 3]; *«умение говорить красно, хорошо, так, как нужно в данном случае»* [Александров 2002: 7]; *«умение говорить грамотно, убедительно»* или *«риторика – учение об убедительной, украшенной, эффективной и уместной речи»* [Аннушкин 2007: 7]; *«убеждения, как огонь, передаются от огня – от сердца к сердцу, из души в душу, из жизни в жизнь»* [Шведов 1986: 47]; *«это сила, с помощью которой удастся влиять на окружающий мир, менять его, реализовывать собственное видение жизни»* [Абрамович 2002: 3]; *«это наука и искусство (переубеждения) коммуникации убеждения»* [Молдован 1999: 3]; *«это вид общественно-политической и профессиональной деятельности, целью которой является целенаправленное влияние на массовую аудиторию средствами живого слова»* [Когут 2005: 3]; *«это наука воздействия на человека с помощью слова»* [Хазагеров 2002: 7]; *«это искусство красноречия, искусство грамотно, содержатель-*

но и увлекательно построить свое выступление и убедительно донести свои мысли... это средство культурного и духовного влияния на людей» [Вандышев 2003: 7] и пр.

На фоне предложенных дефиниций необходимо выделить другую группу определений, в которых убеждение как главный семантический признак редуцируется или исключается вообще, а также формируется положение о некорректности **убеждения и влияния** на слушателя – требование «говорить хорошо» в последнее время предается забвению, подменяется «способностью решать профессиональные вопросы любыми средствами, что само по себе ошибочно и даже безнравственно» [Далецкий 1996: 3]; «научиться общаться возможно только отказавшись от аксиомы «я прав» как незыблемой точки зрения» [Чибисова 2003: 6]; «мы переживаем инфляцию слова... слово должно быть мостом... а не стеной» [Леммерман 1997: 6]; «это наука об эффективной устной публичной, нехудожественной речи» [Далецкий 2004: 15]; «это такая речь, в которой сочетаются в гармоническом единстве: 1) мысль, смысловая насыщенность, устремленность к истине; 2) этическая задача, нравственная устремленность к добру и правде» [Михальская 1996: 7]; «это наука о речевой целесообразности» [Клюев 1999: 4]; «в условиях действия средств массовой информации и информатики требует эмпирического научного подхода... для проблематики, поставленной античной риторикой, стали изобретать новые имена вместо того, чтобы разграничить риторическую науку и искусство речи...» [Рождественский 1997: 83–84]; «учит служить добру, правде, счастью людей...» [Львов 1996: 3]; «Общественные задачи риторики состоят: 1) в воспитании ратора – достойного гражданина, компетентного в публичной речи...» [Волков 1996: 3] и т.д.

Идеи методологии и новой риторической парадигмы, а также осознание неориторики как нового типа дискурса и, соответственно, нового типа межличностных отношений и отношений «человек – общество», «человек – государство» пришло в мировое информационное пространство в 60–70-е гг. XX в. вместе с утверждением концепции неориторики.

Неориторика как новая научная парадигма начала свою жизнь в 50-х годах прошлого века, и начался поиск нового формата публичного слова. Тем более что телевидение, радиовещание, пресса и прочие виды публичного слова меняли культурный ландшафт и информационное мироустройство. Изначально неориторика «искала свое место» в плоскости художественного слова, определяла координаты и границы в новом информационном пространстве, но в 70–80-е гг. с развитием учений о языке, коммуникации, дискурсе определились новые культурно-пространственные параметры, а также функции публичного слова. Так, утвердился новый подход к риторике нового формата, а также очертились методологические рамки этих направлений. Они очень ярко манифестируются полемикой между Д. Карнеги и Э. Шостромом, которые сформировали диаметрально противоположные позиции человека говорящего: «человека-манипулятора» и «человека-актуализатора» [Українське мовознавство 2009: 317]. Теоретический базис новой риторики пополнился и фундаментальными исследованиями, в частности представителями Льежского университета, французской философской школы и др. [Дюбуа 1986: 10; Барт 1989: 306–307; Безменова 1991: 112–113].

В Западной Европе, в США и других странах периодически появляются научные труды, в которых осуществляются попытки более четко разграничить два типа дискурса и определить этические рамки «слова-убеждения» и «слова-сообщения». Одним из немногих трудов, где описаны свойства и идентификационные признаки «коммуникативного императива», «коммуникативной агрессии», является работа Б. Карстена «Черная риторика». Автор манифестирует и с высокой распределительной точностью системно представляет риторику влияния и убеждения, дав при этом точное определение, назвав ее «черной» [Бредемайер 2006: 19].

Начало XXI в. изобилует трудами в области социологии, социальной психологии, политологии и пр., в которых рассматриваются манипулятивные технологии, их предпосылки, условия и следствия. В этих исследованиях чаще всего осуществляется апелляция к коммуникативно-языковым средствам манипулятивных технологий [Кара-Мурза 2000: 7; Шкіцька 2012: 12]. Более того, в разных сферах современной гуманитарной науки заговорили о технологиях обмана, лжи. Современная система знаний определила эти явления в качестве самостоятельного научного направления [Экман 2012: 17].

На фоне непрекращающейся дискуссии вокруг методологической базы риторики и неориторики о функциях, задачах, программах и этических рамках слово в европейском и мировом научном пространстве сформировало учение о дискурсе и оценивается не просто как языковая единица или элемент коммуникации, а как **поступок**. Слово в поведении человека (независимо от ранга и статуса его носителя) определяется правовыми рамками, и выражение «правду, правду, только правду и ничего, кроме правды» становится коммуникативным идеалом, лейтмотивом и этическим стандартом. А влияние, манипуляция, убеждение, суггестия (и весь синонимический ряд) считаются этической аномалией и коммуникативным (поведенческим) преступлением. В этом контексте неориторика интерпретируется не как «набор коммуникативных средств и приемов с целью влияния на собеседника», а как «интерпретация, моделирование информационного пространства с целью постижения природы явлений и обсуждаемой проблемы» [Ерушевич 2005: 3–4; Безменова 1991: 113]. Отметим, что в этом направлении ведется интенсивная работа в большинстве цивилизованных стран – по определению этико-правовых рамок публичного слова и недопущения эксплуатации эвфемизмов с целью маскировки откровенной лжи, используя при этом термины и словосочетания такие как «ошибка», «точка зрения», «заблуждение», «субъективное мнение», «неточность»,

«статистическая оплошность», «специфика мировосприятия», «непроверенный факт», «эмоциональная реакция», «своеобразное видение», «особенность менталитета», «личное убеждение», «ошибочной ориентир», «ситуативная реакция», «коммуникативная неточность», «понятийный диссонанс», «тенденции времени», «вынужденная мера», «своеобразия мировосприятия», «коммуникативный сбой», «неполная проинформированность», «недостаточное откровение», «отягощенность жизненным опытом», «потеря способности объективного мировосприятия», «временная неспособность объективной оценки», «забывчивость», «специфика эпохи», «необходимость молчать», «общая тенденция», «дезориентация во времени», «выбор ложного ориентира», «выполнение инструкций или волей вышестоящего», «отсутствие искренности», «искренняя вера», «наивность мировосприятия», «религиозное убеждение», «нетрадиционное восприятие», «недостаточная искренность», «недоразумение», «случайное совпадение», «несоответствие прогнозам», «когнитивный диссонанс», «сбой в системе прогнозов», «несовпадение с логистическими расчетами» и т.д.

Следует заметить, что в сфере философии (философии языка, культуры, человека, психологии, коммуникации, неориторике и др.) наблюдается своеобразный ренессанс и осуществляется попытка «перезагрузить» неориторические знания и перенести их в эпоху информационной революции и глобализации, изучить механизмы влияния информации на эволюционную динамику и прогресс, экстраполировать человека с его миром в гроздь проблем, которые выдвигает эпоха компьютерных технологий. О кризисе и инфляции традиционной риторики с ее методологическим базисом говорили исследователи в течение всего XX в., но, как видим, процесс стагнации не сильно разрушил макиавеллические каноны классической риторики, поэтому она так востребована во многих политических и информационных системах планеты. И поскольку она обладает качествами воинствующего зла, то неориторические варианты интерпретации очевидной действительности слишком хрупки, чтобы выиграть спарринг с опытной и очень удобной риторикой **влияния, убеждения, пропаганды**, которой не свойственна «высокая духовная культура», «этика ответственности», запрограммированная на «шествие до победного конца».

Заключение. Очевидным является то, что начало XXI в. во многом не было прогнозированным теоретиками культуры и футурологами. Наша эпоха столкнулась с целым комплексом проблем, к которым мы не готовы. Эпоха глобализации и формирования всемирного информационного пространства выдвигает новые вызовы и требования к человеческому обществу. В комплексе этих вызовов отдельным и одним из первоочередных конгломератом проблем является четкое определение законов и правил, по которым будет организовано информационное пространство, следовательно, и человеческая действительность. Сужая тему разговора к конкретному предмету, определим: классическая риторика с ее константным базисом и устойчивыми традициями может только частично быть адаптирована к нашему времени, а в основе своей неориторика в обновленном, дискурсологическом варианте, этически выверенная, с четко сформулированной научной парадигмой должна быть в ближайшие десятилетия разработана и представлена в форме совершенной и стройной концепции, а также стать базисной средой в формировании цивилизации в XXI в. Новая идеология формирования коммуникативного и информационного пространств должна быть окончательно оформлена в теорию, разработаны инструментарий и система идентификаторов (узнавания и распознавания) и имплантирована в современную культуру, а потом, что очень важно, следует научить общество жить по законам нового, этически выверенного дискурса.

Библиография

- Абрамович С.Д. Риторика. Загальна та судова. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 416 с.
 Аджемоглу Д., Робінзон Д. Чому нації занепадають. Походження влади, багатства та бідності. – К.: Наш формат, 2018. – 440 с.
 Александров Д.Н. Риторика: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 624 с.
 Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 224 с.
 Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 288 с.
 Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
 Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991. – 215 с.
 Бредемайер К. Черная риторика: власть и магия слова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 224 с.
 Вандишев В.М. Риторика: екскурс в історію вчень і понять: навчальний посібник. – К.: Кондор, 2003. – 264 с.
 Волков А.А. Основы русской риторики. – М.: Изд-во филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 345 с.
 Далецкий Ч.Б. Практикум по риторике. – М.: Издательский центр АЗ, 1996. – 192 с.
 Далецкий Ч.Б. Риторика: заговори, и я скажу, кто ты: учебное пособие. – М.: Омега-Л, 2004. – 488 с.
 Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
 Єрушевич Г.Д., Мельник Я. Г. Вступ до риторики. – Івано-Франківськ: Плай, 2005. – 160 с.
 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
 Ключев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция: учебное пособие для вузов. – М.: Приор, 1999. – 272 с.
 Когут О.І. Основи ораторського мистецтва. Практикум. – Тернопіль: Астон, 2005. – 296 с.

Крымский С.Б., Парахонский Б.А., Мейзерский В.М. Эпистемология культуры: Введение в обобщенную теорию познания. – К.: Наукова думка, 1993. – 216 с.

Леммерман Х. Ученик риторики. Тренировка речи с упражнениями. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ; АО «Интерэксперт», 1997. – 255 с.

Львов М.Р. Риторика: учебное пособие для учащихся 10–11 классов. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 256 с.

Мельник Я.Г., Криворучко Н.В. Прологемени до українського дискурсу. – Івано-Франківськ: Вид-во Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника, 2012. – 260 с.

Мельник Я.Г. Риторика та неориторика: конфлікт методологій // Вісник Прикарпатського університету. Філологія. Вип. 44–45. – Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2015–2016. – С. 204–211.

Мельник Я.Г. Риторика та неориторика: проблеми методології // Українське мовознавство. Вип. 39/1, 2009. – К.: Київський національний університет імені Т. Шевченка, 2009. – С. 315–322.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.

Молдован В.В. Риторика: загальна та судова: навчальний посібник. – М.: Юрінком Інтер, 1999. – 320 с.

Препотенська М. Філософія риторики. Екзистенційні та метаантропологічні аспекти: навчальний посібник. – К.: Фірма «ІНКІОС», 2011. – 228 с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 600 с.

Сагач Г.М. Золотослів: навчальний посібник. – К.: Райдуга, 1993. – 378 с.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.

Чибісова Н.Г., Тарасова О.І. Риторика: навчальний посібник. – К.: Центр навчальної літератури, 2003. – 228 с.

Шведов И.А. Искусство убеждать: Ленинский стиль пропаганды и проблемы пропагандистской практики. Беседы о современном красноречии. – К.: Молодь, 1986. – 224 с.

Шейнов В.П. Искусство убеждать. – М.: Приор, 2006. – 304 с.

Шкіцька І.Ю. Маніпулятивні тактики позитиву: лінгвістичний аспект. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 440 с.

Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М.: Школа культурной политики, 1997. – 656 с.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.

Язык и наука конца 20 века. – М.: Российский гуманитарный университет, 1995. – 432 с.

**Лингвистический анализ художественного текста:
теория концептов и их языковые особенности**

Троцюк Светлана Николаевна

Российский государственный гидрометеорологический университет, Россия
192007, г. Санкт-Петербург, Воронежская улица, 79
кандидат филологических наук
E-mail: svetlana.trocuk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей художественного концепта как важной составляющей лингвистического анализа художественного текста. В частности, рассмотрена взаимосвязь между понятиями «текст» и «концепт». В работе представлена проблема теоретической интерпретации художественного концепта, связанная с существованием множества подходов к изучению данного феномена, а также с многогранностью его определений. Выявлены основные языковые особенности концепта в литературе: измерения (предметное, ценностное и понятийное), свойства и средства его репрезентации.

Ключевые слова: лингвистический анализ, художественный текст, концепт, художественный концепт, лингвистический подход, когнитивный подход.

УДК 81`4

Linguistic analysis of the belletristic text: Theory of concepts and their linguistic features

Svetlana N. Trocuk

Russian State Hydrometeorological University, Russia
192007 St. Petersburg, Voronezhskaya Str., 79
Candidate of Sciences (Philology)
E-mail: svetlana.trocuk@mail.ru

Abstract: This paper discusses the features of a belletristic concept as an important component of the linguistic analysis of a literary text with a special attention to the relationship between the notions of text and concept. The author dwells on the problem of theoretical interpretation of the belletristic concept, related to the multitude of approaches to the study of this phenomenon, as well as its multifaceted definitions. The article reveals the main linguistic features of the concept found in scientific literature: dimensions (objective, valuable and conceptual), properties and means of its representation.

Keywords: linguistic analysis, artistic text, concept, artistic concept, linguistic approach, cognitive approach.

UDC 81`4

Введение. В процессе порождения текста и его восприятия велика роль «коммуникативного потенциала слов, детерминированного речевой практикой», т.е. «закреплённой в сознании носителей языка потенциальной способностью слов прямо или косвенно соотноситься с определёнными ситуациями общения» [Болотнова 1992а: 27].

Лингвистический анализ художественного текста зачастую представляет собой достаточно трудоемкий процесс из-за высокого уровня писательского мастерства авторов текста, а также жанрового многообразия. Особенно актуальной данная проблема становится в условиях, когда не существует общепринятых и универсальных методик анализа. Некоторой опорной базой или константой в решении этой трудности может послужить анализ концептов, свойственных любому художественному тексту.

Методы и материалы работы. Художественный текст, его лингвистический анализ и интерпретация текстовых смыслов с использованием лексикографических источников и с применением методик текстовых парадигм (парадигмальной методики), компонентного и концептуального анализов.

Обсуждение. Представляя текст как сложное единство трех планов: «языкового оформления, смысловой структуры и предметного содержания» [Биева 1984: 5], для установления степени адекватности понимания текста нужно сравнить смысловое содержание воспринятого реципиентом текста с содержанием, передаваемым автором-коммуникатором: необходимо определить, во-первых, степень полноты и точности отражения в сознании читателя предметной ситуации, описанной в тексте (что соответствует уровню денотативного пространства текста), во-вторых, глубину проникновения в концептуальное пространство текста.

Перед тем как приступить к изучению языковых особенностей феномена «концепт», необходимо обратиться к понятию «текст». В контексте лингвистического анализа под текстом принято понимать речевое произведение, которое имеет прагматическую и информативно-смысловую сущность, является концептуально обусловленным и коммуникативно ориентированным [Болотнова 2008: 128]. Из данного определения следует, что концептуальная обособленность (наличие концепта) является одним из основных признаков текста.

Понятие «концепт» имеет очень широкое поле определений. В работе Ю.С. Степанова под названием «Константы: Словарь русской культуры» концепт описывается как существующий в человеческом сознании ступок культуры. С этой точки зрения, по мнению автора, концепт, с одной стороны, – это то, при помощи чего культура проникает в ментальный мир, с другой стороны, – это то, при помощи чего сам человек (не создатель искусства, а его потребитель) входит в культуру [Степанов 1997: 40].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт носит многомерный и многослойный характер, что объясняется его многовековым существованием – каждая культурная эпоха жизнедеятельности человека откладывает свой отпечаток, создавая обособленный слой концепта. Существует классификация слоев художественного концепта, предложенная лингвистом И.А. Тарасовой. По ее мнению, художественный концепт содержит в себе следующие слои: символический, ассоциативный и образный. В структуре художественного концепта можно выделить три следующих измерения:

- ценностно-оценочное: важность концепта как для отдельной личности, так и для коллектива;
- предметное: обонятельные, слуховые, вкусовые, зрительные, тактильные характеристики событий, явлений, предметов, содержащихся в памяти человека;
- понятийное: признаковая структура, описание, обозначение концепта, его языковая фиксация [Тарасова 2003: 75].

На сегодняшний день в лингвистической науке существуют три подхода к пониманию концепта, которые основываются на общем положении о том, что понятие «концепт» можно считать синонимом понятия «смысл». Во-первых, это лингвистический подход (Д.С. Лихачев, В.Н. Телия, С.А. Аскольдов), в рамках которого концепт рассматривается как алгебраическое выражение значения. Во-вторых, когнитивный подход (З.Д. Попова, Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац, И.А. Стернин), предполагающий, что в основе концепта лежат его ментальные характеристики. В-третьих, культурологический подход, представители которого (Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов) рассматривают культуру как совокупность множества концептов и их отношений.

В контексте лингвистического анализа художественного текста концепты могут быть охарактеризованы как универсальные элементы смысла, которые присущи исключительно авторскому видению и описанию действительности. С этой точки зрения совокупность художественных концептов представляет собой концептосферу, наделённую чертами языковой личности автора [Колесникова 2008: 15]. Иными словами, художественный концепт представляет собой эстетическую и смысловую категорию, которая содержит в себе литературный опыт, ценностную систему и мировоззрение создателя произведения, а также способствует образованию нового художественного смысла.

Особенность художественных произведений заключается в том, что буквальное значение перерождается в новое, что является предпосылкой и признаком создания нового художественного концепта. Таким образом, в тексте художественный концепт несет на себе функцию замещения. Основными свойствами художественного концепта являются следующие: а) избегание законов логики; б) отстраненность от реальной действительности; в) образность; г) направленность к потенциальному образу; д) склонность к эстетизму; е) неповторимость, индивидуальность [Черкасова 2005: 103].

Концепты имеют языковые особенности актуализации. Для их формирования и дальнейшего существования не требуется язык сам по себе. Он служит, скорее, для обмена концептами, их обсуждения в коммуникационном процессе. Для того чтобы процесс обмена и обсуждения стал возможным, необходима вербализация концептов посредством языковых средств. Изучению данных языковых средств (выражений) передачи концептов в когнитивной лингвистике отведено одно из центральных мест. Языковой особенностью концепта является то, что как составляющая концептосферы он не обязательно должен иметь языковое выражение. В различных коммуникативных ситуациях одни и те же выражения могут представлять различные признаки концепта. Языковые средства выступают в качестве инструментов вербализации, языковой объективации и репрезентации, когда концепт получает свое языковое выражение.

В языке концепт может быть выражен при помощи отдельных слов, словосочетаний, фразеологических единиц, предложений или целых текстов. На наш взгляд, чтобы передать конкретный концепт, который описывает некоторый устойчивый образ, достаточно употребить отдельное слово, значение которого активизирует этот образ. Но с усложнением передаваемого смысла появляется необходимость активизации дополнительных знаний (концептов) с использованием целых словосочетаний и предложений.

Для передачи более абстрактных концептов зачастую требуется достаточно подробное описание с использованием текстовых иллюстраций, словарных или научных дефиниций и т.д. Каждое слово при этом делает репрезентативной только отдельные части набора характеристик концептов, являющиеся значимыми для коммуникации. Посредством данных характеристик слово включает концепт в мыслительную деятельность, в результате чего обеспечивается доступ к активизации других концептуальных характеристик, не передающихся непосредственно этим словом. Наиболее часто функция представительства концепта в языке отводится слову, при этом само слово приобретает статус концепта – знака языка, который передает смысловое наполнение концепта адекватно и полно. Однако в качестве элемента лексико-семантической системы языка слово может быть реализовано только в рамках той или иной лексической парадигмы. Как правило, концепт соотносится более чем с одной единицей лексики. Какое именно словарное значение слова замещает собой концепт, становится понятно из контекста его употребления. Исследовательский интерес к изучению

концепта в литературе породил рождение целого направления, получившего название – концептуальный анализ. В рамках концептуального анализа посредством значений языковых единиц, которые репрезентируют тот или иной концепт, выявляются его концептуальные характеристики. Соответственно, в качестве объекта анализа выступают смыслы, которые передаются при помощи отдельных слов, словосочетаний, типовых пропозиций, отдельных текстов и даже произведений.

Под концептуальным пространством художественного текста пользующиеся этим термином учёные понимают «индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т.е. частный вариант концептуализации мира» [Бабенко 2000: 82], ключевой концепт которой представляет собой «ядро индивидуально-авторской художественной картины мира» [Бабенко 2000: 82]. Рассматривая текстообразующую роль концепта в художественном произведении, Т.А. Карпинец [Карпинец 2003: 7–8] характеризует это пространство с различных сторон: 1) как «явление разнородное, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам»; 2) как явление, сочетающее в себе знаковую и образную природу; 3) как явление, содержащее одновременно «общую идею» явления данного ряда в понимании определённой эпохи и этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея «зачинается» во множестве конкретных единичных явлений как «смысловая структура, разворачивающаяся в диапазоне от генотипа до стереотипа» [Карпинец 2003]; 4) как явление, существующее только в процессе коммуникации, которая приводит в движение пучок ассоциаций, представлений и чувств, существующих в национальном сознании или в подсознании и сопровождающих слово, действие, жест и целый фрейм, а потому реальное и виртуальное одновременно; 5) как смысл обозначаемого им феномена, не сводимый к словарному значению; 6) как часть целого (национальной концептосферы), несущего на себе отпечаток системы в целом; 7) как «объективно-субъективное и субъективно-объективное, коллективное, безличное и одновременно личностное ядро культуры» [Карпинец 2003: 8].

Представляется важным отметить, чем художественный текст отличается от текстов других типов. По мнению Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн, различие состоит в том, что язык художественных текстов иной, нежели тот, к которому мы обращаемся, строя другие типы текстов: «Художник слова пользуется общим языком, но для описания ситуации, посредством которой он выражает свою философию, свое понимание мира. Именно ситуация играет роль языка, выражающего некоторые общие идеи, представления автора о мире» [Мурзин, Штерн 1991: 19]. Как показывают исследования, «поворот лингвистики к целостному тексту как объекту исследования, а также рассмотрение его в теоретической среде антропологической лингвистики и когнитологии поставили учёных перед необходимостью исследования концептуального смысла текста» [Бабенко 2000: 77].

Заключение. Таким образом, существует множество определений понятия «концепт», что свидетельствует о его многогранности и многоаспектности. В настоящее время ведущими лингвистами продолжаются попытки систематизации имеющихся в данной области знаний и формирования единого подхода к лингвистическому исследованию художественного концепта. Однако пока не существует общепринятых методик лингвистического анализа подобного рода. Изучение художественного концепта позволяет несколько переосмыслить природу общекультурного концепта, потому как авторский концепт в значительной мере отличается от общеязыкового. Поэтому исследование и интерпретация именно художественных текстов позволяет наиболее полно рассмотреть природу художественного концепта в авторском, индивидуальном стиле его создателя.

Библиография

- Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 532 с.
- Биева Е.Г. Факторы, влияющие на понимание текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Биева Е.Г. – М., 1984. – 18 с.
- Болотнова Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста. – СПб.: Образование, 1992. – 55 с.
- Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008.
- Карпинец Т.А. Концепт как способ смысловой организации художественного текста (на материале повести А.С. Пушкина «Метель»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2003. – 19 с.
- Колесникова В.В. Художественный концепт «Душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар: КГУ, 2008. – 21 с.
- Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов: Саратовский государственный университет, 2003. – 280 с.
- Черкасова И.П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления: монография. – Армавир: АГПУ, 2005. – 256 с.

Тропеические средства как способ построения национально-культурной языковой картины мира

Чинлода Мадина Сулеймановна

Международный Кувейтский Университет, Киргизия
720022, г. Бишкек, ул. Эсенгула Ибраева, 6а
старший преподаватель
E-mail: mudeina@mail.ru

Аннотация. В статье представлено описание различных видов тропов, а также их отражение в литературе и в разговорной речи разных народов. На примерах можно увидеть, каким образом тропы не только лексически наполняют смысл и создают самые разнообразные, в том числе и сатирические, описания на разных языках, но и предоставляют языковой личности богатые возможности для конструирования ярких, привлекающих внимание экспрессивных выражений, в которых она (языковая личность) может отображать культуру, быт и цивилизацию своей нации. В результате мы можем углубляться в иную культуру с помощью изучения стилистических выражений в виде троп.

Ключевые слова: тропы, средства выразительности, метафора, метонимия, гиперболы, антифразис.

УДК 81'373

Tropes as a way of creating national cultural linguistic picture of the world

Madina S. Chinloda

Kuwait International University, Kyrgyzstan
720022 Bishkek, Esengul Ibrayeva Str., 6a
Senior instructor
E-mail: mudeina@mail.ru

Abstract. The article discusses various kinds of tropes, their reflection in literature and speech of different peoples. The examples show that tropes not only render sense lexically creating various, even satiric descriptions, in different languages, but also provide a linguistic personality with a wide range of opportunities of creating bright, attractive, expressive phrases which render culture, life, civilization of the whole nation. Consequently, we can go deeper into another culture with the help of research of such stylistic devices as tropes.

Keywords: tropes, means of expressiveness, metaphor, metonymy, hyperbole, antiphrasis.

UDC 81'373

Введение. Особенность современной науки о языке – выдвижение на первый план человеческого фактора при его описании, пристальное внимание к языковым средствам, выражающим коннотативные оттенки языковых значений. Такой поворот в языкознании обусловлен тем обстоятельством, что язык является важнейшей характеристикой человека, его конституирующим признаком [Бейсембаев 2015: 14]. Исходя из этого положения, мы подчеркиваем не только ведущую роль коммуникативной функции языка, но и способность языковых средств актуализировать в сознании человека образное видение мира, имеющее в каждом языке свои национально-культурные особенности. К таким средствам относятся языковые единицы, в которых заложена функция оценки: язык и речь способны передавать взгляд, эмоции и чувства. Это обстоятельство обуславливает наличие в языке ряда выразительных средств для создания образности и выразительности речи. К их числу относятся тропеические средства, которые помогают говорящему передать не только характер представляемого образа, но и тонкости своего душевного состояния для того, чтобы дать возможность собеседнику погрузиться в мир, представляемый им.

По мнению специалистов, тропы – это система специальных языковых средств, которые используются для достижения образности слова и выразительности текста. Образность слова связана с понятием многозначности, или полисемии [Крылова 2016: Электронный ресурс]. Появление переносных значений у слова – это результат процесса вторичной номинации, когда слово, уже имеющееся в языке, вновь используется говорящим для обозначения других понятий. К примеру, в киргизском языке слово *этек* имеет значение «подол». Этим же словом называют основание горы – *тоодун этеги*. В арабском языке словом *رأس* «голова» называют начало года *رأس سنة*. Переносные значения, составляя основной компонент многозначного слова, способствуют появлению различного рода троп, создающих образный смысл, благодаря чему выстраивается многогранная красочная картина мира. В языковой науке выделяют следующие виды троп: эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, оксюморон, метонимия, синекдоха, гиперболы, литота, перифраз, фразеологизм. Они же, в свою очередь, классифицируются по сходству, смежности и контрасту.

Материалы и методы. Основными источниками данного исследования послужили научные труды, раскрывающие понятия основных видов тропов, а также их отображение в произведениях художественной литературы. Работа над статьей основывается на совокупности исследовательских методов, в том числе компаративного анализа, дискурсивного анализа, а также методов категоризации понятий, концептуализации и обобщения.

Обсуждение. Метафора (от древнегреческого языка «перенос», «переносное значение») – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака. А.А. Реформатский описывает метафору, как «...самый типичный случай переносного значения» [Реформатский 2001: 83]. Писатели очень часто отображают картину с помощью метафорических переносов. Их обилие в художественном тексте, по мнению Н.Д. Арутюновой, связано с тем, что поэт старается оттолкнуться от обыденного взгляда на мир, представить что-то в необычном и непривычном для широкой публики свете [Арутюнова 1990: 5–33].

В арабской культуре еще с древних времен принято оценивать человека по его окружению. Автор следующих строк, гордясь самим собой, пишет следующее:

الخيل و الليل و البيداء تعرفني و السيف و الرمح و القرماس و القلم
И лошадь, и ночь, и пустыня меня знают, и меч,
и копьё, а также бумага и письменная трость.

Здесь под словом الخيل (пер.: лошадь) подразумевается сила, указывая на то, что автор является сильным человеком. Ночь в бескрайней пустынной местности арабов известна не только своей красотой, но и опасными случаями. Поэтому только бесстрашные всадники могут выезжать из дома ночью. Слово الليل (пер.: ночь) в этом стихотворении символизирует бесстрашие. По мнению древних арабов, пустынные люди отличаются умом, т.е. слово البيداء (пер.: пустыня) описывает человека как обладателя ума. السيف (пер.: меч) и الرمح (пер.: копьё) – это атрибуты воина, а القرماس (пер.: бумага) и القلم (пер.: ручка) – атрибуты поэта или писателя, который отличается от остальных людей своей интеллигентностью. Таким образом, автор строк, перечисляя «свое окружение», называет себя не только сильным, бесстрашным воином, но и умным и интеллигентным человеком.

Луна будет *улыбаться* весь вечер (А.П. Чехов). Слово *улыбаться* в русском языке имеет значение «улыбкой выражать какие-л. чувства, отношение к кому-, чему-л.». Используя это слово в данном контексте, писатель олицетворяет луну, благодаря чему создается образное и яркое представление.

Подобные тропы можно привести и на материале арабского языка. К примеру, الشمس تضحك, что значит «солнце улыбается», или الرياح تلعب بالرمال т.е. «ветер играет с песком», النجوم تتكلم «звезды разговаривают». Известный арабский поэт Юсуф Гасуб (يوسف غصوب) описывает осень следующим образом:

نثر الخريف على الثرى أوراقها فتناثرت كتناثرت العبرات
Осень разбросала свои листья на влажную землю,
И падали они (листья) так, словно падали слезы.

Обратим внимание на то, что персонификация природных явлений, сравнение их с человеком придают описываемой ситуации живую образность. В киргизском языке сен нурлуусуң в дословном переводе означает «ты сегодня светишься».

Как мы видим, используя метафору, речь обретает особый окрас. Недаром еще со времен Аристотеля метафора служила украшением речи. Отголосок метафоры можно увидеть и в других тропах, например, в эпитете, где «... стихия обретает свои законченные, устоявшиеся формы и краски, получая их в результате когнитивной, эстетически опосредованной деятельности личности» [Никитенко 2016: Электронный ресурс]. Т.е. этот вид троп появляется посредством того, что автор многократно отражает объект, находя новые соответствующие реальности фразы, выражая признаковые особенности окружающего мира. Например, в древнем арабском мире не принято было посвящать любимой девушке стихи. Дабы не покрыть любимую позором, арабы в своей поэзии применяли такие эпитеты, как «луна», «роза», «пальма».

أ لا يا نخلة من ذات عزّي عليك رحمة الله و السلام
О, пальма, обладательница прекрасной родословной!
Да будет с тобой милость и благословение Аллаха!

Регулярное использование сравнений приводит к появлению устойчивых эпитетов: в русском языке *красна девица*, *ясный месяц*, *трескучий мороз*, в киргизском языке *акыл карачач*, что значит «умная девушка». Не менее ясно отображает истинность происходящего метонимия, который создается способом вторичной номинации по смежности [Жеребило 2010: 196]. Во всех языках этот вид тропа широко используется как в публицистических, так и в художественных текстах. Выражение أنقذت رقبتك من مشنقة – «Я спас его шею от виселицы», т.е. спас жизнь человека. Особо отличаются спортивные страницы арабских СМИ, например, النسور الخضراء تكتفي بهدفين في شبك مدغشقر [Аль-Халидж 2010] т.е. «зеленые орлы (сборная Нигерии по футболу) довольствуются двумя голами в ворота Мадагаскара».

Одной из разновидностей и модификаций метонимии является синекдоха, троп, который основан на переносе наименования предмета или его части на целое и наоборот. Так, отзываясь с похвалой в адрес кого-либо, арабы говорят: 'فوق كلّ رأس', что в буквальном переводе значит «над всеми головами», предназначая эту фразу умельцам своего дела. Другим тропом является аллегория, или иносказание [Бейсембаев 2015: 27], в основе которого лежит художественное выражение идей, отвлеченного понятия посредством образа или диалога. В качестве тропа часто находит свое место в баснях, притчах, моралите. Например, «царство Морфея – сон»; «объятия Аида – смерть». Подобный пример можно найти в арабском языке: 'إيد الحرّ ميزان', что в переводе означает «руки благородного человека – весы» [Бадиу 2004: 40].

К следующему виду тропов относится гипербола, благодаря которой создается образное выражение, основанное на преувеличении свойств описываемого. В арабской поэзии автор следующих строк описывал свое положение следующим образом:

أنا الذي نظر الأعمى إلى أديبي و أسمعت كلمتي من به صمم
Я тот, которого увидит даже слепой,
а слова мои услышит глухой.

Этот стилистический прием вошел в широкое применение не только в художественной литературе, но и в повседневной жизни. К примеру, выражение на арабском языке «сто раз тебе говорил» вошло в повседневную речь и арабского языка *قلت لك ألف مرة* [Баранов 1981: 968]. Пожалуй, среди любых народов найдется такая категория людей, которые отличаются от других тем, что любят чрезмерно «приукрашивать» речь, преувеличивая смысл слов. Среди арабов таких людей описывают фразой *إذا وجد برغوثًا يسمعون فيلًا* (пер.: когда находит блоху, другие слышат, что нашел слона). Дунгане, когда видят старую вещь, выражают свои эмоции фразой: *джибби джиши неди*, что в переводе означает «столетней давности». Противоположным гиперболе тропом является литота, которая, наоборот, основывается на преуменьшении. Гиперболу и литоту объединяет общее свойство – отклонение от реальности, что создает в сознании человека необычность и коллизию образов, усиливающих выразительность речи.

Ирония, или антифразис, вносит в содержание слова и выражения некий подтекст, заключающий в себе иронический смысл противоположного характера [Крылова 2016: Электронный ресурс]. Примером из арабского языка могут служить строки великого арабского поэта своего времени Аль-Мутанабби:

إذا استوت عنده الأنوار و الظلم

И стали одинаковым для него тьма и свет.

Эти строки автор адресовал своему обидчику, высмеивая несправедливое отношение к себе. Т.е. человек, который не может различить тьму от света, не может быть справедливым в своих поступках и действиях. Этот вид тропов применим как в художественной литературе, так и в повседневной жизни. Например, в киргизском языке фраза: *чоң киши болуп калган турбайбы!* (пер.: какой большой человек идет!) используется в отношении ребенка. В русском языке выражением «Пожалуйте в мой дворец!» может описываться небольшая комната. В дискурсе на дунганском языке нередко к тем, кто живет близко от места приглашения, но сильно опаздывает, могут обратиться *йэнтфы ки лэли* (пер.: приехали гости изда-лека). В арабском языке фразой *تمخض الجمل فولد فأرا* (пер.: испытал тяжелые роды верблюд и родил мышку) высмеивают людей, которые ставят перед собой грандиозные планы, но ничего не делают. В данном антифразисе сопоставляются размеры верблюда и мыши.

В отличие от иронии, которая основывается на контрасте, перифраза строится на тождестве. Она также определяется как «иносказательное описательное вторичное наименование денотата, имеющее информативный и суггестивный характер и передающее прагматическую информацию о предмете речи» [Сиривля 2007: 167]. Этот троп художественной речи легко узнается по его характерным признакам, ведущим из которых является не прямое описание объекта. Как правило, это прецедентные высказывания, которые узнаваемы всеми членами языкового коллектива: *черное золото* «уголь», *корабль пустыни* «верблюд», *страна восходящего солнца* «Япония», *страны Магриба* (Марокко, Алжир, Ливия, Тунис). К таким перифразам в арабском языке можно отнести 99 имен Аллаха: *الرحيم* «Милосердный», *الغفور* «Прощающий», *التواب* «Принимающий покаяние», *الودود* «Дарующий» и т.д. В стихотворении на дунганском языке с помощью таких перифраз, как *нисы води цын* (пер.: ты мое сердце), *йучи дзусы ни* (пер.: ты являешься счастьем), *джыши дзусы ни* (пер.: ты являешься искренностью), описывается мама. Как видим, использование перифраз оживляет речь, делает ее разнообразной, образной и более выразительной.

Заключение. Тропы относятся к числу языковых универсалий, присутствующих во всех языках мира. В каждом из них они имеют неповторимый национально-культурный колорит, используются в качестве эффективного средства для создания выразительности и образности речи. Они рождают в сознании носителей языка яркие образы, необычные ассоциации, делают речь красочной, сочной и богатой, а иноязычного читателя погружают в иную языковую картину мира, позволяя ему почувствовать и понять, что существуют и другие взгляды на человеческие ценности.

Библиография

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
 Баранов Х.К. Русско-арабский словарь. – М.: Русский язык, 1981. – 968 с.
 Бейсембаев А.Р., Кривенко Г.А. Лексико-грамматические маркеры текстового эгоцентризма. – Павлодар: Типография Сытина, 2015. – С. 14–27.
 Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
 Крылова М.Н. Тропы, основанные на контрасте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tropy-osnovannye-na-kontraste>
 Никитенко Л.И. Эпитет и его функции в поэзии Н.С. Гумилева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/epitet-i-ego-funktsii-v-poezii-n-s-gumilyova>
 Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 83 с.
 Сиривля М.А. Перифраз как экспрессивное средство языка газеты: семантико-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 193 с.
 د. إميل بدیع يعقوب. الأمثال الشعبية اللبنانية. مكتبة السائح. – طرابلس، لبنان. – 2004. – 200ص.
 (Ливанские народные пословицы. Эмиль Бадиу Якуб. – Ливан: Тараплас, 2004. – 200 с.).
 مصر، الصحيفة الرياضية الخليج 2010 سبتمبر 7 الموافق 1431 رمضان 28،
 (Спортивно-обозревательная газета «Аль-Халидж». – Египет, 7.09.2010).

Раздел 2.
Антропоцентрические аспекты лингвориторической парадигмы

Part 2.
Anthropocentric aspects of the linguistic paradigm

Формирование вторичной языковой личности в процессе изучения русского языка
как иностранного (на примере работы с безэквивалентной лексикой)

¹Ванюшина Наталья Анатольевна

²Дмитриева Ольга Александровна

¹Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Россия

117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

кандидат филологических наук

E-mail: wanjuschina@yandex.ru; navanyushina@pushkin.institute

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400066, Волгоград, пр. Ленина, 27

доктор филологических наук, профессор

E-mail: dmoa@yandex.ru; dmoa@vspu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития вторичной языковой личности в процессе обучения иностранному языку. Безэквивалентная лексика выступает в качестве примера уникальности культуры страны изучаемого языка, работа с которой способствует формированию лингвокультурологической компетенции. В качестве выводов приводится методика работы с безэквивалентной лексикой, подчеркивается необходимость детального объяснения лексического значения, сочетаемости, наличия или отсутствия стилистической маркированности вводимых единиц, с целью исключить ложную трактовку понимания и последующие ошибки. Акцент делается на необходимость воспитать толерантное отношение к ценностям новой культуры и успешное включение студентов в процесс межкультурной коммуникации в рамках основной работы по формированию вторичной языковой личности.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурологическая компетенция, вторичная языковая личность, безэквивалентная лексика, лакуна, культура.

УДК 378.147

Formation of secondary linguistic personality in the process of learning Russian
as a foreign language (a case of teaching non-equivalent vocabulary)

¹Natalia A. Vanyushina

²Olga A. Dmitrieva

¹Pushkin State Russian Language Institute, Russia

117485 Moscow, Akademika Volgina Str., 6

Candidate of Sciences (Philology)

E-mail: wanjuschina@yandex.ru; navanyushina@pushkin.institute

²Volgograd State Social Pedagogical University, Russia

400066 Volgograd, Lenin Ave., 27

Doctor of Sciences (Philology), Professor

E-mail: dmoa@yandex.ru; dmoa@vspu.ru

Abstract. The article discusses the formation of secondary language personality while teaching a foreign language. The non-equivalent vocabulary serves as an example of the uniqueness of the culture of the country of a studied language, contributing to the formation of linguistic and cultural competence. The paper discusses the methodology of work with non-equivalent vocabulary with a special attention to the explanation of the lexical meaning, compatibility, presence / absence of stylistic markedness of the introduced units so as to exclude a false interpretation of the understanding and subsequent errors. The emphasis is laid on the need to foster a tolerant attitude to the values of a new culture and successful students' inclusion into the process of intercultural communication in the framework of forming a secondary linguistic personality.

Keywords: Russian as a foreign language, linguocultural competence, secondary linguistic personality, non-equivalent vocabulary (specific vocabulary), lacuna, culture.

UDC 378.147

Введение. В настоящее время всемерной глобализации актуальными являются вопросы как поиска и разработки унифицирующих систем, так и возможности сохранить уникальность и самобытность каждой нации. Язык может выступать как объединяющая платформа, стоит вспомнить идеи эсперанто, так и культурным кодом нации, подчеркивающим ее неповторимость. Поскольку идеи единого мирового сообщества являются на данный момент развития лишь утопиями, следует обратить внимание на возможности языка влиять на формирование личности. Уровень распространенности языка за пределами страны и интереса к его изучению являются наглядным доказательством авторитета государства на мировой арене. Следовательно, распространение русского языка и культуры необходимо рассматривать в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов в мире и повышения несырьевого экспорта Российской Федерации.

Обучение русскому языку как иностранному строится согласно Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утвержденной Президентом Российской Федерации, Федеральному закону от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», указу Президента Российской Федерации от 6 июня 2011 г. № 705 «О Дне русского языка», а также других нормативно-правовым актам в этой связи. Изучение русского языка зарубежными учащимися, знакомство с богатейшей русской культурой и реалиями жизни способствуют формированию положительного отношения к стране представителей мирового сообщества, укреплению позиций страны и расширению российского присутствия на международной арене.

Материалы и методы. Обучение языку и формирование вторичной языковой личности в качестве конечной цели невозможно представить в отрыве от знакомства с культурой, современными реалиями социальной жизни страны изучаемого языка. Изучение русского языка зарубежными учащимися, знакомство с богатейшей русской культурой и реалиями жизни способствует формированию положительного отношения к стране представителей мирового сообщества, укреплению позиций страны и расширению российского присутствия на международной арене. Включение в работу знакомства с безэквивалентной лексикой является одним из условий формирования лингвокультурологической компетенции иностранных слушателей. Стоит отметить, что методика преподавания в данном случае представляет наибольшую трудность, поскольку именно в реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой, появление новых объектов в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению языковых единиц [Абазова, Танашева 2016; Бакирова 2016]. Методика работы с подобной лексикой в практике русского языка как иностранного должна строиться с учетом языковой компетенции обучающегося, а также его возраста, уровня образования и общекультурных знаний, поскольку, прежде чем в полной мере понять значение той или иной единицы иностранного языка, у обучающегося должны быть соответствующие знания родного языка и культуры.

Обсуждение. В современной теории обучения русскому языку как иностранному очевидным является переход от развития только лишь коммуникативных умений к формированию возможности диалога культур, что является бесспорной необходимостью для успешного взаимодействия в современном поликультурном мире. Идеи формирования вторичной языковой личности в процессе обучения иностранному языку не являются абсолютно новыми, многие авторы посвящали свои работы рассмотрению этого вопроса (С.Г. Воркачев, А.Н. Плехов, И.В. Ружицкий, Ю.Н. Караулов, Л.П. Клобукова). Известный кинорежиссер Фредерико Феллини отмечал, что другой язык представляет собой и другое видение жизни. Нашей задачей мы видим описание работы с безэквивалентной лексикой как одного из наиболее продуктивных путей, способствующих формированию вторичной языковой личности.

Ошибочно было бы полагать, что изучение иностранного языка автоматически приведет к появлению новой языковой личности, поскольку ее образование проходит на основе осознанного формирования как вербально-семантического, так и когнитивного уровней. Учащийся должен быть открыт новой информации, иметь желание интегрировать получаемые сведения в структуру своих, уже имеющихся, знаний. Именно таким подходом и объясняется функционирование определения «вторичная», поскольку открывающаяся новая картина мира как бы удваивает уже имеющуюся. С другой стороны, это отмечает и наличие определенной иерархии в сознании индивида. Следовательно, успешность и быстрота протекания процесса формирования вторичной языковой личности напрямую зависит от имеющейся базы знаний и опыта межкультурного взаимодействия обучаемого. В задачи преподавателя русского языка как иностранного входит не только непосредственное обучение всем уровням языка, но и обеспечение максимально комфортных условий иностранному учащемуся для возможности «обрусеть».

При работе с безэквивалентной лексикой студент встречается с различиями и несовпадениями, которые объясняются уникальностью культуры, образа жизни и исторического развития разных народов, наиболее яркими примерами вербальной фиксации которых выступает фразеологический и паремиологический фонд [Алексеева 2015: 12–14]. Наличие культурных лакун обуславливает появление безэквивалентной лексики, поскольку подобные единицы представляется затруднительным семантизировать переводным способом ввиду отсутствия устойчивых лексических, а порой и смысловых соответствий в других языках [Moeller 2015: 12]. С точки зрения методики обучения русскому языку как иностранному, безэквивалентные единицы и обманчиво эквивалентные слова являются элементами, которые препятствуют полному пониманию не только текста, но и подтекста, способствуя возникновению ошибок у студентов. Од-

нако такая ситуация не только ведет к ошибкам, но и имеет образовательную ценность, привлекая внимание учащихся к историческим и национально-культурным особенностям страны изучаемого языка, она способствует обобщению языкового, речевого и культурного опыта, не только формируя речевые навыки, но и создавая общую лингвокультурологическую компетенцию у обучаемого [Абазова, Танашева 2016: 5]. Актуальность изучения безэквивалентной лексики в научно-методическом аспекте как одного из путей формирования вторичной языковой личности объясняется недостаточной разработанностью методических приемов по обучению, практике и контролю усвоения студентами рассматриваемого материала. Бесспорно, что именно национально-маркированная лексика, ярко демонстрируя специфичность национальной культуры мира каждого народа, служит формированию лингвокультурологической компетенции у студентов, изучающих иностранный язык [Fuchs 2012: 34–37]. В своей работе Л.Р. Бакирова выделяет несколько групп безэквивалентных языковых единиц, таких как имена собственные, одежда, обувь, украшения, предметы традиционного быта, музыкальные инструменты, мифологические и сказочные существа, еда и напитки, народные игры [Бакирова 2016: 172]. Все вышеперечисленные особенности описываемого пласта лексики обуславливают и особенности работы при ее изучении – невозможность семантизации с помощью буквального перевода, поскольку такие слова не имеют устойчивых соответствий в других языках, и с помощью приема подбора синонимов.

Говоря об особенностях обучения безэквивалентной лексике в практике русского языка как иностранного, мы считаем, что особое место среди методических приемов занимает культурологическое чтение аутентичных текстов, которое может выступать средством формирования социокультурной компетенции обучаемого [Шамзи 2016: 105–107]. Импликатуры культурного фона в семантическом составе данных лексических единиц являются важным шагом к пониманию концептосферы изучаемого языка, т.к. познание ценностей иноязычной культуры идет на основе знаковых концептов. Л.В. Макарова в качестве одного из средств формирования социокультурной компетенции при обучении безэквивалентной лексике выделяет культурологическое чтение как подвид изучающего чтения, направленного на выявление, интерпретацию фактов культуры. Автор описывает компоненты, способствующие эффективной работе: лингвистический компонент, предполагающий наличие в тексте актуальных аутентичных единиц; психологический компонент, указывающий на то, что восприятие и усвоение лексической единицы происходит не изолированно, а только на основе текста; методический компонент, подчеркивающий необходимость сформированности навыков усвоения новой лексики; социокультурный компонент, предполагающий отражение национального менталитета через актуализацию культурно специфичных концептов [Макарова 2009: 128–129].

Наиболее продуктивным способом введения новых безэквивалентных единиц и их последующей семантизации является представление в тексте. В качестве текстов могут быть использованы как аутентичные, так и специально составленные для этих целей образцы. Если преподаватель берет для работы аутентичный текст, то уровень грамматических и лексических трудностей должен быть сведен к минимуму, чтобы исключить ложное понимание лексической единицы, фокусируя внимание обучающегося только на этом. В учебном пособии безэквивалентная лексика сопровождается изображением, однако не лишним будет продемонстрировать слово еще раз другой картинкой или даже сразу несколькими, чтобы представление о предмете было более объемным и разносторонним. Не каждый обучающийся имеет хорошее воображение, чтобы домыслить изображение, поэтому нужно сделать значение слова максимально наглядным. Отдельно рассматриваемая изучаемая лексема должна быть связана в сознании учащегося не только прочными ассоциативными связями, но и эмоциональными. Если преподавателю удалось вызвать эмоцию, то такое, построенное на эмоциях, усвоение предложенного материала будет считаться наиболее прочным. Таким образом, если рассматриваемая безэквивалентная лексика для слушателя будет связана с какой-то эмоцией, то процесс освоения пройдет значительно быстрее, формируя устойчивый навык по употреблению данной единицы в реальной коммуникативной ситуации [Тимошенко, Садовская 2013: 42–45].

Упражнения в рамках безэквивалентной лексики должны быть максимально разнообразны не только по содержанию, но и по способу выполнения. Упражнения должны выполняться и самостоятельно, и парно, и в группе по два, три и четыре человека. Поскольку работа с безэквивалентной лексикой предполагает наличие определенного уровня владения языком, сформированности навыков самостоятельной аналитической работы, не является целесообразным заучивание готовых текстовых отрывков, поскольку самостоятельное включение в речь таких фрагментов может быть для студента проблематично в дальнейшем. Изучение безэквивалентной лексики представляет определенную трудность: если процент подобных слов превышает допустимый порог, то понимание и усвоение материала будет невозможно (возможное количество незнакомых слов оговорено Стандартами для каждого уровня). При работе обязательным является наличие образца выполнения действия, нужно дать грамматические характеристики описываемой единицы (род, число, особенности образования множественного числа, тип склонения, при работе с глаголом и глагольными формами – валентность) [Старук 2017: 15–16].

На начальном этапе работы языковые упражнения лишь демонстрируют вводимые новые единицы и отраженные с их помощью уникальные факты культуры страны изучаемого языка. Такие упражнения ставят своей целью формирование первичных лексических навыков, рассмотрение грамматических характеристик единицы, первичное закрепление без учета ситуативной/контекстуальной обусловленности реали-

зации смысла. Неразрывная связь безэквивалентной лексики и культуры страны изучаемого языка обуславливает и главные задачи этого этапа – демонстрацию преподавателем и последующее усвоение слушателями знаний о культуре, истории страны изучаемого языка, восприятие и осмысление информации о фактах культуры [Kissling, Klein 2016: 12–15]. На данной ступени обучения актуальными языковыми упражнениями выступают ознакомительные и семантизирующие (переводные и беспереvodные). Ознакомительные упражнения ставят своей задачей введение новой лексики, при беспереvodной семантизации происходит актуализация фоновых знаний, связанных с ней, вызов из памяти ранее изученной лексики. Поскольку работа идет с безэквивалентной лексикой, следует говорить о беспереvodной семантизации как оптимальном способе подачи информации. Бесспорно, такой вид является более энергозатратным, но имеющиеся достоинства метода это нивелируют. Монолингвальная семантизация, развивая сообразительность, способствует поиску, инициируя способность обучающихся находить ассоциативные связи между изучаемыми лексическими единицами, уменьшает возможность возникновения межъязыковой интерференции. Беспереvodная семантизация строится с учетом экстралингвистической информации [Гаврилова 2019: Электронный ресурс; Мироненко 2019].

Заключение. Изучение безэквивалентной лексики в практике русского языка как иностранного дает возможность иноязычным слушателям не только значительно обогатить лексический запас, но и сформировать лингвокультурологическую компетенцию, что в свете компетентного подхода в современном образовании является одним из главных моментов формирования вторичной языковой личности. Это расширяет имеющиеся знания о культуре и истории страны изучаемого языка, способствует воспитанию толерантного отношения к ценностям чужой страны, а также гармоничным образом включает студентов в процесс межкультурной коммуникации [Гуцина 2015: 79; Мизина 2019: Электронный ресурс]. Именно при изучении иностранного языка безэквивалентная лексика является ярчайшей иллюстрацией разнообразия языков и культур, поскольку в условиях одноязычной среды наличие подобных единиц не актуализируется. Введение новых лексических единиц должно начинаться с детального развернутого объяснения их лексического значения на изучаемом языке, в целях актуализации ранее полученных знаний в повествовании можно опираться на уже имеющийся материал [Klafki 2017: 20–22]. На данном этапе важно заинтересовать обучаемого, приводя яркие факты из истории или культуры страны изучаемого языка, тем самым способствовать появлению стремления к самостоятельному поиску. Объяснение лексического значения слова должно обязательно сопровождаться визуальными способами семантизации, необходимо выполнить ряд речевых упражнений для отработки реализации коммуникативного намерения в сложившейся ситуации [Scarino 2017: 325–326].

Таким образом, необходимость работы с труднопереводимыми или непереvodными единицами не вызывает сомнения, т.к., основываясь на современных стандартах образования и предъявляемых требованиях, важно сформировать у студентов не только коммуникативную, лингвистическую компетенции, но и культурологическую, а в совокупности – вторичную языковую личность.

Библиография

Абазова Л.М., Танашева Т.М. Формирование лингвокультурологической компетенции у иностранных студентов на уроках РКИ // Успехи современной науки и образования. – Кабардино-Балкария, 2016. – Т. 2, № 7. – С. 44–49.

Алексеева М.Л. Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе: исторический, теоретический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2015. – 420 с.

Бакирова Л.Р. Изучение безэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10 (64). – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 171–173.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Гаврилова И.В. Безэквивалентная и фоновая лексика на занятиях по русскому языку как иностранному в туркменоязычной аудитории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/108225/tyilvtm2016_96_99.pdf (дата обращения – 17.11.2019).

Гуцина М.А. Безэквивалентная лексика в преподавании РКИ // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. – Тула, ООО «ИПО С-Принт», 2015. – С. 78–80.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 6-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.

Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация: сборник статей. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 25–31.

Плехов А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Нижний Новгород, 2007. – 210 с.

Макарова Л.В. Культурологическое чтение аутентичных текстов при обучении безэквивалентной лексике как средство приобретения социокультурной компетенции // Теория и методика обучения и воспитания. – Вып. 27. – М.: «Альфа-Пресс», 2009. – С. 127–130.

Мизина А.Ю. Безэквивалентная лексика: трудности перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/92939/55-Mizina.pdf?sequence=1> (дата обращения – 18.11.2019).

Мироненко Е.В. Безэквивалентная лексика в обучении лингвокультурологической компетенции студентов-лингвистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pglu.ru/upload/iblock/229/uch_2009_viii_00006.pdf (дата обращения – 20.11.2019).

Ружицкий И. В. Концепция языковой личности: лингводидактический аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Словесник. Учитель. Личность» (Чебоксары, 20 ноября 2009 г.) – Чебоксары, 2009. – С. 12–18.

Старук М.М. Эвфемизмы в практике преподавания русского языка как иностранного // Международный журнал социальных и гуманитарных наук, 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 12–18.

Тимошенкова Г.Ю., Садовская Е.Ю. Формирование лингвокультурологической компетенции инофона на занятиях по РКИ // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2013. – Вып. 11. – С. 41–49.

Шамзи З.А. Дозирование безэквивалентной лексики как путь к оптимальной методике преподавания иностранного языка // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им М.А. Шолохова. – 2016. – № 3. – С. 104–110.

Kissling Beat, Klein Hans Peter Bildungsstandards auf dem Prüfstand – Der Bluff der Kompetenzorientierung: Auf dem Weg zum homo oeconomicus? In: PROFIL, Ausgabe 10/2016, – 58 p.

Klafki Wolfgang Neue Studien und Bildungstheoretische Didaktik. Zeitgemäße Allgemeinbildung und kritisch-konstruktive Didaktik. 6. Aufl. Weinheim/ Basel, 2017, – P. 18–35.

Moeller Aleidine J., Nugent Kristen Building intercultural competence in the language classroom // Unlock the Gateway to Communication. – Crown Prince, 2015, – P. 1–18.

Scarino A. Assessing intercultural capability in learning languages: A renewed understanding of language, culture, learning, and the nature of assessment. – The Modern Language Journal, 94(2), 2017, – P. 324–329.

Fuchs Oxana Entwicklung interkultureller Kompetenz in Deutsch als Fremdsprachenunterricht. – Göttingen 2012, – 228 p.

**Система упражнений для формирования поликультурной языковой личности
в современной компетентностной парадигме обучения устной иноязычной речи
(русский язык как иностранный)**

¹Вохмина Лилия Леонидовна

²Куваева Алёна Сергеевна

¹Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
E-mail: llvokhmina@pushkin.institute

²Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6
кандидат педагогических наук
E-mail: askuvaeva@pushkin.institute

Аннотация. Статья посвящена проблематике системы упражнений, способствующей формированию коммуникативной компетенции учащихся при обучении русскому языку как иностранному (РКИ). Главным основанием такой системы должна стать степень самостоятельности, с которой учащийся строит своё высказывание, от нулевой до полной, или, по-другому, степень заданности языкового и содержательного материала, необходимого для языковой реакции на те или иные стимулы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), система, речь, самостоятельность высказывания, заданность материала.

УДК 378:161.1(0/054/6)

**System of exercises for forming a multicultural linguistic personality in the modern
competency-based paradigm of teaching foreign speech
(Russian as a foreign language)**

¹Liliya L. Vokhmina

²Alena S. Kuvaeva

¹Pushkin State Russian Language Institute, Russia
117485 Moscow, Akademika Volgina Str., 6
Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher
E-mail: llvokhmina@pushkin.institute

²Pushkin State Russian Language Institute, Russia
117485 Moscow, Akademika Volgina Str., 6
Candidate of Sciences (Pedagogy)
E-mail: askuvaeva@pushkin.institute

Abstract. The article considers the problem of an exercise system contributing to forming communicative competence in teaching Russian as a foreign language. The foundation of such a system is supposed to be a degree of student independence in making up his / her statement, from zero to full, or, in other words, a degree to which the linguistic and informative material is required for the verbal reaction to certain stimuli.

Keywords: Russian as a foreign language, system, speech, independent utterance, predetermination of linguistic material.

UDC 378:161.1(0/054/6)

Введение. Как известно, основной целью современного обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному (РКИ) является формирование бикультурной/поликультурной языковой личности, способной принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации и обладающей многокомпонентным набором умений, навыков и знаний. (Мы сознательно не используем термин *вторичная языковая личность*, широко распространённый и в учебниках по методике преподавания РКИ, ввиду его неполной адекватности по отношению к характеристике личности, а также ощутимой ассоциации с понятием *вторичный*, т.е. *побочный, второстепенный*; ср. *вторсырьё*.) Этот приобретаемый в процессе обучения сложный симбиоз психологических и интеллектуальных качеств должен обеспечить учащегося готовностью к осуществлению речевых поступков разной степени сложности в условиях полноценного диалога культур, другими словами, к овладению коммуникативной компетенцией (КК), гармонично сочетающей как языковые, так и социокультурные компоненты. При этом, как отмечают наиболее вдумчивые методи-

сты, далеко не всегда приходит понимание, насколько велики «вызовы и новые решения цифрового века», когда «во многом под влиянием цифровой революции трансформируется когнитивный портрет учащегося, а следовательно, должны меняться и педагогические методы» [Лебедева 2017: 35].

Материалы и методы. Насколько же успешно современная методика решает сложнейшие задачи формирования поликультурной языковой личности?

Анализируя методическую жизнь научно-методического сообщества, сразу обращаешь внимание, что в последние два десятилетия методика обучения иностранным языкам, в том числе и русскому как иностранному, переживает настоящий и всё нарастающий терминологический бум. Старые понятия явно отодвигаются, заменяясь более современными; само понятие *методика обучения*, к примеру, сужает сферу своего употребления, во многих случаях явно уступая место *технологии*. С невероятной скоростью появляются новые термины: *квесты, кейсы, проекты, перевёрнутый класс, тандем...* При этом зачастую вполне классические приёмы и упражнения, известные ещё со времён «Великой дидактики» Я.А. Коменского, объявляются новыми технологиями простым присвоением этого термина типичным упражнениям, используемыми с незапамятных времён в методике обучения ИЯ при работе, например, с грамматическим материалом [См., к примеру, Дробинина 2018: Электронный ресурс].

При знакомстве с многочисленными публикациями по самым разнообразным технологиям (во многих случаях действительно интересным и эффективным, особенно в решении частных задач овладения КК) невольно возникает ощущение, что использование этих новых педагогических возможностей априори считается гарантией успеха обучения, поскольку они, как пишут использующие их методисты, помогают «реализовать личностно ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учётом способностей обучающихся, их уровня обученности, склонностей» [Павлова 2012: 471]. Да, методы, приёмы должны меняться, но, мы бы сказали, меняться не простым включением в учебный процесс новых технологий, так многих увлекающих, а продуманной системой упражнений, практик, построенных по требованиям системного подхода, заключающегося в логичной последовательности взаимосвязанных учебных действий.

Многочисленные публикации по использованию современных технологий в настоящее время не дают возможности ответить на вопрос, каково же реальное место новых технологий на различных этапах овладения новым языком. Какова их взаимосвязь? Как распределить эти технологии в общем процессе овладения речью, овладения коммуникативной компетенцией, т.е. способностью использовать единицы языка для решения коммуникативных задач, возникающих в речевой ситуации, от начального ввода языкового материала до его выхода в собственной творческой речи учащихся? Как вывести формирующиеся языковые и речевые навыки в диалог культур на новом уровне технического и технологического обеспечения современного учебного процесса и нового «когнитивного портрета ученика» [Сергеева 2016: Электронный ресурс]? Последнее предполагает, что новые методы необходимы и по той причине, что старые попросту уже «не принимаются» современными молодыми людьми, родившимися с «кнопкой на пальце», что хорошо показано Гербертом Маклюэном [Маклюэн 2005: Электронный ресурс].

Сейчас, рассматривая множество всё более расширяющихся предлагаемых технологий, по существу, видим лишь перечисления и описания этих технологий, не всегда чётко подразделяемые. При этом, прежде всего, ощущается, насколько разными могут быть основания, по которым они выделяются: центрированное на ученике обучение, языковой портфель, тандем-технология, кейс-технологии, перевёрнутый класс... В большинстве случаев отсутствуют чёткие границы, разделяющие одну технологию от другой. В самом деле, в чём принципиальная разница между технологией проектов, кейс-технологий или квестов? Даже и выпущенный словарь ИТ-терминов для специалистов по языковому образованию не всегда помогает в них разобраться, не говоря о том, что в словаре отсутствуют и некоторые важные термины, такие как, например, *проект, проектное обучение*, см. например, «Краткий словарь ИТ-терминов для специалистов по языковому образованию» [Белова, Рублёва 2017], хотя интуитивно ясно, что в основе всех этих понятий лежит общий принцип решения той или иной проблемы, задачи, требующий самостоятельного поиска информации и принятия нужных решений.

Обсуждение. Как нам представляется, самое главное заключается не столько в трудности разграничения одной технологии от другой, сколько в том, что не выявлена методически оправданная последовательность использования технологий в процессе овладения языковыми средствами и коммуникативной компетенцией от начала обучения, ввода языкового материала до его самостоятельного выхода в речь. Для общего успеха овладения коммуникативной компетенцией, а это главная цель обучения ИЯ и РКИ, методисту, преподавателю важно иметь общее представление не только о технологических возможностях, предоставляемых уровнем современной информационной техники, но и, главное, о последовательности и форме учебных действий для формирования необходимых умений и навыков.

В самом деле, если взять даже такой проект, как, например, составить рекламу к фильму, анализ которого происходил на занятии, то, чтобы приступить к нему, ученики должны уже в какой-то степени владеть так или иначе введённым и методически «обработанным», необходимым для выполнения задания языковым материалом. Проект лишь поможет вывести в актив, т.е. в самостоятельную, а значит, творческую речь то, что уже было введено и предварительно закреплено (здесь пользуемся старой терминологией) с помощью тех или иных упражнений. И как раз на этом этапе при всех уже довольно многочисленных

предложениях [Русецкая, Ельникова, Павличева, Рублёва 2017] явно не хватает подлинно творческих подходов, занимательности, приёмов поощрения успеха в подаче материала, его организации и последовательности именно в первоначальной тренировке, техническая оснащённость которой явно отстаёт от современных возможностей. Мы уже не говорим о том, что само количество предлагаемых упражнений по выработке того или иного навыка, этого многотрудного и длительного процесса [Вохмина, Куваева 2018], может и должно быть увеличено в разы. Новые технологии значительно облегчили сам процесс создания учебных материалов, сняв проблему ограничений в использовании цвета, видеоряда и пр., даже и бумаги, от чего так страдало производство «старых» учебников.

Важно понимание того, что полноценное овладение иноязычной речью может быть достигнуто только с помощью хорошо организованной системы упражнений, отражающей особенности процесса порождения речи на всех его этапах и во всех его видах (монологическая, диалогическая речь...), с использованием возможностей, предоставляемых современным техническим прогрессом, и учитывающей индивидуальные особенности учащихся (т.е. физиологические, психологические особенности возраста, общие и индивидуальные интересы учащихся [Гаврикова 2015]). Саму же систему можно охарактеризовать словами известного методиста Н.И. Гез: под системой упражнений следует понимать «организацию взаимосвязанных действий, расположенных в порядке нарастания языковых и операционных трудностей, с учётом последовательности становления речевых умений и навыков и характера реально существующих актов речи» [Гез 1969: 20].

Как известно, единицей обучения в современной методике является речевое действие, которое выделяется на основе коммуникативной задачи. Однако одна и та же задача может решаться в самых разных ситуациях и самыми разными языковыми средствами, которые могут обслуживать не только указанную задачу, но и десятки других. Так, в описании стандарта Б1 задача «Получение и передача информации» детализируется следующим образом: *Где (на каком этаже, в каком кабинете) находится (работает, сидит, можно купить...) деканат (нужный отдел, нужный человек...)? На каком этаже... идут занятия, находится, живёт...? Когда начинается (кончается, работает, открывается...)?* (Мы здесь не затрагиваем вопроса о стандартизированных выражениях, речевых клише, которыми часто обходятся при решении выделенных коммуникативных задач. Их использование обходится без сложных речемыслительных действий, свойственных любому нестандартизованному высказыванию [Жинкин 1958].) Как видно из перечисления, решение многих подобных задач обходится набором во многом стандартизированных высказываний. А с другой стороны, если бы учащиеся овладели навыками выражения, например, места или времени, они могли бы проявить эти навыки в самых разнообразных ситуациях, далеко выходящих за рамки, указанные в программе. В реальной речи коммуникативные задачи, движимые мотивами, могут быстро меняться, требуя умений выражать самые разные значения. Если говорить словами Л.С. Выготского, то «каждому разговору, каждой фразе предшествует возникновение мотива речи – ради чего я говорю, из какого источника аффективных побуждений и потребностей питается эта деятельность. Ситуация устной речи **каждоминутно** (выделение наше. – Авт.) создаёт мотивацию каждого нового изгиба речи, разговора, диалога» [Выготский 1999: 221–222]. Поэтому, как нам кажется, удобнее всего, вернее даже, практичнее, надо сделать коммуникативные задачи, как отдельные, так и в чередовании и совокупности в потоке речи, не столько целью обучения, сколько его **средством**. А **единицей обучения** должна стать единица **значения**, единица языкового структурирования действительности, столь различного в разных языках, закреплённого за тем или иным языковым явлением на разных уровнях. Такими единицами будут выражение места, места движения, цели, времени, наличности, причины благоприятной, неблагоприятной, стихийной; законченности, продолжительности действия и т.д., данные в их языковом воплощении. Эту единицу необходимо пропустить через все возможные ситуации, в которых они сопровождаются разнообразными интенциями, заданными учителем, учебником (условно-речевые упражнения) или самостоятельно формируемыми учеником под влиянием разнообразных факторов (естественно-речевые упражнения) [Вохмина, Куваева 2018: 823]. Сразу скажем, что некоторые языковые средства, такие как глаголы в первом лице (особенно перформативные), дейктические слова требуют самого быстрого перехода к коммуникативным упражнениям, поскольку их использование связано с конкретным отправителем речи: *Мне нравится, я обещаю не делать этого, ты не ответил на мой вопрос...* Именно по этой причине учащиеся, легко рассказывая прочитанный текст и, как кажется, хорошо владея необходимым лексико-грамматическим материалом, с трудом отвечают на вопросы, относящиеся непосредственно к их личной сфере. Клишированные же выражения могут вполне заучиваться наизусть, как заучиваются стихотворения, с той разницей, что эти выражения тесно связаны с типичной ситуацией использования: благодарность, извинение, сожаление, радость, сочувствие...

Каким же образом лучше всего выстраивать систему упражнений?

Для этого следует обратиться к самому процессу порождения речи.

Работа речевого механизма, уже довольно хорошо описанная видными психолингвистами как российскими, так и зарубежными, начиная ещё с классических работ Л.С. Выготского, наглядно представлена в схеме И.А. Зимней [Зимняя 1985: 80].

Нам представляется, что последовательность упражнений, построенная на принципе перехода от простого к сложному, и должна определяться работой механизма порождения речи, однако взятого в обрат-

ном порядке, т.е. от овладения звуками, грамматическим структурированием в многочисленных лексико-грамматических упражнениях, а также и в простейших высказываниях типа ответа на общие вопросы в реактивной речи до постепенного перехода к самостоятельной творческой речи [см. типы речи в работах А.Р. Лурия].

Весь речевой механизм, как отмечено И.А. Зимней, функционирует как целое, но в нем могут быть выявлены уровни, планы, исходный (начальный) и конечный моменты. «Основным начальным механизмом говорения является приведение в действие мотивации, т.е. реализация первой фазы деятельности. Механизм мотивации говорения глубоко интимен, индивидуален, не расчленим, непосредственно не управляем, но, что очень важно для практики обучения говорению, опосредствованно регулируем» [Зимняя 1979: 109]. В этот механизм И.А. Зимняя включает: а) потребности, б) встречу потребности с предметом говорения – мыслью говорящего, в) эмоциональное переживание этой потребности, т.е. интерес, г) волевую его регуляцию и д) поддержание интереса и другие проявления эмоционально-волевой, потребностной сферы психической жизни человека. В качестве общефункциональных механизмов, на основе которых функционируют механизмы внутреннего (косвенно внешнего) оформления высказывания, учёный выделяет осмысление, упреждающий синтез и оперативную (в единстве с постоянной) память.

Механизмы внутреннего оформления высказывания в совокупности таких операций, как отбор, сравнение, составление, комбинирование, структурирования и др., «прилаживаются» к условиям оперирования новыми средствами и способами формирования и формулирования мысли. Третий план речевых механизмов, выделяемый И.А. Зимней – фонационные механизмы, или механизмы внешнего оформления высказывания, – может быть соотнесен с моторным механизмом речи.

В обучении иноязычной речи надо пойти с противоположной стороны. И если в процессе реальной речи всё начинается с мотива и кончается громким высказыванием, то в учебном процессе следует идти с другого конца: через готовое, прошедшее все стадии формирования, высказывание: мотива, структурирования, подбора слов и пр. В первых упражнениях задано абсолютно всё, ученик лишь повторяет, сравнивает, узнаёт, привыкает к новому языковому членению действительности. Далее задаём найти часть формы, часть содержания, в конце – и мотив, постепенно увеличивая степень самостоятельности, с которой ученик строит высказывание. Таким образом, упражнения приобретают черты системности, соответствия принципу от простого к сложному.

Здесь надо постоянно иметь в виду, что даже простейшие лексические, фонетические и другие аспектные навыки не приобретают свойств автоматичности, если не прошли процесс построения собственных высказываний в речевой ситуации: от собственного мотива, смыслового развёртывания, грамматического структурирования и подбора слов. Другими словами, без использования средств языка в собственной речи языковые навыки не могут сформироваться. Наблюдая процесс обучения, мы видим, что именно так он и строится: имитативные, подстановочные, трансформационные, репродуктивные, ситуативные, коммуникативные упражнения. Но пора придать всему этому многообразию законченную системность, главным основанием которой станет степень самостоятельности, с которой учащийся строит свои высказывания, или, если сказать по-другому, степень заданности языковых и содержательных элементов, необходимых для построения высказывания. При этом, как мы уже указали, надо постоянно иметь в виду, что работа над любым языковым явлением, будь то использование слова, грамматического явления, даже определённого звука, не говоря уже об интонационной конструкции, должна заканчиваться в речи учащегося с его собственным мотивом и содержанием, т.е. в реальных коммуникативных упражнениях. Без этих последних никакие языковые навыки не могут сформироваться для реального использования в речи.

Заключение. Обобщая вышесказанное, отметим, что механизм порождения речи, начинаясь с мотива/побуждения, включает смысловой замысел, грамматическое структурирование, подбор слов, артикуляцию, заканчивается высказыванием, направленным на воздействие на слушающего, без которого обычная речь невозможна. Интересно, что психолог А.А. Алхазидзе именно наличие активного слушателя считал главным признаком речевой ситуации [Алхазидзе 1974]. Система же упражнений строится в обратном порядке: от повторения слов и предложений, от заучивания наизусть готовых образцов, ответной речи в диалогах к переходу к собственной инициативной речи.

Другие стороны речевого поведения обуславливаются «присвоением» культуры изучаемого языка, национальных особенностей речевого и неречевого поведения в тех или иных ситуациях. Сразу можно отметить, что есть существенная разница между усвоением языка, вернее, формированием речевой деятельности, и спецификой обучения нормам поведения, правилам этикета, знаниям историко-географической и общей культурной информации о стране изучаемого языка. Эти последние относятся не столько к навыкам и умениям, сколько к знаниям, которые могут быть вполне приобретены на родном языке учащихся. А если это начальный этап обучения в стране изучаемого языка, то обучение этой стороне коммуникативной компетенции, относящейся к нормам поведения, традициям, официальным ситуациям общения, должно проводиться как можно полнее на родном языке учащихся во избежание нежелательных эффектов общения с коренными жителями и возможными культурными шоковыми состояниями в стране пребывания студента в результате несовпадения ситуативного поведения, обусловленного национальной спецификой.

Всё это уже относится к другой стороне обучения иностранным языкам, хотя и не менее важной, чем сама речь.

Библиография

- Алхазишвили А.А. Психологические основы обучения устной речи. – Тбилиси, 1974. – 159 с.
- Белова Н.В., Рублёва Е.В. Краткий словарь ИТ-терминов для специалистов по языковому образованию. – СПб.: Златоуст, 2017. – 68 с.
- Вохмина Л.Л., Куваева А.С. Попытка создания общей системы упражнений по обучению иноязычной речи (РКИ) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Вып. 6: материалы VI конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). – СПб.: РОПРЯЛ. 2018. – С. 1417–1422.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
- Гаврикова, И.Ю. Реализация принципа учёта личностных особенностей учащихся при создании пособия по обучению РКИ подростков. Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – М., 2015. – № 3–4. – С. 70–75.
- Гез Н.И. Система упражнений и последовательность развития речевых умений и навыков // Иностранные языки в школе. – 1969. – № 6. – С. 19–24.
- Дробинина Е.В. Игровые технологии в обучении иностранному языку. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/igrovie-tehnologii-v-obuchenii-inostrannomu-yaziku-3586775.html>
- Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1958. – 370 с.
- Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1978, – 159 с.
- Лебедева М.Ю. Обучение письменной речи на русском языке: новые вызовы и новые решения цифрового века // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 35.
- Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего, Фонд «Мир», «Академический Проект», 2005. – 443 с.
- Павлова Д.Д. Современные технологии обучения иностранным языкам // Молодой ученый. – 2012. – № 11. – С. 471–473.
- Русецкая М.Н., Ельникова С.И., Павличева Е.Н., Рублёва Е.В. Дистанционное образование в обучении РКИ: положительный опыт использования ресурсов порталов «Образование на русском» // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 6–11.
- Сергеева М.В. Исследование когнитивных особенностей старших школьников // Молодой ученый. – 2016. – №7.6. – С. 209–213 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/28136>

Переводчик как субъект дискурсивных процессов в сфере правовой коммуникации

¹Криворучко Анна Игоревна
²Бобешко Артем Владимирович

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия
614990, г. Пермь, ул. Комсомольский проспект, 29
кандидат филологических наук, старший преподаватель
E-mail: annaigor08@mail.ru

²Пермский институт ФСИН России, Россия
614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
магистр юридических наук, преподаватель
E-mail: artem.bobesko@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ деятельности переводчика как субъекта дискурсивных процессов в сфере правовой коммуникации. В основу статьи положена концепция переводческого пространства Л.В. Кушнина, согласно которой достижение гармоничного перевода обусловлено стремлением переводчика к гармонизации этнокультурных смыслов в текстах на исходном и переводном языках. Исследование текста перевода проводится на основе соотнесения лексических репрезентантов профессиональных концептов „policier/gendarme”, „emploi/engagement” с соответствующими репрезентантами в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: переводчик как субъект дискурсивных процессов, правовая коммуникация, профессиональный концепт, переводческое пространство, гармоничный текст перевода.

УДК 81.25

Translator as a subject of discursive processes in legal communication

¹Anna I. Krivoruchko
²Artem V. Bobeshko

¹Perm National Research Polytechnic University, Russia
614990 Perm, Komsomolski Ave., 29
Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer
E-mail: annaigor08@mail.ru

²Perm Institute of Federal Penal Service, Russia
614012 Perm, Karpinskogo Str., 125
Master of Law, Lecturer
E-mail: artem.bobesko@yandex.ru

Abstract: The article analyses the activities of a translator as a subject of discursive processes in the field of legal communication drawing on L.V. Kushnina's translation space conception which claims that harmonious text translation is achieved by harmonizing ethnocultural meanings in the texts of source and target languages. The study of the text translation is carried out on the basis of the lexical representatives of professional concepts "policier / gendarme", "emploi / engagement" with the corresponding units in Russian linguistic culture.

Keywords: translator as subject of discursive processes, legal communication, professional concept, translation space, harmonious text of translation.

UDC 81.25

Введение. В новейших исследованиях в области когнитивной лингвистики и теории перевода (Л.М. Алексеева, Н.Н. Белозерова, Н.Н. Болдырев, Л.В. Кушнина, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Т.Г. Скребцова и др.), обращенных к анализу ментальных процессов, происходящих в сознании переводчика, все чаще внимание акцентируется на личности переводчика, которая определяется как языковая, речевая, коммуникативная, элитарная личность, что является естественным отражением современной антропоцентрической парадигмы. В связи с этим переосмысливается «фигура» переводчика: из переводчика-невидимки он преобразуется в переводчика – полноправного субъекта творческой речемыслительной деятельности, «активного субъекта актуальных дискурсивных процессов» [Ворожбитова 2015, 2018; Скулкин, Ворожбитова 2018], определяющего вариативность текста перевода, его лексико-грамматическую гибкость и синтаксическую подвижность, что в конечном счете приводит к свободе перевода.

Материалы и методы. Методологической основой исследования послужили концепция переводческого пространства, разрабатываемая Л.В. Кушнина и её учениками, а также концептуальный и сопоста-

вительный методы анализа. Материалом исследования являются франкоязычные тексты правового характера, опубликованные в периодическом издании „Le Monde”, и переводы анализируемых текстов, полученные в ходе лингвопереводческого эксперимента.

Обсуждение. Мы основываемся на концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая не отождествляет свободу перевода с вольностью, которой традиционно противопоставлен буквализм [Кушниная 2004, 2009 и др.]. Скорее, свобода перевода ассоциируется со стремлением переводчика уйти от жестких словарных соответствий, что соотносится с адекватным переводом, или от заданных переводческих приемов на языковом уровне, что соотносится с эквивалентным переводом. Свобода перевода – это стремление к переводческой гармонии, обеспечивающей контакт и взаимодействие культур, к которым принадлежат исходный и переводной тексты. Речь идет о гармонизации смыслов, имеющих место в переводческом пространстве, т.е. о соразмерности, согласованности культурологических смыслов, благодаря чему текст перевода органически вписывается в принимающую культуру, обогащая ее. Согласно автору концепции, гармония – это некий идеал, к которому стремится переводчик, это некая ментальная сущность, которая возникает в его сознании в процессе профессиональной деятельности. Гармония не является раз и навсегда заданной величиной, которую необходимо получить переводчику. Она всегда новая, труднодостижимая. Каждый перевод может быть по-своему гармоничен, по-своему дисгармоничен. Нет единой гармонии для всех языков, т.к. переводчик гармонизирует смыслы в соответствии с требованиями и нормами принимающей культуры, эпохи, социально-историческими, эколингвистическими и другими факторами.

Важно подчеркнуть, что переводческое пространство является основополагающей категорией, позволяющей понять, как происходит формирование ментальной картины переводчика-субъекта. Мы исходим из положения о том, что процесс перевода представляет для переводчика бесконечное пространство препятствий, потому что переводчик каждый раз имеет дело с новым текстом, с новым дискурсом, в связи с этим в каждом конкретном случае возникает новая конфигурация переводческого пространства, где доминирует то или иное поле, тот или иной специальный концепт, происходит динамика тех или иных смыслов. Если, например, в центре внимания исследователя – юридический дискурс, то в качестве специальных концептов могут выступать термины и ассоциируемые с ним понятия, создающие концептосферу текста или дискурса. В качестве примера приведем такие концепты, как лингвистическое право, лингвистическая экспертиза, плагиат, правотворчество, закон, нормативный акт, личность, защита чести и достоинства личности, деловая репутация, арбитражный суд, адвокат, судья и др. В рамках данного сообщения мы рассмотрим подробнее концепты „policier/gendarme“, основываясь на материалах франкоязычного издания „Le Monde”, относящихся к юридическому публицистическому дискурсу.

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы показать, что переводной юридический текст/дискурс, несмотря на жесткие содержательные рамки, не может и не должен быть точной копией оригинала только потому, что созданные тексты принадлежат субъектам, обладающих различными когнитивными способностями (высшие функции мозга, которыми обладает человек: мышление, чувства, понимание, речь, фантазия, пространственная ориентация, память, внимание, оценка и пр.), различным языковым и культурным мировидением. Мы сконцентрировались на поиске вербальных репрезентаций ключевых концептов юридического текста в оригинале и в переводе, отражающих разные когнитивные миры автора и переводчика. Субъектами переводческой деятельности стали студенты переводческого отделения старшего курса, профессиональные переводчики и преподаватели французского языка. Мы сконцентрировали внимание на концептах „policier/gendarme”, которым в русском языке соответствует один концепт «полицейский». Поясним, что при выполнении переводов перед аудиторией не ставилась задача выявления и дифференциации ключевых концептов, необходимо было качественно перевести выбранный для анализа фрагмент текста.

Приведем фрагмент оригинала и представленные переводы:

Qu'est-ce que la «présomption de légitime défense» pour les policiers?

*Donner aux **policiers** la même protection juridique en matière d'emploi de la force armée qu'aux **gendarmes**. L'idée est réclamée depuis longtemps par les syndicats policiers et une partie de la droite. Jusqu'ici, la gauche n'y était pas favorable. Mais le ministre de l'intérieur, Bernard Cazeneuve, a clairement affirmé, jeudi 12 novembre dans un entretien à Libération, être favorable à «une modification des conditions d'**engagement** pour les policiers.*

1. *Достаточно давно профсоюзы полиции и часть правых сил Франции выдвинули идею о том, что в области правовых обязательств **полицейских** необходимо предоставить тот же уровень юридической защиты, что и **сотрудникам дорожно-патрульной службы (жандармам)**. До недавнего времени представители левых сил не соглашались с этой идеей. Но в четверг, 12 ноября, министр внутренних дел Франции Бернар Казнев ясно подтвердил в интервью газете «Либерасьон» свое намерение о необходимости внесения модификаций в условия обеспечения прав **полицейских**. (Субъект перевода – преподаватель французского языка.)*

2. *Что такое «презумпция законной самообороны» для **полицейских**? Предоставить **полицейским** ту же юридическую защиту в случае применения оружия, что и **жандармам**. Данное предложение уже в течение долгого времени выдвигается профсоюзами **полицейских** и правыми партиями. До настоящего*

момента левые партии не были согласны с такой позицией. Но в четверг 12 ноября министр внутренних дел Бернар Казнев довольно четко дал понять в своем интервью газете «Либерасьон», что он за «изменение условий **ответственности** для полицейских». (Субъект перевода – профессиональный переводчик.)

3. Что такое «презумпция законной самообороны» для полицейских? Та же юридическая защита для вооруженных **полицейских**, что и **жандармов**. Данный принцип достаточно долгое время отстаивается профсоюзами полицейских и партией правых. До сегодняшнего дня левые воздерживались от поддержания идеи. Но в четверг 12 ноября министр внутренних дел Бернар Казнев заявил в интервью газете «Либерасьон», что он поддерживает изменения в сфере **права** полицейских **вступать в перестрелку**. (Субъект перевода – преподаватель французского языка.)

4. Предоставление **полицейским** в вооруженных силах такой же правовой защиты, как и **жандармам**. Эта идея выдвигается уже давно полицейскими профсоюзами и партиями правых. До сих пор левые не приветствовали данную идею, однако министр внутренних дел, Бернар Казнев, прямо заявил в четверг 12 ноября газете Либерасьон, что он одобряет изменения условий **обязательств**, касающихся полицейских. (Субъект перевода – студент-переводчик 5 курса.)

5. Предоставление **полицейским** равной **жандармам** правовой защиты в случае применения вооруженной силы. Это требование было уже давно предъявлено полицейскими профсоюзами и одной из партий правого крыла. Левые до сих пор не поддерживали эту идею. Однако в ходе интервью в четверг 12 ноября для газеты Либерасьон Бернар Казнев, глава МВД Франции, выразил свою поддержку по поводу изменений условий **использования вооруженной силы**. (Субъект перевода – студент-переводчик 5 курса.)

Рассмотрим подробнее два ключевых концепта в оригинале и переводах „*policier/gendarme*”; „*emploi/engagement*”. Предварим наш анализ результатами исследования А.П. Седых и М. Молинье, посвященного сопоставительному анализу франкоязычных и русскоязычных лингвокультурных концептов. Ученые убедительно доказали, что французский язык и национальная концептосфера обладают «мощным этноцентрическим потенциалом», имеют специфические способы этнокультурной вербализации», в результате чего языковые формы, репрезентирующие значимые для французской культуры концепты, активно воздействуют на их функционирование в тексте, поэтому «амплитуда узуса последних может достигать предельных параметров и генерировать новые смыслы» [Седых, Молинье 2014: 194].

Например французский концепт „*savoir-vivre*” (знание света; знание правил хорошего тона; обходительность; этикет: уст. умение жить) имеет специфические механизмы преломления в русской культуре: нередко этикет может рассматриваться представителем российского культурного континуума как лицемерное отношение к собеседнику, а уж русское «умение жить» часто не имеет ничего общего с умением жить по-французски.

Начнем наш анализ с концепта-универсалия „*engagement*”, представленного в полученных нами переводах на русский язык лексемами «ответственность, обеспечение прав, право применять оружие, обязательство и право вступать в перестрелку, использование полицейских сил при разрешении конфликтов, участие полицейских».

Рассмотрим способы вербализации данного концепта в русской и французской лингвокультурах и их вертикальное взаимодействие с другими концептами. По результатам анализа дефиниций, содержащихся в двуязычных словарях, заключаем, что французская лексема *engagement* ассоциативно связана со следующими языковыми единицами: *gage* (заклад, залог; гарантия), *promesse* (обещание, обет), *serment* (клятва), *contrat* (контракт, договор), *convention* (конвенция, условность), *arrangement* (сделка, соглашение), *pacte* (пакт, взаимное обязательство), *marche* (договор, купчая), *obligation* (обязательство) и др. [URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=2&l2=4&s=engagement>].

Русская лексема *ответственность* ассоциативно связана со следующими языковыми единицами: *соответствие* (*harmonie*; *proportion*; *régularité*; *équilibre*); *соответствие* (*conformité*); *сообразность* (*adequation*), *серьезность* (*conviction*; *gravité*; *sérieux*; *sévérité*; *attitude hiératique*; *esprit de sérieux*), *совесть* (*conscience*; *sens interne*; *sens intime*; *for intérieur*) и др. [URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1>].

Итак, концепт „*engagement*” репрезентирован во французском языке 5 семемами: «обязательство», «ответственность», «контракт», «соглашение», «обещание»; в то время как в русском языке концепт «ответственность» представлен следующими семемами: «гармония», «убежденность», «совестливость», «адекватность». Как видим, в анализируемых лингвокультурах каждая семема отражает концептуальные признаки.

Дефиниционный анализ производился по материалам различных словарей. «Французско-русский юридический словарь» дает следующие варианты перевода лексемы *policier* – *полицейский, сотрудник полиции*. Лексема *gendarme* в этом же словаре переводится как *жандарм (рядовой)*. В новом французско-русском юридическом словаре лексеме *gendarme*, кроме основного значения, соответствует переносное – *силы порядка, полиция*, что равноценно слову *policier* [Мачковский 1995].

Иными словами, согласно данным словарей, в русском языке отсутствует дифференциация понятий „*policier*” и „*gendarme*”, они воспринимаются русским языковым сознанием как единый концепт «полицейский». В этом случае перевод выделенного предложения вызовет затруднения, т.к. в тексте явно прослеживается противопоставление двух категорий служащих. При этом выбор при переводе лексемы *жандарм* не прояснит смысл текста, т.к. данная языковая единица относится к числу устаревших в сознании

носителей русского языка. Между тем ответ на этот вопрос содержится в знании переводчиком-субъектом реалий современной жизни, которые являются элементом национальной истории и культуры. А именно: для французов жандарм – это должностное лицо, которое выполняет функции, аналогичные сотрудникам ГАИ в нашей стране. Это означает, что значения слов „policier” и „gendarme” в современном французском языке находятся в родо-видовых отношениях, иными словами, значение слова „policier” шире. Данный пример позволил нам продемонстрировать роль категории субъектности при переводе.

В целом исследование проблемы субъектности при переводе вписывается в концепцию переводческого пространства. Переводчик сознательно создает его модель, реализуя свою потребность в преодолении препятствий на пути постижения многочисленных смыслов, поэтому можно говорить о существенной роли личности переводчика в данном процессе. При этом именно ментальное видение перевода как глобальной системы смыслов, представленной в виде переводческого пространства, позволяет ему достичь цели – создать гармоничный, качественный перевод, который станет достоянием другого языка и другой культуры.

Наибольший исследовательский интерес представляют когнитивные механизмы сознания переводчика, находящегося в данной орбите. Он должен «видеть» множество смыслов, проследить их динамику в полях переводческого пространства, инициировать их синергию и гармонизацию.

Заключение. Необходимо подчеркнуть следующее: при сопоставлении русской и французской лингвокультур выявлено, что существуют расхождения в процессе вербализации профессиональных концептов в ситуации правовой коммуникации. При анализе текстов перевода на русский язык, выполненных переводчиками разных уровней, обнаружено, что способы репрезентации концептов у различных переводчиков-субъектов также различаются. Расхождения в способах репрезентации концепта в текстах перевода могут привести к переводческой ошибке или несоответствию и, следовательно, к непониманию коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам. Стремление переводчика-субъекта к идентичным способам выражения концептов не приводит к гармонии: лишь согласование смыслов, заключенных в этих концептах, создает гармоничный качественный продукт, востребованный в правовой сфере коммуникации.

Библиография

Белозерова Н.Н., Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. – Тюмень: ТюмГУ, 2012. – 256 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Ворожбитова А.А. Дискурсивные процессы литературно-художественной коммуникации и тип литературной личности «писатель русского зарубежья»: лингвориторический подход // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20. – С. 11–16.

Ворожбитова А.А. Основы лингвориторической парадигмы: учебное пособие для бакалавров, магистрантов, аспирантов филологических и педагогических направлений и профилей / А.А. Ворожбитова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. – 176 с.

Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Кушнина. – Челябинск, 2004. – 426 с.

Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. – Пермь, 2009. – 196 с.

Мачковский Г.И. Французско-русский юридический словарь / Г.И. Мачковский. – М.: Руссо, 1995. – 448 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Седых А.П., Молинье М. Концепт «engagement – ответственность» во французской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (37), ч. 1. – С. 194–197.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

Скулкин О.В., Ворожбитова А.А. Глянцевый журнальный дискурс в России XXI в.: лингвориторические параметры функционирования гендер-идеала: монография. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. – 176 с.

Qu'est-ce que la «présomption de légitime défense» pour les policiers? – [URL]: Le Monde.fr / 06.11.2015 à 17h59, Mis à jour le 12.11.2015 à 16h27/ Par Samuel Laurent.

**Интерпретирующая функция переводческого понимания
как отражение индивидуальной переводческой картины мира**

¹Кушнина Людмила Вениаминовна

²Литвинова Светлана Викторовна

³Перлова Ирина Вениаминовна

⁴Пермякова Кристина Валерьевна

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия
614000, г. Пермь, ул. Комсомольский проспект, 29
доктор филологических наук, профессор
E-mail: lkushnina@yandex.ru

²Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия
614000, г. Пермь, ул. Комсомольский проспект, 29
старший преподаватель
E-mail: sv_litvinova@mail.ru

³Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия
614000, г. Пермь, ул. Комсомольский проспект, 29
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: perl_telecom@mail.ru

⁴Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия
614000, г. Пермь, ул. Комсомольский проспект, 29
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: kpuctu@rambler.ru

Аннотация. Объектом исследования в статье является когнитивная деятельность переводчика как мыслящего субъекта коммуникации, творческой языковой личности, обладающей гармоничным мировоззрением. Цель статьи состоит в выявлении интерпретирующей функции переводческого понимания как производной интерпретирующей функции естественного человеческого языка. Новизна исследования обусловлена рассмотрением проблемы индивидуальной переводческой картины мира сквозь призму культурообусловленности перевода и переводческой деятельности. Авторы статьи акцентируют внимание на том, что интерпретирующая функция переводческого понимания лежит в основе достижения смысловой гармонии текстов оригинала и перевода.

Ключевые слова: языковая личность переводчика, интерпретирующая функция переводческого понимания, гармоничное переводческое мировоззрение, переводческое пространство, культурообусловленность перевода, когниция.

УДК 81'255

**Interpretative function of translation understanding
as reflection of translator's individual worldview**

¹Lyudmila V. Kushnina

²Svetlana V. Litvinova

³Irina V. Perlova

⁴Kristina V. Permiakova

¹Perm National Research Polytechnic University, Russia
614000 Perm, Komsomolsky Prospekt, 29
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: lkushnina@yandex.ru

²Perm National Research Polytechnic University, Russia
614000 Perm, Komsomolsky Prospekt, 29
Senior Teacher
E-mail: sv_litvinova@mail.ru

³Perm National Research Polytechnic University, Russia
614000 Perm, Komsomolsky Prospekt, 29
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

E-mail: perl_telecom@mail.ru

⁴Perm National Research Polytechnic University, Russia
614000 Perm, Komsomolsky Prospekt, 29
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: kpuctu@rambler.ru

Abstract. The object of this research is the cognitive activity of a translator as a cognizant subject of communication, a creative linguistic personality with a well-balanced worldview. The aim of the article is the exposure of the interpretive function of a translator's understanding as a derivative of the interpretative function of natural language. The novelty of the research results from the consideration of the problem of individual translator's worldview through the prism of cultural dependence of translation and of translator's activity. The authors focus on the fact that the interpretative function of a translator's understanding underlies the achievement of the semantic harmony of the original and target texts.

Keywords: linguistic personality of translator, interpretive function of translator's understanding, well-balanced translator's worldview, translation space, cultural mediation of translation, cognition.

UDC 81'255

Введение. Современное когнитивное переводоведение интенсивно развивается на основе достижений когнитивной лингвистики. Среди ключевых понятий когнитивной лингвистики, сформулированных Н.Н. Болдыревым, назовем антропоцентризм, интерпретирующая функция естественного человеческого языка, ментальное конструирование мира и др. [Болдырев 2014]. Согласно разрабатываемой нами концепции переводческого пространства, эти понятия можно соотнести с такими понятиями, как языковая личность переводчика, интерпретирующая функция переводческого понимания, гармоничное переводческое мировоззрение.

В самом широком смысле перевод мы понимаем как процесс транспонирования множества смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Этот процесс совершается в условиях открытой, саморазвивающейся системы, включающей в себя следующие компоненты: текст-источник, язык-источник, культуру-источник; целевой текст, целевой язык, целевую культуру; субъекты переводческой коммуникации – автор, переводчик, реципиент. Эта система определяется нами как переводческое пространство. Данное понятие было введено в научный оборот в 2003 г. в статье «Гипотеза о существовании переводческого пространства» [Кушникова 2003]. В последующих публикациях, наряду с понятием переводческого пространства, было введено понятие «переводческое время», что позволило обобщить их в единый концепт «переводческий хронотоп», отражающий пространственно-временной континуум, в который попадает текст оригинала в процессе транспонирования его смыслов в текст перевода [Кушникова 2009, Кушникова 2016 и др.]. Важнейшим постулатом концепции переводческого пространства мы считаем формирование в сознании переводчика особой переводческой картины мира, которая находит выражение в гармоничном переводческом мировоззрении. Понятие переводческой картины мира является производным по отношению к понятиям языковой картины мира и концептуальной картины мира. С позиций концепции переводческого пространства, оно означает, что переводчик овладевает гармоничным переводческим мировоззрением, т.е. стремится не только к достижению согласованности смыслов между текстами оригинала и перевода, но главным образом к естественному вхождению текста оригинала в принимающую культуру.

В рамках данной статьи нас интересует проблема переводческого понимания как глубинного когнитивного механизма, который формирует переводческую картину мира, при этом особое значение приобретает данная проблема с позиций интерпретирующей функции понимания, релевантной как для родного, так и для изучаемого иностранного языка, а также при переводе с иностранного языка на родной.

Мы исходим из положений, сформулированных Н.Н. Болдыревым, который, наряду с когнитивной и коммуникативной функциями языка, вычленил интерпретирующую функцию: «каждый человек в своей языковой деятельности по-своему интерпретирует результаты познавательных процессов, опираясь на собственный опыт взаимодействия с окружающим миром и предшествующий языковой опыт, представленный в его картине мира...» [Болдырев 2015: 5].

Антропоцентрическая сущность языка и его интерпретирующая функция находят свое воплощение в теории языковой личности, основы которой были заложены в конце XX в. Ю.В. Карауловым и формирование которой продолжается вплоть до настоящего времени. Мы также обратились к данной проблеме, развивая учение о языковой личности переводчика.

Проблема языковой и метаязыковой личности переводчика представлена в наших работах. Мы исходим из положения Л.П. Тарнаевой о том, что языковая личность переводчика относится к элитарному типу речевой культуры ввиду способности создания текста любого функционального стиля. В своих работах мы показали, что «переводчик, создающий текст для другой языковой личности, сам приобретает черты элитарной языковой личности, преобразуя и совершенствуя себя и окружающий мир, окружающих людей» [Кушникова, Силантьева 2010: 74].

Е.В. Аликина вводит понятие метаязыковой личности переводчика, определяя ее как профессиональную языковую личность межкультурного и межъязыкового посредника, обладающую такими чертами, как эмпатия, элитарность речевой культуры, речевого и невербального поведения, способность аккумулировать мысли других языковых/дискурсивных личностей, выявлять их мотивы и замыслы, обеспечивая тем самым положительный эффект коммуникативной переводческой ситуации [Аликина, Швецова 2012].

В других своих работах мы показали, что для переводческой деятельности более приемлемо понятие речевой личности, что согласуется с классификацией, предложенной В.В. Красных, которая дифференцировала понятия: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность. Ученый следующим образом характеризует речевую личность: «личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств...» [Красных 2003: 51]. Вместе с тем, наиболее распространенным понятием является в настоящее время языковая личность переводчика, что мы также принимаем в работе, трактуя речевое поведение переводящей личности в самом широком смысле слова.

Данные представления о языковой личности переводчика стали возможны в результате проникновения антропоцентрического подхода в отечественную лингвистику и в теорию перевода. Поясним, что в западноевропейском переводоведении используется термин *субъект перевода*, что мы идентифицируем с понятием языковая личность переводчика.

Данное направление исследований представлено, в частности, во франкоязычном сборнике научных статей, опубликованном в Румынии (университет г. Сучава), где содержатся результаты исследований румынских, греческих, швейцарских ученых под руководством М. Константинеску [Atelier de traduction, Subjectivité du traduire 2013]. Сборник озаглавлен „Subjectivité du traduire” («Субъективность переводческой деятельности»). В центре внимания ученых – переводчик как субъект, как активная творческая личность. Как отмечает Л. Уинсон, субъективность при переводе означает, что переводчик всегда имеет „espace de creation” («пространство творчества»), где существует тонкая грань между механическим переписыванием оригинала и стремлением превзойти автора, и переводчик должен «маневрировать» между этими двумя полюсами: „Le traducteur dispose à tout moment d’une certaine marche des manoeuvres dans ses choix traductifs” [Hewson 2013: 20] – («При выборе переводческого решения переводчик всегда имеет возможность осуществить маневр» (перевод наш. – Л. К.).

Что касается проблемы переводческого понимания и выявления его интерпретирующей функции, то в рамках данной статьи мы намерены обсудить ее и определить факторы, влияющие на данный процесс. Целью настоящей статьи является описание когнитивной деятельности языковой личности переводчика, обладающего гармоничным переводческим мировоззрением, в частности, выявление факторов, обеспечивающих интерпретирующую функцию переводческого понимания. Данная позиция позволит нам продемонстрировать значимость антропоцентрического подхода в переводоведении.

Материалы и методы исследования. Как было отмечено выше, исследование когнитивной деятельности переводчика проводится нами в рамках концепции переводческого пространства [Кушнина 2009 и др.]. Согласно данной концепции, процесс перевода представляет собой активную мыслительную деятельность по освоению гетерогенных смысловых полей, простирающихся от текста оригинала к тексту перевода. В результате освоения смысловых полей и синергии выявленных смыслов порождается текст перевода, смыслы которого соразмерны, соизмеримы, т.е., согласно нашей концепции, гармоничны. Мы понимаем переводческое пространство как некую ментальную сущность, формируемую в сознании переводящей личности, где происходит своего рода «жизнь» смысла: его понимание, транспонирование, синергия, гармонизация и адаптация к новой языковой и культурной среде. Динамика и синергия смыслов обуславливают порождение качественного – гармоничного перевода, который становится фактом другой культуры. В этом заключается цель формирования переводческого пространства. В случае неприятия текста перевода принимающей культурой перевод признается дисгармоничным. Переводчик осознает, что текст оригинала обладает многосмыслием, которое необходимо транспонировать. Смыслы формируются в ядерной и периферийных зонах переводческого пространства. Ядро представлено содержанием, или фактуальным смыслом. На периферии вычленим два текстовых поля: энергетическое и фатическое, в которых формируются, соответственно, эмотивные и культурологические смыслы, и три поля субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента, в которых формируются модальный, индивидуально-образный и рефлексивный смыслы. Текст перевода является результатом синергии смыслов всех полей переводческого пространства, а синергетический эффект сопровождается приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Таким образом, переводческое пространство – синергетическая модель перевода. Заметим, что его конфигурация подвижна, как подвижны типы, жанры, виды текстов/дискурсов, вокруг которых оно образуется. В каждом случае наблюдаем доминирование того или иного поля, того или иного смысла. При этом сама система смыслов, их гетерогенный характер неизменны. В самом переводческом пространстве наиболее стабилен и инвариантен фактуальный смысл, который является эксплицитным. Все остальные смыслы подвижны, вариативны, имплицитны.

Переводческое пространство мы рассматриваем в качестве феномена, находящегося на пересечении двух ведущих парадигм исследования процесса перевода. С одной стороны, мы изучаем его с антропоцентрических позиций, т.к. вычленим самостоятельные смысловые поля субъектов переводческой коммуни-

кации. С другой стороны, мы опираемся на текстоцентрическую парадигму, т.к. изучаем текстовые поля: содержательное, энергетическое, фатическое. При этом когнитивный взгляд на перевод как на произведение мыслящего субъекта, прежде всего, переводчика, позволяет акцентировать внимание на языковой личности переводчика, его речевой деятельности, его ментальной сфере, его интеллектуальной активности и пр.

Сущность когнитивного подхода к переводу следует искать в работах, посвященных когнитивной лингвистике. Импульсом к такому пониманию послужили работы Р.И. Павилениса, признававшего, что без языка информация не может быть введена в концептуальную систему. Вместе с тем, прямого соответствия между словом и концептом не существует. В современной лингвистике, согласно результатам исследований В.З. Демьянкова, В.А. Пищальниковой и др., понятия концепта и концептуальной системы соотносимы с понятиями когниции и когнитивной системы: «так как в общечеловеческой когниции заложены универсальные познавательные стратегии, восприятие разных людей оказывается однотипным» [Пищальникова, Сонин 2017: 146]. В результате данных рассуждений выводится заключение о том, что «смыслопорождение – это не актуализация системных языковых значений, а построение собственной системы концептов, соотносимой со значением языковых выражений... адекватная передача смысла в акте коммуникации (в тексте) возможна только в том случае, если реципиент совершит под воздействием воспринимаемого им языкового выражения такой мыслительный акт, в результате которого будет получен не тождественный, но аналогичный смысл» [Там же: 147]. Данный вывод можно экстраполировать на процесс перевода, т.к. в нем задействованы все анализируемые когнитивной лингвистикой компоненты: смыслопорождение, языковые значения, концепты, текст, коммуникация, мыслительный акт, тождественный смысл, аналогичный смысл. Так, переводческое пространство выступает мыслительным актом, нацеленным на смысловосприятие, смысловопонимание, смыслопорождение в процессе двуязычной коммуникации, в тексте. Языковые значения, которыми оперирует переводчик, представляются самодостаточными на уровне фактуального смысла, т.е. в содержательном поле переводческого пространства. Что касается остальных полей, смыслы которых имплицитны, тождественный смысл в принципе невозможен, причем не только ввиду особенностей человеческой когниции, но главным образом ввиду того, что в переводческом пространстве сталкиваются и/или взаимодействуют ментальные пространства разных субъектов. В простейшем виде речь идет о трех субъектах: авторе, переводчике, реципиенте. Но переводческая ситуация может осложняться при увеличении числа субъектов. Например, дублированный фильм адресован многим реципиентам в рамках одной лингвокультуры, а при переводе на разные языки их число увеличивается многократно. То же самое можно сказать о переводчике. Один и тот же текст может переводиться разными переводчиками или одним и тем же переводчиком, но в разное время и т.д. Понятие «аналогичный смысл» мы трактуем как гармоничный смысл, т.к. мы вкладываем в это понятие приемлемость смысла в иноязычной культуре, принадлежащей иной языковой картине мира. Так мы приближаемся к идее когнитивного переводоведения, что попытаемся показать ниже.

Формирование переводческого пространства в сознании переводящей личности обуславливает формирование профессиональной переводческой картины мира, особого переводческого мировоззрения, которое мы определяем как гармоничное переводческое мировоззрение.

И если языковая картина мира отражает целостное восприятие мира человеком, его «ментальный континуум» (термин О.А. Корнилова), составляющий основу национальной специфики семантического универсума народа, то переводчик должен интегрировать в своем языковом сознании ментальные континуумы, свойственные как минимум двум народам, двум языкам, двум культурам. Это процесс совершается в фатическом поле переводческого пространства как поле культуры. Мы рассматриваем фатическое поле как вершину транспонирования смыслов текста, где происходит контакт двух культур на основе постижения переводчиком интертекстов этих культур. Культурологический аспект перевода играет в нашей концепции ведущую роль, т.к. именно коллективное и индивидуальное культурное пространство субъектов переводческой коммуникации обуславливает их когнитивные способности и особенности. В.З. Демьянков отмечает: «Когниция, лежащая в основе употребления различных языков, заставляет человека опираться не только на различные «культурообусловленные» знания внеязыковой действительности, – но и на различные способы трансфера знаний» [Демьянков 2016: 9].

Проблема культуурообусловленности перевода волнует ученых разных стран с момента становления науки о переводе. Классик французского переводоведения Ж.Р. Ладмираль в своей новой работе „*Sourcier ou cibliste: les profondeurs de la traduction*” [Ladmiral 2015] задается вопросом, кем является переводчик – личностью, ориентированной на текст оригинала, или личностью, ориентированной на текст перевода. Заметим, что в русском языке нет специальных терминов, обозначающих данные понятия. Эти термины происходят от слов „*source*” («источник») и „*cible*” («цель»), а сам переводчик выступает либо как «сторонник буквального перевода, ориентированный на источник», либо как «сторонник свободного перевода, ориентированный на цель».

Ученый рассуждает о том, что полемика по данному вопросу началась в 1986 г., когда стало ясно, что и переводчик, и исследователь перевода стоят перед выбором: ориентироваться ли ему на исходный текст и на интенции автора или на текст перевода и на ожидания читателя. Как пишет ученый, “*Mon hypothèse est en somme que la théorie sourcière est une façon de prendre les vacances de la pratique. D’autant que, comme*

je l'ai indiqué plus haut, la plupart des sourcières ont en réalité une pratique à dominante cibliste...» [Ladmiral 2015: 66–67]. – «Моя гипотеза в принципе заключается в том, что теория сторонников буквального перевода не соотносится с их практикой, и, как я уже неоднократно подчеркивал ранее, большинство этих сторонников на практике примакают к представителям свободного перевода» (перевод наш. – Л. К.).

Подчеркнем, что переводческое пространство мы рассматриваем как культурно обусловленную концепцию, т.е. выступаем сторонниками свободного перевода, ориентированного на принимающую культуру, на реципиента. В этой дискуссии мы занимаем позицию, обозначенную французским термином „cibliste”, т.е. мы солидаризуемся с Ж.Р. Ладмиралем.

Возвращаясь к проблеме переводческой картины мира, обратимся к работе О.А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [Корнилов 2003]. Как отмечает ученый, языковое сознание – многоуровневая структура, включающая в себя следующие компоненты: «сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный, ценностно-нравственный» [Корнилов 2003: 165]. Признавая значимость каждого компонента при описании переводческой картины мира, остановимся на ценностно-нравственном компоненте, т.к. нас интересует такая языковая личность переводчика, которая мотивирована на порождение качественного перевода текста, где смыслы оригинала и перевода гармоничны, соразмерны друг другу. Гармонию мы расцениваем как ценностно-нравственную доминанту в сознании языковой личности переводчика. В связи с этим акцентируем внимание на поле переводчика, где формируется индивидуально-образный смысл, как источник индивидуальной переводческой картины мира.

Как показали наши наблюдения, каждый перевод отражает индивидуально-образные смыслы, формируемые в поле переводчика. Эти смыслы уникальны не только для переводчика, но даже для одного и того же переводчика они могут различаться в зависимости от совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов. Так, например, в своих предыдущих работах мы анализировали концепт «переводческое время», убедившись, что в каждый период времени один и тот же текст одним и тем же переводчиком будет переведен по-разному. Но если текст переводится разными переводчиками, то каждый из них имеет свое право на гармоничный перевод. Иными словами, гармоничных переводов может быть множество.

В качестве иллюстрации приведем два варианта перевода фрагмента художественного текста, принадлежащего современному французскому писателю, автору коротких рассказов Пьеру Динеру. Текст, озаглавленный «Мое преступление и наказание», написан по мотивам известного романа Ф.М. Достоевского. Главный герой-подросток мечтает встретить девочку по имени Соня в надежде полюбить ее. Поясним, что в качестве переводчиков выступили студенты переводческих специальностей пермских вузов.

Текст оригинала:

...Plus tard avec mes copains et sans eux, partout je cherchais quelqu'un qui s'appelle Sonia, parce que je voulais tomber amoureux d'une fille qui s'appelle Sonia. Mais il n'y avait personne de ce nom dans notre rue. Les prénoms féminins arrivent toujours par période, selon la mode des vedettes de cinéma ou de chanson. Des Brigittes, ça oui, en pagaille, mais pas une seule Sonia. Je détestais la sonorité du nom Brigitte, c'est comme si quelqu'un avait froid et dirait b-r-r. Tandis que Sonia sonne tendrement comme le chuchotement des roseaux au lac de mes vacances (je n'ai jamais eu de vacances). Une Sonia pardonnerait si j'étais méchant, si je lui tirais les cheveux. Je n'étais pas particulièrement méchant, mais rien que pour être pardonné par la Sonia de mes rêves, je m'imaginai féroce... (Pierre Diener 2000).

Текст перевода № 1.

...Прогуливаясь со своими приятелями или в одиночестве, я всегда ожидал встречи с той, которую звали Соня, чтобы влюбиться в нее. Но на нашей улице не жила ни одна девушка с таким именем. Популярность женских имен всегда зависит от моды на тех или иных актрис или певиц. Девушек по имени Бриджит во времена моей молодости было, действительно, пруд пруди. Но чтобы хоть одна Соня... Я не любил, когда кто-либо произносил вслух имя Бриджит. Мне всегда казалось, что он продрог и бормочет от холода «б-р-р». Тогда как имя Соня ласкает слух подобно шелесту камыша на берегу озера, куда я ездил на каникулы (у меня их никогда не было). Соня простила бы меня, если бы я в гневе оттащил ее за волосы. Я не отличался жестокостью характера, и только ради прощения Сони, которой грезил, я готов пойти на это...

Текст перевода № 2.

...Позднее, один или с друзьями, я все искал какую-нибудь девочку по имени Соня, потому что хотел влюбиться в нее. Но на моей улице такое имя не носила ни одна девочка. Женские имена появляются, исчезают и возвращаются под влиянием моды. Девочек называют именами знаменитых актрис и певиц. Бриджит тогда было полным-полно. А вот Сони – ни одной. Имя Бриджит казалось мне отвратительным. Как будто кто-то дрожит от холода – «б-р-р». А Соня звучит ласково. Это было похоже на шелест камышей на озере, где я проводил лето (на самом деле летом я никуда не ездил). Девочка по имени Соня простила бы мне злые выходки, например, если бы я таскал ее за волосы. Вообще-то, я не был злым мальчиком, но воображал себя жестоким лишь для того, чтобы быть прощенным Соней в мечтах.

Сопоставляя тексты переводов, можем четко проследить различные индивидуальные картины мира двух переводчиков, что является результатом различий мировоззрения, уровней переводческого понима-

ния, языковых предпочтений и что создает индивидуальное когнитивное пространство личности переводчика. Начиная с перевода имени *Brigite – Бриджит* и *Брижит*, расхождения в текстах переводов очевидны. Переводчики выбирают разные, не всегда синонимичные лексемы и словосочетания: *приятели – друзья, пруд пруди – полным-полно, девушка – девочка, грезить – мечтать, оттаскал за волосы – таскал за волосы*. В некоторых случаях перевод заменяется переводческим комментарием: *женские имена появляются, исчезают, возвращаются под влиянием моды*. Но самое главное, каждый переводчик создает уникальный текст, который отражает его индивидуальную картину мира, его видение образа – той девочки Сони, в которую можно влюбиться лишь за то, что ее имя ласкает слух.

Проявление индивидуального когнитивного пространства переводчиков реализуется в созданных ими продуктах деятельности – текстах, отражающих не только языковые значения входящих в них единиц, но и, прежде всего, тот объем знаний о языке, культуре, об окружающем мире, который является достоянием их личности. Так, в одном случае, для передачи выражения „*si je lui tirais les cheveux*” переводчик избирает «если бы я оттаскал ее за волосы», в другом – «если бы я таскал ее за волосы». Вполне очевидно, что в каждом случае выбор переводчиком того или иного стилистического регистра вызывает у читателя разные коннотации, и, соответственно, в сознании реципиента возникают различные образы.

Мы считаем, что именно индивидуальная картина видения мира переводчиком, его индивидуальная интерпретация фрагмента реального мира, представленная в тексте оригинала, обуславливает данные расхождения в текстах перевода. Этот процесс тесно связан с «когнитивным багажом переводчика» („*bagage cognitive*”, термин М. Ледерер), его когнитивными способностями, особенностями его переводческого понимания, всем когнитивным механизмом перевода.

Обсуждение. Рассмотрим некоторые факторы, которые характеризуют переводческое понимание с позиций современной когнитивной парадигмы. Когнитивную сущность перевода определил в своем труде «Сказать почти то же самое» У. Эко: «Переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая, в известном смысле, может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом или синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремится текст-источник» [Эко 2006: 17].

В цитированном выше определении перевода ключевым термином является понимание. В свою очередь, понимание обеспечивает познание, знание. Так, согласно «Новейшему философскому словарю», понимание трактуется как «постижение и порождение смысла текста в процессе его интерпретации, при этом не познание порождает потребность в понимании, а наоборот, потребность в понимании ведет к познанию. Следовательно, понимание как эвристическая познавательная процедура дает приращение знания» [НФС 2003: 766].

Если объектом языковой репрезентации являются знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта индивида, можно сказать, что переводческое понимание основано на связи языковых значений и смыслов с когнитивной системой человека, его языковым сознанием, т.е. с конкретной языковой личностью переводчика. Можно предположить, что профессиональная переводческая картина мира, гармоничное переводческое мировоззрение, сформированные в процессе овладения переводческим пространством, влияют на результаты его деятельности.

Языковой аспект понимания впервые получил отражение в исследованиях Г.Г. Гадамера, отмечавшего, что язык является той универсальной средой, в которой осуществляется понимание [Гадамер 1991]. Типология понимания разработана Г.И. Богиним, который обосновал три уровня: семантизирующее понимание, когнитивное понимание, распредмечивающее понимание. При семантизирующем понимании речь идет о декодировании единиц текста в результате трудностей восприятия. Когнитивное понимание касается трудностей освоения содержания текста, распредмечивающее понимание означает понимание смыслов текста [Богин 1984]. Очевидно, что переводчик осваивает все три уровня понимания, при этом высший уровень характеризует, как нам представляется, элитарную языковую личность переводчика, создающего гармоничный текст перевода.

В исследовании Л.М. Алексеевой и Н.В. Шутековой раскрывается проблема соотношения индивидуальности переводчика и понимания. Как подчеркивают авторы, «индивидуальность лежит в основе любого типа перевода, поскольку перевод – проявление человеческого духа» [Алексеева, Шутекова 2016: 146]. Исследователи обращают внимание на то, что в процессе научного перевода каждый переводчик создает собственный индивидуальный текст в соответствии с собственным пониманием, но авторский замысел может не совпадать с уровнем переводческого понимания, т.к. в процессе перевода ему предстоит усвоить новые, чужие понятия, которые могут «модифицировать» исходные научные позиции ученого. Для нас важно подчеркнуть, что переводческое понимание отличается от авторского понимания, но для достижения гармоничного перевода необходимо наметить оптимальные условия, при которых осуществляется полноценное понимание.

Проблеме профессионального переводческого понимания посвящена работа Н.Н. Гавриленко «Понять, чтобы перевести» [Гавриленко 2010]. Ученый исследует переводческое понимание профессионально ориентированных текстов в свете лингводидактики и соотносит его со следующими этапами: предпонимание/предзнания/предпосылочная база. Сам процесс понимания, по мнению Н.Н. Гавриленко, представ-

ляет собой когнитивное действие, при котором глубинным уровнем понимания выступает интерпретация высказывания. В результате интерпретации текста формируется «мыслительный сгусток» текста, его концепт. Ученый приходит к следующему выводу: «Единый процесс взаимодействия восприятия, понимания и интерпретации составляет основу понимания переводчиком иноязычного текста... в результате такого понимания у переводчика формируется концепт текста, который представляет объективный смысл, содержание текста» [Гавриленко 2010: 12]. В данной трактовке обратим внимание на соотношение когниции, понимания и интерпретации в процессе когнитивной деятельности переводчика.

Как уже было сказано, об интерпретирующей функции языка пишет Н.Н. Болдырев: «Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов убедительно свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, дискурсивной деятельности в ментально-языковом конструировании окружающего мира. В свою очередь, это дает основание говорить о третьей ключевой, помимо когнитивной и коммуникативной, интерпретирующей функции языка» [Болдырев 2014: 11]. Основываясь на интерпретирующей функции языка, что отражается в языковом сознании, мы можем рассуждать об интерпретирующем характере переводческого сознания в широком смысле, и переводческого понимания в узком смысле. В своих работах ученый пишет, что «постижение человеком мира в языке сопровождается интерпретацией – языковой познавательной активностью человека» [Болдырев, Виноградова 2016: 69]. Речь идет о том, что процесс познания и форматирование знаний о мире происходит параллельно с конструированием языковых выражений, и эти процессы взаимообусловлены. Аналогичным образом совершается и переводческое понимание: переводчик интерпретирует исходные смыслы и выбирает такие языковые средства в языке перевода, которые отвечают его индивидуальным интерпретирующим возможностям, его представлениям о концептуальных и межконцептуальных связях между явлениями, событиями, описываемыми в тексте.

Существенное значение для уяснения механизма переводческого понимания имеет интеллект. Его исследование отражено в работе Н.К. Рябцевой «Язык и естественный интеллект» [Рябцева 2004]. По мнению ученого, если раньше интеллект соотносили только со способностями понимать, обучаться, думать, запоминать, то с появлением когнитивной лингвистики в интеллектуальное поведение человека включили креативность, восприятие, размышление, решение задач и речь. Внутренний мир человека и его интеллект – наиболее сложные объекты изучения, но их формирование и проявление интеллекта осуществляется в языке, поэтому изучение языка приобретает особую ценность. Необходимо учитывать, что в языке заложено гораздо больше значений, чем вербализовано. Важным свойством языка и интеллекта является их асимметричность: «ЕИ и порожденный им ЕЯ экономят свои усилия разнообразно, творчески, эффективно, тем самым развиваясь сами и заставляя развиваться друг друга» [Рябцева 2004: 21].

Следующим фактором, связанным с переводческим пониманием, является рефлексия. Данная проблема исследуется в работе В.И. Карасика «Языковое проявление личности» [Карасик 2015]. Автор уделяет особое внимание поэтической рефлексии переводчика. Между тем его наблюдения и выводы носят, на наш взгляд, универсальный характер. Сравним: «Переводчик поэтического текста эмпатически воспринимает иную реальность, оставаясь в то же время представителем своей лингвокультуры. В этом плане представляет интерес феномен поэтической рефлексии переводчика – осмысление процесса поэтического перевода изнутри. Такое осмысление носит множественный характер. Можно сказать, что переводчик – активный интерпретатор иноязычного поэтического произведения» [Карасик 2015: 280].

В рамках проводимого нами исследования в поисках аргументов относительно интерпретирующей функции переводческого понимания плодотворным считаем рассуждения ученого о том, что переводчик комментирует не только переводимый текст, но и иное мировосприятие, свойственное другому народу, и свое состояние в процессе поиска поэтических эквивалентов, раскрывающих суть оригинала.

Приведем в качестве иллюстрации примеры поэтического перевода, раскрывающие рефлексивную, интерпретирующую функцию переводчика. Иллюстративным материалом для анализа послужила «Антология детской русскоязычной поэзии для детей», составленная и переведенная на французский язык современным исследователем Анри Абриль („Anthologie de la poésie russe pour enfants”, choix et traduction de Henri Abril)-

Приведем некоторые фрагменты:

Жил человек рассеянный

На улице Бассейной.

... Это что за полустанок? –

Закричал он спозаранок.

А с платформы говорят:

Это город Ленинград...

(С.Я. Маршак 2000)

Connaissez-vous l'hurluberlu

De la rue Lanturlu?

... De bon matin il dit:

Quel est donc cet arrêt?

Mais c'est Paris, pardi

Lui repond-on du quai...

(Henri Abril 2000)

Сравнивая перевод с оригиналом с позиций достижения смысловой гармонии, отмечаем, прежде всего, проявление переводческой эмпатии, «вживания» переводчика в образ автора. Как и С. Маршак, А. Абриль создает в переводном тексте особую атмосферу юмора, иронии. Он не стремится точно перевести слова, но передает дух оригинала. И не имеет значения, что в оригинале был город Ленинград, а в перево-

де он заменен на Париж. Главное, что текст перевода может жить своей жизнью в другой культуре. Интерпретирующая функция переводчика проявляется именно в процессе создания качественного, гармоничного перевода: глубинные смыслы текстов оригинала и перевода согласованы, они проникли в сознание переводчика, в его активную рефлексивную деятельность.

Попытаемся соотнести вышеназванные факторы и пояснить, как происходит понимание текста переводчиком с когнитивной точки зрения. Мы можем себе представить, что переводчик «погружается» в переводческое пространство, где он «собирает» фрагменты текстовой ткани из фрагментов смысла, т.е. интерпретирует множество смыслов, согласно своим переводческим воззрениям и индивидуальной переводческой картине мира. Мы предполагаем, что в поле переводчика, которое продуцирует индивидуально-образный смысл, создается индивидуальное когнитивное пространство, обусловленное уровнем интеллекта переводчика, его рефлексивными способностями, его умениями преодолевать межязыковую и межкультурную асимметрию, его способностью гармонизировать интертекстуальные взаимодействия родной и иноязычной культур, его стремлением размышлять, творить, искать новые переводческие решения и др. Согласно нашей концепции переводческого пространства, этот процесс не ограничивается полем переводчика, он вовлекает в свою орбиту все поля переводческого пространства.

Интерпретирующая функция переводческого понимания «включается», начиная с анализа поля автора, чьи мотивы, идеи, цели, интенции осваивает переводчик в процессе овладения смыслами поля автора. Переводческая рефлексия простирается на прогнозирование поля реципиента и его рефлексивных смыслов. Переводчик интерпретирует и смыслы текстовых полей: содержательного, энергетического, фатического. Синергетический эффект, сопровождаемый порождением новых смыслов в фатическом поле переводческого пространства как вершине переводческой интерпретации, означает, что текст перевода гармоничен: его смыслы соразмерны, соотносимы со смыслами текста оригинала. Таким образом, гармоничное переводческое мировоззрение отражается в гармоничном тексте перевода, который становится фактом другой лингвокультуры.

Мы убеждены в том, что процесс гармонизации смыслов в переводческом пространстве основан, прежде всего, на таком факторе, как интерпретирующая функция переводческого понимания. Это означает, что каждый субъект переводческой коммуникации, каждая языковая личность по-своему, индивидуально воспринимает, понимает и интерпретирует смыслы текста. При этом текст перевода создается переводчиком, и его интерпретирующая функция оказывается доминирующей. Организованная таким образом деятельность языковой личности переводчика способствует реализации его гуманитарной миссии – обеспечивая понимание текста, принадлежащего другой культуре, переводчик содействует взаимопониманию личностей, создающих разные культуры, развивая себя и обогащая других.

Заключение. Проблема интерпретирующего переводческого понимания становится актуальной в свете современной когнитивной парадигмы, которая, в свою очередь, отражает важнейший принцип гуманитарных наук, включая лингвистику и теорию перевода – принцип антропоцентризма, при котором в центре внимания исследователей – языковая личность как ценностнопорождающий феномен. Исследуя тексты оригинала и перевода, которые являются коммуникативным воплощением языковой личности автора, переводчика, реципиента, мы тем самым приближаемся к постижению глубинных когнитивных механизмов, которые определяют внутренний мир человека, его мироощущение, мировоззрение. Переводчик, который вбирает в себя когнитивные пространства разных языковых личностей, являющихся носителями разных лингвокультур, оказывается фигурой наиболее сложной. В связи с этим изучение некоторых особенностей его профессиональной деятельности может пролить свет на другие языковые личности, с которыми он взаимодействует. Ясно, что переводческая картина мира также отличается разнообразием. В рамках данного исследования нас интересовал один из ее аспектов, а именно: интерпретирующее понимание как источник порождения новых смыслов, гармоничных исходным. Языковая личность переводчика оказывается на пересечении других языковых личностей, поэтому она притягивает к себе исследователей, тем более что уровень нашего позитивного взаимодействия во многом определяется уровнем переводческого понимания, которое обеспечивает развитие и ренессанс контактирующих культур.

Завершая, подчеркнем, что исследование интерпретирующей функции переводческого понимания, отражающего индивидуальную переводческую картину мира, расширяет наши представления о когнитивных механизмах перевода, лежащих в основе процессов гармонизации и синергии смыслов в переводческом пространстве.

Библиография

- Алексеева Л.М., Шутемова Н.В. Типологическая доминанта текста в переводе. – Пермь, 2016. – 204 с.
 Аликина Е.В., Швецова Ю.О. Формирование экстралингвистической компетенции будущих устных переводчиков // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 189.
 Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидности текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – Л., 1984. – 31 с.
 Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
 Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5–12.

- Болдырев Н.Н., Виноградова С.Г. Сложное предложение и его метакогнитивное моделирование // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 69–76.
- Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Философия и герменевтика. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
- Гавриленко Н.Н. Понять, чтобы перевести. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. Книга 2. – М.: НТО им. С.А. Вавилова, 2010. – 206 с.
- Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 5–20.
- Карасик В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 71–75.
- Кушнина Л.В. Гипотеза о существовании переводческого пространства // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 144–149.
- Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. – Пермь, 2009. – 196 с.
- Кушнина Л.В., Криворучко А.Н., Ушакова А.О. Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики – 2016. – № 3. – С. 85–95.
- Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
- Павиленис Р.И. Проблема смысла: Логико-функциональный анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – М.: Р. Валент, 2017. – 480 с.
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 576 с.
- Abril Henri. Anthologie de la poesie russe pour enfants. Traduction et choix de Henri Abril, Circe poche, 2000. – 185 p.
- Diener Pierre. Mon crime et chatiment// Mille et une miniature, Paris, 2000. – 137 p.
- Hewson Lance. Eloge de la subjectivité //Atelier de traduction. Subjectivité du traduire, 2013, Suceava. – P. 13–29.
- Ladmiral J.R. Sourcier ou cibliste: les profondeurs de la traduction. Paris, ed. Les Belles lettres, 2015 – 311 p.
- Lederer M. La traduction aujourd'hui. Paris, ed. Hachette, 1994. – 223 p.

**Аксиологический потенциал древнерусского и старославянского языков
в связи с проблемой формирования языковой личности филолога**

¹Самойлова Галина Савельевна

²Петрова Наталия Евгеньевна

³Комышкова Анна Дмитриевна

⁴Павлов Сергей Геннадьевич

¹Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Россия
603070, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: galasam2010@yandex.ru

²Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Россия
603070, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
доктор филологических наук, доцент
E-mail: petrova_ngpu@mail.ru

³Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Россия
603070, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: filcomanka@mail.ru

⁴Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Россия
603070, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: sergeypavlov70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический потенциал старославянского и древнерусского языков в связи с проблемой формирования языковой личности филолога. Описываются дидактические возможности языка-консерванта в процессе подготовки учителя-словесника: формирование отношения к родному языку и историческому пути его развития как богатству и ценности, которые способствуют объединению и консолидации народа, говорящего на этом языке. Раскрывается понятие языковой этичности как значимой характеристики сильной языковой личности, анализируются лингвометодические аспекты моделирования дидактического материала при использовании прецедентных текстов в подготовке филолога.

Ключевые слова: языковые ценности, язык-консервант, сильная языковая личность, языковая этичность, прецедентный текст.

УДК 811.163.1

**Axiological potential of the Old Russian and Old Slavonic languages
and the problem of forming the linguistic personality of a philologist**

¹ Galina S. Samoilova

² Natalia E. Petrova

³ Anna D. Komyshkova

⁴ Sergey G. Pavlov

¹Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Russia
603070 Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: galasam2010@yandex.ru

²Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Russia
603070 Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1
Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: petrova_ngpu@mail.ru

³Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Russia
603070 Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: filcomanka@mail.ru

⁴Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Russia
603070, Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: sergeypavlov70@mail.ru

Abstract. The article discusses the axiological potential of the Old Slavic and Old Russian languages in connection with the problem of forming the linguistic personality of a philologist. The paper dwells on didactic possibilities of the preserving language in the process of training a teacher of philology: formation of attitude to the native language and history of its development as a wealth and value contributing to the unification and consolidation of the speakers of this particular language. The authors define the concept of language ethics as a significant characteristic of a strong linguistic personality, analyze linguistic methodology of modeling didactic material drawing on the precedent texts.

Keywords: language values, preserving language, strong linguistic personality, language ethics, precedent text.

UDC 811.163.1

Введение. В основе отечественного образования традиционно лежит аксиологический подход, который предполагает направленность образовательного процесса на формирование духовно зрелой личности, на развитие идеи самообразования и самовоспитания, на привитие и становление духовно-нравственных принципов.

Размышляя о роли образования в названном аспекте, протоиерей Василий Смагин пишет: «Образование не может быть лишь простой передачей знаний, так как человеческая личность должна развиваться во всех планах своего бытия. Поэтому, когда мы говорим об образовании, то понимаем, что оно призвано совершенствовать не только интеллектуальный и творческий потенциал человека, но и эмоциональную и нравственную сферу его жизни. Подлинное образование должно способствовать поискам смысла ценностей, формировать личность, ответственную за окружающее и за будущее» [Смагин 2004: 27]. Такой подход не является национально-специфичным, т.к. находит отражение в современной мировой педагогике [см., например, Prabhu 2011].

Аксиологическая составляющая особенно важна в системе педагогического образования. «Профессиональная подготовка будущих педагогов, основанная на аксиологическом подходе, способствует решению актуальных задач современного образования, связанных с развитием у обучающихся системы образовательных и профессиональных ценностей: осознание социальной и личностной значимости профессии педагога, ее гуманистической миссии и понимание собственного отношения к базовым ценностям установкам профессии, движущих мотивов профессионального становления» [Бичева 2018: 3: Электронный ресурс].

Среди аксиологических ориентиров «подлинного образования» особое значение, на наш взгляд, имеет ценностное отношение к языку. С одной стороны, язык, будучи средством национальной самоидентификации, служит объединяющим началом для членов социума, независимо от их общественного статуса, образования, возраста, имущественного положения. С другой стороны, язык как в плане своей семантики, так и в плане формы выступает неотъемлемой частью национальной истории, культуры, духовности. Л.Г. Панин пишет: «Чаще всего, когда мы говорим о единстве языка, то имеем в виду то, что он совокупен в своих диалектных проявлениях и в литературной форме. И забываем, что язык един и потому (а может быть, прежде всего потому), что он являет собой этап (часть) своей истории» [Панин 2007: 337]. Таким образом, важнейшим компонентом и индикатором общей культуры человека является ответственность за освоение языкового наследия и сохранение русской языковой ментальности. Осознавая значимость обозначенных аспектов образования, считаем формирование языковой личности филолога одним из таких направлений высшего педагогического образования, которые определяют содержание подготовки учителя-словесника.

С этой точки зрения, преподавание историко-лингвистических дисциплин (старославянский язык, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка) приобретает особую значимость в структуре подготовки филолога. Стержневой идеей процесса воспитания будущего филолога, по нашему мнению, является осознание роли языка в истории духовной жизни нашего народа, истоки которой мы находим в старославянском и древнерусском языках. Об этом в конце XIX в. размышлял Ф.И. Буслаев, отметив: «В церковнославянских книгах речением язык именуется не только дар слова, но и самый народ, согласно с той истиною, что язык образуется не отдельными лицами, а целым народом, составляя его существенное достояние» [Буслаев 1959: 21]. Ранее во многом сходную «пользу книг церковных в российском языке» обозначил М.В. Ломоносов, подчеркнув объединяющую роль церковнославянского языка во времени и пространстве: «Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет» [Ломоносов 1986: 477].

В XIX в. задача изучения старославянского (церковнославянского) языка отчетливо осознавалась и находила практическое воплощение в системе тесного взаимодействия академической лингвистической науки и гимназического образования, составлявшего базу для получения высшего, университетского образования. Однако основной упор в гимназиях делался на русский язык, методологические основы преподавания которого имели четкое целеполагание: «научность и системность в преподавании русского языка должна была способствовать уважительному отношению учащихся к родному языку, а значит, и к народу, говорящему на нем» [Павлов, Петрова 2012: 65]. В то же время в образовании народных «низов», которое осуществлялось приходскими училищами, весьма существенна была роль именно старославянского языка. Главная цель начального образования состояла в том, чтобы человек имел возможность пользоваться Священным Писанием и священными книгами. При этом «обучение славянскому языку в пределах, позволяющих читать священные тексты, призвано было служить не столько образованию, сколько нравственному воспитанию народных масс в духе традиционных православных ценностей и той национальной идеи, которую сформулировал С.С. Уваров» [Там же: 66].

В обыденном сознании современного русскоговорящего человека феномен церковнославянского языка вызывает различные и даже контрастные ассоциации: согласно исследованию А. Батулиной, в публицистических текстах религиозной тематики атрибутивные распространители к словосочетанию *церковнославянский язык* могут иметь как мелиоративную («многогранный», «красивый», «самый богатый и поэтический»), так и пейоративную («непривычный», «громоздкий и сложный») семантику. По мнению исследователя, «текст на церковнославянском языке у одного и того же автора может получать совершенно разную метаязыковую характеристику в зависимости от мировоззренческих установок и читательского опыта субъекта рефлексии» [Batulina 2018: 75].

В связи с этим сегодня изучение исторических корней русского языка призвано сформировать ценностное отношение к нему и его объединяющей и консолидирующей роли, особенно важной и значимой в современных условиях общественной жизни. Кроме того, несомненно, «необходимость обращения к истории русского языка также связана с усилением интереса к особенностям и корням русской ментальности, а язык, как известно, является ее хранителем» [Бабулевич, Кузенная 2018: Электронный ресурс].

Материалы и методы. Предметом настоящего исследования является аксиологический потенциал старославянского и древнерусского языков в формировании языковой личности, представленный как система языковых ценностей, отраженных в словарном составе и текстах данных языков. Опираясь на традиционное понимание языковой личности, предложенное Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987], мы разделяем педагогическую концепцию лингвориторического (ЛР) образования А.А. Ворожбитовой и весьма положительно оцениваем разработанную на ее основе социокультурную модель – «модель *сильной языковой личности диалогического, демократического типа* – современная модификация отечественного ЛР-идеала, которая выступает стратегической целью образовательной политики как в области обучения языку и речи, так и в сфере образования в целом» [Ворожбитова 2005: 94].

Данная модель в системе педагогического образования, прежде всего, должна быть реализована при подготовке учителя-словесника, чтобы помочь ему выработать отношение к языку как антропоцентричному феномену. Мы солидарны с позицией тех исследователей, которые увязывают актуальные аспекты и задачи педагогической риторики и лингвориторики с возникновением новых профессиональных компетенций учителя-словесника, требующих «не просто «осовременивания» содержания и методов обучения студентов, но радикального пересмотра философии и методологии образования в вузе» [Ерохина 2017: 77].

Обсуждение. Старославянский язык для изучающего русский язык и его историю является первой письменной фиксацией славянской речи, первым литературным языком всех славянских народов, торжественным сакральным языком Русской православной церкви. Божественное предназначение и духовные функции старославянского языка были осознаны уже на ранних этапах его существования. В настоящее время старославянскому языку отводится особая роль в историческом развитии славянских языков – роль «языка-консерванта». По мнению Л.Г. Панина, «языки-консерванты» (латинский, древнегреческий, церковнославянский) аккумулируют в своем составе тысячелетний опыт человечества, обеспечивая жизнеспособность и гарантии существования современных языков. «Историческая перспектива и историческая ретроспектива (что для языка более важно) – это то, что определяет язык как сущность. И в этой сущности важную роль играет то, что можно определить в качестве условий, или гарантий, существования языка. Для меня одним из таких условий существования русского языка является церковнославянский язык. Это – язык-консервант», – пишет Л.Г. Панин [Панин 2007: 338].

Определяя значение старославянского языка и описывая изменения его лексического состава в Болгарском царстве в X в., Н.С. Трубецкой замечает: «Видоизменен был также словарный состав старославянского языка, введено было много новых слов, созданных по образцу соответствующих греческих или заимствованных из живого болгарского говора <...>. Подновлена была и грамматика. Словом, церковнославянский язык предстал в новом, освеженном и более воплощенном виде. И в таком виде он стал не только официальным языком Церкви и Болгарского царства, но и мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени» [Трубецкой 1990: 129]. «Прививка византийской духовной культуры к славянскому племени» через старославянский язык и есть указание на его консерви-

рующую, но жизнеспособную функцию. Думается, что в числе прочих и по этой причине современное духовенство считает некорректным характеристикой старославянского языка как мертвого языка.

Ярким показателем развития и совершенствования духовной культуры носителя русского языка служит освоение им старославянской лексики и обогащение за счет ресурсов старославянского языка в развитии русского книжного языка впервые была теоретически осмыслена М.В. Ломоносовым. В «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке» он указывал на происходящее благодаря старославянскому языку обогащение русского языка лексикой греческого языка и способностью выражать сильные и возвышенные идеи. Особенно показательны в этом плане сложные слова с корнями *благо*, *добро*, *зло*. Так, Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) отражает около 70 лексем с корнем *благо*: *благоволение*, *благоверие*, *благовешение*, *благодоушие*, *благодарение*, *благодарие*, *благоизволение*, *благоиспытание*, *благословешение*, *благородие*, *благорастворение*, *благословение*, *благочинение*, *благочыстие*, *благооухание* и др. [Старославянский словарь 1999: 85–90]. Продолжает ряд сложных слов с мелиоративной семантикой более 30 лексем с корнем *добро*, среди которых – *добрование*, *доброевение*, *доброедеяние*, *доброродие*, *доброродство*, *доброричьнь*, *доброобразьнь*, *добропобедьнь*, *добропомощьница*, *добропотребьнь*, *доброразумивь*, *добростьворение*, *доброчыстие*, *добропримати*, *доброедеянь* [Там же: 190–192] и многие другие. При этом наблюдается разнообразие частеречной принадлежности слов с указанным корнем: среди них представлены существительные, прилагательные, глаголы, наречия, что свидетельствует о коммуникативной востребованности аксиологических смыслов «*благо*» и «*добро*».

Обратим внимание на слова с антонимичным корнем – *зло* (*зьло*). Названный словарь фиксирует значительное количество (более 20) лексем с этим корнем: *зьлобесьнь*, *зьловерие*, *зьловерьство*, *зьлодействие*, *зьлодеяние*, *зьлокозньнь*, *зьлонравие*, *зьлотворение*, *зьлострадати*, *зьлочестьнь* и др. [Там же: 239–241]. Семантика корня *зьло*, казалось бы, не предполагает мелиоративных оттенков значения всего сложного слова, однако каждая из названных лексем имеет возвышенный, часто обличительный характер, обладает мощным эмоциональным воздействием еще и потому, что употребление подобных слов в речи рождает особый звуковой (слуховой) или графический (зрительный) образ. Данными словами нельзя обругать, но можно обличить, осудить за несправедное деяние. Примечательно, что «в количественном отношении образования с корнем *зьло* существенно проигрывают словам с корнем *благо* и *добро*, и этот факт также может свидетельствовать о ценностных установках древних славянских языков» [Комышкова, Самойлова 2015: 28].

А.А. Ворожбитова, представляя лингвориторическую модель филолога как профессиональной языковой личности в поликультурном аспекте подготовки специалиста в области русской филологии, обозначает в качестве одного из параметров речемыслительной культуры будущего специалиста-филолога идеал – БЛАГО и ДОБРО, достигаемый речевыми средствами. Для ученого это комплекс ценностей и норм будущего филолога, формируемый в процессе обучения, «*этносное кредо* – стремиться к общественному благу, соблюдать ведущее коммуникативное намерение – глобальную установку на доминанту риторического идеала «Благо – Добро» во всех сферах общения; соблюдать и пропагандировать отечественные традиции речевого поведения: уравновешенность, миролюбие, немногословие, правдивость, искренность, спокойствие, благожелательность и др.» [Ворожбитова 2012: 207]. Именно на эти личностные качества ориентирован в своей генетической основе старославянский язык. В связи с этим кажется неслучайным, что номинациями всех обозначенных ученым «традиций речевого поведения» являются лексемы с признаками старославянского происхождения (соответствующие суффиксы отвлеченных существительных и сложные слова).

Таким образом, «старославянский (церковнославянский) язык становится языком-консервантом для русского языка во все периоды его существования и в связи с этим – методологической основой, интегративной базой для изучения истории русского языка. Это положение касается исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка как основных учебных дисциплин историко-лингвистической подготовки специалиста-филолога» [Самойлова 2010: 709].

Современные лингвисты видят еще одну новую роль старославянского языка. Приобщение к церковнославянскому (старославянскому в своей основе) языку – торжественному, сакральному языку православия воспринимается нами как способ формирования возвышенного стиля общения современного человека с Богом. Именно церковнославянский язык становится посредником для понимания, осознания, восприятия духовной картины мира, а также для её «присвоения» как ценностного явления. Этому способствует всевозрастающая роль русской православной церкви в жизни российского общества, а также стремление представителей молодого поколения понять (и принять!) свои корни и истоки.

Церковнославянский язык, не являясь вполне понятным языком, вместе с тем, не воспринимается как нечто чуждое современному славянину: любой владеющий русским языком в качестве родного услышит и почувствует в приведенных примерах старославянского языка звуки родной речи, знакомые слова, фразы, интонацию. Наша позиция подтверждается учеными, которые обосновывают необходимость введения в школьную практику курса церковнославянского языка – первого книжного, письменного, литературного языка всех славянских народов, созданного исключительно для духовных нужд, для проведения богослужения на родном славянском языке. Именно с церковнославянским языком связано понятие языковой этич-

ности, которое Н.М. Дмитриева вводит для того, «чтобы обозначить внутреннее языковое чутье или языковой вкус и отделить понятие языковой этичности от этики и речевого этикета» [Дмитриева 2004: 311]. Совершенно очевидно, что языковое чутье или языковой вкус может проявляться (и проявляется!) в той языковой среде, где представлено богатство и разнообразие языковых единиц: слов, фразеологизмов, морфем, синтаксических конструций и др.

По нашему мнению, языковая этичность – сложное явление, имеющее как внутренние, так и внешние аспекты существования и развития. С одной стороны, языковая этичность входит в качестве составляющей в языковой менталитет, определяя наиболее значимые для носителя языка понятия, представления, особенности мировидения и мировосприятия. Эти характеристики языковой этичности формируются подсознательно, одновременно с постижением и освоением форм и единиц родного языка. С другой стороны, языковое чутье и языковой вкус воспитываются и развиваются в течение жизни под контролем сознания. Рассуждая о языковой личности филолога, учителя-словесника, отметим, что языковая этичность – непреложное условие формирования его коммуникативных компетенций. Исследователи справедливо подчеркивают особую роль в этом процессе сакральных языков, языков-консервантов: «Лексика церковнославянского языка, благодаря своей сакральности, сохранила живые, одухотворенные образы. В языке молитв нет слов, которые сознательно или подсознательно толкают на зло, все они учат покаянию, прощению, страху Божьему» [Там же: 312].

Формирование сильной языковой личности филолога не представляется возможным без учета наиболее значимого в цикле историко-лингвистических единиц материала – прецедентного старославянского и древнерусского текста. По мнению В.В. Красных, все виды прецедентных текстов имеют ряд общих свойств: они хорошо известны большинству членов того или иного лингвокультурного сообщества; являются символами определенных понятий; могут функционировать как свернутые метафоры [Красных 2003: 171–172]. Это в равной степени касается памятников старославянского и древнерусского языков. К прецедентным древнерусским текстам мы относим памятники письменности, обладающие эстетической значимостью, включенные в исторический контекст в качестве ментальной ценности этноса и находящиеся по этой причине отклик в общекультурном и филологическом сознании русского человека. В таком контексте прецедентный древнерусский текст как памятник письменности служит основой моделирования интегративного дидактического материала для ряда учебных дисциплин: исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, древнерусской литературы.

Языковая ситуация Древней Руси к моменту появления письменности (X–XI вв.) отличалась сосуществованием и взаимодействием (взаимовлиянием) двух различных по своей природе систем – устной, живой речи восточных славян (древнерусский язык) и книжного, письменного старославянского языка. Наличие в письменной культуре Древней Руси текстов разного содержания и достаточно разных языковых особенностей дает возможность выбора дидактического материала таким образом, чтобы эффективно использовать их (текстов) интертекстуальный ресурс. Прежде всего, это ресурс житийных текстов, в которых фигурируют имена собственные, ставшие в сознании современного носителя русского языка прецедентными феноменами: Кирилл и Мефодий как символы славянской книжности; Александр Невский как образец воина-защитника отечества; Петр и Феврония Муромские как символ семьи, любви и супружеской верности; протопоп Аввакум как образец истовой веры и негибкой воли. Возвращение к этим именам-образам в контексте житийных памятников обогащает ассоциативный фон, имеющийся у студентов, стимулирует их интерес к постижению основ национального менталитета. Наконец, использование в качестве дидактического материала самих житийных текстов способствует систематизации историко-лингвистических знаний студентов.

Так, «Житие Мефодия», включенное в «Успенский сборник» XII–XIII вв., выступает как связующее звено между курсами старославянского и древнерусского языков, позволяя тем самым актуализировать имеющиеся знания по древним славянским языкам. Данный памятник представляет собой текст церковнославянского языка (старославянского языка русской редакции), поэтому он более, чем старославянский текст, понятен и доступен читателю. Имя же старшего из солунских братьев – Мефодия – в лингвокультурном сознании любого славянского народа связывается с именем младшего брата – Константина Философа (святого Кирилла), чей духовный подвиг стал символом бескорыстного, подвижнического служения славянской культуре.

Плодотворным, на наш взгляд, оказывается сравнение памятников житийной литературы, написанных в разные культурно-исторические эпохи. Известно, что житийная литература, переводная и созданная древнерусскими книжниками после канонизации русских святых, была важным средством духовно-нравственного воспитания. Именно житийная литература давала наглядные уроки практического применения и воплощения религиозных догматов и отвлеченных христианских идеалов, «рисовала нравственный идеал человека, достигшего полного торжества духа над грешной плотью, полной победы над земными страстями» [Кусков 1989: 32]. Надо ли говорить о том, что такого рода произведения актуальны в современную эпоху – эпоху попрания всяческих идеалов, отсутствия любых запретов, стирания и разрушения нравственных императивов?

Мы предлагаем для анализа при решении конкретных учебных задач ряд произведений агиографической литературы, бытовавших на Руси и наиболее читаемых в силу не только духовных, но и эстетических

потребностей: «Житие Феодосия Печерского» (классический, канонический вариант, XII в.); «Житие Александра Невского» (вариант книжно-славянского типа древнерусского литературного языка, включающий элементы древнерусской воинской повести, XIII–XIV вв.); «Житие Стефана Пермского», («украшенный» вариант, отраживший архаизацию языка и «извитие словес» в результате второго южнославянского влияния, XV в.); «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (во многом ориентированный на фольклорные тексты образец агиографической литературы, XVI в.); «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное» (нарушение принятого канона, в том числе языкового, XVII в.) и др.

В ходе работы с житийными памятниками особенно интересным представляется сравнительный анализ текстов, принадлежащих к одному и тому же типу (стилю) языка, но разделенных временными границами. Постигание студентами изменений в способах отображения действительности, понимание особенностей мировосприятия и мировидения русского человека разных временных пластов создает тот необходимый фон, на котором отчетливо видно движение, развитие, демократизация элементов языковой системы.

Аналогичным образом выстраивается летописный материал: сюжеты воинских повестей, включенные в летописи разных периодов и разного территориального происхождения; произведения «делового языка», дающие наиболее полное представление о движении системы живого древнерусского языка на всех его уровнях и т.п. Только после установления единых процессов и явлений, по нашему мнению, можно говорить о различиях и специфике изучаемых текстов. Многолетний опыт работы со студентами-филологами показывает, что наиболее успешно понятие литературного двуязычия и характеристики двух типов литературного языка в литературном языке Древней Руси осознается и осваивается, если языковая ситуация и типы письменных памятников Древней Руси к моменту появления письменности обсуждалась в курсах старославянского и древнерусского языков.

Заключение. На основе проведенного исследования аксиологического потенциала старославянского и древнерусского языков в связи с проблемой формирования языковой личности филолога можно утверждать следующее.

Знание, понимание, изучение старославянского и древнерусского языков способствует становлению, развитию и совершенствованию таких профессиональных компетенций будущего учителя-словесника, которые позволят ему решать задачу формирования ценностного отношения к родному языку и историческому пути его развития.

Среди аксиологических ориентиров сильной языковой личности (в первую очередь языковой личности филолога) важное место занимает языковая этичность – языковое чутье и языковой вкус, проявляющиеся в языковом менталитете, определяющие наиболее значимые для носителя языка понятия, представления, особенности мировидения и мировосприятия.

Прецедентные тексты древнерусского и старославянского языков сохраняют и поддерживают генетическую память о духовной культуре предшественников, развивают языковое чутье, при этом исходной базой этого развития служит современный национальный язык. Картина мира, создаваемая сопряжением (а для человека, в той или иной мере приобщившегося к церковнославянскому языку, – наложением) старославянского, древнерусского и современного русского языков, предстает в ментальных языковых формах, требующих не просто бережного, но трепетного отношения к родному языку как факту проявления духовной культуры человека.

Библиография

Бабулевич С.Н., Кузенная Т.Ф. Историко-лингвистическое комментирование в контексте обучения русскому языку в школе // Сетевое издание «Вестник Мининского университета». – 2018. – Т. 6, № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/756> (дата обращения – 25.11.2019).

Бичева И.Б., Филатова О.М. Перспективы профессиональной подготовки педагогов: аксиологический подход // Сетевое издание «Вестник Мининского университета». – 2018. – Т. 6, № 2. – С. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/806> (дата обращения – 25.11.2019).

Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2012. – № 17. – С. 205–210.

Ворожбитова А.А. О концепции лингвориторического образования // Высшее образование в России. – 2005. – № 10. – С. 91–96.

Дмитриева Н.М. К вопросу о церковнославянском языке и языковой этичности // Библия и национальная культура: межвузовский сборник научных статей и сообщений. – Пермь: Пермский государственный университет, 2004. – С. 309–312.

Ерохина Е.Л. Новые компетенции в структуре языковой личности современного учителя-словесника как ориентир модернизации филологического образования // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22–1. – С. 77–79.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 363 с.

Комышкова А.Д., Самойлова Г.С. Лексема ЗЛЮ в аспекте ценностных ориентиров русского языка // *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Yana Kochanowskiego*, tom 23. /Pod redakcia Lidii Mazur-Viezwy. Kielce, 2015. – S. 21–29.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 1989. – 304 с.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 473–478. (Библиотека поэта; Большая серия).

Павлов С.Г., Петрова Н.Е. Лингвистика. Образование. Идеология (Россия XIX–XXI вв.): монография. – Нижний Новгород: НГПУ, 2012. – 182 с.

Панин Л.Г. Языки-консерванты в современном культурном и образовательном пространстве // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сборник научных трудов / Труды гуманитарного факультета. Серия 2. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет. – 2007. – Вып. 10. – С. 337–342.

Самойлова Г.С. Дидактический потенциал старославянского языка как «языка-консерванта» в интеграции дисциплин историко-лингвистического цикла // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2010. – № 4 (2). – С. 708–711.

Смагин Василий (протоиерей). О задачах образования в свете православной веры / Василий Смагин (протоиерей) // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. История и современность: XIII Рождественские православно-философские чтения. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2004. – С. 26–35.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков); под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / *Вопросы языкознания*. – 1990. – № 2. – С. 122–139.

Batulina Anna. Church Slavonic lexicon and phraseology as an object of metalinguistic reflection in the journalistic literature on religious subjects // *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Yana Kochanowskiego*, tom 26. / Pod redakcją Martyny Król-Kumor. Kielce, 2018. – S. 71–75.

Narayan Krishna Prabhu. Human values in education: Reflecting on the core // *International Research Journals*. 2011. Vol. 2(12). Pp. 1727-1732. Available at: <https://www.interestjournals.org/articles/human-values-in-education-reflecting-on-the-core.pdf> (accessed: 27.03.2018).

Политик Сергей Михеев как дискурсивная личность

Сидорова Татьяна Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
163002, г. Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17
доктор филологических наук, профессор
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

Аннотация: В статье представлено лингвоперсонологическое исследование, направленное на описание образа дискурсивной личности конкретного политика. Реализуется когнитивно-дискурсивный анализ, базирующийся на лингвориторическом подходе в целом. Предметом исследования являются содержательные доминанты и смысловые конструкты дискурсивного поведения российского политика Сергея Михеева, когнитивные и лингвориторические механизмы интерпретации речевых действий как компонентов дискурсивного поведения личности с целью определения её лингвориторической компетентности. Содержательные доминанты мы соотносим со смысловыми конструктами, которые задаются личностью и детерминируются её ценностными установками, потребностями, мировоззрением и мировосприятием. Именно смысловые доминанты, конструкты и пресуппозиции манифестируют инвентивные механизмы дискурсивной деятельности личности. Исследование осуществляется в рамках темы «Россия – Украина». Доказано, что Сергея Михеева следует отнести к смешанному типу элитарной языковой личности, прагматически ориентированной. Данный тип характеризуется несколькими моделями речевого поведения. Дискурсивная личность Сергея Михеева является прототипом языковой личности успешного политика будущего времени. Как дискурсивная личность, он совмещает в себе те качества политического деятеля, которые идеологически близки подавляющей массе населения России.

Ключевые слова: дискурсивная личность, дискурсивное поведение, смысловая доминанта, смысловой конструкт, лингвориторические механизмы дискурсивной деятельности, социокультурный контекст.

УДК 801.7

Politician Sergey Mikheev as a discourse personality

Tatyana A. Sidorova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia
163002 Arkhangelsk, Severnaya Dvina Emb., 17
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: t.sidorova@narfu.ru

Abstract: The paper presents a linguistic personological study intended to describe the image of a discourse personality of a particular politician applying the cognitive-discourse analysis within the scope of the linguistic rhetorical approach. The subject of the study is the dominant ideas and semantic constructs of the discourse behaviour of the Russian politician Sergey Mikheev, cognitive and linguistic rhetoric mechanisms of interpreting speech acts as components of the discourse behaviour of a person to identify his linguistic rhetorical competence. The dominant ideas are matched with semantic constructs preset by this personality and determined by the system of his values, needs, worldviews and world perception. These dominant ideas, constructs and background knowledge demonstrate inventive mechanisms of the discourse activity of this personality. It is proved that Sergey Mikheev belongs to the mixed type of an elitist and pragmatically oriented linguistic personality characterized by several models of speech behaviour. The discourse personality of Sergey Mikheev is a prototype of the linguistic one of a successful politician of the future. As a discourse personality, he combines the features of a professional politician who is ideologically aligned with the overwhelming majority of Russian population.

Keywords: discourse personality, discourse behaviour, dominant idea, semantic construct, linguistic rhetoric mechanisms of discourse activity, sociocultural context.

UDC 801.7

Введение. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью роли языковой личности в дискурсе вообще и в политическом дискурсе в частности. В настоящее время отмечается возрастание интереса к изучению прагматико-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию политического дискурса, сочетающихся с лингвориторическим. Основополагающим остаётся положение Л.П. Якубинского о необходимости «рассмотрения языка в зависимости от условий общения» [Якубинский 1986: 18]. Основная цель исследования – определить статус дискурсивной личности политика Сергея Михеева на основе выявления её особенностей. Объект исследования – языковая личность в дискурсивном аспекте. Предмет исследования – особенности языковой личности в речеповеденческом аспекте в процессе дискурсивной деятельности как показатель её статуса.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые анализу дискурсов в различных аспектах: прагматическом (Т.Г. Винокур, Т.А. ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Ленекер, Е. Шейгал и др.), когнитивном (Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Ч. Филлмор, У. Чейф и др.), коммуникативном (Т.А. ван Дейк, М.Ю. Олешков, В.И. Карасик, И.А. Стернин и др.), лингвориторическом (Н.А. Безменова, А.А. Ворожбитова, Ж. Дюбуа, А.К. Михальская, Г.Г. Хазагеров и др.). В качестве основного в работе реализуется когнитивно-дискурсивный подход, базирующийся на лингвориторическом в целом. Центральным принципом является антропоцентрический, обеспечивающий анализ языковых и дискурсивных явлений в тесной связи с коммуникативной/дискурсивной личностью (Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, Т.Г. Винокур, М.Л. Макаров, К.Ф. Седов и др.). Лингвориторический подход коррелирует с когнитивно-дискурсивным в аспекте антропоцентризма, поэтому оба подхода считаем наиболее адекватными для выявления специфики дискурсивной личности. Личность в дискурсивном аспекте является создателем и потребителем дискурса. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет глубже осмыслить личность Говорящего (адресанта, продуцента) и выявить особенности концептуализации знаний, объективированных в политическом дискурсе. Политическая реальность, создаваемая дискурсивной личностью, отражает особое категориальное сознание, базирующееся на наглядно-чувственном опыте и оценке политических событий, поскольку дискурсивная личность является одновременно носителем определённой идеологии, в процессе исследования мы опираемся на идеологические доминанты её речевых поступков: Этнос, Пафос, Логос и Софию.

В работе также осуществляется опора на труды, посвящённые изучению языковой личности в различных её аспектах (Г.И. Богин, И.Н. Борисова, Т.Г. Винокур, А.А. Ворожбитова, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов и др.). Материалом для исследования стали выступления Сергея Михеева по теме «Россия и Украина» в передаче «Вечер с Владимиром Соловьёвым» (Первый канал, т/п «Вечер с Владимиром Соловьёвым». 08.10.2018; 07.03.2018; 16.03.2018).

Обсуждение. Соглашаясь в целом с высказыванием В.В. Красных о том, что «человек говорящий» в ходе общения выступает в единстве всех своих ипостасей» [Красных 2001: 151–152], считаем возможным выделение личности в дискурсивном аспекте как дискурсивной личности. Под дискурсивной личностью при этом понимается личность, чья деятельность направлена на порождение и/или восприятие дискурса, т.е. личность, осуществляющая дискурсивную деятельность. Для дискурсивной личности характерна установка на сам процесс взаимодействия, что находит отражение в дискурсивном поведении личности, которое подвергается анализу в процессе исследования. До сих пор не решён вопрос о статусе термина «дискурсивное поведение личности». Например, К.Ф. Седов в понятие «дискурсивное поведение» включает понятие «дискурсивная деятельность» [Седов 2004: 9]. Т.Г. Винокур рассматривает это понятие как производное от понятия «речевая деятельность» [Винокур 1993]. Этой точки зрения придерживается и И.Н. Борисова [Борисова 2005], осмысливающая речевое поведение, в том числе и дискурсивное, как форму проявления речевой деятельности. Мы согласны с учёным в определении особой роли социокультурного контекста при анализе речевого/дискурсивного поведения [Борисова 2005: 142]. По аналогии с аспектами языковой личности (речевая личность, коммуникативная, дискурсивная, текстовая) выделяются и типы речевого поведения. Дискурсивным считается коммуникативное поведение, рассмотренное в «двустороннем», интерактивном, интересубъектном плане, как скоординированное с поведением другого субъекта [Усачёва 2011: 35]. О дискурсивном взаимодействии личностей и их стратегий в конкретном коммуникативном эпизоде пишет и М.Л. Макаров [Макаров 2003: 217].

Дискурсивная личность С. Михеева, взаимодействуя с адресатом, постоянно возбуждает рефлексии, особенно социокультурные и исторические. Например, интерпретируя событие «пожар в Доме профсоюзов» в Одессе (Первый канал. «Вечер с Владимиром Соловьёвым». 08.10.2018), политик даёт жёсткую оценку оправданиям ради высокой цели. Смысловой доминантой его высказываний является нравственная установка: *Убийство людей даже ради высокой цели – это безнравственно*. В анализе используется категория Этноса, выполняющая регулятивную функцию: *Она сказала: «Хорошо, по большому счёту, что их сожгли, потому что это уберегло нас типа от гражданской войны, от российской оккупации. Жалко, что этого не было в Донецке и Луганске, потому что там тоже тогда было бы хорошо». А ты пытаешься сейчас, знаешь, как казуистический адвокат американский, вывести из её слов то, чего она на самом деле не говорила*. Очевидно, что политик апеллирует к нравственным социокультурным ценностям. Здесь же он обращается к собственному эмотивному пространству: *Я не хочу, чтобы на Украине умирали миллионы людей, пусть даже моих врагов. Понимаешь, в чём разница? Политик использует дискурсивный знак ориентации (свои – враги) [Шейгал 2000], усиливающий его эмоционально-негативную экспрессию, объективирующую категорию Пафоса. Апелляция к Логосу в дискурсе С. Михеева часто реализуется посредством сентенций: *Проблема многих украинских экспертов состоит в том, что они сами себе врут*. Говорящий, ориентируясь на адресата, эффективно использует диспозиционный механизм, выстраивая свой дискурс в соответствии с законами логики. После негативной оценки речевого поведения партнёра по коммуникации он в жанре поучения предлагает: *Можно было бы сказать, что в результате трагических событий, произошедших на Украине, действительно случилось большое количество человеческих драм, жертв и беззаконий. Это граждане Украины. Мы испытываем по этому поводу сожаление, независимо от того, каких политических убеждений они придерживались. Все! Вот. А так как этого не гово-**

рится, а говорится совсем другое, действительно совершенно правомерны параллели с нацистской Германией. Почему? Потому что идеологи нацистской Германии напрямую говорили, что можно уничтожить несколько миллионов, в том числе славян, так сказать, – русские, белорусы, украинцы, туда-сюда, можно уничтожить для торжества арийской нации. Автор выстраивает причинно-следственные отношения (обращение к Этосу) и тут же объясняет используемый для отождествления ситуаций образ (категория Софии).

На основе пресуппозиций в дискурсе С. Михеева посредством когнитивного механизма инференции сформулированы следующие смысловые доминанты: *Украинская элита порочна и некомпетентна; Украина видит в России врага; Украинский режим преступен; Украина зависит от Запада; Украина и Запад руководствуются двойными стандартами; Любая революция порождает мифы, поэтому она разрушительна для государства; Россия проводит дружественную политику в отношении Украины; Запад навязывает Украине свою идеологию* и т.п. К смысловым конструктам мы отнесли ключевые идеи, базирующиеся на ценностных ориентирах, смысловых доминантах и пресуппозициях дискурсивной личности: *идея несостоятельности прозападного развития Украины; идея порочности власти Украины и нынешнего режима; идея взаимовыгодных отношений между Россией и Украиной.*

Приведём высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Украина видит в России врага:**

«Страна, которая обвиняет Россию в агрессии, которая много лет говорит о том, что она хочет вырваться из этих вот жутких объятий тоталитарного режима, что единственная мечта – это освободиться от России полностью, – все еще в СНГ».

Семантическая пресуппозиция – *Украина обвиняет Россию в агрессии; Украина считает Россию тоталитарной страной и хочет быть независимой от России.* Прагматическая пресуппозиция – *Если Украина проводит антироссийскую политику, то она не должна быть в союзе с Россией.* Эстетическая пресуппозиция – использование метафоры «*жуткие объятия тоталитарного режима*» (маркер чуждости).

Высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Украинский режим преступен:**

Понимаете, что вот этот релятивизм нравственный, то есть вот эта относительность всего, она неизбежно приведет к катастрофе и все равно к вам вернется.

Логическая пресуппозиция – *закрывая глаза на беззакония, украинцы разрушают страну, в которой им же предстоит жить.* Прагматическая пресуппозиция – *нельзя нарушать нравственные законы. Социокультурная – как аукнется, так и откликнется.* Это агональные знаки осуждения действий украинской власти.

Высказывание, объективирующее смысловую доминанту **Революция разрушительна для государства:**

Любая революция, она рождает огромное количество мифов. Ей так нужно. Она нуждается в том, чтобы, грубо говоря, сегодня, сейчас, любой ценой заставить людей пойти за ней. Иначе все равно дело опять вернется к насилию. Потому что в противном случае любая революция, она начнет пожирать своих детей.

Логическая пресуппозиция 1 – *истинные мотивы и цели революции способны оттолкнуть людей, поэтому нужны мифы.* Логическая пресуппозиция 2 – *революционный террор в результате обращается против тех, кто его проводит.* Эстетическая пресуппозиция – *использование прецедентного высказывания «революция, как Сатурн, пожирает своих детей».* Высказывание принадлежит деятелю Французской революции Жоржу Жаку Дантону, казненному своими же соратниками. Смысл фразы: логика послереволюционных событий такова, что борьба между самими революционерами становится неизбежной. Высказывание становится маркером чуждости – агональный знак семиотического пространства дискурса. Семантические и прагматические пресуппозиции коррелируют с категорией Логоса, социокультурные пресуппозиции – с категорией Этоса, а эстетические – с категориями Пафоса и Софии.

Следует заметить, что этнокультурные пресуппозиции в дискурсе часто возникают на основе ассоциации (например: *как аукнется, так и откликнется*). Анализ показал, что в основе смысловых конструкций в дискурсе С. Михеева лежат нравственные установки народа: *Плохой мир лучше доброй ссоры; Ложь разъедает; Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?* (И.А. Крылов) и др. Иногда политик лишь намекает на социокультурный смысл: *У нас дискуссия эта ведётся, но точки над «ё» уже давно расставлены* (Первый канал. Вечер с Владимиром Соловьёвым. 08.10.2018). Выражение является шуточным вариантом известного устойчивого сочетания «расставить все точки над «и» и означает «уточнить все подробности» [Белянин, Бутенко 1994]. Но следует учесть, что буква «ё» стала знаком негативной оценки и в данном контексте может маркировать модус осуждения способа захвата власти Ельциным. Поэтому политик называет этот захват «вооружённой незаконной узурпацией». Исследование показало, что в индивидуальном когнитивном пространстве Сергея Михеева доминируют социокультурный и ценностный компоненты.

В научной литературе до сих пор сосуществуют различные основания для типологии языковой личности. Например, с позиции психолингвистики [Горелов, Седов 1997], дискурсивную личность С. Михеева можно отнести к рационально-эвристическому типу языковой личности, поскольку политик склонен выражать негативные эмоции косвенно, посредством образных средств, проявляя иронию. Он тщательно отбирает языковые и дискурсивные средства в зависимости от цели дискурса, учитывая прагматический

аспект. Его дискурс является целесообразным, доступным, поскольку он использует разговорные синтаксические и лексические средства, образные.

Согласно типологии В.И. Карасика [Карасик 2004], С.А. Михеева можно отнести к эгоцентрической языковой личности. На это указывают нестандартные для институционального дискурса выражения, предваряемые индикатором «так сказать»: *Даже когда они говорят, что мы ваши друзья, и мы делаем, секунду, и мы делаем все для того чтобы, так сказать, учитывать ваш интерес, они вас обманут. Почему? Потому что к постсоветскому пространству, как и вообще к остальному миру за пределами золотого миллиарда, они относятся как к материалу. Это обидно для украинцев, так сказать, это обидно было и для нас когда-то осознавать. Вот чё думаете, мы как бы не понимали чего-то, да, так сказать, то есть мы какое-то время не понимали, а потом стали понимать. Это важно понимать* (Первый канал. Вечер с Владимиром Соловьёвым. 07.03.2018; 16.03.2018). Кроме того, дискурс политика изобилует яркими оценочными образами: *Такая веселуха; Вот компот теперь. Маленький стакан компота; Порошенко уже начинают расценивать как хромую утку; Украинская власть стала давить на самые больные мозоли и раздирать свою страну в разные стороны; Надо склеивать нацию; Надо бы перерезать все шланги и весь кислород, так сказать; Вы ватники, вы ничё не понимаете (=украинские эксперты); А как сейчас украинские политики делают задний кулбит, сальто через голову; Луценко – клоун, каких свет не видывал* и др. В пользу эгоцентрической личности говорит тот факт, что в своих выступлениях С.А. Михеев крайне редко ссылается на авторитеты или результаты исследований.

С позиции социолингвистики, отнести С.А. Михеева к типичному представителю социальной группы, на наш взгляд, не представляется возможным. Слишком уж нетипична его личность. По крайней мере, для существующих моделей поведения. Так, для социального типа «интеллигент» С.А. Михеев нередко допускает высказывания в адрес оппонентов, выходящие за пределы коммуникативного кодекса. Для типа «телевизионный ведущий» политик слишком категоричен, его высказывания не отличаются гибкостью. Поскольку список социальных типов открыт [Там же], можно предположить, что речь идет о смешанном типе элитарной языковой личности, прагматически ориентированной. Данный тип характеризуется несколькими моделями речевого поведения, что и было показано в процессе анализа. Попадая в ситуации коммуникативной перверсии, Сергей Михеев использует защитные когнитивные механизмы (трансформация в другую концептуальную сферу, вторичная концептуализация, непрямая концептуализация, отождествление концептуальных сфер и др.) и языковые средства (просторечие, жаргон, негативно-оценочная лексика, прецедентные тексты, имена собственные, приращение смысла, контекстные значения, дискурсивные слова и т.п.). Образные и оценочные средства маркируют процесс рефлексивной деятельности политика, нацеленной на взаимодействие с адресатом и мгновенное реагирование. Особое место среди языковых средств занимают знаки интеграции (формы непрямого императива: *нельзя, надо, надо бы, должна* и т.п., местоимение «мы»), знаки ориентации (*политическая элита, украинские эксперты, украинская власть* и т.п.), агональные знаки (*задолбал, заткнись, ё-моё* и др.). Выбор знака объективирует категорию Софии и обусловлен реализацией механизма элокуции.

Поскольку наряду с интенциональностью, интерактивностью и дискретностью сущностной характеристикой дискурсивного поведения является ситуативность, следует отметить зависимость дискурсивного поведения С.А. Михеева от внешних факторов общения. Интерактивность проявляется в том, что его речь всегда адресована либо оппонентам, либо единомышленникам. Интенциональность связана с механизмами вербального воплощения замысла, что мы и показали в процессе анализа. Интенции говорящего выражены в различных пресуппозициях, смысловых доминантах и смысловых конструктах, выделенных нами.

Исходя из анализа и имеющихся у нас представлений о развитии политических тенденций в России, полагаем, что дискурсивная личность Сергея Михеева является прототипом языковой личности успешного политика будущего времени (согласно концепции В.И. Карасика). С. Михеев совмещает в себе те качества политического деятеля, которые идеологически близки подавляющей массе населения России, а модель его дискурсивного поведения позволяет крайне эффективно решать коммуникативные задачи в сфере политики и тем самым добиваться поставленных целей. Поэтому его дискурсивная личность может быть рассмотрена как прототип.

Заключение. Как дискурсивная личность Сергей Михеев характеризуется лингвориторической компетентностью, важной для политика-оратора. Назовём эти специальные компетенции:

- способность выбирать адекватные языковые средства в зависимости от условий общения, социальных ролей участников коммуникации, создавать собственный дискурс;
- умение вступать в контакт с участниками дискурсивной деятельности, поддерживать контакт, рефлексировать в соответствии с целью дискурсивной деятельности, обеспечивать обратную связь, ориентироваться в условиях общения;
- способность понимать различные виды высказываний, самому строить логику последовательности высказываний, выбирать языковые и дискурсивные средства в зависимости от цели;
- умение управлять собственным коммуникативным поведением, в том числе и в случаях сбоя в коммуникации;
- использование пластичности коммуникативных действий, стратегий кооперации, тактик вежливости, уважительности, внимательности, искренности;

- умение учитывать интересы оппонентов по коммуникации и корректировать их точку зрения путём коммуникативного воздействия;
- обладание лидерскими качествами: аргументированность, убеждение оппонента без подавления инициативы, собственная увлечённость и воодушевлённость;
- способность к креативному мышлению: выдвижение собственных инициатив, предложений, гипотез;
- способность анализировать, интерпретировать, оценивать, прогнозировать, предлагать модель поведения;
- способность объективировать в своём дискурсе категории Логоса, Пафоса, Этоса, Софии. Категория Этоса объективируется в дискурсе политика социокультурными и нравственными пресуппозициями, смысловыми доминантами. Категория Пафоса – эмоционально-экспрессивными языковыми и дискурсивными средствами: эмоционально-оценочные лексемы, сочетания, междометия, разговорные синтаксические конструкции, дискурсивные слова, модальные частицы и т.п. Категория Логоса маркируется аргументированностью, доказательностью, апелляцией к речевым, поведенческим, образным стереотипам и т.п., актуализированными механизмами диспозиции. Категория Софии объективируется образными средствами, рефлексивными речевыми действиями, риторическими фигурами, тропами и различными семиотическими знаками. С категорией Софии тесно связана категория коммуникативной инициативы, формирующая определённую социально-психологическую тональность дискурса. Для анализируемой дискурсивной личности характерна тональность убеждённости, искренности. Поэтому его можно считать личностью с высокой коммуникативной активностью.

Маркеры дискурсивного поведения С. Михеева как дискурсивной личности:

- собственно лингвистические: доминирование непрямого общения, смешение стилей, упрощённость синтаксиса, использование тропов, фигур речи, приращённых смыслов, коннотаций, дискурсивных слов и сочетаний и т.п. Среди механизмов реализации лингвориторических компетенций доминируют инвентивный (топы «причина – следствие», «обстоятельства», «сопоставление», «пример»), диспозитивный, элокутивный (ирония, метафора, метонимия, обращение, восклицание, период и т.п.), акциональный (использование интонации, жестов, мимики, повышения или понижения тона и т.п.);
- содержательные: пресуппозиции, смысловые доминанты, смысловые конструкции и предложения реализуют коммуникативные смыслы *разъяснить, скорректировать оценку политического события, поведения политика, дать собственную оценку политическому факту, убедить оппонента, изменить точку зрения адресата, сформировать новую точку зрения* и т.п.;
- социокультурные: использование прецедентных феноменов, знаков текущего политического момента, интерпретация политического события не только с опорой на собственное языковое сознание, но и на этнокультурное, доминирование нравственных установок; создание социально-психологической тональности убедительности и убеждённости;
- прагматические: использование стратегий и тактик кооперации, непрямого побуждения; установка на конструктивный диалог в целом; доминирование аксиологии народа; сочетание лингвистических и экстралингвистических (жесты, мимика, интонация) средств воздействия; соединение целенаправленных, контролируемых речевых действий с неосознанными, произвольными, в том числе эмоциональной реакцией. Дискурс С. Михеева нацелен на стимулирование в языковом сознании адресата процессов изменения отношения к политическим фактам, их переоценке.

Таким образом, С. Михеев – прототип элитарной дискурсивной личности смешанного типа с высокой коммуникативной активностью.

Библиография

- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993. – 172 с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 477 с.
- Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
- Усачёва О.Ю. Анализ дискурса диалогической коммуникации в Интернете. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 370 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2000. – 431 с.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: язык и его функционирование. – М., 1986.

Творчество как фактор развития языковой личности

¹Усанова Ольга Григорьевна

²Пирожкова Марина Анатольевна

¹Челябинский государственный институт культуры, Россия
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а
кандидат педагогических наук, доцент,
профессор Российской академии естествознания
E-mail: ogu@mail.ru

²Челябинский государственный институт культуры, Россия
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а
магистр социально-культурной деятельности,
E-mail: pirozhkova.m@mail.ru

Аннотация. Язык в жизни народа выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, занимая не второстепенное место, а одно из ведущих, т.к. выступает носителем духовной самостоятельности нации. В представленном в статье материале актуален анализ особенностей формирования языковой личности; обусловлена сущность понятий «языковая личность», «творческая активность», регламентированы этапы творческой деятельности и ранжированы звенья творческого процесса.

Ключевые слова: языковая личность, творчески активная личность, творческая деятельность, творчество, способности.

УДК 808.1

Creativity as a factor in linguistic personality development

¹Olga G. Usanova

²Marina A. Pirozhkova

¹Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia
454091 Chelyabinsk, Ordzhonikidze Str., 36a
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: ogu@mail.ru

²Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia
454091 Chelyabinsk, Ordzhonikidze Str., 36a
Master, Deputy Dean of the Faculty of Cultural Studies
E-mail: pirozhkova.m@mail.ru

Abstract. In the life of the people language performs ethno-differentiating and ethno-integrating functions, occupying a leading place as the carrier of a nation's spiritual independence. The paper discusses formation of a linguistic personality; the essence of the concepts of "linguistic personality", "creative activity", arranges the stages of creative activity and ranks the links of creative process.

Keywords: linguistic personality, creatively active personality, creative activity, creativity, abilities.

UDC 808.1

Введение. Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, конкретный индивидуум, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Человек – существо социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры.

Творчество (креативность) – способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях. Понятие природы творчества связано с вопросом о критериях творческой деятельности. Творчество может быть рассмотрено в различных аспектах: продукт творчества – это то, что создано; процесс творчества – как создано; процесс подготовки к творчеству – как развивать творчество. Творчество – это создание нового в разных планах и масштабах. Творческие решения меняют существенные методы, реже традиции, еще реже – основные принципы и совсем редко – взгляд людей на мир.

Материалы и методы. Материалом послужили научные источники, отражающие современное состояние и перспективы наиболее актуальных исследований в области лингвокультурологии, коммуника-

тивистики, педагогики. Были использованы такие методы, как сопоставление, обобщение и интерпретация.

Обсуждение. Язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам он и не догадывается.

Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт – немецкий филолог, философ, государственный деятель, дипломат, сочетая в себе разнонаправленные таланты, писал: «Изучение языка не заключает в себе конечной цели, а служит высшей и общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 2000: 26].

Языковая личность – человек в его способности к порождению и пониманию речи – становится в настоящее время интегральным объектом изучения комплекса молодых и интенсивно развивающихся направлений науки о языке: психо-, социо-, когнито-, прагма-, этно-, онтолингвистики.

В процессе речевого взаимодействия недостаточно знать язык. Необходимо придерживаться определенных принципов, которые позволяют координировать действия и высказывания собеседников. Однако многие наши современники испытывают затруднения при решении организационных, воспитательных, обучающих задач, поскольку не владеют умениями и навыками ведения диалога, вербального воздействия, взаимодействия [Усанова 2010: 109].

Творчество характеризуется как высшая форма деятельности языковой личности, требующая длительной подготовки, эрудиции и интеллектуальных способностей. В общей структуре творческой деятельности, рассматриваемой как системе, можно выделить несколько основных подсистем: процесс творческой деятельности (формирование замысла и его реализация); продукт творческой деятельности; личность творца (характеризуется способностями ума, темпераментом, возрастом, характером); среда и условия, в которых протекает творчество (физическое окружение, коллектив, стимуляторы и барьеры в творческой деятельности) [Алексеев 1971: 21].

Построение общей теории творчества, т.е. переход от эмпирических к более фундаментальным исследованиям этого сложного феномена, привел к тому, что сформулированы общие черты, присущие как *научному*, так и *художественному* творчеству.

Этапы творческой деятельности, обозначенные В.А. Моляко:

1. Накопление знаний и навыков, необходимых для четкого изложения и формирования задачи, возникновение проблемы (постановка задач).
2. Сосредоточения усилия и поиски дополнительной информации, подготовка к решению задачи.
3. Уход от проблемы, переключение на другие занятия (период инкубации).
4. Озарение или инсайт (гениальная идея и простая догадка скромных масштабов, т.е. логический разрыв, скачок в мышлении, получение результата, не вытекающего однозначно из посылок).
5. Проверка и доработка замысла, его воплощение [Моляко 1978: 67].

Следует выделить и основные **звенья творческого процесса**: звено столкновения с новым; звено творческой неопределенности; звено скрытой работы; звено эврики; звено развития решения; звено критики; звено подтверждения и воплощения [Рындак, Москвина 2001: 69].

Творческую активность можно, по утверждению Д.Б. Богоявленской, рассматривать как нестимулированное извне продолжение мышления, т.е. то, что является частью интеллектуальной активности, имея, три уровня интеллектуальной активности: стимульно-продуктивный, эвристический, креативный. Каждый из них характеризуется видом мотивации и регуляции [Богоявленская 2002: 76].

В поведении человека присутствует творческая деятельность, результатом которой является не воспроизведение бывших в его опыте впечатлений или действий, а создание новых образов или действий. В основе этого вида деятельности лежат творческие способности.

Творчески активная личность должна быть полностью адаптирована к среде. Регуляция и саморегуляция творческой деятельности не только индивидуально своеобразна, но и социально типична. Современные исследователи постоянно делают попытки систематизировать признаки и уровни регуляции и саморегуляции творческих процессов, используя существующие различные приемы, средства и методы активизации творчества языковой личности или группы людей (тренинги, игры).

Все, что получает человек для своего развития, становления и профессиональной деятельности, он получает благодаря родному языку. Вся его интеллектуальная, производственная, экономическая и культурная деятельность воспринимается и закрепляется в обществе благодаря родному языку. Поэтому родной язык, родное слово – самое дорогое в жизни для любой состоявшейся личности и народа в целом [Усанова 2015: 94]. Язык является одним из важнейших средств идентификации человека. Поэтому резкое обновление языка можно считать насилием над языковой личностью: в этой ситуации человек лишается привычного средства самореализации и самопонимания. Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее (ибо слова наполняются иным смыслом) и сам начинает ее творить. Мироведение и речевая деятельность каждого человека определяются не столько его субъективным опытом, сколько той национальной культурой и средой, в которой он обитает, воспитан. Именно данное обстоятельство становится «камнем преткновения» для студентов, изучающих русский язык как иностранный, т.к. лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание.

В целом портрет представителя страны дальнего зарубежья, обучающегося в Челябинском государственном институте культуры, выглядит приблизительно так: это юноши и девушки 18–25 лет: а) семьи которых имеют достаточный уровень благосостояния (78 %) для обеспечения им возможности проезда и проживания в России в течение нескольких лет; б) считающие относительно высоким уровень образования (как общего, так и профессионального) и уровень безопасности в своей родной стране (78 % и 67 % соответственно); в) подчеркивающие относительно низкий уровень доступности высшего образования по различным причинам (67 %) [Буцык и др. 2017: 139].

Для реализации социокультурных ролей в процессе обучения студентов русскому языку как иностранному учитываются развитость мышления, эмоциональное состояние личности, интересы, склонности, привычки.

В учебном процессе осуществляются следующие задачи: учить элементам, способам творческого рассказывания и мышления; способствовать развитию логического мышления; расширять кругозор, содействовать обогащению словаря через введение новых понятий и оборотов речи; развивать монологическую и диалогическую речь, интонационную выразительность; вырабатывать способность к оценке и самооценке.

На первом этапе работа по развитию словесного творчества направлена на активизацию запаса знаний самых известных русских народных сказок. Наряду с прослушиванием сказок, студенты знакомятся не только с авторскими и русскими народными сказками, но и с малыми формами фольклора (присказками, загадками, закличками, считалками, дразнилками, потешками, пословицами, поговорками).

Второй этап включает отбор и апробацию нестандартных методов сочинения сказок, позволяющих развивать словесное творчество студентов. Речевая деятельность начинается с использования приема «придумывание продолжения или завершения рассказа». Сначала студентам предлагается образец, который содержит завязку рассказа, и затем определяются пути развития сюжета. Также используется прием по составлению коротких сюжетов с выбором действующих лиц: детей, взрослых, кукол, птиц, животных; после чего студенты сами рассказывают о своей сюжетной линии. Затем задание усложняется: без опоры на наглядность придумать новые звенья в сюжете.

Третий этап работы – процесс творчества. На данном этапе при выборе материала учитывается нравственная направленность сюжета, что помогает воспитывать у студентов лояльное отношение к героям произведений, умение давать критическую оценку поступков отдельных персонажей. При использовании серии иллюстраций учатся устанавливать причинно-следственные связи между событиями, правильно определять логику расположения сюжетных звеньев. Так возникает замысел сюжета, поиск художественных средств. Наличие замысла побуждает студентов к поискам средств его реализации: поиск композиции, выделение поступков героев, выбор слов, эпитетов [Усанова 2017: 221].

Развитие языковой личности студента, изучающего русский язык как иностранный, в соответствии с ее параметрами может быть представлено следующим образом:

- уровни лексикона и тезауруса закладываются на занятиях по русскому языку в аудитории, в других образовательных учреждениях. Именно здесь формируется словарный состав, усваиваются основные грамматические нормы. На этом этапе должна быть решена задача формирования навыков письменной и устной речи как условия изучения специальных дисциплин;

- в дальнейшем под влиянием различных источников информации и в процессе речевой деятельности языковая личность пополняет обыденные знания – культурные, исторические, мировоззренческие, духовные и т.п. Наряду с развитием репродуктивного, отражательного мышления совершенствуется интерпретация, развивается рефлексивная мыслительная деятельность. Появляются первые навыки стилистической организации речи, увеличивается лексикон, усложняется грамматикон, осваиваются правила текстообразования;

- на третьем этапе формирования языковой личности происходит закрепление приобретённых навыков, совершенствование прагматикона, вершиной которого является создание собственного идиостиля. Идиостиль имеют все одарённые личности, так или иначе связанные со словесной деятельностью: писатели, публицисты, ученые, учителя...

Заключение. Бесценным богатством нации является язык как основа национальной культуры. Потеря языка для любой нации – это потеря взаимопонимания не только вне, но и внутри нее.

Личность должна осознать потребность в овладении искусством слова, определить своё место и возможности самореализации в мире общающихся людей. У разных людей состояние вдохновения имеет разную продолжительность, частоту наступления. Выяснено, что продуктивность творческого воображения зависит главным образом от волевых усилий и является результатом постоянной напряженной работы.

Творческой активности способствуют открытое честное соперничество, тактичная и компетентная критика, индивидуальный подход со стороны окружающих, поддержка авторитетных лиц. Но недостаточно ограничиваться только анализом взаимодействия человека со средой и обществом. Творчески активная языковая личность всегда ориентирована на будущее. Ведь именно прошлое и настоящее определяют, какое придет будущее. Без будущего нет творчества. Только в этом случае творческая деятельность будет содержать элементы неожиданности, непредсказуемости, импровизации, озарения. В самом широком понимании, эти психологические явления могут выступать в роли мотива творческой активности лич-

ности. Поэтому очень важно определить, какой мотив в системе всех побудительных сил доминирует в конкретной ситуации, мобилизует творческий потенциал человека, регулирует, стимулирует или ограничивает его.

Библиография

Алексеев Н.Г. О психологических методах изучения творчества / Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин. – М: Наука, 1971. – 256 с.

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.

Буцык С.В., Жернокова, Н.А., Усанова, О.Г. О некоторых проблемах подготовки иностранных граждан в вузе культуры // Высшее образование в России. – 2017. – № 8/9 (215). – С. 135–142.

Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем.; под общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

Моляко В.А. Психология творческой деятельности / В.А. Моляко. – М.: Высшая школа, 1978. – 156 с.

Рындак В.Г., Москвина А.В. Личность, творчество, развитие. – М., 2001. – 290 с.

Усанова О.Г. Речевая культура: проблемы и перспективы. Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 3 (23). – С. 105–109.

Усанова О.Г. Словесное творчество студентов-иностранцев в контексте культуры / Внеочередные Лазаревские чтения: «Дети и современный мир: вхождение в пространство ценностей культуры»: материалы Международной научной конференции (г. Челябинск, 13–16 апреля 2017 г.). Челябинский государственный институт культуры; сост. Л.Н. Лазарева. – Челябинск: ЧГИК, 2017. – С. 220–222.

Усанова О.Г. Родное слово в становлении личности. XIV Международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века». – Челябинск, 2015. – С. 92–94.

Раздел 3.
Языковые аспекты лингвориторической парадигмы

Part 3.
Language aspects of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Активные процессы во фразеологии
(на материале «Национального корпуса русского языка»)

Джинджолия Гигла

Западночешский университет, Чехия
30100, г. Пльзень, ул. Велеславинова, 42
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: gigid.17@gmail.com

Аннотация. Фразеологическая система русского языка непрерывно пополняется новыми единицами, которые образуются на базе свободных сочетаний и известных фразеологизмов через обновление их значения. Активны заимствования из других языков и авторские фразеологизмы.

В медиатексте происходит апробация этих единиц, языковая кристаллизация смыслов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая система русского языка, неофразама, массмедиа, современный медиатекст, дискурс.

УДК 81.38

Active processes in phraseology
(based on the “National corpus of Russian”)

Dzhindzholia Gigla

University of West Bohemia, Czech Republic
30100 Pilsen, Veleslavinove Str., 42
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: gigid.17@gmail.com

Abstract. The phraseological system of the Russian language is continuously updated with new units formed on the basis of free word combinations and updating the meaning of well-known phraseological units. Borrowings from other languages and author's phraseological units are also active. In media texts these units are tested and their meaning is crystallized.

Keywords: phraseologism, phraseological system of the Russian language, neophraseme, mass media, modern media text, discourse.

UDC 81.38

Введение. Проблемы фразеологической неологии рассматриваются в фундаментальных работах В.М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина 2010; Мокиенко 2002; Мокиенко 2003; Мокиенко 2016; Мокиенко 2017], Харри Вальтера [Вальтер 2011], Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов [Алефиренко, Семенов 2009] и др. Основные направления исследований: европейские фразеологические неологизмы [Мокиенко 2002], соотношение лексических и фразеологических неологизмов [Вальтер 2011], различные приемы трансформации фразеологизмов и способы их функционирования в публицистическом дискурсе [Мокиенко 2016; Мокиенко 2017], динамика фразеологической картины мира [Алефиренко, Семенов 2009; Алефиренко, Степанова 2010] и др.

Фразеологические неологизмы активно внедряются в современные массмедиа. Каковы пути и способы их дискурсивной и языковой адаптации? На этот и другие вопросы мы стремимся ответить в настоящей статье. *Цель статьи* – описать пути внедрения неофразаологизмов в современные медиатексты и способы их адаптации к фразеологической системе русского языка.

Материалы и методы. Материал исследования – более 300 неофразаологизмов, зафиксированных в «Национальном корпусе русского языка» [«Национальный корпус русского языка»: Электронный ресурс].

Как осуществлялся поиск материала? И.Т. Вепрева и А. Мустайоки в статье «Метаязыковой портрет модных слов» предложили методику поиска модных слов по метаязыковым высказываниям [Вепрева, Мустайоки 2015]. Метаязыковой поисковый инструмент, предложенный И.Т. Вепревой и А. Мустайоки, мы использовали для выявления новых фразеологизмов. Перечень метаязыковых высказываний составлен нами с учетом особенностей объекта нашего исследования: *новое выражение, появилось выражение, новоизобретенный фразеологизм, возникло выражение* и мн. др.

В работе используются методы и процедуры концептуального, компонентного и контекстуального анализа.

Обсуждение. Будет интересно обсудить, каким образом фразеологические неологизмы приспособляются к фразеологической системе языка. Этот вопрос относится к числу мало разработанных.

Определим содержание ключевых для нас понятий – «неологизм» и «фразеологический неологизм». Существуют различные определения неологизма. Мы будем опираться на определение, которое дается в энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова: «Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (оказионализмы) в каком-либо контексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (например, *приватизация, черный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [Котелова 1997: 262]. Автором данной словарной статьи является Н.З. Котелова [Котелова 1997: 262], которая оказала существенное влияние на русскую лексикографическую неологию.

Фразеологические неологизмы, вслед за В.М. Мокиенко, мы понимаем как «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002: 66].

Краткосрочную или долгосрочную судьбу новых фразеологизмов определяют различные факторы прагматического, когнитивного и семантического характера.

Важные условия для адаптации – устойчивость, регулярная воспроизводимость в разных текстах, переосмысление значения и др. Неофразеологизм вступает в системные семантические отношения с уже известными фразеологизмами и тем самым приспособляется к фразеологической системе языка. Это могут быть отношения семантического поля, синонимии, антонимии, части и целого, причины и следствия, фазовости состояния, процесса и т.д.

Семантическое поле образуют совокупность фразеологизмов, объединенных общим признаком. Новые фразеологизмы пополнили такие семантические поля, как *конфликт, лицемерие, богатство, смех, пьянство* и др.

К семантическому полю *конфликта* можно отнести получивший широкое распространение в начале двухтысячных годов фразеологизм *горячая экономика – прохладная политика*, имеющий характер устойчивой политической формулы. Фразеологизм заимствован из японского языка путем калькирования. Обычно используется в контекстах, в которых речь идет о взаимоотношениях между Японией, Китаем и Россией: *«Интерес к нам стали проявлять самые богатые корпорации Японии... В прессе даже ввели новое выражение "рэйсэй кэйнзю" – это сокращенно от "прохладная политика – горячая экономика"»* (Бунин С. *Горячая экономика – прохладная политика* // *Труд-7*, 22.11.2005).

Общее значение фразеологизма – «экономическое сотрудничество, сдержанность в политике, "замораживание" трудноразрешимых политических проблем, существующих между государствами». Относится к группе фразеологизмов, которые описывают конец конфликта.

Иную конкретную подоплеку имеет выражение *в политике – горячо, в экономике – прохладно* (об отношениях между Россией и Китаем). Актуальное значение – «падение двусторонней торговли, несмотря на активность и доверительные отношения в политике»: *«Внешне вроде бы обстоит все неплохо. С КНР развиваются отношения всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Однако в экспертном сообществе двух стран с недавних пор появилась поговорка: "В политике – горячо, а в экономике – прохладно". В 2015 году двусторонняя торговля упала на 30 %»* (Захаров В. *Диалог Москва – Пекин: в политике – горячо, в экономике – прохладно* // ТАСС, 20.04.2016).

Известный ранее фразеологизм *детская дипломатия*, зафиксированный в середине 80-х годов XX в. и забытый в 90-е, получает широкое распространение с начала двухтысячных. Актуализируется его значение – «поездки детей за рубеж в качестве "послов доброй воли"; установление дружеских отношений между детьми и молодежью разных стран».

Фразеологизм относится к семантическому полю *конфликта*. Если известные прежде фразеологизмы *железный занавес* и *холодная война* указывают на различные проявления конфликта, то *детская дипломатия* называет один из способов его преодоления: *«С тех пор как девочка по имени Саманта пролетела над океаном, появилось новое выражение – "детская дипломатия". Невзирая на дрящую холодную войну (которая, впрочем, именно после письма Саманты резко пошла на убыль), дети стали ездить друг к другу куда чаще, чем взрослые»* (РИА Новости, 25.08.2007). Связан отношениями «часть – целое» с фразеологизмом *народная дипломатия* – «разнообразные формы широкого общественного движения людей разных стран в целях общения, познания друг друга».

Мы говорили о семантическом поле *конфликта*. Другие семантические поля, по которым распределяются неофразеологизмы, – *богатство, пьянство, лицемерие, смех* и др.

К семантическому полю *богатство* относится новый фразеологизм *в шоколаде*. Обычно употребляется в значении «хорошее материальное состояние, наличие материальных благ». Шоколад в наивном сознании наделяется символическими функциями материального достатка и благополучия. Поле богатства представлено в языке такими единицами, как *денег куры не клюют, дом полная чаша* и др. Приведем при-

мер: «За пару дней до травмы хоккеист успел заключить пятилетний контракт на \$26,25 млн, поэтому сейчас **в шоколаде**» (Межеричкий О. Как остановить Малкина // Советский спорт, 24.01.2013).

Данный фразеологизм расширяет свое значение. Он может быть указанием на политическое положение: «Обама среди обеих партий можно сказать **в шоколаде** – его во всем обвиняют лишь 53 % опрошенных» (Межуев Б. «Под сень надежную закона...» // Известия, 09.10.2013).

В шоколаде может означать «успех, хорошие результаты в бизнесе, в карьере, в личной жизни, приподнятое настроение и душевное спокойствие»: «Психологи попросили рассказать около одного миллиона добровольцев из США и Европы, насколько они довольны своей жизнью. И выяснилось, что представители сильного пола растут выше своей мужской нормы – 177,8 см, а женщины выше своей – 162,6 см, чувствовали себя более счастливыми, чем их низкорослые ровесники. По словам опрошенных, они были везде **в шоколаде** – и в бизнесе, и в карьере, и в личной жизни. Настроение у них почти всегда приподнятое. Они редко нервничают, грустят и злятся» (Кузина С. От роста человека зависит его судьба? // Комсомольская правда, 24.08.2012).

Фразеологизм *в шоколаде* мы фиксируем в значении «связи в криминальных кругах как гарантия защиты для представителей шоу-бизнеса»: «Конечно, среде можно сопротивляться, но большинство музыкантов не для сопротивления рождены, а петь песни. Вот и поют – где и с кем, уже неважно. Я думаю, у многих возник при общении с гангстерами 1990-х еще и стокгольмский синдром: «О, это мой крутой друг Японотайванчик, сам! Да у меня теперь всё **в шоколаде** – если чо, за меня братва впишется!» (Мальцев И. В жанре «синатрапоп» // Известия, 31.10.2013).

К семантическому полю *пьянство* относится неофразеологизм *сгонять на тачку* – «сходить к таксистам за водкой». Фразеологизм имеет локальное значение, поскольку употребляется в речи маргинальных социальных групп и указывает на реалии провинциального российского города во времена «сухого закона». Интересно отметить, что «лексикографическое описание» фразеологизма дается в тексте: «*Бутылка водки превратилась в эквивалент твердой валюты. Купить ее без талонов можно было только у таксистов. В молодежном сленге появилось новое выражение „сгонять на тачку“, то есть сходить за водкой к таксистам. С введением «сухого закона» производство крепких спиртных напитков в стране сократилось на 25 процентов*» (Итоговый выпуск (вечерний) – 16.05.05 18:20 – Челябинск // Новый регион 2, 2005.05.17).

В семантическое поле *лицемерия* входит фразеологизм *ось двуличных*. Вероятно, является производным от фразеологизма *двуликий Янус*, с которым находится в синонимических отношениях. Первоначально зафиксирован в медиа США. *Осью двуличных* была названа позиция Франции, Германии и Бельгии, которые выступали за продление инспекций и умиротворение Багдада вместо военного удара по Ираку, предлагаемого США: «Францию, Германию и Бельгию с легкой руки "Нью-Йорк пост" и "Уолл-стрит джорнэл" именуют „**осью двуличных**“. Особенно достается Франции, обладающей правом вето в Совете безопасности и намеревающейся его использовать, если будет внесена так называемая "вторая резолюция", санкционирующая удар по Ираку» (Сиснёв В. Очень хочется бури в пустыне // Труд-7, 18.02.2003).

Примерами синонимических отношений внутри семантического поля могут быть неофразеологизм *обеспечить «биток»* и известный фразеологизм *яблоку негде упасть*, а также «ВКонтакте» с головой и, например, с головой, фразеологизмы *небо в клетку* и *казенный дом* и т. д. У них совпадают актуальные значения «тесно, много народу», «полностью отдаваться какому-либо делу», «место заключения». Но *обеспечить «биток»* нельзя заменить на *яблоку негде упасть*, в «ВКонтакте» с головой на с головой, а *небо в клетку* на *казенный дом*. Они отличаются внутренней формой, компонентами значения и привязкой к разным ситуациям общения.

Компонент значения «погруженность в виртуальный контакт» представлен только у неофразеологизма «ВКонтакте» с головой, компонент «громкие или скандальные заявления, которыми представители шоу-бизнеса подогревают интерес к предстоящему шоу» есть только у выражения *обеспечить «биток»*.

Как антонимы могут рассматриваться новый фразеологизм *поймать волну* («воспользоваться благоприятной ситуацией») и известный фразеологизм *поезд ушел*, фразеологизмы *вынести за скобки* (в значении «устранить, не допустить») и *взять ситуацию под карандаш* («сделать мысленную или письменную заметку о ком-либо с целью в дальнейшем следить за ним, уделять ему пристальное внимание»), фразеологизмы *старые деньги* (американизм: «миллионеры и миллиардеры пятого-шестого поколений») и *новые русские* и др. Приведенные фразеологизмы противопоставлены по тем или иным семантическим признакам. Например, такими признаками для фразеологизмов *старые деньги* и *новые русские* выступают «стремительно/медленно разбогатеть», «законный/незаконный способ» и др.

Отношения противоположности выражаются приставочными образованиями и частицами с семантической негации: «*Кто-то считает, что это путь в будущее, кто-то – что это дорога, по которой не надо идти. Дорога, которая не ведет к храму, как принято говорить*» (Кривякина Е. Приватизация госкомпаний продолжится // Комсомольская правда, 02.10.2012); «*Новый законопроект должен навести порядок в миграционной каше. Поправки уже успели назвать „нерезиновым законом“, явно намекая на популярное выражение о столице*» (Гамов А., Гришин А. Прописал в однушке триста мигрантов? Сам пойдешь в казенный дом! // Комсомольская правда, 12.01.2013).

Свободное сочетание наделяется фразеологическим значением, расширяется, сужается, конкретизируется, пересматривается значение известных ранее фразеологизмов.

Сочетание *работать (работающий) «с земли»* наделяется фразеологическим значением «пройти все ступени административной и профессиональной иерархии»: «Теперь министром назначен человек, **работающий** в системе, как принято говорить, **«с земли»**, то есть прошедший все ступени профессиональной иерархии. Это хорошо хотя бы потому, что в вопросах практической деятельности ему не получится рассказывать убедительные сказки, почему так вышло» (Злотин Л. Кадровое садоводство // Известия, 27.06.2012).

В «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной фразеологизм *ловить волну* дается с пометами «жаргонное, молодежное»; значение – «заниматься серфингом» [Мокиенко, Никитина 2010]. Фразеологизм встречается в ином значении – «воспользоваться благоприятными событиями для решения каких-либо вопросов». Метаязыковой комментарий («как выражаются серферы») напоминает о привязке выражения к серфингу: «Джордж Буш, как выражаются серферы, пытается **„поймать волну“**, поднятую двумя благоприятными, с точки зрения американских интересов, событиями. Это окончательное формирование первого постоянного правительства Ирака и ликвидация лидера иракской ячейки «Аль-Каиды» Абу Мусаба аз-Заркави» (Иракский театр Джорджа Буша // РИА Новости, 15.06.2006).

В словарях *вынести за скобки* – «не принимать во внимание». Мы фиксируем это выражение с новым оттенком значения – «устранить (от участия в чем-либо)»: «Вашу партию сняли со всех текущих региональных выборов. Можно ли говорить, что ее устранили или, как выражаются некоторые, **«вынесли за скобки»** политической жизни?» (Итоговый выпуск. 08.02.06, Челябинск).

Примером расширения значения может быть выражение *тихий час* («послеобеденный отдых в детских садах, яслях, санаториях, больницах»). Оно наделяется значением «о времени отпусков, отдыха и т.п., когда политическая, экономическая и прочая деятельность в обществе становится менее активной; мертвый сезон». Метаязыковой комментарий «как принято говорить в тусовке» сигнализирует о жаргонном употреблении фразеологизма: «Летом в светской жизни столицы наступает «мертвый сезон» или, как принято говорить в тусовке, **„тихий час“**... Тем не менее, знаменитый модельер Валентин Юдашкин рискнул и устроил на днях показ своей новой коллекции... Лучших друзей модельера – Аллы Пугачевой, Филиппа Киркорова и Максима Галкина на дефиле не было» (Комова В. Жена Буйнова выходит из тени // Труд-7, 14.07.2005).

Значение фразеологизма может полностью переосмысливаться через изменение его образной основы. Так, *реветь белугой* – «прост., пренебр.; громко, безудержно и долго плакать; рыдать». Фразеологизм является переделкой оборота *реветь белухой*, в котором *белуха* – популярный дельфин, способный реветь [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 45]. В качестве новой образной основы в тексте обсуждается «белуга способна петь». Такое переосмысливание имплицитно влияет на актуальное значение фразеологизма, включающее уникального референта, – «петь веселую песню в манере Эдуарда Хилья»: «Звуки, издаваемые белым китом по кличке Нок, больше напоминают веселую песню в манере Эдуарда Хилья. Только вместо знаменитого «трололо», животное беззаботно напевает что-то вроде «тудуду» с вкраплениями английских слов» (Комсомольская правда, 23.10.2012).

Фразеологизм *изобретать велосипед* означает «открыть то, что давно уже известно». В тексте это выражение понимается буквально, т. е. «создать основу для реформы велосипеда», что разрушает идиоматический статус выражения: «Те же автомобили совершили стремительную эволюцию от малоомощных одноцилиндровых полудеревянных мотоколясок до болидов «Формулы-1». А велосипед не претерпел принципиальных изменений с начала века. Многие ничего не добились. Не случайно возникло выражение: «Не изобретайте велосипед». Уфимский изобретатель сумел создать основу для возможных реформ – новую сверхжесткую и суперпростую схему привода» (Кудряшов С. Изобретатель велосипеда // Труд-7, 15.06.2000.06).

Нельзя не отметить высокой активности фразеологизмов-трансформов. Трансформация фразеологизма может привести к пересмотру значения. Так, появляется фразеологизм *закидать тапками* – «критиковать» (ср. *закидать шапками* – «хващливое обещание легко и быстро добиться победы»): «Ежедневный фототчет о строительстве выложила на своем сайте компания NEXCO, занимающая строительством дорог. У российских специалистов, в частности у Константина Могильного, есть сомнения в подлинности фотографий. Но специалиста, как любят говорить в Интернете, **«закидали тапками»**, очевидцы, проезжающие по новенькому полотну. «Я проезжал по этому участку, – пишет блогер project-dome, – так что могу подтвердить, что есть несколько свежестроенных участков»» (Маянцева А. Японское чудо: не прошло и недели, как на месте руин – ровные дороги // Комсомольская правда, 25.03.2011).

«Склонировать к сожигательству» (ср. *склонить к сожигательству; клонировать*): «Владимир Вишневский, поэт: – Если вынести за скобки подobaющую культурным людям обструкцию клонирования и отвлекаться от несколько леденящего осуждения этого слова, а просто подумать еще: кому бы мы хотели дать шанс на повторную новую жизнь, чтобы еще не раз насладиться их талантом или гениальностью, то я бы назвал Чарли Чаплина, Альберта Эйнштейна, Иннокентия Смоктуновского... Оставляю многоточие для читателей – каждый может продолжить этот список... Немного снижая пафос, предлагаю в

обиход новое выражение: "*клонировать к сожигательству*"» (Ивойлова И. Доля Долли – не для нас // Труд-7, 16.01.2003).

Фекальная бомба взорвалась (ср. бомба замедленного действия – «о том, что чревато в будущем большими неприятностями, ущербом»): «Таксисты – небедная, многочисленная, сплоченная и хорошо организованная с помощью диспетчеров и радиостанций социальная группа. Ее и приспособили интернет-провокаторы на роль главной движущей силы в виртуальном рязанском восстании. Как принято выражаться в Сети, **фекальная бомба взорвалась в Интернете** больше двух недель назад. Началось все с того, что в течение одной ночи дороги гостями из южных регионов было избито несколько городских таксистов. Этим гости не ограничились и пошли по ночной улице, просто избивая всех встреченных одиноких прохожих железными трубами» (Штешин Д. Как банальную драку в Рязани чуть не превратили в «народное восстание» // Комсомольская правда, 29.08.2012).

По семантике и функции в структуре дискурса можно выделить две группы неофразеологизмов. К первой группе относятся неофразеологизмы-экспрессивы, использование которых позволяет говорящему выразить свое отношение к определенным реалиям и аспектам ситуации: «*ВКонтакте* с головой – «полная погруженность детей в виртуальное общение»; *закидать тапками* – «критиковать» и др. Разными приемами трансформации вносится новый заряд энергии в известные фразеологизмы (ср. *бомба замедленного действия*; *эффект разорвавшейся бомбы*): **фекальная бомба взорвалась** – «о том, что грозит большими социальными потрясениями». В другую группу неофразеологизмов входят единицы, которые называют ранее не обозначенные явления: (*не*) *кормить тролля* – «в случае постоянных угроз в Сети изменить электронный адрес, закрыть свою страничку»; *резиновая столица* – «о гражданах, приехавших в Москву в целях заработка и проживающих в квартире без регистрации»; *давать Элтона Джона* – «о звездном поведении; вести себя как звезда»; *поколение-700 евро* – «категория людей в развитых странах, которая не может рассчитывать на зарплату более 700 евро в месяц», используется как синоним выражения *потерянное поколение* и др.

В нашей картотеке есть перифразы *халва в шоколаде* – «девочка-отличница, с золотой медалью, но не может почистить даже картошки» (толкование из текста), *блондинка в шоколаде* (о Пэрис Хилтон), *поколение-700 евро* и др.

Неофразеологизмы имеют разные источники происхождения. Значительная их часть, как было отмечено, образовалась на основе свободных сочетаний и фразеологизмов русского языка путем «наведения» нового значения. Еще один источник, довольно активный, – заимствования из других языков: *холодная политика* – *горячая экономика*; *ось двуличных* (американизм; из газет „Нью-Йорк пост“ и „Уолл-стрит джорнэл“); *старые деньги* (американизм; «о миллионерах и миллиардерах пятого-шестого поколений»); *смеяться всю дорогу до банка* (американизм; «человеку пошло на пользу то, что привело к упадку фирмы») и др. Некоторые фразеологизмы являются авторскими: *клонировать к сожигательству* (В. Вишневский), *офисный планктон* (С. Минаев).

Продолжается процесс перемещения в центр языковой системы социальных диалектов. Арготические и жаргонные фразеологизмы: *в шоколаде*, *ответить за базар*, *забить косяк*, *на расслабоне* и др. Из речи чиновников: *одно окно* («оказание услуг в одном месте, начиная от подачи заявления до выдачи результатов какого-либо решения»), *работать (работающий) «с земли»* («пройти все ступени профессиональной иерархии»), *взять ситуацию на карандаш* («делать мысленную или письменную заметку о чем-либо»), *иметь (большой) аппаратный вес* и др. Из шоу-бизнеса и сферы политики, спорта, медицины, из речи работников оперативно-розыскной деятельности: *давать Элтона Джона*, *обеспечить «биток»*, *поймать волну*, *поля саммита*, *состояние стабильно тяжелое* («о ситуации в экономике»), *играть на пианино* («брать отпечатки пальцев»).

Заключение. Фразеологическая система русского языка непрерывно пополняется новыми единицами, которые образуются на базе свободных сочетаний и известных фразеологизмов через обновление их значения.

Активны заимствования из других языков и авторские фразеологизмы.

Продолжается отмечаемый исследователями [Вальтер 2011; Мокиенко 2016; Мокиенко 2017] процесс перемещения социальных диалектов в центр языковой системы. В массовое сознание внедряются арготические и жаргонные фразеологизмы, фразеологизмы из речи чиновников, представителей шоу-бизнеса и т.д. В медиатексте происходит апробация этих единиц, языковая кристаллизация смыслов.

Закрепление неофразеологизмов в языке зависит от социокультурных, прагматических, семантических и иных факторов.

Существенным фактором является степень привязки к дискурсам. Неофразеологизмы, не имеющие дискурсивного притяжения, обречены на забвение. Чем чаще они проявляют себя дискурсивно, тем больше шансов закрепиться в системе языка. Важные условия их языковой адаптации – системные семантические отношения с уже известными фразеологизмами. Это могут быть отношения семантического поля, синонимии, антонимии, части и целого, причины и следствия и т. д. За счет неофразеологизмов обновляются такие семантические поля, как *конфликт*, *лицемерие*, *смех*, *богатство* и др.

Выделяются неофразеологизмы-экспрессивы, которые выражают отношение говорящего к определенным реалиям и аспектам ситуации и неофразеологизмы, называющие ранее не обозначенные явления.

Библиография

- Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
- Алефиренко Н., Степанова Л. Динамика фразеологической картины мира // *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií.* – Brno, 2010. – S. 231–238.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-пресс, 1998. – 704 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
- Вальтер Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное // *Мир русского слова.* – 2011. – № 2. – С. 14–19.
- Вепрева И.Т., Мустайоки А. Метаязыковой портрет модных слов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* В 2 т. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – Вып. 14 (21). – Т. 2. – С. 453–467.
- Котелова Н.З. Неологизмы // *Русский язык: Энциклопедия;* под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 262–263.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: Алма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
- Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. – 420 с.
- Мокиенко В.М. Проблемы европейской фразеологической неологии // *Slovo. Text.* – Szczecin, 2002. – S. 63–79.
- Мокиенко В.М. Фразеология в современной публицистике // *Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): коллективная монография.* – Грайфсальд: Университет им. Эрнста Морица Арндта, 2017. – С. 26–36.
- Мокиенко В.М. Функции фразем в современных СМИ // *Медиалингвистика.* – 2016. – № 3 (13). – С. 7–19.
- «Национальный корпус русского языка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедии, Аванта+, 2007. – 1135 с.

Язык как область творчества: вызовы и возможности коммуникации

Ионесов Владимир Иванович

Самарский государственный университет, Россия
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор
E-mail: acdis@mail.ru

Аннотация. Язык выступает в культуре как многосоставной коммуникативный комплекс, обладающий двумя мощными амбивалентными свойствами – соединять/организовывать мир и разделять/фрагментировать реальность. Смысл и назначение языка – приблизить к себе мир, сделать его выразимым и различимым для человека и стать площадкой для культуротворчества. Словами/письмом выставляются знаки/метки на пути продвижения культуры. Знаки языка – поводьры культуры в пространстве хаоса, и без них культура обречена оставаться «во мраке заточения». Исследование показало, что язык выступает основным условием и императивом сигнификации культурной реальности, но одновременно служит главным нарушителем спокойствия и побудителем действия. Способность языка упорядочивать, артикулировать, сохранять и передавать смыслообразы культуры позволяет рассматривать язык как способ перекалфикации и реорганизации действительности.

Ключевые слова: слово, язык, имя, культура, творчества, коммуникация, порядок, трансформация.
УДК 800.1 (082)

Language as an area of creativity: Challenges and opportunities for communication

Vladimir I. Ionesov

Samara State Institute of Culture, Russia
443010 Samara, Frunze Str., 167
Doctor of Sciences (Culturology), Professor
E-mail: acdis@mail.ru

Abstract. In culture, language appears as a multicomponent communicative complex with two powerful ambivalent properties – to connect / organize the world and to divide / fragment reality. The meaning and purpose of language is to bring the world closer to itself, to make it expressive and distinguishable to humans, and to become a platform for cultural creation. Words / writing mark signs / letters on the way of promoting culture. Signs of language are the guides of culture in the space of chaos, and without them, culture is doomed to remain “in the darkness of imprisonment”. The study shows that language is the basic condition and imperative for the signification of cultural reality, but at the same time serves as the main troublemaker and the instigator of action. The ability of language to organize, articulate, preserve and convey meaningful images of culture allows us to consider it as a way of re-qualifying and reorganizing reality.

Keywords: word, language, name, culture, creativity, communication, order, transformation.
UDC 800.1 (082)

Введение. Цель статьи – показать ключевые антропологические проекции в системе социальной коммуникации через обращение к культурно-этимологическим материалам. Культура обретает в языке эффективное средство сигнификативного опредмечивания природы и укрощения вызовов внешней среды. Культура, будучи сотканной человеком «паутиной смыслов» [Гирц 2004], обрамляет себя языковым одеянием, благодаря этому минимизирует «ожог от реальности» [Марсель 2004]. Язык в этом понимании выступает защитным слоем культуры, и запас этого слоя в значительной мере определяет степень устойчивости и упорядоченности социальной жизни. Язык дан человеку не от «хорошей жизни», это вынужденная форма преобразования отношений между человеком и обществом, культурой и природой. Без языка человек оказался бы культурно оголённым и беспомощным существом. Именно язык экранизирует для человека суровую реальность жизни и делает её доступной для культурных экспериментов в борьбе за выживание и адаптацию. Однако способность слова удерживать в себе культурную реальность одновременно оборачивается тем, что эта самая реальность посредством слов раскалывается и дробится на части [Ионесов 2018; Рузер-Браунинг, Ионесов 2018].

Материалы и методы. Ключевыми понятиями в интерпретации семантических смыслов языковой культуры являются слово, имя, знак, письмо, речь, текст. У каждой лексемы есть своя культурно-генетическая основа, историческая привязка к антропологическим проекциям и вызовам трансформации культуры. В этой связи слово в дискурсе культурологического осмысления выступает как знак, персонаж, событие, образ, ретрансляция и передача самого существенного и различаемого. Удерживая в себе исторический субстрат и способность артикулировать социальные смыслы, значения и ценности, языковые конструкторы служат важным источником структурно-генетической реконструкции культуры [Ионесов

2009; Ионесов 2018]. Это обстоятельство побуждает обращаться к *методам культурно-этимологического моделирования*, позволяющего определить и обосновать взаимосвязь языковых, социальных и антропологических позиций в коммуникативных практиках культуры.

Обсуждение. Слова – индикаторы культурных форм, своего рода, артикулированные культурой художественные метки или островки порядка и постоянства в неупорядоченном и изменчивом океане жизни. Любопытно, что слово *языкъ* в древнерусской традиции использовалось в значении «переводчик, лазутчик, проводник» (Фасмер 1986–1987). Методологическое значение языка состоит в изучении корневых, или так называемых стволовых клеток культуры. Миссия языка – соединять разрозненные части в одно целое. Не случайно старшим значением слова язык на славянской почве выступает «речь» – «то, что связывает людей, соединяет их, в народ, в племя» [Черных 2006 (т. 2): 468]. Об этом свидетельствует и слово *молвить*, где индоевропейский корень *mel* означает «связывать, соединять» [Черных 2006 (т. 1): 538–539].

Вместе с тем, выразить что-либо с помощью языка/слова в культуре означает в то же время расчленивать и фрагментировать саму культуру [Ионесов 2009; Ионесов 2013]. Язык всегда что-либо выражает, но и обрывает, капсулирует, разделяет. Совсем не случайно слово *выразить* производно от *разрезать, делить*. Глагол *выразить* образован из двух составных частей: *вы-* в значении «изнутри во вне» и *разить* – «резать, делить». Следовательно, «выразить что-либо» одновременно означает и разделить что-либо на части. Словом, помимо всего, выстраиваются линии, границы, обрамления, барьеры в пространстве культуры. Мысль урезает реальность, слово урезает мысль. Словом высказанным или прописанным заполняется культурная реальность, но одновременно она разграничивается и фрагментируется. Дать чему-либо наименование означает отделить одно от другого. Эта разделяющая функция слова как основного маркера культуры отчетливо проявляется в этимологическом значении общеславянской лексемы *имя*, которое возводится к индоевропейскому *ieu-, ieu-* – «отделять, обособлять» [Черных 2006 (т. 1): 345].

Имя есть тот случай, где, по утверждению А.Ф. Лосева, «сознание достигает степени самосознания» [Лосев 1994: 134]. Человек всегда наделял слово/имя особым символическим смыслом. Он дарил новорождённому самое красивое имя, дабы красота всегда была вместе с ним. Иногда красивое имя ждало своего ещё не родившегося хозяина – как бы освещая ему своим светом путь к жизни. Почти в каждой культуре можно без труда отыскать имена, скреплённые красотой. Так, в европейской традиции Елена означает свет, Екатерина – чистоту, Маргарита – жемчужину, Фаина – сияние.

Примечательно, что акцент в восприятии красоты в восточной культуре сделан в сторону не западного возвеличивания индивидуальной силы и могущества (сравните Александр – гр. освободитель, Виктор – лат. победитель, Алексей – гр. помощник, Андрей – гр. храбрец, Регина – лат. царская, Татьяна – гр. учредительница и пр.), но воспевания художественно-эстетических качеств человека. Достаточно указать на некоторые из типичных для арабо-персидской традиции восточные имёна: Джамал – араб. красота, изящество; Камил – араб. совершенство; Айниджамал – перс. суть красоты; Айникамил – перс. суть совершенства; Гульбахор – перс. весенний цветок; Гульсара – перс. самый свежий, самый лучший цветок (от «гули сари сабад» букв. цветок, лежащий сверху в корзине); Нафиса – перс. драгоценная; Санам – перс. красавица, возлюбленная, букв. «идол, предмет поклонения»; Саноат – тадж. искусство, красота; Фаррух – перс. прекрасный, счастливый.

У всякого места в культуре также есть своё имя (топоним). Человек склонен маркировать пространство близкими и дорогими ему именами и названиями. Память артикулируется значениями, которые нужно сохранить и передать другому, напомнить о прошлом через включение его в настоящее. Всё лучшее в культуре увековечивается в названии, которое само по себе, обретая приложенный к нему смысл, начинает жить своей собственной историей и связью с современным. Культура устроена так, что в ней всегда присутствует незавершённость – ощущается недостаток пространства или избыток открытости, и она всякий раз устремлена к приумножению реальности посредством того, что получает новое имя. Нельзя остановить время и вырвать из среды пространство, но можно запечатлеть увиденную историю, эстетический ландшафт и памятное событие в образе и перенести его с помощью слова и значения в иной географический ареал. Дорогой сердцу образ обрамляется в слово – имя и название – и прикрепляется к новой социальной реальности, расширяя и обогащая культуру. В топонимах отображается сила притяжения культуры, её самовоспроизводство, удвоение и приумножение, устремлённость к преодолению границ и связи времён. Смысл топонима в стягивании и притяжении территорий, иначе говоря, в том, чтобы запечатлённое однажды удержать в слове и преобразовать им пространство и время другой культуры.

Говоря о топониме, следует обратиться ещё к одному топонимическому конструкту. Ничто, пожалуй, так ярко не воплощает смысл и назначение культуры, как *улица*. Она, как и культура, полна значений, символов и намёков, в ней есть порядок и установленные правила движения, есть место для встречи с природой (парки и скверы) и обрамляющая рамка архитектурных сооружений. Улица вся наполнена знаками, именами и посланиями, она подсказывает и вещает, объединяет и вдохновляет. Как и культура, она устремлена к преобразованию, упорядочиванию и свободе, противостоит хаосу и произволу и потому нуждается в неустанном внимании и заботе. Улицу объединяет с культурой и опредмеченный ею мир мыслей, слов, вещей и событий. Она воплощает собой искусство преобразования природы, художественно освоенную антропосферу бытия. В этом плане у улицы есть и глубокий онтологический смысл – она освобождённая или завоёванная у

природы территория, ведь улица всегда начинается с пустого, неосвоенного, незаполненного пространства, которое предстоит одомашнить и обустроить. По своему происхождению слово *улица* общеславянское и очень древнее, в своей этимологии является производным от *ула* – то, что имеет улей, дупло, т.е. полое и пустое (сравните с греческим *aulos* – *полость*). В этой связи назначение улицы – заполнять пространство, оформлять знаками культурную реальность, прокладывая путь, прописывая текст, продвигать историю, творить события. Улица – музей, символярий и коммуникатор с выраженными эстетическими ценностями, зона культурной гравитации и генератор перемен.

Озвученное или прописанное слово делает сознание человека видимым и метафоричным, побуждающим его чувствовать и творить. Ментальная структура и смыслообразы восприятия выражают себя в мысли, мысль воплощается в слове, слово – в деятельности, деятельность – в вещи, и, наконец, вещь вновь возвращает нас к языку. Слово есть индикатор культурной формы. В словотворчестве вырабатываются артикулированные культурой художественные метки или островки порядка и постоянства в неупорядоченном и изменчивом океане жизни. Переквалификация коммуникативных значений особенно важна в период социальной турбулентности для того, чтобы перевести неопределённость в определённость, минимизировать критическое обезразличивание культуры.

Заключение. Таким образом, непереименованный с помощью слова переход – невыносим, переименованный – даже вдохновляет. Речь идёт о той переходной или пограничной ситуации, где «слово есть орган самоорганизации», «форма исторического бытия личности» и где можно сказать, что в «слове сознание достигает степени самосознания» [Лосев 1994: 134]. Слово есть спасение от отчаяния и залог бытия. «Слово – та же деятельность, а у нас – более чем где-нибудь», – писал Ф.М. Достоевский. Великий русский писатель и мыслитель утверждал, что «вся действительность не исчерпывается на сущном, ибо огромной своей частью заключается в нём в виде ещё неподспудного, невысказанного будущего слова. Изредка являются пророки, которые угадывают и высказывают это цельное слово ... чтобы возвестить нам тайну о человеке, о душе человеческой» [Карякин 1989: 396]. И этим словом прочерчивается путь, прописываются знаки и символы, формируется язык, иначе говоря, культура, соединяющая людей в мысли и действии [Полушкин, Михелькевич, Ионесов 2004; Белкин, Ионесов 2016].

Созидательная сила языка зафиксирована в этимологических значениях почти всех связанных с ним понятий и, прежде всего, в лексемах «слово», «речь», «молва», «говор». Так, *речь* в славянских традициях изначально происходит от «*вещь*», «*дело*» [Фасмер 1986–1987 (т. 4): 478]. Отмечается также соответствие с глаголом *реку* на славянской почве, означаящим «*располагать, определять, устраивать*» (ср. также *рок, пророк*). К этому можно добавить и этимологические ссылки на древнеиндийскую лексему *racayati* – «*создаёт, производит, делает*». На языке хинди этимологически близкое слову *речь* значение фиксируется в лексеме *parayita* – «*создатель*», «*творец*», «*автор*» [Фасмер 1986–1987 (т. 2): 109]. Показательно и этимологическое определение слова *говор*, выступающего в общеславянских традициях в значении «*столб*», «*стебель*», «*рычаг*» [Черных 2006 (т. 1): 197]. Таким образом, посредством слова маркируется реальность, и благодаря этому выстраивается структура коммуникативного действия. Пронумерованное и проименованное словом пространство становится живым ретранслятором культурной информации. В этом коммуникативном пространстве рождаются, передаются и взаимодействуют смыслообразы культуры, иначе говоря, разворачивается нескончаемая драма социального бытия.

Библиография

- Белкин А.И., Ионесов В.И. Коммуникация в контексте сознания и социодинамики культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5. – № 4.
- Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.
- Ионесов В.И. Язык как культурная реальность: возможности трансформации // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. – № 1–2. – С. 20–23.
- Ионесов В.И. Концепты войны и мира в гуманитарном знании: некоторые возможные интерпретации / В.И. Ионесов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 48–55.
- Ионесов В.И. Культурный процесс как предвосхищение бытия и дополняющая определённость // Креативная экономика и социальные инновации. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 74–87.
- Ионесов В.И. О словотворчестве как трансформации культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество; материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. И.Ю. Акифьевой. – 2018. – С. 134–140.
- Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. – 626 с.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 526 с.
- Марсель Г. Опыт конкретной философии. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
- Полушкин И.А., Михелькевич В.Н., Ионесов В.И. Диалоговые технологии гражданского образования: монография. Самарский научный центр Российской академии наук [и др.]. – Самара, 2004. – 174 с.
- Рузер-Браунинг У.М., Ионесов В.И. Искусство как опыт преобразования культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество; материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. И.Ю. Акифьевой. – 2018. – С. 184–189.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1986–1987.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык – Медиа, 2006.

Отражение в языковом поведении этнокультурных стереотипов

Кошарная Светлана Алексеевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
доктор филологических наук, профессор
E-mail: fotonija@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые этнокультурные языковые и поведенческие стереотипы, демонстрирующие различную степень актуальности и коммуникативной значимости традиционных этикетных «формул», устойчивых оборотов и сопряженных с ними понятий в разных национальных культурах, исходя из чего обретает особую важность осмысление коммуникативных стереотипов в контексте конкретной этнокультурной парадигмы.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, коммуникативная значимость, коммуникативная ситуация, языковая традиция.

УДК 81'272

Reflection of ethno-cultural stereotypes in language behaviour

Svetlana A. Kosharnaya

Belgorod State National Research University, Russia
308015 Belgorod, Pobedy Str., 85
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: fotonija@mail.ru

Abstract. The article discusses some ethno-cultural linguistic and behavioral stereotypes demonstrating a different degree of validity and communicative significance of traditional etiquette "formulas", set phrases and associated concepts in different national cultures, which lead to the importance of understanding communicative stereotypes in the context of a specific ethno-cultural paradigm.

Keywords: ethno-cultural stereotype, communicative significance, communicative situation, language tradition.

UDC 81'272

Введение. Не вызывает сомнения, что этнокультурные различия находят отражение в нормах общительности, поведения, в том числе – коммуникативного поведения. Так, известно, что русские довольно легко и непринужденно вступают в разговор с незнакомыми людьми (в общественных местах: транспорте, очередях и т.д.), при этом могут обсуждаться самые разнообразные проблемы (политические, экономические и т.д. – вплоть до проблем личного характера). Для нас важен так называемый «разговор по душам» (об этом свидетельствуют такие выражения, как *душевно поговорили, отвести душу разговором, душа-человек, душа нараспашку, как на духу* и т.д.). Отсюда *задушевная беседа* – та, от которой становится тепло на душе (выражение, которое не переводится буквально на другие языки). Для сравнения – во французских высказываниях, которые семантически и функционально, казалось бы, эквивалентны русской ФЕ *Излить душу*, нет упоминания о душе. Буквально они переводятся как «опустошить мешок», «распаковаться» [Седых 2004: 24–25].

Материалы и методы. В этой связи представляет интерес лингвокультурологический анализ устойчивых речений, «формул» и лексем, традиционно функционирующих в стереотипных коммуникативных ситуациях в совокупности с невербальным поведением.

Обсуждение. Известно, что русским импонируют «телесные соприкосновения», которые выливаются в крепкие объятия (например, между друзьями, которые долго не виделись), ср. ФЕ *Заклочить в объятия* и невербальные поведенческие стереотипы: похлопывания по плечу, спине, долгие пожимания рук с заглядыванием в глаза (по-видимому, это обусловлено особой ролью в русской культуре глаз как важного для коммуникации органа: *глаза – зеркало души*). Западному человеку подобные тактильные контакты менее характерны. Как пишет Аллан Пиз, нарушение интимной зоны человека (от 15 до 45 см) позволительно только тем лицам, которые находятся с вами в близком контакте (дети, супруги, любовники, близкие друзья и родственники). Личная зона (от 46 см до 1,2 м) разделяет людей на официальных приемах, вечерах. Социальная зона (от 1,2 до 3,6 м) отделяет человека от посторонних людей, а общественная зона (более 3,6 м) – от большой группы людей, аудитории [Пиз 1995: 40].

Существуют неписанные правила поведения западного человека в условиях скученности людей, например, в автобусе или лифте: ни с кем не разрешается разговаривать, даже со знакомыми; не рекомендуется смотреть в упор на других; лицо должно быть совершенно бесстрастным – никакого проявления эмо-

ций не разрешается; если у вас в руках книга или газеты, вы должны быть полностью погружены в чтение; чем теснее в транспорте, тем сдержаннее должны быть ваши движения; в лифте следует смотреть только на указатель этажей [Пиз 1995: 42]. Нетрудно заметить, насколько все это отличается от поведения, в том числе речевого, наших соотечественников. По-видимому, здесь сказывается такая этнокультурная черта русских, как коллективизм (ср.: *Человек человеку брат, Один в поле не воин* и под.), соборность, «общинность», о чем писал ещё В.О. Ключевский. Так, прямой взгляд на незнакомого человека, зачастую – оценивающий, не рассматривается в русской культуре как агрессивный, что запечатлено в нейтральной коннотации ФЕ *Встречать по одежке*, т.е. по внешнему виду. В отличие от русских, французы (например, в общественном транспорте) никогда не смотрят в глаза незнакомцам. В то же время при разговоре французы, как правило, внимательно смотрят собеседнику прямо в глаза. Это связано с тем, что француз моделирует возможные ситуации, связанные с вами, в плане их наименьшего вреда для себя [Седых 2004: 23–24]. Этикетная улыбка француза при этом – всего лишь дань вежливости, а не знак особого расположения.

При этом, как отмечают исследователи, русские чаще обращаются на *Вы*, например, к коллегам, в то время как представители других западных культур быстрее переходят на *ты*. Данный факт поддерживается и употреблением русскими отчеств. В нашей культуре отчество – знак почета и уважения: у нас по имени называют – по отчеству величают (например, в русских деревнях образованных людей – учителей, врачей всегда называли по имени-отчеству, независимо от их возраста и возраста адресанта, а почтенных старушек называют *Ивановнами, Семеновнами* и т.п.).

Для нас переход с *Вы* на *ты* – всегда знак качественно новых отношений. Вспомним пушкинское стихотворение «ТЫ и ВЫ»: «*Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвась, заменила...*» У русских начальник может перейти на *ты* в отношении подчиненного, когда подчиненный продолжает говорить ему *Вы*. В западной культуре такое невозможно. В то же время ответное *ты* в адрес старшего по статусу или возрасту при отсутствии близких отношений (родственных, дружеских) расценивается как оскорбление.

В то же время в традиционной русской культуре правила вежливости, этикет могут восприниматься как проявление неискренности, лицемерия, снобизма, высокомерия (ср.: выражение *Очень культурный!*, произнесенное с соответствующей интонацией, может быть употреблено как оскорбительное). По-видимому, в этом сказывается многовековое отношение к элитарной культуре как к чуждой, чуждой, характерной только для небольшой социальной прослойки – правящих классов и интеллигенции. В результате для русской культуры, в отличие от западной цивилизации, искренность оказывается более важной, чем вежливость, что находит отражение в языке, ср.: *скажи честно* (т.е. «скажи правду, не боясь обидеть»); *лучше горькая правда, чем сладкая ложь*; *резать правду-матку* и т.п. Не случайно *честность* и *честь* являются в русском языке родственными словами.

В определенной мере это есть свидетельство значимости нравственной сферы для носителей русского языка. Истинно духовное всегда оказывается более значимым, чем сиюминутное, бытовое, материальное. Так, то, что связано с материальной стороной жизни, зачастую оценивалось негативно, о чем свидетельствуют ныне устаревшие слова *мешочничество* – устар. «скупка, перевоз и спекулятивная перепродажа дефицитных товаров», *мешочник* – устар. «тот, кто занимался мешочничеством, спекулянт» [МАС II: 265]; *мещанство* – 2. перен. «обывательщина»; *мещанин* – 2. перен. «человек с мелкособственническими интересами, узким кругозором, обыватель» (хотя первичное значение слова нейтрально: лицо городского сословия ниже купеческого (*мещанское сословие*), включавшего в себя мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих, домовладельцев и т.п.; *мещанский* – 2. перен. «ограниченный мелкособственническими интересами; обывательский» [МАС II: 265–266]; *мещизм* – стремление к материальному обогащению.

Об этой устремленности русской культуры «ввысь» писали многие отечественные философы (Н.А. Бердяев, С. Соловьев и др.), о том же свидетельствует обширный пласт высокой – абстрактной и нравственно-этической – лексики в русском языке в сравнении, например, с английским: *правда* – *истина* (в англ. только *truth*); *свобода* – *воля* (англ. *freedom*); *грусть* – *печаль* (англ. *sadness*); *друг* – *приятель* (англ. *friend*); *подвиг* (приводимое в качестве переводного эквивалента англ. существительное *exploit* – одного корня со словом *exploitation* «эксплуатация», т.е. оно означает вынужденное действие, выполненное под давлением других лиц; а второй возможный перевод – существительное *feat* – несет в себе достаточно общий смысл «нечто особенное». Примеры можно множить [см. работы А. Вежбицкой, Н.Д. Аругюновой, Д.С. Лихачева и др.]. Такая устремленность русского человека ввысь и его небрежение материальным может расцениваться представителями западной цивилизации как его неспособность к практической деятельности, даже некоторая странность, но, по-видимому, истоки такого «небрежения» к быту лежат в объективных условиях жизни русского народа, до XX в. по большей части аграрного, живущего «от земли».

И в условиях этой жизни человеку возможно было отыскать только две опоры – коллективное бытование и обращенность к высшим силам – к Богу. Неслучайно, по наблюдениям исследователей, для русских характерно более частое, чем для прочих европейцев, упоминание о Боге (всуе): *Боже мой! Господи! Бог с ним! Ради бога!* и под. Достаточно вспомнить русское выражение благодарности, включающее (на уровне внутренней формы) обращение к Богу: *Спасибо* из *Спаси Бог*. В русском языке существует множество фразем и паремий, в которых используется имя Бога: *Ходить под богом, От бога* (т.е. по судьбе), *Вот вам бог, а вот порог; Жить, как у Христа за пазухой; Бог вам судья!* и под.

Бог в этих канонических формах речевого этикета русского народа наделяется полнотой милосердия, благодати, светлой радости, утешения и красоты: *Божьей благодарностью/милостью: Благодаря богу. Здесь отражено характерное для русского народа упование на помощь Творца: В беде не унывай, а на бога уповай; Бог нам прибежище и сила; Не так живи, как хочется, а как бог велит; На все воля божья.* При этом признается ничтожность сил человека в устройстве собственной жизни: *Человек предполагает, а бог располагает; Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом; Все под богом ходим.* В представлениях русского народа, Бог может миловать и может наказывать: *Побойся бога; Бог – судья; Бог всякую неправду сыщет; Суди, бог, того, кто накажет кого; Бог долго ждет, да больно бьет; У бога палок много; Готов у бога меч грешников сечь* [Гореликов, Лисицына 1999, II: 23–24].

По нашим подсчетам, словообразовательное гнездо слова БОГ, согласно «Словарю древнерусского языка XI–XIV вв.», включает 16 словарных статей, а корень *бог-* входит в состав 226 сложных слов, что свидетельствует как о ключевом характере лингвокультуры *Бог*, так и о разработанности соответствующего концепта.

Однако из этого вовсе не следует, что русские более религиозны, нежели, например, европейцы (так, даже молодые итальянцы перед рабочим днем стараются заглянуть в собор на утреннюю мессу и проводят там не менее получаса). Как отмечают Л.А. Гореликов и Т.А. Лисицына, русский бог срастается с земными реалиями, соотносится с земными ценностями, включаясь в их круг: *Денежка не бог, а полбога есть; Деньги не бог, да много милуют.* Наиболее приземленное представление о боге находит отражение в русской поговорке *Русский бог – авось, небось да как-нибудь.* На фоне этого «приземленного» восприятия Бога может возникать ирония по поводу эффективности молитвенных обращений: *Бог один, а молещичики не одинаковы; Всем бог дал, а нам посулил; Вскоре бога не умолишь; На Бога надейся, а сам не плошай* и под. А шуточная прибаутка *Боже мой, боже, каждый день одно и то же* отвергает христианскую заповедь не упоминать бога всуе. При этом иноязычные эквиваленты данного выражения не содержат сакрального символа, ср.: нем. *Jeden Tag Kartoffelsuppe* – «каждый день картофельный суп» [Гореликов, Лисицына 1999, II: 27, 28]. Таким образом, русские до сих пор остаются «двоеверцами», а зачастую – «стихийными материалистами» (ср.: *Гром не грянет – мужик не перекрестится*, т.е. о Боге мы вспоминаем только в час беды).

Известно, что русская ментальность базируется на уникальном синтезе язычества и православия, послужившем основой народного мифотворчества, что также находит отражение в коммуникативных стереотипах, репрезентирующих суеверия: *Сплюнь, а то сглазишь!* (при этом плевать рекомендуется через левое плечо, где, согласно религиозным верованиям, находится дьявол); *Постучи по дереву!* (акт, восходящий к языческому обряду: согласно древним поверьям, деревья выступали местом обитания духов, душ умерших). Язык при этом соотносился с ритуалом, как «слово и дело». По-видимому, в этом причины того, что в практике повседневной жизни русский народ во многом остается языческим, склонным к мифологизациям.

Культурные различия по-своему «очерчивают» границы этноса, «прорастая» в его язык и в сферу стереотипов – языковых и поведенческих. К примеру, культурное содержание русского слова *друг* (*друзья*), нередко служащее обращением в неформальной и даже полуофициальной коммуникации (*Дорогие друзья!*), включает представления о сверхнадежных, близких людях, ср.: *Если ты мне не поможешь – ты мне не друг*; т.е. существуют стереотипные представления о друге с обязательным набором признаков: готов прийти на помощь, готов к самопожертвованию, надежный; тот, кто никогда не предаст и т.д. Этим различаются слова *друг* и *приятель* (от *приятный*), которые не являются абсолютными синонимами. Для английского, казалось бы, эквивалентного существительного *friend* характерна ассоциация с совместным времяпрепровождением.

Заключение. Подобные факты демонстрируют различную степень актуальности и коммуникативной значимости традиционных этикетных «формул», устойчивых оборотов и сопряженных с ними понятий в сознании носителей разных языков и культур, что детерминировано национальным мировосприятием, системой ценностей, идеологией. Следовательно, постижение иной культуры неразрывно связано с осмыслением коммуникативных стереотипов – языковых и поведенческих – в контексте конкретной этнокультурной парадигмы.

Библиография

- Гореликов Л.А., Лисицына Т.А. Русский путь: опыт этнолингвистической философии. Ч. 2: Русский мир в русском слове. – Великий Новгород: НовГУ, 1999. – 144 с.
- МАС II – Словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 2. К–О. – 1986. – 736 с.
- Пиз А. Язык жестов // Пиз А. Язык жестов. Данкелл. Позы спящего; пер. с англ. Н.Е. Котляра, Л. Островского. / Сост. В.В. Шарпило. – Минск: ПАРАДОКС, 1995. – 416 с.
- Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности поведения русских и французов): монография. – М.: Компания Спутник+, 2004. – 269 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. – Т. 1. – М.: Институт русского языка, 1988. – 530 с.

В. фон Гумбольдт и антропология: ее развитие в современном языкознании

¹Сирота Елена Владимировна
²Парахонько Людмила Вячеславовна

¹Бельцкий государственный университет, Молдова
3100, г. Бельцы, ул. Пушкина, 38
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: sirotaelena@mail.ru

²Бельцкий государственный университет, Молдова
3100, г. Бельцы, ул. Пушкина, 38
аспирант, ассистент-преподаватель
E-mail: parakhonko91@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается значение В. Гумбольдта в развитии когнитивной антропологии. Отмечается связь антропологии с другими науками, в том числе и с лингвистикой, и переводоведением, что детерминирует ее важность и актуальность в XXI в.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, антропология, дух народа, оригинальный и переводной художественные дискурсы.

УДК 81:572-81-115+81-2

W. von Humboldt and anthropology: Its development in modern linguistics

¹Elena V. Sirota
²Liudmila V. Parahonco

¹Alecu Russo Bălți State University, Moldova
3100 Bălți, Pushkin Str., 38
Candiate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: sirotaelena@mail.ru

²Alecu Russo Bălți State University, Moldova
3100 Bălți, Pushkin Str., 38
Post-Graduate Student
E-mail: parakhonko91@mail.ru

Abstract. The article discusses the importance of Wilhelm von Humboldt in the development of cognitive anthropology, pays attention to the connection of anthropology with other fields, including linguistics and translation which determines its importance and relevance in the 21st century.

Keywords: W. von Humboldt, anthropology, spirit of people, original and translated literary discourses.

UDC 81:572+81-115+81-2

Введение. В лингвистике второй половины XX в. господствующее место занимает антропоцентризм, который сделал человека «мерой всех вещей» (человек в центре мироздания), своеобразным топосом, в котором изыскиваются аргументы, определяющие способ видения мира, вещей и событий. [Воркачев 2001: 64]. Наличие «человека в языке» позволяет в нас воспитать доминанту на лицо другого. Таким образом, выстраивается диалог, мостик между «я» и «не-я», ведущий к языковой рефлексии: комплексной единице человеческого мышления, основной единице обработки, хранения и передачи знаний о мире. Данное обстоятельство, а именно гуманизация знания, превращает философию, социологию, психологию, лингвистику, а также и другие смежные с нею дисциплины в социальный аспект с подвижными границами [Карабутова 2012: 82].

Таким образом, уместно говорить о связи антропоцентризма и лингвистики, об антрополингвистическом подходе, изучающем мир сквозь призму трехчленного парадигматического ряда «язык – человек – Вселенная». Кроме этого, важно сказать, что упомянутая парадигма напоминает строение знака – треугольника Фреге: I. Предмет, или денотат. II. Знак, или слово. III. Понятие о предмете, вещи – сигнификат. Но с точки зрения семиотической системы, рассматривать треугольник Фреге можно в любом направлении [Степанов 1998: 94–95]. Это значит, что и движение в трехчленной парадигме «язык – человек – Вселенная» также не имеет четко зафиксированной координации, т.к. речь идет о когниции – результате познания, который абсолютно индивидуален и неповторим. Так, человек – это не просто ресурс в «смысловом ядре» когнитивной лингвистики и когнитивной антропологии, а энтимема (сокращённое умозаключение, в котором в явной форме не выражена посылка или заключение, однако пропущенный элемент под-

разумеается) [Гинзбург 1994: 48]. Следовательно, роль языка и человека очень велика в создании и организации мира, а значит, и языковой картины мира.

Необходимо отметить, что принцип антропоцентризма утверждался в языкознании довольно давно, но более глубоко осмысление получил в работах В. Гумбольдта. Именно это и составляет цель данной статьи: проанализировать один из важных трудов Вильгельма фон Гумбольдта «Язык и философия культуры», а также проследить за развитием его мысли в современном языкознании на примере оригинальных и переводных художественных дискурсов.

Материалы и методы. Материалом послужили книга Вильгельма фон Гумбольдта «Язык и философия культуры», а именно одно из ее направлений – переход антропологии в лингвистику, рассказ А.П. Чехова «Длинный язык» и роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (отрывок). Методы исследования – компаративный метод.

Обсуждение. Направление «От антропологии к лингвистике» состоит из семи сочинений: «План сравнительной антропологии», «О духе, присущем человеческому роду», «Об изучении языков, или План систематической энциклопедии», «Проверка исследований о коренных обитателях Испании посредством баскского языка», «Опыт анализа мексиканского языка», «Характер языка и характер народа», «О буквенном письме и его связи со строением языка». Но мы бы хотели остановиться на рассмотрении сочинения «Характер языка и характер народа».

Вильгельм фон Гумбольдт говорит об индивидуальности различных языков. Но индивидуальность заметна только в той части, в которой один язык отличается от всех остальных.

Язык, несмотря на все посторонние воздействия, сохраняет свою индивидуальность, которая присуща и его характеру. Присутствие в языке духа нации и определяет его многообразие.

Гумбольдт считает, что характер языка проявляется, прежде всего, в живой речи. В более узком смысле ученый под характером языка понимает то, чем он либо обладал изначально, либо приобрел настолько давно, что получил способность воздействовать на поколения их носителей как на нечто относительно постороннее [Гумбольдт 1985: 165–167].

Благодаря своему характеру языки могут воздействовать не только на все поколения народов, говорящих на них, но и на другие языки, с которыми они рано или поздно приходят в соприкосновение либо непосредственное, либо как уже мертвые языки, через свои памятники, либо через науку, изучающую их строй. Влияние языков друг на друга двояко: оно может быть произвольным, когда заново образующиеся языки наследуют характер и сущность своего предка, и другим, по мере углубления и прояснения осознанности лишь возрастающим, когда языки одного строения становятся предметом изучения народов, говорящих на иначе построенных языках, либо различные языки вступают друг с другом в живое взаимодействие [Гумбольдт 1985: 168].

При этом важно подчеркнуть, что в языке никогда не утратится старое, даже если в нем заключены ростки нового. Это движение вперед безгранично, как сама мысль, как само чувство.

В языке формируется мировидение человека и даже определенной нации. Поэтому все, что мы находим в языке, имеет право принадлежать всемирной истории [Гумбольдт 1985: 169].

Гумбольдт также полагает, что различные языки нужно изучать в сравнении друг с другом, т.к. сравнительное изучение языков важно и существенно для постижения всей совокупности духовной деятельности человечества.

Разный характер языков способен расширять и возвышать познание благодаря целям языка. Существует 3 цели языка: 1) язык – посредник в процессе понимания и поэтому требует определенности и ясности; 2) языковая система дает чувству выражение и сама вызывает чувство и потому требует силы, отчетливости и гибкости; 3) «код» побуждает к новым мыслям и их сочетаниям через сообщаемый мысли облик и потому требует действия духа, который оставляет в словах свой отпечаток [Гумбольдт 1985: 170].

Необходимо подчеркнуть, что человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка. Но человек чувствует и знает, что язык для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором индивид стремится освоиться только с его помощью.

В общих чертах можно представить себе, что слова одного языка являют больше чувственной образности, другого – больше духовности, третьего – больше рассудочного отражения понятий и т.п. Ни одна из упомянутых особенностей не встречается изолированно, и если даже в языках различных народов можно найти что-либо, с этой точки зрения, общее, то никогда нельзя утверждать, что они обладают одной и той же особенностью [Гумбольдт 1985: 170].

Таким образом, различия в характере языков лучше всего проявляются в состоянии духа и в способе мышления и восприятия. Но важно отметить, что происхождение и преобразования языка как целого никогда не принадлежат одному человеку, но только – общности людей; языковая способность покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении [Гумбольдт 1985: 170]. Это значит, что язык и человек по своей сути два полноправных и взаимосоздающих демиурга, творца, т.к. человек в результате коммуникации, эксплуатации кодовой системы наделяет своим духом и душой языковую парадигму. Так, он преобразует, создает «свой язык», т.е. часть целого языка как народной памяти.

С данным обстоятельством мы, безусловно, согласны и в качестве доказательства развития мысли В. Гумбольдта приводим анализ художественных текстов.

В самом названии произведения «Длинный язык» звучит уничтожающий смех А.П. Чехова. Используя иронический фразеологизм, автор критикует один из пороков – болтливость, которая, как правило, характерна для женщин, особенно если это касается разбалтывания чужих секретов. В английском аналоге перевода „A tripping tongue“ намек на болтливость содержится только в лексеме tripping – «размыкающийся». Но переводчик, употребив лексему „tongue“, описал функцию языка – говорение – в прямом смысле. Как результат – исчезает ирония, и смысл в переводном тексте нарушается [Парахонько 2015: 95].

В следующем примере иронию формирует противоречие, которое возникает при наличии противоположной оценки одного и того же события собеседницей. Героиня чеховского рассказа поступала так же, как ее подруга Юлия Петровна («забывалась на курорте»), но при этом видела безнравственность только в ней, за что ее и осуждала, (например: «Может быть! Бывают мерзавки, которые...»). Иронический эффект обостряется за счет употребления разговорно-бранного слова «мерзавки». По Ушакову, мерзавка/мерзавец – это подлый, безнравственный человек, негодяй. В английском варианте перевода: „Perhaps! There are shameless creatures who...“ – «–Возможно! Бывают бесстыжие создания, которые...» – ярко-отрицательная коннотация не передается из-за использования нейтральной лексики «бесстыжие», а также аналитической природы переводящего языка [Парахонько 2015: 95].

В предложении: «– Ну, ты опять придираешься к слову! – поморщилась дамочка, нимало не смущаясь» иронический эффект возникает в двух направлениях: в реплике самого автора и в словах героини. Комизм ситуации формирует желание Натальи Михайловны вывернуться из щекотливого положения, так как до этого она говорила, «что видела этих татар только издалека, а теперь «про какого-то Сулеймана рассказывает»; пытается «отбелить» свою репутацию посредством перекалывания своей вины на мужа. Маркиратором этого является глагол «придираешься» с отрицательной коннотацией. Другими словами, ирония возникает из-за несоответствия с действительностью, а глагол «придираешься» с отрицательной коннотацией делает ее более экспрессивной. В данном случае подчеркивается характер мужа, его привычка все уточнять, конкретизировать. Также появляется аллюзия на возраст, жизненный опыт Васечки (мужа Натальи Михайловны). Смех автора становится более явным, а критика понятной, если противопоставить супругов. Например, в реплике глагол «поморщилась» указывает на «чрезмерную юность» героини, т.к. «поморщиться» – это все равно что сделать гримасу. Диминутив «дамочка», с одной стороны, обозначает возраст, а с другой – передает пренебрежение автора. Деепричастный оборот «нимало не смущаясь» подтверждает тот факт, что Наталья Михайловна врет не краснея. В английском аналоге „There, you are finding fault again, the lady pouted, not in the least disconcerted“ – «Ты ищешь виноватого опять, – леди надулась, ничуть не смущаясь» – комичность сохраняется, но меняются акценты. Во фразе „There, you are finding fault again“ переводчик подчеркивает тот факт, что героиня – жертва. Приоритетность данного утверждения для переводчика доказывает инверсия. Более того, глагол „pouted“, что означает «надулась», передает только негодование героини, без обличения ее возраста, капризности и наигранный тон обижающегося. Следовательно, не учитываются все намерения автора [Парахонько 2015: 96–97].

В данном случае дух народа транслируется переводом исходного языка, что сопровождается лакунарностью определенных единиц (фразеологизма «длинный язык», мерзавки, дамочка и т.д.) в английском переводящем языке, обладающим аналитической природой. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к логоцентризму и частичной переводимости иронии как когнитивного (ментального) явления.

Описывая размышления героини Л.Н. Толстого в пятой части романа XXIX главы, сопровождающиеся ее переживаниями о том, как увидеть сына, переводчики Констанс Гарнетт и Луиза и Эйлер Мод используют парцелляцию, разбивая русское предложение на два сложных:

<i>Оригинал</i>	<i>Garnett</i>	<i>Maude</i>
«Ей казалось натурально и просто видеть сына, когда она будет в одном с ним городе; но по приезде в Петербург ей вдруг представилось ясно ее теперешнее положение в обществе, и она поняла, что устроить свидание было трудно» [Толстой 2009: 347].	„It seemed to her natural and simple to see her son when she should be in the same town with him. But on her arrival in Peters-burg she was suddenly made distinctly aware of her present position in society, and she grasped the fact that to arrange this meeting was no easy matter “ [Garnett 1828–1910: 127].	“It seemed to her natural and simple that she should see her son when she was in the same town with him. But on reaching Peters-burg her present social position presented itself clearly to her, and she realized that it would be difficult to arrange the meeting ” [Louise and Aylmer Maude 2016].

В оригинале имеется сложносочиненное предложение со сложноподчиненными элементами в составе. Такое синтаксическое построение соответствует сложным, запутанным переживаниям Анны. Английский текст производит несколько иное впечатление: то, что было объединено сочинительно-противительной связью в тексте Л.Н. Толстого, в переводе разъединяется. Таким образом, на переднем плане оказывается именно контраст (противопоставление) между предположением и реальностью. В оригинале же этот контраст стерт, поскольку он лишь часть душевного смятения героини. Кроме того, в третьей предикативной единице: „...it would be difficult to arrange the meeting” (букв. будет сложно организовать встречу) – переводчики Мод используют Future in the Past, что указывает на действие в потенции. Следовательно, они не

совсем верно поняли мысль Л.Н. Толстого, так как в пятой части, в XXIX главе, Анна Каренина увиделась с сыном Сережей в его день рождения [Парахонько 2017: 230].

Говоря о том, что героиня не имела права ехать домой, где она могла увидеть своего мужа, супруги Мод в переводном тексте используют инверсию: героиня вначале говорит о своем праве, а только потом сообщает о своем намерении. Таким образом, развивается ее мысль, декодируется то, на что Анна Каренина не имеет права.

Оригинал

«Поехать прямо в дом, где можно было встретиться с Алексеем Александровичем, она чувствовала, что не имела права» [Толстой 2009: 347].

Garnett

„To go straight to the house, where she might meet Alexey Alexandrovitch, that she felt she had no right to do” [Garnett 1828–1910: 127].

Maude

“She felt she had not the right to go straight to the house where she might encounter Karenin” [Louise and Aylmer Maude 2016].

В оригинальном произведении, наоборот, сначала сообщается о действии героини и только потом идет речь о ее праве. Так, внимание заостряется на разных аспектах: в переводе – на рефлексии героини, а в оригинале – на локальности действия. Переводной текст Констанс Гарнетт в этом случае полностью копирует синтаксис оригинала [Там же: 230].

Здесь «ментальность языка» заключается в расхождении созерцания героини автором оригинального произведения и переводчиков, принадлежащих разным национально-культурным пространствам. Переводчики видят Анну чересчур рациональным человеком, не постигнув полностью мечущуюся душу женщины. Поэтому представляется возможным говорить об языковой личности переводчиков.

Заключение. Таким образом, мысль Гумбольдта о когнитивной антропологии продолжает развиваться. В языке, действительно, отражается менталитет народа, а также мышление определенного представителя национально-культурного пространства. Ярким примером этого служит сравнительный анализ оригинальных и переводных дискурсов.

Для того чтобы иностранный читатель мог апроприировать «другой» текст, его необходимо передать на переводящий язык, учитывая его структуру, лексические и синтаксические возможности. Только при помощи трансформационной модели перевода возможно облечь «неродное слово» в родное. Однако зачастую транслируется лишь денотат оригинального произведения, утрачивается его десигнат, или концепт денотата, т.к. внутренняя форма слова, по мысли А.А. Потебни, коррелирует с духом (сознательной умственной деятельностью) [Потебня 1992: 39]. А дух, как известно, нельзя полностью перевести из-за наложения на него «другого» психического начала, т.к. человек неотделим от языка.

Библиография

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – М., 2001. – № 1. – С. 64–72.

Гарнетт К. Произведения Чехова на английском языке / К. Гарнетт, М. Фелл. – Производство Cloud Mountain Productions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chekhov.ucoz.ru/index/0-2>.

Гинзбург М.Р. Психология личностного самоопределения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13. – М., 1996. – 60 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gumboldt-viljeljm/yazik-i-filosofiya-kuljturi>

Карабутова Е.А. Антропологический подход к обучению языковой личности иноязычной лингвокогнитивной деятельности // Научные ведомости: Серия Гуманитарные науки. – Белгород, 2012. – № 12 (131). – Вып. 14. – С. 82–89.

Парахонько Л.В. Средства репрезентации иронии в оригинальном и переводном дискурсах (на материале рассказа А.П. Чехова «Длинный язык») // Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 25-летию Куйбышевского филиала НГПУ (27 января 2015 г., г. Куйбышев); отв. ред. А.А. Курулёнок. – Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2015. – С. 91–99.

Парахонько Л. Переводы романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на английский язык: две степени адаптации к исходному тексту // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». – 2017. – С. 225–235.

Потебня А.А. Мысль и язык. Избранные работы. – М.: Юрайт, 2019. – 238 с.

Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: ЭКСМО, 2009. – 960 с.

Anna Karenin; tr. by Constance Garnett. v. 2. Tolstoy, Leo, graf, 1828–1910. New York: P. F. Collier & Son [c1917] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000030473553;view=1up;seq=1> (дата обращения – 05.03.2017).

Two unabridged translations in one premium edition (world classics series). Anna Karenina Leo Tolstoy; tr. by Louise and Aylmer Maude. 2016.

Прототипическое представление „homo sapiens” в структуре языков различной стратегии

¹Тариева Лилия Увайсовна
²Дударова Людмила Мусаевна
³Булгучева Саграт Ахмедовна
⁴Добриева Зинаида Израиловна

¹Ингушский государственный университет, Россия
386001, г. Магас, проспект И. Зязикова, 7
доктор филологических наук, доцент
E-mail: tarieva00@mail.ru

²Ингушский государственный университет, Россия
386001, г. Магас, проспект И. Зязикова, 7
кандидат филологических наук, профессор
E-mail: lyuda.dudarova@mail.ru

³Ингушский государственный университет, Россия
386001, г. Магас, проспект И. Зязикова, 7
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: 1111piter@mail.ru

⁴Ингушский государственный университет, Россия
386001, г. Магас, проспект И. Зязикова, 7
кандидат филологических наук, старший преподаватель
E-mail: zinchik8080@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются две точки зрения грамматического представления *homo sapiens* в разноструктурных языках. Номинативные и эргативные языки сильно различаются с точки зрения прототипической формы вербализации понятийной категории «человек мыслящий» на различных уровнях структуры языка. В номинативном языке находим одну морфологизированную форму экспонации «человека понимающего» в языке (личное местоимение первого лица единственного числа в номинативной форме имени), в эргативном их накапливается три, организованных в парадигму лица.

Ключевые слова: личное местоимение, человек мыслящий, номинативный, эргативный, субъектно-объектный.

УДК 81`373

"Homo sapiens" prototypical representation in the structure of languages with different strategies

¹Lilia U. Tarieva
²Ludmila M. Dudarov
³Sagrat A. Bulgucheva
⁴Zinaida I. Dobrieva

¹Ingush State University, Russia
3860017 Magas, I. Zyazikova Prospekt, 7
Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: tarieva00@mail.ru

²Ingush State University, Russia
3860017 Magas, I. Zyazikova Prospekt, 7
Candidate of Sciences (Philology), Professor
E-mail: lyuda.dudarova@mail.ru

³Ingush State University, Russia
3860017 Magas, I. Zyazikova Prospekt, 7
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: 1111piter@mail.ru

⁴Ingush State University, Russia
3860017 Magas, I. Zyazikova Prospekt, 7
Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer

E-mail: zinchik8080@mail.ru

Abstract. The article discusses two views on grammatical representation of *homo sapiens* in languages of differing structure. Nominative and ergative languages differ greatly in terms of the prototypical form of verbalizing the conceptual category "thinking person" at different levels of the language structure. The nominative language has one morphologized form of exposing the "person who understands" (the personal pronoun of the first person in the singular in the nominative form) while the ergative language has three forms organized in the paradigm of a person.

Keywords: personal pronoun, thinking person, nominative, ergative, subject-object, paradigm of the person.

UDC 81'373

Введение. Мышление носителей разноструктурных языков кумулирует гетерогенную информацию, аналитически «изымаемую» речедеятелем из многообразия форм окружающего мира с последующей интериоризацией. Человек мыслящий как антропоцентрическая категория попадает в объектив собственного наблюдения, отражаясь в сознании в качестве объекта рефлексивного познания субъекта.

Интерес для нас представляет не просто понятийная категория *homo sapiens*, а ее языковое прототипическое представление в генетически неродственных языках. Наличие понятия о человеке мыслящем в континууме собственного сознания должно обязательно отразиться в структуре языка в форме какой-либо грамматической единицы, если язык естественный.

Актуальность исследуемой темы заключается в недостаточной изученности проблемы прототипического языкового обозначения человека мыслящего в сравнительно-сопоставительном аспекте в языках различной стратегии. Ареально близкие языки могут неоднозначно представлять в системе языка категорию «человек мыслящий».

Нашей **целью** является исследование пресуппозитивной лингвоцентрической формы экспонации категории «человек понимающий» в структуре русского и ингушского языков.

Учитывая тот факт, что язык есть средство передачи информации, дискретно освоенной из реальной действительности мышлением, мы ставим перед собой основную **задачу**: выяснить, каким образом, в какой форме диахронически репрезентирован *homo sapiens* (инг. *kxeta sag*) носителями номинативного и эргативного языков.

Мыслительный образ „*homo sapiens*“ в русской и ингушской языковой картине мира неоднозначны, равно как и языковые знаки, его обозначающие. Вопросы, связанные с отображением человеческого фактора в языке, всегда привлекали внимание исследователей.

Материалы и методы. В основу интерпретации проблемы прототипического представления языковым знаком категории *homo sapiens* положены теоретические изыскания как зарубежных, так и отечественных лингвистов, исследовавших личные местоимения в различных языках со структурно-семантической и антропоцентрической точки зрения: Э. Бенвениста, А.С. Чикобавы, В.В. Виноградова, Ф.И. Буслаева, Е.М. Вольфа, Е.В. Падучевой, Л.Я. Маловицкого, А.Г. Мартиросова, Р.П. Дронсейки, включая и ингушведов: А.С. Куркиева, Л.У. Тариеву, Р.Р. Хайрову и др.

Основным **методом** исследования избран антропоцентрический способ реконструкции «отрывка» мысли, в которой запечатлен *человек понимающий* в русском и ингушском речемышлении, пресуппозитивно вербализованный неоднозначной языковой единицей в языках различной стратегии (в нашем случае – номинативной и эргативной). Применяется также сравнительно-сопоставительный прием и метод компонентного анализа, вскрывающий суть формы, вербализующей категорию *homo sapiens* в структуре исследуемых языков.

Обсуждение. Образ человека как монолитной сущности отображается в языке различного рода эгоцентриками. Термин эгоцентризм восходит к понятию «эго», представленному местоимением «я» в русском языке и не только местоимением *со* «я» в ингушском:

1. *Я понимаю* (инг. **Со** (NOM) кхет).
2. *Я (NOM) дышу* (инг. **Аз** садаох).
3. *Я (NOM) чувствую* (инг. **Сона** (AFF) хоалу).

Из примеров следует, что в русском языке одна форма местоимения первого лица единственного числа, а в эргативном ингушском их три. Традиция выделения трех местоимений первого лица единственного числа синхронно обоснована в ряде работ [Тариева 2014, Тариева 2017а, Тариева 2017б, Тариева 2017в, Тариева 2017г]. В научных изысканиях А.С. Куркиева и Р.Р. Хайровой интерпретируется только номинативная форма местоимения [Куркиев 1975: 152; Хайрова 2016: 175], в частности, соответствующая функционированию *я* «эго» русского языка.

Местоименные существительные (или личные местоимения) присущи всем языкам мира, поэтому квалифицируются в качестве языковой универсалии. Синхронно отсутствует однозначное определение их категориального значения, если таковое за ними признается. Кроме того, проблема неоднозначности «функционирования личных местоимений в языках с различным грамматическим строем на сегодняшний день остается открытой и находится в центре внимания лингвистов-типологов» [Тариева 2017г: 4].

Ф.И. Буслаев считал, что личное местоимение первого лица единственного числа обладает номинативной функцией: оно указывает на лицо говорящее как на ближайший предмет [Буслаев 2006: 288], например:

4. *Я (NOM) изрекаю* (инг. Со (NOM) йистхул).
5. *Я (NOM) говорю* (инг. Со (NOM) лув).
6. *Я (NOM) боюсь* (инг. Со (NOM) кхер).

Как следует из примеров (1–6), под ближайшим предметом следует понимать лицо говорящее, выступающее в функции первой валентности, т.е. в функции основного актанта, закодированного в речевом глаголе-сказуемом и русского, и ингушского языков. Изречение, говорение прототипически обнаруживает человека разумного в обоих языках.

Квалифицированные в качестве наиболее древнего пласта лексики личные местоимения вступают в субъектно-объектные отношения между собой [Тариева 2017г: 33]. Их функция в языках различных стратегий неоднозначна.

Релевантным в интерпретации личных местоимений В.В. Виноградовым является тот факт, что он придавал им статус автономной части речи, считая их не просто дейктическими словами, а языковыми знаками, включающимися в субъектно-объектные отношения [Виноградов 1972: 260], например:

7. *Я (NOM) с трудом изрекаю стихи (ACC)* (инг. Аз (ERG) хала байташ еш).
8. *Я (NOM) тебе (DAT) говорю* (инг. Со (NOM) хьога (ЛОК) лув).
9. *Я (NOM) понимаю язык (ACC)* (инг. Аз (ERG) мотт (NOM) кхетабу).

Личное местоимение первого лица единственного числа в номинативной форме имени выполняет функцию субъекта действия (состояния, процесса, свойства) в обоих исследуемых языках. На наш взгляд, в субъектно-объектные отношения могут вступать только семантически охарактеризованные единицы языка.

В наведении Л.У. Тариева считает, что «прагматический аспект исследования личных местоимений первого лица как прототипических слов-эгоцентриков, вступающих в отношения субъектно-объектной дистрибуции, обладает объяснительной силой в вопросах интерпретации номинативной и эргативной стратегий [Тариева 2017г: 197].

В русской языковедческой традиции, с одной стороны, личные местоимения рассматриваются как разряд слов, обладающих лексическим значением [Маловицкий 1972; Вольф 1974; Селиверстова, Ярцева 1988], с другой – как слова-пустышки. Ряд лингвистов квалифицируют личные местоимения в качестве дейктиков [Падучева 1985; Якобсон 1987].

Р.П. Дронсейка считает, что у местоимений имеется постоянный денотат, что они являются представителями личности, которая понимается ею как лицо. Личные местоимения, по ее мнению, отличаются наличием стабильного внеконтекстного значения, ситуативного значения, определяемого дейктической функцией [Дронсейка 2012: 12]. Для нас важно, что Р.П. Дронсейка вслед за Л.Я. Маловицким квалифицирует «я» в качестве «точки отсчета», первичного и прямого выразителя эгоцентризма [Дронсейка 2012: 13]. А.Г. Мартиросов считает, что местоимения сохраняют в себе древнейшие факты истории языка [Мартиросов 1968: 41].

Л.У. Тариева в эргативном языке в качестве точки отсчета выделяет три эго: *со* «я», *аз* «я», *сона* «я». Общим местом, прототипически зафиксировавшим лицо в эргативном ингушском и номинативном русском языках, является прагматическая ситуация. В номинативных языках она одна:

10. Я-здесь-сейчас [Тариева 2017г: 80].

В эргативных их две:

11. *Со в а х1анз* «я мужчина в пространстве теперь» [Тариева 2017а] и
12. *У кхаза х1анз* «тут еще я в пространстве теперь» [Тариева 2017б].

За основу интерпретации личного местоимения первого лица единственного числа русского языка мы берем точку зрения Э. Бенвениста, который видел за этим языковым знаком только говорящего, способного реализовать язык в речи [Бенвенист 1974: 38, 288].

За основу исследования личного местоимения первого лица единственного числа ингушского языка берется точка зрения Л.У. Тариевой, введшей парадигму лица, накапливающую несколько эгоцентриков, в теорию языковой личности (лицо Созерцающее, видящее лицо Говорящее, и лицо Слышащее, обнаруживающее лицо Произносящее) [Тариева 2017г: 25].

Эгоцентрик понимается ею как «антропоцентрически охарактеризованный необходимый компонент в акте коммуникации, прототипически категоризованный в дистрикции собственного эго на основе релевантной функции лица», не единственный в эргативных (нахских) языках, в которых он отличается своей способностью не только к диалогической, но и к рефлексивно воспринимаемой речи. Лицо Говорящее, например, представленное общей формой имени в эргативных и номинативных языках, выделяется в рефлексивном режиме интерпретации.

Р.П. Дронсейка считает, что эгоцентризм свойственен всем разрядам местоимений и что максимальное проявление эгоцентризма характерно для разряда личных местоимений, где эгоцентризм составляет понятийное ядро их лексического значения [Дронсейка 2012: 12–14]. Автор трактует эгоцентризм в широком смысле как понятийную категорию, организующую эгоцентрическое поле разноуровневых языковых

единиц, центральное место в котором занимает класс местоимений, а его ядром является личное местоимение «я». В узком смысле эгоцентризм понимается ею как семантическое свойство местоимения «я»: сосредоточение говорящим внимания на своей личности в «я-высказываниях», ориентированных на передачу мыслей личности о самом себе [Дронсейка 2012: 12–13].

Для нас интерес представляет «я-высказывание», т.к., согласно концепции Л.У. Тариевой, такое высказывание в эргативном языке (*co* «я») и категоризация лица Говорящего, передающего мысль о самом себе в процессе самоидентификации, есть одновременный процесс [Тариева 2017г: 30].

Лицо Говорящее эргативных и номинативных языков обнаруживается лицом Созерцающим (рус. Наблюдателем) в условиях именованного собственного эго (рус. «я», англ. „I“, нем. „Ich“, франц. „Je“, инг. «*co*» и др.). Блок действий: интенциональная функция лица Созерцающего, наблюдающего функцию лица Говорящего в акте познания, и именованного собственного эго в нахском языке есть перформативный процесс [Тариева 2014].

Р.П. Дронсейка указывает, что местоимение «я» как лексическая единица на уровне обыденного сознания воспринимается носителями языка как выражение собственной личности («самости») [Дронсейка 2012]. Л.У. Тариева считает, что личное местоимение *co* «я» в эргативном языке указывает на лицо речедеятеля только в одной из его релевантных функций (функции артикуляции вне акустики) и что его категориальным значением является «лицо изрекающее, или говорящее» [Тариева 2017г: 28]. Если следовать концепции Э. Бенвениста и Л.У. Тариевой, то функция языкового знака (рус. *я* и инг. *co*) совпадает в том, что обозначают лицо говорящее, выраженное номинативной формой имени в обоих исследуемых языках.

Функция говорения как артикуляционное свойство лица обнаруживается в ингушском языке интенциональностью эгоцентрика лица Созерцающего, или Наблюдателя в русской языковой традиции.

Лицо Созерцающее эргативных языков как носитель чувственного восприятия (инг. *хоалу саг* «субъект восприятия») генерирует дейксис, указующий на одного из речевых эгоцентриков – на лицо Говорящее [Тариева 2017а; Тариева 2017г: 84].

Лицо Говорящее есть реальный наблюдаемый объект действительности, это пропозиция, представляющая собой «установку» свойств и качеств, из которых при речевом акте произнесения личного местоимения *co* «я» экспонировано в *oŋo* «вначале» лишь свойство «говорение», если человек способен артикулировать» [Тариева 2017г: 204].

Семантический статус лица Говорящего в неродственных языках совпадает: местоименное существительное в языках обеих стратегий обозначает артикулирующее для передачи информации лицо. Тогда встает вопрос: что (кого) номинирует лицо, способное артикуляционно о чем-либо сообщать?

Ответ находим в монографии Л.У. Тариевой, указывающей, что на понятийном уровне за «функцией лица Говорящего эмпатически обнаруживается *кхета саг* ‘homo sapiens’, т.е. человек разумный, грамматически в ингушском языке представленный номинативной формой имени *co* «я» [Тариева 2017г: 142–143]. В русском номинативном и ингушском эргативном языках языковой знак (*я* ‘*co*’) и эгоцентрическое лицо говорящее, составляющее категориальное значение данного знака, совпадают. В обоих языках личное местоимение первого лица (инг. *co* и рус. *я* эго) на семантическом уровне представляет «лицо говорящее», а на понятийном вскрывает антропоцентрика „homo sapiens“.

Разница в экспонации человека разумного заключается в том, что в ингушском языке говорение как артикуляционное свойство дифференцировано с лицом произносящим, а в русском языке такой дифференциации не наблюдается, хотя в древности в русском языке существовало местоимение *jaz*, а в современном болгарском – *аз*. Сравните конструкции:

13. *Со (NOM) йистхул* «Я изрекаю» (единожды артикулирую);
14. *Со (NOM) лув* «Я говорю» (не единожды, много);
15. *Аз (ERG) оал* «Я произношу» (единожды произношу);
16. *Аз (ERG) дувц* «Я произношу» (не единожды, потоком) [Тариева 2017г: 122].

Из примеров следует, что если в русском языке одно речевое лицо, функционирующее в качестве подлежащего, то в ингушском языке их два (*co* «я» и *аз* «я»).

Парадоксальным на первый взгляд представляется наличие еще одного личного местоимения первого лица единственного числа в аффективной форме имени (*сона* «я») в эргативном языке. Возникает вопрос: зачем эргативному языку три «я»? Три эгоцентрика складываются Л.У. Тариевой в парадигму из четырех лиц [Тариева 2017в: 98].

Компоненты парадигмы лица ингушского языка, категоризованные на основе сущностных функций лица, отражаются в языковых знаках (*сона* «я» = лицо Созерцающее, вскрывающее речевое лицо *co* «я» = лицо Говорящее и *сона* «я» = лицо Слышащее, обнаруживающее *аз* «я» = лицо Произносящее), отсылающим нас только к сущностным свойствам лица речедеятеля.

За личным местоимением первого лица единственного числа в **номинативной** форме имени в русском языке, с антропоцентрической точки зрения, стоит функция артикуляции, синхронизированная с функцией произнесения:

17. *Я изрекаю* (т.е. обладаю способностью к озвученной артикуляции).
18. *Со (NOM) йистхул* «Я артикулирую» (т.е. обладаю способностью к артикуляции вне акустики),

но:

19. *Аз (ERG) оал* «Я произношу» (т.е. обладаю способностью произносить).

Самым сильным отличием эргативного языка от номинативного является выделение в нем «четырёх релевантных функций лица речедеятеля, прототипически категоризированных тремя различными местоимениями первого лица единственного числа:

20. *Со (NOM) сиха лув* «Я быстро говорю» (т.е. обладаю способностью).

21. *Аз (ERG) сиха оал* «Я быстро произношу» (т.е. обладаю способностью).

22. *Сона (AFF) дика гу* «Я хорошо вижу» (т.е. обладаю способностью).

23. *Сона (AFF) дика хоз* «Я хорошо слышу» (т.е. обладаю способностью) [Тариева 2017г: 19].

Функция артикуляции оказалась достаточным условием для генерации языковой сущности лица Говорящего носителями эргативного мышления. Лицо Говорящее в русском и ингушском языках на поверхностном уровне представлено именительным падежом имени (инг. *цIера дожар*).

Внутреннее значение, семантика местоимения первого лица единственного числа русского и ингушского языков совпадают, т.к. «в акте познания собственного эго», т.е. в условиях самопрезентации в обоих языках именуется лицо говорящее.

Н.Ю. Шведова относит местоимение к вершине смысловой иерархии [Шведова 1998], видимо, исходя из представления им прототипической функции (функции говорения).

Самым сильным эгоцентриком является лицо Говорящее, представленное в обоих языках личным местоимением первого лица единственного числа *со* «я». Его интенционал включает функцию эгоцентрика со статусом лицо Созерцающее (рус. Наблюдатель) в прагматической установке самохарактеризации [Тариева 2014]. Говорящий в приведенных в статье примерах представлен в качестве «я», находящегося в центре речевой ситуации, в центре ситуации высказывания.

Личное местоимение первого лица единственного числа в номинативной форме имени (*со* «я») функционирует как лингвоцентрический знак, общий для эргативных и номинативных языков, который за семантической категорией «лицо говорящее» в обоих исследуемых языках обнаруживает *homo sapiens* (инг. *кхета саг*). Говорение лица есть созерцаемый процесс, присущий лицу речедеятеля, характеризующий его в качестве разумной субстанции.

Таким образом: понятийный аппарат носителей русского и ингушского языков включает глубинную категорию *homo sapiens* (инг. *кхета саг*), репрезентированную на поверхностном уровне личным местоимением первого лица единственного числа *со* «я» номинативного и эргативного языков, лексическим значением которого является лицо говорящее.

В ингушском языке три местоимения первого лица единственного числа (примеры 20–23): два речевых (*со* «я» и *аз* «я») и одно аффективное лицо (*сона* «я»), представленное двумя операторами (видящим и слышащим). Сравните конструкции:

24. *Аз айса (ERG) оал* «Я сам произношу»;

25. *Со се лув* «Я сам говорю»;

26. *Сона (AFF) гу, со (NOM) йистхул* «Я вижу: я говорю» (т.е. артикулирую);

27. *Сона (AFF) гу* «Я вижу» (т.е. обладаю способностью видеть) [Тариева 2017г: 46, 91].

Из данных иллюстраций (22–27) следует, что каждый из глаголов-предикатов приведенных примеров кодирует различных эгоцентриков, на более глубинном уровне представляющих в эргативном языке гетерогенных антропоцентриков, т.е. *саг* 'homo'. Эгоцентриком Лицо Произносящее вскрывает на понятийном уровне *сакхета саг* 'homo spiritus' (примеры 15–16, 24), т.е. человека-духа. За аффективным эгоцентриком (Созерцающим и/или Слышащим) стоит один антропоцентриком *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человек чувствующий.

Отображение в языке категории *homo sapiens* в русском и ингушском языках связано с дискретным освоением человека мыслящего в качестве объекта реальной действительности с последующей интериоризацией информации о собственном эго. Овнутрение информации о человеке мыслящем происходит, согласно концепции Л.У. Тариевой, благодаря функции лица Созерцающего (и/или лица Слышащего), запечатляющего функцию лица Говорящего (и/или лица Произносящего) в мыслительной области посредством фрейма интенциональности [Тариева 2014г: 200].

Заключение. Интериоризация речевой функции речедеятеля в процессе интенциональности [Тариева 2014], на наш взгляд, в языках номинативной и эргативной стратегий происходит однотипно (*со* «я» = Лицо Говорящее = *кхета саг* 'homo sapiens'). Разница заключается в том, что номинативные языки не «видят» за отдельной формой личного местоимения первого лица единственного числа человека чувствующего (инг. *сона* «я» = *хоалу саг*) и человека-духа (инг. *аз* «я» = *сакхета саг*). В эргативном языке четыре эгоцентрика (лицо Созерцающее, распознающее Лицо Говорящее, и Лицо Слышащее, обнаруживающее Лицо Произносящее), которые откладываются на поверхностном грамматическом уровне как лексическое значение трех местоимений первого лица единственного числа (*со* «я», *сона* «я», *аз* «я»), выступая связующим звеном между поверхностным лингвоцентрическим знаком и глубинным антропоцентрическим, представляющим трех *саг* 'homo', претендующих на подлежащую позицию в составе предложения. В связи с гетерогенностью представления *саг* 'homo' в языках различной стратегии вспоминаются слова немецкого лингвиста-философа, который писал [Гумбольдт 1984: 154], что разница языков заключается не в различном обозначении одной и той же вещи, а в ее различном видении.

Библиография

- Бенвенист Э. О природе местоимений // Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 285 с.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис; изд. 7-е. – М., 2006. – 110 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. – М.: Наука, 1974. – 222 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984/2001. – 400 с.
- Дронсейка Р.П. К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 1. – С. 8–32.
- Куркиев А.С. Структурно-типологическая характеристика личных местоимений в русском и ингушском языках // Некоторые вопросы грамматики (сборник статей). – Грозный, 1975. – С. 145–156.
- Маловицкий Л.Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте: автореф. ... д-ра филол. наук. – Л., 1972. – 44 с.
- Мартыросов А.Г. К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках. – Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С. 41.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
- Селиверстова О.Н., Ярцева В.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 159 с.
- Тариева Л.У. Размещение лица Говорящего в классической лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Т. 3. – № 3. – 2017а. – С. 81–85.
- Тариева Л.У. Размещение лица Произносящего во второй эргативной лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Т. 3. – № 3. – 2017б. – С. 96–100.
- Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точки зрения // XXXII Международная научная конференции «Эффективные исследования современности ЕНО». – № 10 (32). – 2017в. – С. 136–146.
- Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань: ООО «КЕП». 2017г. – 376 с.
- Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – № 8. – Т. 3. – М.: Наука, 2014. – С. 197–202.
- Хайрова Р.Р. Семантико-грамматическая характеристика местоимений в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 173–176.
- Чикобава А.С. К склонению местоимений аварского языка. ИЯИМК, т. XII. – Тбилиси: Изд-во Грузинской ССР, 1942. – С. 38.
- Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998. – 176 с.
- Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Новое в лингвистике. Т. 3. – М., 1987. – 460 с.

Язык, образ, метафора в репрезентативной практике современной культуры

Чиркова Наталья Владимировна

Самарский государственный институт культуры, Россия
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nat.chirk@mail.ru

Аннотация. В статье метафора рассматривается как базовый феномен человеческого языка и мышления. Исследуются предпосылки и история формирования теории метафоры в отечественной и зарубежной научной традиции. Метафора рассматривается в репрезентативной практике современной культуры.

Ключевые слова: метафора, образ, язык, культура, смысл, текст, контекст, мышление.

УДК 81.373

Language, image, metaphor in the representative practice of modern culture

Natalya V. Chirkova

Samara State Institute of Culture, Russia
443010 Samara, Frunze Str., 167
Candidate of Sciences (History), Associate Professor
E-mail: nat.chirk@mail.ru

Abstract. The article considers metaphors as the basic phenomenon of human language and thinking studying the background and history of the formation of the theory of metaphor in the domestic and foreign scientific tradition. The metaphor is discussed in the representative practice of modern culture.

Keywords: metaphor, image, language, culture, sense, text, context, thinking.

UDC 81.373

Введение. Любовь к родной культуре, языку – один из главных компонентов, утверждаемых в современном образовании [Чирков 2017: 75]. Речь, безусловно, является важнейшей составляющей коммуникации. Метафора принадлежит к числу базовых феноменов человеческого языка и мышления, а значит, и всей культуры в целом. По мнению В.Н. Телия, она успешно выполняет роль призмы, через которую человек видит мир [Телия 1996]. Точная характеристика метафоры представлена в определении Н.Д. Арутюновой, которая рассматривает ее как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов и явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [Арутюнова 1990].

Материалы и методы. Проведенное исследование базируется на комплексе различных методов, направленных на достижение поставленной цели: анализ и синтез, которые применялись в ходе теоретического осмысления литературы; структурно-функциональный для исследования особенностей основных элементов метафоры; типологический, предназначенный для изучения различных подходов в исследовании метафор, и др. В исследовании также использовался метод анализа концептуальной метафоры, сопоставительный метод (для сопоставления метафор), а также метод синтаксического и семантического анализа текстов.

Обсуждение. История изучения метафоры как самостоятельной методологической единицы свидетельствует об особом научном интересе со стороны различных междисциплинарных направлений, таких как психолингвистика, культурология, лингвофилософия и др. В наше время актуальность обращения к существующей традиции содержания понятия метафоры и обобщение предыдущего опыта исследования этого вопроса не вызывает сомнения. Изучение этапов развития теории метафоры и формирование современной терминологии предполагает значительные возможности для создания методологического аппарата и корректировки определенных тонкостей в разъяснении данного понятия.

Главные принципы определения метафоры были представлены в работах античных философов. Большая часть современных исследований теории метафорических переносов апеллируют к концепциям, известных со времен Аристотеля, когда метафора понималась как образное сравнение, построенное на идентичности и представляющее собой основное средство познания. Именно Аристотель предложил ставшее общеизвестным определение метафоры как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или в форме пропорции» [Античные теории: 184]. Взгляды Аристотеля основывались на том, что он понимал метафору не только как средство улучшения языка, но и как всеобъемлющее средство для кодирования информации.

Философская интерпретация метафоры, сформировавшаяся в эпоху Возрождения, находит свое воплощение в теории метафоры нашего времени. К.К. Ратвен, анализируя трансформацию данной теории, полагает, что если в древности представители риторики видели в метафоризации лишь способ языковой орнаментации, то со временем метафора превратилась в способ интуитивного восприятия. Таким образом, аналитический акцент перешел на позиции эмоционального воздействия метафоры на адресата.

По мере того как развивалась теория метафоры, были сформулированы и ключевые положения, успешно реализуемые в создании современных концепций. В стремлении преодолеть двойственность языка и мышления Дж. Вико сформулировал сентенцию, близкую современным когнитивистам, что не только речь человека, но и его мысль выстраивается посредством символов как словесных, так и образных: «Метафора – не произвольная, искусственная конструкция, а естественный способ выражения иного мировосприятия, отличного от нашего» [Жоль 1984: 84]. При этом в начале XX в. метафору видели не только «сильным орудием человеческой речи», без которого невозможно представить развитие речи, но и «болезнью языка».

Современная метафорология полагает, что актуальные концепции толкования метафоры нужно характеризовать в соотношении с четырьмя базовыми направлениями: системоцентрического, антропоцентрического, когнитивного и лингвокультурологического.

Два последних направления переплетены воедино и являют собой малозначимую смену научной парадигмы. Сверхтрадиционной нам видится системоцентрическая теория, в рамках которой метафора объясняется с точки зрения языковой системы. Это дает возможность проанализировать сложность языковой структуры, выявить метафорический функционал. Поскольку предметом изучения выступили отдельные лексемы, содержание понятия метафоры заключено уже в значении самого слова; она становится лексикологическим явлением. Достаточно подробно это направление рассмотрено в работе Г.Н. Складневской «Метафора в системе языка». Автор, исследуя языковую метафору, противопоставляет ее метафоре художественной, считая, что последняя индивидуальна, и лингвистические методы, анализирующие языковую метафору, не способствуют полноценному и достоверному изучению ее художественного аналога [Складневская 1993].

К исследованию метафоры в рамках данного подхода можно подойти и с точки зрения синтаксической семантики. Процедуре исследования подлежат аспекты метафоризации на уровне словосочетания и предложения. Это предполагает определенные возможности для изучения того, как семантическая сочетаемость накладывает на процесс формирования метафорического значения. Главным средством воплощения метафорического смысла является категориальное изменение: «Метафора предлагает новое распределение предметов по категориям и тут же от него отказывается» [Арутюнова 1990: 19]. В зарубежной исследовательской среде данную методологию иногда называют *interaction theory*. Анализируя структурные элементы метафоры, М. Блэк предлагает термины *subsidiary subject* (для описания собственно метафорического образа) и *a system of associated commonplaces* (для определения предикативного компонента метафорического значения). Нужно пояснить, что появление данных понятий ставило задачу упростить идентификацию структурных составляющих процесса метафоризации, преимущественно за счет категориальной трансформации, предлагаемой структурой *tenor – vehicle* [Москвин 2006]. Использование указанной методологии можно аргументировать следующим образом. Предлагается следующая конструкция: „One consequence is erosion of support for the EU among its member states’ Electorates”. Существительное *support* становится конкретным, опредмеченным понятием. Прямое значение *erosion* объясняется термином *soil erosion*. В данном случае мы видим экстраполирование с семантической сферы «физический мир» на семантическую сферу «абстрактное понятие». Метафоризируемым здесь является понятие «поддержка», метафоризирующим – «разрушение». Необходимо пояснить, что базой переноса, очевидно, будут понятия «функция» или «характер действия».

В рамках антропоцентрической теории для исследования метафоры используется контекст субъектно-объектной парадигмы. Предполагается двойственность процесса изучения некоей сущности: с позиций реализации метафорического образа (взгляд номинатора) и его прочтения (точка зрения интерпретатора). Процесс метафоризации немислим без акта коммуникации: «Метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства, сознание адресата [Чудинов 2001: 11]. Использование контекста субъектно-объектной исследовательской парадигмы привело к введению в теорию метафоры категории антропоцентричности. Например, В.Н. Телия трактует метафору как возможность оказания прагматического влияния на адресата, при этом акцентируется внимание автора, что признак, лежащий в основе метафорической трансформации, не что иное, как средство выражения отношения субъекта речи к действительности, соответственно, предполагается эмотивно-оценочная и стилистически-маркированная окраска [Телия 1996: 25]. Таким образом, метафора становится средством распознавания авторского замысла. Для понимания смыслов, находящихся в сути метафорического образа, толкователь, обращаясь к контексту и системе стереотипов, бытующих в национальной культуре, классифицирует предикативный признак и сопоставляет его с субъектом референции.

По мнению О.И. Глазуновой, успех толкования метафоры обуславливается и структурой метафорического образа, и умением адресата «постичь закодированный автором смысл» [Глазунова 2000: 122]. Надо

понимать, что правильная интерпретация метафорического образа не происходит автоматически. Она, главным образом, предполагает у толкователя умение различать иносказательный подтекст.

Когнитивная теория исходит из того, что метафора – главный инструмент мышления. Значительно удалившись от античных и средневековых трактовок, исследователи указанного направления стали трактовать ее не как «троп, призванный украсить речь и сделать образ более понятным, а как форму мышления» [Чудинов 2001]. Таким образом, сознание человека обусловлено сложными структурными отношениями между различными группами понятий, которые могут объяснять одни понятия посредством других. Исследователь Л.Г. Лузина предлагает понимать метафору как «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которых невозможно получение нового знания» [Лузина 1996: 55]. Важно уточнить, что начало появления метафорического смысла многие авторы видят не в компонентах словарного значения, а во фреймах и сценариях – знаниях о типичных объектах и ситуациях. Поскольку концепция «семантических полей» объясняет строение языка через систему ассоциативных связей, то когнитивная теория, без сомнения, продолжает ее и увеличивает возможности толкования. Вне всякого сомнения, метафора представляется важной составляющей «формирования ассоциативных связей, обуславливая легкость создания и понимания метафорических выражений в нехудожественных формах речи» [Толочин 1996: 34].

Лингвокультурологический подход к метафоре является модификацией когнитивной парадигмы. Понятийный аппарат когнитивной лингвистики (концепт, сцена, сценарий, фрейм, когнитивная метафора), который являлся объектом исследования, сегодня утвердился настолько, что воспринимается только в категориях инструментальной функции. В современной науке появилось многообещающее направление исследования метафоры как моделируемого национально-языковым сознанием ментального процесса интерпретации действительности, структурируемого метафорическими моделями. Особенно авторов волнуют переломные эпохи [Чирков 2019: 569]. При этом материалом исследования становятся слова-реалии, пространственные образы, имеющие национально-культурную окраску, вкусовые метафоры [Костяев 2013].

Таким образом, метафора в современности предстает более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Новые научные исследования предлагают концепции, означающие как продолжение традиции, так и стремящиеся к «разрыву с прошлым», предлагающие новые толкования и интерпретации метафоры.

Библиография

- Античные теории языка и стиля: антология текстов; под общ. ред. О.М. Фрейденберг; пер. с древнегреч. и латин. – СПб.: Кренов, 1996. – 362 с.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник статей. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
- Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб.: Питер, 2000. – 190 с.
- Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984. – 302 с.
- Костяев А.И. Вкусовые метафоры и образы в культуре. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 160 с.
- Лузина Л.Г. Когнитивная метафора // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 55–56.
- Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1996. – 95 с.
- Чирков М.С. «Все завоевания культуры станут общенародным достоянием»: революционные события в России 1917 года и трансформация русской культуры // Художественные парадигмы в эпоху социальной турбулентности: материалы Международного научно-практического форума: в 2 т. – Самара: Самарский государственный институт культуры; Согласие, 2019. – Т. 2. – С. 655–659.
- Чирков М.С. Историко-патриотическая лекция в контексте современного российского вузовского образования // Преподаватель как субъект и объект современного образовательного процесса: материалы XLIV научно-методической конференции преподавателей, аспирантов и сотрудников. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2017. – С. 73–76.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Раздел 4.
Дискурсивные процессы сферы социокультурной коммуникации
в лингвориторической парадигме

Part 4.
Discursive processes in the social communication sphere from the perspective
of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Техники интервьюирования для гуманитарного знания

Бушев Александр Борисович

Тверской государственный университет, Россия
1701000, г. Тверь, ул. Желябова, 33
доктор филологических наук, профессор
E-mail: alex.bouchev@list.ru

Аннотация. В центре настоящей статьи – отражение техники интервьюирования и ее применение в разных областях гуманитарных наук и для разных задач. Одной таких задач является изучение художественности, другой – изучение истории и краеведения, в том числе повседневности; третьей – изучение особенностей языка, четвертой – изучение социальной структуры и ценностей, пятой – психологических нарративов.

Ключевые слова: повседневность, устная речь, устная история, художественность.

УДК 81.272

Interview techniques for acquisition of humanitarian knowledge

Alexander B. Bouchev

Tver State University, Russia
170100 Tver, Zhelyabova Str., 33
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: alex.bouchev@list.ru

Abstract. The article highlights the technique of interviewing and its value for different spheres of the humanities. One of such tasks is the investigation of the belletristic nature of literature, the others are the study of general and local history; language peculiarities; social structure and values; psychological narratives.

Keywords: everyday life, oral speech, colloquial history, artistic taste.

UDC 81.272

Введение. В центре настоящей статьи находятся возможности разного рода устных интервью для гуманитарных исследований.

Материалы и методы. В качестве материала выступают как записи устных интервью, так и научная рефлексия над методом представителей разных специальностей – филологов, педагогов, социологов, историков, антропологов, журналистов, психологов и т.д.

Обсуждение. Обращаются к устной истории представители разных гуманитарных специальностей – социологи, историки, филологи, психологи, журналисты. Как метод интервью может быть использовано для фиксации истории практически любой отрасли науки, что доказывает работа В. Дувакина.

Приведём фрагмент, записанный в беседе с М.А. Лентуловой в конце 80-х годов. Запись сделана пионерами метода устного интервью под руководством В. Дувакина, размещена на сайте «Устная история».

В. Т.: А вообще, вам что больше нравится из этих ранних работ?

М. Л.: «Звон». Потом я люблю, Тверской бульвар, так называется. Там красный монастырь, Страстной, который, так сказать... Сейчас там «Россия» на этом месте, кинотеатр, и Пушкина памятник, который смотрит. Он взят со спины, потому что он смотрит на этот монастырь.

В. Т.: Он стоял на другой стороне...

М. Л.: И еще там гуляющая толпа, которая так гротесково изображена, такая буржуазная гуляющая толпа по Тверскому бульвару. Это тоже вещь очень интересная. Там, говорят, освещение какое-то с двух сторон и так далее, и так далее, трактуют искусствоведы. Это уже их дело. Но это тоже очень русская такая вещь. Он любил сам гулять по Тверскому бульвару, смотрел всегда на этот монастырь, сияющий своим крестом на солнце, и вот его запечатлел.

В. Т.: А вы гуляли с ним?

М. Л.: Гуляла (смеются). И на ярмарках бывала, и оркестр слышала, духовой, который играл в середине бульвара, где Камерный театр помещался, и карусель там была. И вот этот конь, который изображен на «Победном бое» в 15-м году, веши «Война 1812 года», вот этот конь оттуда взят, ярмарочный конь...

Очевидна ценность этой беседы и для краеведения, и для фольклористики, и для биографии художника, изучения нравов повседневности, религиозности, праздников. Очевидно, что представленный отрывок сможет быть интерпретирован по-разному в зависимости от задач исследователя, его «угла зрения» на материал.

Ценность для лингвистики и теории языка. Прокладывая путь от современного фольклора к изучению речевого обихода современного города, мы можем отметить, что повседневная речь шире разговорной. Фольклор повседневен, но не разговорен. Реклама повседневна, но не разговорна. Научная и техническая сфера имеют повседневные реализации – профессиональный говор, жаргон. Повседневной может быть деловая этикетная речь. Повседневная речь может быть связана с другими сферами общественного сознания – это религия, право, искусство, мораль, идеология, политика, миф.

Разговорная речь – это спонтанная *литературная* речь, реализуемая в неофициальной ситуации при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения. В повседневности же литературный язык вступает во взаимодействие с различными стратами национального языка – с региональными (в двуязычной и многоязычной среде), с диалектами (в деревнях разных областей страны), с городским просторечием, с жаргонами и профессиональными языковыми реализациями.

Возможно повседневное общение во всех стилях речи. Стилями Д.Н. Шмелев называет только функциональные стили, которые (все вместе) по своей языковой организации имеют существенные отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи. Возможны художественность, медийность повседневной речи.

Вторая большая проблема – **социальное варьирование языка**. Изучение социолекта, диалекта, стиля, жанра, часто в зависимости от социального положения.

Проблема расширения и взаимоотношения литературного языка, противопоставленного диалектам, просторечию и аргю. В языковом развитии многих народов наблюдается тенденция к расширению общественных функций и сфер использования литературных языков. Показательна нормативность и ненормативность обиходно-разговорной речи в разных культурах. Известны исследования коллоквиальной речи, предпринятые Н.Ю. Шведовой, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, М.В. Китайгородской. Разговорная монологическая устная речь давно составляет проблематику лингвистики. Проблеме непринужденной разговорной речи носителей литературного русского языка посвящены фундаментальные филологические исследования, базирующиеся на фономатериалах разговорной речи носителей кодифицированного литературного языка и носящие дескриптивный характер. Проведено отграничение разговорной речи от устной официальной речи (публичной и непубличной), т.е. от кодифицированного литературного языка и от просторечия. Описаны специфические черты системы разговорной речи. Констатируется, что разговорная речь занимает промежуточное положение между внутренней речью («речью для себя», речью незвуковой) и подготовленной, заранее обдуманной речью для других, обычно обнаруживающейся в письменной форме, если использовать наблюдения Л.С. Выготского над внутренней речью. Усилиями ученых-коллоквиалистов создано представление о системе разговорной речи, особом разговорном порядке слов, связанном со свойственной разговорной речи интонационно-ритмической организацией высказывания. Результаты работ по коллоквиалистике, построенных на дескриптивном анализе свободного спонтанного монолога, должны приниматься в учет. В германистике и романистике – это школа коллоквиалистики Ю.М. Скребнева, исследования по этнографии коммуникации, спонтанному дискурсу, исследования В. Лабова и Г.В. Степанова. Возникает проблема границы между разговорной речью и нелитературной речью (в первую очередь просторечием). Причём через разговорную речь влияние просторечия, молодежного жаргона, диалектов испытывают и другие функциональные разновидности литературного языка, в первую очередь язык средств массовой коммуникации и публицистический стиль.

Ценность для фольклористики. Фольклористика традиционно ограничивала себя преимущественным вниманием к уходящим формам фольклора негородского населения, но сейчас испытывает расширение своего предмета внимания. В устных рассказах слышен голос сельского населения. Основная социальная база устной истории – патриархальное крестьянство. Двадцатый век – последний век существования патриархального крестьянства в Европе. Мы должны осознать: в России 1970–1990-х гг. произошел не просто естественный уход поколений, родившихся в 1900–1920 гг. С этими людьми в прошлое ушла целая тысячелетняя эпоха народной жизни – комплекс традиций и уклад, создававшийся у нас столетиями [Бердинских 2011: 7]. Резкий слом национальной русской культуры, произошедший в 1930–1960 гг. поставил под сомнение ценности традиционного крестьянского общества. разорение деревни и уничтожение основных творцов народной культуры.

В.А. Бердинских предлагает запомнить слова старой русской крестьянки: «*Очувствоваться не могу еще, что они прошли... эти годы...*» В рассказах людей, перенёсших неслыханные муки и тяготы, автор видит живой русский язык, ладовость, сказовость, поэтичность народной речи. Для воспоминаний женщин характерен ассоциативный (а не логически-рациональный) стиль мышления. Для мужчин характерны

преуменьшение значимости событий, иронический анализ произошедшего, последовательно-логическая манера изложения. Образование не всегда на пользу рассказчику. Оно серьезно меняет строй речи, строй мышления. Порой раскрепощенный, живой и яркий рассказ старухи, только две зимы ходившей в школу, резко контрастирует с сухим, казенным, мёртвым языком учителя, врача, служащего.

Народная история всегда была устной. Показательны избирательность, субъективность человеческой памяти и исповедальность этих рассказов. Люди несут в себе прошлое всю свою жизнь. Материал вляется в сознание силой своей подлинности. Это история простецов, история снизу, история личной, приватной жизни людей. При записи на магнитофон обеспечивается высокая степень достоверности и уникальности. Показателен пересмотр источниковедческих догматов. Это неофициальная правда тоталитарного общества. Она тем более яркая ввиду наличия большого количества бесцветных и полуправдивых документов.

Беседы В.А. Бердинских иллюстрируют словарь архаизмов и терминов советской эпохи: *босики, бродни, Вятлаг, горбуша, гуж, извоз, кабан, катать валенки, кладня, кошули, куделя, куркуль, ликбез, набойное, новины, обмолотка, подразверстка, самообложение, стожар, твёрдое задание.*

В **современной фольклористике** представлена впечатляющая программа изучения постфольклора, которая смыкается изучением устноречевого обихода современного общества (*традиции и субкультура – ритуалы и обряды современного города – картина городского пространства – жанровый состав вербального фольклора – речевой обиход города*).

В центре нашей работы – отражение повседневности в современных фольклорных формах – прежде всего, устного рассказа, байки, анекдота.

Внимание к **устному рассказу в рассказоведении** тоже долгое время ограничивалось интересом к формам рассказов о героизме и быличек, бывальщин, меморатов и фабулатов. Не всякий устный рассказ является произведением словесного искусства. Мемуарный рассказ содержит художественное начало в эмбриональном состоянии и находится на стыке искусства и жизни, на грани простого языкового общения и художественного творчества. В устном фольклорном рассказе внимание обращается на половозрастные, профессиональные, этнические и другие субкультуры, на устойчивые формулы в городской речи (языковые игры, киноцитаты, рекламные тексты), на вербализацию повседневности. В этой связи могут быть отмечены работы А.В. Гончаровой со ссылками на Э.В. Померанцеву, В.Е. Гусева, К.В. Чистова, В.Г. Базанова.

Рядом с рассказом находится наивное письмо, отрефлексированная форма эго-документа. В центре – личность рассказчика, его ценности, особенности их вербализации. Приведём отрывок [Киселева 1991]:

Сейчас сижу и смотрю телевизор, как Брежнев Л.И. в Германии с нашим посольством, и ему вручает Хоннекер (в руки, Хоннекер), германский руководитель страной, орден высшей награды Германской Демократической Республики, а также съехались социалистических стран руководители. Смотрю на них, все люди как люди, нет разницы между народами, а вот на немцев не могу смотреть равнодушно, они наши враги, а теперь целуют нашего любимого защитника мира Брежнева Л.И., как вроде такие хорошие. Гады проклятые, раскрываются мои раны, хотя они коммунисты, сидят на креслах во дворцах, культурные, жизнерадостные, одеты прилично, а мне все кажется, они в тех шинелях зеленых, в сапогах с подковами, от которых до сих пор отзывается ихний стук шагов, и собственная печаль томит душу до сих пор, и все думается, что они нас обманут, как в 1941 году. Напустили наши эшелоны хлебом для них, а они поблагодарили нас войной, уничтожили 29 миллионов людей. Сталин был доверчив и милостив, все не верил, что Гитлер такой эгоист человеческого существования, наутро 22 июня 1941 года в 4 часа утра пошел войной на нашу любимую родину. Гады проклятые, нашим салом да нам по мусалам. Слышу в телевизоре, что Брежнев будет выводить наши войска из Германии и боеприпасы, ну что ж, если Картер так хочет, то и поставили такой вопрос по разоружению военных действий. Что сделаешь, надо так надо, чтобы не спалить весь мир атомной бомбой. На мой взгляд, плохо, что стало много грамотных, а особенно выдумали атом этот, и стремятся, как бы приобрести получше и пойти войной друг против друга, а зачем войны?

Записки людей, чье письмо отличается дискурсивностью, свидетельствуют, что самоидентичность для них – рефлексивно организованное усилие. Этот рефлексивный проект в условиях модерна состоит в поддержке связанных, подвергающихся ревизии биографических нарративов.

Историки тоже обращаются к теме устной истории [Дрожецкий 2007, Ростовцев 2018: Электронный ресурс, Щеглова 2011]. Одним из первых проектов является опрос участников событий 1917 г. в Петрограде. Вспомним изучение экономической истории в 20-е и 90-е гг. Репрезентативность устного материала в годы авторитаризма была мала: высказываться откровенно было опасно. Сегодня сбор материала ведут историки, архивисты многих центров – исследователи Сибири, ее деревни, Карелии, Байкала, Дальнего Востока, Вятки, Ульяновска, Тамбова. Действует фонд «Устная история», имеющий коллекцию бесед с деятелями науки и культуры. Исследовалась повседневность социализма в памяти последнего советского поколения, блокада в памяти ленинградцев. Часто исследования ориентированы на определенную этнографическую или социальную группу. Известны записи устной экономической истории и создание книг на этой основе [Кротов, Липаев 2016]. Красноярский педуниверситет представил тематику «Л.И. Брежнев и

его время в образах и оценках современников». Такая устная история смыкается с мемуаристикой в журналистике. Укажем на проект «Тверская сага», работу краеведческих журналов.

Социальная история. Исследуя нарратив, можно задать целью прорываться к подлинной реальности: повествование рассматривается и как социальная конструкция. Реализация методологического тезиса конструкционизма не может иметь место вне обращения к нарративному дискурсивному анализу. Через обращение к анализу изменения языковых репертуаров можно исследовать процесс обретения индивидуальной идентичности. Идентичность определяется как принятый человеком смысл позиции его в социальном пространстве.

Известны работы социологов (В.Б. Голофаст, О.М. Маслова, В.В. Семенова, М.М. Малышева, Е. Мещеркина-Рождественская, Н. Цветаева), на которые указывает Н.Н. Козлова.

Методологически тема разрабатывалась Н.Н. Козловой [Козлова 2005]. Повседневность в биографическом жанре, основанная на «человеческих документах» (дневниках, письмах и т.д., обнаруженных в ходе архивных поисков). Дискурсивный метод позволяет почувствовать смысл в проблемах языка, сохранить голоса. Деятельность Н.Н. Козловой началась с попыток интерпретации писем трудящихся. Она начала это делать, чтобы подработать. От писем перешла к воспоминаниям, семейной переписке и самому драгоценному – дневникам. В арсенале социоконструктивизма, интерпретационной социологии: Бергер, Дильтей, Шюц, Бурдьё, Вебер, Фуко, Н.Н. Козловой – подчеркивается значимость качественных методов исследования, социального анализа, публикации и анализа низовых, народных источников, связанных с советским периодом. Подрастает поколение, которое, читая стихотворение Маршака о мистере Твистере, спрашивает, что такое СССР. Для них нарком – аббревиатура от наркоман. Для проживших эту эпоху – это операция объективизации и историзации самого себя.

Социальная история смыкается с интересом к **научной биографии и биографистике**, выступающих за сохранение записей устных бесед любого плана и содержания.

Герменевтика занимается интерпретацией этих бесед. Изучение форумов в Интернете и неустных форм устной истории, идея распространять методы устной истории на все формы эго-документов. Это история чувств, понятий, памяти, повседневности. Исследователи рассматривают устную историю в ряду таких практик, как фольклор и ритуал, способствующих поддержанию исторической памяти и национальной идентичности. Здесь можно вспомнить взаимодействие устной и письменной традиции в средневековых памятниках Руси, разный дискурс устной и письменной истории о недавних событиях. Историческая память все же ориентируется на публичные источники, тогда как устная – на меморатные источники.

Есть работы о педагогическом значении, психотерапевтическом значении устной истории. Она смыкается с нарратологией в психотерапии. Изучение субъективного начала в истории, массового и индивидуального исторического сознания, исторической памяти выводит к журналистике, для которой интервью – это и метод, и готовый продукт. В документальной кинематографии могут быть названы нашумевшие фильмы «Подстрочник», «Дочь философа Шпета». Вспомним деятельность «Народного архива», сочувственное отношение к нему В. Шарова, Л. Улицкой. Показательно участие Улицкой и Быкова в издании так называемых народных книг: послевоенное детство, школа, любовь, сочинение. Можно указать на книгу и статьи Б.С. Илизарова, сайт А.Е. Левинтова, публикации Б.Б. Родомана в Сети.

Заключение. Метод получения информации – запись. Информант рассказывает о событиях, в которых принимал участие. Сегодня необыкновенные возможности предоставляет Интернет. Специалисты и неспециалисты участвуют в производстве таких интервью. Предполагается самая широкая аудитория рецепции. Темы большие и малые, актуальные и не совсем: холокост, война, судьба крестьянства, история науки, этносов, левые, женщины, этнические меньшинства, неграмотные. В своём генезисе устная история идет из фольклорных исследований, скажем, в Британии – из исследований Шотландии. Ставится задача не только производства этих нарративов, но и их интерпретации. Память, идентичность и социоконструктивизм затрагивают и элиты, и простого человека. Показательно комбинирование письменных и устных источников. Значима редакция интервьюируемыми: им приходится пользоваться языком колонистов, чтобы рассказать о своих проблемах. Явственны педагогическая значимость метода и значимость для личности. Некоторые исследователи сравнивают устную историю с журналистикой (*kissing cousins*). В публичном дискурсе рассказывание историй, сторителлинг – коммуникационный, эстрадный, психотерапевтический и маркетинговый приём, использующий медиапотенциал устной речи.

Библиография

- Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М.: Ломоносов, 2011.
 Дрожецкий Д.А. Понятие «устная история» в международной практике (по материалам ресурсов Интернета) // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы Всероссийского научного семинара (г. Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.); сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул, 2007. – С. 160–167.
 Киселева Е. Кишмарева, Киселева, Тюричева // Новый мир. – 1991. – № 1.
 Кротов Н.И., Липаев А.П. Устная история, или Доктор память. – М.: Экономическая летопись, 2016. – 105 с.
 Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – 544 с.
 Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 2. – С. 522–545.
 Щеглова Т.К. Устная история. – Барнаул, АлтГПА, 2011. – 364 с.

«Вольность» vs «милитаризация»

¹Верминенко Юлия Владимировна

²Зверев Сергей Эдуардович

¹Военная академия связи, Россия
194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
доктор социологических наук, доцент
E-mail: verminenko@mail.ru

²Военная академия связи, Россия
194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: ser86979392@yandex.ru

Аннотация. Укрепление российского абсолютизма при Екатерине Великой, устойчивое направление вектора внешней политики на расширение границ России при ее преемниках на престоле было бы невозможно без милитаризации общественного сознания дворянства. В екатерининском «Наказе комиссии по составлению нового Уложения» (1767) произошел «концептуальный разворот» от ценностей века Просвещения к сугубо милитаристским ценностям, воплощенным в концепте «слава». Такой подход ставил под угрозу формирование гражданского общества, что вызвало негативную реакцию выдающихся деятелей российского Просвещения. В своих произведениях они стремились критиковать правителей, чьи заслуги заключались в исключительно военных успехах. Череда затратных военных побед России на протяжении Екатерининского века привела к росту апатии и эгоизма в среде дворянства, истощенного жертвами, принесенными им на полях сражений.

Ключевые слова: общественное сознание, свобода, вольность, милитаризация общества, слава.

УДК 94(470)"16/18"

“Liberty” vs “militarization”

¹Ju. V. Verminenko

²S. E. Zverev

¹Military Academy of Communications, Russia
194064 Saint-Petersburg, Tikhoretsky Ave., 3
Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor
E-mail: verminenko@mail.ru

²Military Academy of Communications, Russia
194064 Saint-Petersburg, Tikhoretsky Ave., 3
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: ser86979392@yandex.ru

Abstract. The strengthening of Russian absolutism under Catherine the Great, a steady direction of the vector of the foreign policy towards the expansion of Russia's borders under her successors on the throne would have been impossible without the militarization of the social consciousness of the nobility. Catherine's "Order of the Commission for the drafting of a new Code" (1767) saw a conceptual reversal from the Enlightenment values to purely militaristic values embodied in the concept of "glory". This approach threatened the formation of a civil society, which caused a negative reaction of prominent figures of the Russian Enlightenment. In their works, they sought to criticize the rulers, whose merits were exclusively military successes. A series of Russian costly military victories during the "century of Catherine" led to an increase in apathy and selfishness among the nobility, exhausted by the sacrifices they made on the battlefields.

Keywords: public consciousness, freedom, liberty, militarization of society, glory.

UDC 94(470)"16/18"

Введение. Восемнадцатый век традиционно принято считать веком воинской славы России. Действительно, на протяжении столетия страна прилагала экстраординарные усилия по решению глобальных геостратегических задач, что позволило ей прочно занять одно из ведущих мест в мировой политике. Конечно, это стало возможным не только благодаря развитию образования, промышленности, международных торгово-экономических связей – Россия развивалась по пути создания, упрочения совершенствования военной организации, – границы империи расширялись исключительно военной рукой. Великие достижения потребовали и великих жертв – в стране, организованной по-военному, проблемы формирования гражданского общества оказались на периферии внимания государей, что не могло не повлечь коренной пере-

стройки жизни дворянства как основного сословия, питавшего русскую государственность, доминантой развития которого надолго стала милитаризация сознания.

Материалы и методы. В работе над статьей использован метод анализа источников по проблеме исследования, дискурс-анализ, контент-анализ и др.

Обсуждение. Манифестом складывавшегося в этих условиях русского абсолютизма стал екатерининский «Наказ комиссии по составлению нового Уложения» (1767). Буквально в первых строках документа, после обоснования необходимости для России самодержавной формы верховной власти, императрицей было торжественно провозглашено, что «самодержавных правлении намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя» [Наказ ст. 15: Электронный ресурс]. Оставим на совести Екатерины явную манипуляцию – скромное третье место государя в списке тех, для кого слава – понятие более чем военное – является тем самонужнейшим, без чего и помыслить нельзя собственное существование. Для чего потребовалось вкоренять в сознание обывателя героические ценности, становится ясным из последующей статьи: «Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел, и столько споспешествовати благополучию поданных, как и самая вольность» [Наказ ст. 16: Электронный ресурс].

Антитеза «свобода – воля», впоследствии успешно преодоленная российским политическим сознанием, в XVIII в. была еще актуальной, о чем Екатерине напомнил в свое время Пугачевский бунт. Интересующихся историей вопроса отсылаем к статье А.Б. Каменского [Каменский 2019: Электронный ресурс]; мы будем понимать свободу как состояние безутеснительности внешней или внутренней, а волю как способность предпринимать что-либо самостоятельно, принимая ответственность за свои поступки. В этой связи смотрящееся ныне плеонастическим сочетание «свободити на волю» значило в то время избавить от крепостной зависимости, предоставив человека собственной судьбе и заботе. Вольность – категория более универсальная и всеобъемлющая, нежели свобода; вольность есть «естественное право» или «природное состояние» человека, в терминах века Просвещения. Свобода – категория права. Не случайно все великие народные движения Нового времени происходили на Руси под знаменами борьбы за волю, а на Западе – за политическую свободу, пусть даже синонимом такой свободы иногда выступала свобода религиозная.

Судя по «Наказу», слава должна была если и не совсем заменить российскому народу вольность, то хотя бы способствовать возникновению «разума вольности», т.е. иллюзорного сознания собственной значимости благодаря участию в силовом решении проблем и судеб соседей, в перекраивании политической карты Европы по замыслу и воле своего самодержца. При таком подходе снималась проблема ответственности народа за разумное устройство собственной судьбы, за истинное благополучие, – не заключающееся только в склонении окрестных народов под российский скипетр, – в свершении по-настоящему великих дел в науке, образовании и культуре.

Сама же вольность трактовалась Екатериной в бюрократическом духе грядущих николаевских столоначальников: «В государстве, то есть в собрании людей обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно» [Наказ ст. 37: Электронный ресурс]. Мало того что общество уже фактически отождествлялось с государством, так еще и законодательно устанавливалось, что каждому гражданину *надлежит хотеть*. Самодержица российская сознательно вводила народное толкование воли, страшно ее ограничивая, выхолащивая самую ее суть, в казенные берега права: «Вольность есть право все то делати, что законы дозволяют» [Наказ ст. 38: Электронный ресурс]. Заметим: не все то делать, что законы *не запрещают*, а то, что они *предписывают*. Естественное право личности на свободную волю оказывалось, таким образом, совершенно попраным волей всевозможного начальства, количество которого не переставало с тех пор множиться и в Российской империи, и при Советах, и по преемству в современной российской государственности.

В России на протяжении XVIII в. процесс вытравливания ответственности личности за собственную судьбу в пользу служения лицу ли, идее ли, государству ли шел весьма успешно. Всего через два десятилетия после выхода «Наказа» А.Н. Радищев отмечал, что «несчастный предрассудок дворянского звания велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение!» [Радищев 2019: Электронный ресурс]. Результат милитаризации сознания общества, воспитания его на ценностях героического пафоса также впечатляет: по свидетельству того же Радищева, имя славян этимологически выводили от каких-то «сынов славы»! Нечего удивляться, что благородное славолубие стало восприниматься как одно из неотъемлемых, природных качеств (это вместо естественного, природного права человека) дворянина, о чем красноречиво свидетельствует эпизод мемуаров даже такого сугубо мирного человека, как И.М. Долгоруков, относящийся ко времени объявления войны со Швецией (1788–1789 гг.): «Я запыхал и предался природному энтузиазму к славе. В мои тогдашние лета редко рассуждали о том, в чем состояла настоящая. Шум и треск оружия похищали ее место, и там только, казалось, и обитала слава, где можно или свой череп дать раскроить, или разнести его другому во исполнение высочайшего манифеста» [Долгоруков 2004: 186].

Судя по всему, опасность безудержной милитаризации сознания общества в ущерб его просвещению и культурному развитию отчетливо осознавалась выдающимися деятелями русского Просвещения. Не имея возможности открыто, гласно протестовать, А.П. Сумароков, например, в 1755 г. на страницах единствен-

ного в тот момент в России академического журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» в популярном жанре разговоров в царстве мертвых сводил в словесной перепалке Александра Македонского и Герострата. Презренный вандал обрушился на великого завоевателя с шокирующими обвинениями: «...ты для славы своей сделал злодеем всего мира» [Сумароков 1781: 258], – и далее нагло констатировал: «...оба мы основанием дел наших имели тщеславие» [Там же: 259]. Напрасно ошеломленный Александр пытается оправдать жертвы величием и славой дел своих – Герострат уверенно парирует: «Я единым своим животом вечную себе сделал славу» [Там же], – т.е., не губя ничьих жизней, пожертвовал ради собственной славы единственно своей. Какой выпад *вольности* (в первоначальном, не еще не регламентированном «Наказом» смысле) против славы! Упрек в незаконченности произведения, который многие исследователи бросали автору, неоснователен: диалог Александра с Геростратом – это, собственно, и не «разговор», с обязательным для этого жанра морализаторством и итогом – обличением нечестия и порока, – это, скорее, пикировка персонажей на равных, где злодеями в равной степени выступают оба собеседника, только один из них цинично принимает на себя это имя без возражений, а второй пытается опровергнуть шокирующее его родство душ. Интерес к оценке деяний Александра Великого у Сумарокова не случаен: в стихотворении, написанном, по свидетельству С.Н. Глинки, около 1736 г., в период нахождения Сумарокова в Сухопутном кадетском корпусе, вспоминая о завоевателе Македонском, поэт говорил:

<i>Сын гордости, сует</i>	<i>Тщета – в край света завела.</i>	<i>В порывах гордости,</i>
<i>любитель!</i>	<i>Когда бы смерть не опоздала</i>	<i>ты б вскоре</i>
<i>Тебя мечта, побед ловитель,</i>	<i>Скончат твой век,</i>	<i>Пошел в пространнейшее море</i>
<i>В страны индийския звала;</i>	<i>земля бы стала</i>	<i>Искать неведомых границ</i>
<i>Тебя, покоя разоритель</i>	<i>Театром греческих темниц.</i>	[Глинка 1841: 41].

Как видим, упреки в губительстве народа и суетном тщеславии почти совпадают с теми, которые позднее бросает Александру Герострат в «Разговоре». Очевидно, не имело смысла беспокоить память завоевателя, не имея в виду современность; македонский царь – только символ современного Сумарокову стремления государей стяжать славу на военном поприще. Сумароков, таким образом, явственно бросал вызов попыткам властей направить вектор исторического развития России в сторону военных побед, тешащих только самолюбие властителей и отвлекающих народ от серьезной созидательной работы над устроением собственной судьбы. И в этом он был не одинок. Редакция «Ежемесячных сочинений» публиковала на страницах журнала статьи по праву, географии, экономике, истории, научные труды из области точных наук, но только раз сделала ограниченное исключение в пользу военного дела, напечатав морализаторское «Наставление отца сыну, поступающему на военную службу».

Опасность милитаризации российского общества виделась Сумарокову еще и в том, что правление победоносных властителей тем паче будет способствовать усилению их гнета, что будет опираться на горделивое осознание «игносоцем» собственного величия и непогрешимости, перед которыми должен будет смолкать глас всякого подданного, о чем поэт предельно откровенно заявил в «Разговоре в царствии мертвых: Александр и Герострат».

«Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремление, надутость и истощение» – это слова уже А.Н. Радищева, показывающие, что и его душе не давала покоя тень великого македонца. «...чего жаждет завоеватель; чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного; но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях... Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя улаждающего... По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго воспрियाи готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет – не лести себе – убийство и ненависть» [Радищев 2019: Электронный ресурс].

Следует добавить, что победоносные войны плодят рабов не только на завоеванных территориях – страна-победитель, теряя в боях собственных лучших «мужественных граждан», всех тех, кого Л.Н. Гумилев относит к пассионариям, остается или с «робкими душами», или с теми, кто, по В.С. Высоцкому, в годы военной страды огню не рвется в первые ряды, с «умеренными людьми середины». Эти почтенные граждане обычно прекрасно ориентированы на то только, чтобы удобно соответствовать существующему порядку вещей, но от которых напрасно ждать великих помыслов и великих дел, направленных ко всеобщему благу, к улучшению социальной системы, все зло и несовершенство которой обычно остается вне поля их зрения. Не потому ли за великими победами, которыми богата история России XVIII–XX вв., следовали и длительные периоды застоя общественной мысли и общественного прогресса, наносивших такой ущерб развитию страны, что сама настойчиво культивируемая властями слава прошлых побед обесценивалась и уже не шевелила отрадного мечтания в потомках. В частности, за блестящим веком Екатерины, исполненным непрерывных побед, последовал период апатии и упадка элиты общества – российского дворянства – которое, в соответствии с «Наказом», должно было в первую очередь быть носителем чести служилого сословия. Вот что мы читаем, например, у И.М. Долгорукова: «Слово любовь к отечеству сделалось набатным колоколом: шуму много, а толку нет. ... Быв свидетелем нынешним деяниям благородных людей, смею сказать, что российское дворянство померкло и пало навсегда» [Долгоруков 2004: 13].

Сказано это было в 1807 г. при объявлении набора милиции, которая должна была противостоять Наполеону, если бы он решился пересечь тогда же российские границы. Из апатии и эгоизма страну, конечно, извлекла на время гроза 1812 года, но тогда уже за дело взялась вся нация, значение которой Александровский Манифест 1816 года упорно не захотел отметить, предпочтя возложить как всю славу минувшей победы, так и все упование в грядущих испытаниях на Бога, попытавшись таким образом припрячь Его вместо выдыхающегося дворянства в колесницу русской государственности. Итог известен – моральный нигилизм элит и углубляющаяся безрелигиозность развращавшегося народа, приведшие в 1917 году страну к крушению. «Какими тяжкими опытами доходить должен был я до того, – записывал И.М. Долгоруков в дневник страшные для любого государственника строки задолго до этого печального события, – чтобы увериться, что служить отечеству с усердием в монархическом или, лучше сказать, безотечественном царстве, есть химера, восторг ума незрелого и горячка молодого воображения» [Долгоруков 2004: 396]. И это наблюдение глубоко справедливо – у рабов нет и не может быть отечества, что в свое время верно подметил К. Маркс.

Моральную язву российского общества, разъедаемую отчуждением основной части населения от закона и права, нельзя было исцелить организацией страны по-военному, заместить свободную волю милитаризацией общественного сознания. Постепенное оскудение нравов военной элиты, проистекающее от пагубной для дворянской нравственности единоличной узурпации вольности даже в самой ограниченной «Наказом» трактовке, было подмечено уже на закате екатерининского правления. «Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота... Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялась; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужных и безвременных строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия» [Радищев 2019: Электронный ресурс], – в таких словах живописала Радищеву его Прямовзора-Истина состояние духа некоторых полководцев екатерининского царствования, которые, надо думать, не представляли собой такого уж исключения. Чтобы убедиться, что это не злобный пасквиль штатского на славных екатерининских орлов, достаточно почитать дневник капитана Н. Грязева.

Заключение. Семена, посеянные Екатериной, дали обильные всходы при Павле и его сыновьях на российском престоле, а плоды их мы продолжаем пожинать по сей день. Яростный обличитель российского дворянства, в свое время не нашедшего в себе моральной силы разделить с народом дарованную Петром III вольность, П.В. Долгоруков лучше всех описал национальные особенности русского характера, явившиеся следствием концептуальной подмены в российском общественном сознании гражданской вольности воинской славой: «Русские в большинстве своем наделены необыкновенной воинской храбростью, на поле битвы они проявляют отменные достоинства, но им не хватает гражданской доблести: немного отыщется народов до такой степени низких и подлых в общественной и частной жизни, до такой степени пресмыкающихся перед властями, столь панически опасющихся скомпрометировать себя отношениями с лицами, впавшими в немилость у правительства. Русские любят проявлять энтузиазм и преданность при условии, что эта преданность и энтузиазм не поссорят их с властями, и если выражение этих чувств – при случае и в определенных обстоятельствах – может доставить им какие-либо преимущества, тогда выражение этой преданности и энтузиазма доходят до настоящего неистовства!» [Записки 2007: 396]. Если мы не хотим продолжать воспитывать людей, в блеске въезжающих в чужие столицы, но в рабском страхе возвращающихся в свою, следует уделять первостепенное внимание воспитанию в народе гражданских добродетелей: ответственности за свою судьбу и судьбы страны, способности к созидательной работе на общую пользу и творчеству, умения принимать чужое мнение, аргументированно отстаивать свое и следовать велениям совести во всех общественных и частных начинаниях. Пора начать выращивать в нашей системе образования новую аристократию, аристократию свободной воли, памятуя о том, что принадлежность к ней определяется не происхождением, но что «первым отличительным признаком аристократа является независимость поведения и поступков, неизменно связанная с благородством манер и личным достоинством» [Записки 2007: 396].

Библиография

- Глинка С.Н. Очерки жизни и избранные сочинения А.П. Сумарокова, ч. 1. – СПб., 1841.
 Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... – СПб.: Наука, 2004.
 Записки князя Петра Долгорукова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007. – 640 с.
 Каменский А.Б. К вопросу об эволюции смысла концептов «Свобода» и «Вольность» в русском политическом дискурсе XVIII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. cyberleninka.ru/Грнти...-svoboda-i-volnost-v...](http://www.cyberleninka.ru/Грнти...-svoboda-i-volnost-v...) (дата обращения – 18.10. 2019).
 Наказ комиссии по составлению нового Уложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. e-libra.su/read/252369-nakaz-komissii...sochinenii...](http://www.e-libra.su/read/252369-nakaz-komissii...sochinenii...) (дата обращения – 18.10.2019).
 Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе А.П. Сумарокова. Ч. IX. – М., 1781.
 Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. litmir.me/br/?b=36493&p=1](http://www.litmir.me/br/?b=36493&p=1) (дата обращения – 18.10. 2019).

Образ Горловки в региональных массмедиа

Дмитриева Юлия Леонидовна

Горловский институт иностранных языков
284626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: iksta_aravar@mail.ru

Аннотация. В статье дано определение образа как единицы метаязыка лингвистического исследования, перечислены его основные черты. Автор акцентирует внимание на особенностях формирования языкового образа как отклика на языковой материал, а не как результата взаимодействия человека с онтологическим миром. В работе выявлены и описаны языковые средства объективации образа города как мирного, так и прифронтового населённого пункта. Также в статье рассмотрено членение образа Горловки в соответствии с основной культурной оппозицией «свой – чужой».

Ключевые слова: образ, вербальный знак, образный ландшафт, культурный код, пространственное членение.

УДК 81.119 + 811.161.1

Gorlovka's image in regional mass media

Julia L. Dmitrieva

Gorlovka Institute of Foreign Languages
284626 Gorlovka, Rudakova Str., 25
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: iksta_aravar@mail.ru

Abstract. The article defines the image as a unit of linguistic research metalanguage and singles out its main features. The author focuses on the peculiarities of the formation of a language image in response to the use of language but not to the ontological world. Gorlovka's image objectified in the texts of regional mass media is considered through the prism of linguistic local lore. The author identifies and describes the linguistic means of objectifying the city image as both peaceful and frontline. The article also considers the division of the Gorlovka image in accordance with the main cultural opposition «native – foreign».

Keywords: image, verbal sign, figurative landscape, cultural code, spatial division.

UDC 81.119 + 811.161.1

Введение. Языковой образ неоднократно становился объектом изучения лингвокультурологов, лингвоконцептологов, семиотиков, литературоведов и др. Он рассматривался как единица сознания, участвующая в процессах концептуализации мира, как компонент концепта и семантической структуры слова, а также как базовая единица лингвокультуры. В современных исследованиях значительное внимание уделяется описанию образа города сквозь призму лингвокраеведения. Появляются работы, в которых рассмотрена проблема восприятия города как места жительства, его привлекательность по сравнению с другими населёнными пунктами (см. работы С.Л. Васильевой, Д.Ф. Мымриной, С.С. Касаткиной, Ю.Л. Балюшиной и др.). Образ Горловки ранее не был объектом исследования, что обуславливает актуальность нашей работы.

Материалы и методы. Материалом изучения послужили тексты региональных горловских СМИ, в частности одной из старейших газет города. (По данным издательства, газета «Кочегарка» выходит с 1919 г. [Кочегарка ДНР].) Автор использовал инструментарий когнитивной лингвистики – понятия образного представления и образа как категории языкового сознания; лингвокультурологии – рассмотрено вербализованное представление о городе как мирном, так и прифронтовом населённом пункте, а также членение в рамках культурной оппозиции «свой» и «чужой».

Обсуждение. В лингвистике существует несколько дефиниций образа, каждая из которых учитывает аспекты его изучения. Так, В.В. Колесов и М.В. Пименова определяют образ как содержательную форму концепта [Колесов 2012: 39]. Б.М. Гаспаров рассматривает его как отражение в сознании человека «личных жизненных, художественных, интеллектуальных впечатлений» [Гаспаров 1996: 248]. Мы под образом понимаем вербализованное (преимущественно зрительное) восприятие действительности, фиксирующее основные значимые для индивидуума и/или социума признаки объекта окружающего мира.

Образ характеризуется целостностью и смысловой содержательностью, которая формируется восприятием, памятью, воображением и накопленными впечатлениями, языковым опытом. Как отмечает Б.М. Гаспаров, спецификой языкового образа является «его привязанность к конкретному языковому выражению, на основе которого образ формируется» [Там же: 255]. Следовательно, образы, рассматриваемые как категории сознания человека, могут опираться не только на эмпирическое знание о феноменах

онтологического мира, но и на знание языковых выражений и закреплённых за ними в языковом опыте этноса значений. Так, название газеты «Кочегарка» не будет объективировать образ Горловки в сознании жителя Российской Федерации, актуализируя другие смыслы. В толково-словообразовательном словаре русского языка за данной словоформой закреплено значение «помещение, где находятся топки паровых котлов» [Ефремова 2000: Электронный ресурс]. В языковом опыте жителя Горловки рассматриваемая словоформа актуализирует представление о старом центре города – Дворце культуры «Кочегарка». Ср.: *Само здание Дворца является старейшим культурно-архитектурным памятником нашего города. Оно формирует старый центр города и является историческим свидетелем своей эпохи. В 1960-х годах возле Дворца культуры была обустроена площадь, названная именем знатного забойщика 30-х годов прошлого века – Никиты Алексеевича Изотова. В 1967 году горловчане готовились к празднованию 100-летия города и 100-летия шахты «Кочегарка»* [Администрация города Горловки: Электронный ресурс]. Кроме того, лексема *кочегарка* будет восприниматься как указание на одно из предприятий города (шахту) и на новое издание конкретного населённого пункта Донецкого края.

В современных исследованиях отмечается, что языковой образ города объективируется преимущественно названием населённого пункта и перечислением наименований внутригородских реалий – агоронимов, годонимов, эргонимов. Образ Горловки эксплицируется, прежде всего, самим топонимом *Горловка*. В толковом словаре русского языка данная лексема не зафиксирована, однако она указана в труде Е.С. Отина «Происхождение географических названий Донбасса» [Отин 2004: 47]: «В 1871 году под руководством инженера П.Н. Горлова началось строительство рудника «Корсуньская копь № 1». Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу» [Отин 2014: 48]. В текстах «Кочегарки ДНР» также зафиксированы агоронимы *площадь Ленина, площадь Победы, площадь им. П.Н. Горлова*, годонимы *проспект Победы, улица Брусилова*, эргонимы *КСКЦ «Стирол», Горловский институт, Центральная библиотека им. Шевченко* и др. Ср.: *На площади Ленина для всех присутствующих с патристическими номерами выступили творческие коллективы Горловки* [Кочегарка ДНР. 31.10.2019: Электронный ресурс]; *Празднование традиционно началось с торжественного шествия, стартовавшего с площади Победы* [Кочегарка ДНР. 06.09.2019: Электронный ресурс]; *Стройными рядами, под звуки барабанной дроби, игры оркестра, держа в руках транспаранты и флаги, члены колонны направились на обновлённую площадь им. П.Н. Горлова* [Там же]; *Дружным строем члены колонны следовали по проспекту Победы, а над ними парил и развивался огромный, невероятных размеров триколор, занимающая большую часть главной улицы города* [Кочегарка ДНР. 31.10.2019: Электронный ресурс]; *Существует на карте нашего города улица Брусилова – когда-то многолюдная, цветущая и счастливая, с плодородной землей и отовсюду раздающимся звонким смехом* [Кочегарка ДНР. 01.08.2019: Электронный ресурс]; *15 октября уютный и просторный зал КСКЦ «Стирол» едва ли смог разместить всех желающих разделить с иньзом это радостное событие* [Кочегарка ДНР. 17.10.2019: Электронный ресурс]; *Годы проходят, а мы по-прежнему идем в ногу со временем, и сегодня Горловский институт выполняет очень важную миссию – вместе с многонациональным народом нашей Республики мы строим новое государство* [Там же]; *Читальный зал Центральной библиотеки им. Шевченко собрал ценителей живого слова* [Кочегарка ДНР. 26.09.2019: Электронный ресурс].

В образе города также актуализированы культурные представления о членении пространства на несколько зон, в числе которых оппозиция «свой – чужой». В текстах издания «Кочегарка» данное представление объективировано местоимениями *наши*, т.е. относимый к зоне «своего», и *ваши*, т.е. указывающий на зону «чужого» Ср.: *Девушки искренне признались, что всегда в приподнятом настроении отправляются в наш город: «Сегодня ранним утром окольными путями отправились в ваш город с самыми приятными воспоминаниями и хорошим предвкушением предстоящего дня»* [Там же]; *После торжественного открытия мероприятия слово было предоставлено ректору Горловского института иностранных языков, доктору филологических наук, профессору, члену Общественной палаты ДНР Светлане Кочетовой. Именно ей в большей степени принадлежит заслуга того, что вуз удалось сохранить в нашем городе!* [Кочегарка ДНР. 17.10.2019: Электронный ресурс]; *Владыка пожелал всем присутствующим отпраздновать столетний юбилей вуза, когда все трагические события, которые сейчас переживает наш город, останутся уже позади, как часть его великой истории* [Там же]; *Зайцево является старейшим поселком нашего города* [Там же].

Кроме того, исторические реалии также повлияли на объективацию пространственного членения города и, следовательно, на его отображение в сознании индивидуумов. Как нами неоднократно отмечалось, образ Горловки включает представления о прифронтовом населённом пункте и мирном городе, объективированные лексическими и синтаксическими средствами.

Представление о Горловке как прифронтовом населённом пункте эксплицировано лексемами *война, снаряд, погибнуть*, словосочетаниями *облик прифронтового посёлка, воронки от снарядов, изрешечены сквозными пулями, прямое попадание снаряда в квартиру*, а также предложениями *Активная фаза военных действий; 14 ноября Горловку потряс очередной удар*. Ср.: *Пять с лишним лет войны заметно изменили облик прифронтового посёлка. Сегодня земли современного Зайцево вспаханы воронками от снарядов, а стены приусадебных участков изрешечены сквозными пулями* [Там же]; *Осень 2014 года. Активная фаза военных действий. Снаряды, выпущенные ВСУ, не щадили никого на своём пути. 14 ноября*

Горловку потряс очередной удар. В результате прямого попадания снаряда в квартиру девятиэтажного дома погибли 5 человек, проживающих по адресу: Бессонова, 17, среди которых двое – дети [Кочегарка ДНР. 25.11.2019: Электронный ресурс].

Представление о городе как мирном населённом пункте выражено, например, в предложениях *Не могла не радовать организованная для поселчан **полевая кухня**, подготовленная представителями **войсковой части города*** [Кочегарка ДНР. 17.10.2019: Электронный ресурс]; *26 и 27 октября в Горловке произошло **первенство Донецкой Народной Республики по художественной гимнастике**, в котором приняли участие 65 юных спортсменок из Донецка, Горловки, Макеевки, Шахтерска и Луганска. **Наш город был представлен командой детско-юношеской спортивной школы № 3*** [Кочегарка ДНР. 31.10.2019: Электронный ресурс]. Отметим, что образ города вербализирован в приведённых фрагментах новостных текстов именами существительными *посёлок, город*, именами собственными *Зайцево, Горловка, Бессонова*, словосочетаниями *войсковая часть, детско-юношеская спортивная школа*.

Кроме того, представление о мирном населённом пункте может быть эксплицировано как отдельной лексемой или словосочетанием, так и целым текстом или фразовым единством. Так, в заключениях статей об известном живописце К.Е. Маковском и особенностях подготовки к учебному году репрезентировано представление о Горловке как мирном населённом пункте, в котором в штатном режиме работают учреждения культуры и образования. Это объективировано предикатом *приглашаем посетить, насладиться, познакомиться*, словосочетаниями *объезд 10 образовательных учреждений*. Ср.: *Приглашаем жителей и гостей города посетить **Горловский художественный музей** и насладиться замечательными произведениями К.Е. Маковского, а также познакомиться с прекрасными творениями выдающихся мастеров живописи, графики, скульптуры и декоративно прикладного искусства* [Кочегарка ДНР. 28.11.2019: Электронный ресурс]; *19 августа комиссия в составе заместителя главы **городской администрации по социальным вопросам Алексея Ивахненко**, главы **администрации Центрально-Городского района Олега Подустова** и начальника управления образования **Марии Полубан** провела **объезд 10 образовательных учреждений Центрально-Городского района*** [Кочегарка ДНР. 23.08.2019: Электронный ресурс]. Анализируемый образ в приведённом фрагменте новостного текста выражен лексемой *город*, названиями внутригородских объектов – *Горловский художественный музей, городская администрация, администрация Центрально-Городского района*.

Отметим, что одной из базовых черт образа является пластичность, т.е. «способность к возможным перевоплощениям» [Гаспаров 1996: 269]. Образ не функционирует в сознании индивидуума как нечто обособленное, он является частью картины мира, занимая своё место в общем построении и проецируя соответствующие воспринимаемой ситуации сущностные признаки объектов. Будучи включённым в речемыслительную деятельность, языковой образ взаимодействует с другими образами, например, с образом горловчанина. Так, в предложении *В начале мероприятия слово было предоставлено **первому заместителю главы городской администрации Павлу Калининченко**, который поздравил коллектив **медицинского учреждения** от имени **градоначальника Ивана Приходько**, отметив, что **люди, ежедневно стоящие на страже человеческих жизней, достойны почета и уважения*** [Кочегарка ДНР. 25.11.2019: Электронный ресурс] образ горловчанина выражен именами собственными *Павел Калининченко, Иван Приходько*, названиями индивидуумов по роду деятельности *первый заместитель главы городской администрации, градоначальник*, лексемами *люди, человеческий*, а также указанием на «группу людей, объединённых общей трудовой деятельностью, общими интересами» [Ефремова 2000: Электронный ресурс]. Образ Горловки эксплицирован названиями органа городской исполнительной власти (*городская администрация*), больницы (*медицинское учреждение*).

Заключение. Образ Горловки в языковом сознании индивидуума и/или социума объективирован словами различных тематических групп, выражающих представление о городе. Кроме того, в новостных текстах объективировано представление о пространственном членении на зоны «своего» и «чужого», а также о районе военных действий и о мирном населённом пункте.

Библиография

- Администрация города Горловки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://admin-gorlovka.ru/>
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>
- Колесов В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012. – 248 с.
- Кочегарка ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta-dnr.ru/category/gazety/kochegarka_dnr/
- Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–73.
- Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.

**Иновации в языке нового государственного управления:
профессионально-престижные социолектизмы или знаки коммуникативных неудач?**

Заварзина Галина Анатольевна

Воронежский государственный педагогический университет, Россия
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86а
доктор филологических наук, доцент
E-mail: zga1311@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации № 18-412-360006 p_a.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей образования и функционирования инноваций профессионального характера в языке российского государственного управления, отражающих проявление тенденций к стандартизации и неофициальности в выборе лексических единиц и синтаксических конструкций. Установлено, что развитие языка нового государственного управления идет по пути расширения сферы функционирования и усиления его влияния на формирование языкового вкуса российского общества. Сделан вывод о недопустимости актуализации сниженных профессиональных языковых элементов, способствующих неэффективности общения представителей власти и народа.

Ключевые слова: государственное управление, инновации, социолектные неологизмы, профессиональные дериваты, коммуникация, коммуникативные барьеры.

УДК81'27

**Innovations in the language of new state government:
Prestigious professionalisms or signs of communicative failure?**

Galina A. Zavarzina

Voronezh State Pedagogical University, Russia
394043 Voronezh, Lenin Str., 86a
Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
email: zga1311@mail.ru

The research is supported by the Russian Fund of Fundamental Research in cooperation with the entities of Russian Federation № 18-412-360006 p_a.

Abstract. This article deals with the formation and functioning of professional innovations in the language of Russian state government, reflecting tendencies towards standardization and informality in the choice of lexical units and syntactic constructions. It has been found that the development of the language of the new government is moving along the path of expanding the scope of its functioning and strengthening its influence on the formation of the linguistic taste of Russian society. Consequently, it is unacceptable to actualize reduced low language elements resulting in inefficient communication between government representatives and the people.

Keywords: state government, innovation, sociolectic neologisms, professional derivatives, communication, communication barriers.

UDC 81'27

Введение. Как известно, трансформации в российском государственном управлении, под которым понимается «реализующаяся на основе законодательных и нормативно-правовых документов политико-административная деятельность особой, профессионально подготовленной группы людей, направленная на обеспечение конституционных прав и обязанностей граждан и предоставление им государственных услуг» [Наумов 2011: 39], обуславливают существенные изменения не только в реалиях соответствующей сферы общественной жизни и общественном сознании россиян, но и в лексиконе коммуникации [Заварзина 2016: 34; Zavarzina 2019]. Яркой специфической особенностью современного языка государственного управления является появление разного рода инноваций, представленных не только кодифицированной лексикой и терминологией, но и языковыми знаками профессионального характера.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили печатные варианты текстов выступлений членов Правительства и Федерального собрания Российской Федерации, размещенные на сайтах правительство.рф, большоеправительство.рф, www.ag.gov.ru, www.pravo.gov.ru, дума.gov.ru и др.

Для решения поставленных в настоящем исследовании задач использовались методы лингвистического наблюдения и описания, методы компонентного, сопоставительного и лексикографического анализа, а также разработанная и апробированная автором в докторской диссертации [Заварзина 2015] методология

комплексного когнитивно ориентированного синхронно-диахронического анализа языковых подсистем и составляющих их единиц.

Обсуждение. Анализ языка нового государственного управления позволил выделить в нем целый ряд инноваций, представленных следующими разновидностями:

1) лексико-семантическими инновациями, обусловленными расширением семантической структуры словесных знаков за счет образования новых лексико-семантических вариантов (ср.: *настройка* – «снятие с ключевых постов тех или иных членов правительства», *чистка* – «проведение сокращений в органах государственного управления», *накачка* – «повышение профессионального уровня чиновников», *заточить* – «ориентировать работу госаппарата на что-либо», *продавить* – «добиться принятия решения государственного органа» и др.) [Заварзина 2012].

Подобным способом образуются словесные знаки, являющиеся, как правило, обозначениями понятий, именующих особенности системно-структурной организации государственного управления и его институциональной (например, *задействовать*, *протолкнуть*, *продавить*, *заострить* и др.), нормативно-правовой (например, *прописать* и др.), профессионально-культурной (например, *наработать*, *накачать* и др.), кадровой и функционально-целевой (например, *прозвонить*, *отследить*, *заточить* и др.) подсистем, а также технологий, приемов и методов государственного управления (например, *поставить*, *задекларировать*, *отмыть*, *замылить*, *замалчивать* и др.).

Изменения в плане содержания словесных знаков обуславливают преобразование потенциала их валентности: *отследить решение*, *отозвать документ*, *задействовать сотрудников*, *заточить администрацию президента на повышение качества работы*, *заять поручение*, *наработать опыт*, *прописать в законе*, *проговорить/обговорить вопрос* (в значении «обсудить»), *проплатить из бюджетных средств*, *накачать чиновников* и др.

Активные словообразовательные процессы в языке государственного управления в изучаемый период привели к появлению целой серии профессиональных дериватов: *отмывать* – *отмывание* – *отмыв* – *отмывочный* – *антиотмывочный* (ср., *антиотмывочное законодательство*); *отозвать* – *отозванный* – *отзЫв* (о документе), *замалчивать* – *замалчивание* (о фактах) и др.

Особую группу инноваций в языке нового государственного управления образуют так называемые «тематически переориентированные семантические неологизмы» [Загоровская 2013: 57; Заварзина 2015: 218], пришедшие из не связанных с государственным управлением сфер: *проплатить* – финансы, в значении «перечислить деньги через банк для оплаты чего-либо» [Панова 2004: 43], *вброс* – медицина, в значении «фальсификация результатов голосования» (*вброс бюллетеней*, *вбросы на выборах*), *нестерильный* – медицина, в значении «нечестный, сопровождавшийся нарушениями закона» (*нестерильная демократия*); *оздоровительный* (о функциях госорганов), *лоскутный* (о системе государственного управления) и др. Ср.: *скамейка запасных*, *война компроматов*, *верхние этажи власти*, *взять в разработку*, *выемка документов*, *вызвать на ковер*, *встреча без галстуков*, *бюрократическая игра*, *регионы-доноры*, *регионы-матрешки* и др.;

2) словообразовательными инновациями. В создании новых словесных знаков в языке нового государственного управления весьма активно участвует словообразовательный способ, представленный в первую очередь аффиксацией.

В сфере аффиксального образования имен существительных исследуемой сферы особое место занимают суффиксация (ср.: *управленец*, *федералист*, *белодомовец*, *выдвиженец*, *жириновец*, *фондовец* и др.), а также нульсуффиксальная (ср.: *федерал*, *муниципал*, *регионал* и др.) и суффиксальная (ср.: *оборонка*, *социалка*, *чрезвычайка*, *усреднёнка*, *упрощёнка*, *трехлетка* – трехлетний бюджет, *сетевик* – представитель политических сетей и др.) универбация. Образованные по данным моделям социолектные неологизмы, как правило, являются неофициальными наименованиями сотрудников какой-либо области управления или названиями административных документов (ср.: *контролька*, *сопроводиловка* и др.), отрицательных явлений в исследуемой сфере (например, *откат*, *отмыв*, *отмывание*, *проволочка*, *пробуксовка*, *незавершенка* и др.) и способов реагирования на них (например, *взбучка*, *зачистка*, *отставка* и др.) [Заварзина 2015].

В глагольном словообразовании высокой продуктивностью характеризуется префиксальный способ. Так, с помощью приставок *за-*, *про-*, *пере-* образуются словесные знаки *заволокитить*, *задействовать*, *завизировать*, *заветировать*, *профинансировать*, *переназначить*, *переподчинить*, *порешать* и др.: *заветировать поправку*, *завизировать документ*, *заволокитить дело*, *профинансировать работу*, *проплатить из бюджетных средств*, *переназначить на должность*, *переподчинить чиновников* и др.;

3) инновациями морфологического характера, связанными:

– с устойчивой тенденцией к употреблению существительных *singularia tantum* в форме множественного числа (ср.: *озабоченности*, *реорганизации* и др.): «...возможно, западные партнеры учтут озабоченности президента и сделают несколько шагов навстречу»;

– с заменой нормативных наречий и наречных сочетаний (ср.: *множественно, в несколько раз, во много раз*) просторечным сочетанием *в разы* и активным его использованием в речи (ср.: «...мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны»);

– с расширением системы предлогов. Так, в функции предлога, имеющего значение «в отношении чего-либо», в языке нового государственного управления функционирует сочетание *в части*. Ср.:

«...поручаю Вам совместно с главой города заняться этой работой в части выделения средств и приведения этого спортивного сооружения в порядок».

Следует отметить также процесс активизации использования в исследуемой сфере слова «порядка» в значении разговорного предлога, синонимичного предлогам «около», «приблизительно» (ср.: *порядка пяти млн рублей*);

4) инновациями синтаксического характера, реализующие:

– новые возможности лексико-фразеологической (ср.: *ручное управление, на уровне министерства, в ручном режиме* и др.) и синтаксической (ср.: *проголосовать поправку* вместо *проголосовать за что-либо, задействовать представителей спецслужб* вместо *задействовать что-либо*) сочетаемости словесных знаков;

– способы семантического стяжения глагольных сочетаний (ср.: *внести закон* вместо *внести обсуждение закона, пересмотреть пенсии* вместо *пересмотреть размер пенсий, рассмотреть на правительстве* вместо *рассмотреть на заседании правительства* и др.), способствующие экономии языковых средств;

– тенденцию активизации многозначного предлога «по» и расширение выражаемых им отношений: темы, содержания (ср.: *переговоры по Курилам, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому, шаги по недопущению* и др.; предлог в этой конструкции выражает «валентность темы» [Июмдин 1993: 253; Крысин 2000: 65], объекта (ср.: *обсуждение по кандидатуре, голосовать по кандидатуре* и др.) или целевого назначения (ср.: *заседание по газу, совещание по подготовке встречи* и др.). Как правило, главными в этих конструкциях являются отглагольные существительные, которые в кодифицированном русском языке не управляют предложно-падежной группой с предлогом «по» (ср.: *переговоры о чем-либо, договоренность о чем-либо, голосование за кого-либо, инициатива в чем-либо, обсуждение чего-либо, заседать для чего-либо, с какой целью* и др.), или глаголы, не способные в литературном языке управлять словесными знаками с предлогом «по» (ср.: «...встречались с главой департамента по экспресс-банку»; «нужно договориться с компанией по долгу» и др.). В ряде случаев конструкции с предлогом «по» могут являться результатом «компрессии текста»: «*программа по земле*» вместо «*программа изменения законов пользования землей, по пользованию землей*» [Гловинская 1996: 250].

Рассмотренные выше номинации являются, на наш взгляд, опознавательными, или диагностирующими [Николаева 1991: 73], знаками языка государственного управления и, как отмечают исследователи, «необходимыми элементами тезауруса личности государственного служащего как способа организации знаний о мире. Они отражают тенденцию к стандартизации профессионального языка при одновременном произволе в способах ее субъективации, индивидуальной фиксации, индивидуального присвоения» [Караулов 2002: 172; Карасик 2003], обусловленном, прежде всего, «последовательным снижением коммуникации» [Химик 2010: 46–47], в которой наблюдается изменение статусно-ролевых отношений, смещение тональности общения в сторону неофициальности, размывание строгости и четкости в изложении информации, а также включение эмоционально-экспрессивного компонента. Совершенно очевидно, что на письменную форму коммуникации в сфере государственного управления существенное влияние оказывает устная разговорная стихия, и результаты такого воздействия проявляются во всех аспектах: от лексического до коммуникативно-прагматического [Корпоративная коммуникация 2017: 336].

Заключение. Исследование инноваций, активно функционирующих в повседневной полуофициальной речи государственных служащих, в их служебном общении, а также в текстах публичных выступлений политиков, позволяет сделать следующие выводы:

1. В языке нового государственного управления наблюдаются явления стандартизации и опрощения, представленные в выборе лексических единиц и грамматических конструкций.

2. Язык нового государственного управления пополняется за счет стилистически маркированных инноваций, снижающих уровень официальности и демонстрирующих творческие особенности говорящих.

3. В профессиональном языке исследуемой сферы происходит закрепление языковых единиц, нарушающих языковые и морально-этические нормы. Ненормативные, с точки зрения литературного языка и норм речевого этикета, языковые элементы создают барьеры в осуществлении эффективной коммуникации представителей власти и народа, поскольку рассматриваются образованными и интеллигентными носителями русского языка как недопустимые в речи и даже оскорбительные. Они свидетельствуют о резком снижении уровня речемыслительной культуры в аспектах языковых операций, текстовых действий и коммуникативной деятельности профессиональной языковой личности, которая обязана совершать этически ответственные речевые поступки [Ворожбитова 2003, 2004, 2019; см. также: Vorozhbitova, Potapenko 2013]. Процессы, связанные с актуализацией сниженной лексики в исследуемой языковой подсистеме, свидетельствуют об общей тенденции в русском языке начала XXI в., характеризующейся перемещением периферийных языковых элементов в центральную часть языка. Отмеченный факт свидетельствует о демократизации русского языка, однако, безусловно, несет опасность морально-этического характера [Загоровская 2013: 187].

4. Развитие языка нового государственного управления в русском языковом сознании идет по пути расширения сферы функционирования и усиления его влияния на формирование языкового вкуса российского общества. Действительно, активное использование «отягощенных административно-чиновничьим происхождением» [Крысин 2000: 89] слов и синтаксических конструкций в языке государственного

управления и в массмедийном дискурсе обуславливает их массовость и социальную и профессиональную престижность.

Библиография

- Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 26–33.
- Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2003. – № 3. – С. 134–142.
- Ворожбитова А.А. Комплексная лингвориторическая матрица ошибок языка, речи, речевой деятельности // Almanahul SWorld: International periodic scientific journal. – Issue 1/ Part 1, January 2019. – С. 155–158.
- Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике// Русский язык конца XX столетия; под ред. Е.А. Земской. – М., 1996. – С. 237–304.
- Заварзина Г.А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник / Г.А. Заварзина. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – 236 с.
- Заварзина Г.А. Лексико-семантическое поле «Государственное управление» как одно из доминантных полей языковой картины мира русского народа // Филология и культура. Philology and culture. – 2016. – № 4 (46). – С. 32–36.
- Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2015. – 381 с.
- Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии: монография / О.В. Загоровская. – Воронеж: Научная книга, 2013. – 232 с.
- Иомдин Л.Л. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету// Metody formalne w opisie jezykow slowianskich/ Pod red. Z.Saloniego. Bialystok, 1991. – Р. 241–260.
- Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс; под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – 368 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
- Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ; отв. ред. Т.А. Милёхина, Р. Ратмайр. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 632 с.
- Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91.
- Наумов С.Ю. Система государственного управления. – М.: Форум, 2011. – 304 с.
- Николаева Т.М. Социолингвистический портрет и методы его описания // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. – М., 1991. – Ч. 2. – С. 73–75.
- Панова М.В. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 393 с.
- Химик В.В. Коммуникативно-речевые идеалы современного чиновника // Филологический класс. – 2010. – № 2 (24). – С. 45–48.
- Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of east slavic and western cultures // European Researcher. – 2013. – № 10-2 (61). – S. 2536–2543.
- Zavarzina G.A. Actual problems of terminological system development of new state administration/ G.A. Zavarzina, T.N. Dankova// The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences”. – Article Number 00138/ – Number of page(s)n4. – Published online 25 October 2019. – SHS WoS. – Volume 69. – 2019.

Особенности антропонимии в русской деловой прессе

Зубарева Анастасия Валерьевна

Южный федеральный университет, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
старший преподаватель
E-mail: zubareva144@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «русская деловая пресса». Приводится хронология формирования данного вида публицистики. Основное внимание уделяется раскрытию особенностей антропонимии в русской деловой прессе. Материалом исследования служат интернет-издания, которые относятся к русскому деловому медиадискурсу, т.к. в современном обществе интернет-коммуникация получила широкое распространение. На страницах современных СМИ используются различные виды и вариации русских личных имен. Также в статье автором анализируется классификация основной тематики деловых СМИ.

Ключевые слова: медиалингвистика, русская деловая пресса, язык СМИ, антропонимы, интернет-коммуникация.

УДК 81'27

Peculiarities of anthroponymy in Russian business press

Anastasia V. Zubareva

Southern Federal University, Russia
344006 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42
Senior Lecturer
E-mail: zubareva144@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of «Russian business press» and outlines the chronology of its formation. The focus of the paper is on the disclosure of the characteristics of anthroponymy in the Russian business press. The research material is Internet publications belonging to the Russian business media discourse, since in modern society Internet communication has become widespread. Modern media use various types and variations of Russian personal names. The author also analyses the classification of the main topics of business media.

Keywords: mediallynguistics, Russian business press, media language, anthroponyms, Internet communication.

UDC 81'27

Введение. Деловая пресса не только отражает особенности деловых коммуникаций на том или ином языке, но и формирует эти особенности. Деловая пресса – явление, по историческим меркам, относительно новое в русском медиаландшафте [Ширяева 2016: 11]. Формирование данного типа прессы оказалось возможным лишь в определенной культурно-исторической, экономической, политической ситуации. Деловая пресса восходит к типу СМИ, известных в западной культуре как бизнес-журналистика, или деловая журналистика. Тематика деловых СМИ охватывает, помимо профильных вопросов, вопросы общества, культуры, стиля жизни, их редакционная политика ориентирована на информационное обслуживание интересов делового сообщества. В России развитие деловой прессы было прервано в 1917 г. по причинам несовместимости советского строя с такого рода прессой. Возрождение ее в нашей стране началось только в 90-х гг. XX столетия.

Материалы и методы. Материалом нашего исследования послужила русская деловая пресса, а также аналитические статьи, рецензии, аналитические интервью, новости с аналитическим комментарием интернет-изданий «Ведомости», «Коммерсантъ», «Секрет фирмы», «Эксперт.РУ», «РИА Новости», «Иносми.Ру», «Известия», т.к. в современном обществе интернет-коммуникация получила широкое распространение. Основные методы исследования – наблюдение, анализ и обобщение.

Обсуждение. Тематика деловых СМИ охватывает, помимо профильной (рынки, финансы, экономическая политика), вопросы общества, культуры, стиля жизни. Их идеология ориентирована на информационное обслуживание интересов делового сообщества. В современной публицистике антропонимы представлены широко и разнообразно. В данной публикации мы рассмотрим особенности наименований в русской деловой прессе.

Официальный русский антропонимический трехчлен (фамилия – имя – отчество) функционирует в нескольких видах (однокомпонентном, двухкомпонентном, трехкомпонентном), допускает многочисленные варианты и вариации. Однокомпонентный антропоним в абсолютном большинстве употреблений в совре-

менной периодике состоит из наиболее информативной части трехчлена – фамилии: «А в декабре прошлого года господин *Нечаев* в интервью агентству «РИА Новости» отметил, что и Москва заинтересована в улучшении отношений с Берлином»; «*Климовский* ушел из «Единой России» в «Ростех» прямо перед думскими выборами»; «...декларация *Литвиненко* отражают лишь малую часть его состояния». Однокомпонентный вид именованья часто осложняется указанием на занимаемую должность, которое может быть официальным: *Президент РФ, Президент России*; полуофициальным: *президент, российский президент, глава государства, глава российского государства*; неофициальным: *наш президент, российский лидер, хозяин Кремля, глава Кремля, гарант Конституции* и др.: «*Российский президент Путин* вылетел во вторник во второй половине дня на Дальний Восток»; «Тогда инициативу мэра Москвы поддержал *президент России Путин*».

Указание на должность употребляется со всеми видами именованья (однокомпонентным, двухкомпонентным, трехкомпонентным) и часто используется как синоним именуемого лица без антропонима: «*Мэр Москвы* сообщил, что на сегодняшнем заседании...»; «...сообщил во вторник *мэр столицы*».

Для именованья лиц употребляется довольно значительный ряд слов-сопроводителей: *премьер-министр РФ, премьер-министр, премьер, премьер России, российский премьер, русский премьер, глава правительства, глава российского правительства, председатель правительства, председатель правительства Российской Федерации, глава кабинета* и др.: «...с председателем совета директоров «Реновы» Виктором Вексельбергом встречался *премьер-министр Дмитрий Медведев*»; «17 марта 2004 года *Абрамов* назначен *председателем правительства* Чечни». Естественно, что именованья по должности имеют разную частотность. Чаще других употребляются самые краткие, и ими пользуются все СМИ: *президент, премьер, мэр*. Иногда в публикациях определенной тематики акцент делается на определенной официальной характеристике: «...сообщил вице-премьер России и *председатель оргкомитета «Россия-2018» Виталий Мутко*».

На страницах современной периодики часто употребляется общепринятое обращение «господин»: «...в отношении *господина Вороненкова* ведется расследование...»; «Напомним, *господин Деменков* работает в аппарате Госдумы...»

Сопроводитель «гражданин» давно имеет сугубо официальную окраску, практически не встречается на страницах современной периодики, за исключением прямых цитат из официальных документов.

Если говорить о видах используемых на страницах периодики антропонимов, необходимо отметить, что при однокомпонентном именовании возможно использование любого из членов антропонимического трехчлена, но в публицистике именованье только по имени или по отчеству имеет сильную коннотацию и используется только эпизодически, со специальными целями. Именованье по отчеству всегда имеет сильную стилистическую окраску: «Вот у *Михалыча* дачка...»; «...финансировалось все влиятельными тыловиками Александра Лебеда, и главным героем должен был стать, понятное дело, генерал *Михалыч*...»

Двучленное именованье может состоять из имени и фамилии или инициала имени и фамилии: *Владимир Путин* и *В. Путин*, при этом порядок компонентов фиксированный. Разные издания предпочитают разные варианты. Такой способ именованья часто сопровождается указателями на должность политика: *Президент РФ Владимир Путин, президент РФ В. Путин, правительство Дмитрия Медведева, правительство Д. Медведева*. Двучленное именованье может состоять из имени и отчества в полной или инициальной форме. Именованье по инициалам имени-отчества, без сомнения, – относительно новое явление и отражает экспансию аббревиатур в языке СМИ. Аббревиатуры имени-отчества широко используются на страницах русской деловой прессы. Основные сферы функционирования аббревиации – это деловая речь, научная и публицистическая. По словам Е.А. Земской, аббревиация – это средство экспрессии, художественной выразительности, языковой игры [Земская 2000: 128]. В настоящее время сложился аппарат языковой игры с аббревиатурами: игровая расшифровка общепринятых аббревиатур, отаббревиатурное словотворчество, создание пародийных аббревиатур [Ильясова 2012: 64].

Полный антропонимический трехчлен, состоящий из фамилии, имени и отчества с таким порядком компонентов, имеющий официальный характер, практически не используется на страницах современной публицистики: «Так что президент России – *Путин Владимир Владимирович*. А премьер – *Медведев Дмитрий Анатольевич*». Чаще используется вариация с другим порядком следования компонентов, имеющая менее официальную и более уважительную окраску: «...страны, мирного неба над головой, кандидат может быть только один – *Владимир Владимирович Путин*».

Хотелось бы отметить, что в последнее время на страницах русской деловой прессы исчезла такая форма именованья – трехбуквенные аббревиатуры. Ранее часто использовались две из них, кстати, созданные по-разному (имеется в виду порядок следования компонентов трехчлена): *ЧВС* (Черномырдин Виктор Степанович) и *БАБ* (Борис Абрамович Березовский) [Солганик 2000: 59].

Прозвища – еще один вид антропонимов – встречаются на страницах деловой прессы реже, чем другие антропонимические именованья. Это происходит потому, что для исследуемой нами области свойственна конвергенция фактуальности и аналитики. Но все же язык СМИ выработал некоторые достаточно устойчивые дескрипции для данного вида антропонимов, встречающихся на страницах деловой прессы. Известные люди – политики, музыканты, спортсмены – постоянно дают повод для обсуждения в прессе, часто их имена становятся ключевыми, а одним из признаков ключевого слова является, как известно, уча-

ствие в языковой игре, одной из разновидностей которой является словотворчество. Социальная значимость предполагает и социальную оценочность, которая в языке СМИ реализуется мощным арсеналом словотворчества, языковой игры [Ильясова 2016: 99]. Современная публицистика довольно внимательно относится к личным именам. Еще одной особенностью использования антропонимов в современной публицистике является употребление собственных имен в значении нарицательных. Использование собственного имени в значении нарицательного, когда фамилия употребляется во множественном числе и написана со строчной буквы, – одна из особенностей выражения негативного отношения. Выбор вида антропонима зависит от многих факторов, но в большинстве случаев от жанра публикации. Например, в интервью при обращении к интервьюируемому используется имя-отчество: «Уважаемый *Дмитрий Анатольевич!* В прежние годы говорили: нет в стране семьи, которую не задела бы война. Какой след Великая Отечественная оставила в вашей семье?», «*Ольга Юрьевна*, 19 августа исполнится год с момента вашего назначения...»

Использование разных видов антропонимов является одним из средств когезии, т.к. называет одно, часто главное действующее лицо. Разнообразие личных имен – одно из средств отделки текста в публикациях, особенно в аналитических статьях или новостях с комментариями. В аналитической новостной заметке журналист, пытаясь избежать повторения, использует разные виды антропонимов: «*Министр иностранных дел России Сергей Лавров* заявил, что Россия убеждена в отсутствии альтернативы возобновлению политического процесса по КНДР, Москва готова к диалогу с Пхеньяном. «Мы убеждены, что нет альтернативы возобновлению политического процесса, в частности, шестисторонних переговоров», – сказал министр. *Лавров* также отметил, что Россия и Китай уже внесли соответствующие предложения. «Мы будем их продвигать в Нью-Йорке и на других площадках. Конечно, продолжим диалог с нашими северокорейскими соседями», – добавил он. *Министр* добавил, что о действиях властей Северной Кореи следует судить по конкретным шагам, а не заявлениям. Ранее сообщалось, что КНДР пообещала перейти к «физическим действиям» в связи с принятием резолюции СБ ООН, которая вводит новые санкции против этой страны...»

Заключение. Так, на страницах современных СМИ используются различные виды и вариации русских личных имен. Для именования политиков чаще используется одночлен, состоящий из фамилии, обычно сопровождаемый словами, указывающими на должность называемого лица. На страницах интернет-изданий почти не употребляется полный антропонимический трехчлен. В целом русские антропонимы могут служить средством отделки текстов и выражения позиции автора.

Библиография

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.

Ильясова С.В. Аббревиатуры: языковая игра как развлечение или как инструмент оценки? (на материале языка современных российских СМИ) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 2 (22). – С. 64–67.

Ильясова С.В. Онимословотворчество (на материале языка современных российских СМИ) // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р.Ю. Намитковой. – Майкоп, 2016. – С. 99–102.

Солганик Г.Я. Публицистика и информация в современном обществе / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2000. – 233 с.

Ширяева О.В. Русский деловой медиадискурс / Южный федеральный университет. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации. – Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2016. – 172 с.

Источники эмпирического материала

<https://www.kommersant.ru/doc/3373056> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/01/727501-pravovoe-fsb> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/07/24/725454-dohod> (дата обращения – 03.08.2017).

<http://expert.ru/2017/08/1/putin-sdelal-ostanovku-na-ryibalku-v-sibiri-po-puti-na-dalnij-vostok/> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://www.kommersant.ru/doc/3226415> (дата обращения – 23.07.2017).

<https://iz.ru/news/674285> (дата обращения – 23.07.2017).

<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/08/01/727361-t-plyus-renovi-domashnii-arest> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://www.kommersant.ru/doc/3372553> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://iz.ru/> (дата обращения – 03.08.2017).

<https://www.kommersant.ru/doc/3373032> (дата обращения – 08.08.2017).

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/01/727501-pravovoe-fsb> (дата обращения – 08.08.2017).

<http://inosmi.ru/politic/20170517/239369082.html> (дата обращения – 08.08.2017).

<https://ria.ru/interview/20100507/231257764.html> (дата обращения – 08.08.2017).

<https://iz.ru/626638/aleksandra-krasnogorodskaia/olga-vasileva-v-shkolakh-dolzheny-igrat-v-shakhmaty> (дата обращения – 08.08.2017).

<https://iz.ru/629692/2017-08-08/lavrov-rossiya-gotova-k-dialogu-s-vlastiami-kndr> (дата обращения – 08.08.2017).

Политический дискурс в массмедиа: междисциплинарный характер дискурсивного анализа

¹Валентина Дмитриевна Нарожная
²Марина Юрьевна Шингарева

¹Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Казахстан
160000, Шымкент, ул. Байтурсынова, 13
доктор филологических наук, доцент
E-mail: vdn_ru@mail.ru

²Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Казахстан
160000, Шымкент, проспект Тауке-хана, 33/1, кв. 40
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: logrus1976@mail.ru

Аннотация. Политический дискурс является одной из самых известных и тщательно анализируемых разновидностей дискурса. Тем не менее, исследование политического дискурса осложнено двумя факторами: во-первых, многообразием и неоднородностью политической сферы общества, которая подлежит анализу в рамках исследований политического дискурса, а во-вторых, его опосредованностью массмедиа. Последнее выражается в том, что политический дискурс и тексты в рамках дискурса имеют тенденцию содержать в себе одновременно несколько кодов, раскодировать которые можно только используя несколько методов дискурсивного анализа.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, медийный дискурс, критический подход, межкультурный анализ.

УДК 808.5

Political discourse in the media: Interdisciplinary character of discourse analysis

¹Valentina D. Narozhnaya
²Marina Yu. Shingareva

¹South Kazakhstan State Pedagogical University, Kazakhstan
160000 Shymkent, Baytursynov Str., 13
Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: vdn_ru@mail.ru

²South Kazakhstan State Pedagogical University, Kazakhstan
160000 Shymkent, Tauke-khan Ave., 33/1, Apt. 40
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: logrus1976@mail.ru

Abstract. Political discourse is one of the most well-known and carefully analyzed varieties of discourse. Nevertheless, its study is complicated by two factors: firstly, the diversity and heterogeneity of the political sphere of society, which must be analyzed in the framework of studies of political discourse, and secondly, its mediation by the media. The latter is reflected in the fact that political discourse and its texts tend to contain several codes simultaneously, which can be decoded with the help of several methods of discourse analysis.

Keywords: discourse, political discourse, media discourse, critical approach, cross-cultural analysis.

UDC 808.5

Introduction. Political linguistics as a branch of linguistics interrelates with such sciences, as political science, philosophy (axiology), sociology, cultural science, psychology, a knowledge engineering. Formation of political linguistics as independent branch of linguistics began in the 20th years of the XX century, but its prompt development started by the end of last century.

The political linguistics is the independent scientific discipline having object and subject of research, research methodology, interdisciplinary communications, the directions of research.

The most important directions of political linguistics are research of common problems of political communication, studying of a political media discourse, genres of a political discourse, studying of separate political concepts, research of communicative strategy, tactics, receptions of a political discourse, and also consideration of semiotics, stylistics, phraseology of a political discourse, studying of role structure of a political discourse.

Materials and methods. The following research is grounded on the scientific works of researches in the field of political linguistics as E.V. Bakumova, A.N. Baranov, E.V. Budayev, V.I. Karasik, O.L. Mikhaleva, T.A. Sve-

tonosova, A.P. Chudinov, E.I. Sheygal, A.A. Filinsky, T.A. van Dijk, N. Fairclough, R. Wodak, N. Chomsky, and others.

The critical direction in linguistic researches of political communications is developed by such famous scientists as N. Fairclough [2009], T. van Dijk [2000], M.W. Jorgensen [2008], A.A. Novels [2000], R. Wodak, I.P. Susov [1988], K.L. Hacker [1996], Kress G. [1985], A. Luke [2002], H. Widdowson [1998], P. Stenner, H. Marshall [1995] and other representatives of the critical analysis of a discourse.

It should be noted that this research is directed on critical studying of the political relations expressed in language or a discourse that is within this research paradigm the problem of language usage as means of the power and social control is studied. There are doubts in objectivity of the critical analysis that focuses attention on a subjectivity objectivity perspective in the humanities.

Discussion. The political discourse became object of comprehensive study within political linguistics, it was promoted by the following circumstances: "1) internal requirements of the linguistic theory addressing to real spheres of language system functioning; 2) need of definition of methods of the political discourse analysis for the identification of various tendencies purpose in the sphere of political consciousness; 3) actually politological problems of political thinking studying, its communication with political behavior" [Philinsky 2002: 34].

The famous linguist A.N. Arbatov calls a political discourse which is a community of discourse practice identifying participants of a political discourse or form concrete scope of political communication as a subject of political linguistics [Arbatov 2001: 261].

For our research relevantly detailed consideration of the term "political discourse" representing institutional type of a discourse (E.I. Sheygal, A.P. Chudinov, V.I. Karasik, A.N. Baranov, T. van Dijk, R. Wodak, etc.). For this purpose it is necessary to address first of all to the term "discourse" and to understand that it designates and than differs from "text".

A great number of research works are written about a polysemy and complexity of the term "discourse". Development of the discursive concepts is specific in political science, philosophy, psychology, history, literary criticism, etc.

Russian and foreign linguists differently define "text", but all they agree in opinion that "discourse" is more extensional term than "text".

N.D. Arutyunova in the article for the "Big encyclopedic dictionary" gives such definition of a discourse: "the coherent text in total with the extralinguistic – pragmatical, sociocultural, psychological, etc. factors; the text taken in event aspect; the speech considered as purposeful social action, as the component participating in interaction of people and mechanisms of their consciousness" [Arutyunova 98: 136]. The given definition of a discourse is recognized by many linguists and more than once was put in a basis of linguistic researches.

T. van Dijk quite accurately differentiates the concepts "text" and "discourse", defining "Discourse" as actually said text, and "text" – as abstract grammatical structure of said [van Dijk 1997: 56].

The most widespread dichotomies in linguistic approaches to differentiation of a discourse and the text are presented in the monograph by E.I. Sheygal "Semiotics of a political discourse" [Sheygal 2000: 10-12]:

A.A. Philinsky defines "a political discourse" as speech activity of political subjects within their institutional communication [Philinsky 2002: 29].

In methodology of linguistic researches of a political discourse P.A. Chilton allocates descriptive and critical approaches [Chilton 1994: 217]. E.I. Sheygal also allocates descriptive (descriptive) and critical approaches to the analysis of political communication: in the first case researchers fix the language phenomena (language means, rhetorical receptions and manipulative strategies, etc.), without seeking to give to them a positive or negative assessment, in the second case in the analysis of the language phenomena the researcher expresses often subjective opinion. One of the most important aspects of descriptive approach is research of language behavior of politicians: the language means, rhetorical receptions, communicative and manipulative tactics and strategy operated by politicians for the purpose of belief [Sheygal 2000: 45].

Descriptive approach of a political discourse studying isn't limited with linguistic methods, but includes also such method as content – analysis borrowed from political science. A.N. Baranov connects areas of political linguistics application in political science with "political thinking of politicians according to language data and reconstruction and monitoring of a condition of public consciousness in texts of mass media" research [Baranov 1991: 254].

Now the technique of the content-analysis represents one of the most widespread scientific instruments of political discourse applied studying. The essence of this technique is "systematic allocation and fixing of the text's contents certain units, the qualification obtained yielded and the subsequent interpretation of results for the purpose of an actions assessment of political acts" [Sheygal 2000: 103]. The content-analysis allows according to quantitative characteristics of the text at the words' level and phrases to make plausible assumptions of its plan of the contents and to draw conclusions on specifics of thinking and text author's consciousness, his intentions, installations, desires, valuable orientations, etc.

The polysemy and complexity of a political discourse is caused by communicative plans of politicians, functions which political communication does. E.I. Shegal allocates the following functions:

– "function of social control (creation of prerequisites for unification of behavior, thoughts, feelings and desires of a large number of individuals, i.e. manipulation with public consciousness);

- function of the power legitimization (an explanation and a justification of decisions concerning distribution of the power and public resources);
- function of the power reproduction (strengthening of commitment to system, in particular, through ritual usage of symbols);
- orientation function (through a formulation of the purposes and problems, formation of political reality picture in consciousness of society);
- function of social solidarity (integration within all society or separate social groups);
- function of social differentiation (alienation of social groups);
- agonal function (initiation and permission of the social conflict, expression of disagreement and a protest against actions of the authorities”) [Sheygal 2000: 116].

Undoubtedly, the task of the politician is wider than the simple image of a situation from a certain point of view. He has to convince recipients what exactly his opinion is true also its understanding of problems and a way of their decision realities are adequate and are optimum in this situation. Thus the context of a situation has to be presented by the politician, at least, extremely clearly, and it is better-adequately to a context which is close and clear to audience. Also it needs to prove that the solution of problems proposed by it, actual for audience, is most acceptable that the audience apprehended the proposed solution as own. For achievement of these purposes the politician uses various systems of the argument: from logical arguments to the appeal to authoritative symbols, from emotional images to rhetorical repetitions, from international game to graphic allocations. This results from the fact that "nobody can convince others, without offering any arguments, be they are reasonable really or professedly. People want to have arguments in favor of that, in what they believe that do, or that urge to do them" [Altunyan 2006: 18].

The analysis of political discourse on television should, ideally, be an interdisciplinary enterprise: political communication, media studies, and cultural studies are only some of the disciplines that could provide valuable contextualization for the discourse analytic study of verbal data taken from the mass media.

The relations between politics and the media have also been described as an "existential exchange system" [Philinsky 2002: 218] or a "happy symbiosis", in which information (on the part of the politicians) is exchanged for publicity (on the part of the media) – a bond that keeps growing tighter as the media become more and more subject to the commercial imperative. Such a "happy symbiosis" between politics and the media runs counter to the media's role as a neutral mediator and critical monitor of politics, and it is not democratically legitimated. It is therefore unlikely to show itself on the surface of "symbolic politics". Rather, it is to be expected to manifest itself in other phenomena, such as e.g. the staged antagonism observable in political interviews. Such covert practices are hard to capture with the methods of media studies, but they fall squarely into the field of discourse analysis with its focus on the micro-level phenomena of not just explicit, but also implicit communication.

Regarding the present state of the relations between politics, the media and the public, the relevant discourses in communication studies, political communication, and discourse analysis are very sceptical. Due to the commercial pressure exerted through audience ratings or number of copies sold, the media are said to be giving in to a tendency to make political discourse more entertaining by trivializing, personalizing, dramatizing, conversationalizing, in short by "boulevardizing" a social domain which depends on an informed public, respectively electorate for democracy to work. The politicians for their part are criticised for using the mass media to influence public opinion instead of providing factual information, by employing professional public relations strategies and "spinning" what information they do provide.

The relations between politics, the media and the public have been captured in the model of a system of political communication created by Blumler and Gurevitch. The model comprises four interrelated subsystems: the system of political institutions with respect to their communication aspects, the system of the media with respect to their political aspects, the system of the public's expectations and orientations regarding political communication, and communication-relevant aspects of political culture. Depending on the aims of inquiry, one can focus on one subsystem at a time, while keeping in mind its relations to the others. Possible complementary participant roles for the agents in the subsystems are hypothetically proposed as follows [Blumler, Gurevitch 1995: 150]:

Audience	Media personnel	Politicians
Partisan	Editorial Guide	Gladiator
Liberal citizen	Moderator	Rational persuader
Monitor	Watchdog	Information provider
Spectator	Entertainer	Actor/performer

Different configurations of participant roles across the subsystems will yield different types of political communication in a society, a culture, or a media corporation. The table shows how difficult a comprehensive analysis of all three components would be. Blumler and Gurevitch's model has informed their own cross-culturally comparative research on the agenda-setting role of British (BBC) and US-American (NBC) television in reporting on election campaigns (1995). It also provides a useful frame of reference for empirical research beyond communication studies. In discourse analysis, for instance, the focus of inquiry in media discourse has so far mainly been on the study of journalistic practices in certain genres, or on the discourse practices of politicians, less frequently on how they interact, and discourse analytic audience reception research is so far still a fairly neglected field.

Conclusion. The goal of discourse analysis is to describe the coding and interpretation conventions of a culture in certain discursive domains, as well as the culture's underlying common ground assumptions. In cross-cultural analysis, it then goes on to confront its results with comparable phenomena of another culture. Such comparative research, according to Gurevitch and Blumler [Blumler, Gurevitch 1995: 138], possesses significant advantages over a mono-cultural approach: Due to its wide and varied data base, and the constant comparison between culturally specific ways of doing things, comparative research counteracts any culture-centric bias that may remain unreflected in mono-cultural analysis. Further, the process of comparison renders visible the unchallenged assumptions in the analyst's own culture. And lastly, the confrontation with different ways of doing the "same" thing, which is advocated by critical discourse analysis in order to de-naturalize the dominant readings of a culture is built into the very heart of the comparative method.

So, the political discourse of the media, combining the features of political discourse and the discourse of the media, pursues a political goal – to achieve power, while using the resources offered by the discourse of the media. The political discourse of the media is a highly subjective phenomenon, largely due to the media component, since the journalistic text is subjective by definition. Information in this connection is not a direct reflection of objective reality, but its interpretation. Thus, the political discourse of the media should be studied using both methods of critical and cross-cultural analysis due to its multimodal character.

List of References

- Altunyan A.G. The analysis of political texts. Course of lectures [Text] / A.G. Altunyan. – M.: Logos. 2006. – 384 p.
- Arbatov G.A. The Modern USA [Text] / G.A. Arvatov, K.N. Brutents, E.A. Ibanyan, V.F. Petrovsky. – M., – 2001. – 245 p.
- Arutyunova N.D. Discourse [Text] / N.D. Arutyunova // Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. – M., 1998. – P. 136–137.
- Baranov A.N. Kazakevich E.G. Parliament debates: traditions and innovations [Text] / A.N. Baranov. – M.: Znanie, 1991. – 42 p.
- Blumler J. and Gurevitch M., the Crisis of Public Communication, London: Routledge, 1995, P. 45–59 – Mann T. and Ornstein N., Congress, the Press and the Public, Washington: Brookings Institute, 1994, P. 131–169.
- Chilton P.A. Politics and Language [Text] / P.A. Chilton // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R.E. Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 214–221.
- Dijk T.A. van. The Study of Discourse [Text] / T.A. van Dijk // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / ed. T.A. van Dijk. – Trowbridge: Cromwell Press, 1997. – 356 p.
- Philinsky A.A. Critical analysis of election campaigns political discourse in 1999-2000th.: dis. ... cand. phil. sciences [Text] / A.A. Philinsky. – Tver, 2002. – 163 p.
- Sheigal E.I. Semiotics of olitical Discourse: Monograph [Text] / E.I. Sheigal. – Volgograd: Peremena, 2000 – 368 p.

Демотиваторы и карикатуры как способ кодирования социополитической реальности

Тамерьян Татьяна Юльевна

Северо-Осетинский государственный университет, Россия
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46
доктор филологических наук, профессор
E-mail: tamertu@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19).

Аннотация. Статья посвящена выявлению современных интернет-жанров и их реализации в политической коммуникации. Описывается креолизованный текст и его разновидности как поликодовое явление. В работе анализируется понятийный аппарат данной научной области и прослеживаются направления его дальнейшего развития. Разграничиваются прагматические сферы бытования данных явлений, выявляются их структурные разновидности. Применительно к политической тематике поликодовых текстов анализируются тотемные прецедентные персонажи в аспекте их актуализации в политическом дискурсе.

Ключевые слова: семиотика, тотемный прецедент, культурная символика, интернет-коммуникация, креолизованный текст, политическая коммуникация.

УДК 81.411.2-03

Demotivators and caricatures as a way of coding sociopolitical reality

T. Yu. Tameryan

North Ossetian State University, Russia
362025 Vladikavkaz, Vatutin Str., 44–46
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: tamertu@mail.ru

The research is supported by the Russian Fund of Fundamental Research and Ministry of Education and Science of South Ossetia, project № 19-512-07002 (10-MK/19).

Abstract. The article studies modern Internet genres and their implementation in political communication, describes the creolized text and its types as a multicode phenomenon. The paper discusses the conceptual apparatus of this scientific field and traces the directions of its further development as well as differentiates pragmatic spheres of these phenomena existence, their structural varieties. With respect to the political theme of polycode texts, the author distinguishes totemic precedent images in terms of their actualization in political discourse.

Keywords: semiotics, precedent, cultural symbolism, intertextuality, Internet communication, creolized text, political communication.

UDC 81.411.2-03

Введение. В активно развивающемся интернет-пространстве динамично появляются разнообразные средства и формы коммуникации, порожденные новыми возможностями виртуальной среды и постоянной потребности в креативном самовыражении. Если политический кризис приводит к метафорическому буму как способу отражения реальности (по А.П. Чудинову), то в период стабильности и планового социально-политического развития возрастает потребность в обмене постоянно меняющейся информацией, в установлении ее аксиологии, а также утверждении общегрупповых ценностей и символов, реализуемой на основе креолизованных текстов, распространяемых в Сети.

Материалы и методы. Материалом послужила выборка креолизованных текстов, функционирующих в сети Интернет. Работа выполнена в русле интегрального подхода, объединяющего достижения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и текстолингвистики. Спецификой темы исследования обусловлено применение методов контекстуального анализа, концептуального и дискурсивного анализа, метода когнитивной интерпретации, а также классификационного метода.

Обсуждение. На фоне развивающихся информационных возможностей интернет-среды в глобальной Сети сформировался особый тип коммуникации – интернет-дискурс как симбиоз вербальных и визуальных явлений, обладающий широким прагматическим воздействием.

Прагматическая ориентированность экспликации оценочности, как правило, посредством комического в системе интернет-коммуникации позволяет реализовать средства разных семиотических кодов. В качестве инвентаря выступают: графический текст (вербальная составляющая), картинка или видеоряд (визуальная или иконическая составляющая) [Бабина 2013; Горошко 2009; Щурина 2012; Щурина 2013].

Мемы и другие разновидности креолизованных текстов особенно ярко используют как инструмент борьбы между политическими партиями и группировками в период предвыборной кампании. Вместе с тем, такого рода сообщения часто выступают в роли плаката, констатации существующего положения дел или символа.

Сетевые жанры, вычлняемые на базе прагматики их появления, делятся на исконно сетевые и заимствованные: 1) жанры других функциональных разновидностей языка, действующих в Сети без видимых изменений (научные, публицистические тексты, произведения художественной литературы и т.д., которые бытуют в Интернете в неизменной форме, без каких-либо трансформаций); 2) традиционные, адаптированные в Сети и представленные в измененной форме (жанры печатных СМИ); 3) исконно сетевые жанры (чаты, опросы, анкеты, дискуссионные группы и т.д.) [Иванов 2000: 91].

Развитие виртуальных жанров – это динамический процесс, напрямую зависящий от развития интернет-технологий, предоставляющих новые возможности коммуницирования.

Опираясь на традиционные подходы в жанроведении, определим сетевой гипержанр креолизованного формата «как макрообразование, речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своём составе несколько жанров» [Дементьев 1998: 90].

Сетевые креолизованные тексты, объединяющиеся внутри жанра интернет-мемов, реализующих комический эффект, относятся к рассматриваемым в рамках данного исследования разновидностям – это демотиваторы, эдвайсы, стрип-комиксы, комиксы, фейсы, ряд креолизованных карикатур и анекдотов, которые приобретают межжанровые характеристики [Седов 2007]. Креолизованные жанроиды как гибридные образования часто различимы только формальному признаку – наличию или отсутствию рамки, цветовой гамме, количеству комментариев и пр.

Р. Докинз выдвинул концепцию репликатора применительно к социокультурным процессам: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [Докинз 2000: 189]. Мемами (англ. *meme*, от греч. *μίμημα*, «подобие») называют картинки, фотографии, высказывания, слова, звукоряд, видео, спонтанно популяризирующиеся в интернет-коммуникации. Они несут информацию о культурном явлении или историческом событии, послужившем источником для его возникновения, содержат культурную коннотацию, позволяющую адресату идентифицировать данный прецедентный феномен [Щурина 2006: 81–82].

Под интернет-мемом понимается «единица информации, объект, который получил популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [Щурина 2013: 29].

В широком смысле мем – это один из механизмов передачи и хранения культурной информации. Таким образом, «интернет-мемы можно считать разновидностью прецедентных феноменов, т.к. прецедентные феномены в сжатом виде способны передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладают особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией» [Щурина 2014: 86].

Мемы – это своего рода тренд социальных сетей. В них репрезентированы актуальные, фокусные события, личности, явления и стереотипы современной действительности, привлекающие внимание интернет-пользователей. Мемы создаются в интернет-сообществах (социальных сетях, чатах, блогах, форумах и т.д.), где широко предлагаются шаблоны на различные темы для их создания. Мемы апеллируют к культурному потенциалу и знаниям пользователей. Мемы, как правило, анонимны, поэтому предоставляют обширное виртуальное поле для социальных, культурных, идеологических, гендерных и прочих проявлений, способствуют творческой самореализации без боязни получить психологический стресс в форме негативной реакции.

Креолизованный интернет-текст представляет собой новый креативный жанр сетевой коммуникации. Он репрезентирован вербально-визуальным комплексом, характеризуется совокупностью визуальной и вербальной части – мемом. Креолизованный мем понимается нами как семиотический коллаж, поликодовое образование, образующее единое визуально-вербальное структурное, смысловое и функциональное целое, расшифровка которого требует определенных фоновых знаний.

Креолизованные мемы классифицируются по содержанию и структуре на субжанры: мотиваторы, демотиваторы, эдвайсы, стрип-комиксы, фейсы [Анисимова 2003; Бабина 2013].

Мотиваторы (англ. *motivator* «побуждающий фактор») – это субжанр пропагандистских плакатов, несущий идеологическую нагрузку и предназначенный для наглядной агитации. Мотиваторы визуально не рестриктированы, однако они могут быть представлены картинками или фотографиями в голубой или светлой рамке любого оттенка. Под картинкой на фоне рамки располагается мотивирующий лозунг и/или его пояснение.

Демотиваторы появились как пародия на популярный в США вид наглядной агитации – мотивационные постеры, или мотиваторы. Демотиватор – это субжанр баннера или интернет-плаката, выполненный по определенному канону: картинка сопровождается коротким текстом в нижней полосе широкой черной рамки. Смысловой и модусный заряд демотиватора противоположен мотиватору, часто его характеризует сатирическая тональность или черный юмор [Рюмина 2003].

Популярной разновидностью мемов в Сети являются *эдвайсы*. Эдвайсом (англ. *advice* «консультация, совет») называют мем-картинку с надписью. Эдвайсы изначально выполняли функцию совета или под-

сказки для пользователей в виде картинки с подписями над и под изображением. Эти надписи модифицировались в высказывания над и под картинкой, при прочтении которых комическая реакция достигается за счет эффекта обманутого ожидания. Невербальная часть эдвайса характеризуется наличием обязательного персонажа с определенным мимическим выражением на ярком фоне. Первый эдвайс появился в 2006 г., это была картинка с изображением щенка лабрадора на цветном фоне – Собака-советчица (Advice Dog). Многие персонажи эдвайсов и их высказывания становятся прецедентными и могут использоваться при создании демомотиваторов, комиксов и карикатур.

Стрип-комиксы (англ. comics «комический, смешной; strip «лента») представляют собой серию рисунков с краткими текстами, образующую связное повествование, ленту из 3–6 кадров, выстроенных в ряд (горизонтально, вертикально или квадратом) [Щурина 2013].

Веб-комикс формирует семиотический комплекс, объединяющий текстовую и иконическую части, причем семантической доминантой становится языковая игра, актуализирующая вербальный потенциал комикса. Иконическая часть, актуализируя исходное значение, создает пресуппозицию, за счет чего и создается комический эффект.

Фейсы – это карикатурные изображения лиц, используемые в комиксах и интернет-мемах. Их основное значение сближается с прагматикой эмодзи – передачей эмоционального состояния.

Еще одним видом креолизованного текста сатирической природы является карикатура (итал. caricatura, от caricare «нагружать, преувеличивать») – сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект создается преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями. Карикатура представляет собой специфическую разновидность креолизованного текста, в структурировании которого задействованы средства разных кодов. Целостность и связность креолизованного текста обеспечивается взаимодействием иконической и текстовой частей, оказывающих интегративный коммуникативный эффект.

Ключевым когнитивным признаком сетевых креолизованных текстов является прецедентность. Прецедентные феномены имеют семиотический способ обращения, который предполагает, что коммуникативная единица является знаком для представления некоторой другой единицы. Признаком прецедентности является использование прецедентного феномена интенционально – в характеризующей функции. В нашей статье мы сфокусируем внимание на тотемных прецедентах, широко используемых в полижанровых формах политической коммуникации. Тотемные прецеденты-персонажи – это символы с культурно закрепленными значениями.

Культ медведя как тотемного животного был распространен среди многих народов. В качестве символа России медведь появился на Западе в XVIII в. Так европейцы представляли варварство, агрессию, лень русских. Готфрид Лейбниц называл русских «крещеными медведями». Посредством этого образа Запад выражал собственное цивилизационное превосходство, желание подчинить Россию [Символ России. Почему медведь: Электронный ресурс]. На международной политической арене и внутри страны символический образ России-медведя, сформировавшийся благодаря закреплению стереотипных представлений, прочно утвердился.

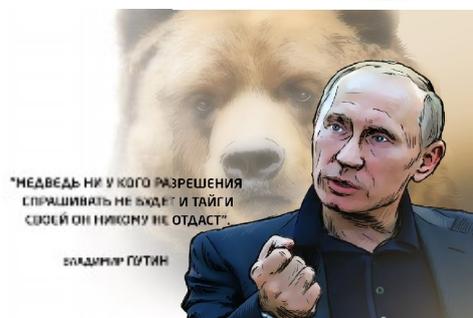
Прочно вошел данный образ и в риторику руководителя страны. Так, решение суда ООН по вопросу присоединения Крыма было прокомментировано В. Путиным латинским изречением: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Утверждение позиции России по данному вопросу было осуществлено в символическом ключе: «Россия-медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет и своей территории (места обитания медведя – тайги) никому не отдаст». Данная прецедентная ситуация сформирована апелляцией к инокультурному высказыванию и носит двойную зооморфную символику.

Ведущей политической партией страны, «Единой Россией» как партией народного большинства в качестве логотипа принят шествующий медведь, над изображением которого развивается российский флаг. Семиотика данного образа и вызываемые им аллюзии некоторое время обыгрывались в разделе официального сайта партии, называвшемся

«Берлога».

«Берлога».

Кавказский барс – это древний символ Осетии, сохранившийся с времен скифов и алан, знак храбрости и отваги. Барс, изображенный на гербах Северной и Южной Осетии, является историческим символом осетинской государственности и твердой власти [Снежный барс – символ Осетии, или По следам пятнистой тени: Электронный ресурс]. Его изображение и развивающийся над ним флаг Южной Осетии стал логотипом партии «Единая Осетия» по аналогии с логотипом «Единой России».

Заключение. Креолизованные тексты в глобальной Сети представляют собой поликодовую визуаль-но-вербальную форму интернет-коммуникации, появившейся как быстрый и действенный отклик на явления окружающей действительности и политические события в открытом виртуальном континууме. Когнитивной основой для них служат авто- и гетеростереотипы и ядро сознания лингвокультурного сообщества, представленное банком прецедентных феноменов. Поликодовые тексты обладают высоким прагматическим потенциалом трансляции информации во Всемирной паутине и служат средством манипулирования политическим сознанием пользователей.

Библиография

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов. – М.: Академия, 2003. – 128 с.

Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 2 (20). – С. 28–33.

Горошко Е.И. К уточнению понятия «Компьютерно-опосредованная коммуникация»: проблемы терминоведения // Образовательные технологии и общество. – Казань, 2009. – Т. 12. – № 2. – С. 445–454.

Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры в Интернете. – Киев, 2012. – С. 15–33.

Дементьев В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов, 1998. – 107 с.

Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 318 с.

Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 131–147.

Рюмина М.Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров. – М., 2007. – С. 7–38.

Символ России. Почему медведь? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fishki.net/1290092-simvol-rossii-pochemu-medved.html> (дата обращения – 01.08. 2014).

Снежный барс – символ Осетии, или По следам пятнистой тени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cominf.org/node/1166485185> (дата обращения – 16.11.2010).

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с. (Studia philologica. Series minor) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 5-94457-070-9. <https://www.twirpx.com/file/830160/>

Щурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6 (81). – С. 34–38.

Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.

Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 26 (59). – С. 85–89.

Щурина Ю.В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического // Российский лингвистический ежегодник. – Вып. 1 (8). – Красноярск, 2006. – С. 77–84.

К вопросу об особенностях национально-языковой политики в СССР

Чирков Михаил Сергеевич

Самарский государственный институт культуры, Россия
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: mich.chirk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности национально-языковой политики в СССР. Показана важность учета языкового многообразия в идеологии большевиков в первые годы советской власти. Раскрыты факторы, определяющие статус и особенности применения русского и национальных языков в Советском Союзе.

Ключевые слова: идеология большевиков, языковая политика, многонациональное государство, родной язык, русский язык, лингвистическое строительство.

УДК 81'27

National language policy issue in the Soviet Union

Mikhail S. Chirkov

Samara State Institute of Culture, Russia
443010 Samara, Frunze Str., 167
Candidate of Sciences (History), Associate Professor
E-mail: mich.chirk@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the national language policy in the USSR, reveals the importance of taking into account the linguistic diversity in the Bolshevik ideology in the first years of Soviet power, and discloses the factors determining the status and features of the use of Russian and national languages in the Soviet Union.

Keywords: Bolshevik ideology, language policy, multinational state, native language, Russian language, linguistic construction.

UDC 81'27

Введение. Национально-языковая политика Советского Союза всегда вызывала к жизни большое количество дискуссий в научной среде как во времена существования этого государства, так и в постсоветский период [Алексеева, Слепцов 2018; Арутюнова 2012; Нагучев 2013]. Суждения зачастую высказывались диаметрально противоположные: от убеждения в разрешении всех языковых проблем благодаря политике КПСС [Дешериев 1980] до обвинений советского руководства в сознательной поэтапной русификации народов СССР [Lewis 1972]. Разброс мнений в этом вопросе свидетельствует о сложности национально-языкового вопроса и, в этой связи, о проблеме статуса русского языка, призванного сыграть важнейшую роль в консолидации новой общности – «советского народа».

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования явился принцип историзма и системного подхода в рассмотрении проблемы национально-языковой политики Советского Союза. Понимая языковую ситуацию в советском пространстве как развивающийся организм, автор опирался на философское представление о диалектике.

Теоретико-методологической базой исследования явились методы системного и структурно-функционального анализа, а также сравнительно-сопоставительный и проблемный методы. Методологическая особенность данной работы определяется необходимостью проведения комплексного анализа на стыке трёх дисциплин: политологии, социологии и культурологии, что обусловлено социально-культурной сущностью феномена русского языка.

Обсуждение. Следует отметить, что проблема лингвистического строительства не являлась надуманной, а проявилась в полной мере еще во время существования Российской империи. Представители нерусской интеллигенции задолго до 1917 г. выдвигали идею о необходимости развития национальных языков, независимо от того, какие убеждения отстаивали – демократические или консервативные. Количество национальных языков, имеющих письменность, в России было невелико: различные исследователи называют цифры от 13 до 20 [Гарипов, Гаркавец 1991; Зак, Исаев 1966], при этом общее количество народов насчитывалось более сотни. Уровень грамотности среди населения был невысок. Языковая реформа большевиков была не только вызвана к жизни искренним желанием наделить народы письмом, поднять их образовательный уровень, что соответствовало интернациональной идеологии; но и имела сугубо практический смысл. И.В. Сталин в 1923 году так определял задачи изменений: «Для того чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы

функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являвшаяся до последнего властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, родной для крестьян и средних слоев ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках... заговорят и заработают на одном языке» [Сталин 1947: 241].

Таким образом, целей русификации однозначно большевики не ставили, более того, они являлись, по сути, единственной революционной политической партией, предложившей вариант разрешений языковой проблемы. Несомненно, при проведении реформы решалось несколько взаимосвязанных задач, которые были поставлены логично и обоснованно. Прежде всего, необходимо было показать кардинальное отличие власти советской от власти предыдущей [Чиркова 2018: 189]. Соответственно, если самодержавие стремилось к русификации нерусских народов (за исходную точку брался именно такой тезис), то коммунистическое правительство выступает за право народов говорить и писать на родном языке. В такой ситуации советская власть апеллировала к интересам «угнетенного», боролась против местных светских и духовных авторитетов, тесно связанных с «великодержавными шовинистами». Наступление на религию приобрело особо жестокие черты [Якунин 2002: 5]. Именно идея поставить трудящегося в основу системы и провозглашалась в 1917 году. К тому же национальный язык для большевиков не являлся понятием, утверждаемым на века: ожидания мировой революции были распространены, следовательно, национально-языковая политика должна была носить временный характер. Предполагаемая социальная буря должна была в корне изменить роль наречий в политике, образовании и культуре [Чиркова 2019: 108]. Ко всему прочему, советская власть не могла не учитывать того факта, что на пространстве бывшей Российской империи в период 1918–1921 гг. уже возникали национальные государства (Прибалтика, Закавказье, бывшие западнороссийские губернии и др.), поэтому было важно выбить национально-языковой «козырь» из рук антибольшевистских правительств и обратить симпатии местного населения в свою пользу. В данном случае речь шла уже не только о «простых тружениках», учитывались интересы демократической интеллигенции, которая всегда стояла на позициях укрепления местных особенностей.

Началась разработка новых алфавитов для народов, не имевших письменности, в дело были брошены выдающиеся лингвисты того времени – К.А. Боровков, Л.И. Жирков, Н.Ф. Яковлев и другие. Скорость процессов, связанных с реализацией национально-языковой политики, была разной. В отдельных регионах, где народы проживали компактно, имели к 1917 г. как минимум зачатки письменности, процесс лингвистического строительства двигался быстрее. В таких мононациональных республиках, как Армения или Грузия, проблем возникало гораздо меньше, чем, например, в Средней Азии. В бывшем Туркестане ситуация была крайне непростой, сначала нужно было провести национально-территориальное межевание (в общих чертах оно было завершено в 1925 г.), чтобы четко понимать, где и какие языковые нормы необходимо вводить. Для образованной части русского населения было зачастую непонятно, чем сарты отличаются от узбеков и таджиков, а казахи – от киргизов. К тому же расселение среднеазиатских народов не имело компактного характера, национальные анклавы присутствовали на территориях других республик. Аналогичная ситуация имела место в Белоруссии и на Украине. Даже для местной интеллигенции были непонятны цели белорусификации и украинизации. Белорусская и украинская речь в республиках не являлась преобладающей среди прочих языков. Отношение к одному из национальных языков в 1920-е годы отразила следующая шутка: «Извините, вы это серьезно или по-украински?» Для придания политического веса двум республикам пришлось даже «прирезать» ряд территорий, в том числе российских. Из-за границы в середине 1920-х гг. были возвращены такие националисты, как М.С. Грушевский, активно включившиеся в процесс «украинизации». Искусственность многих процессов в сфере переустройства национальных отношений в республиках закладывала «мины замедленного действия», которые стали срабатывать во время и после распада СССР.

Вместе с тем, лингвистическое строительство не должно было пониматься как возврат к нормам жизни народов до вхождения в состав Российской империи. Устройство нового общества в представлениях большевиков предполагалось сопровождать качественными изменениями во всех сторонах жизни, в том числе в образовании. Повышение уровня грамотности, возможность разговаривать и писать на родном наречии происходили синхронно с изучением русского языка. Его предназначение, полагали большевики, – объединение народов. Вместе с тем, русский язык обрел функции не только символа единства СССР; для всех нерусских национальных групп он явился основным с точки зрения коммуникации друг с другом, возможности достичь каких-то социальных перспектив. Очевидно, что без общего языка народы не могли контактировать друг с другом в процессе строительства нового общества. Выдающийся советский писатель (киргиз по национальности) Ч.Т. Айтматов отмечал: «Русский язык – объединяющая сила, не на английском же языке я буду говорить с украинцем, грузином, казахом» [Айтматов 2009: Электронный ресурс]. Да и выдвигаться на какие-либо должности в партийно-государственных структурах, в отраслях науки, образования и культуры без владения русской речью было нереальным. Интернационализм стал отличительной чертой советской повседневности. При этом ни в одной из советских Конституций русский язык не был зафиксирован в статусе государственного. В стране провозглашалось лингвистическое равноправие.

С другой стороны, русский язык для разных народов имел не только сугубо утилитарное значение. Важнейшие достижения культуры были зафиксированы на русском языке. Миллионы людей смогли прикоснуться к творчеству Пушкина, Некрасова, Сервантеса, Шекспира. Открывались огромные возможности умножить свой культурный уровень, сделать собственные творческие или научные изыскания достоянием значительного количества людей.

Заключение. Национально-языковая политика в СССР была сложна и противоречива. Необходимо было подготовить многочисленные народы к восприятию коммунистических идей, включить в активное социалистическое строительство. Это было невозможно без новой лингвистической политики, без повышения уровня образования. Десятки народов СССР получили свою письменность, овладели другими национальными языками, в том числе русским, открыв, таким образом, новые социальные перспективы и возможности. Освоение колоссального богатства духовной культуры становилось возможным только при активном изучении родного языка и русского языка, игравшего роль объединителя народов и посредника в достижении задачи овладения достижениями мировой культуры.

Библиография

Айтматов Ч.: Родной язык не забывайте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turklib.ru/articles/chingiz_aitmatovrodnoi_yazyk_ne_zabyvaite.html

Алексеева Е.К., Слепцов Ю.А. Языковая политика в СССР и постсоветский период // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7. – № 6а. – С. 71–79.

Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 155–178.

Гарипов Т.М., Гаркавец А.Н. Национально-русское двуязычие в Урало-Поволжье, Средней Азии и Казахстане // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. – М.: Наука, 1991. – С. 55–65.

Дешериев Ю.Д. Взаимодействие развития языков и культур в развитом социалистическом обществе (важнейшие итоги и перспективы) // Взаимоотношения развития национальных языков и национальных культур. – М.: Наука, 1980. – С. 228–235.

Зак Л.М., Исаев М.И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории. – 1966. – № 2. – С. 3–20.

Нагучев Х.И. Из истории языковой политики СССР и России // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2013. – № 3 (27). – С. 118–125.

Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 5. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1947. – С. 236–263.

Чиркова Н.В. Культура и терроризм: социокультурные аспекты российской истории // Социально-политические кризисы в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. – Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. – С. 186–190.

Чиркова Н.В. Эстетические преобразования и социальное развитие: кое-что полезного из того, о чём писал Маркс // Креативная экономика и социальные инновации. – 2019. – Т. 9. – № 1 (26). – С. 100–109.

Якунин В.Н. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. – Самара: Современник, 2002. – 187 с.

Lewis G.E. Multilingualism in the Soviet Union. The Hague. – Paris: Mouton, 1972. – 332 p.

Раздел 5.

Дискурсивные процессы сферы литературно-художественной коммуникации
в лингвориторической парадигме

Part 5.

Discursive processes in the field of literary and artistic communication from the perspective
of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Фольклор, литература, театр, музыкальное искусство
в научных исследованиях Каныша Сатпаева

Ананьева Светлана Викторовна

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Казахстан
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
кандидат филологических наук, ассоциированный профессор
E-mail: svananyeva@gmail.com

Аннотация. В 1927 г. в Москве с предисловием К.И. Сатпаева был издан один из вариантов эпоса об Едиге. В статье «Выдающееся произведение казахской советской литературы» роман-эпопея М.О. Ауэзова «Путь Абая» охарактеризован как подлинная энциклопедия «всех многогранных сторон жизни и быта казахского народа во второй половине XIX в.». К.И. Сатпаев называет роман-эпопею исключительным явлением в казахской литературе «по широте охватываемого круга тем, глубине и мастерству их художественной разработки» и огромным по ценности научным трудом, который будет привлекать внимание специалистов самых разнообразных отраслей науки. Статья К.И. Сатпаева «О национальном театре Казахстана» (1927) – первая статья о деятельности единственного казахского национального театра в Кызылорде. В научных трудах академика К.И. Сатпаева есть высказывания о Чокане Валиханове, Абае Кунанбаеве, Ибрае Алтынсарине, Жамбыле, Алишере Навои, Рудаки... Пишет он о «Лейли – Меджнун», «Фархат и Шырын», о филологическом наследии Михаила Ломоносова.

Ключевые слова: устное народное творчество, литература, поэма, искусство, театр, роман-эпопея.

УДК 821.512.12

Folklore, literature, theatre, musical art in Kanysh Satpaev's research

Svetlana V. Ananyeva

Institute of Literature and Art named after M.O. Auevov, Kazakhstan
050010 Almaty, Kurmangazy Str., 29
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: svananyeva@gmail.com

Abstract. In 1927 in Moscow Satpayev wrote a preface that was featured in one of the published versions of Edige epic. The article «An Outstanding Work of Kazakh Soviet Literature» characterizes M.O. Auevov's work «Path of Abai» as a true encyclopedia of «all the multifaceted aspects of existence and life of the Kazakh people in the second half of the nineteenth century». K.I. Satpayev calls the epic novel an exceptional phenomenon in Kazakh literature «in terms of the range of topics covered, the depth and mastery of their artistic development» and an enormous scientific work of value that will attract the attention of specialists from various branches of science. K.I. Satpayev's article «On the National Theater of Kazakhstan» (1927) is the first paper about the activities of the only Kazakh national theater in Kyzylorda. Academician K.I. Satpayev expressed his ideas about Shokan, Valikhanov, Abay Kunanbayev, Ibray Altynsarin, Zhambyl, Alisher Navoi, Rudaki. He also wrote about «Leyli – Mejnun», «Farhat and Shyryn» and about the philological heritage of Mikhail Lomonosov.

Keywords: folklore, literature, poem, art, performing arts, epic novel

UDC 821.512.12

Введение. 12 апреля 2019 г. научная общественность Казахстана отметила 120-летие со дня рождения первого президента Академии наук Казахстана, выдающегося ученого-геолога Каныша Имантаевича Сатпаева. Международные научные конференции состоялись в Алматы, Астане, других городах республики. Масштабность личности, энциклопедические знания во многих областях науки, казахского фольклора, литературы, истории, культуры поражали современников первого президента Академии наук Казахстана, академика, выдающегося геолога Каныша Имантаевича Сатпаева. Перед современными учеными стоят задачи систематизации огромного научного наследия К.И. Сатпаева, фундаментальных исследований о его вкладе в развитие производительных сил и науки, в историю геологии. Первый печатный труд буду-

щего академика – статья «Обаган» (1923) связан с художественно-поэтическим миром казахского народа, а автору присущ высокий поэтико-романтический стиль.

Масштабность личности, энциклопедические знания во многих областях науки, казахского фольклора, литературы, истории, культуры поражали современников К.И. Сатпаева. Сохранилась переписка К.И. Сатпаева и В.И. Вернадского, первого президента Академии наук Украины, действительного члена Академии наук СССР, который и рекомендовал президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову геолога К.И. Сатпаева на должность президента Академии наук КазССР.

Находясь в годы Великой Отечественной войны в Боровом, В.И. Вернадский не только работает над рукописями своих книг – завершает «Биосферу» и начинает «Ноосферу» (22 июля Боровое – 15 декабря 1943 г., Москва), но и принимает активное участие в подборе и расстановке руководящих кадров. Именно по его инициативе, как любит рассказывать наш известный современник, государственный и общественный деятель, первый президент телерадиокомпании «Мир» Г.М. Шалахметов, не в Томск, а в Боровое в 1941 г. был эвакуирован основной состав Президиума АН СССР. Президент Академии наук СССР Владимир Комаров написал представление в Правительство КазССР об организации Академии наук Казахской ССР. 1 июня 1946 г. Академия наук КазССР была создана. В июле 1946 г. ее первым президентом был избран К.И. Сатпаев.

Методы. Центральным термином лингвополитической персонологии является термин «языковая личность» политика или ученого, под которым понимается личность, отраженная в созданных ею текстах. Применяя объективно-аналитический, сравнительно-типологический и метод тонального анализа научного и публицистического текста, в статье мы акцентируем внимание на идиостиле ученого-билингва и стилях его высказываний, суждений с применением автором публикаций оценочной лексики.

Обсуждение. Многие труды К.И. Сатпаева создавались на стыке наук и отражали взгляды ученого-геолога на проблемы их развития, в том числе и в гуманитарной сфере. В Москве выходит научное издание эпоса «Ер Едиге» под редакцией и с предисловием К.И. Сатпаева. Представляют большой научный интерес его исследования «Казахские сказки и прибаутки», «Прежние казахские игры», «О национальном театре Казахстана», «Выдающееся произведение казахской советской литературы» (о романе-эпосе М.О. Ауэзова «Путь Абая»), «Ломоносов – основоположник отечественной науки» и др. К.И. Сатпаев ставит проблему поисков жанрового многообразия, многоплановости казахского театра, роста профессионального мастерства, создания казахского балета. В годы Великой Отечественной войны пишет о необходимости стенографической записи сказаний Мурун жырау (Сенгирбаева).

С гордостью дочь ученого, известный литературовед-компаративист Ш.К. Сатпаева рассказывала нам и оставила свои воспоминания о том, что «широко известна научному миру находка К.И. Сатпаевым каменного памятника с надписью о втором походе Тамерлана (1336–1405) в Дешти-кыпчак, в казахскую степь в 1391 г. Найденная К.И. Сатпаевым плита на вершине горы Алтын Шоку, близ Улугтау, хранится в Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге» [Сатпаева 1999: 64]. Цитирую книгу члена-корреспондента НАН РК, доктора филологических наук Шамшиябану Канышевы Сатпаевой «Свет очага», которую храню в домашней библиотеке с автографом автора: «Уважаемой Светлане Викторовне на добрую память. Автор. 1999 год».

Ш.К. Сатпаева систематизирует все сведения, касающиеся трудов К.И. Сатпаева по литературе и искусству. Посетив в 1927 г. юбилейный концерт и спектакль, посвященные открытию в Кызылорде 13 января 1926 г. первого казахского национального театра, в ту пору инженер К.И. Сатпаев пишет статью «О национальном театре Казахстана», в которой, по авторитетному мнению члена-корреспондента АН КазССР Б.Г. Ермакова, дает «профессиональный анализ достоинств и недостатков работы актерской труппы. Статья поражает удивительным проникновением автора в суть и значение театрально-музыкального искусства, намечает его задачи и пути развития». Написанная на казахском языке, эта статья «удивительно проблематична... язык красочен...» [Там же: 65].

Театр, по убеждению К.И. Сатпаева, не только зеркало жизни народа, но и «концентрация богатств, хранитель культурных ценностей, традиций народа» [Там же: 72]. В 1915 г. на одном из поэтических вечеров в Семипалатинской учительской семинарии, программа которого сохранилась, Каныш Сатпаев читал стихотворения Абая Кунанбаева. В Томске в период учебы в технологическом институте студент Каныш Сатпаев изучает историю, литературу и искусство родного народа, создает научный кружок по изучению культуры народов Востока, организует литературные вечера, на которых звучат фактически впервые за пределами Казахстана казахские лирические песни, стихотворения М. Жумабаева.

Научный стиль работ К.И. Сатпаева в трудах, посвященных литературе и искусству, меняется на обильный, возвышенный, поэтический. К редким и практически забытым работам К.И. Сатпаева относит Ш.К. Сатпаева его статьи на казахском языке, отпечатанные арабским шрифтом – «Казахские загадки и прибаутки», «Прежние казахские игры».

Научное издание эпоса «Ер Едиге» под редакцией и с предисловием К.И. Сатпаева (М., 1927) было высоко оценено специалистами за обстоятельный анализ произведения, систематизацию, логически стройную композицию. Стиль К.И. Сатпаева, автора предисловия, логичен, последователен, точен и конкретен. По воспоминаниям Ш.К. Сатпаевой, «в доме отца была большая библиотека, где, кроме книг и журналов по точным наукам, много было собраний сочинений классиков мировой, восточной, западной и

казахской литератур» [Там же: 122]. К.И. Сатпаев знал наизусть поэзию Гете, цитировал роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, любил поэзию М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева.

Высоко ценил К.И. Сатпаев многогранную деятельность М.В. Ломоносова, так как считал, что русская наука в лице этого ученого впервые вышла на мировую арену. «М.В. Ломоносову по энциклопедичности знаний и разносторонности научной деятельности принадлежит одно из первых мест в истории науки и культуры всего человечества. ... Ломоносов был первым русским ученым. В нем с необычайной силой и выразительностью открылись те характерные особенности русского научного гения, которые впоследствии проявились в Н.И. Лобачевском, Д.И. Менделееве, П.Н. Лебедеве, И.П. Павлове, К.Э. Циолковском, И.В. Мичурине и других выдающихся представителях отечественной науки. Глубокий патриотизм, безграничная любовь к своему народу, постоянное стремление всячески содействовать экономическому и культурному прогрессу Родины были основной движущей силой многосторонней деятельности Ломоносова, как и других выдающихся ученых великого русского народа» [Сатпаев 1989: 265].

Систематизируя и обобщая вклад М.В. Ломоносова в российскую науку, К.И. Сатпаев называет его знатоком русского языка, реформатором стихосложения: «...Ломоносов был ученым в поэзии и искусстве, поэтом и художником в науке» [Там же: 272]. Его стихотворения – редкий вид высокой научной поэзии, сопоставимые с поэмой Лукреция «О природе вещей».

Как о талантливом писателе и крупнейшем исследователе пишет академик К.И. Сатпаев о выдающемся прозаике и ученом М.О. Ауэзове, который «посвятил многие годы своей творческой жизни собиранию, изучению и художественному обобщению многочисленных материалов, относящихся и непосредственно к личности великого казахского поэта-гуманиста Абая Кунанбаева, и к людям, окружавшим его, и к эпохе в целом, в которой жил и творил этот великий сын казахского народа» [Сатпаев 1989: 304]. Стиль Каныша Имантаевича в его исследованиях по литературе и искусству логичен, изыщен, образен. Судя по сохранившейся части письма К.И. Сатпаева – М.О. Ауэзову от 9 марта 1925 г., написанного им еще в студенческие годы, многие факты по истории восстания Кенесары Мухтар Омарханович мог использовать при написании драмы «Хан Кене». Более того, сохранившаяся часть письма – «одно из ценных свидетельств их творческих взаимоотношений, человеческих дружественных связей» [Сатпаева 1999: 51].

Эпическое полотно М.О. Ауэзова имеет огромное научно-познавательное значение, представляя, по сути, «и огромный по ценности научный труд». Он развивает и конкретизирует свою мысль далее: «Мимо этой книги не пройдет ни один историк, изучающий прошлое казахского народа; ученый-филолог почерпнет из него богатый материал как из области фольклора, так и из области формирования и становления казахского литературного языка; ученый-этнограф найдет здесь интереснейшие детали жизни и быта, ныне уже ушедшие в прошлое; главы романа, посвященные описанию охоты с беркутом на лисиц, свадебных и поминальных обрядов у казахов, обстановки и картин суда биев, могли бы явиться, каждая в отдельности, законченной научной работой в этнографическом отношении; ученые-экономисты получают яркую и правдивую картину структуры скотоводческого хозяйства Казахстана XIX в., своеобразных форм классово-вой борьбы в нем; ученые-юристы почерпнут здесь ценнейшие сведения о правовой жизни степи – от шариата до суда биев и т.д.» [Сатпаев 1989: 307]. К.И. Сатпаев раскрывает жанровое своеобразие романа, верно называя его произведением историческим.

Заключение. Академик и первый президент Академии наук Казахстана К.И. Сатпаев словно передает эстафету нам и последующим поколениям литературоведов и критиков, уверенный в том, что роман-эпопея М.О. Ауэзова «еще много раз будет исследоваться...»

Литература и искусство были постоянно в центре научных интересов академика К.И. Сатпаева. В его научных трудах, созданных на казахском и русском языках, по многим отраслям гуманитарного знания определены перспективы дальнейшего изучения направлений отечественного литературоведения и искусствознания.

Библиография

- Сатпаева Ш.К. Свет очага. – Алматы: Издательский дом «Казахстан», 1999. – 120 с.
 Сатпаев К.И. М.В. Ломоносов – основоположник отечественной науки // Сатпаев К.И. Избранные статьи о науке и культуре. – Алматы.: Наука, 1989. – С. 264–272.
 Сатпаев К.И. Выдающееся произведение казахской советской литературы // Сатпаев К.И. Избранные статьи о науке и культуре. – Алматы: Наука, 1989. – С. 303–309.

**Дебютный роман Владимира Набокова «Машенька»
как сублимация вынужденного расставания с родиной**

Арукенова Орал Ахметжановна

Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
докторант 1-го курса по специальности «Литературоведение»
E-mail: arukenova@mail.ru

Аннотация. Роман В. Набокова «Машенька» многократно и всесторонне отрефлексирован критиками и литературоведами, но мало рассматривался в психоаналитическом ключе. Тема настоящей статьи – проблема вынужденного расставания с родиной в романе, ее генезис и интерпретация в эпоху тотальной депрессии после Первой мировой войны, а также влияние эстетики модернистских течений на стилистику произведения. Цель статьи – рассмотреть проблему в психоаналитическом контексте, обозначить семантику и функции поэтики, реализующей тему в дебютном тексте писателя.

Ключевые слова: дебютный текст, депрессивное время, модернизм, сублимация, психоанализ.

УДК 821.161.1.0

Vladimir Nabokov's debut novel "Mary" as sublimation of forced parting with the motherland

Oral A. Arukenova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Auezov Institute of Literature and Art
050010 Almaty, Kurmangazy Str., 29
PhD student
E-mail: arukenova@mail.ru

Abstract. V. Nabokov's novel "Mary" has been repeatedly and thoroughly researched by critics and literary theorists who, however, have failed to pay due attention to its psychoanalytical aspect. The theme of the present article concerns the problem of a forced parting with the homeland in the epoch of total depression after the First World War, its genesis and interpretation, as well as the influence of modernist aesthetics on the style of the book. The purpose of the research is to study the problem in the psychoanalytical context, to outline semantics and functions of the poetics implementing the theme in a debut novel.

Keywords: debut text, depressive time, modernism, sublimation, psychoanalysis.

UDC 821.161.1.0

Введение. Тоска по родине, по счастливому детству и юности является лейтмотивом многих произведений Владимира Набокова. Дебютный роман «Машенька» отражает, на наш взгляд, предвидение писателем неминуемой и окончательной разлуки с Россией, где иллюзорность возвращения сведена в художественном исполнении к изгнанию из рая.

Через образ Ганина писатель словно подступает к осмыслению своей идентичности, чтобы раз и навсегда утвердиться в роли эмигранта/изгнанника. Набоков противопоставляет в романе прошлое и настоящее, демонстрируя классический образец хронотопа, по М. Бахтину, согласно которому главной характеристикой является время. Контраст между двумя мирами и есть отправная точка, определяющая другие составные части хронотопа: пространство и событийный ряд [Бахтин 1975: 234].

Берлин как место написания романа, как географическая локация в произведении делает ощутимым еще один важный элемент: историческое время. Трагические последствия Первой мировой войны, аннексия территорий и политическая изоляция Германии по Версальскому договору создают дополнительный фон и погружают нас в драму потерянного поколения.

Материалы и методы. «Депрессивное время», термин российского семиотика и философа В. Руднева, является, на наш взгляд, наиболее подходящим для характеристики метафизики дебютного романа Владимира Набокова [Руднев 2002: 45]. Это термин, по мнению ученого, отсылающий нас к теории времени, разработанной Августином Блаженным и соотносящейся с христианской драмой. Для депрессивного сознания, пишет В. Руднев, «ситуация изгнания из рая воспринимается, прежде всего, как утрата безмятежного райского существования, подобно утрате груди или внутриутробного состояния, как начало трудной безрадостной жизни на земле и как начало течения времени, ведущее с необходимостью к смерти, поскольку смертность была наказанием за грехопадение» [Там же].

Счастливая жизнь в России и совершенно безрадостная картина существования в Берлинском пансионе, описанная Набоковым в романе, более всего напоминает об изгнании из рая и депрессивного пережи-

вания, с ним связанного. Если прошлое главного героя в романе можно сопоставить с раем, то пребывание в эмиграции и есть изгнание.

Как мы знаем из биографии В. Набокова, он рос и воспитывался в богатой аристократической семье, с детства говорил на трех языках и получил лучшее по тем временам образование. У него не наблюдалось психологических проблем и травм до семнадцати лет, пока в России не началась Октябрьская революция 1917 г.: здесь биография автора повторяется в жизнеописании его главного героя Ганина. Согласно теории З. Фрейда о стадиях психосексуального развития индивида, настоящие испытания главный герой Набокова переживает в подростковом возрасте, на генитальной стадии. Это последняя стадия развития, которая формирует в человеке отношение к партнеру, выбор стратегии поведения в сексуальных отношениях [Фрейд 2007: Электронный ресурс].

В своем романе «Машенька» Владимир Набоков описывает как раз события, которые происходят с его главным героем в начале подросткового возраста. Лева влюбляется в Машеньку на каникулах, а потом идет в седьмой класс [Набоков 2004: 42]. Это возраст 13–14 лет, генитальная стадия, которая продолжается до наступления половой зрелости. У индивида начинают выстраиваться сексуальные и агрессивные побуждения, возникает интерес к противоположному полу, а также возрастает осознание этого интереса [Фрейд 2007: Электронный ресурс]. Лева сначала создает образ Машеньки в своем воображении и только потом встречается с ней в реальности. Можно сказать, заранее придумывает и образ, и историю, которые не имеют ничего общего ни с Машенькой, ни с ее ожиданиями. В тот момент, когда Машенька говорит ему: «Я твоя. Делай со мной, что хочешь», Лева понимает, что разлюбил ее, поскольку она уже не вписывается в мир его воображаемого сценария. Это реальность, которая еще не была спроецирована в его сознании, поэтому и вызывает в нем отторжение. Отторжение происходит не вследствие моральной оценки ситуации, а от расхождения воображения и реальности. Наступает переломный момент в отношениях между ними, когда встречаются эти два мира.

В своей книге «Введение в психоанализ» З. Фрейд отмечал, что для формирования идеального характера человек должен брать на себя активную роль в решении жизненных проблем, отказаться от пассивности, свойственной ребенку. Проблема Ганина заключается в том, что он остался на начальном этапе развития подростковой (генитальной) фазы, когда любовь, безопасность, физический комфорт, т.е. все формы удовлетворения, давались легко, и ничего не требовалось взамен. Проблемы данной фазы ведут к проблемам с принятием решений и ответственностью за себя и партнера, что мы и наблюдаем в отношениях Ганина и Ларисы [Там же]. Несмотря на зрелый возраст, Ганин ведет себя, как подросток, он избегает ответственности и зрелых отношений. Он остался в России, остался с Машенькой в романтических отношениях. Как он не может вернуться в Россию, точно так же он не может вернуть и Машеньку. Машенька – это Россия, где осталось его самое счастливое и беззаботное время. Но его судьбу пережил поезд войны, революции, что не позволило ему окончательно повзрослеть.

Незавершенные/прерванные обстоятельствами отношения с Машенькой/Россией, потрясения подросткового возраста: война, эмиграция в Германию как следствие представляют собой повторение незавершенных сценариев и в зрелом возрасте главного героя. Отношение Льва Глебовича к Ларисе романтично и воздушно, как в юности, пока у них не появляется половая связь в таксомоторе. Повторяется ситуация с Машенькой: Левушка потерял к ней интерес, как только возникла возможность половой связи.

Роман «Машенька» во многом отличается от традиционного русского романа начала XX в. В стилистике и композиции текста прослеживаются веяния модернизма.

Модерн как направление в искусстве появился вместе с созданием парового двигателя, символом которого стал поезд. Символизация образа происходит позже в художественной литературе во многом благодаря работам К. Юнга и З. Фрейда. Так, К. Юнг в книге «Психология и поэтическое творчество» разъясняет сюжеты техногенных катастроф как модернизированный вариант мифического единоборства с драконом, а Фрейд в «Толковании сновидений» пишет, что отъезд является воплощением образа смерти; поэтому «сновидения об опоздании на поезд... заключают в себе утешение в испытываемом во сне страхе: боязни умереть» [Фрейд 1997: 27: Электронный ресурс]. Это картина Клода Моне «Вокзал Сен-Лазар», фильм братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». И конечно же, поезд в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Поезд как символ амбивалентен, как и само понятие модерна. Это и предвестник нового и прогрессивного, что несет с собой технический прогресс, но и символ страха растерять консервативные (православные) ценности, как в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Обсуждение. Поезд Владимира Набокова в «Машеньке» более всего напоминает поезд братьев Люмьер. Это громадина, которая вторгается в судьбу Ганина и безжалостно сносит на своём пути сформированные веками ценности и стереотипы. Поезд существует в обеих реалиях главного героя Набокова: в Берлинском пансионе и в мире, сотканном из воспоминаний о России. Если в юности поезд становится лишь предвестником мощной разрушительной силы, то в Берлине он присутствует постоянно, Ганину никуда от него не деться: «Пансион был русский и притом неприятный. Неприятно было главным образом то, что день-деньской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом медленно едет куда-то» [Набоков 2004: 14].

Стиль повествования в романе представляет собой смешение нескольких направлений искусства начала XX в., среди которых ярко выделяется экспрессионизм. Ко времени написания романа Владимир Набоков живет в Берлине уже восемь лет, а Германия является родиной писателей-экспрессионистов.

Экспрессионизм получил развитие в Германии и Австрии как болезненное ощущение и реакция писателей на ужасы Первой мировой войны. А для Набокова это еще и реакция на террор Октябрьской революции, Гражданскую войну и вынужденное бегство из России. Это направление стремилось не столько воспроизвести реальность, сколько передавать эмоциональное состояние автора. Хотя в романе мы не наблюдаем гипертрофированных болевых ощущений, но, погружаясь в повествование, мы чувствуем депрессивность времени, надлом и унижительное мироощущение жителей пансиона, хотя большинство из них еще молоды, полны сил, имеют перспективы.

Литературоведы вполне оправданно относят стиль написания «Машеньки» к «потoku сознания», хотя изложение Набокова не столь обрывистое и деструктурированное, как у Джойса или Пруста. Это более организованный «поток сознания», где свободное перетекание мира реального в мир воспоминаний имеет четкие границы. Модернистской является и композиция, поскольку она лишена событийности классического романа. Кульминация повествования логична как результат рефлексии автора, а не событий, меняющих картину мира главного героя. При этом художественные приемы Набокова, язык романа остаются поэтичными и метафоричными, как в традиционном русском романе.

Элементы символизма, экспрессионизма, «потoku сознания» вкуче с реализмом – основным жанром произведения – и составляют эклектику романа «Машенька». Все эти компоненты органично вплетены в общую канву повествования и являются порождением времени и пространства, в котором проживает автор.

Депрессивный дискурс в искусстве является закономерной защитной реакцией на события окружающего мира и внутренние неразрешенные конфликты личности. Вот что пишет о депрессивной философии времени Д. Хелл: «Только благодаря способности познавать самого себя и судить о себе человек получает возможность обвинять себя, чтобы пережить свою судьбу на депрессивный манер (что отражено в Библии в чувстве вины и страха у первых людей после их изгнания из рая)» [Хелл 1999: Электронный ресурс].

Заключение. Как видим, прошлое в восприятии главного героя романа «Машенька» живее настоящего. Он уходит в прошлое, чтобы защититься от настоящего. Это бесперспективная борьба занимает все ресурсы Ганина, и, в конце концов, он находит силы, чтобы распрощаться с прошлым.

Роман «Машенька» как сублимация трагического прощания Владимира Набокова с Россией представляет собой успешный дебют писателя в мире элитарной литературы. У главного героя Набокова, как и в библейской истории, нет возможности вернуться в рай метафизически. Физическое возвращение еще больше усугубит драму, поэтому Ганин не встречается с Машенькой в конце романа. Рай потерян для главного героя Набокова навсегда.

Библиография

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
 Набоков В.В. Машенька. Роман. – М.: ЭКСМО, 2004. – 608 с.
 Руднев В.П. Характеры и расстройство личности. – М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 272 с.
 Фрейд З. Введение в психоанализ. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/view_global.php?id=8775
 Фрейд З. Толкование сновидений. – М., 1997. – 279 с.
 Хелл Д. Ландшафт депрессии. 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksmad.com/psixiatriya-psixologiya/1121-landshaft-depressii-xell-prakticheskoe-posobie.html>

**«Разговоры в царстве мертвых»: Суворов или Сумароков?
(опыт лексико-стилистического анализа)**

¹Верминенко Юлия Владимировна
²Зверев Сергей Эдуардович

¹Военная академия связи, Россия
194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
доктор социологических наук, доцент
E-mail: verminenko@mail.ru

²Военная академия связи, Россия
194064, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: ser86979392@yandex.ru

Аннотация. Опубликованные в журнале «Ежемесячные сочинения для пользы и увеселения служащие» в 1755 и 1756 гг. два произведения, написанные в жанре «разговоров в царстве мертвых», долгое время приписывались то А.П. Сумарокову, то А.В. Суворову. Исследователями авторства произведений в основном оспаривались устные свидетельства М.М. Хераскова, переданные в разное время И.И. Дмитриевым и С.Н. Глинкой. Неоспоримые свидетельства авторства А.П. Сумарокова одного из произведений, обнаруженные Л.Б. Модзалевским, повлекли не вполне логичные выводы в отношении другого «Разговора». В данной статье впервые проведен лексико-стилистический анализ текстов «Разговоров» и на основании сравнения их с особенностями авторских стилей А.П. Сумарокова и А.В. Суворова обосновано авторство А.В. Суворова «Разговора в царстве мертвых: Кортец и Мотецума».

Ключевые слова: «разговоры в царстве мертвых», суворовский стиль, диалоги Сумарокова, атрибуция.

УДК 81'38

**"Conversations in the Kingdom of the Dead": Suvorov or Sumarokov?
(an attempt at lexical stylistic analysis)**

¹Juliya V. Verminenko
²Sergey E. Zverev

¹Military Academy of Communications, Russia
194064 Saint-Petersburg, Tikhoretsky Ave., 3
Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor
E-mail: verminenko@mail.ru

²Military Academy of Communications, Russia
194064 Saint-Petersburg, Tikhoretsky Ave., 3
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: ser86979392@yandex.ru

Abstract. Being published in the magazine *"Monthly works for the benefit and amusement of employees"* in 1755 and 1756 two works written in the genre of "conversations in the Kingdom of the Dead" have been attributed to A. P. Sumarokov, then A. V. Suvorov for a long time. The researchers into the authorship of the works have mainly disputed M. M. Heraskov's oral testimony, transmitted by I. I. Dmitriev and S. N. Glinka at different times. The irrefutable evidence of A. P. Sumarokov's authorship of one of the works found by L. B. Modzalevsky entailed non-logical conclusion concerning the other "Conversation." It is the first time that this article undertakes a lexico-stylistic analysis of the texts of "Talks" through their comparison with A. P. Sumarokov's and A. V. Suvorov's styles justifying the latter's authorship of "Conversation in the Realm of the Dead: Cortez and Montezuma".

Keywords: "conversations in the realm of the dead", Suvorov style, Sumarokov's dialogues, attribution.

UDC 81'38

Введение. Общеизвестно, что суворовская «Наука побеждать», в частности, знаменитое «Словесное поучение солдатам» являет блестящий образец русской военной риторики. Внимание исследователей неизменно привлекают приказы, директивы, диспозиции великого полководца, написанные ярким, экспрессивным, афористичным языком, породившим понятие «суворовский стиль». Стиль этот, как отмечалось [Зверев 2012], сформировался не сразу, он совершенствовался по мере накопления Суворовым опыта ко-

мандования, знания психологии солдата и офицера и, конечно, оттачивания навыков владения словом. В плане изучения раннего этапа становления стиля А.В. Суворова представляет интерес дискуссионная проблема авторства двух литературных произведений, опубликованных в академическом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» за 1755 и 1756 гг.

Материалы и методы. В работе над статьёй использован метод анализа источников по проблеме исследования, дискурс-анализ, контент-анализ и др.

Обсуждение. Дискуссионность авторства заключается в том, что относящиеся к популярному для конца XVIII в. жанру «Разговор в царствии мертвых между Александром и Геростратом» и «Разговор в царстве мертвых: Кортес (Кортес. – С. 3.) и Мотецума (Монтесума. – С. 3.)» первоначально были приписаны А.П. Сумарокову и опубликованы Н.И. Новиковым в первом собрании сочинений поэта, вышедшем в 1781–1782 гг. В дальнейшем, однако, возникли сомнения, как трактовать подписи под произведениями: «Сочинения А. С.» под первым разговором и «Сочинил С.» – под вторым. Очевидно, что эти инициалы могут принадлежать как Александру Сумарокову, так и Александру Суворову, поскольку известно, что будущий полководец, посещая в период 1755–1756 гг. занятия в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, принимал участие и в заседаниях Общества любителей российской словесности, авторы которого публиковались в «Ежемесячных сочинениях». Надо заметить, что атрибуция произведений, помещенных в «Ежемесячных сочинениях», дело сложное: почти все публикации в первых номерах журнала шли вообще без всякой подписи, кроме переводных сочинений. Редкое исключение: «Ода Петру Великому» (с. 231–243 мартовского номера 1755 г.) подписана полным «титлом»: «Ода сочинена господином полковником Сумароковым». Подпись, очевидно, редакторская, поскольку то была первая публикация Сумарокова на страницах «Ежемесячных сочинений». Неизменная подпись Сумарокова «А. С.» впервые появляется в апрельском номере 1755 г. под переводом сонетов «знатного немецкого стихотворца» Павла Флеминга.

«Разговор в царствии мертвых между Александром и Геростратом» был опубликован в августовском номере 1755 г. сразу после двух сумароковских «Писем к издателю ежемесячных сочинений». Первое письмо подписано традиционно «А. С.», под вторым подписи нет, но после сразу следующего за ним текста «Разговора» значится «Сочинения А. С.». Очевидно, что слово «сочинения» надо в данном контексте рассматривать стоящим не в родительном падеже, а употребленным в форме множественного числа, что заставляет предположить общее авторство второго письма и «Разговора» и уверенно произвести его атрибуцию. Этот простой факт почему-то ускользнул в свое время от исследователей.

История установления авторства «Разговоров» – так в дальнейшем для краткости мы будем именовать оба произведения – насчитывает почти две сотни лет. В дореволюционной России наиболее дотошно библиография по этой теме изучалась П.Н. Симанским [Симанский 1911]; результаты, судя по всему, последнего по времени исследования содержатся в статье Е.Г. Исаченко [Исаченко 2019: Электронный ресурс]. К этим авторам мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Если очень кратко пересказывать суть проблемы, то основанием приписывать «Разговоры» А.В. Суворову являются устные свидетельства М.М. Хераскова, переданные в разное время С.Н. Глинкой и И.И. Дмитриевым. Начнем с последнего.

Пересказ сообщения И.И. Дмитриева содержится в дневнике Франтишека Малевского – близкого друга А. Мицкевича. Запись о вечере у известного издателя Н.А. Полевого от 19 февраля 1827 г. гласит: «О Суворове. Удивлялся (И.И. Дмитриев. – С. 3.), что в памяти остались только его грубые шутки. В произведениях Сумарокова есть напечатанное кое-что его (Суворова. – С. 3.). Херасков уверял Дмитриева, что это принадлежит Суворову... Дмитриев видел написанные его рукою заметки о Горации, Гомере» [Цявловская 1952: 266]. Обратим внимание: напрямую в сообщении о «Разговорах» речи не идет. Отождествлять ничего не значащие словечки *кое-что* и *это* с «Разговорами» нет никаких оснований; с таким же успехом можно приписывать Суворову *любое* произведение Сумарокова. К тому же воспоминание Дмитриева о свидетельстве Хераскова прозвучало спустя 20 лет после смерти последнего в 1807 г., когда поэту было ни много ни мало 74 года – возраст по меркам начала XIX в. более чем солидный. Сам Дмитриев в своих записках не раз упоминает о восьмом десятке как о «глубокой старости» [Дмитриев 1866]. Самому Дмитриеву в описываемый период было 67 лет – стоит ли не критично принимать неясное свидетельство одного старца в пересказе другого – вопрос, как представляется, риторический.

Последний тезис находит косвенное подтверждение при разборе свидетельств С.Н. Глинки. В 1841 г. он весьма настойчиво утверждал, что «Николай Иванович Новиков, издавший по смерти А.П. Сумарокова полное собрание его сочинений, по ошибке поместил там два разговора Суворова в царстве мертвых; разговор *Кортеса с Монтезумою* и Александра с Геростратом, напечатанные 1756 года в ежемесячных Академических изданиях под буквами А. С., т.е. *Александр Суворов*. М.М. Херасков (курсив везде автора. – С. 3.) рассказывал мне, что он, Сумароков и Елагин¹ делали свои замечания, когда Суворов читал им те свои разговоры» [Глинка 1841: 11]. Бросаются в глаза явные неточности: разговор Александра с Геростратом был напечатан в августовском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г., а разговор Кортеса с Монтезумой, опубликованный в октябре 1756 г., подписан только одним инициалом «С.». На склоне лет – в 1841

¹ Елагин И.П. (1725–1794) – историк, поэт и философ.

году Глинке было 74 года – память его, видимо, подводила, иначе как объяснить расхождения данного сообщения с содержанием значительно более раннего свидетельства по этому вопросу: «...известно, что в бытность свою в кадетском корпусе Суворов занимался словесностью. Разговор его Монтезумы с Кортесем напечатан в полном собрании творений Сумарокова, по причине сих букв: А... С... под ним означенных. Покойный Михайла Матвеевич Херасков уверял меня, что сей «Разговор» действительно сочинен Суворовым, который еще вчерне давал ему оной для прочтения» [Русский вестник 1809: 344]. Как видим, и здесь не обошлось без неточности в подписи к упомянутому «Разговору» – С.Н. Глинка был, скорее, общественным деятелем, а не ученым, – и к деталям и фактам он относился достаточно вольно; характерно, что в аннотации к тексту 1841 г. эпизод с авторством озаглавлен «Анекдот о Суворове М.М. Хераскова».

Значительно более важно, что из свидетельства, опубликованного в 1809 г., всего через два года после смерти Хераскова, явствует, что перу Суворова принадлежит только один разговор, а именно разговор Кортеса с Монтесумой, черновик которого и был представлен предполагаемым автором Хераскову. Этот факт подкрепляется обнаружением серьезным ученым Л.Б. Модзалевским рукописи разговора Александра Великого с Геростратом, принадлежащей А.П. Сумарокову. Сообщение об этом вместе с фотокопией рукописи, подготовленной для печати в «Ежемесячных сочинениях» с пометкой на титульном листе Г.А. Миллера: «В Сочинения месяца августа 1755 году», стало достоянием научной общественности в 1947 г. В своей докторской диссертации Л.Б. Модзалевский торжествуя, не слишком обременяя себя научным этикетом, заявлял: «Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» принадлежит не Суворову, а Сумарокову... Поэтому можно утверждать, что и второй «Разговор», Монтеца (так в тексте, читай, *Кортеса*. – С. 3.) с Монтесумой, также принадлежит не Суворову, а Сумарокову. С.Н. Глинка, таким образом, окончательно разоблачается как «ничего не знающий и полувывживший из ума болтун», по правильной характеристике Г.А. Гуковского¹. С другой стороны, неверно и воспоминание И.И. Дмитриева, сообщенное им Н.А. Полевому. Просуществовавшая в литературе с легкой руки С.Н. Глинки около 150 лет легенда теперь окончательно развеяна, как ни на чем не основанная» [Модзалевский 2011: 98].

Интересная, однако, логика: если доказано, что один «Разговор» не принадлежит Суворову, то почему и в отношении второго автоматически выносятся столь безапелляционный вердикт? Только на основании дискредитации надежности С.Н. Глинки как источника? Но этого явно недостаточно. Глинка мог ошибаться в отношении авторства первого «Разговора», но эта ошибка вполне могла быть ненамеренной ошибкой памяти, вызванной распространением «по смежности» со свидетельства Хераскова об авторстве второго диалога. Достоин удивления, что до сего времени никто не удосужился провести лексико-стилистический анализ текстов обоих «Разговоров», прежде чем выносить суждения и делать окончательные выводы.

Обратимся сначала к тексту разговора Александра Великого с Геростратом: «...ты для славы своей сделался злодеем всего мира» [Сумароков 1841: 258], – бросает Александру упрек Герострат, и далее он же нагло констатирует: «...оба мы основанием дел наших имели тщеславие» [Там же: 259]. Последние слова Суворова были «Всю жизнь я гонялся за славой – все мечта...» Ощущение тщеты славы пришло к полководцу только на смертном одре; в устах двадцатипятилетнего офицера подобная сентенция звучала бы более чем странно. Александр Македонский для Александра Суворова был не только олицетворением воинской доблести, но и идеалом человека. В письме к И.О. Курису, например, Суворовым были упомянуты две «стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству» [Пигарев 1946: 89] книги об Александре, которые он рекомендовал своему адресату для воспитания: «Историю о Александре Великом, царе македонском» Квинта Курция и греческий роман «Александрия: жизнеописание Александра Македонского», популярный еще со времен Древней Руси. У Квинта Курция глава 15 книги 10 второго тома содержит настоящий панегирик Александру. Последнее сочинение вообще христианско-нравоучительного характера – на его страницах Александр получает благословение на персидский поход в Иерусалиме от пророка Иеремея-Еремея, который снабжает полководца камнем с именем Бога Саваофа, который носил-де на шлеме Иисус Навин, и другое легендарное по силе оружие. Так что уравнивание и даже простое сравнение в основаниях деяний великого царя и ничтожного вандала-поджигателя звучало бы кощунственно для Суворова.

Напротив, Сумароков совершенно не чурался таких коллизий. В стихотворении, написанном, по свидетельству С.Н. Глинки, около 1736 г., в период нахождения Сумарокова в Сухопутном кадетском корпусе, вспоминая о завоевателе Македонском, поэт говорит:

*Сын гордости, сует любитель!
Тебя мечта, побед ловитель,
В страны индийския звала;
Тебя, покоя разоритель
Тщета – в край света завела.
Когда бы смерть не опоздала*

¹ Гуковский Г.А. (1902–1950) – советский литературовед, филолог, специалист по русской литературе XVIII в.

*Скончат твой век, земля бы стала
Театром греческих темниц.
В порывах гордости, ты б вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ* [Глинка 1841: 41].

Как видим, упреки Александру в губительстве и тщеславии почти совпадают с теми, которые позднее бросает царю Герострат в «Разговоре». Глинка пишет, что «и в этих опытах видна уже зрелая мысль и новый слог, им (Сумароковым. – С. 3.) самим изобретенный» [Там же], так что отношение поэта к великому завоевателю сформировалось, очевидно, задолго до написания им разговора Александра с Геростратом.

«Оды духовныя» А.П. Сумарокова, напечатанные в сентябрьском номере 1755 г., также имеют немало общего с разговором Александра с Геростратом. Текст оды, написанной на книгу Сирахову, содержит такие пассажи:

*То помни, что твой краток век,
Что ты и в славе человек,
Что наг пришел ты из утробы,
И насыщаясь здешних благ,
Опять отсель ты будешь наг:
Богатства не берут во гробы.
* * **

*Тогда погибнет та хвала,
Котору грубо леств плела
И плоть червям отдастся в пищу.
Вносятся; только не забудь,
Что всем не обходим сей путь,
Царю, рабу, богату, нищу* [Там же: 47].

Царь и раб, богач и бедняк здесь фактически уравниваются перед лицом смерти, как и в «Разговоре» Александр приравнен к Герострату. Схожий подход характерен и для последующих четырех произведений Сумарокова, написанных в жанре разговоров в царстве мертвых, публиковавшихся в журнале «Трудолюбивая пчела»: слуга уравнивается с господином, да еще и воздвигает на того нападки, низкопоклонник с высокомерным и т.д. Диалог Александра с Геростратом – это, собственно, и не «разговор», с обязательным для этого жанра морализаторством и определенным итогом – обличением нечестия и порока, – это, скорее, пикировка на равных, где злодеями в равной степени выступают оба собеседника, только один из них цинично принимает на себя это имя без возражений, а второй пытается опровергнуть шокирующее его «родство душ».

Поговорим теперь о слоге «Разговоров». Все более поздние диалоги Сумарокова менее назидательны, нежели «Разговор в царстве мертвых: Кортес и Мотецума», которому предпослан тяжеловесный эпиграф «Благость и милосердие потребны героям»; они легки, язвительны и остроумны. Максимальная длина реплики в диалоге Александра с Геростратом – 69 слов; основная масса реплик укладывается в 1–2 строки. Разговор Кортеса и Монтесумы более многословен. Одна из самых коротких реплик содержит 50 слов, остальные в несколько раз ее превосходят: в одной реплике, например, соседствуют фразы, насчитывающие 135 и 156 слов!

Как указывал академик В.В. Виноградов, «языковая деятельность Сумарокова может служить иллюстрацией разрушения в системе литературного языка структуры высокого слога и все большего влияния средних стилей, близких к бытовому просторечию» [Виноградов 1938: 129]. Того же мнения придерживалась другой советский исследователь языка А.П. Сумарокова: «Анализ его произведений показывает, что он обычно придерживался порядка слов, присущего разговорной речи» [Мартыновская 1953: 13] и далее: «Часто он пишет, как говорит» [Там же: 15]. То же признавали и современники Сумарокова: Глинка полагал, что Ломоносов и Сумароков изобретали слог новой словесности; И.И. Дмитриев свидетельствовал об «игре остроумия» поэта, который «нравился более своей легкостью и разнообразием» [Дмитриев 1866: 33]. «Ясная истина не требует обширности» [Пигарев 1946: 20] – эти слова самого Сумарокова, как и его восклицание: «...о музы, дайте познавать писателям истинное красноречие и наставьте наших пиитов убегаги пухлости, многоглаголания, тяжких речений» [Там же: 137], – ясно свидетельствуют в пользу его авторства разговора Александра с Геростратом, даже если рукопись «Разговора» и не была бы обнаружена Л.Б. Модзалевским.

Данные наблюдения одновременно сильно противоречат стилю разговора Кортеса с Монтесумой, который, по сути, представляет собой грамотный анализ военной кампании Кортеса по завоеванию Мексики, ориентированный на разбор ошибок неприятеля, как сказали бы сейчас, в морально-психологическом обеспечении боевых действий. История здесь, как отмечает Н. Марчиалис, «материализуется в датах, названиях мест и описаниях сражений» [Марчиалис 1986: 117]. Причем текст «Разговора» очень перегружен *тяжкими речениями*: нанизыванием обстоятельств, цепочками риторических вопросов, характерными для не очень хороших образцов официально-делового стиля Петровской и даже допетровской эпохи.

Талантливый исследователь жизни и творчества А.В. Суворова К.В. Пигарев отмечал: «Язык Суворова представляется архаичным... Порою кажется, что слышишь речь человека Петровской эпохи» [Пигарев 1946: 85]. Для языка Суворова как человека военного характерно широкое употребление военных терминов, которые «привились к языку Суворова вместе с изучением воинского устава и воинских артикулов. Он впервые услышал эти слова из уст своего отца, из уст арапа Ганнибала и других «птенцов гнезда Петрова» [Там же]. Другой особенностью стиля Суворова Пигарев считал наличие просторечных выражений: «Суворов всегда пользовался просторечной формой родительного падежа множественного числа существительных среднего рода, оканчивающихся на «ие»: «ухищрениев», «украшениев», «обучениев»; он пишет также «войски», а не «войска», «письмы», а не «письма» (в именительном падеже множественного числа)» [Там же: 66].

Ничего из перечисленного выше мы не найдем в разговоре Александра с Геростратом. Зато в разговоре Кортеса с Монтесумой военные термины «генерал», «капитан», «комендант», «гарнизон», «крепость», встречаются рядом с просторечными формами «немилосердиев», «завоеваниев» (в родительном падеже множественного числа), «стражи», «горлы» (в именительном падеже множественного числа). В разговоре Александра с Геростратом деепричастия употребляются без устаревающего окончания «ши»: «разрушив», «выплыв», но в разговоре Кортеса с Монтесумой так и сыплются «узревши», «повелевши», «призвавши», «обменявши», «победивши», «выступивши», «взволновавши», «вошедши». Кроме того, текст этого «Разговора» переполнен всякими «онными», «токмо», «паче», «яко» и проч. – своеобразным архаичным «канцеляритом» первой половины XVIII в.

Небезынтересно, что в 1756 г. (году публикации разговора Кортеса с Монтесумой) Суворов служил в Военной коллегии на сугубо тыловых должностях: обер-провиантмейстером (начальником продовольственной службы, как сказали бы сейчас) и генерал-аудитор-лейтенантом (или заместителем начальника военной юстиции, в современных терминах). Стиль этого «Разговора» очень напоминает язык столонья начальника военного ведомства (по обилию деепричастных оборотов) и одновременно «дознание» судейского чиновника (по обилию риторических вопросов).

Заключение. Выводы, на наш взгляд, достаточно очевидны. Приписывать «Разговор в царстве мертвых: Кортес и Мотецума» авторству А.П. Сумарокова нет оснований. Судя по отмеченным выше лексико-стилистическим особенностям «Разговора», учитывая, что в 1755–1756 гг. в Обществе любителей российской словесности, кроме А.В. Суворова, не было авторов с инициалом «С.» (если, конечно, исключить из рассмотрения секретаря Общества П.С. Свистунова), следует присоединиться к мнению Н. Марчиалис и с определенной уверенностью полагать, что данный «Разговор» принадлежит перу полководца. Становится понятным как то, какие замечания по тексту могли делать Александру Васильевичу его более маститые собраты Сумароков, Херасков и Елагин, так и то, почему впоследствии сам Суворов отнюдь не стремился отстаивать свои авторские права на это произведение. С этой точки зрения «Разговор в царстве мертвых: Кортес и Мотецума» представляет ценность в качестве первого литературного опыта Суворова, иллюстрации начального периода становления личного риторического стиля великого полководца.

Библиография

- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М., 1938.
 Глинка С.Н. Очерки жизни и избранные сочинения А.П. Сумарокова, ч. 1. – СПб., 1841.
 Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В 3-х ч. Т.1, кн. 1. – М. 1866.
 Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетея, 2012.
 Исаченко Е.Г. Разговоры в царстве мертвых А.П. Сумарокова // Санкт-Петербургский государственный университет. Филологический факультет. Кафедра истории русской литературы. Семинар «Русский XVIII век» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.libed.ru ...peterburgskiy-gosudarstvenniy...fakultet...](http://www.libed.ru...peterburgskiy-gosudarstvenniy...fakultet...) (дата обращения – 12.09.2019).
 Мартьяновская-Молчанова М.К. Теоретические воззрения А.П. Сумарокова на грамматический строй русского языка и их отражение в языке его произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1953.
 Модзалевский Л.Б. М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 380 с.
 Пигарев К. Солдат-полководец. Очерки о Суворове. – М.: ОГИЗ, 1946.
 Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе А.П. Сумарокова. Ч. IX. – М., 1781.
 Русский вестник. Ч. VII. № 9, сентябрь. – 1809.
 Симанский П.Н. Опыт исследования суворовской литературы // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Кн. 1. – 1911.
 Цявловская Т. Пушкин в дневнике Франтишека Малевского // Литературное наследство: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Т. 58. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.
 Marcialis N. Due “dialoghi nel regno dei morti” tra Suworov e Sumarokov // Europa Orientalis 3. 1984. – P. 113–123.

Фрагменты произведений Л.Н. Толстого как подготовительный этап к экскурсии в Ясную Поляну

Добренькова Зинаида

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 9/11
магистрант 2 курса
E-mail: dobrdobr88@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются преимущества использования фрагментов произведений Л.Н. Толстого на занятиях с иностранными студентами, изучающими русский язык, в качестве одного из эффективных способов подготовки к экскурсии в Ясную Поляну. Анализируются тексты писателя, с помощью которых можно предварительно познакомить учащихся с образом усадьбы, ее местом в жизни и творчестве автора, а также расширить знания учащихся в области страноведения, сформировать лексическую базу для экскурсионного дискурса.

Ключевые слова: Толстой, Ясная Поляна, текст, русский язык как иностранный, экскурсионный дискурс.

УДК 378:821.161.1.0

Excerpts from L.N. Tolstoy's works as a preparatory stage for an excursion to Yasnaya Polyana

Zinaida Dobrenkova

Saint Petersburg State University, Russia
199034 St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 9/11
Master Student
E-mail: dobrdobr88@gmail.com

Abstract. The article discusses the advantages of using excerpts from L.N. Tolstoy's works in classes with foreign learners of the Russian language as an effective way to prepare them for an excursion to Yasnaya Polyana. The author analyzes L. Tolstoy's texts introducing the image of the estate to the students, its place in the life and work of the writer, as well as expanding the students' knowledge in the field of country studies and forming a lexical base for the excursion discourse.

Keywords: Tolstoy, Yasnaya Polyana, text, Russian as a foreign language, excursion discourse.

UDC 378:821.161.1.0

Введение. Ясная Поляна является своеобразным местом паломничества поклонников творчества и философии Л.Н. Толстого. Среди таких поклонников есть и иностранные граждане, в том числе иностранные студенты, изучающие русский язык и русскую культуру. Чтобы сделать посещение экскурсии более продуктивным, а новую информацию более понятной и запоминающейся, мы предлагаем проводить подготовительную работу по текстам писателя перед посещением, что может стать эффективным методом кооперации литературы и искусствоведения в достижении общей цели – комплексного ознакомления с изучаемым предметом, в данном случае с усадьбой Ясная Поляна.

Материалы и методы. В статье используются тексты художественных произведений Л.Н. Толстого, письма и дневники писателя; а также работы специалиста по методике преподавания иностранного языка Е. Пассова. Для представления материала были использованы описательный и аналитический, сравнительно-сопоставительный методы и метод дискурсивного анализа.

Обсуждение. Изучение иностранного языка невозможно без обращения к культуре его носителей. Все больше преподавателей, работающих в сфере РКИ, придерживаются тезиса, предложенного Е.И. Пассовым: «Знаниецентрическая парадигма должна быть заменена культурообразной» [Пассов 2009: 23]. Посещение культурно значимых мест, таких, например, как Ясная Поляна, должно популяризироваться в обучении РКИ и применяться как один из основных способов знакомства с культурой страны изучаемого языка. Однако посещение музеев, различного рода экскурсии – это только часть возможного погружения иностранца в культуру изучаемого языка. Еще одним важным источником культурного образования является литература. Литературные произведения помогают иностранцу познакомиться с особенностями менталитета представителей изучаемой культуры, с их ценностными ориентирами. Эти два направления можно успешно кооперировать для достижения эффекта наиболее полного погружения, которое занимает очень важное место при изучении иностранного языка. Знания, передающиеся через погружение в ситуацию, попадают в долговременную память. Психологи объясняют это явление объединением умственного и эмоционального опыта.

Так, например, чтение фрагментов произведений Л.Н. Толстого, связанных с Ясной Поляной, может стать подготовительным этапом к непосредственной экскурсии в родовое имение Толстых. В этом случае студенты, познакомившись с образом Ясной Поляны через произведения, могут не только сформировать общее представление о ней, но и глубже понять значимость ее в жизни и творчестве писателя, проникнуться этим местом «изнутри», через восприятие самого Толстого, увидеть ее так, как видел он, а также выявить особенности восприятия Толстым концептов *дома, усадьбы, деревни*. Подготовленному слушателю намного легче воспринимать новую информацию и участвовать в экскурсионном дискурсе.

Занятия по изучению текстов, связанных с образом Ясной Поляны, мы рекомендуем начать с вводной части, знакомя обучающихся с основными вехами биографии писателя и с краткой историей имения (более подробную информацию они получают во время экскурсии). Усадьба стала собственностью Льва Николаевича Толстого в 1847 г. Ясная Поляна постоянно меняла ландшафт: в ней была устроена оранжерея, высажены фруктовые сады, разрослись постройки усадебного дома. Уезжая на время то в Москву, то на Кавказ, то в Казань, писатель постоянно возвращался в родное имение. Толстой родился в Ясной Поляне, здесь он прожил больше пятидесяти лет. За долгие годы усадьба срослась с личностью Толстого. Она была не только любимым и родным местом, она давала ему богатейший материал для писательской работы (образы крестьян, пейзажи, деревенский образ жизни), была неиссякаемым источником вдохновения и мысли. Почти все самые важные произведения были написаны в Ясной Поляне; многие сцены, образы, сюжетные элементы были связаны с усадьбой, но среди всего многообразия произведений есть и такие, в которых Ясная Поляна нашла непосредственное отражение, стала прототипом основного места действия ли даже самостоятельным образом.

Одним из первых таких произведений можно считать повесть «Утро помещика» («Роман русского помещика», 1856). Произведение стало отражением волновавших в то время Толстого вопросов взаимоотношения помещика и крестьян, проблемы крепостного права, возможных ее решений. Необходимо обратить внимание учащихся на то, что в данной повести Ясная Поляна отражается, скорее, не внешне, пейзажами и зарисовками, а внутренне, идейно, т.е. перед нами раскрывается ее душа с бедными деревеньками, с простыми жителями. Это выводит нас на исторические факты, которые знакомят с эпохой, т.к. именно из таких имений и деревень состояла вся Россия. В повести «Утро помещика» и в «Романе русского помещика» упоминается много реальные топонимы, относящихся к Ясной Поляне и близлежащим землям: деревни Воробьевка, Кочаки, Телятинки, Кочаковская церковь и т.д.

Необходимо, конечно, уделить внимание главным произведениям. Ясная Поляна, ее природа, усадьба присутствуют почти во всех крупных произведениях писателя. Автобиографическая линия в романе «Анна Каренина» представляет собой искания Левина, которые приводят героя к реализации себя как помещика, занимающегося благоустройством имения и быта крестьян. В романе присутствуют такие локусы Ясной Поляны, как например, Калиновый луг: «С вечера Константин Левин пошел в контору, сделал распоряжение о работах и послал по деревням вызвать на завтра косцов, с тем чтобы косить Калиновый луг, самый большой и лучший» [Толстой 1981: 274–285]; река Воронка: «Из частого лесу, где оставался еще снег, чуть слышно текла к реке извилистыми ручейками вода. Мелкие птицы щебетали и изредка перелетали с дерева на дерево. В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли и от росту трав» [Там же: 181].

В романе «Война и мир» Ясная Поляна представлена пейзажами Лысых Гор, где встречаем «перспект» (березовая аллея, находящаяся напротив въезда в усадьбу), оранжерею, липовые аллеи и каменные ворота. Образ села Богучарова также является своеобразным отражением Ясной Поляны: «В окрестности Богучарова были все большие села, казенные и оброчные, помещичьи. Живущих в этой местности помещиков было очень мало, очень мало было также дворовых и грамотных, и в жизни крестьян этой местности заметнее и сильнее, чем в других, те таинственные струи народной русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников» [Там же: 151]. В трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» Ясная Поляна воплощается в образе дома Иртеневых в Покровском и т.д.

Образ земли всегда тесно связан с образом народа. Жизнь в Ясной Поляне приблизила писателя к пониманию народа, который веками пытались понять многие русские писатели, историки и философы. В какой-то степени Толстому это удалось. Истину писатель видел именно в приобщении к народной жизни, в сближении с ним, в «опрощении». Этот важный для понимания философии Толстого факт можно взять в качестве основного направления работы с материалами.

Однако с крупными произведениями не всегда удобно работать в иностранной аудитории. В этом случае для анализа предлагается использовать рассказы и повести, небольшие по размеру, но в которых мы так же можем увидеть картины из мира Ясной Поляны («Святочная ночь» 1853, «Идиллия» 1861, «Дьявол» 1889) и отрывки из писем и дневников писателя. Мы предлагаем сосредоточиться именно на них, т.к. они удобны и в отношении размера, и в отношении интерпретации.

Приведем некоторые фрагменты текстов, которые можно использовать для работы: «Едешь после заката солнца лугом рысью, росистый холод в лицо... Проезжаешь по тому месту, где прошло стадо, так и пахнет запахом бычка, который с белыми кружками около глаз, слюнявя ест из рук хлеб с солью» [Толстой: Электронный ресурс]. Этот отрывок из записной книжки из периода молодости писателя (1956) по-

казывает его трепетное отношение к родным местам и знакомит студентов с некоторой специальной лексикой деревни: поле, луг, рысь, росистый, бычок.

В дневниках последних лет (1900-е гг.) находим следующие строки: «Засечные леса – излюбленные места прогулок. Гулял по заказу, чудное утро. До умиления трогает природа: луга, леса, хлеба, пашни, покосы» [Толстой 1981: 27]. Запись сделана почти через пятьдесят лет. И мы видим, что любовь к родным местам не только не исчезла с годами, но и стала только глубже.

Данные отрывки можно анализировать в иностранной аудитории, объясняя географические особенности местности: лес, поля, пашни, ручейки и т.д., знакомя студентов с устройством, образом жизни русского имения, с характером взаимоотношений помещиков и крестьян и особенностями отношения Толстого к народу.

Через образ усадьбы у Толстого часто отражается мысль единения простого человека и природы как основа гармонии: «Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра» [Толстой 1979: 21].

Многие фрагменты не только представляют картины яснополянкой природы или деревенской жизни, но и рассказывают о привычках и пристрастиях писателя: «Я сейчас после обеда, в пять часов, поехал в Судаково и оттуда Засекой на пчельник... Больше шел пешком, радуясь на красоту... Трава уже с четверть, фиалки отцветают, рожь идет в трубку, овсы зеленые кое-где, осина и ранний дуб одеваются. Тепло, влажно, соловьи, кукушки» [Толстой: Электронный ресурс]. В данном отрывке письма к супруге не только находим многообразие лексики флоры и фауны сельской местности, но и узнаем, что писатель любил ходить пешком: Толстой мог пройти около пятнадцати километров пешком и даже имел необычную палочку-стульчик, которую мог разложить и отдохнуть, устав в пути. Не каждый желающий физически мог сопровождать его. Упомянув такие любопытные факты, преподаватель стимулирует желание студентов увидеть эти места и вещи собственными глазами.

С помощью писем можно представить еще один важный факт из жизни писателя: «Я теперь вот уже шестой день кошу траву с мужиками по целым дням и не могу вам описать не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю» [Там же]. Писатель регулярно работал в поле вместе с *мужиками* (лексема тоже нуждается в объяснении). Непосредственно на экскурсии учащимся будут представлены места, где это происходило.

Из отобранных для анализа отрывков узнаем еще об одном пристрастии писателя – любви к лошадям: «Чудное утро: с одной стороны лошади рассыпаются по лугу, с другой стадо идет мимо посадки, с третьей бабы с песнями идут на работу. Вода чистая, лошадь милая, добрая, работа приятная, ну редко я испытывал такое удовольствие» [Толстой 1938: 83]. В связи с этим можно упомянуть, что у писателя даже был свой собственный конный завод.

После такого «документально-дневникового» ознакомления с усадьбой можно перейти к анализу повестей. Рекомендуется проанализировать несколько эпизодов, отрывков из текстов повестей на фоне краткого обзора их содержания. Можно выстроить последовательность анализа по биографической линии, с учетом углубления понимания внутреннего мира писателя.

В повести «Святочная ночь» Толстой противопоставляет жизнь города и деревни – один из популярных в литературе приемов. Однако это противостояние стало в свое время серьезным испытанием для молодого писателя: «Весна. Вечер. Я в саду на любимом месте покойной матушки, около пруда в березовой аллее... Месяц тихо плывет по подернутому прозрачными облаками небу, ярко отражается вместе с освещенными им облаками в зеркальной поверхности тихой воды пруда... За прудом, в глуши сросшихся деревьев, громко слышится звучная песня соловья» [Толстой 1978: 381–382]. Картины природы спокойной, прекрасной, чистой представляются в повести после описаний суетливой, скучной, порочной городской жизни, в которой главный герой, молодой человек, теряет себя и свое достоинство.

В повести «Идиллия» деревня становится главным местом действия, где разворачивается далеко не «идиллическая» жизнь героев: «Сено сырое, зеленое еще пахучее. Постелил армяк, лег... Там из лесу бабы кричат, смеются. Дымок доносится ветерком. А на небе чисто, чисто, звездочки дрожат. Лег навзничь, как ни устал, стал на звезды смотреть. За леском затихло все» [Толстой 1979: 416].

Встречи всех героев, влюбленных в главную героиню – красавицу Маланью, происходят то в лесу на тропе, то в поле за работой, то возле оранжереи, где свидание героине назначает сам барин (снова появляется образ оранжереи, которая была особенно дорога писателю, т.к. была связана с семейной традицией: на ее месте был сначала дедовский сад с фруктами, ягодами, и цветами, впоследствии оранжерея сгорела, после чего Толстой восстановил на ее месте теплицу, которая снабжала дом овощами и цветами). Кроме притягательного образа русской крестьянки, в этой повести нам представлен конфликт, имевший биографические черты: замужняя крестьянка терпит притязания барина.

Это тема развивается и достигает своего апогея в повести «Дьявол», где герой, как и сам писатель, бросает городскую жизнь, поселяется в деревне: «И вот Евгений, съездив весною в имение и осмотрев все, решил выйти в отставку, поселиться с матерью в деревне и заняться хозяйством» [Толстой 1981: 212] и вступает в связь с замужней крестьянкой, к которой испытывает неконтролируемое влечение.

В повести встречаем много яснополянских зарисовок: «Случилось ему раз зайти в лесную караулку. Сторожом был бывший охотник отца» [Там же: 214], «Евгений поддерживал с большим напряжением и

сад, и оранжерею с двумя садовниками, и конюшню с двумя кучерами» [Там же: 218], «Место, где можно было сойтись, это был лес, куда бабы ходили с мешками за травой для коров. И Евгений знал это и потому каждый день проходил мимо этого леса» [Там же: 241].

И наконец, самое загадочное место в усадьбе – место, где сейчас находится могила писателя. Услышав от старшего брата легенду о зеленой палочке, Толстой настолько проникся этой идеей, что даже просил похоронить его в лесу за оврагом, где якобы она закопана: «Как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает». [Толстой 1952: 387] Завещание писателя было исполнено, и могила находится в лесу, на краю оврага.

Заключение. Таким образом, все предложенные фрагменты писем, дневников, произведений писателя складываются в общую картину, многогранный, целостный образ усадьбы. Знакомство с Ясной Поляной осуществляется через погружение в ситуацию, поэтапно: сначала через отражение ее образа в творчестве и письмах писателя, впоследствии на самой экскурсии. Подготовленный слушатель имеет больше возможностей в успешном восприятии, усвоении, анализе и запоминании информации.

Библиография

- Пассов Е.И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. – СПб.: Златоуст, 2009. – 125 с.
- Толстой Л.Н. Анна Каренина // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 8. – С. 7–477.
- Толстой Л.Н. Война и мир // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 7. – С. 9–643.
- Толстой Л.Н. Дневники, записные книжки и отдельные записки 1900–1903 гг. // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 54. – С. 13–167.
- Толстой Л.Н. Дьявол // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 12. – С. 211–255.
- Толстой Л.Н. Записная книжка 1856–1857 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1854-1857/zapsnaya-knizhka-1856-1857/htm> (дата обращения – 20.11.2019).
- Толстой Л.Н. Набег // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 2. – С. 7–32.
- Толстой Л.Н. Письма и дневники. – М.: Гослитиздат, 1952. – 456 с.
- Толстой Л.Н. Письмо к Урусову [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma//1863-1872/letter-231/htm> (дата обращения – 20.11.2019).
- Толстой Л.Н. Святочная ночь // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1978. – Т.1 – С. 362–382.

Текст как лингвокультурный феномен (на материале русских народных сказок)

¹Емельянова Елена Владимировна
²Тукеева Айгуль Кабдушевна

¹Казахско-Русский Международный университет, Казахстан
030000, Казахстан, г. Актобе, ул. Айтеке-би, 52
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: jemeljanowa@mail.ru

²Казахско-Русский Международный университет, Казахстан
030000, Казахстан, г. Актобе, ул. Айтеке-би, 52
магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
E-mail: aigulya2376@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает текст сказки как своеобразный лингвокультурный феномен, способствующий не только эффективному формированию лексического запаса, но и усвоению этнокультурных и общечеловеческих ценностей, проецированию их на реальную действительность. Использование текстов народных сказок на уроках русского языка и литературы способствуют как самообогащению, так и интегрированию этнокультур в единую мировую культуру.

Ключевые слова: лингвокультурология, этнокультурная реальность, лингвокультурный феномен, код культуры, интеграция культур, культурный полилог.

УДК 801.81:398.21

Text as a linguocultural phenomenon (a case of Russian folk tales)

¹Emelyanova Elena Vladimirovna
²Tukeeva Aigul Kabdushevna

¹Kazakh-Russian International University, Kazakhstan
030000 Kazakhstan, Aktobe, Aiteke bi Str., 52
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: jemeljanowa@mail.ru

²Kazakh-Russian International University, Kazakhstan
030000 Kazakhstan, Aktobe, Aiteke bi Str., 52
Master of Arts, Senior Lecturer
E-mail: aigulya2376@mail.ru

Abstract. The article considers fairy tales as a kind of linguocultural phenomenon that contributes not only to the effective formation of the vocabulary, but also to the assimilation of ethnocultural and universal values, projecting them onto reality. The use of fairy tales while teaching the Russian language and literature contributes both to self-enrichment and integration of ethnocultures into a single world culture.

Keywords: linguoculturology; ethnocultural reality; linguocultural phenomenon; culture code; cultural integration; cultural polylogue.

UDC 801.81: 398.21

Введение. Жанр народной сказки имеет длительную историю развития и представлен в культуре практически любого существующего в настоящее время этноса. Использование текстов сказок на уроках русского языка и литературы открывает наиболее широкие возможности для пополнения словарного запаса, коммуникационных навыков, приобретения необходимых познаний о культуре, обычаях и традициях русского народа. Текст сказки понятен и близок школьникам, ведь она сопровождает нас практически с рождения, сказочные герои становятся образцом для подражания, с помощью сказки мы познаем основы коммуникации, узнаем о нормах поведения и общечеловеческих ценностях. С позиции лингвокультурологии мы можем определить текст сказки как своеобразную часть этнокультурной реальности, в которой автор проецирует в речевой деятельности предметы и символы окружающего мира, имеющие определенное ценностное значение. Лингвокультурный смысл текста имеет неоднородную структуру и отражает сознание общества, существующие ценности, развитие и особенности культуры.

Материалы и методы. Явления культуры, выраженные через художественное слово, помогают понять особенности национального видения мира, этнокультурные особенности народа. Именно поэтому на основе текста реализуется одно из основных направлений лингвистики – исследование языковой картины мира, того, как реальная действительность находит свое отражение в языке народа. Идея В. фон

Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей язык в зеркало мира, получает интенсивное развитие в изучении национальной ментальности и форм ее воплощения: «если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого» [Корниенко 1996: 8]. Тексты – подлинники хранители и трансляторы культуры. Они помогают каждому из нас глубже понять как свою собственную, так и общечеловеческую культуру, быть толерантным к особенностям этнокультур. Наиболее ярко эти функции текста проявляются в народных сказках, ведь именно сказки имеют наиболее выраженный лингвокультурологический потенциал языка. В языке обычно отражаются те предметы и явления, которые реально существуют в окружающей действительности. Однако превращение (в его сказочном понимании) представляет собой эзотерическое, мистическое действие, которое мы не наблюдаем в объективном мире. Сказочное превращение есть продукт человеческого воображения, но, вместе с тем, оно воспроизводится с помощью языковых знаков. Удивительным свойством языка как раз является то, что в нем отображается не только внешний вещный мир, но и внутренний мир самого человека, полный религиозных воззрений, этических представлений, волевых интенций, абстрактных идей разума, смелых гипотез воображения и его фантомов. В отражении языком фольклора сказочного превращения и связанных с ним разнообразных представлений, пребывавших в сознании наших предков, проявляется действие так называемого «человеческого фактора» в языке, на изучение которого ориентировано большинство современных лингвистических исследований. Ментальный образ превращения, сформированный в сознании восточных славян, представляется составной частью их духовной культуры. Эта часть народной культуры сохранилась и передается от поколения к поколению благодаря языку фольклорно-поэтической традиции. Тем самым при помощи языка осуществляется связь времен. Народная сказка сохраняет события, происходившие в истории народа, этнографические факты, особенности национального поведения, психологии, моральные и нравственные принципы, все то, что составляет сущность национальной культуры.

Обсуждение. Отражение культуры посредством языка В.В. Красных назвал лингвокогнитивным феноменом. Однако по отношению к тексту народной сказки наиболее точно сущность взаимоотношения «язык – культура» отражает термин лингвокультурный феномен. В сказках ярко отражаются национальная психология, многообразные формы поведения и взаимоотношений людей, «то есть технология коммуникации представителей определенной национально-культурной общности» [Красных: 64]. При исследовании лингвокультурного феномена некоторые ученые используют понятие «код культуры». Д.Б. Гудков считает, что «коды национальной культуры, принадлежат национальной части культурного национального (русского) пространства, во многом отражают и определяют особенности языкового сознания и языковой картины мира представителей того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков 1990: 56].

В.В. Красных говорит о «коде культуры» как о «сетке», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Он выделяет следующие коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Ученый рассматривает указанные коды более подробно и пишет, что в соматическом коде особое место занимают символные функции различных частей тела.

Пространственный код В.В. Красных связывает с членением пространства, общую структуризацию мира представляет следующим образом.

Внутренний мир человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, т.к. универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце* и *душа* как локус чувств (в *сердце закралась тревога, в душе шевельнулась жалость* и др.) и *голова* как локус мыслей (*в голову пришла мысль, выскочило из головы* и др.).

Фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*. Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Важным мерилем мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* – минимальная единица, связанная с действием, с переходом с границы личной зоны, выходом во внешний мир (*решился на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т.д.).

Фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, осознаваемый как *близкий, свой, родной*. *Свой, близкий, родной мир* исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мёртвых.

Фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*. *Чужой мир* находится, как правило, далеко, за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах.

Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движения человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире.

Предметный код культуры относится в первую очередь к миру действительному и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру.

Биоморфный код культуры В.В. Красных связывает с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире.

Духовный код культуры, по В.В. Красных, составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие как, например, «добро – зло», «хорошо – плохо». Этот код пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру [Красных 1998: 64].

Д.Б. Гудков подчеркивает: «Коды культуры выполняют двойную функцию. С одной стороны, они позволяют через подобию, которые постоянно ищет наше сознание, отражая их в основывающемся на метафоре языке, объяснить действительность, привести непонятное и неизведанное к ясному и освоенному, давая возможность оценки, прогноза, программы действий, базирующихся на аналогии. С другой стороны, коды культуры не упрощают, а усложняют мир, навязывая нам подобие разнородных объектов, заставляя воспринимать мир как магическую книгу, которую предстоит расшифровать, давая в то же время подсказки (коды) для подобной дешифровки» [Гудков 1990: 58]. Мы проанализировали более 400 русских народных сказок, часть этого анализа отражена в таблице.

Анализ русских народных сказок в рамках кода культуры

Сказка	Соматический код	Пространственный код	Предметный код	Биоморфный код	Духовный код
Дочь и падчерица	Ушко, плечо, косточки	Землянка	Кремень, огниво, воз, горшок, табун	Мышка, медведь, собачка (собачонка)	От жадности глаза разгорелись, с горя и злости померла.
Перышко Финиста – Ясна сокола	Сердце не по кости	Город, тридевять земель, тридесятое царство, поднебесье	Радеть, щеголихи, обновы, просвиры, чугунный посох, зелье		Добро от старушек
Морской царь и Василиса Премудрая	Борода, ладонь, голова	Тридевять земель, тридесятое царство, чужие земли, дальние стороны	Частокол, буераки, терем, молва	Голубицы, муравьи, пчелы, борзые кони, утка, орел	Целовал в уста сахарные, стали жить-поживать, добра наживать.
Марья Моревна	Голова, шея	Тридевять земель, тридесятое царство, государство	Рать-сила, шатер, чулан, Кашей, табакерка, Баба-яга	Сокол, орел, ворон, кобылицы, львица, пчелка	Мертвая и живая вода
Летучий корабль	Волосы, пазуха	Деревня, тот конец земли, весь свет	Каравай, краюха, холст	Петух, быки	И стал он добрые дела вершить.
Иван-царевич и Серый Волк	Сердце, уста, тело	Тридевять земель, тридесятое царство	Чадо, меч, палаты, темница	Жар-птица, серый волк, златогривый конь, вороны	Мертвая и живая вода
Волшебное кольцо	Пазуха, шея, мизинный перст, головушка	Тридевять земель, тридесятое царство, подземное царство, мышье государство	Собор, кафтан, приданое, батрак	Лошадь, собака, кот, змея, мыши, рак	Добрые дела, обман
Царевна-лягушка	Кожа, руки, костяная нога, зубы	Двор, царство-государство	Баба-яга, Кашей, избушка, стрела, ларец	Лягушка, заяц, медведь, щука, лебеди	Стали жить дружно, в любви и согласии.

Анализируя тексты русских народных сказок с позиций «кодирования», можно определить, каким образом происходила ориентация русского народа в пространстве, как формировались отношение к внешнему и внутреннему миру, предметам материального и нематериального мира, окружающего человека, представления и связь с миром животных и растений, нравственные ценности и эталоны. Мы видим, что люди хорошо разбирались в анатомии, причем основными частями человеческого тела считали голову, шею, руки и сердце. Пространство делится на свое и чужое, чужое, как правило, тридесятое царство. Практически в каждой сказке присутствуют названия бытовых предметов, характерных для определенного исторического периода. Большое значение для человека имеет связь с животными и растениями – они ведь могут оказать помощь в трудную минуту.

Временной код связан с числами и их значением в жизни русского народа. Чаще всего в русских народных сказках встречается число три – три сына в семье, сносить три пары сапог, три желания, тридцатое царство, прошло три дня и три ночи, три лета и три зимы.

Информативность сказочного текста непосредственно связана с возможностью осуществления им коммуникативной функции, поскольку коммуникация – это процесс обмена информацией. Информативная и коммуникативная функции сказочного текста совпадают с основными функциями культуры, а сказка помогает эти функции реализовать.

Слова с национально-культурным компонентом расширяют лексический запас, делают нашу речь более выразительной и эмоциональной. Сказка помогает приобщиться к языку и культуре русского народа и сформировать позитивное отношение к ним. Сказочные помощники и сказочные предметы (волшебные предметы), как и персонажи сказок, несут в себе глубокую страноведческую информацию. Например: *ковер-самолет, живая вода, мертвая вода*. Названия этих предметов и помощников сами по себе очень выразительны и по строению собственно русские.

Все подобные образы тесно связаны с поэтическими представлениями древнего славянского народа о природе, об окружающем мире. В русской сказке ковер-самолет (или летучий корабль), как и крылатый конь, подобно птице, носится с фантастической скоростью по воздушному пространству, которое отделяет мир живых людей (земля, свой дом) от царства мертвых (тридцатое царство). Живая вода и мертвая вода – это символы жизни и смерти в славянском мифе. Живая вода врачует раны, прибавляет силы, оживляет. Мертвая вода соединяет разрушенные части тела. Скатерть-самобранка приносит с собой небесный мед или пиво, дождь, дарующий земле плодородие, а людям хлеб насущный. Несомненно, все вышеприведенные слова, будучи носителями определенного культурного содержания, являются важными источниками лингвокультурологических знаний.

Чтобы стать личностью и членом того или иного национально-лингвокультурного сообщества, человек должен пройти процесс социализации, или «путь вхождения ребенка в цивилизацию» [Леонтьев 1997: 28]. Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры. Процесс социализации начинается если не до рождения, то с момента рождения человека. Основным каналом трансляции культуры является язык, и на начальном этапе социализации культура транслируется в виде фольклорных текстов, детской литературы (например, сказок, песен, стихов, игр).

Заключение. Сказка как один из центральных фольклорных жанров является своеобразной сокровищницей народной мудрости и универсальным средством передачи народных представлений о мире и самом человеке. Для сказок каждого народа характерны специфические сюжеты, образы, ситуации. Национальный характер находит свое выражение в оценке происходящих в них событий, в именах героев, в традиционных языковых формулах, обрамляющих сказочное повествование. Изучение русских народных сказок формирует у иностранных студентов представление об особенностях культуры русского народа, которые и по сей день определяют своеобразие русского менталитета. Обращение к истокам национальной культуры, воплощенным в фольклоре, способствует формированию лингвокультурной компетенции, наличие которой позволяет иностранным студентам достигать взаимопонимания с представителями иноязычной культуры. При определении национальной самобытности народной сказки особое значение приобретает сопоставительный аспект, позволяющий иностранным студентам осмыслить сходство и различия в культуре страны изучаемого языка и в родной культуре, что приводит к более глубокому пониманию особенностей стиля жизни, ценностных установок, социальных норм поведения, характерных для русских людей. Современный культурный мир стремится к интегрированию различных культур в единую мировую культуру. Результатом подобного полилога становится обогащение, становление принимающей культуры и принимающей литературы, а также их самоопределение относительно иномира исходной культуры и исходной литературы.

Библиография

Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации: Язык и структура знания. – М., 1990. – 129 с.

Корниенко Е.Р. Смысловое восприятие и понимание иноязычного текста (при чтении). – М.: ГПИ Искона, 1996. – 155 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация / В.В. Красных. – М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. – 350 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистика. – Л.: Наука, 1997. – 117 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр Академия, 2001. – 328 с.

Русские народные сказители / Сост., вступ. ст., вводные тексты и комм. Т.Г. Ивановой. – М.: Правда, 1989. – 464 с.

Русские народные сказки / Сост. и вступ. ст. В.П. Аникина. – М.: Пресса, 1992. – 560 с.

**Экфория как средство когнитивной интерпретации прошлого
в дискурсе прозаических произведений Г. Грасса**

Иванов Павел Филиппович

Российский университет дружбы народов, Сочинский филиал, Россия
354340, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32
кандидат филологических наук
E-mail: pavel987-53@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования автобиографического дискурса в произведениях немецкого писателя Г. Грасса. В качестве отличительных черт автобиографического дискурса называются его субъективная модальность, фрагментарность, кинематографичность представления.

Ключевые слова: субъективность переживания, автобиографический дискурс, достоверность воспроизведения, экфория, расщепление сознания вспоминающего, фрагментарность и субъективность воспоминаний.

УДК 81-114.2

Ecphoria as a means of cognitive interpretation of the past in G. Grass' prose discourse

Pavel F. Ivanov

Russian University of Peoples' Friendship, Sochi Branch, Russia
354340 Sochi, Kuibyshev Str., 32
Candidate of Sciences (Philology)
E-mail: pavel987-53@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of autobiographical discourse functioning in the works by the German writer G. Grass distinguishing such features of his autobiographical discourse as subjective modality, fragmentarity, cinematic presentation.

Keywords: subjectivity of experience, autobiographical discourse, reliability of reproduction, ecphoria, splitting the recollecting consciousness, fragmentarity and subjectivity of memories.

UDC 81-114.2

Введение. В дискурсе прозаического текста действительность отражается посредством вербализации этнокультурной коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности. Семиотическое устройство памяти образует семиотику культуры. Память хранит прошлое, которое «следует за нами и сохраняется бесконечно» [Золян 1989: 42]. Таким образом, культурная память – это имплицитно существующая база данных нашего этноязыкового сознания, которая может в любой момент обновиться в настоящем. Представленное на поверхности множество связанных между собой отдельных отрывков воспоминаний, организующих так называемый «поэтический мир» автора, составляет автобиографическое произведение немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, „Beim Häuten der Zwiebel“ (в русском переводе «Луковица памяти»). Как считает В.И. Тюпа, «адресат биографического дискурса призван обладать проективной компетентностью остраненного узнавания: себя – в другом и другого – в себе» [Тюпа 2013: 85], что в действительности и происходит с главным героем автобиографического произведения Грасса.

Материалы и методы. Недавно ушедший от нас известный немецкий писатель Гюнтер Грасс оставил читателям книгу воспоминаний, включившую значимый период в его жизни, а также в жизни всех немцев на протяжении пятидесяти лет. Рассказывая о своей юности, Грасс не умолчал о нескольких месяцах службы в войсках СС, что вызвало грандиозный скандал вокруг его имени. Материалом исследования послужил текст романа Г. Грасса „Beim Häuten der Zwiebel“. В качестве основных методов можно указать метод интерпретации, контекстуальный и интертекстуальный анализ.

Обсуждение. В анализируемом нами произведении Г. Грасса „Beim Häuten der Zwiebel“ («Луковица памяти»), отличающегося необычной композицией и запоминающимися образами, а также необычной презентацией образа автора (повествователя), можно отметить субъективность и избирательность авторской памяти, что подчеркивает сам автор, например: «...Приходится обращаться к наиболее сомнительной из всех свидетельниц по имени Память, капризной, часто страдающей мигренью даме, которую молва считает вполне продажной, если к тому располагает рыночная конъюнктура» [Грасс 2008: 74]. Можно лишь условно назвать данное произведение документальной автобиографией, так как текст книги включает авторские фантазии, автор приводит факты, которых в реальной жизни не могло быть.

Для прозы Грасса экфория (термин Н.А. Рубакина) служит средством оживления запечатленных в памяти фрагментов воспоминаний и восстановления по ним целостной картины, причем этот процесс не есть сохранение прошлого, это всегда преобразованное прошлое: «И вот уже опровергается то, что еще недавно претендовало на правду: ведь ложь и ее младшая сестра подделка составляют наиболее устойчивую часть воспоминаний; если записать их на бумаге, они выглядят достоверными и не скупятся на подробности ...» [Там же: 10]. Одиннадцать глав книги Грасса повествуют о сложном процессе взросления, становления характера сначала подростка, а впоследствии солдата вермахта, начинающего понимать бесчеловечность и преступность войны. Взросление главного действующего лица «Луковицы памяти» – двойника действующего рассказчика, происходит постепенно на протяжении всего произведения. Так в первой главе автор дает своему второму «Я» довольно жесткие характеристики: «Оставаясь слепым к каждодневным преступлениям, которые творились у самого нашего города, на берегу Вислинского залива все разрастался и разрастался концентрационный лагерь Штутхоф... Был по-детски глуп, не решался спросить «почему», и теперь ...тогдашнее молчание гулко звенит у меня в ушах» [Там же: 28].

Пространство автобиографического нарратива часто связано с чисто психологическим восприятием субъекта. Так Г. Грасс противопоставляет себя, стареющего писателя, свое настоящее «Я» своему двойнику, т.е. себе в прошлом. Этот прием позволяет сознательно отделить свои ментальные реакции от самого себя и посмотреть на себя со стороны. Расщепление личности проявляется через это «Я» как наблюдающее, чувствующее, оценивающее. Происходит это вследствие рефлексивного характера воспоминаний, их направленности на самого себя. Проявление в тексте разных ликов «Я», его разнообразные представления становятся индикатором выражения прежнего, юношеского, детского, того прежнего «Я» и теперешнего «Я». Рассказчик видит себя самого со стороны, оценивает себя через «щель во времени»: «Нет никаких сомнений: тот юный сцепщик, который на горизонте 950 метров учит латынь, пытаюсь расширить свои убогие познания, – это я. Посмеиваясь над ним, я называю его чудачком, но он не дает себя смутить» [Там же: 306]. Автобиографическая проза представляет такие универсальные концепты, как Пространство, Время, Родство и др. В своем интервью, которое дал Г. Грасс для журналистов газеты «Франкфуртер Альгемайне» 12 августа 2006 г., автор «Луковицы памяти» подчеркивал невозможность подтвердить свои воспоминания какими-либо архивными документами, т.к. вся семья была вынуждена оставить свой родной город – Данциг, и ему как автору нечем документально подтвердить истину своих слов, но в то же время такая ситуация ставит его как рассказчика в более выгодное положение, т.к. дает простор фантазии.

Для нас, читателей, было интересно проследить, как менялось сознание этого подростка из Данцига, Вольного города на территории Польши, населенного в основном немцами. Автор нашел интересную метафору-символ, сравнив процесс восстановления прошлого с очисткой луковицы, ведь когда чистишь лук, то выступают слезы и не дают возможности сосредоточиться на самом процессе разделения слоев луковицы. Говоря словами автора, «ведь у луковицы не одна пергаментная кожица, их много. Если луковицу разрезать, потекут слезы». Сам процесс воспроизведения воспоминаний очень болезненный: «Память, если додумать ее вопросами, уподобляется луковице: при чистке обнаруживаются письмена, которые можно читать. Только смысл редко бывает однозначным» [Там же: 10]. В немецком языке нет противопоставления двух таких, казалось бы, равноценных синонимов, как Истина и Правда. Грасс противопоставляет правду запомнившихся в детстве и юности событий и подробностей тому, что было дополнено его воображением, фантазией, или в оригинальном тексте по-немецки это „Dichtung und Wahrheit“. Таким образом, метакоцепты Поэзия (Вымысел) и Правда представляют собой моменты авторской рефлексии над всем содержанием произведения, образуют мысленную рамку для всей концептуальной системы, которая находится в некоем смысловом пространстве, порожденном сопряжением дискурсивных форм и прототипической реальности. Примечательно то, что в начале своего жизненного пути герой романа Грасса (его двойник, второе «Я») пытается осмыслить жизнь через призму литературы, что видно из первых глав о детстве и ранней юности, тогда как в последующие годы, столкнувшись с реальностью, герой переосмысливает литературу через призму жизненных впечатлений. Грасс неоднократно приводит переосмысленные ситуации из романа Гриммельсгаузена «Симплициссимус», с которыми сравнивается то, что переживает главный герой, например, старший ефрейтор сравнивается с персонажем этой книги: «Он стал моим ангелом-хранителем, сыграв роль гриммельсгаузеновского Херцбрудера; в конце концов он вывел меня из леса, а потом протащил через русскую линию фронта» [Там же: 183]; «Так заботлив был мой ангел-хранитель. Подобно тому, как Херцбрудер всегда приходил на выручку Симплицию в минуту смертельной опасности, так и я, сменивший обличье, мог целиком положиться на моего старшего ефрейтора» [Там же: 188].

Автор очень подробно описывает своих самых близких людей: мать, отца, сестру, своих одноклассников. Вчитываясь в роман Грасса, можно увидеть, насколько подробно автор запечатлел своих мать и отца, что в этих мгновенных, фотографически точных описаниях-характеристиках читатель живо может представить их, например: «заботливейшая из всех матерей, не отличалась чрезмерной набожностью, умело хозяйничала, никогда не попрекала сына деньгами, ей не хватало времени на все тонкости воспитания, добрая, ласковая, готовая всплакнуть, моя обитель радости и юдоль печали, словно мать Пер Гюнта, не дождалась исполнения моих обещаний, всю жизнь тянулась к прекрасному...» [Грасс 2008].

В прозе Г. Грасса явно ощущается влияние кино на развертывание его биографического дискурса. Это сказывается во всем его кинематографическом видении жизни. Вот как об этом пишет сам Грасс: «Этот

промежуток времени представляется мне недатируемым, как бы смонтированным из различных меняющихся действий фильмом, который идет то под взглядом лупы времени, то в убыстренном темпе, прокручивается вперед, то назад, потом снова рвется» [Там же: 158]. Этот «кинематографический» прием, короткие вставки *ich sehe, ich sehe mich* – «я вижу, вижу себя» приближают читателя зрительно и по временной шкале к излагаемым событиям. Наиболее важные и опасные моменты из жизни главного героя автор также передает при помощи конструкции «я вижу»: „*Mich sehe ich, wie gelernt, unter einen der Jagtpanther robben. Drei Minuten, eine Ewigkeit lang mag die Orgel spielen. Von Angst besetzt pisse ich mir in die Hose*“ [Grass 2006: 141]. – «Видю себя, как учили, бросаюсь под днище «Пантеры». Орган играет минуты три, целую вечность. От страха мочусь в штаны» [Там же: 163]. Сталинским органом солдаты вермахта называли миномет «Катюшу», оружие, наводившее ужас на солдат немецкой армии.

Сомнение в точности собственных воспоминаний чаще всего репрезентируется посредством монолога рассказчика-повествователя, например: «Запомнил я и то, как называлась эта деревушка, куда мы вышли через линию фронта к своим, целыми и невредимыми... Может, Петерляйн?» [Там же: 185]. Или в другой ситуации память вновь подводит рассказчика: «Знаю, мой рассказ звучит неправдоподобно и отдает небывицами. Что до других моих дней и не знаю как пережитых ночей после развала фронта по Одере и Нейсе, то прокрученный и латанный-перелатанный фильм рассказывает о них немного» [Там же: 172]. Неуверенность рассказчика может быть выражена несколькими вопросительными предложениями, на которые повествующий не знает ответа, например: “*Aber nahm ich wahr, was aufs Ende hinauslief? Erkannte ich, was mit uns, was mit mir geschah?*“ [Grass 2006: 134]. – «Но видел ли я, что дело идет к финалу? Представлял ли себе, что происходит с нами, со мной?» [Там же: 154].

Заключение. Название произведения Грасса „*Beim Häuten der Zwiebel*“ можно считать метафорой и одновременно символом, вокруг которого группируются события из жизни рассказчика. Когда очищают луковицу, снимая с нее шелуху, проливаются слезы горечи и сожаления. У Грасса – это слезы покаяния. Процесс очистки луковичной шелухи становится символом, композиционно объединяющим все произведение.

Субъективность собственных воспоминаний рассказчик репрезентирует про помощи своих внутренних монологов, в то время как сомнение грамматически чаще всего выражается при помощи модальных глаголов, таких как *mögen, sollen, dürfen*. Часто собственная память подводит рассказчика, особенно часто в первых главах произведения преобладают модальные слова со значением вероятностной модальности, выражающие неуверенность, сомнение (*wahrscheinlich, vielleicht, wohl, mag sein, offenbar*).

Творчество Грасса можно определить как «борьбу с забвением» и попытку осмыслить им утрату своей родины – Данцига. В его произведениях центральной темой является проблема нацизма и его последствий для Германии. Как правило, его литературные произведения относят к движению немецкой творческой интеллигенции, получившему название «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). Даже в тех произведениях Грасса, действие которых происходит в послевоенные годы (например, «Траектория краба» – нем. „*Im Krebsgang*“, 2002), рассматривается тема забвения и тема вины, но в то же время ставится под сомнение надежность личных воспоминаний и коллективной памяти, например, в романе-антиутопии «Крысиха» (нем. „*Die Rätin*“, 1986).

Библиография

- Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С.Т. Золян // Язык русской поэзии XX в.: сборник научных трудов. – М., 1989. – 91 с.
 Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
 Грасс Г. Луковица памяти; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Иностранка, 2008. – 592 с.
 Grass Günter *Beim Häuten der Zwiebel*. Steidl Verlag. Göttingen. 2006. – P. 480.

Интермедальность и диалог искусств в прозе А. Кима

Калиаскарова Айнур Токтарбаевна

Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Казахстан
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
магистр педагогических наук
E-mail: ainur_kali@inbox.ru

Аннотация. Произведения Анатолия Кима исследуются в статье в аспекте интермедальности, поскольку современному российскому прозаику присуще художественное видение мира. Особо значимы в его романах и повестях цветовые решения, пейзажные зарисовки, словно репродукции картин. А. Ким учился в Московском художественном училище и выступает нередко художником-оформителем своих книг. Интермедальность как специфическая форма диалога культур изучена на примере широко известного романа «Белка», основной персонаж которого – художник-оформитель, а главная тема – художник и общество. Находит она отражение и в произведениях А. Кима «Мое прошлое» и «Радости рая».

Ключевые слова: интермедальность, творческая лаборатория, художник, диалог, поэтика, знаковая система.

УДК 821.16

Intermediality and dialogue of arts in A. Kim's prose

Ainur T. Kaliaskarova

Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, Kazakhstan
050010 Almaty, Kurmangazy Str., 29
Master of Education
E-mail: ainur_kali@inbox.ru

Abstract. The paper studies Anatoly Kim's works from the perspective of intermediality, since the modern Russian prosewriter reveals elements of artistic world vision. His novels and short stories are famous for their colour schemes and landscape sketches akin to painting reproductions. A. Kim studied at the Moscow Art School and often acts as an illustrator of his books. Intermediality as a specific form of dialogue of cultures is discussed with respect to the well-known novel «Squirrel», in which the main character is an illustrator and the main theme is that of the artist and society which is also found in A. Kim's works «My Past» and «Joy of Paradise».

Keywords: intermediality, creative laboratory, artist, dialogue, poetics, sign system.

UDC 821.16

Введение. Русский язык является языком творчества многих писателей и поэтов в разных странах мира. Известный российский писатель, драматург, переводчик А. Ким создает свои художественные произведения на русском языке. О творческой лаборатории в романе «Мое прошлое» он пишет следующее: «Я мыслю цветом, линией и художественными образами...» [Ким 2002: 326]. Создавая художественный мир, «авторы литературных произведений подчиняют его, прежде всего, тем правилам и принципам, в рамках которых формировалось их сознание, отношение к действительности, складывалось их творчество. ... Так, в творчестве казахских писателей наблюдаются элементы языческой философско-религиозной мысли. В произведениях русских прозаиков воплощаются христианские учения. В романах корейских писателей отражаются идеи буддистской философии» [Темирболат 2011: 68].

Кореец по происхождению, А. Ким «пишет на русском языке и считает себя русским писателем» [Сафронова 2013: 127].

Материалы и методы. Материалом исследования избран роман А. Кима «Белка». Методами – сравнительно-сопоставительный и метод изучения литературного текста.

Обсуждение. Термин интермедальность как синтез или взаимодействие искусств, т.е. взаимопроникновение, переход с одного языка искусства на другой, получил широкое бытование в современной научной терминологии. В зарубежном литературоведении разработано несколько разновидностей интермедальных типологий, основными из которых считаются литературно-музыкальная классификация С.П. Шера и литературно-живописная О.А. Ханзен-Лёве, который закрепил определение термина: «Intermedialität – это перевод (с одного языка искусства на другой) в рамках одной культуры либо объединение между различными элементами искусства в мономедийном (литература, живопись и др.) или мультимедийном (театр, кино и др.) тексте» [Ханзен-Лёве 2016: 292].

Н.В. Тишунина в статье «Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований» предлагает несколько определений интермедальности: «В узком смысле интермедальность – это особый тип внутритекстовых взаимосвязей в словесном произведении, основанный на взаимодействии

художественных кодов разных видов искусств. В широком – это создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры. И более полное определение: интермедальность – специфическая форма диалога культур, осуществляемая посредством взаимодействия художественных образов или стилистических приёмов, имеющих для каждой конкретной эпохи знаковый характер» [Тишунина 2001: 153].

Мы понимаем интермедальность как взаимодействие литературного текста с музыкальными произведениями, живописью, сценическим искусством.

В романе «Белка» А. Ким знакомит нас с художником, который пишет акварели, рисует плакаты, создает портреты. Писатель и художник А. Ким размышляет о творчестве: «Картина всегда являет застывшее мгновение, литература – живой поток времени, времени необратимого, плотного, упругого и, вместе с тем, пронцаемого, открывающегося в своей неповторимости» [Ким 1984: 182]. Одна из основных тем – художник и общество – показана автором на примере по-разному складывающихся судеб друзей-студентов, молодых художников.

Описание картины автором, по мнению современных исследователей, – это перевод одного художественного кода в другой, когда в литературном тексте проявляется образный смысл цвета, колорита, формы, композиции и т.д. Перенос «визуальных» элементов в вербальный ряд порождает особый художественный эффект: «Утрачивается свобода зрительных ассоциаций, как при восприятии живописного полотна, и возникает цепь ассоциаций смысловых. Поэтому картина “вербальная” никогда не тождественна картине “живописной”. Более того, вербальный образ картины часто противоположен живописному, т.к. статика живописного произведения подменяется динамикой литературного образа и сюжетной изменчивостью. Поэтому в интермедальности мы имеем дело не с цитацией, а с корреляцией текстов. Можно сказать, что интермедальность – это наличие в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства» [Тишунина 2001: 153].

А. Ким удачно сочетает языковые средства изображения с художественными средствами живописи. Каждое описание героев дает нам понимание разновидностей и отличий одной профессии от другой. Акутин характеризуется в романе как природный рисовальщик: «Простоватый парень, впервые взявшийся за краски, писал, словно искусственный в тонкостях ремесла колорист...» [Ким 1984: 81].

Главным центром рисунков Акутина в романе является его учительница Лилиана Борисовна. Она и привела Митю Акутина в художественное училище. «Все дело было в том, как устроены его глаза... Нет, не только глаза, но, главное, душа, в которой что-то происходило, пока он, чуть щуря свои медвежьи глазки, нерешительно помешивал на палитре краски и потом старательно, осторожно наносил мазки на грунтовый картон» [Там же: 42].

Писатель через образы и жизнеописания студентов художественного училища Георгия Азнауряна, Дмитрия Акутина, Иннокентия Лупетина и альтер эго автора, персонифицированного под именем ...ИЙ, раскрывает художественный замысел произведения. Главный персонаж, перевоплощаясь в Белку, безмянен. В детстве в сахалинском поселке его избил здоровенный парень Гриша, «на последнем ударе произошло его первое превращение» [Там же: 70]. Но Белка живет то жизнью Мити Акутина, то жизнью Георгия Азнауряна. Перевоплощения Белки помогают автору-повествователю передать мучительную неудовлетворенность персонажей жизнью.

Нарратор или система нарраторов в произведениях А. Кима направлена на реализацию авторской идеи, что убедительно доказывает А. Джандубаева на примере анализа рассказа «Под сенью ореховых деревьев»: «в образе единичного героя, помещенного в некую уникальную жизненную ситуацию, выразить собственную философскую концепцию человека» [Джандубаева 2013: 152].

В литературном произведении язык одного вида искусства включается в художественную систему другого вида искусства через способ передачи художественной информации, которыми выступают термины – мольберт, палитра, кисти, краска, акварель, масло, картина, пейзаж, натура, живопись, рисунок, мастерская, выставка, галерея, искусство, шедевр. А. Ким уделяет внимание лучшим русским колористам, художникам: «Особенный, излюбленный настрой в пейзажах Саврасова, Серова, Левитана – все эти “пасмурные”, “хмурые” и “серые” дни, осенние и зимние леса ... Как никто, русские живописцы прочувствовали и воспели красоту пепельного сияния ненастного неба» [Ким 1984: 42].

На страницах романа художественно воссозданы несколько разновидностей профессии главного героя – рисовальщик, художник, колорист, живописец. Язык живописи переносится, таким образом, на язык прозы, обретая поэтические свойства, ибо «картинная галерея его (А. Кима. – Ян Вон Сик, С. Ананьева) детства; пыльно-желтая степь, голубой свет небес (небо может быть разным: размытым и синим), желтые холмы, зеленые перья лука, бескрайние степи, неспешные орлиные спирали над горами... В душе писателя распахнулись огромные орлиные просторы, и она пропиталась насквозь жарой казахской пустыни» [Ян Вон Сик, Ананьева 2014: 224].

Искренняя автобиографическая повесть А. Кима «Мое прошлое», повествующая о становлении художника, наполнена размышлениями автора об истоках творческого начала в человеке. Повесть автобиографична. «По избранному материалу, его достоверности и отсутствию вымысла мемуары близки исторической прозе, научным монографиям, документально-историческим очеркам. Не следует забывать, что на первом плане – личность автора, его точка зрения на происходящее» [Ананьева, Таттимбетова, Жаксылыков 2016: 27].

Природа бессмертия духа и постижение вечности – постоянные доминанты прозы российского писателя, убежденного в том, что «душу человека формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и дополниться другими картинами мира. Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью» [Ким 2002: 326].

Новое издание – роман «Радости рая» украшает на обложке автопортрет А. Кима, а сам текст художественного произведения проиллюстрирован рисунками и акварелями автора [Ким 2013]. Яркие, солнечные, воздушные акварели «Двор монастыря ранним утром», «Крыша дома богатея Че», «Натюрморт с большой тыквой», «Китайская айва на фоне зеленой картинки», «Деревенская улочка», «Остров Даг. Свежий ветер» соседствуют с более выдержанными в спокойных тонах пейзажами «Долина Ансонга осенью», «Вечерний сумрак», «Закат на горе Недянсанг», «Гора Недянсанг в тумане», «Закат солнца в горах», «Контражур вечерний» и другими. Живописность и гармоничность стиля А. Кима казахстанский исследователь Л. Сафронова объясняет «как навыками художника-профессионала, так и генетическим родством художника с восточной традицией» [Сафронова 2013: 120–121].

Роман-гротеск «Поселок кентавров» и роман «Радости рая» проиллюстрированы черно-белыми рисунками, граффити. В «Приглашении», открывающем книгу вместо «Предисловия», автор предлагает путешествовать в свободных перемещениях «в пространствах разных миров» [Ким 2013: 5].

По классификации Н.В. Исагулова, в художественных текстах А. Кима представлена традиционная интермедиальность: «театральность литературы, музыкальность живописи, пластичность музыки» [Исагулов 2019: 38]. Художественный текст живописен, он построен на принципах изобразительного искусства. Автор-повествователь в том или ином аспекте раскрывает тему художника и времени. Своеобразие творчества А. Кима многие исследователи видят в «единстве всех его произведений, каждое из которых является как бы завершением предшествующего произведения и началом последующего. Единство текстов служит отражением единства мира, который воссоздает на страницах своих произведений художник» [Сафронова 2013: 121].

Заключение. Таким образом, интермедиальность в романе А. Кима «Белка» является отличительной чертой поэтики, мало исследованной литературоведами и критиками. Произведение любого вида искусства можно понимать как текст и как своеобразную знаковую систему. Превращая образ в рисунок, картину, живопись, а живопись – в слово, художник визуализирует вербальные образы, а писатель – изобразительные.

Научный интерес представляют как соединение разных видов искусства в прозе А. Кима, так и синтез двух разных сфер – изобразительного искусства и художественного слова в его творчестве. Автор удачно применяет категории одного вида искусства для выражения мыслей и чувств персонажей, а затем подключает оптику другого в контексте диалога искусств, что делает его прозу философско-насыщенной и актуальной.

Библиография

- Джундубаева А.А. Нарративный дискурс прозы А. Кима // Литература корейской диаспоры Казахстана: под ред. Л.В. Сафроновой. – Алматы: ИП «Сагаутдинова М.Ш.», 2013. – С. 146–185.
- Исагулов Н.В. Интермедиальность как зонтичный термин: попытка классификации // Культура слова. Новосибирск: Изд-во «Грани науки». – 2019. – № 1. – С.2 8–39.
- Ким А. Белка: Роман-сказка. – М.: Советский писатель, 1984. – 272 с.
- Ким А. Мое прошлое // Ким А. Остров Ионы. Мое прошлое. – М.: Центрполиграф, 2002. – 557 с.
- Ким А.А. Радости рая // Ким А.А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – Владивосток: Валентин, 2013. – 732 с.
- Сафронова Л.В. Художественное своеобразие рассказов А. Кима в аспекте структурной поэтики // Литература корейской диаспоры Казахстана: под ред. Л.В. Сафроновой. – Алматы: ИП «Сагаутдинова М.Ш.», 2013. – С. 119–146.
- Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы Международной научной конференции. – Серия «Symposium». – Вып. 12. – СПб., 2001. – С. 149–154.
- Темирболат А. Поэтика литературы: учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2011. – 168 с.
- Ханзен-Лёве О.А. Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду. – М.: РГГУ, 2016. – 503 с.
- Ян Вон Сик, Ананьева С. Корейская литература // Литература народа Казахстана: отв. ред. С. Ананьева, изд. 2-е, доп. – Алматы: Казакпарат, 2014. – С. 202–232.
- Ananyeva S., Tattimbetova K., Zhaksylykov A. The author's self-reflection in narratology of I.P. Shegolikhin. Journal of Language and Literature. – 2016. – Vol. 7, 3, 26–32 (eng.).

Современный немецкий роман в свете лингвориторики

Кострова Ольга Андреевна

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия
443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67
доктор филологических наук, профессор
E-mail: olga_kostrova@pgsga.ru

Аннотация. В статье исследуются два историко-художественных романа современных немецких авторов Кристиана Крахта и Даниэля Кельмана, в которых реализуется стилистическая стилизация. В романе «Империя» автор архаизирует синтаксис употреблением конструкций, типичных для немецкого языка более ранних эпох, обращаясь к культурно-языковой памяти читателя. В романе «Измеряя мир» автор, описывая немецких гениев XIX в., осовременивает стиль, стирая грани между видами речи. Языковая личность автора предстает как иронизирующая.

Ключевые слова: немецкий роман, архаизация, модернизация, языковая личность автора.

УДК 81-119

Contemporary German novel: Linguistic rhetorical perspective

Olga Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education, Russia
443099 Samara, Maxim Gorki Str., 65/67
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: olga_kostrova@pgsga.ru

Abstract. The paper compares two novels by modern German writers Cristian Kracht and Daniel Kehlmann famous for their styling design and ironical representation of the linguistic personalities of the authors. The syntax of the novel "Imperium" is archaic due to the use of syntactic constructions typical of earlier German through appeal to the reader's linguistic memory. In the novel "Die Vermessung der Welt" Kehlmann refers to the 19th century German geniuses modernizing their speech and obliterating distinctions between reported and direct speech.

Keywords: German novel, archaic, modern, author's linguistic personality.

UDC 81-119

Введение. Современный немецкий роман представляет сложный лингвокультурный феномен, характерной чертой которого является «растворение» автора как языковой личности. Попытка выявить эту языковую личность, через которую происходит трансляция идей и интенций, раскрывающих значимость содержания для современного читателя, требует применения специального лингвокогнитивного анализа. Уточним методы, применяемые в рамках такого анализа в настоящей статье.

Материалы и методы. Статья выполнена на материале двух романов современных немецких авторов Кристиана Крахта (роман «Империя») и Даниэля Кельмана (роман «Измеряя мир»). В исследовании используется лингвориторический подход, интегрирующий когнитивные и лингвокультурные аспекты (ср. [Ворожбитова 2000, 2013; Vorozhbitova, Potapenko 2013]). Интеграция позволяет рассматривать автора как языковую личность и «литературную личность» [Ворожбитова 2007, 2015], концептуализирующую немецкую историю, представляя ее современному читателю. Анализ проводится методом стилистической интерпретации, вскрывающей авторское отношение к описываемому.

Обсуждение. В статье рассматриваются два противоположных приема, используемых в современной художественной литературе, в том числе немецкой, в качестве стилизаций. С одной стороны, это архаизация текста, с другой – его модернизация. Оба приема описываются на синтаксическом материале.

Под архаизацией текста нами понимается сознательное употребление устаревших языковых элементов, как правило, лексических. Стратегия архаизации дает возможность варьирования категории времени. Исследуя эту стратегию, В.Н. Карпухина приводит разные приемы архаизации, применяемые У. Эко в романе «Имя розы». Например, прием описания ситуаций, типичных для монастырской жизни Средних веков. Другой прием – насыщение текста латинскими цитатами, создающими для образованного европейского читателя атмосферу Средневековья [Карпухина 2012: 14: Электронный ресурс]. Первый связан с изменением временной перспективы путем введения необычного содержания, второй – с использованием средневекового языка науки. Использование архаических особенностей языка и культуры создает историческую перспективу и может рассматриваться как диахронический лингвокультурный феномен. В качестве художественного приема может рассматриваться и модернизация языка изложения при описании исторических феноменов с целью сокращения исторической перспективы.

Архаизация рассматривается на материале синтаксических единиц. Например, современные авторы стилизуют синтаксис под ту эпоху, которую они описывают. Покажем это на примере романа К. Крахта «Империя», который вызвал оживленную дискуссию читательской аудитории. Действие романа разворачивается незадолго до Первой мировой войны. Автор отправляет реально существовавшего протагониста Августа Энгельгарта в немецкую колонию в южной части Тихого океана (Südsee). По характеристике Д. Вундерлиха, роман представляет собой сатиру на вильгельмовскую Германию, отражает безумие национал-социализма и может быть понят как притча о падении немецкого рейха [Wunderlich: Электронный ресурс].

Примечательно, что автор сам признается в стилизации, а именно в ориентации на стиль Э. Кэстнера [Там же]. Дж. Винкельман видит особенность стиля Кэстнера в соединении сатирических и лирических мотивов [Winkelman 1957: 4–5: Электронный ресурс]. Эстетика Крахта, усиливающая его сатирический тон, состоит, на наш взгляд, в использовании архаичных синтаксических средств.

Архаичность создается во многом благодаря сложному синтаксису. Текст романа изобилует сложными предложениями, насыщенными обособленными конструкциями разного типа. Это и обособленные причастные обороты в атрибутивной функции, и распространенные причастные обороты, и абсолютный именительный, и абсолютный винительный. Возникает впечатление элегантного стиля, которое усиливается за счет опущения вспомогательных глаголов в атрибутивном придаточном предложении. Подобные конструкции были типичны для делового языка ранневоенного периода (ср. [Адмони 1963: 217]). В современном языке они воспринимаются как возвышенно-архаичные. Ср.:

(1) *In Memel hat noch am Abend der Redakteur, der den Nudisten am Strand sehr wohl **gesehen**, Anzeige erstattet* (S. 85).

(2) *Ob Engelhardt dem Antisemiten selbst eine Kokosnuss auf den Kopf schlug oder ob Aueckens, im selben Palmenhain wandelnd, in dem er den jungen Makeli **geschändet**, zufällig von einer herabfallenden Frucht erschlagen wurde [...], verschwindet im Nebel der erzählerischen Unsicherheit* (S. 129–130).

В романе атрибутивные придаточные нередко заменяются стилистически близкими обособленными второпричастными оборотами в функции определения, в которых вспомогательный глагол уже не требуется:

(3) *Die beiden Pilger betupften die feuchten Stirnen mit Taschentüchern, wendeten sich weiter oben um und blickten hinab auf den künstlichen See, Anfang des letzten Jahrhunderts von König Sri Vikrama Rajasinha **angelegt*** (S. 43).

(4) *Sein langes Haar, vor dem Schlafengehen vom praktischen Haargummi **befreit**, welches es bei Tag am Hinterkopfe zusammenhielt, umspielte dunkelblond und wellend **das** auf dem weißen Kissen **ruhende** Haupt* (S. 36).

Частотность обособленных групп с элементами архаизации определяет лингвокультурную специфику текста, возрождающего некогда употребительные языковые структуры. На первых 40 страницах романа встречается 23 обособленных группы со стержневым причастием II.

Автор употребляет также родительный падеж с глаголами, тогда как известно, что в современном немецком языке этот падеж функционирует практически исключительно в приименной сфере. Глаголы, с которыми употребляется этот падеж, отмечаются в словаре [Duden 1985] пометой *geh* 'возвышенный' (5, 6). Архаичное впечатление производит на современного читателя родительный падеж в обстоятельственной функции (7) [Адмони 1973: 282]. Тем самым Крахт прибегает к возвышенному стилю, создавая сатирический контраст к предмету описания. Ср.:

(5) *Noch am Herbertshöer Anlegekai empfing ihn sein junger Bursche Makeli, der von Kabakon herübergesiedelt war, um in der Hauptstadt **der Rückkehr** seines Herrn **zu harren*** (S. 113).

(6) *Komme aber jetzt ein Mensch hinzu, der seine Schokolade davor schützen wolle, dass beispielsweise das Insekt seine Kollegen benachrichtige, um **sich** gemeinsam **der Naschware zu bemächtigen** [...], dann habe **die** immer noch auf der Schokoladenoberfläche **herumwandernde** Ameise [...] keine Möglichkeit zu durchschauen, was denn gerade geschehe* (S. 118 f.).

(7) ***Des Abends** kommt Regen und wäscht das Blut fort* (S. 129).

В примерах (4, 6) можно видеть еще одну характерную для этого романа лингвокультурную особенность – распространенное причастное определение значительного объема. В немецкой лингвокультуре его специфику составляет особый порядок слов – рамочная конструкция, которая создается детерминантом определяемого существительного и атрибутивным причастием. Такие конструкции систематически применяются в научной речи, в художественной речи их употребление считается тяжеловесным [Адмони 1973: 258]; у Крахта на 40 страниц текста их насчитывается 30. Стилизация под научную речь также создает сатирический эффект.

Как возвышенную архаизацию можно рассматривать и постановку генитивного определения перед определяемым именем. В нейтральном стиле современного немецкого языка в препозиции употребляются имена собственные. Появление в этой позиции имени нарицательного воспринимается как стилистически отмеченное; в примере (8) это впечатление усиливается употреблением в качестве определяемого слова заимствованного существительного. Ср.:

(8) *Des Menschen Sensorium reiche einfach nicht aus, den gesamten Hintergrund seiner eigenen Existenz zu erfassen* (S. 119).

Элитарность придает повествованию использование специфических для немецкого языка, но редко употребляемых обособленных конструкций: абсолютного винительного и абсолютного именительного. На 40 статистически обследованных страницах первая конструкция встретилась 3 раза, вторая один раз. В примере (10) наблюдаем контаминацию абсолютного именительного с абсолютным винительным. Впечатление значительности создается использованием постпозитивных обособленных приложений, в состав которых включается стилистически окрашенная в данном контексте лексика (11). Ср.:

(9) *Ein chinesischer Koch eilte aus der Kombüse herbei, den tropfenden Rührbesen noch in der Hand* (S. 25).

(10) *Eine Gruppe kahlrasierter Mönche eilte schwatzend vorbei, ein jeder von ihnen einen schwarzen aufgerollten Regenschirm in der Hand, safrangelb leuchteten ihre Kutten in der Nachmittagssonne* (S. 41).

(11) *Die Villa Gunantambu, der hölzerne Palast von Frau Forsayth, lag ein paar Gehminuten vom Herbertshöher Ortsschild entfernt* (ebd.: 56 f.).

Своеобразие стиля К. Крахта в этом романе состоит, на наш взгляд, в том, что частотные в тексте обособленные конструкции, с одной стороны, нередко имеют, как показано выше, архаичный оттенок, а с другой стороны, их портативный характер создает разветвленную цельную картину (ср. [Адмони 1963: 8]), убыстряет темп повествования, напоминая частую смену кадров в электронных СМИ (ср. [Kostrova 2016]).

Языковая личность автора, обличающего деятельность немецкого миссионера, в контексте одного из базовых концептов немецкой культуры СВЕРХЧЕЛОВЕК, восходящего к философии Ницше, предстает в оппозитивном свете. В философской интерпретации этого концепта отмечается, что состояние «сверх» следует понимать как степень качественного совершенства [Беляев 2014: 12]. Стилистическая архаизация, пронизывающая весь роман, производит на современного читателя впечатление высокопарности, что резко контрастирует с ничтожностью устремлений гедонистического протагониста, далекого от качественно совершенства. Достаточно сказать, что он видит свою основную цель в распространении кокосового ореха как продукта питания.

Тип стилизации текста, противостоящий архаизации, – его модернизация. Этот прием используется современными авторами при создании исторических произведений, чтобы облегчить их восприятие читателю. Покажем стратегию модернизации на примере романа Д. Кельмана «Измеряя мир». Роман посвящен описанию двух гениев немецкой культуры: выдающегося математика и астронома Карла Фридриха Гаусса и ученого-энциклопедиста Александра фон Гумбольдта. Представленные в романе жизнеописания не имеют биографической точности, тем не менее, роман изобилует деталями, переносящими читателя в исторически отстоящую от современности эпоху – в XIX век. Однако стилистически это современный роман, в котором автор использует типичные для литературы второй половины XX в. приемы. Среди них выделим дискурсивно-синтаксический прием, связанный с оформлением видов речи.

И.А. Шипова пишет, что языковой портрет эпохи автор создает современными средствами. В качестве убедительного доказательства исследователь сравнивает косвенную речь в новелле Г. фон Клейста, время написания которой относится к началу XIX в., и тот же вид речи в романе Кельмана. Сравнение показывает стилистическую сниженность современного текста относительно текста Клейста [Шипова 2014: 186]. Кельман использует стилистически сниженные стратегии передачи чужой речи, привычные современному читателю, но одновременно принижающие «гениальность» личностей, которым приписывается такой стиль. Тем самым автор ставит под сомнение концепт ГЕНИОЦЕНТРИЧНОСТЬ, унаследованный из культуры Ренессанса и получивший новую жизнь в конце XX в. в постмодернистском романе [Кучумова 2015: 207]. Этот концепт в известной мере свойственен и немецкой лингвокультуре. Один из приемов развешивания этого концепта в романе Кельмана – смешение видов речи.

Если раньше образ автора отделялся от образов персонажей [ср. Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1983], то в современных исследованиях выстраивается единая система «автор – герой – читатель». Такая систематизация восходит к системе повествовательных оппозиций, описанной К. Гамбургер [Hamburger 1968: 176], в которой фикциональность авторского повествования противостоит иллюзии реальности высказывания персонажа. Развивая идею системности в структуре повествования, В. Шмид [Schmid 2005: 181–225] приходит к мысли об интерференции текстов рассказчика и персонажей и рассматривает текстовую интерференцию как трансформацию речи персонажей. Следствием интерференции видов речи в постмодернистской литературе является то, что часто прямая и косвенная речь комбинируются. В романе Кельмана подчас сложно определить, какой вид речи автор имеет в виду. В диалоге реплики максимально приближены к разговорному стилю, имеют форму эллиптических высказываний. Вводящая авторская речь не всегда присутствует. Кельман не заботится об эстетике, о подборе синонимов. Реплики персонажей чаще всего сопровождаются, а не вводятся глаголами *sagen* и *antworten*. Ср. типичный диалог персонажей, в котором смена ролей говорящих никак не обозначается графически, что было недопустимо в текстах XIX в. Автор активно «включает» в расшифровку текста читателя, который должен внимательно следить за развитием сюжета, чтобы понять, кто что сказал, прямая ли это речь, или авторская интерпретация. В следующем примере реплики Гаусса приведены в косвенной форме и разрываются эллиптической

репликой Пилатра. Тем самым низводится содержание речи Гаусса, который подает открытый им закон как нечто обыденное. Ср. (12):

(12) *Er wisse es jetzt, sagte Gauß.*

Na was denn?

Dass alle parallelen Linien einander berührten.

Fein, sagte Pilátre (Kehlmann: S. 67).

Преобладание косвенной речи и минимальные авторские комментарии во многом способствуют созданию иронического тона текста, позволяющего с юмором воспринимать происходящее в романе. Здесь срабатывает эффект контраста: нарочито упрощенный стиль плохо согласуется с гениальностью описываемых личностей. Представляется, что автор не случайно выбирает такой способ изображения, поскольку ирония – неотъемлемая черта восприятия мира в немецкой лингвокультуре.

Заключение. Таким образом, выбор синтаксических конструкций дает широкие возможности стилизации, изменяющей временную перспективу текста, либо архаизируя, либо модернизируя его. К тому же синтаксическая стилизация создает иронический и даже сатирический тон повествования, представляя совокупную немецкую языковую личность эпохи постмодернизма.

Библиография

- Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: «Высшая школа», 1963. – 335 с.
- Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л.: «Наука», 1973. – 366 с.
- Беляев Д.А. Философское определение сверхчеловека // Известия Саратовского университета. Новая серия. / Серия Философия. Психология. Педагогика, 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 9–14.
- Ворожбитова А.А. Дискурсивные процессы литературно-художественной коммуникации и тип литературной личности «писатель русского зарубежья»: лингвориторический подход // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20. – С. 11–16.
- Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Сочи: СГУТиКД, 2000. – 319 с.
- Ворожбитова А.А. Лингвориторика дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации: алгоритмы и перспективы исследовательских действий // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 15–20.
- Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – № 8. – С. 24–33.
- Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – М.: «Промсвещение», 1989. – 208 с.
- Карпухина В.Н. Макростратегии интерпретации текста при его социальной аккумуляции в семисфере другого языка // Современные исследования социальных проблем [электронный научный журнал], №9 (17), 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru
- Кучумова Г.В. Дискурс фантастического / необычайного (на материале новейшего немецкоязычного романа) // Миры дискурса. – Самара: Самарский университет, 2015. – С. 168–236.
- Шипова И.А. Языковой портрет прошлого в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Вестник Удмуртского университета: История и филология. – 2014. – Вып. 2. – С. 186–191.
- Duden. Bedeutungswörterbuch. Duden Bd. 10 – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 1985. – 797 p.
- Hamburger K. Die Logik der Dichtung. – Stuttgart: E. Klett, 1968. – 284 p.
- Kehlmann D. Die Vermessung der Welt: Roman. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 2008. – 303 p.
- Kostrova O. Stilzüge der Internetepoche in der modernen deutschen Prosa // Colloquia Germanica Stetinensia 25 (2016). – P. 190–205.
- Kracht C. Imperium: Roman. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2013. – 243 p.
- Schmid W. Elemente der Narratologie. – Berlin. New York: W. de Gruyter, 2005. – 320 p.
- Winkelman J. The Poetic Style Erich Kastner // University of Nebraska Studies/ new series 1957, no. 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1038&context=univstudiespapers>
- Wunderlich D. Christian Kracht. Imperium: Buchbesprechung, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dieterwunderlich.de/Kracht-imperium.htm>
- Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of east slavic and western cultures // European Researcher. – 2013. – № 10-2 (61). – S. 2536–2543.

**Фразеологизмы в вербальных артикуляциях художественной экранизации
(на материалах современного отечественного кинематографа)**

Орищенко Светлана Серафимовна

Самарский государственный институт культуры, Россия
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологизмов в вербальных артикуляциях художественной экранизации в современном отечественном кинематографе. Постоянное обращение к идиоматическим выражениям подчёркивает значимость слова в кино. Влияние на кинологов традиционных фразеологических оборотов при создании фильма и рождение новых кинематографических фразеологизмов в кинокультурологии помогает осознать значимость того или иного художественного фильма для культуры.

Ключевые слова: фразеологический оборот, идиоматическое, перемиологическое выражение, кинолог, современный отечественный кинематограф, кинокультурология, транскрибация, логлайн.

УДК 811.111

**Phraseological units in verbal articulations of film adaptations
(a case of contemporary Russian cinematography)**

Svetlana S. Orishchenko

Samara State Institute of Culture, Russia
443010 Samara, Frunze Str., 167
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

Abstract. The article studies phraseological units in statements in film adaptations in modern domestic cinematography. Constant use of idiomatic expressions emphasizes the importance of the word in the cinema. The impact of traditional phraseologisms on cinematic logic in films and the emergence of new idioms in cinematic culture help to realize the cultural importance of a particular feature film.

Keywords: phraseological unit, idiomatic phrase, proverb, cinematic logos, modern domestic cinematography, film culture studies, transcription, logline.

UDC 811.111

Введение. Цель статьи – рассмотреть фразеологические единицы, которые сопровождают истолкование кинематографических текстов и служат расширению и углублению интерпретационного поля. Подтекст фильма Рустама Хамдамова «Мешок без дна» раскодируется нами при помощи осмысления в кинокультурологии фразеологических оборотов трёх типов: традиционных (общеизвестные, произносимые в фильмах персонажами); интерпретационных (фразеологические единицы, отобранные для интерпретации кинотекста); новоприобретённых (новые фразеологические обороты, созданные в кинологе).

Материалы и методы. В работе используются методы и процедуры концептуального, компонентного и контекстуального анализа.

Обсуждение. Приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им «чужих» кинотекстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, кинотекст вбирает в себя мир в целом, становится им, замещает собой весь мир для зрителя. В связи с этим важен анализ кинотекстов в рамках герменевтической парадигмы (герменевтика – наука об истолковании текста). Здесь применяются самые различные методы и приемы исследования – от интерпретационных до психолингвистических [Салахьева-Талал 2019]. В центре нашего внимания – фразеологические обороты, которые могут произноситься в фильмах, возникать при интерпретации кино, употребляться в кинотекстах как неологизмы, пополнять, таким образом, современный кинолог, зафиксированный в специальных словарях [Елистратов 2010]. Кино – один из текстов культуры, который сохраняет для нас подробности реальности транслируемого времени от языка до предметного мира, от бытовой мысли до философской сентенции.

Кинокультурология призвана упорядочить кинотексты при изучении, в том числе и с позиций употребления в них фразеологических оборотов. Существуют различные направления исследований фразеологических оборотов, например, в лингвистике (А.А. Потемня, Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев). В лингвокультурологии имеется ряд работ, полезных для нашего исследования [Елистратов 2010; Ионесов 2009; Кузнецов 2019; Маслова 2001]. Кинокультурологические словари должны не только воспроизводить идиоматические выражения, употреблённые в фильмах, но и фиксировать все языковые составляющие, которые в будущем помогут отличать работу одного мастера от другого, т.е. в основу таких книг будет положен идио-

стиль режиссёра. Одна из граней – анализ сценария фильма и транскрибации (запись кинотекста после выхода фильма на экраны), включая логлайн (это суть истории, выраженная ровно в одном предложении длиной в двадцать пять – тридцать, максимум сорок слов), созданный автором словарной статьи [Кузнецов 2019].

Кино как актуальный вид искусства продолжает кодировать современную жизнь, чтобы сохранить для потомков точность восприятия бытия: человека в конкретном времени, его проблемы, проблемы социума, особенности политических платформ, лидеров, исторических фактов, нравственные ориентиры и другие культурные ценности. Фразеологические обороты, транслирующие народную мудрость, помогают находить ключи к раскодированию кинотекстов. Нетрудно понять, что любая интерпретация фильма начинается с просмотра киноповествования, первого впечатления от увиденного и возможных ассоциаций, основанных на культурной памяти зрителя. Одним из таких пластов являются фразеологические обороты, пословицы и поговорки, которые можно соотнести как с персонажами фильма, так и с событиями, там показанными, поскольку слово в столь сконцентрированном сюжете всегда является знаком, подобном пружине. После приблизительных, ещё не до конца оформленных (пережитых) впечатлений приходит осознание, что фильм таит в себе много непознанного. В таком случае на помощь могут прийти всё те же фразеологические обороты и паремии из сборника пословиц и поговорок В.И. Даля или «Фразеологического словаря русского языка». Важно отметить, что часто режиссёры используют фразеологизмы внутри сценарного материала. Многие из них произносятся в контексте фильма. Такое внимание к идиоматическим выражениям не случайно. Ведь опыт человеческих взаимоотношений всегда фиксируется в языке. Нелишне напомнить, что сегодня кинологос является одним из мощнейших источников по организации потока современных фразеологических оборотов. Его силу можно сравнить с такими важными в культуре носителями, как Библия, мифология, устное народное творчество. Если поставить перед собой определённую задачу собрать идиоматические выражения, характеризующие фильм в целом или отдельные его составляющие, то можно найти огромное количество скрытых смыслов, отражённых в народной мудрости и расширяющих семиотическое поле киноповествования. То, что веками волновало человечество, зафиксировано множеством словарей и сборников фразеологических единиц. Работе над дешифровкой скрытых смыслов помогают подобранные на основе ассоциаций фразеологические обороты.

Семантические смыслы и значения скрываются в речевых артикуляциях, символических манифестациях и в визуальных атрибуциях культуры, которые задают определённый коммуникативный порядок в системе социальных отношений [Белкин, Ионесов 2016; Ионесов 2009, Ионесов 2016; Полушкин, Михелькевич, Ионесов 2004]. Этот порядок обретает свою метафорическую форму в фразеологизмах и в художественной экранизации.

Главная сложность обработки фразеологических оборотов заключается в фиксации ассоциативных фраз. Порой бывает сложно разграничить метафоры, символы и идиоматические выражения, поскольку они могут сближаться в языковых знаках. Фразеологический фонд языка в киноискусстве подлежит исследованию в первую очередь, поскольку является наиболее «культурноносным» его пластом. Фразеологические обороты помогают осваивать и присваивать мир. Принято считать, что в каждом фразеологизме отражается только часть мифа: мифологема. Человек постоянно творит мифы, окружая себя и бытие составляющими мифа. Так проще познавать мир и признавать его исключительные особенности, присутствие мифа в личном пространстве. Какие-то из фильмов имеют несколько ассоциативных фразеологических оборотов, кстати, их количество может зависеть от конкретных задач по интерпретации текста. Другие укладываются в жёсткие рамки нескольких ярких выражений. Третьи имеют ключевой фразеологизм как смысловой компонент, чаще всего он обозначен в названии фильма «Юрьев день» К. Серебренникова [Орищенко 2012а, Орищенко 2012б; Орищенко 2012в], «Солнечный удар» Н. Михалкова [Орищенко 2017], «Мешок без дна» Р. Хамдамова [Орищенко 2019].

Обратимся к фильму 2017 года Рустама Хамдамова «Мешок без дна». Помимо ключевого фразеологизма, текст фильма может вмещать в себя следующие выражения: *вилами по воде писано, лес голов, бойтесь своих желаний*. Каждая из этих ассоциативных языковых единиц вызывает у зрителя ряд определённых сцеплений со сценарием фильма. *Вилами по воде писано* можно соотнести с постоянной трансляцией водных пространств (голова-поплавок на озёрной глади; борьба разбойника со стражником в воде; желание царевны наложить на себя руки, её раздвоение на двух героинь: жаждущей смерти и жаждущей жизни; зеркальные отражение во дворце князя). Рассказчица то и дело смотрит в зеркала. Это её информационное поле, окно в тот свет. Если попытаться осознать культурологические смыслы зеркала, то его элементами станут: средство вхождения в контакт с чертом; канал связи с «тем светом»; средство, закрывающее границы мира; средство отражения невидимого и потустороннего мира; оно способно похищать душу человека, делая его пустым, бездушным; это аккумулятор информации о мире; это наш двойник. Отсюда раздвоение главных персонажей: рассказчица – царица; князь – домовый; погибшая княгиня – собака. Не случайно все литературные реминисценции в фильме основаны на виде опустошённых князем бутылок. Рассказчица видит в них, в зависимости от их месторасположения, то трёх сестёр А.П. Чехова, то Катерину Н.А. Островского. Незаполненность стеклянных сосудов говорит о несбывшихся, рухнувших надеждах драматических героинь, иссушенной душе, сердечной пустоте, одиночестве, ведущем к трагедии.

Кроме буквального «водного» пространства, которое демонстрируется в кадре, выражение *вилами по воде писано* имеет своё значение. Когда так говорят, имеют в виду, что в ситуации, о которой идет речь, «отсутствует ясность, результат сомнителен, нет точности, сомнительно, маловероятно, едва ли, скользко, неопределенно». Именно данное толкование лежит в основе взаимоотношений князя как слушателя и чтицы как рассказчицы. Князь увлечён историей мадам, но всё время сомневается, пытается прервать линию повествования, начинает сам предполагать, как могли развиваться события, спорит. Но его визави слишком хорошо подготовлена к встрече с князем. Её ничто не может сбить с толку, она из тех особ, которые способны читать написанное вилами по воде. Иначе и быть не может, ведь мешок без дна, которым обладает рассказчица, и есть культура со всеми возможными и невозможными сцеплениями смыслов.

Лес голов является прекрасной отсылкой к источнику сценария, который написан на основе рассказа «В чаще леса» японского писателя Рюноске Акутагавы. Мифический лес самоубийц, существующий поныне, страшит и отталкивает жителей, которые живут с ним рядом. Если японец хочет расстаться с жизнью, он отправляется туда, где сложено множество голов. В рассказе погибает только один персонаж. Исключительная история становится оттого, что все действующие лица приписывают себе содеянное, включая молодого человека, который простился с жизнью по собственной воле. *Лес голов* в русской интерпретации говорит о видимых и невидимых обитателях и жителях леса. Это семейство грибов, медведь, Баба-яга, монах-отшельник, дозорный на вышке, случайно проходящие люди: слуги, крестьяне. Таким образом, *лес голов* может быть и отправкой к первопричине сюжетной линии о гибели царевича и оправданием для Рустама Хамдамова, который вводит в повествование огромное количество новых персонажей. Так *лес голов* взаимодействует внутри фильма и за его пределами [Орищенко 2019].

Бойтесь своих желаний – они могут исполниться. Возжелал разбойник царевну и получил желаемое. Но кроме этого, он был вынужден убить её мужа, которого ему не хотелось убивать, был пойман стражником, предстал перед судом и был казнён за свои злодеяния. Зрители даже поняли, как был казнён разбойник в конце своего пути, хотя не видели ни заседания суда, ни вынесения приговора, ни саму казнь. Зрители видели «срубленную» голову разбойника, плавающую в озере. Она двигалась, как будто была во власти подводного течения: гладь озера при этом оставалась незамутнённой. Голова человека была похожа на поплавок, на приманку для большой рыбы, которую впоследствии заменит ратник, поймавший разбойника. Поверх головы был положен меч, который не балансировал, а передвигался синхронно с головой, подчёркивая предположение о казни подобным способом: мой меч – твоя голова с плеч (ещё одна ассоциативная идиома). Разбойник настолько устал от вседозволенности в этой жизни, что берёт на себя преступление, которого не совершал. Он всё познал здесь, всё испытал в этом мире и пресытился, он смотрит на себя сторонним взглядом, как будет выглядеть, когда придётся платить по счетам, когда всё закончится. В конце жизненного пути он испытал настоящее чувство любви. Оно было столь сильно, что не было смысла продолжать земное существование. Он хотел сохранить в себе то, что невозможно было воспроизвести, повторить. Исполненное желание поглотило желание жить, стало точкой, рубежом между бытием и небытием. Иррациональное держит во власти современного человека, диктуя ему архетипическое восприятие мира. Чем старше человек, тем больше в нём накоплено мифологем, поскольку к опыту социума прибавляется личный опыт, который быстро мифологизируется [Орищенко 2019].

Из словаря Владимира Ивановича Даля нами были отобраны семь фразеологических оборотов к фильму Рустама Хамдамова «Мешок без дна». *Мели Емеля, твоя неделя. Я так я, а не кто другой; а не я, так и бог с тобой. Эта капля не на нашу плешь. У всякого Мойсея своя затея. Всяк по-своему, да никто по-божьему. С миру по нитке – голому рубаха. Мой меч – твоя голова с плеч* [Даль 1991]. Если учесть, что народные пословицы – это стереотипы народного сознания, отсюда такой широкий выбор для толкования сюжетных линий в кино. Фразеологизмы в данном случае «расшифровываются» не по толковым словарям, а по своей внутренней соотнесённости с кинотекстом. Таким образом, фразеологические обороты пробуждают сознание зрителей и вызывают их рефлексии по поводу увиденного на экране. Они становятся сигналами, которые отправляют к смысловым концептам, которые, в свою очередь, являются ключами в постижении смыслов. Так рождается интерпретация, основанная на связи кинотекста с фразеологическими единицами.

Кроме фразеологических оборотов, привлечённых для анализа кинотекста извне, необходимо отметить значение новых словосочетаний, которые после демонстрации фильмов становятся фразеологическими оборотами. «*Если бы не было сказок, то чем бы мы защитились от жизни*»; «*Тьма ночная все дневные грехи прекращает, чтобы не видно было ничего, чтобы всё прикончилось*»; «*Мадам, да вы десятиголовая*»; «*Вырвите свой гнев, расслабьтесь, не берите в голову всё злое и дурное*». Эти фразы настолько ярко отражают главные идеи кинофильма, что при определённых условиях могут пополнить словарь кинолога.

Если задаться вопросом, имеет ли право интерпретатор кинотекста обращаться к фразеологическим оборотам, то можем привести мнение известного лингвокультуролога Масловой В.А.: «*Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выразить к нему субъективное отношение*

ние. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц» [Маслова 2001].

Заключение. Истолкование кинотекста через фразеологизмы стало возможным потому, что фразеологические обороты также являются единицами текста. Известно, что тексты являются истинными хранителями культуры. Кинотекст, как и любой другой, отображает духовный мир человека. Кинотекст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов [Корте 2018]. Культурный текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры. Кинофильм вмещает в себя набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных, как правило, формирующихся через систему фразеологических единиц. При этом правила построения кинотекста зависят от контекста культуры, в которой он возникает. Фразеологические обороты при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал, исходящий из кинофильма. Всякий фразеологизм хранит культурную информацию и вносит в понимание фильма дополнительные смыслы, которые расширяют интерпретационное поле кинокартины. Фразеологические единицы углубляют его, способствуют прочтению подтекста, находят ключи к закодированному кинотексту [Сегер 2018]. Для кинокультурологии важно изучение фразеологических оборотов, связанных с кинофильмами, поскольку в них заключается «кладёз премудрости» народа, таким образом, фразеологические единицы формируют элементы культурно-национального миропонимания, что важно как для науки, так и для искусства в целом. Мозаичная, покadroвая система кинотекста состоит из культурных коннотаций. Фразеологизмы прямо или опосредованно через эталоны, символы, стереотипы помогают раскодированию фильмов [Орищенко 2019].

Библиография

- Белкин А.И., Ионесов В.И. Коммуникация в контексте сознания и социодинамики культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5. – № 4. – С. 315–322.
- Даль В.И. Пословицы русского народа: сост. Н.И. Сазонов. – Йошкар-Ола, 1991. – 671 с.
- Елистратов В.С. Словарь крылатых фраз российского кино: Словари XXI века. – М., 2010. – 336 с.
- Ионесов В.И. Язык как культурная реальность: возможности трансформации // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. – № 1–2. – С. 20–23.
- Ионесов В.И. Культурный процесс как предвосхищение бытия и дополняющая определённая // Креативная экономика и социальные инновации. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 74–87.
- Корте Г. Введение в системный киноанализ. – М., 2018. – 360 с.
- Кузнецов Д. Язык кино. Как понимать кино и получать удовольствие от просмотра. – М., 2019. – 112 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М., 2001. – 208 с.
- Орищенко С.С. Белый цвет на русский лад: визуально-семантические проекции японской истории // Международный арт-культурологический проект «Антропология цвета, или Во что окрашена культура»: под ред. д-ра культурологии, проф. Ионесова В.И. – Самара: СГИК, 2019.
- Орищенко С.С. Метафоры фильма «Юрьев день» Кирилла Серебренникова / С.С. Орищенко // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Самарский центр РАН, 2012а. – Т. 14. – № 2. – Ч. 5. – С. 1283–1289.
- Орищенко С.С. Отражение русской революции в кинематографе: от «Окаянных дней» И. Бунина до «Солнечного удара» Н. Михалкова / Память о прошлом – 2017: VI историко-архивный форум, посвящённый 100-летию революции 1917 года в России (г. Самара, 18–20 апреля 2017 г.): материалы и доклады: сборник статей: сост. О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. – С. 526–534.
- Орищенко С.С. Художественный фильм «Юрьев день» Кирилла Серебренникова в контексте семантики и метафизики города / С.С. Орищенко // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Самарский центр РАН, 2012в. – Т. 14. – № 2. – Ч. 4. – С. 1017–1023.
- Орищенко С.С. Чеховские мотивы в фильме Кирилла Серебренникова «Юрьев день» / С.С. Орищенко // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Самарский центр РАН, 2012б. – Т. 14. – № 2. – Ч. 6. – С. 1553–1559.
- Полушкин И.А., Михелькевич В.Н., Ионесов В.И. Диалоговые технологии гражданского образования: монография, Самарский научный центр Российской академии наук [и др.]. – Самара, 2004. – 174 с.
- Салахьева-Талал Т. Психология в кино. – М., 2019. – 349 с.
- Сегер Л. Скрытый смысл: Создание подтекста в кино. – М., 2018. – 204 с.

К вопросу о герменевтических основах техники понимания повествовательного текста

Тармаева Виктория Ивановна

Сибирский федеральный университет, Россия
660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 82
доктор филологических наук, профессор
E-mail: vtarmaeva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется сложный, но принципиально важный феномен языка, языкового сознания и речевой деятельности – когнитивная гармония, проявляющаяся при интерпретации текста. Главный вопрос, который ставится в исследовании, – какова структура сценария когнитивной гармонии, формирующей герменевтические основы техники понимания повествовательного текста, а также – каков характер отношений между уровнями сценария.

Ключевые слова: когнитивная гармония, сценарий, динамичная иерархичность, уровень, повествовательный текст.

УДК 811.111.81'373.72

On the issue of hermeneutic foundations of the technique of understanding a narrative text

Victoria I. Tarmaeva

Siberian Federal University, Russia
660041 Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: vtarmaeva@mail.ru

Abstract: This article examines cognitive harmony, a complex but fundamentally important phenomenon of language, linguistic consciousness and speech activity, manifested in text interpretation. The main problems are defining the structure of the scenario of cognitive harmony, forming the hermeneutical basis for the technique of understanding the narrative text and the nature of the relationship between the script levels.

Keywords: cognitive harmony, scenario, dynamic hierarchy, level, narrative text.

UDC 811.111.81'373.72

Введение. Цель данной статьи – описание содержания сценария когнитивной гармонии, выступающей в качестве механизма интерпретации повествовательного текста.

Термин «когнитивная гармония» обусловлен фактором гармонии, присущей всей системе языка а priori. Системный подход к исследованию языка, предпринятый в работах В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, О.В. Александровой, М.М. Бахтина, Ф.М. Березина, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградова, Л.С. Выготского, В.А. Звегинцева, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, Ю.М. Лотмана, Н.С. Поспелова, А.А. Потебни, Б.А. Серебренникова, Е.В. Сидорова, Ю.С. Степанова, Ф.Ф. Фортунатова, Л.В. Щербы и др., привел к зарождению лингвосинергетики, в русле которой исследуются процессы самоорганизации/гармонизации в языке (Г.Г. Москальчук, В.И. Аршинов, Я.И. Свирский, И.А. Герман, В.А. Пичальникова, В.Н. Базылев, Н.Л. Мышкина, В.Г. Борботько, Г.С. Сонин и др.).

Используемый в работе подход к исследованию когнитивной гармонии как механизма интерпретации текста выполняется в рамках лингвистического интерпретационизма, связанного с работами В.З. Демьянкова, N. Chomsky, R.S. Jackendoff, W. Harris и др. Вслед за данными авторами, мы придерживаемся идеи «об интерпретируемости как свойстве языковой единицы и положением о том, что значение и смысл языковых выражений представляют собой результат интерпретирующей деятельности человека, а интерпретация как целенаправленная когнитивная деятельность состоит в установлении и/или поддержании гармонии в мире интерпретатора, что может выражаться в осознании свойств контекста речи и в помещении результатов такого осознания в пространство внутреннего мира интерпретатора, а в частности, в получении целостного объекта (результата интерпретации) и устранении того, что иногда называют "когнитивным диссонансом"» [Демьянков 1983: 62]. В основу нашего подхода положено понимание интерпретации, разработанное В.З. Демьянковым, в соответствии с которым при интерпретации художественного текста в языковом сознании интерпретатора происходит взаимодействие метаязыковых репрезентаций, возникающих при реконструкции интерпретируемого текста, с одной стороны, и имеющихся метаязыковых репрезентаций прошлого опыта интерпретатора – с другой.

Материалы и методы. Критерием выделения сегментов текста при интерпретации является их смысловой уровень. Благодаря своему функциональному характеру составляющие сюжета оказываются структурными единицами когнитивного сценария событий и, следовательно, сценария когнитивной гармонии. Когнитивная гармония рассматривается как познание состояния взаимодействия и упорядочения

репрезентаций событий, разворачивающихся в равновесной причинно-следственной темпоральной/фазовой трихотомии и данных как цельное и безусловное переживание внутреннего Эго наблюдателя, предопределенное дивинацией. Под дивинацией понимается прогностическая активность, проявляющаяся в отношении событийного и лексико-грамматического прогнозирования [Тармаева 2009].

Сценарии когнитивной гармонии «определяют» субъекты и объекты действий, сами действия, сопряженные с достижением целей в определенных обстоятельствах. Отношения между составляющими сценарий когнитивной гармонии «реконструируются» на основе отношений, возникающих между единицами интерпретируемого повествовательного текста, и определяются как уровнево-иерархичные.

Обсуждение. События повествовательного текста могут быть поняты только при взаимодействии всех уровней сценария когнитивной гармонии. Каждый уровень значим своей ролью в повествовании, своей функциональностью. «Эта значимость – не результат повествовательного мастерства рассказчика. Если развертывающийся текст выделяет какую-либо деталь, значит, эта деталь подлежит выделению: даже когда такая деталь кажется совершенно бессмысленной и не поддается никакой функционализации, она в конечном счете становится воплощением идеи абсурдности или бесполезности; одно из двух: либо все в тексте имеет значение, либо его не имеет ничто. В произведении искусства нет лишних элементов, хотя нить, связывающая сюжетную единицу с другими единицами, может оказаться очень длинной, тонкой или непрочной» [Пропп 1928: Электронный ресурс].

Различаются два уровня элементов в сценарии когнитивной гармонии: уровень элементов, значимых для развития событий (ЭЗ – в дальнейшем), и уровень «действующих субъектов».

Существует несколько типов ЭЗ в зависимости от степени значимости и типов связей между ними. Можно выделить:

- основные ЭЗ (в дальнейшем – ОЭЗ);
- второстепенные ЭЗ (в дальнейшем – ВЭЗ), которые служат «прокладкой» между ОЭЗ;
- признаковые ЭЗ (в дальнейшем – ПЭЗ).

Данные элементы выступают функционально значимыми, поскольку «ответственны» за характеристику персонажей, их характеров, мотивов, мыслей, а также обстановки событий и атмосферы действий в возникающих метаязыковых репрезентациях при интерпретации повествовательного текста.

ОЭЗ «репрезентирует» значимый выбор персонажа: например, Нельгин из рассказа А.И. Куприна «Храбрые беглецы» с друзьями совершают побег из сиротского пансионата, а ВЭЗ – последовательность осуществления этого выбора: они насушили сухарей, построили небольшой плот, дождались подходящего момента для побега. ПЭЗ – описания внешности героя, его друзей, его учителей и воспитателей, описание комнаты в приюте, условий проживания в пансионате, пейзажей в парке, воссоздание мыслей и чувств Нельгина и т.п.

Каждый ЭЗ – и в этом его сущность – является источником нового элемента в когнитивном сценарии. Значимость ЭЗ проявляется в его способности посредством дивинации вступать в коррелятивные связи с другими элементами когнитивного сценария и со сценарием когнитивной гармонии целого повествовательного текста.

ЭЗ представляет собой единицу плана содержания: высказывание с ЭЗ становится функционально-значимой единицей повествовательного текста благодаря тому, о чем оно сообщает, а не благодаря способу сообщения. Так, например, приведенный ниже отрывок содержит информацию относительно двух ЭЗ с разной значимостью: с одной стороны, небрежный вид и беспорядок входят в описание перемены, произошедшей с Борисом; с другой стороны, непосредственно значимым является тот факт, что для автора причиной произошедшей перемены может быть нечто мрачное и неотвратимое: это значит, что указанный ЭЗ способствует дивинации – «чувствовалась близость трагической развязки»:

Но еще более поразила и огорчила меня перемена, происшедшая с Борисом.

Когда я вошел к нему, он лежал одетый на небрежной постели, заложив под голову руки, и не поднялся при моем появлении (А.И. Куприн. Черный туман).

ЭЗ в повествовательном тексте передается как при помощи единицы, превосходящей по размерам предложение (такой единицей может служить группа предложений), так и при помощи единицы, меньшей, чем предложение (слово). Например:

А дворянам, даже самым захудалым, князь в случае недоразумений не отказывал в сатисфакции. Однако его остерегались, потому что знали его характер неукротимый, и знали, что он в восемнадцати дуэлях на своем веку участвовал (А.И. Куприн. Картина).

Здесь слово «восемнадцать» само по себе представляет целостную функционально-значимую единицу: оно вызывает представление о блестящем офицере, обладающем хорошей физической подготовкой и «метким глазом», ведущим светский образ жизни, характерный для молодых дворян того времени. В данном случае в роли повествовательной единицы выступает не лингвистическая единица как таковая (слово), а лишь ее коннотативный смысл (слово «восемнадцать» обозначает нечто большее, нежели простое понятие «восемнадцать»): дуэли в ту пору между дворянами были даже очень обыкновенным делом.

ОЭЗ «имеет» дистрибутивный характер, поскольку посредством дивинации «прогнозирует» следующий за ним ОЭЗ: так, покупка револьвера имеет в качестве ожидаемого ОЭЗ момент, когда из него выстрелят; вхождение в помещение «ожидает» ОЭЗ, когда из него выйдут, и т.п.

ПЭЗ «обладает» интегративной природой: он «содержит» информацию о характере персонажей, об их отличительных чертах, об «атмосфере» события, умонастроении и т.п. ПЭЗ и его корреляты связывают не дистрибутивные, а интегративные отношения: чтобы понять, чему служит тот или иной ПЭЗ, необходимо перейти на более высокий уровень – на уровень «действующих субъектов» сценария когнитивной гармонии – ибо ожидаемая значимость ПЭЗ раскрывается только там. К примеру, упоминание о восемнадцати дуэлях, в которых участвовал князь Андрей в рассказе А.И. Куприна «Картина», не оказывает никакого влияния на последовательность событий, в которые князь Андрей включился. Оно значимо лишь на уровне общей типологии действующих субъектов: князь Андрей – типичный представитель молодого дворянства своего времени.

ПЭЗ «позволяют» идентифицировать людей и события во времени и пространстве. К примеру, ПЭЗ (упоминание) о том, что когда-то жизнерадостного и полного оптимизма Бориса охватила тоска и «усталость от жизни», как бы указывает на ту мрачную и тревожную атмосферу, в которой должны развернуться пока неизвестные нам события:

Я оставил его грустным, раздраженным, вконец измученным белыми ночами, которые вызывали в нем бессонницу и тоску, доходившую до отчаяния. Он проводил меня на Варшавский вокзал (А.И. Куприн. Черный туман).

ОЭЗ в дивинации «прогнозирует (поддерживает или закрывает)» некую альтернативную возможность, имеющую значение для дальнейшего развития событий, когда она либо создает, либо разрешает ситуативную неопределенность. Так, если в некоторой сюжетной ситуации раздается телефонный звонок, то одинаково вероятно, что трубку поднимут и что ее не поднимут; в зависимости от этого события станут развиваться по-разному, и произойдет «смена горизонта» дивинации.

Вместе с тем, между двумя ОЭЗ могут находиться различные ВЭЗ. «Обрастая» этими ВЭЗ, ОЭЗ, тем не менее, не утрачивает своей альтернативной природы: в повествовании пространство, отделяющее фразу «завонил телефон» от фразы «он взял трубку», может быть заполнено множеством предметных подробностей и описаний. Например: «Он подошел к столу, снял трубку, положил сигарету в пепельницу, дотянул свободной рукой до бумаг» и т.п.

Хотя в повествовательных текстах ОЭЗ, составляющие сюжетную последовательность, образуют единое целое, тем не менее, они могут оказаться отделенными друг от друга в том случае, если между ними вклиниваются ПЭЗ и ВЭЗ, принадлежащие иным последовательностям. Так, маловероятно, чтобы в жизни – при встрече двух людей – за приглашением садиться немедленно не последовало бы ответное действие. Зато в повествовательном тексте эти две смежные единицы могут быть разделены длинной цепочкой перекрывающихся элементов, принадлежащих к совершенно иным последовательностям. Так возникает своеобразное логическое время, имеющее отдаленное отношение к реальному времени, поскольку внешне разбросанные единицы скреплены жесткой логикой, связывающей ОЭЗ в последовательности в сценарии когнитивной гармонии. В сценарии когнитивной гармонии все эти ОЭЗ репрезентируются упорядоченно и последовательно.

Каждый ЭЗ сценария когнитивной гармонии последовательно включается в более укрупненную последовательность. Так, здесь: *Он бегал зачем-то в Публичную библиотеку, таскал к себе на дом толстые справочники, сплошь наполненные цифрами, делал по вечерам таинственные математические выкладки. Кончилось все это тем, что он представил своему начальству такую схему движения пассажирских и товарных поездов, которая совмещала в себе и простоту, и наглядность, и многие другие практические удобства. Его похвалили и отметили. Через полгода он уже получал полтора рубля в месяц и заведовал почти самостоятельной службой (А.И. Куприн. Черный туман)* – мы имеем дело с ПЭЗ сценария когнитивной гармонии (описание оптимизма и жизнелюбия Бориса); однако ЭЗ «Посещение публичной библиотеки» постепенно включается во все более и более укрупненные ожидаемые сценарии («Ответственное отношение к работе», «Заслуженная похвала», «Успешная карьера», «Успешная жизнь») до тех пор, пока не обретет своего окончательного смысла в статусе ОЭЗ. Именно таким образом любое событие посредством дивинации «входит» в целостность сценария когнитивной гармонии повествовательного текста. Интерпретатор предощущает будущее событие с волнением и удовольствием.

Как было уже отмечено ранее, не все единицы ЭЗ одинаково «важны». Часть из них в сценарии когнитивной гармонии (или в одной из его фаз) «репрезентируют» значимый выбор субъекта; другие же лишь «заполняют» репрезентативное пространство. Первые – это ОЭЗ, вторые – это ВЭЗ, ибо они имеют вспомогательный характер.

Такие ВЭЗ сохраняют свою функциональную значимость в той мере, в какой они коррелируют с ОЭЗ. Такая функциональная значимость имеет сугубо хронологическую природу: ВЭЗ заполняют «пространство» между двумя фазами триады сценария когнитивной гармонии. Напротив, функциональная связь между ОЭЗ двумерна: она является и хронологической, и логической одновременно. ВЭЗ «отмечают» только временную последовательность событий, а ОЭЗ – еще и их логическое следование друг за другом (причинно-следственную связь). ОЭЗ предстают «моментами риска» в сценарии. ВЭЗ, заполняющие пространство между этими альтернативными точками в сценарии, создают своего рода «зоны безопасности», «спокойствия», «передышки».

ВЭЗ не бывают избыточными: любая деталь, которая на первый взгляд может показаться эксплетивной, на самом деле играет свою, особую роль в «становлении» переживаний событий – ускоряет, замедляет, отбрасывает назад, резюмирует или предвосхищает развитие событий, а иногда – способствует «смене горизонта» переживания. Знаки ВЭЗ в повествовательном тексте постоянно поддерживают семантическое напряжение метатекста. Они словно все время говорят: здесь есть смысл, сейчас он проявится. Невозможно устранить ни одного ОЭЗ, ни одного ВЭЗ, не нарушив при этом целостности сценария когнитивной гармонии.

Вышеприведенная классификация нуждается в двух дополнительных уточнениях.

Во-первых, один и тот же ЭЗ может одновременно принадлежать к двум различным классам: так, «посещать Публичную библиотеку» – это действие, способное служить ВЭЗ по отношению к ОЭЗ «Достижение целей», но в то же время этот ЭЗ – признак определенных качеств характера персонажа и способно «служить» ПЭЗ (указание на то, что персонаж полон оптимизма, жизненной энергии, целеустремленности и т.п.). Некоторые ЭЗ могут быть смешанными.

Во-вторых, ВЭЗ и ПЭЗ имеют одну общую черту: они служат развертыванию ОЭЗ. ОЭЗ, логически связанные между собой, образуют своего рода каркас, а остальные элементы лишь заполняют его путем конкретизации ОЭЗ.

ВЭЗ связаны с ОЭЗ отношением простой импликации: наличие ВЭЗ с неизбежностью предполагает существование ОЭЗ, от которого этот ВЭЗ зависит, но не наоборот. ОЭЗ связаны между собой отношением параллельной солидарности: наличие ОЭЗ предполагает наличие другого ОЭЗ того же типа – и наоборот.

Выделяя ЭЗ, мы оказываемся перед необходимостью дать им названия. Акты такого называния имеют сугубо лингвистический характер, поскольку касаются самого кода повествовательного текста на ментальном уровне (названия сценариев/сцен/подсценариев).

Интерпретатор «охватывает» всякую логическую последовательность ЭЗ как номинальное целое: читать – значит не только интерпретировать метатекст, но и реконструировать его, называть [Барт 1987]. Самодостаточная логика, структурирующая те или иные последовательности ЭЗ сценария когнитивной гармонии, неразрывно связана с их наименованием.

Подведенная под определенное название, последовательность ЭЗ как таковая образует новую единицу, способную функционировать в качестве простого действия другой, более крупной последовательности, с одной стороны. С другой, действия, принадлежащие разным последовательностям ЭЗ, способны как бы вклиниваться друг в друга: развитие одной последовательности ЭЗ еще не закончено, как уже может начать осуществляться начальное действие другой последовательности ЭЗ. В рамках повествовательного текста процесс взаимного наложения последовательностей ЭЗ способен прекратиться – в результате полного разрыва между ними – лишь в том случае, если изоляция некоторых входящих в этот текст повествовательной прозы блоков компенсируется на уровне «действующих субъектов» [Греймас 1996]. Например, роман может состоять из нескольких независимых друг от друга эпизодов в силу того, что между ними связь нарушается: между эпизодами могут отсутствовать какие бы то ни было событийные отношения. Однако на уровне действующих субъектов отношения между ними существуют, т.к. персонажи в обоих случаях остаются теми же. Интерпретатор способен молниеносно отслеживать смысловые взаимодействия единиц на всех уровнях сценария когнитивной гармонии.

Путем последовательного укрупнения единиц интерпретатор от уровня ЭЗ «переходит» к уровню «действующих субъектов» («актантов» [Греймас 1996; Томашевский 1994]).

Действующему субъекту свойственно выполнение определенной структурной роли в повествовании, определяемой как «актант» [Томашевский 1994: 45]. Соответственно, любой действующий субъект выступает в качестве действующего актанта. Структура актантного воплощения определяется через его «ситуацию» или круг его действий: есть ли у него поддержка (помощники), находится ли он в поисках чего-то и т.п.

Связь событий с личной сферой действующих субъектов (актантов) дает возможность дифференцировать (значимые) события, к которым отсылает асимметричный знак, по шкале «приобретения – потери», – относящиеся:

- к материальной сфере,
- к области физического или социального взаимодействия,
- к нравственной или психологической областям,

иными словами, в соответствии с функцией бенефактивности. Под семантической функцией бенефактивности понимается оценка по отношению к действующему субъекту, выступающему лицом-обладателем определенного объекта обладания как приносящего ему пользу или вред.

Обратимся к примеру:

Благодаря русским солдатам она вскоре увидит свою мать, родной городок, берег моря.

Маргарета была полна благодарности к русским. Впервые за три года батраческой жизни в Германии она почувствовала себя под защитой могучей и дружественной силы. Эта сила воплотилась в маленьком стройном сероглазом капитане.

В присутствии капитана она чувствовала себя в безопасности перед старухой баронессой фон Боркау, ее управителем и разными «амтами», «ратами», «лейтерами», «фюрерами» – всем этим сложным и страшным хороводом, который разлетелся теперь, подобно нечистой силе при свете дня (Э.Г. Казакевич. Весна на Одере).

Значимое событие, инициируемое асимметричным словосочетанием «благодаря русским солдатам», относится к области физического и социального взаимодействий. Последствия же происходят не только в области физических взаимодействий – вследствие того, что люди получили физическую свободу, они уезжают домой, – но и относятся к психологической области: актант Маргарета ощущает (получает) чувство защищенности и безопасности. Советская армия выступает в качестве бенефактора (дарующего), Маргарета – бенефициара (получателя).

Заключение. Итак, отношения между уровнями сценария когнитивной гармонии характеризуются динамичной иерархичностью: уровень действующих субъектов выступает как уровень высшего порядка, поскольку уровень ЭЗ, составляющий повествовательную основу, отсюда систематически «черпает свой смысл». В результате взаимодействия уровней в укрупненной последовательности происходит «вхождение» в целостность повествовательного текста.

Таким образом, в ходе становления когнитивной гармонии повествовательного текста происходит адаптация языкового сознания интерпретатора, нацеленного на «приведение» реальности текста повествовательной прозы к «единым правилам игры». «Языковое сознание присваивает повествовательный текст» [Борботько 2007: 250], создавая сценарную модель когнитивной гармонии. Моделирование по сценарию когнитивной гармонии – это преобразование, происходящее при адаптации интерпретатора к метаязыковым репрезентациям повествовательного текста и репрезентациям, имеющимся у него в памяти (как опыт), посредством контроля (реконструирования) информации.

Становление когнитивной гармонии повествовательного текста происходит посредством «развертывания» и взаимодействия уровней сценария когнитивной гармонии, находящихся в состоянии динамичной иерархичности.

Конечным результатом интерпретации повествовательного текста является достижение когнитивной гармонии. Подобное возникает, как только взаимодействие уровней сценария когнитивной гармонии от событийных последовательностей «переходит» к укрупненной последовательности («укрупненному сценарию»), «создающей» целостность повествовательного текста.

Библиография

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 456 с.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике // 2-е изд., стереотип. – М.: «КомКнига», – 2007. – 288 с.

Греймас А.Ж. Размышления об актантных моделях // Вестник МГУ. Серия «Филология». – 1996. – № 1. – С. 118–135.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 62.

Пропп В. Морфология сказки // Вопросы поэтики. – Л.: Academia, 1928. – Вып. 12. – 152 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.feb.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm> (дата обращения – 21.10.2019).

Тармаева В.И. Основные положения теории когнитивной гармонии в языке. – Улан-Удэ: БГСХА, 2009. – 225 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Республика, 1994. – 348 с.

Список анализируемых текстов

Казакевич Э.Г. Весна на Одере: Повести. – М.: Художественная литература, 1988.

Куприн А.И. Картина. Черный туман // Собр. соч. в 9-тт. – М.: Альфа-книга, 2010.

Раздел 6.

Непрерывное лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система

Part 6.

Continuing linguistic education as an innovative pedagogical system

Изучение русского языка как иностранного в условиях обновления содержания образования

¹Абаева Гульнар Бариевна

²Оразбаева Нурслу Сатбаевна

¹Общеобразовательная средняя школа-лицей № 63 им. М. Дулатова, г. Актобе, Казахстан
030000, г. Актобе, ул. Ораз Татеулы, 3
кандидат педагогических наук,
учитель русского языка и литературы
E-mail: gulnar.abaeva@mail.ru

²Общеобразовательная средняя школа-лицей № 63 им. М. Дулатова, г. Актобе, Казахстан
030000, г. Актобе, ул. Ораз Татеулы, 3
учитель русского языка и литературы
E-mail: nursulu.ozarbaeva19@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения русскому языку как иностранному в условиях обновления содержания образования. Выделены требования к организации обучения русскому языку, в том числе с учетом национальной языковой специфики (организация работы с текстами, содержащими информацию о национальной картине мира).

Ключевые слова. русский язык, иностранный язык, обновление содержания образования, коллаборативная среда, текстоцентрический подход.

УДК 378:161.1(0/054/6)

Learning Russian as a foreign language in the context of education content updating

¹ Gulnar B. Abaeva

² Nurslu S. Orazbaeva

¹Secondary School-lyceum №63 named after M. Dulatov, Kazakhstan
030000 Aktobe, Oraz Tateula Str., 3
Candidate of Sciences (Pedagogy), Teacher of Russian Language and Literature
E-mail: gulnar.abaeva@mail.ru

²Secondary School-lyceum №63 named after M. Dulatov, Kazakhstan
030000 Aktobe, Oraz Tateula Str., 3
Teacher of Russian Language and Literature
E-mail: nursulu.ozarbaeva19@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of teaching Russian as a foreign language in the context of updating the education content as well as highlights requirements to the organization of teaching the Russian language with a special attention to the national language specificity (the organization of work with texts containing information about the national picture of the world).

Keywords: Russian language, foreign language, updating the content of education, collaborative environment, text-centric approach.

UDC 378:161.1(0/054/6)

Введение. Образование – главный приоритет развития Республики Казахстан. Основная цель реформ образовательной системы – её адаптация к новой социально-экономической среде. Ключевой фигурой трансформаций в сфере образования, конечно, становится учитель. От уровня понимания им основных идей происходящих инновационных процессов, от его готовности осуществлять эти изменения зависит эффективность обновления современной школы.

Материалы и методы. Переход на обновление содержания образования предъявляет новые требования к работе в рамках компетентного подхода к образованию, формирование готовности работать в условиях возросшей индивидуализации образовательного процесса.

Обновление структуры образования заключается в преодолении традиционного репродуктивного стиля обучения и переходе к новой развивающей, конструктивной модели образования, обеспечивающей познавательную активность и самостоятельность мышления школьников.

Таким образом, сейчас предпочтительно активное обучение, которое должно проводиться в условиях созданной коллаборативной среды, обязательна дифференциация обучения и реализация межпредметных связей. Обязательным в обучении является использование ИКТ, диалоговое обучение и своевременное реагирование на потребности учащихся

Обсуждение. В настоящее время в рамках обозначенных приоритетных направлений развития образования и науки Республики Казахстан ведется огромная работа по обновлению содержания образования. Основная цель обновления – это повышение качества среднего образования. В современных условиях школа должна воспитывать, обучать и развивать высоко нравственную, творческую, критически мыслящую личность, способную непрерывно повышать собственный уровень образования. Смена парадигмы образования является велением времени. Современная школа не должна просто учить, а должна научить учиться самостоятельно в течение всей жизни.

Учителя дополняют содержание обучения в соответствии с введением трехязычия, развивая коммуникативные навыки, которые эффективно используются при обучении школьным предметам, преподаваемым на казахском, русском, английском языках.

Произошедшие в Казахстане перемены обусловили процесс проектирования и внедрения новой модели образования на основе современных информационных и педагогических технологий.

Сегодня акцент делается на создании благоприятных условий для формирования высокообразованной, конкурентоспособной личности с этическим отношением к миру, творческим типом мышления, развитой мировоззренческой культурой, сохраняющей при этом свою уникальность, неповторимость, одаренность в различных сферах науки и искусства.

Русский язык как язык межнационального общения Республики Казахстан занимает одно из ведущих положений. Изучение языка помогает учащимся приспособиться к изменениям на мировом уровне, понять языковые ценности.

В Послании Президента Республики Казахстан, Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» подчеркнута: «Нельзя игнорировать тот факт, что именно посредством русского языка уже на протяжении не одного столетия казахстанцы обретают дополнительные знания, расширяют свой кругозор и круг общения как внутри страны, так и за ее пределами». [Послание Президента Республики Казахстан].

В мерах по обновлению содержания отечественного среднего образования центральное внимание уделяется навыкам, имеющим широкий спектр применения в современной жизни, – творческое применение знаний; критическое мышление; выполнение исследовательских работ; использование ИКТ; применение способов коммуникативного общения, включая языковые навыки; умение работать в группе и индивидуально. Базируясь на общечеловеческих и этнокультурных ценностях, эти навыки позволяют учащемуся решать проблемы как учебного, так и жизненного характера.

В связи с изменениями в современном мире меняется подход в обучении русскому языку. Акцент делается на развитии навыков речевой деятельности (слушания, говорения, чтения и письма) и функциональной грамотности, что способствует успешной социализации учащихся.

Цель учебной программы по учебному предмету «Русский язык» – развитие творчески активной языковой личности путем формирования коммуникативных навыков по всем видам речевой деятельности (слушание, говорение, чтение и письмо) на основе освоения знаний о языке, норм употребления средств разных уровней и их активизации в продуктивной речевой деятельности, обогащения словарного запаса; овладения законами построения связного высказывания, культурой общения, сознательного и творческого владения механизмами совершенствования речи.

Предметом обучения является современный русский литературный язык в его реальном функционировании в современных условиях полиэтнического и многоязычного Казахстана.

Задачи учебной программы направлены на:

- формирование знаний о русском языке, его функционировании в различных сферах и ситуациях общения, стилистических ресурсах, основных нормах литературного языка (орфоэпических, орфографических, лексических и грамматических) и правил речевого этикета;
- развитие навыков критического мышления, информационного поиска, извлечения и преобразования необходимой информации;
- формирование навыков анализа, синтеза, интерпретации полученной информации;
- формирование навыков ознакомительного, поискового, исследовательского чтения;
- обогащение словарного запаса и расширение круга используемых грамматических средств;
- формирование умений оценивать и выбирать языковые средства с точки зрения нормативности, ответственности ситуации общения;
- формирование навыков слушания;
- развитие и совершенствование умений создавать устные и письменные монологические высказывания в различных речевых жанрах;

- совершенствование умений успешного диалогического общения, ведения дискуссии в разных сферах и коммуникативных ситуациях;
- совершенствование орфоэпической, орфографической и пунктуационной грамотности;
- формирование стилистической грамотности при создании текстов разных жанров; умений корректировать и редактировать текст;
- формирование представлений о национально-культурной специфике русского языка, культуре русского, казахского и других народов;
- воспитание сознательного отношения к языку как средству общения, источнику знаний, духовно-нравственной ценности, как к языковому капиталу, способствующему успешной социализации в обществе [Васильев 2006: 19].

Грамматический материал изучается в разделе «Лексико-грамматический материал». Обучение языку осуществляется через интеграцию с другими предметами посредством изучения сквозных тем, использования текстов различных предметных областей, развития академического языка [Бабанский, Поташник 1983: 11].

Учебная программа поддерживает развитие практического применения коммуникативной компетенции учащихся и языковых навыков в различных сферах и ситуациях, которые необходимы для сотрудничества и взаимопонимания в многонациональном обществе. Изучение русского языка позволяет учащимся использовать языковые навыки в реальной жизни, чтобы получать, выбирать, обрабатывать и создавать необходимую информацию, соответствующую коммуникативным целям [Типовая учебная программа... 2016]. Содержание учебной программы по учебному предмету «Русский язык» организовано по разделам обучения. Разделы состоят из подразделов, которые содержат в себе цели обучения в виде ожидаемых результатов по классам.

Цели обучения, обозначенные в каждом подразделе, позволяют учителю системно планировать работу по развитию четырех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), оценивать достижения обучающихся, информировать их о следующих этапах обучения [Караев 2014: 25].

Содержание учебного предмета включает четыре раздела:

1. «Аудирование и говорение».
2. «Чтение».
3. «Письмо».
4. «Соблюдение речевых норм».

Раздел «Аудирование и говорение» включает следующие подразделы:

1) понимание содержания текста;	5) участие в диалоге;
2) определение основной мысли;	6) оценивание прослушанного материала;
3) пересказывание прослушанного материала;	7) построение монологического высказывания.
4) прогнозирование событий;	

Раздел «Чтение» включает следующие подразделы:

1) понимание информации;	5) формулирование вопросов и оценивание;
2) выявление структурных частей текста и определение основной мысли;	6) использование разных видов чтения;
3) понимание применения лексических и синтаксических единиц в прочитанном тексте;	7) извлечение информации из различных источников;
4) определение типов и стилей текстов;	8) сравнительный анализ текстов.

Раздел «Письмо» включает следующие подразделы:

1) составление плана;	4) создание текстов различных типов и стилей;
2) изложение содержания прослушанного, прочитанного и аудиовизуального материала;	5) написание эссе;
3) написание текстов с использованием различных форм представления;	6) творческое письмо;
	7) редактирование текстов.

Раздел «Соблюдение речевых норм» включает следующие подразделы:

1) соблюдение орфографических норм;	4) соблюдение пунктуационных норм
2) соблюдение лексических норм;	[Государственный общеобязательный
3) соблюдение грамматических норм;	стандарт... 2016].

В отличие от действующих учебных программ, в программы обновленного содержания образования включен раздел «Педагогические подходы к организации учебного процесса», в котором учителю предлагаются рекомендации по использованию различных методов, технологий и стратегий для успешного достижения целей обучения.

Например:

- 1) стратегии: самоуправляемая, экспериментальная, критическая, коммуникативная, контекстная;

2) технологии: работа в малых группах (команде), кейс-стади (анализ конкретных ситуаций), ролевые и деловые игры, модульное обучение;

3) методы: проблемное обучение, индивидуальное обучение, междисциплинарное обучение, обучение на основе опыта, проектный метод.

Заключение. Учитель должен стремиться к преодолению стереотипов в преподавании и решении педагогических задач, к совершенствованию своих личностных и профессиональных качеств. Для этого рекомендуется использовать профессиональные сетевые сообщества учителей путем активного общения и обмена опытом с коллегами, обсуждения и сотрудничества в онлайн- и оффлайн-режимах, решения общих проблем и внедрения инноваций. В качестве одного из научно-методических ориентиров представляются достаточно обоснованными и перспективными концепции, представленные в работах Сочинской школы: непрерывное лингвориторическое (ЛР) образование [Ворожбитова 1999, 2004] как стратегия и тактика становления сильной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа, обладающей высокой ЛР компетенцией [Ворожбитова 2003], в том числе би- и полилингвальной языковой личности [Vorozhbitova, Konovalova, Ogneva, Chekulaeva 2017; Vorozhbitova, Marchenko, Timofeyev, Issina 2018], и – шире – ЛР парадигма как интегративный подход в филологической и методической науке [Ворожбитова 2007; Vorozhbitova, Issina 2013; Vorozhbitova, Potapenko 2013].

Библиография

Бабанский Ю.К., Поташник М.М. Оптимизация педагогического процесса: в вопросах и ответах. – Киев: Радянська школа, 1983. – 17 с.

Васильев Ю.А. Школьный урок: сборник методических рекомендаций по конструированию учебного занятия. – Кызылкия, 2006. – 39 с.

Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 26–33.

Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2003. – № 3. – С. 134–142.

Ворожбитова А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. – № 2. – С. 22–26.

Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – № 8. – С. 24–33.

Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства» 14 декабря 2012 года.

Государственный общеобязательный стандарт начального образования обновленного содержания. – Астана, 2016. – 52 с.

Типовая учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для 5–9 классов уровня основного среднего образования (с русским языком обучения) по обновленному содержанию. – 2016.

Караев Ж.У. Сущность технологии трехмерной методической системы обучения. – Алматы, 2014. – 43 с.

Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of terminological triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: linguo-rhetoric aspect // European Researcher. – 2013. – № 4-3 (47). – S. 1014–1018.

Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y. Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions // European Journal of Contemporary Education. – 2017. – 6(2). – S. 328–340.

Vorozhbitova A.A., Marchenko O.I., Timofeyev A.V., Issina G.I. “Planetary Linguistic Personality” Category and Bi/Polylinguistic Modeling of the Pedagogical Process of Higher School Professional Training: Sochi Linguistic and Rhetorical School // European Journal of Contemporary Education. – 2018. – 7(4). – S. 882–892;

Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of east slavic and western cultures // European Researcher. – 2013. – № 10-2 (61). – S. 2536–2543.

**Лингвистическая подготовка будущих экспертов в области юрлингвистики:
технологии и методики обучения**

¹Жаркынбекова Шолпан Кузаровна

²Нуртазина Марал Бекеновна

³Рамазанова Алия Рамазановна

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
доктор филологических наук, профессор
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
доктор филологических наук, профессор
E-mail: nurtazina2@gmail.com

³Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
докторант PhD, кафедра теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: alia_r1@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена практической направленности современного филологического образования, что обусловлено современными запросами рынка труда. Разработка и внедрение новых курсов, направленных на профилизацию обучения, сделает филологическое образование более востребованным и престижным и расширит сферы применения современного филолога, что повлияет на их дальнейшую политическую, административную и государственную карьеру. Представлен казахстанский опыт разработки учебно-методического комплекса по юридической лингвистике, который направлен на формирование профессиональных компетенций, позволяющих усовершенствовать квалификацию выпускника-филолога.

Ключевые слова: формирование профессиональных компетенций, юридическая лингвистика, филологическое образование, модернизация учебных программ.

УДК 81 '246.2(574)

**Linguistic training of future experts in the field of forensic linguistics:
Technologies and teaching methods**

¹Sholpan Zharkynbekova

²Maral Nurtazina

³Aliya Ramazanova

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: nurtazina2@gmail.com

³L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
PhD Student
E-mail: alia_r1@bk.ru

Abstract. The paper discusses the practical trend of contemporary philological education aimed at meeting the modern demands of the labour market. The development and implementation of new courses aimed at profiling training is likely to make philological education more popular and prestigious expanding the application of modern philologists which is sure to affect their future political, administrative and state careers. The authors present the Kazakhstani experience of developing an educational and methodological complex in forensic linguistics which is aimed at the formation of professional competencies that can improve the qualifications of a graduate philologist.

Keywords: formation of professional competencies, forensic linguistics, philological education, syllabus modernization.

UDC 81 '246.2(574)

Введение. Смена приоритетов и социальных ценностей, которая сегодня происходит в обществе, требует коренного изменения стратегии и тактики обучения в вузе. Переосмысление образовательной деятельности как инструмента подготовки нового поколения к реализации в жизненном пространстве привело к пересмотру как целей самой образовательной системы, так и средств их реализации. Сегодня много говорят о концепции «навыков XXI в.» [Ворожбитова 2000: 28–32], которая предлагает новые пути для развития образовательных технологий и личных карьер.

Практическая направленность современного филологического образования обусловлена современными запросами рынка труда. Выпускники должны научиться оценивать свои способности, выбирать специальности, которые помогут их проявить, быть готовым к решению новых рабочих задач, которые ставит перед человеком прогресс; понять, что успешность во многих сферах деятельности зависит не столько от образования, сколько от личных способностей, креативности, трудолюбия.

Сущность профессионально ориентированного образования, как правило, сводится к тому, что оно направляет педагогический процесс на конечный результат обучения студента в вузе – будущую профессию, которая в итоге станет сферой приложения всех получаемых знаний, умений и навыков, проверкой их действительности.

В аспекте государственной политики Президента и Правительства РК, направленной на развитие качественных изменений в образовании, современные образовательные программы по специальности «Филология» включают в себя учебно-методическую базу специальности в ее многообразии направлений, исходят из необходимости целостной системы изучения вопросов филологии и практического их освоения, рассмотрения их в новых тенденциях гуманитарных наук. Разработка и внедрение новых лингвистических курсов, направленных на профилизацию обучения, сделает в целом филологическое образование более востребованным и престижным, расширит сферы применения современного филолога, повлияет на их дальнейшую политическую, административную и государственную карьеру. В статье представлен казахстанский опыт разработки учебно-методического комплекса по юридической лингвистике, целью которого является формирование профессиональных компетенций, позволяющих усовершенствовать квалификацию выпускника-филолога.

Материалы и методы. Модернизация профессионального образования в Республике Казахстан привела к необходимости совершенствования подготовки педагогических кадров с учетом компетентного подхода [Рыжаков 1999: 24], который может быть реализован в такой прикладной дисциплине, как «Юридическая лингвистика». В настоящей статье предложен опыт создания учебного комплекса в 4-х частях, в котором представлены инновационные и педагогические технологии проведения юрислингвистической экспертизы текста, студентоориентированные методы обучения, внедренные в учебный процесс, в лекционные и практические занятия ЕНУ имени Л.Н. Гумилева по таким дисциплинам, как «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика», «Языковая личность в обеспечении связей с общественностью», «Интегративные процессы в гуманитарных науках». Теоретической и методической базой составления такого учебно-методического комплекса послужили работы зарубежных и казахстанских ученых о функционировании языка в области права, исследования, проведенные Общественным центром экспертиз по информационным и документационным спорам при Международном фонде защиты свободы слова «Әділ сөз» (Алматы), учебно-исследовательской Лабораторией юрислингвистики и развития речи в Алтайском государственном университете (Барнаул), Российской региональной общественной организацией «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС, Москва), Региональной общественной организацией Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (Барнаул) и др.

Обсуждение. Создание комплексной системы учебников, методических пособий, инструктивных рекомендаций позволит обучающим усвоить основные знания, отвечающим требованиям времени, высоким научным технологиям и образовательным парадигмам. Так, речевой профессионализм и активизация речемыслительного процесса выдвигаются на передний план анализа как своего рода доминанты при решении задач в той или иной сфере деятельности.

Разработка таких научно-образовательных курсов, как «Юридическая лингвистика» и др., подготовленных с учетом казахстанской действительности для создания образовательных программ по основным модулям филологических специальностей для студентов/магистрантов казахстанских вузов, создает предпосылки для технологических решений по внедрению новых казахстанских лингвистических дисциплин с учетом национально-ментальных особенностей. А это, в свою очередь, предполагает системную профессионально-коммуникативную подготовку будущих специалистов, которые могли бы реализовать свои знания, умения и навыки, т.е. компетенцию, в профессионально корректной речевой форме.

Юридическая лингвистика (далее – ЮЛ) как отрасль прикладной лингвистики находится на «пересечении и взаимоотношении вопросов языка и права» [Голев 2001: 491]. Как отмечено в работе Н.Д. Голева, «объектом изучения юрислингвистики является зона пересечения языка и права, а предметом выступают

языко-правовые явления, обладающие потенциалом конфликтогенности» [Там же], особенно когда речь идет о проведении лингвистической экспертизы в сфере действия закона о защите чести, достоинства, деловой репутации личности.

Сегодня особенно актуальным для Республики Казахстан становится вопрос о расширении многих методологических и теоретических основ лингвистической экспертизы текстов как прикладной области языкознания, в связи с чем данная проблема переходит в плоскость междисциплинарных научных исследований.

На современном этапе развития лингвистической мысли в Казахстане большое внимание уделяется описанию высоких лингвистических стандартов в сфере языка законодательства с целью создания «понятного» текста закона, корректной его интерпретации (в связи с недостаточной унификацией неустоявшихся терминов аппарата права), для чего используются самые разнообразные лингвистические подходы для детерминирования критериев выявления лингвоюридической неопределенности используемых лингвистических средств юридического текста на всех уровнях языковой системы.

Подготовленный группой ученых Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева учебно-методический комплекс «Юридическая лингвистика» состоит из четырех частей, каждая из которых имеет целевую направленность.

В первой части «Юридическая лингвистика. Тезисы лекций и практические задания» представлены разработки основных тем, рассматривающих лингвистический статус правовой коммуникации, нормы профессионального речевого поведения специалистов [Закон 2015], работающих в юридической сфере (ситуации общения, устойчивые этикетные формулы обращения); особенности юридического языка, его устройство и сферы функционирования; современные методы юрислингвистики и лингвоюристики, приемы техники юридического письма; правила квалифицированной оценки юридического текста с использованием актуальных методов построения системы логической аргументации при характеристике субъектов права.

Подробно изложены ортологические и суггестивные аспекты речевой деятельности юристов, манипулятивное и инвективное функционирование языка; конфликтогенный потенциал языкового знака, предмет словесного правонарушения (распространение сведений, порочащих деловую репутацию, унижающих честь и достоинство личности; оскорбление, клевета, публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение вражды, ненависти, унижение человеческого достоинства по мотивам принадлежности к нации, расе, религиозной, социальной группе).

Хрестоматия нацелена на то, чтобы помочь обучающимся успешно освоить на базе ключевых первоисточников необходимый минимум специальной информации. Выработка навыков сравнительно-критического анализа и углубленного осмысления программного материала, формирование предметных и деятельностных лингвистических компетенций невозможна без ознакомления с идеями, мыслями, взглядами известных ученых в области юрислингвистики. Тексты, представленные в Хрестоматии, рекомендуется использовать при подготовке к практическим и семинарским занятиям с целью усвоения разнообразных вопросов функционирования языка в правовой коммуникации, совершенствования навыков анализа юридического дискурса, техники юридического письма, правил проведения разного типа лингвистических экспертиз. Хрестоматия вносит определенный вклад в развитие и совершенствование казахстанской судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и может стать своеобразным справочным изданием по критериям культуры речи, которые должны служить освобождению текстов от оскорбительных выражений и оборотов, от ненормативной, инвективной и обсценной лексики.

Третья часть «Юридическая лингвистика. Лингвоправовая терминология и аспекты законодательства Республики Казахстан» включает в себя глоссарий по юрислингвистической терминологии на казахском и русском языках, содержащий современный терминологический аппарат действующего законодательства в Республике Казахстан, истолковывающий или комментирующий юридические категории и понятия (термины). Знание терминологии необходимо для восприятия ключевых понятий юридической лингвистики, их системного и унифицированного использования в практике, при подготовке юрислингвистической и судебно-правовой экспертиз.

Структура и содержание четвертой части «Юридическая лингвистика. Креолизованные тексты и образцы лингвистических экспертиз» направлены на выработку практических умений адекватной интерпретации юридического дискурса, проведения когнитивно-прагматического анализа конфликтогенных креолизованных текстов; овладение навыками исследования спорных юридических текстов по разным параметрам, проведения лингвистической экспертизы. Формулируются методологические принципы и научно-методические подходы к анализу разных типов креолизованных текстов с учетом казахстанской действительности, акцентируется внимание на возможностях использования лингвистических знаний в рамках юрислингвистической экспертизы, что в целом может послужить основой формирования компетенций обучающихся в контексте модернизации профессионального образования в РК. В этой части комплекса собраны образцы лингвистических экспертиз, выполненных авторами пособия, по важным темам, которые были предметом спора в судах Республики Казахстан. В них анализируются вопросы назначения и проведения компетентной и объективной лингвистической экспертизы, раскрыто содержание лингвистических экспертиз, особенности проведения всестороннего языкового анализа (морфологического, стилистическо-

го, лексического и пр.) спорных текстов, анализируются и обсуждаются часто используемые приемы манипулирования сознанием.

Использование в учебном процессе комплекса «Юридическая лингвистика» способствует формированию у студентов и магистрантов основ юрлингвистического мышления, навыков в области системного подхода к решению задач экспертного анализа конфликтного текста, проведения судебной психолого-лингвистической и религиоведческой экспертизы. Несомненно, внедрение подобных курсов в учебный процесс направлено на решение вопроса о соответствии современного филологического образования потребностям общества в конкретных специалистах-практиках, связанных с производством.

В качестве реализации обозначенной цели мы считаем важным при подготовке будущих экспертов в области лингвистической экспертизы текста права выдвижение следующих задач профессионально-ориентированного обучения студентов и магистрантов в рамках прикладных направлений:

1) выявить важные принципы, необходимые при проведении лингвистической экспертизы (ЛЭ), которые помогут развитию профессиональных компетенций студентов как будущих профессионалов в плане понимания допустимого объекта экспертизы; комплексного анализа текста; знанию принципов персональной ответственности за результат ЛЭ; научной обоснованности ЛЭ; компетентности; однозначности выводов и отсутствия размывания понятий; доступности изложения экспертного заключения; 2) создать корпус языковых данных; систематизировать и классифицировать корпуса текстов для критического дискурс-анализа при проведении ЛЭ; 3) изучить известные методологии выявления иерархии профессиональных компетенций студентов и магистрантов, необходимых для практического применения в вузе для выявления оптимизационного моделирования профессиональной подготовки студентов, обеспечивающие возможность проектирования индивидуальных траекторий формирования профессиональных компетенций, а также «активизации лингвокогнитивной мембраны для взаимодействия значения и смысла» [Алефиренко, Нуртазина, 2018: 60]; 4) разработать модель формирования профессиональных компетенций, необходимых для проведения подобных экспертиз.

Согласно концепции авторов коллективной монографии «Юрлингвистика», возможно выявление методологии анализа ЛЭ текста, при использовании которой обучающиеся вырабатывают умение находить многовариантные решения и в будущей профессиональной деятельности, требующей прогностической оценки их последствий [Рыжаков 1999: 26].

К таким принципам анализа мы относим: 1) выработку определенных принципов объекта экспертизы, который должен быть достаточно убедительным, ясным и специфическим; 2) сопряженное (комплексное) проведение ЛЭ, основанного на системном, целостном анализе, включающим в себя не только выявление лингвистических параметров (логику построения текста, его композиционное своеобразие, выявление стилистических и логических ошибок), но и психолингвистических аспектов, особенно при анализе текстов экстремистского толка, когда «речевая компетенция коммуникантов является краеугольным камнем дискурсивного сознания субъектов экстремистского текста» [Алефиренко, Нуртазина, 2018: 122-123]; 3) принцип персональной ответственности, причем именно индивидуальной и самоличной, эксперта за результат проведенной экспертизы; 4) принцип научной обоснованности и аргументированности, когда студенты учатся тому, как следует подвести доказательную базу под тот или иной текст при проведении лингвистической экспертизы (например, с точки зрения теории речевых актов для квалификации речевого акта как призыва к экстремизму, религиозной дискриминации, выявления маркеров оскорбительности высказывания и т.п.).

В креолизованных текстах вербальные и невербальные семиотические системы связаны на концептуальном, содержательном и композиционном уровнях и, как правило, соотносятся с существующей национально-культурной традицией.

В пособии предложены задания для самостоятельной работы студентов с целью выработки практических умений правильной интерпретации и обобщения юридического дискурса, проведения когнитивно-прагматического анализа текстов, овладения навыками проведения лингвистической экспертизы. Так, например, для освоения курса, систематизации и обобщения знаний, предложены следующие задания: 1) аналитический обзор научной и методической литературы; 2) различные мультимедийные презентации на ту или иную тему; 3) оригинальная методика репрезентации контекстного обучения (case study) на занятиях по русскому языку при подготовке будущих юристов. Например, проанализировать рассказы А.П. Чехова «Случай из судебной практики» и «В суде»; прочитать статьи О.Н. Матвеевой «Методические рекомендации по назначению лингвистической экспертизы», Н.Д. Голева, О.Н. Матвеевой «Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики». Какие задачи лингвистической экспертизы выделяют авторы статей? Перечислите их. Докажите, что эти задачи актуальны. Чем они отличаются? Какие вопросы ставятся перед экспертом для решения идентификационных, классификационных, диагностических и ситуационных задач?

Предложено также такое проектное задание, как «квалификация речевых действий как манипулирование сознанием» (на материале анализа текстов рекламы, предвыборных технологий, «околомедицинских» практик и т.п.); работа с Корпусом русского/казахского языков; лексикографические задания: «Как представлена лингвистическая информация в словарях разных типов? Покажите на примере. Какие виды словарных помет вы знаете? Приведите примеры. Назовите основные типы словарей современного русско-

го/казахского языка. Рассмотрите понятия «оскорбление» и «обида» с юридической точки зрения. Определите, чем они отличаются».

Для самостоятельной работы студентов/магистрантов важны задания, направленные на освоение современных методов юрислингвистики, овладения техникой юридического письма, правилами квалифицированной оценки юридического текста с использованием актуальных методов построения системы логической аргументации при характеристике субъектов права. Например: 1) подбор текстовых примеров спорных коммуникативных ситуаций и их анализ с применением изучаемых признаков; 2) лингвистическая экспертиза текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на материале судебного разбирательства); 3) кейс «Аспект истины в языке»; 4) глоссарий: дефиниции понятий «ложь», «истина» в разных научных контекстах, переводных словарях. Так, лингвист-эксперт, исследующий тексты по гражданским делам о защите чести и достоинства, деловой репутации, делам о клевете, устанавливает следующие факты: а) содержание конкретного спорного высказывания либо конкретной спорной единицы высказывания (текста); б) наличие/отсутствие негативной информации о конкретном лице/субъекте делового оборота; в) отношение негативной информации к конкретному лицу; г) способ выражения информации: оценочное суждение (мнение, убеждение)/утверждение о фактах (событиях).

Приведем пример. В сентябре 2019 г. на кафедре теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева поступил адвокатский запрос о защите чести и достоинства гр-на К. Текст гласит:

«В соответствии с п/п 2, 6, 10 п. 3 ст. 14 Закона РК от 15.12.1997 «Об адвокатской деятельности», прошу предоставить информацию, необходимую для осуществления адвокатской деятельности по вопросу защиты интересов К. в рамках уголовного дела №... возбужденного Департаментом Агентства РК по делам гос. службы и противодействию коррупции по N области. Прошу Вас, исследовав текст, размещенный на сайте N... в статье N... ответить на следующие вопросы: 1) имеется ли в тексте негативная оценка личности К.? Если имеется, то выражена ли она в неприличной форме? 2) носят ли высказывания, относящиеся к К., оскорбительный характер? 3) имеются ли в исследуемом объекте слова или выражения, относящиеся к обценной или иной инвективной лексике? 4) содержатся ли в исследуемой публикации сведения, порочащие честь и достоинство К., подрывающие его репутацию как акима... N района? В каких конкретно высказываниях содержится указанная информация? 5) в какой форме выражены сведения, порочащие честь и достоинство К., подрывающие его репутацию акима N... района: утверждения, предположения, мнения? 6) имеются ли в тексте сведения в форме утверждений о нарушении К. моральных и правовых норм и принципов? 7) если сведения, изложенные в статье, не соответствуют действительности, то можно ли их отнести к разряду сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию К.? 8) какие художественные приемы использованы автором для негативной характеристики К.? Ответ прошу предоставить мне нарочно, в чем прошу известить меня по вышеуказанным телефонам».

Заключение. Безусловно, осуществление механизмов внедрения новых лингвистических курсов позволит достигнуть целей по модернизации учебного процесса в области филологии, созданию новых направлений в казахстанской лингвистике, а также обеспечит реализацию одного из важных направлений Государственной программы по развитию языков Республики Казахстан на 2011–2020 гг., в которой предусмотрено создание и обогащение лингвистического капитала Республики Казахстан.

Обозначенная цель была основана на гипотезе, что оптимизационное моделирование профессиональной подготовки студентов-филологов есть многомерный феномен, проявляющийся как универсальное средство системного познания и системного преобразования личности, способствует реализации образовательных стандартов нового поколения.

Библиография

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Дискурсивное сознание как фактор формирования медиапространства // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2018. – С. 116–128.

Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: монография. – Сочи: СГУТиКД, 2000. – 319 с.

Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: сборник научных трудов. – Барнаул: АГУ, 2000. – С.6–11.

Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании» (с изм. и доп. по состоянию на 21.07.2015).

Рыжаков М.В. Ключевые компетенции для Европы // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – № 2. – С. 23–29.

Alefirenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusística Española. – EUG: Revistas de la Universidad de Granada. – № 14. – 2018. – P. 49–65.

**Роль многоязычного чтения в формировании экстралингвистической эрудиции школьников
(на материале многоязычных комиксов)**

¹Жернакова Ирина Владимировна
²Малых Людмила Михайловна

¹Удмуртский государственный университет, Россия
326034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
магистрант
E-mail: irarin27@yandex.ru

²Удмуртский государственный университет, Россия
326034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ludmalykh@udm.ru

Аннотация. Целью данной статьи является описание понятия «многоязычное чтение» и специфики его использования в учебной аудитории на примере комиксов (русский, английский и испанский языки). Многоязычное чтение определяется как вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание нескольких письменных (художественных) текстов на разных языках, который способствует формированию речемыслительной культуры обучающихся.

Ключевые слова: многоязычное чтение, русский язык, первый иностранный язык, второй иностранный язык, экстралингвистическая эрудиция.

УДК 372.881.1(045)

**Role of multilingual reading in shaping schoolchildren's extra-linguistic erudition
(a case of multilingual comics)**

¹Irina V. Zhernakova
²Lyudmila M. Malykh

¹Udmurt State University, Russia
326034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1
Master Student
E-mail: irarin27@yandex.ru

²Udmurt State University, Russia
326034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: ludmalykh@udm.ru

Abstract. The primary task of the article is to define the concept of “multilingual reading” and specificity of its use in teaching process drawing on the material of comics in Russian, English and Spanish. The “multilingual reading” is defined as a type of speech activity aimed at the perception and understanding of several written (fictional) texts in different languages, which contributes to the formation of the learners’ communicative-cognitive culture.

Keywords: multilingual reading, Russian language, first foreign language, second foreign language, extra-linguistic erudition.

UDC 372.881.1(045)

Введение. На сегодняшний день методика преподавания иностранных языков переживает небывалый подъем в отечественной педагогике. И если раньше наиболее актуальным являлся материал для преподавания первого иностранного языка (чаще всего, английского, немецкого, французского или испанского), то после введения закона об обязательном преподавании второго иностранного языка учителя столкнулись с недостаточной методической базой в данной сфере. Эта проблема навела нас на идею создания метапредметной (в данном случае металингвистической) методики обучения чтению на нескольких языках при помощи работы с многоязычными комиксами. Для этого мы ввели понятие «многоязычного чтения», осуществили первые попытки создания многоязычного комикса и рассмотрели способы работы с ним в контексте преподавания иностранных языков, а также определили роль данного метода в формировании экстралингвистической эрудиции школьника.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил комикс «Университет монстров» на русском, английском и испанском языках. Методами исследования стали анализ отечественной и зарубежной педагогической и психологической литературы по вопросам обучения чтению в процессе изучения ино-

странных языков, а также пилотажный этап педагогического эксперимента, касающегося роли многоязычного чтения при обучении английскому и испанскому языкам учащихся 5–6-х классов.

Обсуждение. В предлагаемом нами исследовании рассматривается понятие «многоязычное чтение» и его педагогический потенциал. На сегодняшний день понятие «многоязычное чтение» еще никем не определено и не закреплено в словарях или справочниках, а также в статьях и научных работах. Современные толковые словари русского языка (Т.Е. Ефремовой, С.И. Ожегова) позволяют сделать вывод, что многоязычное чтение предполагает чтение литературы, написанной на нескольких языках [Ожегов 1949: Электронный ресурс; Ефремова 2000: Электронный ресурс].

С психологической точки зрения (Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин), чтение – это процесс, состоящий из техники чтения и понимания. При этом понимание становится целью, а техника чтения – средством, за счет которого достигается цель [Азимов, Щукин 2009: Электронный ресурс]. Читающий должен не просто получать готовую информацию, но сравнивать значение читаемого со своим опытом и знаниями. Многоязычное чтение способно, на наш взгляд, улучшить как технику чтения, так и понимание прочитанного, т.к. читатель имеет возможность соотнести прочитанное не только со своим опытом, но и с особенностями подачи одного и того же материала на разных языках.

По нашему мнению, наибольший эффект для развития как техники, так и понимания прочитанного достигается при многоязычном чтении текстов, написанных на двух и более типологически родственных языках, т.е. языках, имеющих сходства как в лексическом составе, так и в грамматическом строе. Как правило, эти тексты являются переводами с одного языка-оригинала, т.е. для них характерна общая тематика, композиция, иллюстративный ряд. Обязательным условием многоязычного чтения является наличие текста на родном (русском) языке.

В данной работе понятие «многоязычное чтение» определяется как вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание нескольких письменных (художественных) текстов на разных языках, который включает несколько этапов чтения. Многоязычное чтение, таким образом, – это познавательный процесс, чтение и осознанное сравнение переводов, поэтапная работа с текстами переводов и оригинала.

Кроме того, что многоязычное чтение развивает навыки техники чтения и понимания прочитанного, этот тип чтения является важным инструментом формирования речемыслительной культуры обучающегося, самопроектирования сильной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа. Оно способствует повышению интереса к изучению как родного (русского) языка и литературы, так и иностранных языков. Следует отметить, что в большой степени данный вид чтения способствует развитию экстралингвистической эрудиции школьника общеобразовательного типа, под которой мы понимаем владение учащимися определенным набором *знаний* из области литературы, культуры, традиций, специфики общения в той или иной стране, а также *умений*, например, сравнивать лексику и грамматику разных языков, находить в них общее и отличительное, анализировать и обобщать обнаруженные сходства и различия.

Целью нашей работы является описание экспериментальной методики обучения многоязычному чтению школьников при помощи многоязычных комиксов. Внедрение подобного вида деятельности в образовательный процесс способствует формированию экстралингвистической эрудиции общеобразовательного типа, что, в свою очередь, является важным условием становления сильной языковой личности учащегося средней школы.

Прежде чем перейти к описанию предлагаемой методики многоязычного чтения, стоит более подробно остановиться на характеристике многоязычных комиксов, послуживших экспериментальным материалом данного исследования. Комикс, в нашем понимании, это истории, переданные при помощи картинок с текстовыми окнами, образующими единство, называемое креолизованным текстом. Креолизованным называется текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык), а именно: языка жестов, мимики героев, даже стиля их прорисовки, одежды, выделения каких-либо частей тела. Все это считывается читателем как дополнительная информация о герое и окружающем его мире. Также невербальный компонент креолизованного текста может отражаться в пейзаже (особенно часто художник передает эмоциональный фон ситуации через цветовую гамму заднего фона). Многоязычные комиксы также являются историями в картинках, однако в них одна и та же история написана на нескольких языках (и переведена). Таким образом, читатели имеют возможность ознакомиться с несколькими переводами комикса одновременно. Тексты многоязычных комиксов являются адаптированными для определенной аудитории в соответствии с ее возрастом и уровнем владения изучаемыми языками. Возможно также включение незнакомого для читателя языка с целью привития интереса к расширению языкового кругозора. Однако такая практика эффективна на более продвинутых этапах работы с многоязычным текстом. Мы же в своей работе предлагаем начальный уровень ознакомления с подобным типом текстов, где перегрузка читателя может привести к негативному отношению как к данному типу работы с языками, так и к изучению иностранных языков вообще.

Переходя к описанию предлагаемой нами методики многоязычного чтения комиксов, отметим, что технология внедрения комиксов как средства обогащения уроков не нова как в международной, так и в российской педагогической практике. Существуют научные работы о применении комиксов, например,

статья А.И. Резниковой «Использование комиксов в обучении французскому языку и формировании межкультурной компетенции», работа С.Н. Костроминой и Д.С. Гнедых «Тексты, схемы и комиксы: целесообразность применения различных форм электронной наглядности в преподавании психологии», К.В. Калитина «Использование комиксов в образовательных технологиях как важного инструмента для передачи знаний» и т.д. Такое разнообразие исследований роли комиксов в учебном процессе является неоспоримым доказательством методического богатства и потенциала комиксов, а также подчеркивает актуальность предлагаемого нами материала для чтения.

Внедрение многоязычных комиксов в учебный процесс обусловлено их специфическим форматом – компактностью произведения и компрессией значительного по объему и значимого в лингводидактическом отношении содержания: комикс является своеобразным источником культуры, который содержит разговорный язык с присущими ему особенностями, иллюстрации невербального поведения у героев. Так как новизну нашего исследования представляет чтение многоязычных комиксов, это существенно изменяет цель использования комиксов на занятии и метод обучения их чтению, которое в нашем случае мы определяем как многоязычное чтение.

В нашем исследовании многоязычное чтение комиксов как способ формирования экстралингвистической эрудиции общеобразовательного типа рассматривается на примере учащихся 5–6 классов. Эта возрастная категория наиболее оптимальна для разработанного авторами педагогического эксперимента. Именно в этом возрасте ученики, обладающие базовыми представлениями о первом иностранном языке (изучаемом, как правило, с 1 или 2 класса), а также сформировавшие общие компетенции владения родным (как правило, русским) языком, приступают к изучению второго иностранного языка. Кроме этого, чтение комиксов является популярным видом чтения в этой возрастной категории и вызывает высокую мотивацию к процессу чтения.

Важным вопросом рассматриваемого метода чтения является выбор языков для процесса многоязычного чтения комиксов. Первым, безусловно, стал русский как главная опора в освоении мультилингвального диалога, т.е. сочетания нескольких языков в решении различных коммуникативных ситуаций как риториколингвистическая сторона экстралингвистической компетенции. Вторым и третьим были выбраны английский и испанский как языки, имеющие схожую структуру и нередко схожие лексические единицы. Также наш выбор иностранных языков был обусловлен их наибольшей популярностью в мире. Следует отметить, что в лингвистических школах г. Ижевска данный набор языков также достаточно распространен. На этом этапе некоторой сложностью стало отсутствие уже существующих комиксов с таким подбором языков. Однако это привело нас к идее создания собственного продукта на основе теоретических исследований в области лингвистики, возрастной психологии и педагогики.

Таким образом, мы остановились на комиксе на английском языке „Monsters’ University”, нарисованном Полом Бенджамином, а затем самостоятельно перевели его на русский и испанский языки [Бенджамин 2010: Электронный ресурс]. Выбор данного комикса был обусловлен в первую очередь близкой каждому школьнику учебной тематикой, а также уровнем сложности языка (в данном случае английского). Несложные фразы и мысли, передаваемые комиксом в оригинале, направлены на детскую аудиторию 7–10 лет, однако интересны и актуальны также для старших читателей. Это же помогло нам перевести текст на русский и испанский языки без потери основных сюжетных и смысловых линий. Таким образом, мы получили схожий на всех трех языках текст, интересный для прочтения среди различных возрастных групп.

Основу предлагаемого нами метода многоязычного чтения составляет несколько приемов чтения. Во-первых, это широкая опора на прием переключения с языка на язык, который способствует развитию лингвистического чутья у ребенка, обостряет языковую наблюдательность и умение находить сходства и различия в языках, на которых осуществляется чтение.

Во-вторых, следует отметить метод продуктивного чтения, основоположником которой является профессор Н.Н. Светловская. Данная методика является образовательной технологией, опирающейся на законы читательской деятельности и обеспечивающей с помощью конкретных приемов чтения полноценное понимание текста, активную читательскую позицию по отношению к тексту и его автору [Бунева, Чиндилова, Светловская 2014: Электронный ресурс]. Методика была несколько усовершенствована в связи с необходимостью обращения одновременно к нескольким текстам на разных языках. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Согласно Н.Н. Светловской, в методике продуктивного чтения существует несколько этапов восприятия и понимания текста. Сама автор разделяет их на предтекстовый, притекстовый и послетекстовый этапы [Там же]. Эти этапы существуют и в нашей методике многоязычного чтения. Рассматривая первый, предтекстовый этап, мы можем выделить несколько шагов в предтекстовом многоязычном чтении. Антиципация предполагает предугадывание текста в смысловой, тематической и эмоциональной направленности. На этом этапе учащиеся проводят анализ названия произведения, в том числе определение главных героев, имени автора, ключевых слов и, возможно, предугадывание важных событий, о которых будет идти речь.

Следует отметить, что в многоязычных комиксах работа с чтением на первом этапе напрямую зависит от иллюстраций. В зависимости от сложности изучаемого языка иллюстрации являются главным подспорьем в освоении новой информации. В многоязычных комиксах антиципацией может служить анализ

обложки книги, названия и предполагаемого сюжета. Благодаря тому, что комикс предлагается на трех языках, читатель может ознакомиться с произведением на родном языке, а потом проанализировать и найти лингвистические особенности, исследуя названия на двух других предложенных языках. Используя прием переклещивания с языка на язык, задействованный в анализе обложки комикса, ребенок сможет настроиться на изучение нескольких вариантов комиксов уже на первом этапе.

На втором, притекстовом этапе чтения происходит первичное ознакомление с текстом комикса на русском языке. Это самостоятельное чтение в классе (или чтение-слушание, комбинированное чтение) в соответствии с особенностями текста, возрастными и индивидуальными возможностями учащихся.

Первичное чтение комикса на русском языке позволяет детям ознакомиться с общей структурой комикса. Таким образом, составляется первое впечатление о композиции повествования. Кроме того, благодаря первому, притекстовому этапу чтения читатель может проанализировать правильные и неправильные предположения о содержании, эмоциональной окраске прочитанного.

Перечитывание текста также является особенностью притекстового этапа чтения, однако на данном этапе стоит добавить этот же комикс на иностранных языках. Медленное повторное чтение комиксов позволит читателю уже на стадии прочтения замечать отличия и сходства между языками. Повторное чтение многоязычных комиксов может привести к пониманию текста больше неосмысленных в начале деталей. После данного этапа чтения, с помощью беседы и наводящих вопросов происходит выявление нового восприятия текста: анализ знакомых грамматических конструкций, нахождение схожей лексики, соотношение общих закономерностей и различий в общей композиции текстов комиксов.

Кроме того, на этом этапе также определенное время нужно выделить на выразительное чтение, чтение по ролям; интересной возможностью прочтения многоязычных комиксов также является подражание особенностям произношения разных героев комикса на каждом иностранном языке.

На этапе послетекстовой работы проводится концептуальная (смысловая) беседа по тексту. Коллективное обсуждение прочитанной истории идет на русском языке. Следует сравнительная дискуссия о многоязычных комиксах: выписываются новые слова, читатели пробуют использовать новую лексику для составления собственных впечатлений о прочитанном комиксе на разных языках. На последнем этапе анализа многоязычных комиксов могут использоваться такие приемы, как:

- прием восстановления предварительно нарушенной последовательности кадров комикса;
- прием комментирования языковых и культурных особенностей, межкультурное комментирование;
- приемы развития умений изучающего/поискового чтения;
- приемы стимулирования ситуаций общения;
- ролевые игры, дискуссии.

Таким образом, интеграция многоязычных комиксов в учебный процесс обусловлена их специфическим форматом – компактностью произведения и компрессией значительного по объему и значимого в лингводидактическом отношении содержания. Комикс является своеобразным источником культуры, который содержит разговорный язык с присущими ему особенностями, иллюстрации невербального поведения у героев. Чтение комикса приводит в действие различные когнитивные механизмы читателя, активизируя его мыслительную деятельность на разных уровнях: вербальном и визуальном.

Синтез вербального и визуального в сознании обучающегося положительно влияет на развитие процессов мышления, внимания, восприятия, в то время как наличие иллюстраций в комиксе способствует более глубокому пониманию, осмыслению и запоминанию содержащейся в нем информации.

Благодаря предложенной методике многоязычного чтения у учащихся формируется экстралингвистическая эрудиция общеобразовательного типа, что, в свою очередь, является важным условием становления сильной языковой личности учащегося средней школы. В процессе многоязычного чтения формируются такие важные когнитивные структуры, как:

- эффективность – нацеленность на быстрое и эффективное решение практических (в данном случае – лингвистических и паралингвистических) задач;
- алгоритмичность – основанность на алгоритмах (к примеру, алгоритмах перевода);
- усваиваемость – система усваивается в результате научения (в нашей методике это обучение чтению на иностранных языках);
- адаптируемость (способность находить общее и знакомое в незнакомом для читателя языке и последующее оперирование уже знакомым материалом для усвоения нового), которые, в свою очередь, непосредственно влияют на формирование экстралингвистической эрудиции учащегося [Швецова 2012: Электронный ресурс].

Помимо этого, использование многоязычных комиксов в образовательной среде позволит комплексно решать вопросы, связанные с развитием иноязычной коммуникативной компетенции, в том числе проблемы развития умения читать у учащихся, мотивации учебной деятельности. Многоязычный комикс является неоспоримо богатым источником обеспечения интерактивности и погружения в иноязычную среду.

Заключение. Таким образом, представленная методика по обучению многоязычному чтению школьников позволяют сделать вывод, что многоязычное чтение на базе адаптированных многоязычных комиксов является богатой методической базой для обучения школьников чтению на иностранных языках, а

также способствует развитию их экстралингвистической эрудиции ввиду как одновременной, так и попеременной работы с текстами на нескольких иностранных языках, их чтением и анализом.

Библиография

Бунеева Е.В. Технология продуктивного чтения: ее сущность и особенности использования в образовании детей дошкольного и школьного возраста / Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова, Н.Н. Светловская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pryski.ucoz.com/read/tehnologija_produkktivnogo_chtenija_ejo_sushhnost_.pdf.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/>.

Калитина К.В. Использование комиксов в образовательных технологиях как важного инструмента для передачи знаний / К.В. Калитина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2256–2260.

Костромина С.Н. Тексты, схемы или комиксы: целесообразность применения различных форм электронной наглядности в преподавании психологии / С.Н. Костромина, Д.С. Гнедых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teksty-shemy-ili-komiksy-tselesoobraznost-primeneniya-razlichnyh-form-elektronnoy-naglyadnosti-v-prepodavanii-psihologii>.

Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/1/azimov_e_g_shukin_a_n_novyuy_slovar-21338.pdf.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/>.

Бенджамин П. „Monsters, Inc” / П. Бенджамин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/monstersinclaugh00benj>.

Резникова А.И. Использование комиксов в обучении французскому языку и формировании межкультурной компетенции / А.И. Резникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-starshih-shkolnikov-na-osnove-frantsuzskih-komiksov/viewer/>.

Швецова Ю.О. Когнитивный подход как теоретическая основа методики формирования переводческой эрудиции / Ю.О. Швецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-kak-teoreticheskaya-osnova-metodiki-formirovaniya-perevodcheskoj-eruditsii/viewer>.

Контроль сформированности лингвориторической компетенции в Контрольных измерительных материалах Единого государственного экзамена по русскому языку

Каверина Валерия Витальевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1
доктор филологических наук
E-mail: kaverina1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено соответствие Контрольных измерительных материалов Единого государственного экзамена по русскому языку основным критериям контроля сформированности лингвориторической компетенции. Большое внимание уделяется лингвистическим основаниям Контрольных измерительных материалов Единого государственного экзамена по русскому языку. В результате анализа материалов с сайта ФИПИ, диагностических и тренировочных работ для 10–11 классов 2018–2019 учебного года и популярных учебных пособий сделаны выводы о недостаточно четких лингвистических ориентирах составителей тестов и недостаточной их коммуникативной направленности. В итоге сформулированы рекомендации по приведению КИМ в соответствие с теоретическими положениями современной русистики и критериями контроля сформированности лингвориторической компетенции.

Ключевые слова: Единый государственный экзамен по русскому языку; контроль сформированности лингвориторической компетенции.

УДК 372.881.161

Monitoring linguistic competence levels in the Control and Measurement Materials of the Unified State Exam in the Russian Language

Valeria V. Kaverina

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia
119991 Moscow, Lenin Hills Str., 1,
Doctor of Sciences (Philology)
E-mail: kaverina1@yandex.ru

Abstract. The article considers the conformity of the Control and Measurement Materials of the Unified State Exam in the Russian Language with the main criteria for monitoring the formation of linguistic competence with a special attention to the linguistic foundations of the Control and Measurement Materials of the Unified State Examination in the Russian Language. The analysis of materials from the FIPI website, diagnostic and training work for 10-11 grades of the 2018-2019 academic year and of popular teaching aids results in the conclusions about insufficiently clear linguistic guidelines for test compilers and their insufficient communicative orientation. The paper formulates recommendations about bringing Control and Measurement Materials in line with the theoretical principles of modern Russian studies and the criteria for monitoring the formation of linguistic competence.

Keywords: Unified State Exam in Russian; monitoring linguistic competence levels.

UDC 372.881.161

Введение. Как известно, концепция непрерывного лингвориторического образования разработана в Методической лаборатории Социально-педагогического института СГУТиКД (ныне Сочинский госуниверситет) под руководством профессора А.А. Ворожбитовой. Нам близка данная инновационная педагогическая система, которая определяется авторами как «целенаправленный процесс становления сильной языковой личности демократического типа, обладающей этической ответственностью, общеобразовательной и профессиональной подготовкой и высокой лингвориторической компетенцией на базе взаимосвязанного совершенствования субкомпетенций и механизмов последней в продуктивном и рецептивном регистрах, монологическом и диалогическом режимах, устной и письменной формах речевой деятельности в целях эффективной, гармонически диалогизированной коммуникации» [Ворожбитова 2003: 88; Ворожбитова 2004 и др.]. Главной целью школьного обучения русскому языку признано «научение свободной речевой деятельности», технологической основой которого является риторика как «теория и практическое мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» [Там же]. Исходя из этого Контрольные измерительные материалы ЕГЭ по русскому языку призваны определять уровень владения русским языком в коммуникативных целях.

Обсуждение. Рассмотрим существующие тесты с данной позиции. Приведем выдержку из «Спецификации контрольных измерительных материалов для проведения в 2020 году единого государственного экзамена по русскому языку», где представлено «распределение заданий по основным содержательным разделам учебного предмета «Русский язык» [Спецификация 2020: 4: Электронный ресурс]. Назовем эти

разделы: Речь. Текст; Лексика и фразеология; Речь. Нормы орфографии; Речь. Нормы пунктуации; Речь. Языковые нормы; Речь. Выразительность русской речи; Развитие речи. Сочинение. Нетрудно заметить, что составители подчеркивают коммуникативную направленность тестов, однако на деле это оказывается лишь формальным подходом. Наибольшим формализмом отличаются задания, проверяющие орфографическую грамотность. Так, в задании 9 предлагается определить, какой орфограммой регулируется написание корней приведенных слов. При этом правильность самих написаний не проверяется. Не всегда легко бывает решить именно вопрос о выборе нужного правила — вопрос праздный и вредный по сути. Ученики знают, как пишется слово *спартакиада*, но могут ли они проверить его словом *Спарта*? Можно ли мотивировать *а* в корне *воображение* лексемой *однообразный* или *безобразный*? А проверить слово *морфология* термином *морф*? Примеры множатся бесконечно.

Но самой главной проблемой является правописание чередующихся гласных в корнях. В первую очередь непонятно, какой свод правил надо использовать тестируемым при подготовке. На популярном сайте «Грамота.ру» опубликованы только «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. [Правила 1956]. Они утверждены в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Вместе с тем, известно, что в 2006 г. вышли «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (ПАС), определенный создателями как обновленное издание Правил 1956 г. [Правила 2006: 10]. Статус ПАС 2006 г. неясен (он имеет лишь гриф «Одобрено Орфографической комиссией РАН»), однако он вносит коррективы в правила правописания, в списки исключений. Так, перечень корней с чередованием здесь значительно расширен по сравнению с 1956 г. Правило занимает 8 с лишним страниц и рассматривает многие не учитывавшиеся ранее корни, которые не изучают в школе: *разн – розн, пай – пой, зер – зир, крап – кроп, сид – сед* [Правила 2006: 42–51]. Но особенно заметно включение в данную орфограмму перечня так называемых семантических чередований, из которых широко известно только *мак – мок*, лишь упомянутый в правилах 1956 г. Более подробно здесь рассмотрено другое хорошо знакомое чередование: «Корень *равн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с *равный* («одинаковый»), например: *равномерный, равнозначный, сравнить, равнение, равнять(ся), поравняться, все равно*; корень *ровн-* пишется преимущественно в словах, связанных по значению с *ровный* («гладкий», «прямой»), например: *ровнять, сровнять* и т.п., *уровень*; в слове *равнина* пишется *а*» [Правила 1956: 12]. Однако здесь ничего не сказано о рассматриваемых в ПАС смысловых чередованиях *вес – вис* и *леп – лип*: «**вис – вес**. На месте безударного гласного пишется буква **и** в глаголе *висеть* (*висит, висят*) и производных от него (*повисеть, отвисеться* и т.п.), а также в приставочных глаголах с общей частью *-висеть*: *повисать, нависать, свисать* и т.п. (ср. под ударением: *в́иснуть, пов́иснуть, зав́иснуть*); буква **е** – в словах *в́ивесить, в́ивеска, подвесной, навесной, на весу* (ср. под ударением: *пов́есить, подв́есить, св́есить*). **лип – леп**. В словах прилипать, *налипать* и т.п. в безударном положении пишется буква **и** (ср. под ударением: *ли́пкий, прили́пнуть*), а в словах *лепить, прилепить, налепить* и т.п. – буква **е** (ср. под ударением: *ле́пит, приле́пит, ле́пка*) [Правила 2006: 42–51]. Семантическое чередование как критерий орфографии вообще вызывает сомнение, здесь же круг таких слов еще увеличивает. Правомочность рассмотрения корней *вес – вис* и *леп – лип* в рамках орфограммы, регулирующей чередования, считаем спорной. Действительно, *вешать* и *висеть* – абсолютно разные действия, даже в чем-то противопоставленные друг другу.

Будут ли все перечисленные корни учтены как чередующиеся в тестах? Или надо ориентироваться на значительно меньший список Правил 1956 года? Заметим, между прочим, что справочники Розенталя официальными кодифицирующими изданиями не являются. На популярном сайте «Грамота.ру» опубликованы только «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Полный академический справочник с тем же названием определен создателями как обновленное издание Правил 1956 г., однако официального статуса он не имеет. Как составители КИМов относятся к данной ситуации, нам неизвестно. Хотя можно сделать некоторые выводы из анализа «Демонстрационного варианта контрольных измерительных материалов для проведения в 2020 г. основного государственного экзамена по РУССКОМУ ЯЗЫКУ» (ДВ КИМ РЯ 2020). «РАСЦЕНИВАТЬ – на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква *с*» [ДВ КИМ РЯ 2020: 5] – вот такое правило названо верным в проекте демоверсии ОГЭ по русскому языку нового формата 2020 г. Сравним его с действующими Правилами 1956 г., где находим: «В приставках *без-, воз-, вз-, из-, низ-, раз-, роз-, чрез-* (*через-*) перед глухими **к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ** пишется **с** вместо **з**, например: *бесполезный, воспитать, вспахать, искушать, ниспровергнуть, рассыпать, роспись, чересполосица*, но: *безвкусный, бездарный, вздремнуть, возбудить, избавить* и т.п.» [Правила 1956: 26]. Однако наш вариант больше похож по формулировке на правило ПАС: «§ 82. **Приставки, оканчивающиеся на з/с**. Приставки *без-, вз-, воз-, из-, низ-, раз-* (*роз-*), *чрез-* (*чрез-*) пишутся по особому правилу: перед буквами, передающими глухие согласные (**к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ**), в них пишется буква **с**, а в остальных случаях – буква **з**, напр.: *бесполезный, вспахать, воспользоваться, искушать...*» [Правила 2006: 91–92] Итак, мы выяснили, что разработчики тестов использовали правило ПАС 2006 г.

На первый взгляд более коммуникативным кажется новое задание 2. Здесь в обновленном формате предлагается самостоятельно вставить в текст связующее средство с определенными характеристиками. Однако мы опять сталкиваемся с ситуацией неопределенности критериев, ведь общепризнанной и обще-

доступной типологии «средств связи предложений в тексте» нет, а в школьных учебниках данная тема не раскрыта с достаточной полнотой и основательностью. Придется обратиться к пособию самого популярного автора – И.П. Цыбулько «ЕГЭ. Русский язык. Отличный результат. Учебная книга» [Цыбулько 2019]. Здесь представлена очень странная классификация: все средства связи названы лексическими и помещены в таблицу, которая «построена по принципу частеречной принадлежности слов-связок» [Там же: 22]. Перечислим их в порядке презентации в таблице: «Союзы/союзные слова сочинительные»; «Союзы/союзные слова подчинительные»; «Предлоги»; «Местоимения»; «Частицы»; «Наречия (в том числе в роли вводных слов)» [Там же: 22–23]. Содержание таблицы не менее неожиданно. Например, к последнему разделу «Наречия (в том числе в роли вводных слов)» сделано примечание: «**вводные слова** напечатаны полужирным прямым шрифтом, а *наречия* – полужирным курсивом (наречия не обособляются)» [Там же: 23]. Исходя из этого слова в первой строке: «**безусловно, без сомнения, несомненно, бесспорно, конечно, разумеется**» – вводные слова. Но они могут быть также наречиями, существительным, глаголом и не обособляться. В доказательство приведем соответствующие контексты.

Его приказание безусловно. Он без сомнения бросился на помощь. Его преимущество несомненно.

Все в этом мире конечно. Это само собой разумеется.

Хотелось бы узнать у автора источник приведенной классификации. К сожалению, в пособии не указан перечень использованной литературы. Думается, он многое мог бы прояснить.

Наконец, до сих пор не устранены проблемы в задании 26. Вновь хочется подчеркнуть неясное происхождение сведений о «языковых особенностях текста», которыми пользуются составители. Таким оборотом наиболее общо названо то, что выпускники должны квалифицировать в данном задании. Поскольку авторитетный источник информации вновь не назван, позволю себе проанализировать упомянутое пособие И.П. Цыбулько, где перечислены «изобразительно-выразительные средства языка» [Там же: 320–322]. Среди них выделены «тропы» с неожиданным определением – «слова с переносным значением». Кроме них, названы «синтаксические средства выразительности» и «стилистические приёмы». Такая классификация уже вызывает вопросы, а при рассмотрении конкретных перечней «средств выразительности» они только множатся. Так, ирония упомянута в 1 и 3 группах средств. В числе «стилистических приёмов» назван «синтаксический параллелизм», уже в самом названии которого есть слова «синтаксический» – чем не «синтаксический приём». Тот же вопрос о парцелляции.

Кроме того, два пособия одного автора не соответствуют друг другу. Действительно, в пособии под ред. И.П. Цыбулько «ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов» требуется найти некие загадочные «лексические средства» [ЕГЭ. Русский язык 2019: 28], о которых ничего не сказано в учебной книге того же автора.оборот «как из паровоза» [Там же: 191] назван в задании тропом, а в ответе сравнением, что противоречит упомянутой классификации, где сравнение отнесено к «синтаксическим средствам выразительности» [Цыбулько 2019: 321].

Но главная проблема связана с неверным пониманием эпитета как тропа. В учебной книге Цыбулько дается неточная дефиниция эпитета как «образного определения» [Там же: 321]. Видимо, поэтому в тестах эпитетами признаются слова, таковыми на самом деле не являющиеся. Приведу примеры из пособия «36 вариантов»: облагораживающая красота (с. 331), глубокая благодарность (с. 295), высокая, величественная дама (с. 207), священный долг, твёрдое намерение (с. 127), слабый свет, прозрачный месяц (с. 100), благородная гордость (с. 73), выразительные, привлекательные физиономии (с. 37), залихватый, звонкий хохот; черноокая Матрёша (с. 28), последняя ночь (с. 19) [ЕГЭ. Русский язык 2019: 19–331].

Проиллюстрируем необходимость обращения к новейшим авторитетным источникам на примере ошибочно приведенных эпитетов. Известно, что «ЭПИТЕТ (греч. ἐπίθετον – приложение) – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного» [Квятковский 1966: 359]. Именно поэтому не могут быть эпитетами фразеологически связанные слова типа *закадычный* (друг) или, как в нашем случае, *залихватый* (смех, хохот). Кроме того, «как художественную деталь эпитет нельзя смешивать с определительными прилагательными. Например, прилагательные «белый снег» или «мягкий снег» будут просто предметными и логическими определениями, но в выражениях «сахарный снег» или «лебяжий снег» прилагательные являются эпитетами, потому что они дают дополнительную, художественную характеристику в виде скрытого сравнения, которое легко угадывается: «снег белый, с блестящими крупинками, как сахар», «снег белый, мягкий и легкий, как лебяжий пух» [Квятковский 1966: 359–361].

Мы обратились к новейшему и авторитетнейшему «Большому академическому словарю русского языка» под ред. К.С. Горбачевича (БАС) [БАС 2004] и проверили приведенные в популярном пособии эпитеты. Известно, что в словарных статьях многозначных слов всегда отмечается переносное значение, которое характерно для эпитета. Приведу примеры такой проверки.

Глубокая благодарность – данное сочетание приведено в «Словаре эпитетов» Горбачевича 1979 г. [Горбачевич 1979: 28]. Однако в БАС у прилагательного *глубокий* 6-е значение ‘очень сильный, достигший высокой степени своего проявления’ является прямым, и даны примеры: «Засвидетельствовать глубокое уважение, почтение и т.п.» [БАС 2006: 164–165]. Значит, в СРЯ это слово в данном сочетании уже не эпитет.

Величественная дама – у прилагательного *величественный* в БАС отмечено 2-е прямое значение ‘имеющий внушительный вид: высокий рост, горделивую осанку и т.д. (о человеке)’, чему дан пример из Толстого: «высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо...» [БАС 2005, 2: 398].

В довершение картины обратимся к демонстрационному варианту 2020 года с сайта ФИПИ, где ошибочно названо эпитетом прилагательное в словосочетании *волнистые туманы*. По данным БАС, у слова *волнистый* все значения прямые, и одно из них – ‘напоминающий по виду волны, волнообразный’ с примерами «волнистая равнина» и «волнистый простор» [БАС 2005, 3: 94] – вполне подходит к нашему словосочетанию.

Составителям тестов должно быть известно соотношение понятий нормы и её кодификации. Нередко эти явления смешиваются, что приводит к их ошибочному отождествлению. Безусловно, современная литературная норма – норма кодифицированная, однако кодификация никогда не опережает естественного изменения живого языкового организма. Большинство людей считает, что сначала создаются правила, пишутся их своды и словари, а потом уже простой носитель языка исполняет их предписания. Однако это совсем не так.

Язык – непрерывно развивающаяся система, остановить это движение невозможно. И оно происходит не только в рамках, но и за пределами литературной нормы за счет нелитературных пластов языка и других языков. В определенный момент отступления от нормы становятся её частью, тогда они фиксируются кодифицирующими изданиями – грамматиками, словарями, сводами правил и справочниками. Так, в XIX в. бытовали формы *докторы, профессоры* (вспомним у Грибоедова: «Профессоры! У них учился наш родня!» – говорит княгиня Тугоуховская). Однако уже давно мы говорим *доктора, профессора*, и список слов с таким словоизменением постоянно пополняется. Как узнать, когда ошибка становится нормой, – вопрос сложный и неоднозначный. Кодификация – прерогатива академических институтов, поэтому пользоваться надо только авторитетными изданиями позднейших лет выпуска. К сожалению, большинство пользователей совсем не обращает внимания на то, в каком году и кем издана та справочная литература, к которой они обращаются. На полках учащихся стоят книги, принадлежащие их родителям, а то и бабушкам-дедушкам, и эти издания без сомнения используются для проверки грамотности. Однако то, что может быть простительно школьникам, недопустимо для составителей главной контрольной работы выпускников всей страны.

Заключение. Итак, что же проверяют Контрольные измерительные материалы ЕГЭ по русскому языку? Какие навыки и умения? Напомню о цели «научения свободной речевой деятельности». Где тут «практическое мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» [Ворожбитова 2003: 88]? Всё оборачивается заучиванием ненужных правил, непонятных списков слов, похожих на старинные мнемонические стихи про букву «ять», волшебных закономерностей, присущих этим и только этим тестам. Мы опять забываем, что «суббота для человека, а не человек для субботы».

Библиография

- Большой академический словарь русского языка: В 30 т.; под ред. К.С. Горбачевича. – СПб.: Изд-во «Наука», 2004 –. Издание продолжается.
- Большой академический словарь русского языка: В 30 т.; под ред. К.С. Горбачевича. – Т. 2. – СПб.: Изд-во «Наука», 2005. – 659 с.
- Большой академический словарь русского языка: В 30 т.; под ред. К.С. Горбачевича. – Т. 3. – СПб.: Изд-во «Наука», 2005. – 664 с.
- Большой академический словарь русского языка: В 30 т.; под ред. К.С. Горбачевича. – Т. 4. – СПб.: Изд-во «Наука», 2006. – 679 с.
- Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 26–33.
- Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2003. – № 3. – С. 134–142.
- Горбачевич К.С., Хаблю Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1979. – 567 с.
- Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов для проведения в 2020 году основного государственного экзамена по русскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fipi.ru/oge-i-gve-9/demoversii-specifikacii-kodifikatory>
- ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов; под ред. И.П. Цыбулько. – М.: Изд-во «Национальное образование», 2019. – 384 с.
- Квятковский А.П. Эпитет//Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 359–361.
- Правила русской орфографии и пунктуации: Утверждено Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1956. – 176 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник; под ред. В.В. Лопатина. – М: Эксмо, 2006. – 480 с.
- Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2020 году единого государственного экзамена по русскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fipi.ru/oge-i-gve-9/demoversii-specifikacii-kodifikatory>
- Цыбулько И.П. ЕГЭ 2019. Русский язык. Отличный результат. – М.: Национальное образование, 2019. – 368 с.

**Основные трудности изучения глаголов движения русского языка
(на примере занятий с туркменскими студентами)**

Навасартян Лариса Гагиковна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Россия
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
кандидат филологических наук, старший преподаватель
E-mail: chaika115@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются трудности изучения глаголов движения русского языка. Анализируются особенности этой лексико-семантической группы, отмечаются типичные ошибки, допускаемые иностранными студентами из Туркменистана при изучении данной темы на занятиях РКИ в вузе.

Ключевые слова: глаголы движения, русская грамматика, русский язык как иностранный, методика преподавания РКИ в вузе.

УДК 378:161.1(0/054/6)

Main difficulties in learning Russian verbs of motion (a case of teaching Turkmen students)

Larisa G. Navasartyan

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia
410012 Saratov, Astrakhanskaya Str., 83
Candidate of Sciences (Philology), Senior Teacher
E-mail: chaika115@mail.ru

Abstract. The article discusses difficulties in learning the Russian verbs of motion, analyses the specificity of this lexico-semantic group, and highlights the typical mistakes made by Turkmen students when they study this topic in the university.

Keywords: verbs of motion, Russian grammar, Russian as a foreign language, the methods of teaching Russian as a foreign language.

UDC 378:161.1(0/054/6)

Введение. Глаголы движения русского языка – особая лексико-семантическая группа, которая состоит из «парных глаголов несовершенного вида типа *идти – ходить* с общим значением перемещения в пространстве и образованных от них приставочных глаголов» [Величко 2009: 511].

В «Русской грамматике» (1980) обозначено 18 соотносительных пар бесприставочных глаголов движения: *идти – ходить, ехать – ездить, бежать – бегать, лететь – летать, плыть – плавать, везти – возить, вести – водить, нести – носить, брести – бродить, катить – катать, гнать – гонять, ползти – ползать, тащить – таскать, лезть – лазить*, в том числе 4 пары глаголов на *-ся*: *нести – носиться, тащиться – таскаться, катиться – кататься, гнаться – гоняться* [Шведова 1980: 589]. Но не все пары рассматриваются в учебниках по русскому языку как иностранному. Как правило, выбираются наиболее употребительные лексемы (первые восемь пар). Например, в комплексе Т.Л. Эсмантовой «5 элементов» материал распределен таким образом, что глаголы движения вводятся на уровне А2 (базовый). Сначала изучаются пары *идти – ходить, ехать – ездить* и их приставочных формы, далее к ним добавляются *лететь – летать* [Эсмантова 2009: 132–145; 286]. На следующем уровне (В1, базовый – первый сертификационный) даются глаголы *бежать – бегать, плыть – плавать, нести – носить, везти – возить, вести – водить* [Эсмантова 2011]. На этом курс завершается. В учебнике О.И. Глазуновой «Давайте говорить по-русски» основное внимание уделено глаголам *идти, ехать, лететь, плыть, бежать* и их парам [Глазунова 2008: 41]. Особенности употребления глаголов движения раскрываются в специальных учебных пособиях [Муравьева 2000, Скворцова 2003, Богомолов, Петанова 2013], к которым необходимо также обращаться на занятиях.

При этом общим принципом для авторов является постепенное, поэтапное изучение данной темы. Такой подход можно признать наиболее продуктивным. Ведь глаголы движения – это одна из сложных тем в курсе РКИ. Семантическое сходство слов в паре и отсутствие видовой корреляции (оба глагола относятся к несовершенному виду) затрудняют понимание особенностей их функционирования в речи.

Материалы и методы. Статья основана на наблюдениях за студентами-бакалаврами из Туркменистана, обучающимися на 2 курсе биологического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Сопоставление родного (туркменского) и изучаемого (русского) языка позволило выявить причины трудностей, с которыми сталкиваются иностранцы при изучении этой темы. Были проанализированы ошибки, свойственные данной языковой общности.

Обсуждение. Рассматриваемые языки (русский и туркменский) относятся к разным языковым группам и имеют неодинаковую грамматическую структуру: русский язык – флективный, туркменский – аглутинативный. Из-за этого несоответствия учащимся необходимо подробнее разъяснять семантические и грамматические особенности глаголов движения русского языка. Как мы отметили ранее, в туркменском языке глаголы движения не выделяются в отдельную группу и не имеют соотносительных пар, т.е. двум русским глаголам соответствует один глагол туркменского языка: *бежать, бегать* – *ylgamak*; *ехать, ездить* – *gitmek* и т.д. В то же время один туркменский глагол *daşamak* имеет значения «везти», «носить» и «тащить» [Навасартян 2019]. В русском языке это три разных глагола. В речи иностранцев появляются ошибки, обусловленные межъязыковой интерференцией и непониманием лексической дифференциации слов. Например, *Ты часто **идеши** в кино?* (вместо *ходишь*); *Спортсмен **бегае**т к финишу* (вместо *бежит*) и т.д.

При этом студенты легко понимают, в чем разница между словосочетаниями: *идти пешком, ехать на автобусе, лететь без багажа, плыть по течению, бежать по улице*. Трудности возникают с различением глаголов *везти, вести, нести*, т.к. эти формы подразумевают наличие объекта перемещения и определенный способ передвижения: *везти ребенка в машине, вести собаку на поводке, нести цветы в руках*. Напомним, что в туркменском языке нет такого разнообразия форм – глаголы «везти», «носить», «тащить» переводятся одним словом «*daşamak*», поэтому в речи иностранцев часто встречаются лексические ошибки (*я несла собаку на такси, он везет машину*).

Туркменским студентам сложно понять, почему одно и то же действие выражено двумя глаголами. Учащиеся часто забывают про важнейший дифференциальный признак – направление движения, хотя в учебнике по русскому языку для 7 класса средних школ Туркменистана эта тема рассматривается. В издании отмечается, что «однонаправленные глаголы обозначают движение в одном направлении: *идти, бежать, плыть, везти*. Разнонаправленные глаголы обозначают движения в разные направления: *ходить, бегать, плавать, возить* [Мурадов, Ходжамедова 2012: 107]. Помимо вышеперечисленных, в школьных заданиях встречаются пары *нести – носить, гнать – гонять, брести – бродить, лезть – лазить, лететь – летать, ползти – ползать, тащить – таскать, катить – катать*. Упражнения предполагают выбор и подстановку нужного глагола в предложение с учетом направления движения. Таким образом, учащиеся должны быть знакомы с этими формами, но это не всегда соответствует действительности. Возможно, они не научились применять знания, полученные в школе.

В учебнике обозначен еще один важный аспект: «Глаголы движения употребляются в речи без приставок (*бежать – бегать, везти – возить*) и с приставками (*выбежать – выбежать; уходить – уйти*)» [Там же: 112]. Приставочные глаголы движения изучаются и в вузовском курсе. Но можно заметить, что иностранные студенты сталкиваются с еще большими трудностями. Определение вида глаголов является проблемой для туркмен. Любой глагол с приставкой они относят к совершенному виду, что неверно (ср. *летать – улетать*). Приставочные глаголы образуют видовые пары (ср. *выбежать – выбежать, уйти – уходить* и т.д.) в отличие от бесприставочных. Об этом учащиеся тоже могли узнать из школьного курса. В одном из заданий учебника нужно сравнить следующие глаголы и объяснить, чем они отличаются друг от друга: *бежать – пробежать – пробегать, лететь – пролететь – пролетать, ползти – проползти – проползать, вести – провести – проводить, плыть – проплыть – проплыть* [Там же: 117]. А чтобы закрепить знания, предлагается составить 2–3 предложения с этими словами. Поэтому можно предположить, что причиной этих трудностей является не столько плохое овладение материалом, сколько многочисленность и многозначность русских приставок. В школьном курсе рассмотрены лишь наиболее популярные из них (*про-, за-, в-, от-, под-, от-*).

Носители русского языка, как правило, легко выбирают подходящие приставки. А вот для иностранцев, употребление префиксов, особенно вместе с предлогом, – серьезная проблема.

В туркменском языке к глаголам не добавляются приставки. Значение русских приставок передается в их родном языке отдельными словами и словосочетаниями. Например, *выйти – çykmak, бежать – ylgamak*, а *выбежать – ylgar çykmak* (дословно переводится «бегом выйти»). Или *войти – girmek, бежать – ylgamak*, а *вбежать – ylgar girmek* («бегом войти»). Слова *выбежать – выбежать* студенты не могут различить, т.к. в их родном языке это одна и та же словоформа. Так же и с глаголами *вбежать – вбежать*. Опора на родной язык не позволяет им обнаружить и видовые различия в этих парах.

С предлогами дело обстоит еще сложнее. В туркменском языке нет предлогов, их заменяют специальные аффиксы – послелого: *выйти из комнаты – otagdan çykmak* (*otag* – комната, *dan* – послелог), *войти в комнату – otagyna girmek* (*yna* – послелог). При этом глагол стоит после дополнения. Для туркменского языка характерен особый порядок слов в предложении.

В учебнике по русскому языку для 7 класса средних школ Туркменистана изучаются следующие предложно-падежные формы: *выйти (из), войти (в), выбежать (из), вбежать (в), перейти (через), отойти (от), отбежать (от), добежать (до), забежать (за), подбежать (к), отъехать (от), подъехать (к)* [Там же: 117]. Показано, что предлог совпадает по форме и звучанию с приставкой (*доехать до магазина, войти в комнату*) или отличается (*выйти из кабинета, выйти к остановке*). Выбор зависит от реальных пространственных отношений. Однако бывают случаи, когда иностранцы пропускают предлоги: *он победил аптеку* (вместо *в аптеку*), *мне надо зайти преподаватель* (вместо *к преподавателю*).

В процессе обучения учащиеся сталкиваются с еще одной трудностью: глаголы движения имеют множество значений, в том числе и переносное: *часы бегут, снег идет, время летит*. В этом значении глаголы утрачивают парность (нельзя сказать *время летает, часы бегают*). Подобные эквиваленты в родном языке учащихся отсутствуют, например, *gar ýagýar – снег падает*, а не *идет*.

Меньше всего фразеологизмов с глаголами движения *брести – бродить, тащиться – таскаться, ползти – ползать: бродить под оконом, ползти как черепаха (улитка)*. Остальные лексемы входят в состав многих устойчивых словосочетаний: *идти куда глаза глядят, идти на поводу, ходить налево, ходить вокруг да около, бежать со всех ног, нести ахинею* и т.д. Поэтому целесообразно поэтапно знакомить учащихся с такими конструкциями, не имеющими аналогов в их родном языке.

Заключение. Таким образом, изучение глаголов движения в курсе РКИ вызывает ряд трудностей у туркменских студентов. Ошибки в речи иностранцев обусловлены тем, что им трудно освоить особенности функционирования этой группы слов в речи. Им приходится учитывать сразу несколько аспектов: способ передвижения, скорость и направление движения, наличие или отсутствие принуждения (объекта действия), приставки и предлога, а также вид глагола. Многозначность приставок, вопросы сочетаемости, а также объемность глагольной парадигмы усложняют процесс усвоения данной темы. Не менее важен и тот факт, что студенты не могут опираться на родной язык. В туркменском языке глаголы и служебные части речи имеют свои особенности, не соотносимые с грамматикой русского языка. В связи с этим межъязыковая интерференция приводит к появлению различных ошибок, типичных для данной языковой общности. Поэтому очень важно поэтапно изучать эту тему (от простых аспектов переходить к сложным). Знание специфики глаголов движения русского языка поможет улучшить речевые навыки иностранных студентов.

Библиография

- Богомолов А.Н., Петанова А.Ю. Приходите!.. Приезжайте!.. Прилетайте!.. – СПб.: Златоуст, 2008. – 104 с.
- Величко А.В. Книга о грамматике: Русский язык как иностранный. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 648 с.
- Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2008. – 373 с.
- Муравьева Л.С. Глаголы движения в русском языке (для говорящих на английском языке). – 7-е изд. – М.: Русский язык, 2000. – 238 с.
- Мурадов Б.А., Ходжамедова Т.Е. Русский язык. Учебник для 7 класса средних школ Туркменистана. – 2-е изд. – Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2012. – С. 107–118.
- Навасартян Л.Г. Проблемы изучения глаголов движения русского языка в туркменской аудитории // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научной конференции (г. Саратов, 15 апреля 2019 г.) / Р.З. Назарова, О.А. Шендакова, М.В. Золотарев (отв. ред.). – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. – С. 309–314.
- Скворцова Г.Л. Глаголы движения – без ошибок: пособие для студентов, изучающих русский как иностранный. – М., 2003. – 136 с.
- Шведова Н.Ю. Русская грамматика. В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.
- Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов: уровень А2 (базовый). – СПб.: Златоуст, 2009. – 328 с.
- Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов: уровень В1 (базовый – первый сертификационный). – СПб.: Златоуст, 2011. – 340 с.

**Креативный потенциал лингвориторической парадигмы
в формировании профессиональной компетенции студентов**

¹Нуртазина Марал Бекеновна
²Жаркынбекова Шолпан Кузаровна
³Шахпутова Зухра Хаджимуратовна

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
доктор филологических наук, профессор
E-mail: nurtazina2@gmail.com

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
доктор филологических наук, профессор
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

³Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
докторант PhD, кафедра теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: zukhrakhad@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы динамики развития лингвориторической парадигмы речевой компетенции студентов. В систематизированном виде представлен круг вопросов и методические материалы современной науки по межкультурной коммуникации. Исследование процессов активизации речемыслительного аспекта строится на понятии трилингвальной речи. Обосновывается необходимость рассмотрения системы моделирования коммуникативно-речевого поведения как продукта культуры. Новизна представленного исследования заключается в выявлении креативного потенциала и стратификации лингвориторической модели речевой диверсификации, включающей в себя разные компоненты. Уделяется внимание проблеме становления личности будущих педагогов в системе профессиональной подготовки. Изложены результаты исследования, свидетельствующие о том, что лингвориторическая культура представляет собой не простую процедуру, способствующую выявлению и развитию речевых умений в разных сферах социальной коммуникации, а особое направление прикладной лингвистики, которое позволяет обнаружить новые, существенные свойства риторики.

Ключевые слова: модернизация профессионального образования, лингвориторическая парадигма, метакommунитивные маркеры, профессиональная компетенция, полилингвальная модель обучения.

УДК. 374.881.1

Creative potential of Linguistic & Rhetorical Paradigm in forming students' professional competence

¹Maral Nurtazina
²Sholpan Zharkynbekova
³Zukhra Shakhputova

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: nurtazina2@gmail.com

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

³L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
010008 Nur-Sultan City, Satpayev Str., 2
PhD Student
E-mail: zukhrakhad@mail.ru

Abstract. The papers discusses the questions of dynamics in the development of linguistic rhetorical paradigm of students' speech competence as well as systematically outlines a range of issues and methodological materials of modern science on intercultural communication. The study of the processes of activating the communi-

cative-cognitive aspect is based on the concept of trilingual speech and substantiates the necessity of considering a system for modeling communicative speech behavior as a cultural product. The novelty of the presented study consists in identifying the creative potential and stratification of the linguistic model of speech diversification which includes various components. The authors pay attention to the problem of forming the personality of future teachers in the vocational training system. The results of the study indicate that linguoculture has a complicated nature contributing to the identification and development of speech skills in different areas of social communication forming a special field of applied linguistics revealing new and essential properties of rhetoric.

Keywords: modernization of vocational education, linguistic rhetorical paradigm, metacommunicative markers, professional competence, multilingual learning model.

UDC 374.881.1

Введение. В век информационно-коммуникативной революции многие вопросы, прежде рассматриваемые как периферийная зона языковых проблем в ракурсе научной парадигмы «человек – язык», становятся актуальными темами междисциплинарного характера в контексте модернизации профессионального образования в Республике Казахстан. Экономические и социокультурные изменения в стране в связи с интеграционными тенденциями нашей общественной жизни привели к необходимости совершенствования подготовки педагогических кадров с учетом компетентностного подхода.

Актуальность проведения и обучения будущих специалистов профессиональному общению заключается в социальном заказе нашего общества на подготовку квалифицированных, конкурентоспособных на отечественном рынке труда специалистов. Необходимость эффективной подготовки к профессиональной лингвистической деятельности в условиях быстро развивающегося общества, широкого международного сотрудничества нацеливает усилия исследователей на изучение проблемы становления и развития профессиональных компетенций будущих специалистов.

Материалы и методы. Как предполагается, перспективным исследовательским инструментом может служить антропоцентрическая «лингвориторическая парадигма» как речемыслительная характеристика синергетического воздействия и фактор формирования национальной речемыслительной культуры [Ворожбитова 2014: 160; см. также: Алефиренко, Нуртазина 2018: 119–120]. Материал исследования – текстовый материал из «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса казахского языка», а также «Британского корпуса языка» в соответствии с выделенными принципами динамической модели формирования профессиональной компетенции студентов. Методами исследования выступили концептуальный, лингвориторический анализ; наблюдения, описания.

Обсуждение. Ведущей образовательной парадигмой вместе с личностно ориентированной является компетентность как профессиональная подготовленность и способность уверенно и адекватно целям и задачам общения выполнять профессиональные функции и задачи, которые может ставить перед человеком научно-технический прогресс, а также мобилизовать в условиях практической деятельности полученные знания и умения, «выражающиеся в субъективном переживании объектов его внешнего и внутреннего мира, входящих в состав коммуникативно значимого события» [Алефиренко, Нуртазина: 2018: 54]. Известно, что успешность в разных сферах деятельности зависит не столько от образования, сколько от личных способностей, креативности, трудолюбия.

Так, речевой профессионализм и активизация речемыслительного процесса выдвигаются на передний план анализа как своего рода доминанты при решении задач в той или иной сфере деятельности. А это, в свою очередь, предполагает системную профессионально-коммуникативную подготовку будущих специалистов, которые могли бы реализовать свои знания, умения и навыки, т.е. компетенцию, в профессионально корректной речевой форме [Роботова 2008: 20–21]. В связи с этим к изучению языковой личности подключается риторика, которая рассматривает языковую личность как «набор человеческих родовых способностей и готовности в области речевой деятельности [Ворожбитова 2014: 16–17]. В теории риторики выделяют три аспекта воздействия на адресата с помощью различных метакоммуникативных маркеров: пафос (убеждающие стратегии через возбуждение эмоций адресата), логос (убеждение адресата через апелляцию к разуму; четкая и последовательная аргументация; системная структурированность речи с убедительной доказательной базы фактов), этос (обращение к ценностным и приоритетным нравственным нормам общества; лингвистическая теория речевого воздействия). Анализ речевых компетенций связан с достижением эффективной межкультурной коммуникации.

Как отмечает А.С. Роботова, «владеющий гуманитарными технологиями человек с необходимостью должен уметь проектировать и анализировать речевые ситуации, владеть искусством публичного выступления, уметь работать с различными документами и правильно их интерпретировать, а также быстро и точно интерпретировать речь собеседника, оппонента, включаться в диалог, полилог, избирать адекватное педагогической цели, педагогической логике речевое поведение» [Роботова 2008: 19]. Профессиональное общение может реализоваться в разных сферах социума: академической (инновационная интерпретация информации), официально-деловой (бизнес-документы), межличностной (в неформальной обстановке в общении с коммуникантами). Кроме того, идея антропоцентризма современной лингвистики определяет духовную сущность человека, мотивы его поступков и иерархию ценностей [Маслова 2001: 6–7]. И действительно, «антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты

изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению и его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» [Кубрякова 1995: 212].

Во многих лингвистических работах отмечается, что одним из схем конструирования вариантов речи выступает процесс моделирования как категории динамической для представления той или иной характеристики языковых явлений, для понимания и осмысления речеведческих понятий и паттернов речевого поведения [Леонтович 2002: 18–19; Рассказов 2017: 32: Электронный ресурс], который предполагает системный анализ и исследование различных признаков его модели. Лингвориторическая парадигма позволяет овладевать конкретными вопросами теории и практики би- и трилингвальной речи в РК (казахским, русским и английским языками), способствует стремлению каждого студента стать профессиональной полиязычной личностью, мастерски овладевать техникой целесообразного, воздействующего и гармонизирующего общения [Рассказов 2017: 32: Электронный ресурс; Оршанская 2011: 168–169]. Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина акцентируют внимание на том, что в контексте такой парадигмы «важны такие факторы, как регистрация отчетливых связей и явлений объективной действительности, своеобразие языковой интерпретации понятийного содержания, динамичность и активность точки зрения самого говорящего как в процессе познания, так и в процессе речевой деятельности и коммуникативно-прагматического результата реализации данной грамматической формы» [Алефиренко, Нуртазина, 2017: 710].

Моделирование как речевая деятельность, как речевое поведение и продукт культуры (нормы) помогает избежать многих ошибок в межкультурной направленности профессиональной деятельности, формирует перспективу предвидеть специфику развития коммуникативного процесса и принимать превентивные меры для появления ошибок. Именно такая модель может способствовать оптимальному соотношению использования языка как средства общения в полиязычном сообществе, каковым является Республика Казахстан; в учебном процессе такая динамическая модель может отслеживать и учитывать специфику развития языков и культур, способствовать сохранению культурной самобытности.

Как отмечает О.А. Леонтович, «культура по своей сути является коммуникативной, а коммуникация – культурой» [Леонтович 2002: 14], в частности, выделяя риторическую модель формирования коммуникативно-речевых трилингвальных умений: специфику триязычного общения, нормы речевого поведения и профессионально ориентированных высказываний. Именно взаимодействие языков и культур помогает стратифицировать, ранжировать, классифицировать, упорядочивать объекты окружающего нас реального мира, помогает адаптироваться к той или иной культурной среде.

Креативный потенциал лингвориторической парадигмы проявляется также в развитии компетентного умения осуществлять межъязыковое и межкультурное переключение (по аналогии с переключением кодов) созвучно с требованиями аутентичности, речевой диверсификации, коммуникативной эмоциональности, распознаванию вербального и невербального поведения, коммуникативно-речевой корректировки и полилингвальной динамичности и маневренности. Овладение такими умениями будет способствовать тому, что в своей дальнейшей профессиональной деятельности студенты научатся разнообразить свою речь и вербальное поведение, придавать языку убедительность, логичность, аргументативность и выразительность, сделать ее информационно грамотным и эмоционально насыщенным и в конечном счете продемонстрировать свою риторическую компетенцию в форме законченных речевых актов, обладающих убеждающей силой воздействия. Межъязыковая интеграция способствует также использованию возможности своего родного языка для компаративного и сопоставительного анализа второго и третьего языка и культуры, что может способствовать взаимообогащению смысловых элементов, увеличению объема знаний.

Мы солидарны с мнением Е.Г. Оршанской о том, что для эффективной организации процесса обучения языку важно знать структуру риторической полилингвальной модели [Оршанская 2011: 169–170], которая может включать в себя несколько элементов: 1) аргументативный (убедительный), 2) диверсифицированный, 3) трансцендентальный и 4) эмпирический компоненты.

Так, аргументативный компонент связан с генерированием позитивного эмоционально-ценностного отношения к самому процессу и результативности повышения уровня коммуникативно-речевой подготовки, на осведомленности важности и значимости своего родного языка, «на профессионально ориентированное понимание целенаправленного повышения его социокультурного статуса» [Там же: 171]. Для постижения себя профессиональным полилингвальным личностям необходимо также умение преодолеть явление интерференции, успешно анализировать свои и чужие высказывания.

Диверсифицированный компонент связан с определением мотивации к тому, чтобы повысить уровень владения коммуникативно-речевыми умениями, используя различные технологии тестов, кейс-стади, диагностических формул, процедуру наблюдения.

Трансцендентальный компонент предусматривает знание элементов аккультурации, механизма процесса переключения, норм коммуникативно-речевого поведения, особенностей жанрового своеобразия в компаративном аспекте.

Эмпирический компонент основан на том, чтобы закрепить и обобщить полученные знания в области лингвориторической дидактики, опыт успешного коммуникативно-речевого поведения в полиязычном и поликультурном пространстве.

Эффективная коммуникативно-речевая деятельность тесно связана с различными видами компетенций: языковой (умение строить высказывания в соответствии с языковыми нормами, коммуникативной (смещение речевых регистров в разных ситуациях общения, соблюдение речевого и невербального этикета), лексикографической (выработать навыки работы с нужной информацией для репрезентации различных коммуникативно-речевых задач). Наиболее эффективным средством профилизации обучающихся выступают проектная деятельность и учебные деловые игры, основу которых составляют методические и технологические приемы, направленные на развитие познавательных навыков обучающихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в современном информационном пространстве глобализованного мира.

Обучающиеся приобретают когнитивный, метакогнитивный опыт (как способов кодирования информации о речевой культуре; индивидуальные стратегии распределения и фокусировки внимания; степень тщательности и точности сбора информации до момента принятия решения; категориальный контроль оценок и суждений; произвольный интеллектуальный контроль; способность планировать и прогнозировать результаты анализа); метакогнитивную осведомленность (знание особенностей собственной памяти, мышления, предпочитаемые способы постановки и решения задач; умение оценивать свои индивидуальные интеллектуальные качества); умение проявлять открытую познавательную позицию (готовность использовать различные способы описания и анализа одного и того же текста для повышения языковой и речевой культуры); вырабатывают свой критический стиль (способность к моделированию, независимость в работе, предпочтение действовать по правилам, решать четко сформулированные задачи с использованием уже известных средств; предпочтение работать с готовыми системами, которые, по их мнению, можно и нужно «приводить в порядок»).

Заключение. Глобальная информатизация общества ставит перед системой образования как одну из первостепенных задачу подготовки специалиста, готового к созидательной качественной деятельности в условиях современной информационной среды. Ведь современному профессионалу недостаточно обладать только знаниями, умениями и навыками, полученными в рамках высшего образования, он должен обладать способностью к проблемно ориентированному критическому анализу, находить пути и средства решения проблем, уметь работать в команде, брать на себя ответственность за свои действия и решения, уметь мыслить ситуативно и перспективно, прогнозировать результат, т.е. обладать высоким уровнем профессиональных компетенций как профессиональных полилингвальных личностей.

Таким образом, лингвориторическая культура представляет собой не простую процедуру, способствующую выявлению и развитию речевых умений в разных сферах социальной коммуникации, а особое направление прикладной лингвистики, которое позволяет обнаружить новые, существенные свойства риторики. Это стимулирует подготовку лингвистов новых вузовских специализаций как на филологической, так и на культурологической базе. Кроме того, немаловажное значение имеет популяризация проблематики совершенствования коммуникативной деятельности и создания профессионально ориентированных высказываний в широкой лингвистической аудитории, что будет иметь не только практическое, но и социальное значение.

Библиография

- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Системная панорама когнитивной репрезентации семантики таксиса // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 706–728.
- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Дискурсивное сознание как фактор формирования медиапространства // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2018. – С. 116–128.
- Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: учебное пособие; 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2014. – 367 с.
- Леонтович О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами. – Волгоград: ВГПУ, 2002. – 212 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Оршанская Е.Г. Содержание риторической модели формирования коммуникативно-речевых билингвальных умений учителя иностранного языка // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – С. 168–172.
- Рассказов Ю.С. Риторическая модель русского разговорного языка. – Русский филологический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/marginalia/rasskazov1.htm>
- Роботова А.С. Гуманитарность и гуманитарные технологии // Вестник Герценовского университетата. – 2008. – № 5. – С. 19–24.
- Greenspeak Harre R. A Study of Environmental Discourse / R. Harre, J. Brockmeier, P. Mühlhäusler. – L.; New Delhi: Thousand Oaks, 1999. – 224 p.
- Halliday M.A.K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.; N.Y.: Continuum, 2001. – P.175–202.
- Haugen E. The Ecology of Language // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.; N.Y.: Continuum, 2001. – P.57–66.
- Mackey W.F. The Ecology of Language Shift // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. By A. Fill, P. Mühlhäusler. – L.; N.Y.: Continuum, 2001. – P.67–74.
- Alefirenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusicística Espanola. – EUG: Revistas de la Universidad de Granada. – № 14. – 2018. – P. 49–65.

Особенности формирования коммуникативной компетенции иностранцев, обучающихся в российском вузе

Погорельская Любовь Ивановна

Военный научно-учебный центр «Военно-морская академия»
им. Адмирала Флота Героя Советского Союза Н.Г. Кузнецова
197342, г. Санкт-Петербург, Ушаковская наб., 17
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: pogorelskaya.l@yandex.ru

Аннотация. Наибольшие успехи в овладении русским языком имеют обучающиеся, которые обладают способностью самостоятельно оценить свои трудности в процессе изучения языка, а также имеют собственное представление о необходимом уровне овладения языком для достижения собственных целей.

Ключевые слова: успех, овладение русским языком, способность, оценить свои трудности, необходимый уровень.

UDK 811. 161.1243 (082)

Specificity of forming communicative competence of foreign learners at Russian higher schools

Lyubov I. Pogorel'skaya

Military Training Research Center of the Navy of Russian Federation "Naval Academy"
named after Admiral of the Fleet Hero of the Soviet Union N.G. Kuznetsov
197342 Saint Petersburg, Ushakovskaya Emb., 17
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: pogorelskaya.L@yandex.ru

Abstract: The biggest success in mastering the Russian language is characteristic of the students with an ability to independently assess their difficulties while learning a language and to have their own idea of the desired level of language knowledge to achieve their own aims.

Keywords: success, mastering the Russian language, ability, assess problems, desired level.

UDC 811. 161.1243 (082)

Введение. Речевое общение – неотъемлемая часть любого практического занятия по любому иностранному языку, в том числе и русскому языку как иностранному. Умения речевого общения, навыки владения устной и письменной речью, владение багажом знаний по грамматике, лексике, владение умениями устной речи, навыками артикуляции гласных и согласных, произношения звуков, слогов, слов, интонирование синтагм, фраз, навыки распознавания и знание лексических средств, распознавание звуков, слогов, слов в устной и письменной речи, понимание синтагм, фраз, текстов различных стилей речи – это те учебные действия с языковым и речевым материалом, овладение которыми составляет практическое содержание учебных занятий.

Материалы и методы. Организация активной учебной деятельности обучающихся на учебных занятиях невозможна без осознания организатором учебной деятельности, соотношения поставленных учебных целей и реальных возможностей их реализации в той реальной аудитории с её опытом учебной деятельности, возрастными, психологическими особенностями, своеобразием национального языка, знанием и пониманием своих целей и путей достижения их в обучении, умением организовать свой труд по изучению языка, которым им предстоит овладеть. Не менее важно осознавать, какие способы организации учебной деятельности следует избирать для реализации учебных целей в реальной группе обучающихся с разным жизненным опытом, особенностями психологии, заложенными природой механизмами восприятия речи на иностранном языке [Погорельская 2018: 290], со своей системой ценностей, целей, способностей и др.

Одной из неотъемлемой частей урока по обучению речевой деятельности является организация непосредственного речевого общения на изучаемом языке. Чтобы организовать речевое общение на учебном занятии, нужно знать сильные и слабые стороны членов учебной группы: качество полученного образования, вопросы и проблемы личностного развития, качество владения иностранным языком (языками), количество информации, которое обучающийся может усвоить за определённый отрезок времени (например, за 2 аудиторных часа).

Организация изучения неродного языка требует выяснения такого вопроса, как отношение к родному языку (языкам), которым владеет обучающийся, а также (или) к государственному языку, которым в той или иной степени владеет обучающийся в дополнение к знанию своего родного национального языка.

Обсуждение. Немаловажно выяснить, особенно на первых занятиях по русскому языку, каким из общепризнанных мировых языков и с какой степенью совершенства владеет обучающийся. Данное обстоятельство зачастую связано с уровнем развития экономики страны и материальным положением семьи обучающегося, возможностью получить хорошее образование и воспитание, овладеть культурным кругозором; опытом обучения в учебных заведениях, обладающих как высоким уровнем организации обучения отдельным предметам, так и уровнем общего развития обучающихся. Например, обладает ли он знаниями по гуманитарным дисциплинам; умением учиться, организовывать свою собственную учебную деятельность, урочную и внеурочную; имеет ли интерес к чтению, занятиям во внеучебное время в кружках, желает ли заниматься подготовкой к участию в тематических вечерах и др.

Важно учитывать особенности национального (родного) языка обучающихся, знать, к какой группе языков он принадлежит. Это один из интереснейших для исследования моментов, дающий множество направлений для сравнений, для направлений анализа родного и изучаемого языков. В частности, это может быть решение вопроса, существует ли возможность использовать это знание для облегчения процесса познания иностранного языка.

Большое значение имеет общее развитие личности, в частности, уровень образования, широта кругозора, умение работать, умение организовать свое время и свою учебную деятельность, определив свои приоритеты в соответствии со своим жизненным опытом и поставленными перед самим собой целями. Имеет немаловажное значение способность обучающегося усвоить определённое количество информации за единицу времени, например, за два аудиторных часа.

Большую роль играют знания и речевой опыт обучающегося, в частности, знание особенностей национального языка страны или региона проживания, и уровень владения этим языком. Как правило, обучающиеся их Африки владеют как минимум двумя языками, в частности, одним из национальных языков, таким, например, как малинке, бамана, диуна, принадлежащим к общности африканских языков мандинго. Для языков этой группы характерна «богатая система гласных, среди которых представлены открытые, долгие и вокальные фонемы, причём эти три признака могут быть представлены в одной фонеме. ...Малинке является аналитическим языком со слабо развитой морфологией, в силу чего большое значение приобретают строго синтаксические средства, в частности, строго фиксированный порядок слов и особое место, занимаемое послелогом...» [Лингвистический энциклопедический словарь 1999: 220]. Также имеет значение второй язык, связанный с особенностями национальной истории страны, в частности, определёнными периодами колониального прошлого, что особенно характерно для обучающихся из африканских и южноамериканских стран. В лингвистическом опыте обучающихся уже существует понимание того, что существует значительная разница между языковыми системами разных языков, что способствует включению в работу по овладению новыми языковыми формами и лексическим составом изучаемого языка. В сущности, одним из интереснейших для исследования моментов, дающих множество направлений анализа родного языка и изучаемого языка, является выяснение того, как осознаются обучающимся особенности изучаемого языка по сравнению с родным.

При выборе общего метода и частных приёмов учебной работы по обучению русскому языку как иностранному важное значение имеет то, каким именно из группы международных языков, несущих следы родства с латинским языком, владеет обучающийся. Эти языки в настоящее время объединяет их лексический состав, принадлежность отдельных слов к группам однокоренных слов, а также некоторая разница в их грамматическом строе. Общеизвестен факт, что ни один из языков, которые возникли на основе латинского, не сохранил полностью его грамматическую систему. Этот вопрос имеет свою историю исследования в сфере сравнительного языкознания. В процессе обучения некоторую роль играют и личностные особенности обучающихся, например, черты принадлежности к так называемым психотипам (холерик, флегматик, меланхолик и др.), что создает свой микроклимат в каждой учебной группе, причём владение этими знаниями позволяет обучающему найти способы учебной работы, способствующие установлению благоприятной рабочей атмосферы на учебных занятиях, и избежать проявлений эгоизма, навязывания своей точки зрения, отказа от сотрудничества и др.

Немаловажное значение имеет также отношение обучающегося к труду, в данном случае – готовность затратить столько сил и времени, сколько необходимо для улучшения качества владения русским языком. Данная особенность эффективного учебного процесса требует особого внимания со стороны преподавателя-русиста, поскольку сама по себе она не возникает, но является следствием, прежде всего, требовательности к качеству выполнения учебной работы как во время учебных занятий, так и в часы самоподготовки. Это, в свою очередь, предполагает оказание помощи обучающимся в овладении трудным для них учебным материалом в часы аудиторных занятий и в часы самоподготовки и консультаций, при проверке письменных работ.

Одним из способов повышения познавательной активности обучающихся в ходе обучения речевой деятельности на изучаемом иностранном языке является так называемый метод укрупнения дидактических единиц в процессе изучения учебного материала, разработанный академиком РАО П.М. Эрдниевым. В основе предлагаемой и опробованной в ходе обучения методики лежит метод создания целостного обобщённого образа изучаемой дидактической единицы на основе действий по её целенаправленному укрупнению путём применения обобщений в учебной работе на каждом учебном занятии, устанавливая

логические связи в изучаемом материале, причём это может быть материал точных дисциплин, таких как математика, черчение, но возможно применение этого метода при изучении такого системного и строго организованного учебного материала, как грамматическая система русского языка, дающая возможность выразить полно и доступно излагаемую мысль, теорию, информацию и являющаяся одной из самых сложных языковых систем для обучающихся.

На уроке, построенном по системе укрупнения дидактических единиц, одним из основных используемых методических приёмов является «ступенчатая» отработка изучаемого материала в его исходной форме в течение одной единицы учебного времени, равной части учебного занятия, отведённой для усвоения материала в целях его использования в речи. Упражнения и задания в таком случае выстраиваются в соответствии с принципом «укрупнения» учебного материала, так называемых дидактических единиц, и системы его отработки. Суть метода состоит в применении обобщения в учебной работе, выделении главной информации и установлении логических связей в изучаемом материале, в оценке возможности его использования в своей учебной деятельности [Эрдниев 1992: 23]. Предложенная П.М. Эрдниевым методика, нацеленная на установление как можно большего количества межпредметных связей, эмоциональная подача материала, ориентация на личностные структуры, содержательность и высокая информативность изучаемого материала является надёжной основой для обеспечения учебной деятельности обучающихся и построения корректных и соответствующих учебным целям и особенностям речевого общения высказываний участников учебно-речевой ситуации.

Наиболее эффективным стимулом к улучшению качества формирования комплекса навыков и умений владения речевыми средствами в целях успешной коммуникации является умение обучающегося правильно и своевременно оценить качество и результат своей учебной работы по овладению русским языком как иностранным. Данное качество самооценки требует некоторой стимуляции со стороны преподавателя, основанной на необходимости «оптимизировать процессы адаптации иностранных обучающихся за счёт развития и обогащения социокультурной среды [Аркадьева 2014: 220], на высоком качестве контроля за освоением обучающимся учебной программы, что базируется на своевременном применении эффективных средств контроля качества усвоения учебного материала и развития учебных навыков и умений. В связи с этим важно умение преподавателя не только правильно и своевременно провести контроль уровня сформированности (на определённом этапе) некоторых разделов учебной программы, но и подготовить проверочные материалы для проведения контрольной работы, отвечающие своему прямому назначению – не только служить средством контроля, но и быть также полноценным учебным материалом, применение которого в учебном процессе способствует оценке эффективности проделанной обучающимся работы самому обучающемуся и углублению понимания изучаемой грамматической темы, а также совершенствованию владения данным языковым материалом и отрабатываемыми языковыми и речевыми навыками.

Заключение. Из вышесказанного закономерно вытекает вывод о том, что наибольшего успеха в овладении русским языком как иностранным имеют обучающиеся, которые обладают способностью самостоятельно оценить свои проблемы и находят силы не только дать правильную оценку эффективности своей учебной работы, но и иметь собственное представление о том уровне владения языком, который представляется им достаточным и желательным. Со стороны преподавателя в такой ситуации требуется дать обучающемуся возможность совершенствовать свои умения и предоставить ему необходимые учебные материалы, дополнительное время на руководство его самостоятельной работой по углублению знаний и совершенствованию языковых знаний и речевых умений. Свидетельством достаточно высокого уровня самооценки обучающегося по достижению им уровня овладения языковым материалом и сформированности речевых навыков и умений служит его умение найти свои собственные средства и приёмы самостоятельной учебной работы над языком, такие как способность самостоятельно выбрать свои источники языкового и речевого материала, найти любимые или необходимые для дальнейшей работы темы, свои приёмы обработки текстов-источников информации, использовать полученные знания при дальнейшей работе в соответствии с учебной программой.

Библиография

Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Владимировичева С.С., Федотова Н.С., Шарри Т.Г. Иностранные студенты в образовательной среде российского вуза. Изучение и преподавание русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы докладов и сообщений XIX Международной научно-методической конференции. – СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУТД», 2014. – С. 218–221.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 281.

Погорельская Л.И. Особенности формирования языковой личности иностранного военнослужащего в условиях военно-технического вуза // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: сборник научных статей участников XVII Международной научно-практической конференции 18–20 апреля 2018 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 290–292.

Эрдниев П.М. Укрупнение дидактических единиц как технология обучения. – М.: «Просвещение», 1992.

Графический роман-адаптация как способ повышения интереса школьника к изучению мировой литературы

¹Серго Юлия Николаевна

²Жернакова Ирина Владимировна

¹Удмуртский государственный университет, Россия
326034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: julsergo42@gmail.com

²Удмуртский государственный университет, Россия
326034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
магистрант
E-mail: irarin27@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение уникального в своем учебно-методическом потенциале жанра графического романа-адаптации. Мы сделали вывод о том, что графический роман-адаптация является своеобразным переходом как между комиксом и книгой, так и между кино и литературой, что, в свою очередь, делает его эффективным при обучении детей литературе на этапе перехода к самостоятельному освоению литературных произведений.

Ключевые слова: комиксы, графические романы, методика преподавания литературы.

УДК 372.882

Graphic novel-adaptation as a way to increase schoolchildren's interest in studying world literature

¹Irina V. Zhernakova

²Julia N. Sergo

¹Udmurt State University, Russia
326034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Email: julsergo42@gmail.com

²Udmurt State University, Russia
326034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1
Master Student
E-mail: irarin27@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the unique in its educational and methodological potential genre of a graphic novel-adaptation. It is found that the graphic novel-adaptation is a kind of transition between a comics and a book as well as between cinema and literature, which makes it effective in teaching children's literature at the stage of transition to the independent study of literary works.

Keywords: comics, graphic novels, methods of teaching literature.

UDC 372.882

Введение. В нашей статье речь пойдет об одном из наиболее известных синтетических жанров, возникших в эпоху так называемого «визуального взрыва» – графическом романе. Данный термин стал употребляться исследователями феномена комиксов с целью отделения от основной массы развлекательных периодических изданий, целевой аудиторией которых являлись преимущественно дети. Графический роман – это самостоятельные, интеллектуальные, часто ориентированные на взрослую аудиторию произведения, являющиеся, скорее, переходным звеном между веселыми картинками и серьезной литературой.

Так называемые «рассказы в картинках» занимают ключевые позиции в обучающей литературе во многих странах мира. Во Франции, Германии и Бельгии комикс (или графическая проза) уже был признан отдельным видом искусства и в сознании людей стоит на одном уровне с классической мировой литературой. В Японии комикс имеет ответвление в виде исключительно национального явления, именуемого «мангой». В США «комиксовая» культура выливается в десятки тысяч тиражей периодических и оригинальных изданий, специальные премии и тематические фестивали. Англия является одной из первых стран, раскрывших обучающий потенциал комикса и начавших активное их использование в преподавании, к примеру, отечественной и зарубежной литературы при помощи графических адаптаций классических литературных произведений.

Материалы и методы. Целью нашего исследования является анализ поэтики графических романов-адаптаций и возможности их использования в рамках курса литературы в средней школе.

В работе с комиксами мы используем такие методы исследования, как:

- метод оппозиций при сравнении графического и «книжного» вариантов произведения;
- описательный метод при анализе отдельно взятого графического романа;
- сравнительный анализ вариантов текста.

Обсуждение. Сравнительно недавно начавший вновь набирать популярность жанр комикса имеет глубокие корни в мировой истории. Понятие комикса является общим для всех произведений с преимущественно иллюстративной, а не текстовой формой повествования. Графическими романами мы называем объемные комиксы, а короткие последовательности картинок, объединенные сюжетом – стрипами.

Многовековой путь развития комикса сформировал принципы и приемы его создания, его культурная роль и многообразие ставят «картинные истории» на определенное место в жанровой системе литературы, а также дают ему право на включение в современную школьную систему и делают правомерным его детальное рассмотрение в плане методологии обучения литературе.

Особо интересным для нашего исследования является этап становления жанра так называемого «образовательного комикса». Образовательные комиксы (англ. Educational comics) – это разновидность адаптированной литературы, получившая наибольшее распространение в США, Великобритании, Южной Корее и Японии. Данный поджанр представляет собой произведение с преимущественно иллюстративной формой подачи образовательной информации. Такие комиксы могут быть посвящены самым разным предметам, будь то история, химия, экономика или биология, и используются как для самостоятельного изучения материала, так и для освоения предмета с участием педагога [Википедия: Электронный ресурс].

В настоящее время комиксы являются предметом как изучения, так и обучения в университетах многих стран, т.е. они смогли адаптироваться в «чужеродной» академической среде.

Ставя целью выделение в жанре образовательного комикса произведений, являющихся графическим выражением классических текстов, мы выделили поджанр графического романа-адаптации, применяющийся при обучении школьников литературе и привлекающийся для расширения их читательского кругозора и развития вкуса в литературе.

Исследователи стали употреблять термин «графический роман» (англ. graphic novel) при изучении феномена комиксов как один из его форматов. Этот жанр комикса представляет собой объёмный роман, в котором сюжет передаётся через рисунок, а текст играет вспомогательную роль. Термин часто используется авторами комиксов, чтобы отделить своё творчество от комиксов малого формата, издаваемых периодически [Там же].

По содержанию такие произведения обращены чаще всего ко взрослым и накладывают ограничения по возрасту к аудитории (англ. adult content). Графические романы отличаются от традиционных комиксов и манги не только сюжетом и качеством прорисовки, но и внешним видом и ценой. Издаются обычно в твёрдом переплёте на качественной бумаге, стандарт 46–48 страниц (бывают расхождения в большую сторону). Также отличием графического романа является то, что зачастую альбом создаёт один человек, максимум трое: сценарист-автор, художник и художник-колорист. Часто данный термин используется авторами комиксов с целью отделить свои произведения от основной массы комиксов, которые ориентированы в основном на детскую аудиторию. Также термин подразумевает, что содержание произведения расчитано в большей степени на взрослых и интеллектуально подготовленных читателей.

Из этого следует, что при анализе графического романа стоит четко разграничивать понятия «автор комикса» и «автор художественного произведения, послужившего основой для комикса». Автор комикса лишь адаптирует оригинальную историю, все права на нее имеет лишь автор самого произведения. Автор комикса может корректировать содержание произведения для лучшего уложения его в рамки жанра, но ни в коем случае не менять, переписывать заново или выдавать историю за оригинальный продукт.

Это разграничение дает нам право рассматривать графический роман-адаптацию как отдельный поджанр. Помимо вопроса об авторстве, он имеет свои правила в структуре и оформлении.

Графический роман-адаптация подчиняется в первую очередь оригинальному литературному произведению. Как сказано выше, автор (сценарист) может вводить свои лишь незначительные правки, «изгибая» произведение в новую, «графическую» форму. Структура графического романа-адаптации может незначительно отличаться от книги для упрощения восприятия читателя и зрелищности, а также строиться по законам кинематографа.

Графическое оформление адаптации также подчинено идее передачи оригинального содержания. Иллюстраторы могут позволить себе некоторые «упрощения» деталей в пользу облегчения визуальной считываемости, однако принципиально новых деталей, не вписывающихся в рамки эпохи, которая представлена в произведении, и нарушающих его художественный мир, в данном поджанре невозможны.

Таким образом, именно выделенные нами особенности жанра графического романа-адаптации дают основания для внесения последнего в школьную программу по литературе в первую очередь ввиду принципов его написания и оформления. В школьной программе комикс не конкурирует с книгой, а приглашает к ее прочтению, являясь переходным мостиком между кино и книгой в сознании современного школьника.

Чтобы обозначить связь обучающего комикса с отечественными приемами в области преподавания литературы, обратимся к трудам советских ученых-методистов.

Еще Г.А. Гуковский в своей книге «Изучение литературного произведения в школе» говорит: «мы должны научить наших учеников, читая роман, или рассказ, или поэму, воспринимать, вбирать в себя, ощущать и осмысливать не только портреты людей (и события, произошедшие с ними), но и все богатство образов произведения, от картин пейзажа, картины битвы и т.п. – до мелкой тонкой детали, сравнения, меткого слова и т.д.» [Гуковский 2000: 21–24].

Нельзя не обратиться к действующим и по сей день дидактическим принципам обучения. Важным для нас является дидактический метод наглядности материала. Про наглядное обучение К.Д. Ушинский писал в своём учебнике «Родное слово»: «Что такое наглядное обучение? Да это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком. Детская природа ясно требует наглядности. Учите ребенка каким-нибудь пяти неизвестным ему словам, и он будет долго и напрасно мучиться над ними; но свяжите с картинками двадцать таких слов – и ребенок усвоит их на лету» [Ушинский 2018: 7].

В.Г. Маранцман включает в сборник «Лекции по методике преподавания литературы» (1975) сопоставительный анализ литературного текста с произведениями других видов искусства, в частности, с изобразительным. В этой довольно ранней работе он упоминает об ученых, установивших, что зрительная информация во много раз превышает возможности слуховой, однако предостерегает педагогов, для которых использование наглядности становится самоцелью, что этот прием приводит к возникновению «неоправданных параллелей», «огрублению трактовки» и «игнорированию авторского освещения темы» [Маранцман 1975: 71–13].

Также стоит упомянуть статью К.Э. Кшондзера «Об использовании книжной графики при изучении литературы» [Кшондзер 1966: 64–80]. Здесь нужно отметить, что при сопоставлении комикса и книжной графики мы замечаем, что вторая является упрощенной формой первой. Книжная графика не содержит в себе, как правило, дополнительного текста, т.к. является подспорьем к основному тексту произведения, но при этом нельзя отрицать, что каждая такая иллюстрация содержит свой подтекст, читающийся на визуальном уровне. Упрощенной мы называем ее из-за несамостоятельности, ведь, являясь лишь дополнительным материалом, вне контекста она теряет часть своего смысла и может быть интерпретирована читателем неправильно. По мнению автора статьи, это наиболее доступный и связанный с текстом вид наглядного материала.

В работе Н.Н. Щирякова «Изобразительное искусство на уроках литературы. 8–10 классы» автор говорит о необходимости совместных усилий литературы и изобразительного искусства, т.к. при их совместном изучении «эпоха, герои, их мысли, чувства, идеалы будут донесены до учащихся не только через художественное слово, но и через зримые образы изобразительного искусства...» [Щиряков 1968: 169].

По его мнению, привлечение изобразительного материала к урокам литературы сводится к следующим целям:

1. Поднятие интереса к чтению.
2. Облегчение уяснения некоторых теоретико-литературных понятий.
3. Содействие в восприятии трудных текстов.
4. Возможность сделать доступнее и глубже анализ литературных образов.
5. Более широкая и разносторонняя общеэстетическая подготовка учащихся [Там же].

Подводя промежуточный итог анализа теории и методики, мы можем сказать, что еще в советскую эпоху ученые-методисты в теории и на практике рассматривали вопрос о визуальном материале как важном вспомогательном средстве изучения художественного текста на уроках литературы. Комикс как объект рассматриваемой проблемы еще не был задействован в данных работах, поэтому мы считаем рассматриваемый аспект очень важным для изучения и анализируем его в своей работе.

Чтобы вновь подчеркнуть методическое богатство работы с комиксом, мы хотим отметить, что, помимо работы с графическими романами-адаптациями, современный учитель может взять на вооружение сам жанр комикса как средство, разнообразящее учебную работу школьников. К примеру, педагог способен самостоятельно создавать обучающие комиксы. Здесь ему пригодится опыт Брайана Бойда, преподавателя английского языка в Таиланде, который занимается созданием так называемых Grammar comics (англ. Грамматические комиксы). Брайан издал два учебника по математике: „The Mathemagician’s Apprentice” и “The Treasure of Fraction Island” (TAG Publishing). Он показал, как правильно спланировать работу детей и учителя, чтобы получить положительный эффект от создания комикса, отметил возможные трудности и недостатки, например, избыточные подписи или злоупотребление ими, диалог в неправильном порядке и т.п. [Boyd 2000: 32]. Педагогу необходимо учитывать их при создании собственного материала и стремиться к тому, чтобы обойти эти моменты или свести их к минимуму.

Учитель может предложить ученикам произвести работу по созданию собственных комиксов на основе изученного материала. Здесь разнообразие предлагаемых работ ограничивается лишь фантазией учителя.

Для примера, это могут быть:

1. Увлекательная альтернатива школьным сочинениям. Ученики могут иллюстрировать своё сочинение, придумать другое окончание прочитанной книги или дать иллюстрированную оценку.

2. Иллюстрированная биография. Ученики могут описать жизнь известной исторической личности, проиллюстрировав её фотографиями, рисунками, комментариями.

3. Выполнение ученических проектов. Как правило, комиксы – это ироничный жанр. Иронии часто не хватает в представлении ученических проектов. Слишком серьёзное, наукоподобное мероприятие под названием «защита проектов» часто навевает скуку.

4. Составление текстов к комиксам. Учитель готовит некий «полуфабрикат», представленный видеорядом (фотографиями, рисунками). Ученики готовят к ним тексты. Можно усложнить задание. Видеоряд представляется без темы. Дети, ознакомившись, с изображениями, сами придумывают название и подписывают сюжеты.

5. Иллюстрация норм и правил. Правила поведения в школе, в столовой, на улице и т.д.

6. Понятийный словарь. Многие учителя предлагают ученикам составлять словарики по своим предметам. Предложите не просто написать определение термина, а создать к этому определению комикс.

7. Отчёт о проведённом мероприятии. Ученики были в походе, на экскурсии. Имеются фотографии. Можно подготовить фотоотчёт с текстовым сопровождением не в традиционном PowerPoint, а с помощью одного из конструкторов комиксов.

8. Завершить комикс. Сюжет уже задан учителем. Нет лишь нескольких кадров. Ученики придумывают окончание.

9. Подготовить недостающие кадры. В комиксе несколько кадров удалены. Ученики должны восстановить кадры, продумать логические цепочки между ними.

Таким образом, с помощью комиксов мы можем разнообразить виды учебной деятельности учащихся. Конечно, прежде чем предложить ученикам подготовить образовательный комикс, необходимо научить их технологии составления. Ученики должны знать некоторые требования к комиксу.

1. Законченность.

2. Раскадровка. Не только комикс, но и каждый кадр должен нести в себе законченность, быть самостоятельной дидактической единицей.

3. Логические цепочки между кадрами. Они придадут проекту цельность и осмысленность.

4. Многослойность кадров. В сюжете должны быть подтекст и определённая недосказанность.

Таким образом, использование комиксов на уроках литературы может значительно облегчить работу учителю, разнообразить занятия и увлечь учеников, давая волю их фантазии и формируя навыки работы с текстом.

Для примера нами был выбран графический роман-адаптация романа Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Такой выбор был обусловлен в первую очередь небольшим количеством книг данного жанра на русском языке, актуальных для школьной программы. Также нас заинтересовало его художественное и смысловое совпадение с оригинальным романом.

Прежде всего, анализ произведений данного жанра следует проводить на всех реализуемых в нем уровнях. Это должны быть как текстовые вставки, так и визуальные образы героев, пейзажи, цветовая гамма и расположение кадров. Как было сказано ранее, графический роман-адаптация является плодом совместной работы профессиональных команд, и ни одна его часть не является случайной. От совместной с учителем аналитической работы ученик придет к способности самостоятельно читать и истолковывать образы, что поможет ему в дальнейшей работе с текстовыми произведениями.

В графической адаптации романа Дефо [Верняя, Дефо 2018: 64] вербальный текст лаконичен. Закадровые комментарии главного героя чаще всего передают лишь межкадровые события, опускаемые при переходе от одного изображения к другому. Также они могут кратко описывать опущенные в комиксе, но описанные в романе и влияющие на дальнейшее повествование эпизоды. Визуальные образы героев нарисованы в соответствии с традиционными мультипликационными и комиковыми приемами. К примеру, главный герой рисуется детальнее и «ближе» к читателю. Это позволяет подсознательно акцентировать на нем внимание, а если мы видим несколько второстепенных героев, то важными для повествования будут те, что прорисованы подробнее и ярче.

Пейзаж в рассматриваемой нами адаптации часто передает внутреннее состояние героя. Наиболее ярким в этом плане является эпизод с болезнью Робинзона. В сравнении с обычно сочным пейзажем здесь мы видим тяжелые, грязные тона серого, чёрного и коричневого цветов, что передает подавленное, болезненное, замутнённое состояние героя. С его выздоровлением тон пейзажа, наоборот, смягчается, пропадают глубокие черные тени, появляются новые краски. Анализ пейзажа в данном графическом романе может быть интересен учителю литературы тем, что на примере некоторых иллюстраций можно объяснить, как «работают» различные литературные приемы и тропы. Рассмотрим пример с большим кадром острова, одним на всю страницу. Это своего рода метафорический образ одиночества, на которое обрекла главного героя судьба. Сам остров занимает лишь четвертую часть кадра, все остальное заполняет безграничный океан.

Если же учитель сталкивается с нехваткой учебных часов на рассмотрение произведения, то в романе-адаптации «Робинзон Крузо» расположены небольшие статьи для ознакомления с произведением. В начале статейного блока расположена биография автора, разделенная на «Детство и обучение», «Торговые и политические амбиции» и «Дефо – памфлетист». Далее дан комментарий о творчестве писателя, где упо-

мянуты основные его произведения и история их написания. Затем представлено краткое содержание оригинального романа, разделенное на наиболее важные для понимания произведения отрезки «Кораблекрушение» и «Спасение Пятницы». После этого авторский замысел раскрывается в статьях «Робинзон как символическая фигура капиталистической идеологии» и «История человека и открытие им своих возможностей». Далее дан исторический контекст произведения, описывающий исторические периоды, отраженные в романе. Все это может быть самостоятельно изучено и усвоено ребенком, а в дальнейшем проконтролировано учителем в виде теста или общего обсуждения, прочитанного с опорой на названные аспекты.

Отдельное внимание стоит уделить композиции комикса как важного аспекта адаптации книги. В рассматриваемом нами тексте графического романа перестройка композиции не искажает оригинальный сюжет, но отдельные моменты могут быть изображены иначе, и здесь важно объяснить ученику, с какой целью это было сделано, а также желательно рассмотреть фабулу книги.

В этом плане графическая адаптация также «подстраховывает» учителя. Если в самой иллюстрированной истории фабула романа нарушена – вначале представлен эпизод кораблекрушения, – то далее, в кратком описании, обозначено начало истории героя в соответствии с первоисточником.

При желании педагогом могут быть отобраны отдельные эпизоды графического романа-адаптации и рассмотрены на уроке вместе с учащимися с целью выявления принципов композиции рисунка и их отражения в замысле произведения, трактовки героев через их визуальное воплощение (определить характеры по жестам, мимике, позам и т.д.)

После такого обсуждения учащимся можно посоветовать самостоятельно выделить и создать «галерею» действующих лиц и описать их через визуальное и текстовое сопровождение. На основе работы с «Робинзоном Крузо» учитель может предложить школьникам изобразить свою «безвыходную ситуацию», попробовать разделить ее на «худо» и «хорошо» или предложить придумать и нарисовать свою концовку романа. Полезно будет также сопроводить чтение графической адаптации вопросами об авторской идее, особенностях композиции, используемых в произведении тропах и т.п.

В обсуждении «Робинзона Крузо» интересно будет выслушать мнение детей о том, почему главный герой оказался в таком положении, как и почему он смог выжить, какую роль в его судьбе сыграли религия и одиночество, для чего судьба дала ему Пятницу и т.п.

В качестве дополнительных либо проверочных заданий можно предложить учащимся выделить и нарисовать особо важные эпизоды комикса в хронологическом порядке, при необходимости сопровождая иллюстрации текстом. Или попросить детей выбрать отдельный кадр, страницу и рассказать об изображенных моментах, а также объяснить, почему именно этот момент является ключевым для данного произведения.

Отдельной темой в анализе романа-адаптации становится графическое отражение основных теоретико-литературных понятий. Учитель может использовать выдержки из адаптации при введении терминов из нового материала или предложить школьникам найти те или иные тропы самостоятельно с целью закрепления уже пройденной теории. В частности, в комиксе можно почерпнуть немало материала для объяснения приема олицетворения (изображение океана).

Если дети прочитают книгу сразу после комикса, стоит провести обсуждение на тему сопоставления двух форм произведения. Необходимо дать учащимся возможность подумать о том, почему именно такие адаптационные решения были приняты художниками и сценаристами и оправданы ли они, на их взгляд.

Если же произведение полностью отдается на самостоятельное изучение, то стоит выделить для детей обязательные пункты для анализа, а затем проверить качество выполненной ими работы при помощи проверочных заданий, будь то сочинение или тест.

1. Рассмотрение исторической эпохи и ее контекста в произведении. Здесь нам поможет «досье», расположенное в конце произведения.

2. Изучение биографии писателя и истории написания произведения. Ученик может также вернуться к биографическому и историческому комментарию в адаптации или же дополнительно найти интересные, на его взгляд, эпизоды.

3. Анализ идейно-художественного содержания произведения. И здесь на помощь ученику придет художественный контекст в конце комикса, однако для наиболее полного рассмотрения произведения мы рекомендуем учителю составить опорные вопросы для учащихся, на которые во время прочтения книги ученик должен обратить внимание.

4. Поиск и раскрытие литературных приемов, используемых в произведении. Это может стать интересным контрольным заданием для детей, уже имеющих представления об основных литературных приемах и тропах.

5. Изучение визуального оформления произведения, выделение основных приемов и закономерностей в изображении описываемой действительности. Здесь учащимся предстоит поработать в первую очередь с пейзажем и его ролью в описании психологического состояния главного героя.

На основе разработанных приемов анализа текста романа и предлагаемых нами решений мы можем представить примерную модель урока по изучению романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» с использованием одноименного графического романа.

Заключение. Таким образом, в нашем исследовании мы обратились к комиксам как инструменту обогащения методической базы преподавания литературы в школе, выделили из данного жанра наиболее приемлемый для школьного изучения поджанр графического романа-адаптации и проиллюстрировали его обучающий потенциал.

Полученные нами результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что комикс может быть не просто иллюстративным, а полноценным материалом, знакомящим школьника с произведением, его автором, приемами и смыслами, заложенными в оригинальном художественном тексте.

Библиография

Верняя Ж.-К., Дефо Д. Робинзон Крузо. Графический роман / Ж.-К. Верняя, Д. Дефо. – М.: Эксмо, 2018. – 64 с.

Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе: методологические очерки о методике. / Г.А. Гуковский. – Тула: Автограф, 2000. – 224 с.

Кшондзер К.Э. Об использовании книжной графики при изучении литературы / К.Э. Кшондзер. // Наглядные пособия по литературе в старших классах средней школы; под ред. Л.В. Чунихина. – М., 1966. – С. 64–80.

Маранцман В.Г. Приемы анализа литературного произведения / В.Г. Маранцман. // Лекции по методике преподавания литературы: отв. ред. З.Я. Рез. – Л.: Ленуприздат, 1975. – С. 71–83.

Образовательные комиксы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D1%81%D1%8B (дата обращения – 08.11.2018).

Ушинский К.Д. Родное слово / К.Д. Ушинский. – М.: Юрайт, 2018. – 233 с.

Щиряков Н.Н. Изобразительное искусство на уроках литературы (8–10 классы) / Н.Н. Щиряков. – Минск: Народная асвета, 1968. – 169 с.

Boyd B. The Mathemagician's Apprentice (Maths Adventures) / B. Boyd. – New Zealand: TAG Publishing, 2000. – 32 p.

Языковая личность магистра: формирование риторических компетенций

¹Туралина Неонила Альфредовна
²Кулюпина Галина Алексеевна
³Заманова Ирина Федосеевна

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия
308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7
доктор филологических наук, профессор
E-mail: idb@bgiik

²Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия
308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: drutchinina@yandex.ru

³Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия
308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: idb@bgiik

Аннотация. В статье рассматривается важная проблема подготовки профессионалов-руководителей организации с точки зрения культуры общения. С целью подготовки магистров с высоким уровнем коммуникативных умений разработана программа формирования риторического идеала в современных условиях с использованием эффективных педагогических технологий.

Ключевые слова: неориторика, риторический идеал, языковая личность, ментальный образ, педагогические технологии.

УДК 808.5

Master's linguistic personality: Formation of rhetorical competencies

¹Neonila A. Turanina
²Galina A. Kulupina
³Irina F. Zamanova

¹Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia
3080337 Belgorod, Korolyov Str., 7
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: idb@bgiik

²Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia
3080337 Belgorod, Korolyov Str., 7
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: drutchinina@yandex.ru

³Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia
3080337 Belgorod, Korolyov Str., 7
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: idb@bgiik

Abstract. The article addresses an important problem of upbringing professional organization leaders with respect to communication culture. In order to train master students with a high level of communicative skills, a syllabus has been developed for the formation of a moral ideal under modern circumstances with the application of effective pedagogical technologies.

Keywords: new rhetoric, rhetorical ideal, linguistic personality, mental image, pedagogical technologies.

UDC 808.5

Введение. Вопросы развития и поддержки русского языка всегда были и остаются в сфере внимания органов государственной власти. 5 ноября 2019 г. состоялось заседание Совета по русскому языку, на котором в очередной раз В.В. Путин подчеркнул, что русский язык является основой духовно-исторической общности многих народов нашей страны и требует бережного к себе отношения, обеспечения его притяга-

тельности как «живого, динамично развивающегося средства общения» [Заседание Совета по русскому языку: Электронный ресурс].

Тревога о русском языке неслучайна: многие деструктивные явления, происходящие в нашей жизни, негативно сказываются на состоянии, на жизни самого языка. Очень точно об этом еще в 90-е годы XX в. сказал писатель И. Волгин: «Есть какая-то тайная связь между ослабевшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений сигнализируют о некоторой ущербности бытия. За изъянами синтаксиса вдруг обнаруживаются дефекты души. ... Повреждение языка – это, помимо прочего, и повреждение жизни, неспособной выразить себя в ясных грамматических формах и поэтому всегда готовой отступить в зону случайного и незаконного. Язык – неписаная конституция государства, несоблюдение духа которой ведет к гибели всякую (в том числе и духовную) власть» [Волгин 1993: 6].

Языковая ситуация в стране не может не волновать всех, кто по роду своей профессиональной деятельности связан с проблемами обучения учащейся молодежи приемам эффективной, успешной, результативной профессиональной речи.

Материалы и методы. Стандарты высшего образования последнего поколения позволяют широко использовать возможность Блока 1: включать широкий спектр дисциплин, способных повысить эффективность подготовки высококвалифицированного магистра, акцентировать важность включения в учебный процесс целенаправленной деятельности по совершенствованию языковой компетенции, формированию навыков общения, выработке коммуникативных качеств речи у каждого студента.

Качественное становление и совершенствование у магистрантов вузов умения выражать свои мысли в жанрово оформленном высказывании с учетом ситуации общения, эффективно воздействовать на аудиторию или отдельного слушателя, умение преодолевать барьеры, возникающие в процессе общения, трудно представить без риторики. Именно риторика и культура общения наиболее целенаправленно помогают научиться умению осознанного, эффективного речевого взаимодействия.

Чтобы сформировать у магистрантов вуза названные качества, нами была разработана программа, реализуемая на занятиях магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 05.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (основная образовательная программа «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью») [см. также Кулюпина 2009; Туралина 2010]. Актуальность предлагаемого подхода заключается в том, что риторика изучается как компонент культурологической парадигмы, тесно связанный с этнотрадициями и историей формирования риторического идеала в России.

Разработанная система занятий предусматривает использование современных педагогических технологий, позволяющих достичь хороших результатов и усилить эффективность обучения.

Обсуждение. В России с 90-х гг. XX в. наблюдается повышенный интерес к риторике, ее ренессанс. Это вполне объяснимо: усилившееся в современном мире стремление к эффективному общению выдвинуло требование обязательно учитывать формы и методы воздействия средствами устной и письменной речи. Обновленная риторика получила название неориторики (термин был введен в 1958 г. профессором Брюссельского университета Х. Перельманом), ее называют еще наукой об убеждающей коммуникации. Риторические умения и навыки – это одна из составляющих сферы коммуникации, являющейся необходимой частью социального пространства, в котором существует личность. Именно они образуют основу риторической компетенции – высшего уровня коммуникативной компетенции.

Процесс овладения риторическими умениями и навыками, риторической компетенцией в целом помогает магистрантам приблизиться к риторическому идеалу, который рассматривается как «ментальный образец и образ хорошей речи, существующий у любого говорящего и составляющий существенный компонент культуры» [Михальская 1996: 31], т.е. как отражение (и воплощение) эстетических и этических идеалов, сформированных в русской национальной культуре.

Риторический идеал исторически изменчив, выкристаллизовывается веками. Если говорить о современном русском риторическом идеале, то можно выделить такие его черты, как традиционные принципы истинности, добра и справедливости, искренность и эмоциональная сдержанность, задушевная тональность общения, его диалогичность, т.е. обращение к собеседнику как к равному себе; признаётся богатство речевого выражения, осуждается неуравновешенность, фамильярность, льстивость, злоба.

Предлагаем некоторые фрагменты занятий, направленные на формирование ментального образа языковой личности магистранта (в будущем – магистра).

Тема «Особенности русского красноречия. Виды и формы общения. Вопросы и ответы в речевой коммуникации».

1. Проанализируйте различные виды вопросов (информационные, контрольные, подтверждающие, альтернативные, направляющие, провокационные и т.д.), приведите примеры вопросов-ответов каждого типа по теме, связанной с профессиональной подготовкой по вашей специальности.

2. Расскажите о правилах формулирования ответов на вопросы.

3. Правильно задайте вопросы в соответствии с ситуацией (проверьте точность восприятия информации, получите дополнительную информацию с помощью вопросов и т.д.).

Обучающимся предлагается обыграть с использованием вопросов различные ситуации общения:

1. Вам хотелось бы узнать мнение сокурсников о том, что вами было высказано.
2. Выступающий уклоняется от темы и не сообщает той информации, которую вы от него ждете.
3. Сокурсник не согласился с частью вашего выступления, и вы хотите уточнить причину этого неприятия.

Завершить занятие можно написанием эссе об особенностях русского красноречия, т.к. этот вид работы является современной педагогической технологией.

Тема «Публичная речь. Риторический анализ публичного выступления».

1. Перечислите виды речей (информирующая, аргументирующая, дискуссионная, эпидейктическая). Предложите вступление и заключение к следующим темам: «Как научиться владеть собой», «Я – менеджер», «Каким я вижу современного руководителя».

2. Проведите риторический анализ услышанных речей по плану: а) установлен ли контакт с аудиторией; б) выдержана ли логика изложения темы; в) соблюдена ли соразмерность структурных частей выступления; г) соблюдены ли нормы литературного произношения; д) использованы ли образные средства языка; е) какими приемами удержания внимания пользовался автор; ж) как были использованы невербальные средства; з) отражена ли в выступлении этнокультурная специфика русской языковой личности (схема анализа высвечена на экране).

3. Подготовьте убеждающую речь, используя различные доводы и аргументы (назвать их и привести примеры из текста речи).

4. Завершить работу можно использованием игровых технологий, провести интеллектуальную игру-викторину.

Тема «Нормы литературного языка и речевой этикет».

1. Перечислите типы норм литературного языка. Какие из них связаны с риторикой?

2. Определите, какие из приведенных форм слов соответствуют норме литературной речи, а какие – просторечию: *лягу – ляжу, кладу – ложу, ляг – ляжь, мурлычь – мурлыкай, туфля – туфель, выздоровею – выздоравлию*.

3. Расставьте ударение в словах: *апартаменты, баловать, валовой, вероисповедание, договор, досуг, искра, каталог, крапива, красивее, кухонный, обеспечение, обувной, ракушка, сливовый, углубить*.

4. Подберите к словам прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, которые служили бы средством выражения рода приведенных существительных.

Рояль, бра, кофе, тюль, толь, кафе, туфля, какаду, шимпанзе, мозоль, табель, бюро, Сочи, Тбилиси, Конго, леди, денди, маэстро, диван-кровать, платье-костюм, штаб-квартира, ТАСС, БАМ, МИД.

5. Составьте выступление или диалог на одну из тем: «Я – читатель библиотеки», «Я – зритель», «Я – менеджер в крупной туристической фирме» с соблюдением норм речевого этикета.

6. Прочитайте текст (отрывок из классического произведения) с соблюдением орфоэпических норм. Расскажите о приемах запоминания прочитанного, назовите формы и приемы воспроизведения прочитанного.

В структуре этого занятия можно использовать диалоговые технологии, в частности, самопрезентирующий диалог (при выполнении задания 5), где магистрант демонстрирует выгодный для него имидж; рефлексивный, духовный диалог.

Важной составной частью формирования риторического идеала являются и невербальные средства: мимика, позы, жесты. Магистранты постоянно должны делать акцент на особенностях невербального поведения русского человека.

Тема «Вербальные и невербальные средства в неориторике».

1. Какие функции жестов в общении вы знаете? Сравните особенности невербального поведения педагога и врача, библиотекаря и продавца и т.д.

2. Подготовьте выступление на тему «Моя профессия», учитывая коммуникативные качества русской речи.

3. Оцените выступление сокурсника по схеме: а) правильность и чистота речи; б) логичность; в) выразительность; г) уместность и правильность позы, жестов, мимики, д) умение учитывать национальные невербальные средства общения.

4. Опишите утро вашего рабочего дня, особое внимание уделите невербальным средствам общения.

Заключение. В течение всего обучения магистрантам предлагаются научные проекты, связанные с исследованием современной языковой стихии региона, с отражением в ней национальной культуры. Итоговое выступление в виде доклада с презентацией определяет развитие ораторских способностей обучаемого, уровень овладения практической риторикой, умение воплощать в речи ментальный образ языковой личности.

На завершающем этапе обучения вводятся новые формы итоговой аттестации: 1) лекция-дискуссия «Вербальный имидж современного руководителя»; 2) подготовка демонстрационного материала для применения метода кейсов; 3) разработка деловой игры по одной из тем; 4) самопрезентация магистранта. Все предлагаемые формы магистранты готовят самостоятельно и проводят в своей группе с последующим обсуждением.

Формирование ментального образа языковой личности магистра – длительный и кропотливый процесс, требующий объединения усилий специалистов различного профиля, и тогда результат – подготовка профессионала – будет эффективным.

Библиография

Волгин И. Русский язык // Литературная газета. – 1993. – 14 марта.

Заседание Совета по русскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>.

Кулюпина Г.А., Туралина Н.А. Формирование языковой личности дошкольника и школьника в этнокультурном пространстве Белгородчины: учебно-методическое пособие. – Белгород: ГиК, 2009. – 69 с.

Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Издательский центр Academia, 1996. – 192 с.

Туралина Н.А., Кулюпина Г.А. Этнокультурно-краеведческий подход к формированию языковой личности бакалавра в региональном вузе // Интеграция образования. – 2010. – № 2. – С. 69–71.

**Перевод как один из видов межкультурной коммуникации
в процессе изучения русской классической литературы в высшей школе**

¹Шамуратова, Зулфия Аметовна
²Генжебаева Гульбахар Курбанбаевна

¹Нукусский государственный педагогический институт, Узбекистан
745000, г. Нукус, ул. П. Сеитова, б/н
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: kk_tumaris@mail.ru

²Нукусский государственный педагогический институт, Узбекистан
745000, г. Нукус, ул. П. Сеитова, б/н
старший преподаватель
E-mail: ggenjebaeva70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о некоторых особенностях изучения студентами-филологами переводов русской классики с участием разносистемных языков, перевод с русского на каракалпакский и узбекский. На примере повести М. Горького «Детство» обосновывается необходимость создания различных видов творческих заданий для обеспечения адекватного восприятия инокультурным читателем оригинальных художественных текстов.

Ключевые слова: русские классики, перевод, межкультурная коммуникация, реалии, разносистемные языки.

УДК 378.882

**Translation as a type of intercultural communication
in the process of learning Russian classical literature in higher school**

¹Zulfiya A. Shamuratova
²Gulbakhar K.Genjebaeva

¹Nukus State Pedagogical Institute, Uzbekistan
745000 Nukus, P. Seitov Str.
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
E-mail: kk_tumaris@mail.ru

²Nukus State Pedagogical Institute, Uzbekistan
745000 Nukus, P. Seitov Str.
Senior Lecturer
E-mail: ggenjebaeva70@mail.ru

Abstract. This article discusses some peculiarities of studying translations of Russian classics into such highly divergent languages as Russian, Uzbek and Karakalpak. Drawing on M. Gorki's story "Childhood" the paper argues for the importance of compiling different types of creative tasks for supporting adequate perception of original literary texts by foreign readers.

Keywords: Russian classics, translation, intercultural communication, realities, differing language systems.

UDC 378.882

Введение. В современных условиях билингвизма сопоставительно-типологическое изучение разносистемных языков, каковыми являются каракалпакский, узбекский и русский, приобрело особую актуальность и в общетеоретическом, и в практическом аспектах. Обращение к художественному переводу, отражающему художественную действительность подлинника в целом, способствует преодолению студентами трудностей восприятия иноязычного и инационального произведения. Наша цель – привлечь внимание студентов к неповторимой фактуре произведения как уникального и единственного в своем роде порождения творческой личности. Творческая проблематика перевода, лежащая в пределах методологии сравнительного литературоведения, освоена наукой еще очень мало. С точки зрения сравнительного литературоведения, перевод может быть сопоставлен с другими переводами на тот же язык и с переводами на другие языки – как типологически схожими явлениями, а различия между ними могут быть поняты в их объективной обусловленности языковыми особенностями, средой, временем, читательским восприятием, литературными традициями, индивидуальностью переводчика. Перевод как проблема междисциплинарная является посредником в межкультурной коммуникации. Л.Н. Гумилеву принадлежит парадоксальная мысль: «Для того чтобы вполне понять какого-либо поэта, надо его прочесть переведенным на все языки»

[Гумилев 1982: 30]. Для выработки у студентов навыков продуцирования речи на уровне текста перевода немаловажную роль играет сопоставительный анализ элементов переводного текста на стилистическом уровне, перевод реалий, фразеологизмов, речевая характеристика персонажей, образная система.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили труды ведущих теоретиков и практиков российского переводоведения – Федорова А.В., Швейцера А.Д., Комиссарова В.Н., Топера П.М., а также отечественных: Н. Владимировой, Г.Т. Саломова, А.Д. Джаксыбаева и др., материалы журнала «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» (Сочи, 2017, № 22-2), статьи Ворожитовой А.А., Валеева Г.К. и др. а также собственные исследования, проведенные в течение ряда лет по курсу «Теории и практики перевода». В процессе обучения студентов-филологов с целью повышения эффективности речемыслительной культуры, русско- и иноязычной социальной коммуникации разработана система заданий, направленных на сравнительное изучение текстов произведений русских писателей XX в., в частности, М. Горького и его повести «Детство».

Обсуждение. История переводов Узбекистана позволяет проследить развитие национального языка и литературы, однако еще важнее то, что переводная литература, отражая запросы общества и уровень его развития в эпоху создания конкретного перевода, всегда решала задачи той литературы, на язык которой переводится и становится неотъемлемой частью истории национальной культуры в целом. Филологи М.К. Нурмухамедов, Г.Т. Саломов, Д.С. Насыров, А.Д. Джаксыбаев неоднократно подчеркивали особое влияние русской литературы на восточные, а именно на тюркские – узбекскую, каракалпакскую, отмечая, что одним из основных путей иноязычного влияния всегда была переводная литература. По признанию Г.Т. Саломова, «художественная интерпретация иноязычного текста, открывая путь практическому и творческому овладению тем, что называется бытием оригинала, не только вызывает эстетический интерес многомиллионных читателей, но и обогащает всю культуру в целом» [Саломов 1986: 451]. Мы полностью согласны с этой мыслью и считаем, что обучающий потенциал методического использования текстов переводов русской классики еще недостаточно исследован.

Сегодня перед преподавателями стоит задача формирования коммуникативной компетенции студентов-филологов на достаточно высоком уровне. Работа над этим начинается уже на начальном этапе обучения. Обращение к художественному переводу, отражающему художественную действительность подлинника в целом, способствует преодолению студентами трудностей восприятия иноязычного и инонационального произведения.

В современной науке о переводе утверждается, что определяющим для всей переводческой деятельности является культурный фактор, и при переводе в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик является местом контакта не только двух языков, но и двух культур. Перевод – одна из форм литературных связей, позволяющая постигнуть замысел и идеи писателя, значение его слова, некоторые тайны мышления и языка. И. Бехер утверждал, что «значительная национальная литература немислима без хорошей переводной литературы. Создание высокой культуры перевода способствует росту данной литературы и созданию его национального характера» [Бехер 1959: 63]. Уже в самой природе художественного перевода заложен элемент соревнования переводчика с автором, переводчика с другими интерпретаторами. Перевод, «...с точки зрения сравнительного литературоведения, может быть сопоставлен с оригиналом – и другими переводами на другие языки – как типологически схожие явления, а различия между ними могут быть поняты в их объективной обусловленности языковыми особенностями, средой, временем, читательским восприятием, литературными традициями и, конечно, – индивидуальностью переводчика» [Топер 2000: 219], ибо в природе «художественного перевода заложен феномен множественности», и он «не может жить без соревнования творческих индивидуальностей» [Там же: 227]. Соглашаясь с мнением П.М. Топера о том, что изучение перевода находится, прежде всего, в компетенции компаративистики, можно выразить уверенность в расширении контактов литератур, народов, и в этом отношении большую роль отводим переводам, поскольку перевод представляет собой хотя и не единственный, но основной канал межъязыкового литературного взаимодействия.

Главная задача сравнительного исследования литератур – выявление закономерностей и специфических особенностей литературного процесса в отдельной национальной литературе, группе близких по языку и объективным условиям развития литератур или в мировой литературе.

Важная задача сравнительного типологического анализа, можно сказать, конечная цель исследования конкретных контактов и влияний – это выявление национальной специфики литературы, ее особое место в системе других литератур. Этому помогает выявление как общих, сходных черт развития, так и отличий.

В статье нами взято за основу сравнение различных переводов одного текста на другой язык, переводов одного и того же текста, русского – на узбекский и каракалпакский. Кроме того, берутся переводы одного и того же текста, осуществленные в разные годы различными переводчиками, тем более что четкой методики такого исследования не существует. В этой области трех языков имеют место наиболее доступные авторам конкретные произведения переводческого искусства. При сопоставлении подлинника с переводом и перевода с другими переводами подлинника мы избегаем отдавать предпочтение тому или иному переводу, отвергая остальные.

«Сопоставительный анализ переводов как метод переводческого исследования основывается на допущении, что совокупность переводов, выполняемых в определенный хронологический период, представля-

ет собой оптимальное решение всего комплекса переводческих проблем при данном уровне развития теории и практики перевода», – пишет В.Н. Комиссаров в книге «Слово о переводе», с чем мы не можем не согласиться. И далее: «Сопоставительный анализ дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности, а также какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе» [Комиссаров 1973: 26]. Сравнение нескольких переводов одного и того же произведения позволяет почувствовать именно подтекст, ассоциативный строй оригинала – то, что может ускользнуть при чтении единственного перевода. Обращаясь к процессу перевода, студенты, на наш взгляд, должны руководствоваться афористичным выражением Ю.Б. Борева: «Культура – ключ к интерпретации произведения». Вообще, «культура как таковая всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению, – признается В.Н. Топоров, – она не только то место, где рождаются смыслы, но и пространство, где они обмениваются, «переводятся» и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой» [Топоров 1989: 7].

Уже в самой природе художественного перевода заложен элемент соревнования переводчика с автором, переводчика с другими интерпретаторами. Перевод «...с точки зрения сравнительного литературоведения, может быть сопоставлен с оригиналом – и другими переводами на другие языки – как типологически схожие явления, а различия между ними могут быть поняты в их объективной обусловленности языковыми особенностями, средой, временем, читательским восприятием, литературными традициями и, конечно, – индивидуальностью переводчика» [Топер 2000: 219]. Согласно идее В.Н. Комиссарова, «в центре исследования находится не оценка перевода, а описание и классификация «переводческих» фактов и создание системы терминов оригинала и перевода» [Комиссаров 1973: 26]. Сравнительный метод позволяет выявить объективно-логические закономерности литературного процесса, его особенности, неповторимость каждой творческой индивидуальности в свете понимания единства мира, дают возможность разглядеть грани личности переводчика, обнаружить те аспекты развития литературы и перевода, что ускользает в иных методиках.

Конечной целью обучения русскому языку и литературе на продвинутом этапе является выработка у студентов навыков продуцирования речи на уровне текста. Для достижения этой цели немаловажную роль играет сопоставительный анализ элементов переводного текста на стилистическом уровне, перевод реалий, фразеологизмов, речевая характеристика персонажей, образная система. При этом предоставляем студентам сначала самим сделать выводы из анализируемых примеров, оставляя за собой право арбитра в активных дискуссиях по поводу точности передачи мысли автора в родном языке.

Из всего многообразия проблем художественного перевода мы рассмотрим особенности перевода слов и выражений, обозначающих предметы быта (культурные реалии), ибо передача национальных реалий на другие языки относится к наиболее важным и насущным проблемам перевода – передачи и сохранения национальной специфики художественного произведения.

Повесть М. Горького «Детство» была переведена А. Алимухамедовым на узбекский язык в 1951, 1959 и 1972 гг., на каракалпакский язык И.С. Майоровым в 1959 г. Являясь представителями советской школы перевода, они руководствовались общепринятыми реалистическими принципами, стремились донести до читателя идеи и образы повести, справедливо признанной «одной из лучших <...> вечных русских книг» [Мережковский 1991: 306].

Известно, что точных соответствий реалиям любого языка, являющимся носителями местного, национального и исторического колорита, не может быть в других языках. Но анализ тюркских переводов русской художественной прозы дает основание утверждать, что путей передачи в переводе реалий оригинала существует немало: транскрипция, калькирование, введение нового слова, описательный перевод, транслитерация. Проблемы, с которыми столкнулись переводчики повести, являются общими для любого переводчика. Следует различать несколько аспектов: герменевтический – расшифровка и толкование, или понимание исходного текста; лингвистический – поиск средств выражения в языке перевода; и собственно переводческий – решение о выборе эквивалента. В соответствии с проблемами мы подбираем творческие задания для студентов: русские и узбекские переводы монолога Гамлета из трагедии Шекспира, выполненные Н. Полевым, М. Лозинским, Б. Пастернаком, М. Шайхзода, Ж. Камолом; переводы поэмы «Баллада о Востоке и Западе» Р. Киплинга, выполненные И. Оказовым и Ф. Искандером; стихотворения и отдельные произведения из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина; «Ночная песня странника» И.В. Гете в переводах М.Ю. Лермонтова, В. Брюсова, И. Анненского; стихотворение М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» в переводе на немецкий язык Р.М. Рильке, роман «Герой нашего времени» в переводах узбекских и каракалпакских переводчиков; повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и повести «Тарас Бульба», «Как поссорился Иван Иванович...» Н.В. Гоголя и др. Такая организация практических занятий будет способствовать лучшему выявлению общих черт и специфических особенностей соотносимых языков. На практических занятиях полезно проделать следующие виды упражнений и заданий:

- сопоставительное изучение опубликованных переводов с каракалпакского языка на русский и с русского на каракалпакский (узбекский, казахский);
- анализ поэтических переводов с родного языка на русский и обратно;
- анализ газетно-информационных, журнально-публицистических, научных текстов, переведенных студентами с родного языка на русский;

– наблюдения над переводами художественной прозы, осуществленной студентами с родного языка на русский, и другие задания.

Задания типа «Переведите пословицы, поговорки и афоризмы великих мыслителей» (поэтов, писателей) рассчитаны не только на знание малых жанров фольклора. Это и хорошая языковая практика, ибо одно и то же выражение приводится на 3–4 языках (русском, узбекском, английском, каракалпакском и др.), например: «Всяк кулик свое болото хвалит» – «Ит узини, бит кизини мактайди» – «Хар кимники узига, ой куринар кузига» – „Every bird its own nest”. Вопросы на выяснение специфики выражения и знание переводческих тонкостей помогут подобрать способы перевода (эквивалентный, подбор аналогов, описательный перевод), уяснить, позволяют ли приведенные устойчивые выражения наиболее точно раскрыть лексико-семантическую структуру, образность, экспрессивность русского фразеологизма.

Важно материал актуализировать, показать, насколько он созвучен нашей современности. Вот почему, подвергая анализу и переводя пословично-поговорочные выражения, афоризмы древних восточных и западных мыслителей – Сократа, Саади, Хисрова, Джами, Улугбека, Б. Шоу, В. Ирвинга, Вольтера, Д. Гарднера – объединить их тематически: «Народная мудрость», «В мире мудрых мыслей», «О знании», «О справедливости», «О любовном чувстве», «О матери». Такой подбор приведет к желаемому результату – задуматься над истинами, и тогда анализируемое выражение окажется приближенным к нам, обретет общечеловеческую значимость.

В горьковском произведении присутствуют этнографические, общественно-политические, географические реалии, обозначения которых близки к терминам и при переводе не вызывают затруднений, например Белоозеро, Балахна.

К способу транслитерации переводчики прибегают в тех случаях, когда отсутствуют национальные аналоги переводимых понятий. Сюда относятся слова из области административного устройства, имена собственные: Алексей, Варвара, Цыганок, Акулина Ивановна, Яков. При переводе прозвищ переводчики находили им эквиваленты: «Жук» – «Кунгиз» (узб.), «Коныз» (кар.). «Игоша Смерть в кармане» – «Игоша чунтагинда ажал бор» (узб.), «Кисесинде ажели бар Игоша» (кар.), «Хорошее дело» – «Яхшиллик» (узб.), «Жаксы ис» (кар.). Но уже в варианте перевода 1972 г. А. Алимухамедов транслитерирует прозвища, т.е. оставляет их такими, как в оригинале, поняв, что для того, чтобы не исчезла специфичность прозвищ, все же следует сохранить их так, как они звучат в русском языке. Перевод-замена названий русской реалии тюркским словом, близким по значению, является широко используемым средством, например «лавка» – «тахта» (узб.), «сыпа» (кар.). Студенты сразу же находят ошибочность каракалпакского эквивалента: лавка – длинная скамья и может быть переведена как «тахта». Понятие «сыпа» здесь неверно употреблено, т.к. типично восточное слово означает более широкое, четырехугольное деревянное (глинобитное) сооружение, на котором могут расположиться несколько человек.

Передавая национально-специфические слова описательно, переводчики пытаются вызвать у читателя представление о предмете, явлении, давая им краткую характеристику. Особенно часто применяет описательный способ И.С. Майоров. К примеру, слово «кабатчица» передано как «жена торговца водкой», «ко-сушка» – как «маленькая бутылка водки», «домовой» (мифологическое существо) – как «старый хранитель дома». Дело не только в отсутствии данных понятий на каракалпакском языке, но и в потере национальной специфики слова.

Иногда неточный перевод приводит к смешению в произведении обычаев и традиций народов, а это, конечно, создает у читателя неправильное представление об их жизни, быте, человеческих отношениях. Например, использование А. Алимухамедовым частички «жон», применяемой как ласкательное добавление к именам собственным, в переводе дало «Ванькажон» (Ванятка). Это привело к искусственной национализации русского имени. Также при передаче названий государственных институтов, чинов, офицерских званий или должностей переводчик ищет узбекские эквиваленты: «квартильный» – «миршаб», «полиция» – «миршабхона», «улан» – «офицер», хотя «миршаб» – типично узбекская реалия, означающая «начальник ночного дозора полиции».

Сочетаемость слов, которая естественна и привычна в родном языке, может быть совершенно непонятна для студента-иностранца, если он будет переводить эти словосочетания по словарю. Иногда возникает конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены эквивалентными словами этих языков. Успех межкультурного общения, преодоление проблем социокультурной адаптации во многом зависит от того, насколько студенты как представители иной культуры учитывают вербальные особенности культуры в интеркультурном взаимодействии.

Встречается в переводах и подмена других русских реалий восточными. Так, слово «дрожки» (вид легкого экипажа) переведено И.С. Майоровым как «арба», исторически неверно звучит восточная реалия «басмач» для определения «разбойника».

В вариантах перевода А. Алимухамедов при обозначении первых букв славянского алфавита «аз, буки, веди, глагол» привел первые буквы арабского алфавита «алиф, жим, бе». И.С. Майоров столкнулся в повести и с непривычными в литературном языке формами и конструкциями, с фразеологическими единицами и идиомами, которые придают своеобразие стилю писателя, обогащают его язык. В этих случаях он прибегает к простому калькированию, что, несомненно, снижает уровень восприятия произведения:

«Хитрят все, богу на смех!» – говорит бабушка о своих сыновьях. Здесь фразеологизм «курам на смех» изменен писателем, в чем проявилась одна из особенностей горьковского словоупотребления. В переводе «Хитрость их и богу смешна» «не звучит», т.к. переводчик не распознал обновленный фразеологизм и не сумел передать этот стилистический прием на каракалпакском языке. Пользуясь тем, что многие религиозные понятия универсальны, они находили им соответствующие замены, близкие по значению, хотя и не равнозначные: «бог» – «худо»/«кудай»; «рай» – «жаннат»; «ангелы» – «фаришталар» – «периштелер»; «пост» – «руза»/«ораз»; «грех» – «гунох»/«гуна». Или использовалась транскрипция: «церковь» – «чирков»/«ширкеу». Не испытывали особых затруднений переводчики при передаче восклицаний со стертой религиозной окраской (разновидность фразеологических единиц): «слава богу», «ради бога», «прости, господи», используя аналогичные по стертости из тюркских языков.

В повести М. Горького есть особая глава, в которой приводятся целые выражения, фрагменты из Библии. В первоначальном варианте она называлась «Два бога». Такое обильное цитирование библейских выражений – не упражнения в церковнославянизмах. Нужно отдать должное переводчикам: в основном они верно постигли смысл старославянского текста, а значит, то потаенное, что вкладывал дед Алеши в молитвы. Вот, например, начало одной из утренних молитв: «Напрасно судия приидет, и коегождо деяния обнажатся» [Горький 1972: 82]. Первоначальный вариант А. Алимухамедова звучал так: «Ты сам вездещ и каждому воздаешь по его делам» [Алимухамедов 1952: 117]. Впоследствии он изменил фразу, по смыслу близко воссоздав оригинальную: «В Судный день, при ответе, раскроются деяния каждого» [Там же: 97]. И.С. Майоров же буквально переводит фразу: «Судья придет неспроста: раскроются дела каждого» [Майоров 1959: 123]. И хотя Судный день – это характерный постулат мусульманства, в каракалпакском тексте, выполненном обычным литературным слогом, читатель вряд ли поймет, о чем идет речь, т.к. возвышенное «Судия» (Бог) заменено современным «судья» – понятием, однозначно воспринимаемым читателями. Переводчик не уловил внезапности прихода Судии, что переключает фразу из области возвышенного в область земного, юридического. Фраза «не звучит», т.к. теряется ее благозвучие, выражение прозаизируется.

Узбекский вариант тоже подразумевает божественную кару за земные грехи. В первом варианте акцент делался на присутствии божественного во всех земных делах. Во втором варианте 1972 г. переводчик вводит понятие Судного дня, тайный смысл которого содержится в тексте оригинала. Оба варианта могут иметь право на существование как своеобразные трактовки.

Работая с художественным текстом, изобилующим религиозной, библейской терминологией, переводчику важно помнить, что, в отличие от ислама с его строгим единобожием, в христианстве главное – это концепция Троицы. Вот как, к примеру, переводится начальная фраза: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!», от верного воспроизведения которой зависит понимание читателями культа Троицы.

И.С. Майоров заменил ее начальной фразой из Корана: «Бисмилла рахман рахим» (Во имя Аллаха милостивого и милосердного), что неверно ориентирует религиозные представления читателей, направляя их в иное русло. А. Алимухамедов же мучительно искал нужную тональность, и это отразилось на вариантах его переводов, когда от упрощенного «Ради бога, из почтения к Иисусу», он приходит к: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Переводчикам пришлось немало потрудиться, чтобы читатели, в недавнем прошлом исламского вероисповедания, правильно восприняли христианство. Для этого они призвали на помощь мусульманские понятия, чтобы как-то восполнить религиозные представления читателей. Переводчики прикладывали мусульманские понятия к христианским, православным. Но на этом пути их ожидали смысловые погрешности. Например, верно поняв множественность названий Бога, они передают их синонимами «худо, парвардигор, тангрим, худай, жараткан ием». Однако не учитывают, что некоторые имена Бога – свойство именно мусульманской религии. Так, «парвардигор» (создатель – арабск.) произносится перед именем Аллаха. Воспользовавшись близостью многих религиозных понятий, А. Алимухамедов при переводе религиозно – мифологических понятий, имен богов, названий священных книг приводит их восточные эквиваленты: Иисус Христос – Исо, Богоматерь – Биби Марьям, Евангелие – Инжил, Псалтырь – Забур. Не вдаваясь в подробности церковной иерархии, переводчики смело заменяли их исламскими названиями священнослужителей, полагая, видимо, что они равнозначны: «архиерей» – «ахун» (духовное лицо у мусульман), «муфтий» (знаток шариата, высшее духовное лицо у мусульман); «дьячок» – «суфи» (мусульманин – аскет, приверженец суфизма).

Изучение переводов повестей М. Горького на тюркские языки анализом способов передачи реалий не может быть исчерпано. Передача на национальных языках реалий стала одной из сложных, но выполнимых проблем для переводчиков. Однако лишь со временем, с помощью постепенного обогащения родного языка иноязычными заимствованиями, вследствие саморазвития языков, этого можно было достигнуть.

Дилемму, возникшую перед переводчиками – что лучше: замена имени божества соответствующим вариантом из языка перевода или же передача его путем транслитерации – по-своему решает узбекский исследователь К. Мусаев: если в переводимом произведении речь идет о Езусе (католический вариант имени Христа) или Иисусе (православный вариант), то следует придерживаться сложившихся в данных языках норм». И добавляет: «Тогда в представлении читателя перевода возникает не его соотечественник,

не представитель его религии, а религиозная или мифологическая личность, о которой речь идет в подлиннике» [Мусаев 1980: 168].

Вузовский преподаватель не только обязан приобщить студентов к научному осмыслению теоретических вопросов, предложить им в необходимом объеме сведения, понятия, навыки как филологического, так и переводческого анализа, дать навыки самостоятельного перевода художественного, научно-документального, газетно-журнального, публицистического текста. В процессе изучения будущий учитель-словесник должен получить понятие о типах переводов, об основных единицах перевода, учитывать различия в морфологических категориях разносистемных языков, стилистические особенности языка оригинала, его лексических, фразеологических и грамматических выразительных средств, идейно-художественную направленность текста в целом. При ограниченности отводимых лекционных занятий по курсу, теоретические сведения в рамках данного курса должны сообщаться студентам в тесной связи с практической работой по переводу и, как советуют методисты, должны: «носить преимущественно характер теоретических комментариев и обобщений, сопровождающих и заключающих занятия по переводу» [Юсупов 1978: 4].

Заключение. Сопоставительно-типологическое изучение разносистемных языков, каковыми являются каракалпакский, узбекский и русский, приобрело особую актуальность и в общетеоретическом, и в практическом аспектах. Наша цель – привлечь внимание студентов к неповторимой фактуре произведения как уникального и единственного в своем роде порождения творческой личности. Перевод как проблема междисциплинарная является посредником в межкультурной коммуникации. В процессе обучения студентов-филологов, с целью повышения эффективности речемыслительной культуры, русско- и иноязычной социальной коммуникации, разработана система заданий, направленных на сравнительное изучение текстов произведений русских писателей XIX–XX вв., среди которых мы рассматриваем повесть «Детство» М. Горького. Обращение к художественному переводу, отражающему художественную действительность подлинника в целом, способствует преодолению студентами трудностей восприятия иноязычного и инонационального произведения.

На занятиях с использованием художественного перевода в иноязычной аудитории должен присутствовать постоянный диалог культур, который единственно и способен сформировать механизм видения своей культуры через призму другой. Образование определенной дистанции между собственной культурой и другой через микродиалог в сознании ведет к межкультурной компетенции – образованию «третьей культуры» личности, которая характеризуется новым взглядом на свое существование и собственную личность и промежуточным положением между родной и иностранной культурой.

Библиография

- Бехер И. В защиту поэзии. – М., 1959. – С. 63.
 Горький М. Детство // Полное собрание сочинений в 25 тт. – М., 1972. – Т. 15.
 Горький М. Болалик. – Ташкент, 1951 (переводчик А. Алимухамедов).
 Горький М. Болалик. Избранные сочинения в 3-х тт. – Ташкент, 1959. – Т. 3 (переводчик А. Алимухамедов).
 Горький М. Болалик. Сочинения в 10 тт. – Ташкент, 1972. – Т. 4 (переводчик А. Алимухамедов).
 Горький М. Балалык шаг. – Нокис, Каракалпакстан, 1959 (переводчик И.С. Майоров).
 Гумилев Л. Цит. по: Левин Ю.Д. Перевод как форма бытования литературного произведения // Художественный перевод. Вопросы теории и практики. – Ереван–М., 1982. – С. 30.
 Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М., 1973. – С. 26.
 Мережковский Д.С. Избранные литературно-критические статьи. – М., 1991. – С. 306.
 Мусаев К. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода. – Ташкент: Фан, 1980. – С. 168.
 Саломов Г.Т. Где же «золотая середина?» Перевод классики или модернизация // Художественный перевод. Проблемы и суждения. – М., 1986. – С. 451.
 Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: «Наследие», 2000. – С. 219.
 Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1989. – С. 7.
 Юсупов Р.А. Теория и практика переводов. Программы педагогических институтов. – М., 1978. – С. 4.

Юмористический текст на уроках русского языка как иностранного: из опыта преподавания

¹Ширяева Оксана Витальевна
²Костенко Марина Николаевна

¹Южный федеральный университет, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
доктор филологических наук, профессор
E-mail: shirayeva.oksana@gmail.com

²Южный федеральный университет, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
магистрант
E-mail: kostenkomn@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование юмористических текстов на уроках русского языка как иностранного (РКИ). Русский анекдот представляет собой тип текста, который аккумулирует большое количество содержательных, смысловых, ценностных, формально-грамматических, лексических и прочих свойств, делающих его ценным материалом в рамках преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), юмористический текст, методика преподавания русского языка как иностранного.

УДК 378:161.1(0/054/6)

Humorous text at lessons of Russian as a foreign language: From teaching experience

¹Oksana V. Shiryaeva
²Marina N. Kostenko

¹Southern Federal University, Russia
344006 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: shirayeva.oksana@gmail.com

²Southern Federal University, Russia
344006 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42
Master Student
E-mail: kostenkomn@yandex.ru

Abstract: The article discusses the use of humorous texts at the lessons of Russian as a foreign language. The Russian anecdote is a type of text that accumulates a large number of informative, semantic, valuable, formal-grammatical, lexical and other properties that make it valuable in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, humorous text, methods of teaching Russian as a foreign language.

UDC 378:161.1(0/054/6)

Введение. Наиболее важной задачей обучения иностранных граждан русскому языку является формирование у них коммуникативной компетенции, которая позволяет обучающимся продолжить свою учебную деятельность на неродном языке. Попадая в новые для себя реалии, студент-инофон должен не только справиться с большим объемом информации, но и адаптироваться к непривычной для него среде. И в данном случае преподаватель русского языка играет главную роль в оптимизации учебного процесса.

Элементы юмора, которые присутствуют в дидактическом материале на уроках РКИ, с нашей точки зрения, обладают богатым обучающим потенциалом и являются одним из средств помощи иностранцам в адаптации к новым для них условиям жизни и учебной деятельности. Также стоит отметить, что понимание и попытка осмысления русского юмора – это еще и один из путей постижения русской национальной картины мира, который вносит немалый вклад в становление «сильной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа», обладающей «высокой лингвориторической компетенцией» [Ворожбитова 2003, 2004; Vorozhbitova, Issina 2013; Vorozhbitova, Potapenko 2013], в перспективе также – литературной личности [Ворожбитова 2007, 2015], нацеливая на элементы литературного творчества.

Материалы и методы. Материалом данного исследования послужили юмористические тексты, использованные на уроках РКИ. Главными методами явились анализ, обобщение и эксперимент.

Обсуждение. На сегодняшний день существует множество исследований (например, Ю.Н. Зворыкина, В.В. Макеев, Е.Г. Тулина), которые доказывают, что юмор на уроке русского языка как иностранного ак-

тивизирует работу памяти и внимания, способствует формированию позитивного психологического климата в коллективе, а это помогает в решении учебно-воспитательных задач.

Юмористический текст – это современный жанр, который в последние десятилетия получил чрезвычайно подробное осмысление в научной литературе в плане его структуры, содержательных и формальных особенностей, связи с другими жанрами, места в коммуникации, роли в русской речевой культуре. Данный жанр обладает дидактическим потенциалом, который позволяет использовать его в качестве вспомогательного средства при преподавании русского языка как иностранного [Ширяева 2018: 727]. В статье анализируются основные аспекты, благодаря которым данный жанр может быть использован в преподавании русского языка.

Под юмористическим текстом будем понимать текст, погруженный в определенную коммуникативную коммуникацию, предполагающий обязательное наличие слушателя/читателя, способного заметить и понять парадокс.

Юмористический текст можно подразделить на следующие виды:

1. Словесные (анекдоты, юмористические рассказы, и т.п.).
2. Графические (карикатура, комикс).
3. Медийные (юмористические мультфильмы, видео и пр.).

Наибольшую сложность для иностранных учащихся представляет юмористический подтекст, что связано с культурологическим компонентом той или иной национальности. Данная проблема решается с помощью современных комментариев и разъяснений со стороны преподавателя.

Методика работы с юмористическим текстом предполагает несколько этапов:

1. Чтение.
2. Комментирование.
3. Выполнение задания.

Как правило, задание связано или с инсценировкой, проигрыванием ситуации или с составлением продолжения текста.

Т.А. Евстегнеева при работе с юмористическим текстом выделяет следующую последовательность упражнений: 1) подготовительные упражнения; 2) репродуктивные и логико-смысловые упражнения; 3) коммуникативные упражнения [Евстегнеева 2003: 158].

Подготовительные упражнения, как правило, направлены на снятие языковых трудностей, которые могут возникнуть при восприятии юмористического текста. Репродуктивные и логико-смысловые упражнения направлены на развитие прогностических умений студентов и языковой догадки.

Что касается критериев отбора юмористических текстов, то, например, на базовом уровне владения языком целесообразно давать иностранным студентам карикатуры или мемы для анализа, однако следует учитывать тематику занятия, а надписи к иллюстрации или картинке должны быть максимально простыми, максимально четкими и понятными в графическом плане.

Современные карикатуры и мемы, широко распространенные на просторах сети Интернет, часто могут быть неадекватно восприняты иностранцами в силу трудностей, связанных с отсутствием необходимых фоновых знаний у иностранных учащихся при восприятии юмористических текстов.

Подобные трудности могут быть успешно преодолены с помощью комментария преподавателя, подбора наглядных материалов.

Карикатура и мем могут рассматриваться как визуальный, или креолизованный, юмористический текст, при восприятии которого вербальный и визуальный каналы постоянно взаимодействуют.

На занятиях в рамках Международной исследовательской лаборатории развития кросс-культурных компетенций Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета иностранным студентам было предложено несколько заданий по работе с текстами анекдотов. Тексты были адаптированы для максимального понимания.

Мать встречает дочь с дискотеки.

– Пришла?

– Пришла!

– А чего так поздно?

– А ты, наверное, уже все больницы обзвонила?

– Обзвонила!

– А морги обзвонила?

– Обзвонила!

– А мне почему не позвонила?

Задание № 1. Прочитайте анекдот и ответьте на вопросы к тексту.

1. Что смешного в этой ситуации?

2. Почему дочь поздно пришла?

3. Куда звонила мама, пока ждала дочь?

4. О чём спросила дочь у матери?

В начале обучения задания к юмористическим текстам соответствуют требованиям элементарного уровня владения языком. На более высоких уровнях задания усложняются. Учащимся предлагается поразмышлять над ситуацией и выразить собственное мнение.

Задание № 2. *Как вы думаете, почему мама не позвонила дочери?*

Задание № 3. *Объясните разницу между глаголами «звонила» и «обзвонила».*

Задание № 4. На продвинутом уровне обучения во многих заданиях предлагается продолжить анекдот.

Звонок. Глава семьи открывает дверь. На пороге – теща.

Муж спрашивает:

– Здравствуйте, мама. Надолго к нам?

– Да пока не надоем.

– Что же так, даже чаю не попьете?

Задание было представлено следующим образом: закончите анекдот, придумайте финальную реплику тещи. Таким образом, студентам предлагается смоделировать ситуацию по-другому.

Использование анекдотов на начальном уровне изучения языка можно считать эффективным в плане усвоения лексики и грамматики.

Задание № 5. Студентам предлагается короткий юмористический текст, на основе которых отрабатывается и усваивается грамматический материал, например, по теме «Числительные»

Зять и теща сидят на кухне и едят пельмени. Зять один возьмёт, теща – три. Зять три, теща – пять. Ели так, ели, остался один последний пельмень, теща его схватила, в рот засунула и поперхнулась.

– Ой, – говорит, – зятёк, похлопай!

– Bravo, мама! Bravo!

Выпишите имена числительные из текста.

На наш взгляд, необязательно проводить отдельные занятия по юмористическим текстам. В настоящее время существует так много мемов и карикатур, что в конце каждого урока может быть предложен юмористический текст в виде карикатуры или мема.

Также стоит отметить, что в настоящее время одним из приоритетных подходов к обучению становится культурологический подход. «Инокультурное образование» должно осуществляться, прежде всего, с учетом когнитивной функции языка, поэтому программы, учитывающие культурологический аспект, необходимы для занятий РКИ. Изучение культурологии не ограничивается изучением ряда исторических фактов об истории становления государства, и знакомство с культурой не должно ограничиваться текстами русских классиков, которые признаны мировой классикой. Поэтому мы считаем, что введение в процесс обучения такого культурологического явления, как юмор, поможет обучающимся быстрее адаптироваться к русской языковой среде.

Со студентами продвинутого уровня в разработке упражнений мы используем не только традиционные средства обучения, но и средства из аудиовизуального метода обучения, а именно – просмотр фильмов советского и российского кинопроизводства.

Например, особенно активно студенты реагируют на фильм «Кавказская пленница» Леонида Гайдая.

Задание № 6. *Просмотрите фрагмент «Шурик в отделении милиции» фильма «Кавказская пленница».*

Милиционер: – И затем, на развалинах часовни...

Шурик: – Простите, часовню тоже я развалил?!

Милиционер: – Нет, это было еще до вас, в 14 веке.

В этом фрагменте высмеивается такой порок, как пьянство. В русской литературе и кинематографе всегда высмеивалась неспособность человека контролировать свои действия в подобном состоянии. Конкретно в этом диалоге ирония данному диалогу добавляет образ Шурика, тихого, спокойного молодого человека, который точно не способен «разрушить часовню».

Из современного кинематографа студенты любят смотреть сериал «Кухня». Очень хорошо использовать отдельные серии этого сериала на уроках РКИ, т.к. он отображает то, над чем смеется современное российское общество, и содержит достойные примеры современного русского языка без использования табуированной лексики, что тоже важно учитывать при выборе аудиовизуальных средств.

Просмотр фильмов демонстрирует иностранным студентам, как юмор задействован в общении русских, показывает не только лексические приемы, но и такие невербальные средства, как интонация, мимика, жесты. И конечно, просмотр фильмов дает большое количество страноведческой информации, которая помогает лучше понять русскую картину мира.

Заключение. Использование юмора на занятиях русского языка как иностранного помогает овладеть не только страноведческой компетенцией, но и коммуникативной, учитывая лексическую и грамматическую компетенцию. Таким образом, мы считаем, что юмористические тексты могут успешно использоваться на уроках русского языка как иностранного. Юмористические тексты способны дать иностранным обучающимся импульс к изучению русского языка, а также, что очень важно, оказать положительное влияние на эмоции и настроение. Анекдотические тексты не нуждаются в разработке дополнительной

системе контроля правильности понимания, т.к. основным показателем адекватности восприятия является эмоциональная реакция.

Библиография

Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 26–33.

Ворожбитова А.А. Дискурсивные процессы литературно-художественной коммуникации и тип литературной личности «писатель русского зарубежья»: лингвориторический подход // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20. – С. 11–16.

Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2003. – № 3. – С. 134–142.

Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – № 8. – С. 24–33.

Евстегнеева Т.А. Учет национальной специфики русского юмора в процессе обучения РКИ: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2003. – 252 с.

Зворыкин Ю.Н. Юмор в публичном выступлении / Ю.Н. Зворыкин. – М.: Знание, 1977. – 54 с.

Лебедева М.Н. Русский язык с улыбкой: Короткие истории, шутки, диалоги. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 105 с.

Макаев В.В. Педагоги-гуманисты о юморе как средстве педагогического воздействия / Макаев В.В. // Гуманистическая направленность педагогики. – Пятигорск: Изд-во ПШИИ, 1993. – С. 18–32

Миролюбова К.В. Анекдот на уроках русского как иностранного // Пятый этаж. – 2017. – № 3. – С. 42–45.

Ширяева О.В. Анекдот в преподавании деловой разновидности русского языка как иностранного. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. – М.: 2018. – С. 726–730.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of terminological triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: linguo-rhetoric aspect // European Researcher. – 2013. – № 4-3 (47). – S. 1014–1018.

Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of east slavic and western cultures // European Researcher. – 2013. – № 10-2 (61). – S. 2536–2543.

**Проблемы и перспективы разработки и проведения квестов,
посвященных Дню студента (Татьянин день), в иноязычной аудитории**

¹Ширяева Оксана Витальевна
²Стороженко Татьяна Александровна

¹Южный федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
доктор филологических наук, профессор
E-mail: shirayeva.oksana@gmail.com

²Южный федеральный университет,
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
магистрант
E-mail: stortatiana@mail.ru

Аннотация. В статье описываются традиции празднования Дня студента в России. Анализируется роль университета и университетских традиций в становлении личности обучающегося. Также приводится характеристика современных интерактивных методов обучения РКИ на современном этапе. Авторы дают алгоритм составления и проведения лингвострановедческого квеста, посвященного Дню студента, в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: лингвострановедческий квест, методика преподавания русского языка как иностранного, иностранный обучающийся.

УДК 378.1

**Problems and perspectives of developing and conducting Student's Day (Tatiana's Day)
quests in a foreign language audience**

¹Oksana V. Shiryaeva
²Tatyana A. Storozhenko

¹Southern Federal University, Russia
344006 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: shirayeva.oksana@gmail.com

²Southern Federal University, Russia
344006 Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42
Master student
E-mail: stortatiana@mail.ru

Abstract. The article discusses the peculiarities of celebrating Student's Day in Russia and analyses the role of the University and its traditions in forming a learner's personality. The paper also studies the characteristics of modern interactive methods of teaching Russian as a foreign language. The authors reveal an algorithm of drawing up and conducting a Student's Day quest in a foreign language audience.

Keywords: linguoculturological quest, methods of teaching Russian as a foreign language, foreign learner.

UDC 378.1

Введение. В современной методике преподавания русского языка как иностранного все чаще говорят об использовании инновационных технологий. Под «инновационными технологиями» преподаватели иностранных языков часто понимают внедрение в обучение иностранному языку новых компьютерных или информационно-коммуникационных технологий. Однако на современном этапе развития образовательной системы появляются и другие новые технологии и формы взаимодействия с обучающимися. Наиболее востребованными становятся интерактивные формы обучения. К таким формам организации образовательной деятельности относятся интерактивная игра, мастер-класс, проектная деятельность, создание проблемных ситуаций, экспериментирование и лингвострановедческий квест.

Лингвострановедческий квест – это проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого требуются знания языка определенного уровня, а также страноведческие знания о стране изучаемого языка. В сочетании с технологией веб-квеста лингвострановедческий квест может стать хорошим вариантом организации как самостоятельной, так и аудиторной работы.

Формат лингвострановедческих квестов является универсальным, поскольку объединяет теорию по истории России, познавательные прогулки, соревновательные и игровые элементы. Разноплановая учебно-развлекательная программа позволяет поддерживать интерес участников все время.

На страницах данного журнала мы уже делились опытом проведения лингвострановедческого квеста «Зарница» [Ширяева, Костенко 2018]. В связи с этим отметим, что в исследованиях Сочинской лингвориторической школы [Vorozhbitova, Issina 2013; Vorozhbitova, Potapenko 2013 и др.] большое внимание уделяется эпохе Великой Отечественной войны [Ворожбитова 2000, 2012 и др.], история которой чрезвычайно важна для понимания иностранцами российского менталитета и культуры.

В этом году мы успешно организовали проведение квеста на основе учебного пособия «Добро пожаловать в Сочи!» с иностранными студентами, которые приехали в СГУ на IV Международную Неделю русского языка [Добро пожаловать в Сочи! 2018].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили разработки лингвострановедческих квестов сотрудников кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания НОЦ «Международный центр образования и иберо-американских исследований ЮФУ». Основные методы – анализ, обобщение и эксперимент.

Обсуждение. Университет как таковой – это, в сущности, средневековый институт. В первоначальном своем варианте он возник в средневековой Европе более 800 лет тому назад. С тех пор сменилось несколько исторических эпох, социально-экономическое и политическое устройство человеческого общества коренным образом трансформировалось. В прошлом осталось множество институтов средневекового и более позднего происхождения. Некоторые из них отмерли постепенно, другие были унесены в небытие жестокими революциями. Но Университет выжил, сохранил себя. И хотя за прошедшие столетия Университет претерпел перемены, в основе его лежит тот же самый принцип, которым он был порожден, а именно: принцип корпорации – *universitas* [Томсинов 2016: 5].

Слово «университет» в переводе с латинского означает «совокупность», т.е. университет – это такое высшее учебное заведение, в котором изучается совокупность дисциплин, составляющих основы научных знаний. Роль университетов и университетского образования в наши дни особо возрастает в связи со сложными проблемами, с которыми столкнулось человеческое общество.

Первые университеты возникли в XII–XIII столетиях в Италии, Испании, Франции, Англии. Их учредителем чаще всего выступала церковь. В России, согласно архивным документам, первый университет – Петербургский (а не Московский) – был основан 28 января 1724 г. согласно указу Петра Первого об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук, университета и гимназии. День подписания указа считается днем рождения Московского государственного университета и Днем студента в России. В народе этот праздник называют Татьянин день.

День студента – праздник, который в каждой стране отмечается по-разному. В частности, некоторые государства Европейского союза празднуют его дважды в год, объявляя данные дни нерабочими для всего населения. Российские студенты проводят свой профессиональный праздник 25 января. Связано это с тем, что именно 25 января 1755 г. императрица Елизавета Петровна подписала указ об организации первого в стране университета (ныне МГУ им. М.В. Ломоносова). По стечению обстоятельств эта дата совпала с датой казни знатной римлянки Татианы, которая в 226 г. тайно от своих родителей стала христианкой. После учреждения праздника святая Татьяна стала покровительницей всех студентов. Как правило, День студента в России отмечается шумными посиделками и всеобщим братанием тех, кто к этому празднику имеет непосредственное отношение [День студента: Электронный ресурс].

Татьянин день – это и праздник, и особая дата для студентов. Для них это не только повод отвлечься от наук и окунуться в веселье, но и возможность привлечь себе хорошие оценки в зачетку с помощью специальных ритуалов и заговоров.

Призыв Шары (в некоторых университетах – *Халявы*). Самая главная студенческая традиция в Татьянин день – это, конечно, призыв Шары. Делается это так: в ночь на 25 января студенты выходят на балкон или выглядывают в окно, трясут своей зачеткой, призывая «Шара, приди!» А в ответ нужно услышать (причем обязательно не от студента!): «Уже в пути!» А если услышать: «Учить надо», – это означает, что студенту придется целый год посещать все лекции и не забывать хорошо готовиться к экзаменам, иначе провалит сессию.

Этот ритуал позволяет получить хорошие оценки «на шару», т.е. не прилагая особых усилий.

Дом и труба с дымом. 25 января студенты рисуют домик с трубой на последней странице своей зачетной книжки. Причем домик должен быть маленьким-маленьким, а дым от трубы – длинным-длинным. Чтобы сделать его подлиннее, его рисуют в виде закрученного лабиринта одной линией, причем так, чтобы линия ни в коем случае не пересекалась и не касалась себя. Если получится нарисовать такой «дым» без ошибки (пересечения и прикосновения линии), – это хорошая примета. И чем длиннее получится этот «дым», тем легче и успешнее будет учеба в этом году.

Запрет на учебу. На Татьянин день ни в коем случае нельзя учиться и даже заглядывать в конспекты! 25 января нужно вообще забыть о занятиях! Только отдых и веселье! Чтобы учеба была не в тягость, а в радость. Тем, у кого экзамен назначен на 26 число, рекомендуется не переживать и спокойно праздновать 25 января. Согласно примете, после добротного торжества невозможно получить плохую оценку.

В традицию празднования Дня студента так же прочно входит проведение в этот день всевозможных тематических квестов и викторин.

День студента в ЮФУ. В Студенческом клубе Южного федерального университета в Таганроге на День студента традиционно проводится торжественный бал. В 2018 г. главной темой бала был «Вальс цветов». В программе были запланированы показательные выступления классических балльных танцев, балльные игры, выступления индивидуальных исполнителей и творческих коллективов, программа свободных танцев под живой аккомпанемент. Гостей ждала анимационная фотозона и праздничное угощение студенческим сбитнем от ректора университета.

Иностранцы учащиеся российских вузов не до конца понимают суть, историю и традиции праздника. Многие из них сталкиваются с такими масштабными молодежными празднованиями в России впервые.

Представляется актуальным и интересным вводить в образовательный процесс для иностранных студентов современные интерактивные квесты, задачей которых является интенсивное погружение в языковую среду. Разноплановая учебно-развлекательная программа позволяет поддерживать интерес участников и стимулировать учебную деятельность.

Мы предлагаем разработать комплекс мероприятий для иностранных учащихся, посвященных истории и традициям празднования Татьянинного дня. Этот комплекс включает в себя проведение тематических подготовительных уроков по лексике, чтение и обсуждение художественной литературы, посвященной празднику («Татьянин день» А.П. Чехова, «Татьянин день» Л. Андреева), ознакомительный просмотр художественных и документальных фильмов о создателях Московского университета и его знаменитых выпускниках. Цель занятий – познакомить иностранных учащихся с праздником Татьянин день, с его историей, традициями. Рассказать о происхождении и значении имени Татьяна.

Также в комплекс мероприятий входит квест для иностранных учащихся, посвященный Татьянинному дню. Он будет строиться в формате классического квеста либо квеста в реальности. Задача команд-участниц будет состоять в том, чтобы пройти по маршрутному листу все участки и набрать наибольшее количество баллов. Задания должны быть разнообразными, требующими от участников знаний русского языка, сноровки, логического мышления.

Вот несколько примерных заданий к игре:

Придумать оригинальное поздравление с праздником.

Задание «*Мифы и легенды*»: задаются вопросы, связанные со студенческой жизнью, наукой, историей и традициями праздника. Ребятам необходимо ответить, правда ли это или миф.

Задание «*Студент в беде не бросит*»: студенты должны показать уровень своей сплоченности. Одному человеку из команды нужно нарисовать рисунок, который висит у него за спиной на стенде. Для этого остальным ребятам из команды придется словесно помогать товарищу.

«*Мечтай, студент*»: конечная станция, на которой всем участникам предлагается записать свои заветные мечты и вывесить на специальный стенд.

Заключение. Все представленные задания являются примерными и могут воплощаться в различных вариантах в зависимости от территориального нахождения, уровня владения русским языком, а также желания преподавателей и обучающихся.

Библиография

Ворожбитова А.А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа великой отечественной войны: экспрессия победы в лингвориторике «Правды» 1941–1945 гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2012. – № 3 (25). – С. 76–81.

Ворожбитова А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 21–42.

День студента. История и обычаи праздника // Навигатор образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fulledu.ru/articles/966_den-studenta-istoriya-i-obychai-prazdnika.html (дата обращения – 25.11.2018).

Добро пожаловать в Сочи!: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / А.А. Ворожбитова и др. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. – 74 с.

Томсинов В.А. Роль Университета в жизни общества // Этнос и право. – 2016. – № 1. – С. 4–8.

Ширяева О.В., Костенко М.Н. Из опыта проведения лингвострановедческого квеста «Зарница» на довузовском этапе подготовки // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2018. – № 23. – С. 193–195.

Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of terminological triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: linguo-rhetoric aspect // European Researcher. – 2013. – № 4-3 (47). – S. 1014–1018.

Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of east slavic and western cultures // European Researcher. – 2013. – № 10-2 (61). – S. 2536–2543.

V Международная молодежная научно-практическая конференция «Русская речемыслительная культура: проблемы эффективности коммуникации» (тезисы студенческих докладов)

**5th International Scientific-Practical Youth Conference
"Russian communicative-cognitive culture: Problems of efficiency"
Abstracts of students' reports**

Особенности создания эргонимов города Нур-Султан

Анапьянова Асем Ермаковна

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан),

4 курс бакалавриата, направление «Филология: русский язык»

Научный руководитель – **Журавлева** Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор

Образование эргонимов – непрерывный процесс, очень актуальный в последние десятилетия в связи с глобализацией мирового сообщества, интеграцией с западной экономикой и культурой, социально-экономическими изменениями, происходящими в современных государствах, и, безусловно, с рядом лингвистических факторов.

Проблемы эргонимии и создания эргонимов вызывали и продолжают вызывать большой интерес у лингвистов. Показательны в этом плане работы В.Д. Бондалетова, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Г.Н. Алиевой, А.В. Беспаловой, Н.Н. Лесовец, А.М. Емельяновой, Г.А. Донсковой, И.В. Крюковой и др. В нашем исследовании, придерживаясь определения Н.В. Подольской: «Эргоним – это собственное имя делового объединения людей, в том числе заведения, предприятия, кружка» [Подольская 1972: 48], мы остановимся на рассмотрении языковой игры при создании эргонимов города Нур-Султан.

Как известно, эргонимы выполняют несколько функций: рекламно-информативную, информативную, рекламную. Рекламно-информативная функция – главная, потому что эргоним должен быть мотивированным и запоминающимся [Букчина 1968: 36].

В начале XX в. эргонимия практически не существовала. Процесс номинации осуществлялся аббревиатурами, которые включали в себя три компонента: указание на географическое положение того или иного предприятия, вид выпускаемой продукции и форму организации производства. С 90-х гг. XX в. наблюдается тенденция к полной номинации объектов, но так как выбор в магазинах был ещё скуден, названия, соответственно, тоже: «Гастроном», «Универсам», «Хлеб», «Булочная», «Молоко», «Рыба», «Океан», «Мясо» [Советские магазины: Электронный ресурс]. В магазинах не было большого выбора, они специализировались на одном или двух продуктах.

В XXI в. происходит рост числа торговых предприятий: в городах открываются новые магазины, торговые дома и супермаркеты. Высокая конкурентность требует, чтобы названия всех этих торговых объектов были звучными, интересными, запоминающимися, а главное, привлекающими внимание потребителей. Все это привело к тому, что сегодня эргонимы любого большого города весьма разнообразны, интересны и привлекательны – и в то же время несут в себе очень много дополнительной информации о стране, языковой ситуации, тенденциях развития.

В Казахстане широко распространены два языка: казахский (государственный) и русский (официальный). Эргонимы города Нур-Султан в равной мере представлены на обоих языках: на казахском языке: «Данышпан», «Сұлу», «Арзан», «Ержан», «Шапағат», «Сәлем», «Керемет», «Тамаша», «Қарлығаш» и др; на русском языке: «Лимон», «Комфорт», «Наш», «Радуга», «Апрель», «Вкус Март», «Орбита» и др. Данные названия используются в прямом значении, языковая игра не подразумевается. Также на обоих языках представлена на вывесках сама форма предприятия (магазин/дукен, ресторан/мейрамхана, столовая/асхана, магазин одежды/киім дүкені, гостиница/конак үйі и т.п.).

Важно отметить, что в Казахстане реализуется и программа трехязычия, предполагающая активное изучение английского языка, что послужит большей интеграции Республики Казахстан в мировое сообщество и будет способствовать подъему науки, экономики и социально-культурной составляющей страны. Этот процесс повлиял и на формирование эргонимов, поскольку приводит к большим возможностям в создании разного рода названий.

Взаимодействие английского языка с русским и казахским языками и использование приема языковой игры при создании эргонимов позволяет получить креативные названия. Например, очень часто можно встретить синтез корней казахского и английского языков: «КеңMart», «Mega Arzan», «Arzan Mix», «Aspan Line», «Mай Town», «Kausar Books», «Dent Saylyk», «KazyнаGold» и др. Так, с помощью сложения корней образуется новое слово с определенной семантикой, которая воссоздает у потребителя определенный образ. Например, в названии туристического агентства «Aspan Line» казахский корень -aspan- переводится как «небо», английский корень -line- – «линия». Потребитель, знающий оба языка, переводит это словосочетание, как «небесная линия» или «линия неба», и понимает, что это название компании, продающей авиабилеты. Или, например, в названии стоматологии «Dent Saylyk», креаторы изменили казахское слово «ден саулык» (здоровье) путем замены слова «ден» на английское „dent” (зубы) по причине фонологического сходства, с помощью языковой игры мы получаем «здоровье зубов». Нужно отметить, что после Указа Президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латиницу» (19 февраля 2018 г.) количество аналогичных эргонимов в столице Нур-Султан увеличилось.

Не менее интересны названия с сочетанием русского и английского языков. Например: «Авто Life», «Вкус Life», «Коктейль&Blin», «Интерьер City», «MiniЗайм», «Super Вторник», «Восточный Mix», «X-пресс-Fitness», «МузZone», «BigШанхай», «EliteЛомбард», «ZOOMагия». В данных случаях языковая игра служит для того, чтобы эргонимы складно звучали и визуально привлекали клиентов.

В последнее время широкую популярность приобрели названия с английским окончанием -off : «ШашлыкоFF», «Бауырсакоff», «ПивКОFF», «#МИНКОФФ», «Мужикофф», «Serebroff», «Поплавкоff» и др. Конечный элемент -off в русском языке имеет значение предлога «без», но в структуре эргонимов оно использовано вне своей семантики. Такое окончание придает словам звучность, оно быстро запоминается.

Интересны случаи написания русских слов или части слов с использованием латиницы: «Klinika Vashe Zdorove», «Дятково», «SvobodaPub», «Пив Zapravka», «VSE Детям», «ResPUBLika», «WILKY», «EPOSUDA.KZ», «КанистRa»,

«СабРина», «Dveri City», «Vstrecha», «TRAWA», «Rusalka», «BorodaBar». В эргонимах «Дятьково», «КанистРа», «СабРина», в отличие от остальных, на латиницу переведена только одна буква, это говорит о том, что с помощью латинского алфавита можно акцентировать внимание простым способом.

Таким образом, вследствие процессов взаимодействия трех языков на смену старым названиям городских объектов, эргонимам, приходят новые, с креативными идеями, соответствующие потребностям времени. Именно эргонимия города наиболее ярко отражает коренные изменения, происходящие в любом обществе.

Библиография

- Букчина Б.З., Золотова Г.Л. Слово на вывеске // Русская речь. – 1968. – № 3. – 36 с.
Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 48 с.
Советские магазины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://back-in-ussr.com/2013/08/>

Музыкально-литературные параллели в творчестве Виктора Цоя и Милана Младеновича

Болевич Балша (г. Подгорица, Черногория),

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону),

обучающийся Отделения русского языка и общеобразовательных дисциплин

Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ

Научный руководитель – Ширяева Оксана Витальевна, доктор филологических наук

Это очень непросто – сравнивать двух людей. У нас всех разная культура, национальность, цвет кожи, волос, глаз, разные мечты и образ жизни. Все это делает мир, в котором мы вместе дышим и существуем, более интересным и многоцветным. Я считаю, что, несмотря на то что все люди разные, главное – во все времена оставаться человеком.

Мне было несложно выполнить данную работу, т.к. для меня большое наслаждение – исследовать двух выдающихся артистов, философов, мыслителей, которые намного опередили своё время. Изучая биографию этих двух музыкантов, я обнаружил определенное сходство в их стихах и в образе жизни. Оба этих автора жили в похожих государственных системах, с похожими ценностями, и жизнь обоих прервалась внезапно и неожиданно.

Виктор Робертович Цой родился в г. Ленинграде в 1962 г. Он был одним из самых известных российских и советских рок-музыкантов и фронтменом группы «Кино». Начал писать, когда ему было 17 лет. Первые тексты были посвящены таким темам, как уличная жизнь в Ленинграде, любовь и дружба. Его первые шаги к популярности были сделаны на так называемых квартирных концертах, которые были широко распространены в Советском Союзе. Благодаря этим концертам он попал в компанию опытных музыкантов, продюсеров и менеджеров, которые помогли ему в работе. Виктор Цой и группа «Кино» начали записывать свой первый альбом в 1981 г., а закончили в 1982 г. Альбом был записан под руководством Бориса Гребенщикова. Первый альбом назывался «45», символично то, что записанная лента длилась 45 минут. После того как альбом был записан, группа под руководством Виктора стала набирать популярность и выступать в Ленинграде, Москве, а также по всему Советскому Союзу. Виктор Цой и группа «Кино» выпустили в общей сложности 8 альбомов, а также снялись в нескольких фильмах.

Виктор Цой погиб в автомобильной аварии 15 августа 1990 г. в Латвии, недалеко от Риги. Был похоронен 19 августа на Богословском кладбище в Ленинграде.

Милан Младенович был югославским рок-музыкантом, родившимся в 1958 г. в Загребе. Он был фронтменом группы «Екатарина Велика» (в дальнейшем именуемой ЕKV). Позже он переехал в Сараево в возрасте 6 лет, где прожил с родителями несколько лет, а затем – в Белград. Он организовал свою первую группу в конце 1970-х гг. под названием «Лимуново Дрво». Вскоре после этого он проводит сольные рок-концерты, и эта музыка становится известной как новая волна югославской музыки. В 1980 г. он создал свою первую группу под названием «Шарло Акробата», а в 1981 г. группа уже выпустила свой первый и единственный альбом под названием «Бистрији или тупљи човек бива кад...». Этот альбом считается одним из самых важных альбомов югославской новой волны. «Шарло Акробата» впоследствии распалась из-за разногласий между участниками группы. Милан оказался на пике популярности с группой «ЕKV», которая сформировалась в конце 1982 г. Он публикует большую часть текстов группы. Альбом 1986 г. «С ветром у лица» выводит их на самый верх югославской рок-сцены, где они остаются до 1994 г. Они выпускают серию успешных альбомов. Младенович был антивоенным активистом, и его тексты – свидетельство того времени, когда он жил. Его тексты отличаются философскими идеями свободы, любви, жизни, смерти.

Милан Младенович умер от рака поджелудочной железы 5 ноября 1994 г. в Белграде. Он похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Я решил сравнить двух авторов, потому что, помимо времени, в котором они жили, и политического климата, они связаны похожим пониманием жизни, которое отличается необходимостью жить, независимо от обстоятельств того времени.

Виктор Цой сказал в интервью в 1988 г. «Я хотел, чтобы люди чувствовали себя более свободными от существования». В некотором смысле это соответствует мнению Милана Младеновича, который сказал: «Борите се за своју личну слободу и демократију. Не дозволите да вас неки лажни сребрњаци и криво оправдане норме угуше и отперете. Борите се за свој живот».

Кроме того, они не боялись тюрьмы, они являлись сторонниками свободы в психологическом смысле. Для них материальное понимание окружающего мира совершенно не важно. Виктор Цой заявил, что трудно победить его и запугать его тюрьмой «Помни, что нет тюрьмы страшнее, чем в голове...», и Милан Младенович сказал на тему свободы: «У сваком поразу ја сам видео део слободе. И кад је готово, за мене, знај, тек је почело!»

Философское понимание жизни отражено в известной цитате Виктора: «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать», в то время как Милан Младенович говорит: «Прилагодљивост животу може да буде позитивна особина, али, по мени, то је исто као и данак животу. Уколико се прилагођаваш нечему што не желиш, онда сузбијаш своју личност. У том смислу, та прилагодљивост постаје, пре свега, морбидна и негативна. Шта на крају бива? Од младог и перспективног човека ствара се крајње бескористан тип».

Они оба ждали перемен, другого времени, других ценностей. Милан говорил: «Стојимо на рубу неке разјављене провалије, а изнад нас се разуктала вулканска лава, почиње да цури, растеже се по нама, народу. Шта бисмо ми мог-

ли сад да урадимо? Не знам ни сам. Чини ми се да смо потпуно стиснути, не можемо ни корак назад, али ни корак напред. Можда би нам помогла промена политичких и економских услова или, пак, државни удар? Можда, кажем...» Виктор Цой сказал на эту тему: «Моя душа – в моих песнях. И живу, надеюсь на лучшее время»

Космическая связь между двумя артистами может быть представлена и через стихи. Они говорили людям о переменах. В их песнях часто можно встретить мотив будущих перемен.

Виктор Цой и его песня «Перемен» вдохновили многих людей. Грядут перемены, их просто нужно подождать: «Перемен требуют наши сердца, / Перемен требуют наши глаза, / В нашем смехе и в наших слезах, / И в пульсации вен – Перемен! / Мы ждем перемен». Милан Младенович написал стихи для песни «Модро и зелено», которая говорит о переменах. Он писал: «Если вы хотите что-то изменить, одна перемена повлечет за собой и другие перемены»; «Боље да причам о себи, / Боље да идем у нове промене / И само путем промене».

Цой, как и Младенович, писал стихи, которые имеют антивоенное значение. Песня «Безъядерная зона». Даже если рассматривать только терминологию, «безъядерной зоной» принято называть территорию, на которой неким договором запрещено производство, размещение, испытание или использование ядерного оружия: «Теперь ты видишь солнце, / Возьми – это твоё! / Я объявляю свой дом Безъядерной зоной!» Младенович был антивоенным активистом с начала гражданской войны в Югославии. Он писал стихи, в которых призывал всех людей жить в мире. Песня называется «Слушай овамо»: «Сувшише си млад / Да би попио лад. / Испод шлема / Мозга нема. / Мир брате мир, мир брате мир!»

Даже на этих примерах мы можем увидеть космическую связь между двумя артистами, которые, вероятно, не знали, что жили в одно и то же время. Два человека исключительной мудрости и исключительного музыкального таланта, стихи которых я считаю поэзией, с моей личной точки зрения. Оба автора, хотя и внезапно умерли, живут своей жизнью, пока существуют те, кто продолжает их слушать и дорожить ценностями, которые они оставили, ожидая лучших времен. Они останутся вечными до тех пор, пока мы помним их и их творчество.

Библиография

«Сербия сегодня. Цитаты М. Младеновича» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srbijadanas.com/clanak/citati-milana-mladenovica-mozda-ovo-bude-zemlja-za-nas-26-02-2015> (дата обращения – 01.10.2019).

Виктор Цой – Легенда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=yi2d67AXEVs> (дата обращения – 20.10.2019).

Стихотворения в прозе И.С. Тургенева в лингвокультурологической перспективе

Бредихина Екатерина Владимировна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

3 курс бакалавриата, направление «Теория культуры»

Научный руководитель – **Ионесов** Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор

Объектом нашего исследования являются стихотворения в прозе великого русского писателя XIX в. Ивана Сергеевича Тургенева и их связь с культурой. Как заметил Клод Леви-Стросс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории, и концепты. Изучение культуры через язык – идея, которая «носилась в воздухе» в последние годы, о том, что языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей, информацией о мире и человеке в нем. При этом, как замечает В.И. Ионесов: «В культуре все находится на границе. И язык, будучи самой отзывчивой частью культуры, не может не отражать обусловленную этой пограничностью смысловую двойственность. Не случайно почти все наиболее социально значимые слова содержат в себе семантическую двусмысленность» [Ионесов 2018]. В.И. Вернадский в своей концепции утверждал чрезвычайную важность языка в создании новой формы биохимической энергии, которую он называл энергией человеческой культуры.

Следовательно, изучение культуры через язык, само по себе – идея не новая; об этом писали А. Брюкнер, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой и др. Большой вклад в решение проблемы на рубеже III тысячелетия внес польский антрополог Ежи Бартминьский. Культура в их работах рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны человека, тайны языка и текста.

Сборник «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенев выпустил уже в конце своей жизни, в 1882 г. (на 63-м году жизни) как своеобразный итог размышлений о жизни, о себе, о творчестве. Обстоятельный анализ текстов стихотворений в прозе И.С. Тургенева был дан в работе В.Н. Топорова «Странный Тургенев» [Топоров 1998].

Сборник стихотворно-прозаических произведений насчитывает 51 стихотворение И.С. Тургенева. Много лет спустя после первого издания сборника, в 1927 г., в парижском архиве Тургенева было найдено еще 31 стихотворение.

В них поднимаются самые разнообразные темы – философские, социальные, психологические – говорилось о жизни и смерти, о природе, о любви, о добре и зле, о родине, о красоте, о подвиге, о дружбе. Дав им общее заглавие «Senilia» («Старческое»), он говорил, что пишет их, собственно, не для печати.

«Стихотворения в прозе» – это сборник оригинальных философских высказываний, жизненных выводов... Достаточно вспомнить стихотворение «Два богача», в котором И.С. Тургенев говорит, что он «хвалит» богатых людей и «умиляется» им (в данном случае Ротшильду), когда они выделяют часть собственных средств нуждающимся в них людям (сиротам, беднякам), но по-настоящему ценит и уважает он именно тех людей, которые отдают свои последние средства. Крестьянам не хватало на соль, но они всё равно приняли в свою семью сиротку-племянницу Катюку.

Легко отдать часть средств, которых у тебя в достатке, ведь даже без этого приношения ты не будешь ни в чём нуждаться, но как значимо и дорого (что актуально и в наше время!) поделиться с ближним последним, выразить милосердие и сострадание, дабы быть на стороне добродетели и спасти нуждающегося.

Библиография

Ионесов В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // В сборнике: Национальное культурное наследие России: региональный аспект; VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца им. Геннадия Власенко. 2018. – Самара, СГИК. – С. 17–25.

Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – 192 с.

Языковой символизм в творчестве Михаила Булгакова (на примере романа «Мастер и Маргарита»)

Грacheва Мария Александровна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

4 курс бакалавриата, направление «Теория культуры»

Научный руководитель – **Ионесов Владимир Иванович**, доктор культурологии, профессор

Символические формы – это воплощение внутреннего содержания во внешней оболочке. В процессе развития символических форм их иконические свойства ослабевают, а знаковые свойства (абстракция формы) усиливаются. Данный процесс целесообразно трактовать как семиогенез. Семиогенез – это знаковая эволюция символических форм. В ходе развития образуется новый символ (языковой знак). Процесс порождения и функционирования знаков в системе имеет своё определение в гуманитарной науке – семиозис. Семиогенез и семиозис – явления принципиально культурологические. Языковой знак, вступая в оппозицию с символом и образом, формирует языковой символизм. Языковой символизм можно отнести к форме художественной выразительности, он широко распространяется в литературе [Иванов 2019: Электронный ресурс].

Формотворчество и символизм языка культуры фиксирует опыт преодоления, артикулированный в метафорах перехода и символах спасения [Ионесов 2018]. Проблема интеграции символизма в творческий процесс возникает в сфере не только искусствоведения, литературоведения, но и культурологии. Насколько правомерно употребление символического знака и сюжета в искусстве? Здесь возникает проблема функционирования символического знака в искусственно созданном пространстве. Не теряет ли он своего канонического для культуры значения?

Чтобы разобраться в поставленном вопросе и проблеме, обратимся к работе русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, в произведениях которого часто можно увидеть мистицизм, веру в судьбу, проблемы любви и ненависти, добра и зла, смерти и бессмертия [Булгаков 2019]. Особенно ярко это проявилось в романе «Мастер и Маргарита». Автор использует языковой символизм, обращаясь к христианским и мистическим сюжетам и образам. Роман можно разделить на две части, согласно хронологии – это начало новой эры и 20-е гг. XX в., они сосуществуют параллельно в философском измерении. Герои «Мастера и Маргариты» – вымышленные персонажи, судьбы которых тесно переплетены с историей, событиями. Это обычные люди и герои, наделённые магическими способностями.

Уже в начале повествования мы встречаемся с Воландом и его свитой: Коровьев (Фагот), кот Бегемот, демон Азазелло и ведьма Гелла. С их появлением в советской Москве начинают происходить таинственные события. Особенно ярко это проявилось в 12-й главе под говорящим названием «Чёрная магия и её разоблачение». Свита под руководством Воланда устраивает магическое представление в театре-варьете. Цель Воланда – ответить на вопрос: изменились ли московское народонаселение? На первый взгляд – да: «Горожане сильно изменились ... внешне ... как и сам город, впрочем». Однако героя интересует «гораздо более важный вопрос: изменились ли эти люди внутренне». Сеанс чёрной магии преобразуется в социальный эксперимент, после которого Воланд делает вывод: «Ну что же ... – они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их».

Образ Воланда символизирует сатану. Сатана в религиозных учениях (христианства, иудаизма) представляет оппозицию силам добра. Это падший ангел, который испытывает веру праведников. В Ветхом Завете сатана подвергает сомнению праведность Иова и предлагает Господу испытать его. Сатана явно подчинен Богу, является одним из Его слуг (Ха-Элохим – «сынов Божьих», в древнегреческой версии – ангелов) и не может действовать без Его позволения.

Свита Воланда также имеет мифологические прототипы. Коровьев, он же Фагот, в некоторых источниках на почве функциональности ассоциируется с начальником стражи при прокуратуре Понтии Пилате, Афранием. Коровьев – помощник Воланда: «...Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире...» Для создания кота Бегемота, согласно булгаковским выпискам, автор использовал образы апокрифического Ветхого Завета, где существовало морское чудовище – Бегемот, обитающий в невидимой пустыне. Внешность кота описывается Булгаковым так: «...кот, громадный, как боров, чёрный, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами...». Образ Азазелло – это падший ангел Азазель, знаменосец армии ада: «теперь Азазелло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца». Единственная женщина в свите Воланда – рыжая ведьма Гелла, образ которой сближается, вероятно, с шумерской, иудейской и древнегреческой мифологией.

Другая часть романа непосредственно связана с образами Нового Завета. Иешуа Га-Ноцри – это булгаковская интерпретация библейского Иисуса Христа. Художественная линия персонажа отображает судьбу Иисуса: предательство, суд, казнь. «...У меня нет постоянного жилища, – застенчиво ответил арестант, – я путешествую из города в город...» – говорил Иешуа Га-Ноцри, он был проповедующим философом. Однако, в отличие от Иисуса, Иешуа одинок, у него нет семьи и всего лишь один ученик – Левий Матвей.

Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи, прообразом которого стал древнеримский прокуратор, префект Иудеи, известный массовыми казнями и насилием во время своего правления, в романе – болезненный человек, жестокий правитель, «свиное чудовище», готовый ради карьеры пойти на убийство человека (Иешуа). Согласно Новому Завету, Понтий Пилат трижды отказывал иудейскому народу в казни Иисуса. В романе Понтий Пилат также считает Иешуа невиновным: «...игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашёл...» Однако он приговаривает Га-Ноцри к смертной казни, надеясь на помилование местных властей в честь великого праздника Пасхи. После смерти Иешуа Понтий Пилат раскаивается, но ничего изменить невозможно, и его наказывают бессмертием за совершенное убийство.

Таким образом, Михаил Булгаков в своём романе использовал известные символические образы, относящиеся к религии, мифологии. Персонажи преобразили художественное повествование, наполнив его философским смыслом. Герои не потеряли своего канонического значения. Воланд – искуситель, Иешуа Га-Ноцри – символ человечности, праведности, спасителя, Понтий Пилат – судья и убийца.

Библиография

- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – М.: АСТ, 2019. – 480 с.
- Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: автореф. дис. ... д-ра филос. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/simvolicheskaya-funktsiya-yazyka-v-aspektakh-semiogeneza-i-semiozisa> (дата обращения – 19.10.2019).
- Ионесов В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // В сборнике: Национальное культурное наследие России: региональный аспект; VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца им. Геннадия Власенко. – Самара, СГИК, 2018. – С. 17–25.

Эволюция изображения рыцарства: от В. Скотта до Джорджа Р. Р. Мартина

Демина Арина Рудольфовна

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов (г. Сочи),

4 курс бакалавриата, направление «Филология»

Научный руководитель – Лебедева Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент

Антиномия «массовая культура» и «элитарная» формирует образ «массовой культуры» как процесса негативного и обладающего примитивно-поверхностными характерологическими чертами, такими как заданность сюжетного построения, пассивное восприятие массовым читателем, широкое распространение (массовый тираж), коммерческая выгода. Тем не менее, к жанру фэнтези, который традиционно относят к поп-культуре, мы наблюдаем живой интерес со стороны не только массового читателя, но и научного мира – во многих произведениях данного жанра выделяют признаки элитарной культуры, а, по словам исследователя Е.В. Жаринова, схема и клише фэнтезийного мира рассматриваются как «воплощение алгоритмичности современного мышления» [Жаринов 1996: 12]. Таким образом, можно говорить о синтетическом характере фэнтези, объединяющем черты как элитарной, так и массовой культуры.

Фэнтези имеет свою историю становления и основывается на определенных традициях художественного изображения. Так, во многом фэнтези становится наследником традиций историко-приключенческого романа, что позволяет нам провести параллели с произведением Вальтера Скотта «Айвенго». Назовем общие черты: 1) романтический герой; 2) эскапизм как модифицированная форма романтического бегства от реальности; 3) сосредоточенность на проблемах развития общества и человечества в целом, острое ощущение противоречивости, катастрофичности исторического процесса; 4) историзм и исторические отсылки; 5) рыцарство как основа государственного устройства.

Одним из ключевых элементов композиции как сюжетной завязки, а также важной частью государственных отношений в обоих романах является рыцарский турнир. Вальтер Скотт и Джордж Мартин большое внимание уделяют материальной стороне. В «Айвенго» распространяется явление еврейского ростовщичества, и даже принц Джон берет ссуды у еврея Исаака. Это подчеркивает нестабильное экономическое положение государства. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в «Игре престолов» – турнир Десницы короля обходится в круглую сумму для королевства. Роль еврея-ростовщика здесь играет «мастер над монетой» Петир Бейлиш, умело создающий иллюзию достатка, при этом беря в долг у Ланнистеров и Железного банка, прототип которого – еврейское ростовщичество в Венеции и Норвежский банк.

Для В. Скотта ключевым в изображении турнира является именно введение в атмосферу происходящего, зарисовка нравов и обычаев. Все подробно иллюстрировано, начиная от расположения шатров и заканчивая правилами турнира. Большая часть главы посвящена описанию конфликта между норманнами и саксами, а турнир – это лишь материальное воплощение (иллюстрация) данного конфликта. В отличие от В. Скотта, у Дж. Мартина нет цели ввести читателя в историческую эпоху, для него основным объектом художественного изображения является действие. Введение фигуры Айвенго в структуру рыцарского турнира происходит через элемент загадочности: он сражается под именем Рыцаря, лишённого наследства. Отказ от просьбы поднять забрало, снять шлем создает ореол таинственности вокруг его личности.

В «Игре престолов» Лорес Тирел, или рыцарь Цветов, тоже овеян ореолом загадочности, но иначе – его доспехи украшены живыми цветами, он как будто вышел из старой легенды, романτικότητα образа достигается эксцентричностью персонажа, но эффект его восприятия аналогичен с Айвенго, именно к нему приковано все внимание на турнире. Как и Айвенго, Лорес Тирел выбирает королеву любви и красоты.

Несмотря на умолчание самим В. Скоттом о последствиях турнира для сражающихся, читатель все равно догадывается о травмирующем опыте через некоторые намеки автора: «...в те времена интересовались турнирами лишь в той мере, насколько эта забава являлась опасной для сражающихся».

Турнир – это яркий визуальный образ, легко переносимый в символическую культуру кино. В отличие от книги, экранизации могут оперировать некоторыми дополнительными средствами для усиления драматичности происходящего и привлечения внимания зрителя. Экранизации в данном случае нас интересуют с точки зрения показового монтажа как особого языка художественной выразительности кино.

Американская экранизация «Айвенго» 1952 г. (режиссер – Ричард Торп) характеризуется использованием наиболее нейтральных планов – общих и средних. Во многом такое умолчание о «кровавой» составляющей и нейтрализации состязания можно объяснить цензурой тех годов – «Кодексом Хейса», любое проявление насилия попадало в графу «be careful» и не приветствовалось в кинематографе. В советской экранизации «Айвенго» 1982 г. (режиссер – Сергей Тарасов) тоже наблюдается доминирование «нейтральных» общих и средних планов над крупными, но создатели фильма пытаются оживить поединки. Так, интересным представляется прием при сближении рыцарей – использован крупный план, и зритель видит картинку так, как будто он и есть противник рыцаря, а копьё направлено на него в самый критический момент, но драматизм данного кадра минимален, его длина составляет не более секунды.

В экранизации «Игры престолов» (2011–2019) камера не боится показывать зрителю кровь и жестокость, причем напряжение создается несколькими путями – задействованы как визуальные средства, так и аудиоканалы. Один из основных рыцарей, Григор Клиган, Гора, ранит сира Хью, съемка смерти происходит от смещения среднего плана до крупного методом зумирования (медленного приближения камеры), что еще сильнее накаляет обстановку: зритель видит и кол, который проткнул шею, и кровь, выплескиваемую из его рта, – все это длится около 30 секунд (ср. с секундными кадрами в экранизациях «Айвенго»).

Чем объясняется такой натурализм изображения в «Игре престолов» и почему, несмотря на отталкивающий характер сцен, мы продолжаем смотреть? Конечно, мы можем говорить об отсутствии цензуры на подобные вещи в современном мире, но кровавые сцены являются одним из маркетинговых ходов. Согласно одному из ведущих теоретиков медиаиндустрии Генри Дженкинсу, для успешного продвижения того или иного контента необходимо, чтобы он обладал «липкостью», т.е. способностью заинтересовать, и «шоковым эффектом», т.е. обладать некой экстраординарной характеристикой, способной вызывать у аудитории сильные эмоции. Этот «шоковый эффект» порождает процесс погружения во внутренний мир истории для понимания контекста происходящего. Появление подобного натуралистического изображения не только в сериале, но и в книгах можно объяснить тем же самым «шоковым эффектом», который родился именно как метод массовой культуры и способствовал широкому распространению и интересу к произведениям Дж. Р. Р. Мартина.

Библиография

- Джордж Р. Р. Мартин. Игра престолов. – М.: АСТ, 2019. – 928 с.
 Жаринов Е.В. «Фэнтези» и детектив – жанры современной англо-американской литературы: монография. – М.: Международная академия информатизации, 1996. – 126 с.
 Лаудер Дж. За стеной: тайны «Песни льда и огня» Джорджа Р. Р. Мартина. – М.: АСТ, 2015. – 437 с.
 Романова Ю.В. Фэнтези: между массовой и элитарной культурой // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2015. – № 1 (17). – С. 7–15.
 Скотт В. Айвенго. Квентин Дорвард. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1002 с.

Язык эпохи социализма в лингвокультурологическом дискурсе

Жигалов Александр Владимирович

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

5 курс бакалавриата, направление «Теория и история культуры»

Научный руководитель: **Ионесов** Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор

В качестве объекта лингвокультурологического исследования взяты две художественные книги для детей начального школьного возраста приблизительно одного жанрового направления. Рассказы Носова написаны в 1938–1950-х гг. [Носов 1978]. И повесть Барановского написана в 2013-м [Барановский 2013]. Я не вправе делать какие-либо выводы о реальном влиянии литературы на детскую психику в настоящее время. Но можно сделать некоторые предположения о том, какой культурный код, культурный посыл писатели разного временного периода и противоположных социально-экономических формаций стремились заложить в детские умы. Известно, что в советский период читающих людей, в том числе детей, было больше. Сегодня успешно конкурируют с книгой за детское внимание телевидение, мультимедиа и видео.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текста, необходимо выполнить теоретическое обоснование данной процедуры. Согласно теории Лесли Уайта, «именно использование способности к символизации, основным выражением которой является вербальное общение, и привело к возникновению культуры» [Уайт 2004: 45]. Так, «Общаясь с взрослыми (в том числе посредством литературы. – А. Ж.), ребенок усваивает человеческую речь, а именно совокупность значений слов, существующую в культуре, и правила синтаксиса, по которым эти слова объединяются в высказывания. В значениях зафиксирован общечеловеческий опыт создания обозначаемых предметов, отражены их общие и существенные свойства, а в синтаксисе предложений закреплены выявленные человечеством логические связи между элементами различных ситуаций» [Уайт 2004: 115].

«Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с её установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова 2001: 19]. В некоторых работах показывается словотворчество как трансформация культуры [Ионесов 2018] и отмечается психолингвистическая взаимосвязь текста, слова, сюжета и образа [Общая психология 2002].

Перейдем к анализу. Сопоставим количественно и сравним по силе экспрессии выражения, имеющие негативный характер, встретившиеся в текстах.

Н. Носов. *Не помрешь с голоду; Ах, чтоб тебя (другу); Ах, ты – размазня (другу). Уморить голодом хочешь (другу); С ума сошёл (другу); Придётся щенков утопить; Девчонка затрепала как сорока; Вот бы тебя засадить куда-нибудь (взрослый постороннему мальчику); Я, по-твоему, осёл? (другу); Почему Мишка такой нескладный?; Хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до нас добрались?; Накостылять им по шее.*

М. Барановский. *Щенок постоянно гадит; Надо же быть таким занудой (отцу); Будешь писать мимо унитаза – отведу к урологу (сыну); Не люблю маленьких собачек, нервных, с вытаращенными глазами; Твердит как дятел (отцу); Какая-то дура-официантка; Жаль, на женщин никто не охотится; Сейчас столько психов развелось; Хозяин – распоследняя сволочь; Я не сдам тебя в дом престарелых. Я тебя сам похороню (отцу); Мне все завидуют; Тётя все время вопит; Специально купила кролика, чтоб он умер на их глазах; Чтоб дети увидели дохлого кролика и потом, когда умрёт тётя Лера, не сильно переживали; Ни один псих к тебе не ползет; Я ей сам что-нибудь откручу; Мальчика надо будет кастрировать (щенка); Набрасываюсь на него с кулаками (на отца); Она будет ещё и чокнутой (собака); Ты заводишь себе тетку, а я собаку (отцу);*

Анализируя эталоны, стереотипы и установки культуры, автор отмечает следующее. В советской парадигме нормой считается полная семья, поэтому у главного героя и его друзей есть папа и мама. В парадигме капитализма отец сам воспитывает главного героя, от лица которого ведется повествование, с его матерью они в разводе.

Отношение к родителям. Хотя в произведении Носова родители не являются главными действующими лицами, отношение к ним чувствуется посредством обращения: «Милая мамочка», а также в упоминаниях: «Мишкины мама с папой пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вареньем и других разных вкусных вещей, чтоб мы тоже могли хорошо встретить Новый год». Видно, что отношение теплое, уважительное. Кроме того, с соседями взрослые живут дружно, раз пошли к ним встречать Новый год. У Барановского сын, хотя и любит отца, но допускает дерзости, подсмеивается: «Надо же быть таким занудой», «Бросился с кулаками».

У советского школьника есть лучший друг, над которым он часто подтрунивает и описывает его недостатки, хотя и сам грешит ими, тем не менее, считает, что «дружба дороже волшебного фонаря», «кто же в беде товарища покидает». Кроме лучшего друга, есть другие товарищи. У героя современного друзей нет. Его друг появляется только в фантазиях – одинокий, у которого вся семья погибла в авиакатастрофе, за что он получил много денег, и у него есть две собаки, с которыми они вместе гуляют. А еще есть наглый хулиган Пиша, который все отнимает у повествователя.

Отношение детей к чужим взрослым и взрослых к чужим детям. *Носов*: «Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать»; «Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит: – Верно, деточка, верно»; «– Да, сказал дядя Федя, – это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли»; «Одна тётенька усадила Мишку на скамейку, сняла с него валенок и осмотрела ногу. ... Одна тётенька дала нам по пирогу, а другая конфет». *Барановский*: «Тётя Лера все время вопит»; «Врач вся в полиэтилене, как спрятанная от моли на лето шуба в шкафу... я ей сам что-нибудь откручу»; «Я мало улавливаю из того, что художник тарыхтит»; «Сварливых старух»; «Дура-официантка». Высказывания по отношению к взрослым явно нельзя назвать уважительными.

Отношение к труду положительно выражено у Носова. У Барановского – с долей иронии: «на стройке узнали много новых слов...» и т.д. Если у Носова сказано, что ребята «очень любили учиться и уже соскучились по школе», то у Барановского школа упоминается в контексте сбора денежных средств – обязательного атрибута родительского собрания.

Таким образом, подводя итоги лингвокультурологического анализа, автор статьи присуждает социалистической формации и советской культуре пальму первенства как более гуманной, справедливой, толерантной и доброй.

Библиография

- Барановский М.А. Собачий вальс. – М.: Клевер-Медиа-Групп, 2013. – 192 с.
 Ионесов В.И. О словотворчестве как трансформации культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. И.Ю. Акифьевой. – Самара, СГИК, 2018. – С. 134–140.
 Носов Н.Н. Фантазёры. – М.: Детская литература, 1978. – 221 с.
 Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
 Общая психология. – М.: ГАРДАРИКИ, 2002. – 232 с.
 Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.

Использование феминитивов в речи казахстанцев

Жуликова Мария Александровна

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан (г. Нур-Султан, Казахстан),
 4 курс бакалавриата, направление «Филология: русский язык»

Научный руководитель – Журавлёва Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор

Понятие «гендер» связано со всей общественной жизнью человека: культурой, государственными институтами, социальными учреждениями, которые оказывают влияние на обычаи и традиции, на стиль мышления и на быденную жизнь человека. Гендер представляет собой «совокупность социальных и культурных норм, которые общество приписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [Словарь гендерных терминов 2002: 21].

Гендерные отношения издавна строились на экономическом, социальном и политическом превосходстве мужчины – патриархате. Старший мужчина в семье выступал в роли главы семьи, кормильца и судьи, решавшего спорные вопросы, руководителя, лица, определявшего социальный статус всей семьи в иерархии. Мужчины также составляли политическую элиту страны. Однако в начале XX в. женщины, которые стремились ко всеобщему равенству, стали подражать мужчинам не только в политическом, но и в повседневном поведении, демонстрируя, таким образом, новые демократические отношения между мужчинами и женщинами. С этого времени возникли новые гендерные отношения: женщины смогли голосовать на выборах, занимать государственные должности и овладевать любой профессией, женщины были приняты как равные в тех областях, где долгое время вынуждены были подчиняться.

Как подчеркивает М.Г. Марговская, включение женщины в общественную деятельность и «сопротивление массового сознания смягчению гендерных стереотипов» привели к кризису традиционных гендерных отношений. Как следствие все механизмы общества были серьезно изменены, и поэтому исчезла необходимость в ограничении женщины частной сферой. Но гендерные стереотипы, оставшиеся неизменными на протяжении многих веков, стали традицией и частью культуры, а также нашли свое отражение в языке. Поэтому, хотя гендер не является лингвистической категорией, язык и речь могут быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений путем выявления в них различных гендерных стереотипов, в частности, способов наименования профессий [Марговская 2011: 85].

На протяжении длительного времени в русском языке преобладали наименования лиц мужского пола, что объяснялось андроцентристским подходом, при котором многие области деятельности были закрыты для женщин. В большинстве случаев, как отмечается в «Справочнике по правописанию и стилистике» Д.Э. Розенталя, существительные мужского рода могут использоваться для именовании людей обоих полов, а существительные женского рода – только женского (ср.: учительница, акушерка), при этом последние закреплены как словарная норма и относятся к традиционно женским профессиям. Но отмечается и то, что даже такие наименования лиц не могут свободно использоваться во всех стилях речи, в частности, это не представляется возможным в официально-деловом стиле, и предпочтительным остается вариант сохранения формы мужского рода при обозначении лица женского пола [Розенталя 1997: 163].

Многим языкам славянской группы исторически свойственно последовательное образование и употребление феминитивов, что подтверждается сравнительным анализом. Так, например, существуют следующие пары слов в польском языке: *apteczarz – aptekarka, doktor – doktorka, autor – autorka* [Słownik języka polskiego PWN 2019]; в чешском: *doktor – doktorka, autor – autorka* [Nový akademický slovník cizích slov A – Ž /brož/ 2007]; в болгарском: *автор – авторка, лекар – лекарка, мениджър – мениджърка* [Български тълковен речник 2012]. Мы видим, что в вышеперечисленных языках не возникает проблемы образования и употребления форм женского рода, поскольку феминитивы получили в них широкое распространение.

В русском языке одним из способов обозначения лиц женского пола является сочетание наименования лица мужского пола с глагольной формой женского рода (ср.: *автор подарила свои книги библиотеке, директор подписала распоряжение*), однако необходимо подчеркнуть, что данная тенденция характерна преимущественно для разговорного стиля речи. В настоящее время, как отмечает А.С. Прохорова, в связи с изменением культурной ситуации появляется большое количество наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности – феминитивов [Прохорова 2012: 292]. Феминитивы – имена существительные женского рода, обозначающие женщин, которые образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин [Баданина 2017: 89].

Для разговорной речи также особенно характерны парные названия, образованные от существительных мужского рода при помощи суффиксов *-ш-* и *-их-* (ср.: *библиотекарьша, билётёрша, бухгалтерша, докторша, инженерша, кассирша, комендантша, кондукторша, парикмахерша, почтальонша, редакторша, регистраторша, секретарша; врачиха, дворничиха, сторожиха*). Однако подобные образования используются ограниченно, т.к. как им присуща двусмысленность: они могут обозначать как название жены человека соответствующей профессии, так и название действующего лица.

Но даже несмотря на то, что словообразовательная категория «женскости» является одной из наиболее продуктивных и популярных среди модификационных [Балалыкина, Николаев 1985: 81], феминитивы преимущественно распространяются в разговорном стиле речи (ср.: *агрономша, библиотекарша, врачиха, водительница*), о чем свидетельствует проведенный нами анализ слов, обозначающих профессии. Из толкового словаря С.И. Ожегова [Ожегов 2000] нами было выписано 200 слов, обозначающих профессии человека. Условно слова можно разделить на следующие группы: а) *слова без парных образований, составляющие 21,7 % проанализированных лексем* (авиатор, агротехник, аниматор, арбитр, бактериолог, библиограф, бизнесмен, ветеринар, вирусолог, водолаз, генетик, географ, геолог, дефектолог, диагност, дизайнер, доменщик, историк, пилот, штукатур, физик); б) *слова с парными образованиями, принятые в нейтральных стилях речи, составляющие 37,6 % проанализированных лексем* (ср.: *авиамоделист(-ка), акванавт(-ка), акробат(-ка), акушер(-ка), арабист(-ка), астронавт(-ка), бейсболист(-ка), бортпроводник(-ца), велосипедист(-ка), визажист(-ка), воспитатель(-ница), дантист(-ка), дояр(-ка), дрессировщик(-ца), журналист(-ка)*); в) *слова с парными образованиями, используемые преимущественно в разговорной речи, имеющие в словаре соответствующие пометы составляющие 39,3 % проанализированных лексем* (ср.: *автор – автор(-ша) (прост.), агроном – агроном(-ша) (прост.), адвокат – адвокат(-есса) (разг.) и адвокат(-ша) (прост.), администратор – администратор(-ша) (разг.), аптекар – аптекар(-ша) (разг.), архитектор – архитектор(-ша) (разг.), библиотекар – библиотекар(-ша) (разг.), бухгалтер – бухгалтер(-ша) (разг.), вахтер – вахтер(-ша) (разг.), водитель – водитель(-ница) (разг.), врач – врач(-иха) (прост.), гид – гид(-есса) (разг.), дворник – дворнич(-иха) (разг.), директор – директор(-ша) (разг.) и директр(-иса) (разг.), доктор – доктор(-ша) (разг.); г) *слова, обозначающие профессию лиц исключительно женского пола составляющие 1,4 % проанализированных лексем* (ср.: *белошвейка, бельевщица, домработница*).*

Из этого следует, что свое наибольшее распространение феминитивы получают именно в разговорном стиле речи.

Использование казахстанцами феминитивов достаточно часто проявляется в устной разговорной речи, когда мы слышим слова типа «профессорша», «врачиха» «директорша», «докторша». Однако сейчас феминитивы переходят и в письменную речь, о чем свидетельствуют публикации казахстанских блогов, независимых негосударственных изданий (газет и др.), которые могут себе позволить включение разговорной лексики в тексты статей.

Так, например, при анализе текстов казахстанских СМИ (общественно-политическая газета «Время», информационный портал 365info.kz, новостные порталы the-village.kz и Sputnik Казахстан) нами были выделены следующие феминитивы: *профессорша, докторша, директорша, дикторша, блогерша, авторша, кассирша, директорка, авторка, редакторка, блогерка, обозревательница, руководительница, директриса, владелица, ученая жена*. Как видим, наиболее продуктивным способом образования феминитивов является аффиксация при помощи словообразовательных суффиксов *-ш-, -к-, -ниц-, -ис-, -иц-*.

Вышеуказанные феминитивы могут использоваться в зависимости от цели, которая преследуется автором текста.

Так, в некоторых случаях феминитивы применяются в качестве стилистического средства и предлагаются как синонимы употребления правильной формы. Например, в одном из заголовков статьи встречается словосочетание «бывшая директриса ресторана», что можно отнести к разговорному стилю речи, однако в основном тексте для обозначения того же лица используется словосочетание нейтрального стиля: «директор ресторана». Подобным примером может послужить статья, в заголовке которой автор использует сочетание «знаменитая докторша», а в основном тексте – «пишет врач». Вероятно, авторы статей употребляют феминитивы, характерные для разговорного стиля речи, только в заголовке с целью акцентирования и привлечения внимания к статье.

В то же время феминитивы могут использоваться в уничижительном смысле. Так, например, в одной из статей общественно-политической газеты Казахстана «Время» автор использует сочетание «74-летняя профессорша», имея при этом в виду не жену профессора, что соответствовало бы литературной норме, а самого профессора, оказавшегося в конфликтной ситуации.

Другой целью намеренного употребления феминитивов может стать попытка утверждения своего отношения к феминистскому обществу. Примером может послужить используемая феминистками языковая игра и частотное употребление суффикса *-к-* (ср.: *активистка, авторка*). Так, например, в одной из статей, опубликованных на портале Vt.me.kz, используются феминитивы «редакторка», «директорка», «блогерка», в другой – «директорка», «юристка». Можно заметить тенденцию использования суффикса *-к-* с целью образования феминитивов именно среди феминистского общества: по мнению феминисток, суффикс *-к-* подчеркивает их независимость, в то время как суффикс *-ш-* обозначает принадлежность супругу и его профессии.

Следует вывод, что применение суффиксов -ш- и -к-, являющихся продуктивными при создании феминитивов, зависит от цели употребления их. Так, в уничижительном смысле, с целью привлечения внимания, а также при стилизации используется суффикс -ш-, а для утверждения своего отношения к феминистскому обществу – суффикс -к-.

Таким образом, фактический материал показывает, что в последнее десятилетие увеличивается использование феминитивов в устной и письменной речи казахстанцев. Этому могут способствовать следующие причины: 1) феминитивы могут использоваться в качестве синонимов в стилистических целях для выразительности речи; 2) использование феминитивов может быть связано с идеей феминистов о гендерном равенстве в обществе; 3) употребление феминитивов может быть продиктовано недостаточным знанием форм названий профессий.

Библиография

- Nový akademický slovník cizích slov A – Ž /brož/. Jiří Kraus. – Praha: Academia, 2007. – 880 s.
 Słownik języka polskiego PWN. Lidia Drabik, Elżbieta Sobol. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2019. – 860 s.
 Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке Интернета // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2017. – С. 89–94.
 Балалыкина Э.А., Николаев Г.Н. Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1985.
 Български тълковен речник. Василка Радева. – София: Изток – Запад, 2012. – 744 с.
 Марговская М.Г. Роль и место гендерных стереотипов в общественном развитии (социально-философский аспект) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2011. – 170 с.
 Ожегов С. Толковый словарь русского языка / С. Ожегов, Н. Шведова; 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000.
 Прохорова А.С. Наименование лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX–XXI вв. // Преподаватель XXI в. – 2012. – № 3. – С. 292–295.
 Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. – М.: Комплект, 1997. – 384 с.
 Словарь гендерных терминов; под ред. А.А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI в., 2002. – 256 с.

Влияние русского языка на формирование лексического состава казахского языка

Исмаилова Элина Юсуповна

Казахско-Русский Международный университет, (г. Актобе, Казахстан),

2 курс бакалавриата, направление «Переводческое дело»

научный руководитель – Емельянова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук

Взаимодействие языковых сознаний разных этносов происходит в результате контактирования наций, на которое оказывают влияние различные факторы. Если остановиться именно на взаимодействиях русского языка и казахского, то к этому были причастны такие факторы, как географический, политический, социально-экономический, культурный. Контакты этносов приводят к языковому контактированию. Как известно, существует неразрывная связь между компонентами триады: язык – культура – коммуникация. Если рассмотреть контакты русского и казахского этноса с конца XIX в. до настоящего времени, надо заметить, что в казахский язык проникали слова из русского языка не только в XIX в., но и ранее. Это слова, относящиеся к бытовой сфере: керует – кровать, үтік – угол, өтік – отдых, самаурын – самовар, шабадан – чемодан, үстел – стол, сөмке – сумка. Они подверглись фонетическому освоению представителями казахского этноса. Заимствование слов из русского языка происходило в результате заимствования реалий русской культуры. В казахском языке процентное соотношение исконных и интернациональных слов полностью еще не изучено. Во-первых, заимствование – это долгий процесс, во-вторых, недостаточно ученых-этимологов. В научной среде до сих пор идет полемика о переводе на казахский язык интернациональных терминов. Отечественный лингвист Айгерим Худайбергенова отмечает: «Основное требование, предъявляемое к заимствованию терминов, – не употреблять иноязычное слово, если в родном языке уже функционирует привычный и мотивированный термин с аналогичным значением. Терминологические лакуны желателно заполнять имеющимися интернационализмами. В случае неодинакового уровня мотивированности синонимичных терминов предпочтение должно отдаваться наиболее мотивированным терминам» [Худайбергенова 2003: 28].

С появлением периодической печати слова из русского языка заимствовались с сохранением графической формы. Так, например, Абай Кунанбаев в своих произведениях употребляет такие слова, как семинария, партия. Следует также отметить деятельность казахских просветителей И. Алтынсарина и Ч. Валиханова, которые внесли большой вклад в просветительское дело, распространяя русскую культуру в Казахстане, что, несомненно, оказало влияние русского языкового сознания на отдельных представителей казахской национальности.

Кенесбаев С.К. отмечает, что в послеоктябрьский период казахский язык качественно изменился, что явилось отражением влияния факторов экстралингвистического порядка: 1) смена общественно-экономической формации и образование Казахской Социалистической Республики, изменения в социальном составе носителей казахского языка; 2) миграционные перемещения в Республике; 3) приток огромного потока населения в Казахстан, связанный с освоением новых промышленных районов, индустриализацией и коллективизацией; 4) миграционными процессами в годы войны; 5) освоением залежных земель и т.д.; 6) языковым строительством в Казахстане согласно принципам ленинской языковой политики [Кенесбаев 2002: 128].

Кроме этого, необходимо учитывать результаты следствия интралингвистических факторов. Здесь необходимо говорить о стимулирующем влиянии русского языка, что проявилось в активизации внутренних резервов казахского языка: появились новые слова, новые модели словообразования, словосочетания, изменения в грамматике, расширились социальные функции казахского языка, сформировались новые функциональные стили: научный, производственно-технический, разговорный, появились новые средства выразительности, в частности, в публицистическом стиле. Русский язык явился источником современной научно-технической и общественно-политической лексики; потому что в этот период языковой контакт осуществлялся главным образом в рамках подсоциума таких двуязычных носителей казахского и русского языков, которые, владея двумя языками, усваивают достижения культуры (наука, техника,

культура, политика, литература) на двух языках: в первую очередь на русском и переводят его на казахский. Через посредство русского языка и из русского языка казахским языком заимствуется интернациональная терминология. Например, лингвистическая: *лексема, лексика, диалог, фрикатив, полисемантизм*; литературоведческая: *тип, лирик, памфлет, фабула, эпос*; медицинская: *укол, шприц, рахит, скальпель*; физическая: *магнит, масса, мембрана*; биологическая: *цитолог, эмбриология, протейн*; химическая: *лакмус, парафин*. Мусаев К.М. отмечает изменения такого характера во многих языках, например, в таких словах, как *мұше* (колхоз *мұшесі*), *жарыс* (жарыс *сөз*), *есеп* (теперь означает учет, отчет), *мүсін* (скульптура), *тіл* (орудие общения), *құн* (себестоимость) [Мусаев 2008: 154].

Влияние русского языка на казахский оказывается на количественный рост лексики и на её качество – происходят изменения в семантике слов, потеря старых и приобретение новых значений, появление полисемии в результате расширения значения слова. Некоторые значения в семантической структуре казахских многозначных слов появляются под воздействием изменений, совершающихся в лексико-семантической системе русского языка. В казахских словах появляются новые оттенки значения, которые обусловлены не только метафорическими или метонимическими сдвигами значения под действием внутренних законов исконного языка, но и по аналогии с изменениями, совершающимися в структуре русских слов. Подобные изменения происходят в лексических системах многих тюркских языков.

Влияние русского языкового сознания на языковое сознание казахов детерминировано факторами социолингвистического и психолингвистического характера, так, нами была составлена анкета с целью выявления выбора языка в различных ситуациях общения: на работе, в образовательных учреждениях, на досуге. Анализ анкетирования показал, что русские чаще всего используют родной язык во всех случаях общения как с представителями своей нации так и с представителями другой нации (98 %). Представители казахской национальности могут выбирать язык общения в соответствии с национальностью собеседника. Русский язык чаще всего используется казахами, если они разговаривают: 1) с представителями русской нации, 2) с представителями казахской нации, 3) с представителями другой нации.

Библиография

- http://studbooks.net/837435/literatura/vliyanie_russkogo_yazykovogo_soznaniya_kazahskoe_yazykovoe_soznaniye
Кенесбаев С.К. Современный казахский язык: лексика, фонетика; учебник для вузов. – Алма-Ата, 2002.
Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – Алматы, 2008.
Хасанова Б.Х. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. – Алматы, 2006.
Худайбергенова А. Принципы построения переводного идеографического словаря банковской терминологии (на материале русского, английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, Издательский дом КазГЮУ, 2003.

Речевой портрет Л.Г. Парфенова в выпусках YouTube-канала «Парфенон»

Кобылина Валерия Андреевна

Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск),

3 курс бакалавриата, направление «Филология»

Научный руководитель – Канищева Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент

Речь Л. Парфенова в шоу «Парфенон» на одноименном YouTube-канале представляет особый интерес, т.к. в формате личного видеоблога, который не подвергается цензуре, особенности речевого портрета проявляются более ярко. Теоретическая база исследования – классификация М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, которые выделяют три уровня речи: лексику, тезаурус и прагматикон [Китайгородская 1995: 95].

На лексическом уровне речи Л. Парфенова свойственны стилистические контрасты, сочетание нейтральных, с точки зрения эмоциональной окраски, слов и экспрессивно окрашенных (наряду с профессиональной употребляется просторечная, разговорная, жаргонная лексика). Автор активно использует приемы языковой игры, создает окказионализмы, широко использует другие средства выразительности. Эти особенности придают речи журналиста живой характер, делают ее более эмоциональной и выразительной, привлекают внимание зрителей, расставляют необходимые смысловые акценты, выражают его личное отношение к теме.

Тезаурус – характерные особенности речи, излюбленные лексические обороты и приемы, делающие личность журналиста узнаваемой. Его речи характерно сочетание книжной и сниженной лексики, использование колких метафор, сравнений, эпитетов, свойственно обыгрывание прецедентных текстов как из литературы, так и из политики, киноискусства. Это свидетельствует о высоком культурном уровне журналиста, о понимании взаимосвязей, об умении выстраивать логические цепочки между различными событиями.

Анализ прагматикона предполагает понимание сферы интересов журналиста, включающей в себя историю, культуру, искусство, а в связи с ними и политику. Часто журналист проводит аналогии между искусством и политикой, историей, т.к. исторические и политические события напрямую влияют на культуру и отражаются в ней. Таким образом, анализ лексикона и прагматикона позволяет составить психологический портрет образованного, ироничного, стремящегося дать оценку анализируемым явлениям и объектам действительности человека. Videоблог Л. Парфенова, интеллектуальный по своему содержанию, включает элементы иронии, сарказма, критики, чем привлекает большое число зрителей, вызывает отклик и обратную связь.

Библиография

- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М.: РАН, Институт русского языка, 1995.

Семантическая трансформация лексических единиц в медийной коммуникации

Коврыгина Юлия Владимировна

Кубанский государственный университет (г. Краснодар),

1 курс магистратуры, направление «Филология»

Научный руководитель – Пономаренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор

Медийный дискурс, понимаемый нами как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст, выраженный средствами массовой коммуникации» [Желтухина 2003: 132], является особой платформой современной коммуникации. Коммуникативные возможности СМИ способствуют формированию и расширению новых лексических значений, которые приводят к изменениям лексической системы русского языка. Лексические единицы в медийных текстах особенно трансформативны, поэтому справедливо утверждение, что в настоящее время они составляют особый лексический пласт современного русского языка. Бесспорно, лексика является самым подвижным элементом системы языка. Попытаемся систематизировать тенденции динамических изменений и определить причины их возникновения. Процесс семантического расширения языковых единиц – один из самых частотных в современном медиадискурсе. Это связано, прежде всего, с популяризацией определенных сфер, в частности, «индустрии красоты» и маркетинга. Например, слово *линейка*. Если раньше оно ассоциировалось только со школой и обозначало определенное построение, прямую черту на бумаге или измерительный прибор, то сейчас эта языковая единица используется в значении «набор».

В журнале «Cosmopolitan» встречаем заголовок: «Почувствуй меня, если сможешь: Sloggi представил *линейку* с эффектом второй кожи» [Cosmopolitan: Электронный ресурс]. Очевидно, здесь говорится об определенном наборе косметических товаров, который поможет выглядеть моложе. А в статье Андрея Коноплева «Критерий выживания – качественный портфель» мы заметили, что лексема *линейка* в предложении: «Сформированная в течение 2014 года продуктовая *линейка* на сегодняшний день сохраняется. Изменения коснулись только отдельных параметров, которые были приведены в соответствие с ростом цен на автомобили» [Коноплев 2015] – означает группу продуктов одной торговой марки. Таким образом, семантика лексической единицы расширилась и теперь, в зависимости от сферы употребления, может демонстрировать новые значения.

Заметные трансформации отмечаются в лексеме *метеориты*. Здесь мы наблюдаем переход единицы из терминосистемы астрономии в индустрию красоты со значением: *пудра или румяна в виде разноцветных шариков*. Стоит отметить, что слово в таком значении употребляется только во множественном числе. В популярных журналах лексическая единица в новом значении встречается достаточно часто. Например, в «Vogue» сказано, что фирма Guerlain выпустила «*метеориты*» в фарфоре Bernardaud [Vogue 2019], а в журнале «Live. Love. Look» поясняется: «*Купить Метеориты сегодня можно в самых разных вариантах – как стандартные железные баночки с шариками, так и компактная пудра*» [Live. Love. Look 2015]. Предполагаем, что в основе расширения значения лексемы лежит эффект свечения, свойственный и астрономическому объекту, и косметическому средству.

В медийной коммуникации семантически трансформировалось также слово *забить*. Изначально оно использовалось только в значении «вколотить, загнать в цель»: *забить гвоздь, забить гол, забить копытами*. Сейчас же семантика слова расширилась: у этой единицы, пришедшей в медийный текст из молодежного жаргона, появились и переносные значения: *заполнить, не придавать значения*. Это можем наблюдать в предложениях: «*Нельзя весь свой шкаф забить только Prada, при всем моем уважении к этой марке*» [Филатова 2007]. «*То есть стоит заползти туда, где можно цинично забить на все*» [Додолев 2009].

Интересную оценку этому слову дает Алексей Слаповский в романе «100 лет спустя. Письма нерожденному сыну»: *Сначала ищем «то, что забывают». Но при этом можешь наткнуться на выражения вроде «забить гол», «забить на всё», «забить стрелку», «забить косяк», «забить барана», значения которых я абсолютно не понимаю, хоть сейчас вот и вспомнила неожиданно. Но ясно, что тут о забитии гвоздя нет и речи. И это еще хорошо, но, бывало, человек не знал даже слово «забивать»* [Слаповский 2009]. Так автор подчеркивает, что в современном русском языке трансформируется и сочетаемость этого слова. Теперь *забить* употребляется с предлогом. А это говорит о том, что существительное расширяет свою валентность и употребляется не только с прямым, но и с косвенным дополнением.

Таким образом, медийные тексты в настоящее время являются самой динамичной сферой развития языка, они представляют современную коммуникацию, которой свойственна лексико-семантическая трансформация вербальных единиц. Проблема появления новых слов и значений всегда интересовала классическую лингвистику, но расширение возможностей медийной коммуникации придает ей дополнительную актуальность.

Библиография

Cosmopolitan, 21 августа 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cosmo.ru/fashion/news/21-08-2019/pochuvstvuy-menya-esli-smozhesh-sloggihttps://www.cosmo.ru/fashion/news/21-08-2019/pochuvstvuy-menya-esli-smozhesh-sloggi-predstavil-lineyku-s-effektom-vtoroy-kozhi/predstavil-lineyku-s-effektom-vtoroy-kozhi/>

Live. Love. Look, 17 сентября 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://livelovetlook.ru/beauty/item/55-beauty-face-powder-guerlain-meteorites.html>

Vogue, 4 февраля 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vogue.ru/beauty/news/guerlain_vypustili_meteority_v_farfore_bernardaud/

Додолев Евгений. Кризис жанра // «Новый взгляд». – 2009. – № 9.

Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Институт языкознания РАН. – Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

Коноплев А. Критерий выживания – качественный портфель // «Эксперт». – 2015. – 27 с.

Слаповский А. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // А. Слаповский. – Саратов: «Волга», 2009.

Филатова Н. Центр потребительского притяжения. – М.: Русский репортер, 2007. – № 1.

Риторический аспект коммуникативного поведения современных блогеров (на примере особенностей речи Юрия Дудя)

Крымская Лидия Константиновна

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск),

3 курс бакалавриата, направление «Прикладная филология»

Научный руководитель – Канищева Елена Валерьевна, кандидат филологических наук

Под коммуникацией в целом мы понимаем эффективное синхронное и диахронное взаимодействие личностей, цель которого состоит в передаче информации от одного субъекта к другому. Существует коммуникативное поведение личности, социальной, профессиональной, гендерной, возрастной группы, а также национальное коммуникативное поведение. В коммуникации огромную роль занимает речевой портрет личности. Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность, объединенная с другими личностями в одну социальную общность (национальную, демографическую, профессиональную). В процессе речевого общения раскрывается личность человека. Блогосфера (от английского «blogosphere») – термин, построенный аналогично термину «ноосфера» и ему подобным и обозначающий совокупность всех блогов как сообщество или социальную сеть. Каждый блогер – это источник информации.

Цель работы – рассмотреть и изучить коммуникативное поведение Юрия Дудя – современного журналиста, блогера. Выявить характерные черты и особенности его речевого портрета. **Объектом исследования** является коммуникативное поведение современного блогера Ю. Дудя, предметом – специфика его проявления в авторской программе «ВДудь». Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) изучить понятия коммуникативное поведение; 2) проанализировать понятия «коммуникативное поведение», «риторический портрет» как лингвистические категории. – познакомиться с деятельностью Ю. Дудя; 3) описать лингвориторические особенности речи Ю. Дудя. Материалом нашего исследования стали блоги современного журналиста Юрия Дудя, представленные в выпусках авторской программы «ВДудь».

Стоит коснуться его биографии. Юрий Александрович Дудь (11 октября 1986 г., Потсдам, ГДР) – российский журналист и видеоблогер. Бывший главный редактор издания Sports.ru, с сентября 2018 г. – заместитель генерального директора. Ведущий авторского шоу на YouTube-канале «ВДудь», где представлены интервью известных журналистов, бизнесменов, деятелей культуры, Интернета и политики.

Юрий Дудь является одним из самых популярных блогеров благодаря авторскому каналу «ВДудь». Блогер к каждому интервью готовится очень основательно и тщательно прорабатывает информацию о госте. Журналист обладает харизмой и профессионализмом, который превращает, казалось бы, уже изученный жанр интервью в захватывающее и познавательное открытие, где каждый гость раскрывается по-новому. Для многих становится открытием не только гость, но и сам ведущий Юрий Дудь.

С точки зрения коммуникативного процесса, в поведении Юрия Дудя можно выделить открытую позицию. Она заключается в том, что коммуникатор открыто объявляет себя сторонником излагаемой точки зрения, оценивает различные факты, высказывает свою точку зрения.

Поведение Юрия Дудя в программе можно назвать авторитарным. Он уверен в себе и в той информации, которую озвучивает. Авторитаризм журналиста проявляется и в том, что сам он много говорит и живо реагирует на высказывания гостя. Если ему что-то не нравится или что-то он считает необычным, то обязательно гость и зрители узнают об этом: своего собеседника он либо поддерживает, либо открыто заявляет, что считает это странным.

Также Юрий всегда добивается ответа на свой вопрос. Он ждёт, иногда молчит, предоставляя возможность гостю обдумать и собраться с силами и мыслями (например, диалог с А. Серебряковым про усыновлённых детей). Это подчеркивается в невербальном коммуникативном поведении: его позы, жесты, уверенный тон речи. Его позы тоже говорят о многом: он сидит так, как ему удобно, чувствуя себя свободно и уверенно. В большинстве случаев Дудь принимает такие же позы, что и его гость, таким образом, подстраиваясь под него и располагая к себе.

Программа выходит на платформе YouTube, где дозволено употребление ненормативной лексики. Юрий Дудь использует обценные единицы и позволяет использовать их своим гостям. Юрий, пропагандируя здоровый образ жизни и защищая русский язык, в начале выпусков с присутствием ему юмором предупреждает зрителей об опасностях, которые ждут их в программе, например: «В этом выпуске будут курить. Не забывайте: сигареты – шняга» (выпуск от 30.01.2018 с Александром Невзоровым); «В этом выпуске – одно матерное слово. Будьте к этому готовы» (выпуск от 18.10.2017 с Владимиром Познером). Можно сказать, что Юрий Дудь успешно использует вербальные и невербальные средства установления контакта, потому что ведущий достигает цели: получает ответы на поставленные (даже провокационные) вопросы и имеет огромное количество просмотров выпусков своей программы на YouTube.

Колыбельная песня в пространстве вербального общения матери и ребёнка

Кузнецова Марина Евгеньевна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

4 курс бакалавриата, направление «Теория культуры»

Научный руководитель – Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор

Колыбельная песня – это художественное произведение, состоящее из простеньких картинок, связанных между собой по смыслу и содержанию. Основная задача колыбельной – успокоить ребенка и погрузить его в сон с помощью определенного ритма и плавной, монотонной мелодии. Колыбельная песня выполняет различные функции, существуя в пространстве мира детства. К ним относятся – когнитивная, педагогическая, эстетическая, обрядовая, функция самоидентификации и коммуникативная. Последняя из перечисленных подразумевает под собой установление взаимосвязи между исполнителем колыбельной песни и ребенком при помощи психофизиологических реакций. Коммуникация в этих обстоятельствах происходит в разных направлениях: 1) от взрослого к младенцу (реакция психофизиологических реакций последнего); 2) от младенца к взрослому (ребенок напевает мотив мелодии, доречевой период общения); 3) от старшего ребенка к другому ребенку.

Система коммуникативного пространства колыбельной песни содержит в себе невербальное, музыкальное и вербальное формы общения. Вербальные средства общения включают в себя устную и письменную речь, а они, в свою очередь, лексику, грамматику, семантику, стиль, произношение и т.п. Невербальные средства содержат тембр, прикосновение, жесты.

Предположим, что при исполнении колыбельной песни можно ограничиться невербальными формами коммуникации: напев простенькой мелодии, покачивание, прикосновения, тембр звучания (альт, баритон, лирическое сопрано). Тогда возникает проблема существования слов в колыбельной песне, их взаимосвязь со звуками и мелодией.

Чтобы разобраться в данной проблеме, стоит разобрать структуру колыбельной песни, существующую в настоящем культурном пространстве. Для этого мы составили субъективную схему, не претендующую на научность, но способствующую разрешению выдвинутой гипотезы.

Колыбельная состоит из звуков, формирующихся в мелодию, которая является отличительным маркером песни. Для исполнения колыбельной важен тембр голоса исполнителя, ведь он воспринимается ребёнком на психофизиологическом уровне. Младенец бессознательно различает мать, бабушку, отца, брата и т.п.

Колыбельная песня создаётся в определенной культуре. Здесь можно говорить о разных типах культуры – традиционная, современная; русская, английская, немецкая и др. От этого фактора зависят обстоятельства исполнения колыбельной, которые включают повседневное содержание, предметы быта, детства (колыбель, погремушки, игрушки). Здесь же включаются психические и ментальные особенности исполнителя колыбельной, который составляет слова в текст, наполняя его образами и сюжетами. Колыбельная песня – это культурная единица, обладающая сложной и взаимосвязанной структурой.

Рассмотрим пример традиционной литовской колыбельной песни «Мой сыночек милый». Слова, составляющие текст, преисполнены любовью матери к младенцу. Обращения «сыночек милый», «сыночек малый», «маленький сыночек» передают ребенку уверенность в заботливом и нежном отношении к нему как части семьи [Литовская народная поэзия 2019: Электронный ресурс]. В этой же колыбельной мы встречаем культурные маркеры, птицы и растения обретают символическое значение. «Ты мой соколёнок», «крепенький дубочек» – мать видит в своём сыне здорового, сильного и храброго мужчину, способного в будущем защитить и прокормить свою семью в условиях традиционной культуры. Поэтому в финале мы встречаем такие слова: «Ты расти, сынок, расти здоровым, будешь тятке помогать на пашне». Такого рода колыбельные встречаются довольно часто в культуре земледельцев, в том числе русских.

Слово дает название предметам, без него не существовало бы физического мира в целом. Только определяя вещь, мы даем ему характеристику и придаем ему значение. Так же происходит в колыбельной песне. Слова, составляющие колыбельную, наполняют её смыслом и культурологическим содержанием – эстетическим, ритуальным, семиотическим. При этом текст гармонично сосуществует со звуками. Мелодия и тембр исполнения – это форма, которая способствует более точному восприятию слова. Слово, наполненное личностными переживаниями, эстетическим образом и художественным звучанием, обретает преобразовательную силу, дополняющую и меняющую культурную реальность [Рузер-Браунинг, Ионесов 2018].

Таким образом, можно сделать вывод, что возникновение слов в колыбельной песни обусловлено культурными факторами. Они необходимы для вербальной коммуникации исполнителя и ребёнка.

Библиография

Литовская народная поэзия «Мой сыночек милый» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.koshki-mishki.ru/view-19-28.html> (дата обращения – 24.11.2019).

Рузер-Браунинг У.М., Ионесов В.И. Искусство как опыт преобразования культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. И.Ю. Акифьевой. – Самара, СГИК. 2018. – С. 184–189.

Средства художественной выразительности в русских народных сказках

Леонтьева Валерия Эдуардовна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

2 курс бакалавриата, направление подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»

Научный руководитель – Чиркова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Сказка является одним из самых любимых литературных жанров. В ней присутствует необыкновенный стиль, который наполнен мечтами и фантазиями. Без сказок окружающий мир теряет яркость, особенность и становится скучным и обыденным. Они появились так давно, что определить точно время их рождения практически невозможно. Имена авторов многих сказок нам неизвестны. Вполне возможно, что их сочиняли крестьяне, пастухи, которые часто являлись героями повествования [Федулова 2019: Электронный ресурс]. Крестьянское самосознание было традиционным, оно бережно хранило социальный и духовный опыт, передавая его из поколения в поколение [Чирков 2017: 215]. Сказка – это источник исторического опыта целого народа. Она бережно хранит идеалы, стремления, мысли, память того народа, который ее создал [Лебедева 2019: Электронный ресурс]. Каждое такое произведение народных авторов несет в себе мысль, которая выработалась на протяжении многих столетий. Обращение к духовному наследию не только является важным с точки зрения знания основ культуры, но и имеет огромное нравственное значение [Чирков 2019: 482]. Огромную роль здесь играет художественная особенность сказки. Она создается единством поэтических средств: эпитетов, повторов, метафор и различных стиливых приемов.

С помощью *антитезы* достигается эффект резкого противопоставления внешности разных людей. Серое лицо старшей завистливой дочери не гармонирует с бело-розовыми щеками младшей и самой любимой отцом, который в

одиночестве воспитывает своих детей после смерти жены. При описании физического облика мужчин встречается, например, сравнение кривобокого юноши с его рослыми и стройными ровесниками.

В сказках часто используются *фразеологические обороты*. Они позволяют создать представление о глубине чувств, испытываемых действующими персонажами. Особый эффект их восприятия достигается за счет устойчивых сочетаний лексико-морфологических средств при описании невербальной коммуникации. Так, с помощью фразеологизмов часто передается эмоция страха: «ноги подкосились от страха», «бледнела от страха», «сдва живой от страха». Читатель знакомится с ярким и безграничным миром психологии переживаний, в котором люди «лишаются чувств от испуга», «не могут опомниться от удивления», оказываются «на седьмом небе от счастья». Герои сказок попадают в затруднительное положение и вынуждены идти «куда глаза глядят», а в экстремальных ситуациях заставляют себя «речи мимо ушей пропускать». Фразеологические обороты используются и при описании внешности. При ситуативном проявлении эмоций может меняться лицо, поза персонажа: «лица на нем нет», «развесил уши». Выражение «все на одно лицо» подчеркивает отсутствие ярких индивидуальных характеристик.

Метафоры способны передавать сложные эмоции и чувства человека. Сказочных героев «кручина сдает», у них «разгорается любопытство», «зависть гложет сердце». Социальная ситуация приводит к тому, что «чувство страха надежно селится в душе», а одиночество заставляет «тоску размыкать». Находящиеся рядом субъекты коммуникации могут наблюдать, как от горя у героя «затуманилось в глазах». Конъюнктивные межличностные отношения или долгожданное возвращение родных домой заставляют «сиять счастьем лица». При победе добра над злом «душа светлеет», а главные персонажи не могут «опомниться от радости». Метафоры обычно используются для описания особенностей неречевого общения, но встречаются и в характеристиках диалога сказочных персонажей, которые могут «хлестать друг друга словами».

В русских народных сказках невербальная коммуникация героев получает художественную характеристику за счет образных определений и скрытых сравнений при описании чувств и поведения человека. Хорошо известен целый ряд устойчивых народных *эпитетов*: «горько плакали», «горькая печаль», «лицо мрачнее тучи». Анализ текста сказки показывает, что с помощью эпитетов можно успешно передавать эмоции: «печальный и удрученный», «дикая ярость», «с притворной скорбью», «в мрачных раздумьях», «добродушно смеялся», «великая радость». Посредством эпитетов иногда подчеркивается степень выраженности переживаний сказочных персонажей. Они могут «крепко огорчиться/рассердиться» или «сильно обрадоваться». Применение эпитетов позволяет создавать образные описания лиц («разгоряченные лица»). Внимание уделяется и визуальному контакту героев, которые смотрят друг на друга печальным, нежным, холодным или застенчивым взглядом. В отдельных случаях «горько глядеть», как нехорошо поступают персонажи по отношению друг к другу. Эпитеты способны передать нюансы невербальной программы человека в процессе ведения диалогов [Чиркова 2017: 589]. Сказать или молвить можно одобрительно или с презрением. Случается, что обстоятельства заставляют сказочного героя «жалобно закричать». Известны коммуникативные ситуации, в которых звучат «худые речи», демонстрирующие характер отношения людей друг к другу. Женщины часто обращаются к собеседнику ласково, что-то обещают звонким и чарующим голосом, а мужчины грозно или с досадой спрашивают, гневно кричат. Между собой герои устраивают шумные перебранки, а в иных случаях дружелюбно беседуют и с радостью принимают предложенную помощь. В некоторых конфликтных ситуациях сказочные персонажи просто «слобно молчат». Устойчивые фольклорные эпитеты помогают ярко и точно передавать особенности внешности. Русские женщины отличаются «красой неописуемой». Мужчины признают достоинства своих избранниц. Их берут «за белые руки и целуют в уста сахарные». На фоне описаний типичной сказочной героини неожиданно могут появляться «кривобокие, худые, кривые женщины».

В сказках также часто используется *гипербола*, которая, в соответствии с сюжетом, передает содержание поведенческой модели эмоциональных реакций персонажей. Люди способны «лопаться от злости», «зеленеть от зависти», «кататься от смеха». Наличие в тексте таких гипербол означает отсутствие у сказочных персонажей контроля над собственной невербальной коммуникацией. В определенных ситуациях считается допустимой открытая демонстрация сильных чувств на поведенческом, жестовом и эмоциональном уровнях. Контекстная интенсификация переживаний человека встречается в ситуациях позиционного ожидания [Зайцева, Чиркова 2018: 266]. Сбывшиеся планы и мечты вызывают манифестацию положительных эмоций: «чуть не прыгнула от радости». Неожиданно негативный результат усилий героя или плохие поступки других действующих персонажей вызывают к жизни особый языковой портрет человека, испытывающего отрицательные переживания: «затряса от жадности».

Используя художественный прием *сравнения*, можно передавать эмоциональные состояния людей. Например, человек, который сильно напуган, «точно мертвый лежит». Сказка расскажет о «прекрасных и сверкающих словно солнце» юных девушках, заставляющих юношей сражаться за их любовь, а в случае неудачи «стоять, понутив головы, будто в глубокой печали».

Среди целого ряда художественных средств в тексте сказок встречается и *синтаксический параллелизм*. Он передает особенности коммуникативной направленности участников общения: «видом не видала, слухом не слыхала». Его применяют и при описании внешности людей: «похожи друг на друга, словно братья родные, – рост в рост, голос в голос, волос в волос». В данном случае из дискретных характеристик создается языковой портрет человека.

Все вышеперечисленные литературные приемы ярко характеризуют сказки как жанр народного творчества. Они передавались из уст в уста, тем временем приукрашивались, изменялись, получили свой законченный вид. В них оседала народная мудрость, традиции, а средства художественной выразительности очень ярко их передают; передают национальный колорит.

Библиография

Зайцева И.А., Чиркова Н.В. Библиотека творческого вуза как центр научной коммуникации и креативной проектной деятельности // Диалоги о культуре и искусстве материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. – С. 265–271.

Лебедева К.В. Средства художественной выразительности, характерные для русских волшебных сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/languages/sredstva-xudozhestvennoj-vyrazitelnosti-karakternyye-dlya-russkix-volshebnyx-skazok/> (дата обращения – 23.11.2019).

Федулова А.М. Русские народные сказки и национальный характер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moiarussia.ru/russkie-narodnye-skazki-i-natsionalnyj-harakter/#> (дата обращения – 23.11.2019).

Чирков М.С. Духовно-нравственные ценности в контексте изучения истории в вузах культуры // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Международной научной конференции. – М.: Московский художественно-промышленный институт, 2019. – С. 481–485.

Чирков М.С. Эволюция традиционного сознания русского крестьянства (1910–20-е гг.) // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту: материалы V Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Ч. 1. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2017. – С. 215–220.

Чиркова Н.В. Феномен творчества в дискурсе гуманитарных исследований // Педагогика творчества: личность, знание, культура: материалы Международной научной конференции (К 90-летию профессора Валентина Николаевича Михелькевича). – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2017. – С. 588–594.

Читая Ф.М. Достоевского: слово, образ, метафора
Лукьянова Елена Игоревна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),
4 курс бакалавриата, направление «Теория культуры»

Научный руководитель – **Ионесов** Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор

Как отмечают культурологи: «Проблема социального словотворчества и лингвосемантического конструирования в культурном процессе сегодня предстаёт актуальным предметом культурологических и социально-философских исследований в различных ракурсах художественно-речевых и коммуникативно-стилистических манифестаций меняющегося общества» [Ионесов 2018]. В этой связи полезным представляется обращение к литературному наследию Ф.М. Достоевского, точнее, к текстам его художественных сочинений, способности выражать в слове нечто большее, чем обычный лексический образ или сюжет, но что-то глубоко сакральное, корневое, антропологически значимое...

Стиль Достоевского всегда отмечался его особым отношением к применению метафор и использованию слов, которые точно и эмоционально передают состояние героев и их окружение. «Слово – та же деятельность, а у нас – более чем где-нибудь», – писал Ф.М. Достоевский [Цит. по: Карякин 1989]. Отдавая явное предпочтение сравнению, Достоевский на протяжении всего творчества использует метафоры достаточно «экономно» (вероятно, поэтому вопрос о метафорах в произведениях Достоевского остался, по существу, вне поля исследователей). Такая «сдержанность» по отношению к одному из самых распространенных в художественной литературе видов тропов в сочетании со спецификой его содержания и употребления, безусловно, концептуально значима, т.к. является выражением авторского видения реальности. Достоевский однозначно художник, который «презирает всякую украсу, все звучные слова и метафоры, если они не лиричны, и все только живописные сравнения».

Редкий пример использования поэтической метафоры в прямом ее назначении, представляющей в основе своей живописное сравнение, мы находим в «Братьях Карамазовых» [Достоевский 1987] в великолепном и почти единственном такого рода образе ночной природы, которая соотносится с преображенным душевным состоянием Алеши: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд». Чаше поэтическая метафора дается Достоевским в «стертом» варианте, создавая ироничный подтекст, призванный выразить несоответствие субъективных притязаний персонажей и его подлинного человеческого или социального статуса, а также шаблонные, неадекватные представления героев о реальности: «...когда-то вы выговорили одно слово <...> и это слово озарило всю черную ночь моей жизни и стало для меня маяком» («Идиот», из письма Г. Иволгина); «...Фома Опискин будет сыт одним благородством своей души!» («Село Степанчиково и его обитатели»); «Единственно для того, чтоб просветить ваш ум <...> и облить вас лучами новых идей, решился я требовать от вас генеральского титула» («Село Степанчиково и его обитатели»); и др.

Метафора в мире Достоевского также «участвует» в создании общей атмосферы произведения или его фрагмента, привнося в художественный текст нужную интонацию, необходимые эмоционально-смысловые оттенки: «Всё в этой квартире теснилось и жалось («Идиот»); «Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рожиной жизни» («Идиот»); передает психологическую подоплеку происходящего, внутреннее состояние персонажа: «Глаза запрыгали и забегали» («Нечотка Незванова»); «Она приковалась глазами к моему лицу» («Записки из подполья»); «...Я так долго сидел закупоренный в Петербурге» («Село Степанчиково и его обитатели»); «...Мне даже самому показалось, что я, олицетворенный бред и горячка, уселся напротив олицетворенной золотой середины и прозы» («Подросток»). Это метафоры, образованные по принципу олицетворения или овеществления. Достоевский блестяще использовал не только экспрессивность метафоры, но и ее возможности неожиданно уподоблять самые разные предметы и явления, по-новому осмысливая их, обнажая их внутреннюю природу. С помощью метафоры художник демонстрирует ярчайшую способность, которую он считает обязательным атрибутом настоящего искусства [Харченко 1991]: находить «одно слово, но самое нужное слово». Так создается в его произведениях «художественная терминология», в основе своей имеющая именно метафоричное начало: «...но ветوشка-то эта была не простая, ветوشка эта была бы с амбицией...» («Двойник»); «ретортный человек» («Записки из подполья»); «Невозможность — значит каменная стена? Какая каменная стена? <...> законы природы, выводы естественных наук, математика <...> Природа вас не спрашивается... Вы обязаны принимать ее так, как она есть <...> Стена, значит, и есть стена...» («Записки из подполья»); «А адвокат известно, что: адвокат — "нанятая совесть"» («Подросток»). Художественный термин «не констатирует явление, как бы до существования термина известное, а подчиняет себе явление», его содержание «чрезвычайно емко и велико, оно включает не только существенные логические признаки, но и огромное число признаков эмоциональных» (Д. Лихачев): «Идея, попавшая на улицу» («Бесы»); «Тут есть некоторый как бы "пьедестал". Потому что, во всяком случае, можно было бы сделать то же самое, не обижая себя...» («Подросток»); «Сапожность процесса пугала меня. Впрочем, действительность и всегда отзывается сапогом, даже при самом ярком стремлении к идеалу...» («Подросток»).

Метафора Достоевского обладает высочайшей степенью художественной информативности, заставляя читателя увидеть обозначенное писателем явление с неожиданной стороны, постичь его сокровенный, внутренний смысл.

Библиография

- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в четырёх частях с эпилогом. – М.: Советская Россия, 1987.
- Ионесов В.И. О словотворчестве как трансформации культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. И.Ю. Акифьевой. – Самара, СГИК, 2018. – С. 134–140.
- Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. – 626 с.
- Харченко В.К. Функции метафоры. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.

Музыкально-поэтическое народное творчество как неотъемлемый элемент современной культуры

Морийо Уэртас Даниэла Мариель (г. Кито, Эквадор),

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону),

Научный руководитель – **Ширяева** Оксана Витальевна, доктор филологических наук

Эквадор – это страна, отличающаяся большим разнообразием во многих аспектах, и музыкальная сфера не является исключением. В Эквадоре много традиционных музыкальных жанров, однако мы сосредоточимся на представлении наиболее важных и популярных ритмах и песнях. Самая главная мелодия Эквадора – это гимн – ода Эквадору и дань памяти героям, освободившим нас от испанского ига. Текст гимна рассказывает историю Эквадора со времен колонии до достижения свободы народа. Музыка для гимна была написана Антонио Нейманом, французом, который долгое время жил в Эквадоре, а текст – Хуаном Леоном Мера.

В культуре Эквадора, как и в культуре России, есть музыка и песни, которые исполняются в особых случаях. Когда у кого-то день рождения, то исполняют „*Cumpleaños Feliz*“/«С днем рождения тебя!» или „*Las mañanitas*“/«*Каравай*». Есть также рождественские колядки, которые чаще всего слушают во время Рождества. В колядках поют о рождении младенца Иисуса. У русских тоже принято колядовать – ходить от дома к дому, петь песни и просить праздничное угощение.

Еще одним важным моментом, который мы хотели бы подчеркнуть в отношении эквадорской музыки, является исполнение фольклорной музыки, например, бомба, музыкальный жанр африканского происхождения, родом из долины Чота. Это ритм, созданный афроэквадорским населением. Это мелодия всегда звучит на различных фестивалях в долине Чота и широко известна, особенно в Северном Эквадоре. Также традиционным является танец „bomba“.

Еще одной традиционной мелодией является „San Juanito“. Это традиционный ритм, который можно услышать на различных праздниках, например, День Кито. Эта живая и танцевальная музыка родом из провинции Имбабура, которая находится на севере Эквадора.

Как отдельный жанр выделяется эквадорский пасийо, который стал иконой эквадорской музыки. Он имеет грустный и меланхоличный ритм, обычно это песни о разбитом сердце, о разочаровании в любви. Самым известным эквадорским представителем этого жанра был Хулио Харамильо из Гуаякиля, его самая известная песня – «Наша клятва».

В настоящее время эквадорская музыка слилась с иностранными ритмами, однако её традиционная сущность сохраняется. Сама популярная мелодия на сегодняшний день – это песня „Yo pasé aquí“ композитора Хуана Фернандо Веласко. Буквально в нескольких четверостишиях автору удается изобразить Эквадор и рассказать о его истории, о том, как сила его народа превалирует над всеми трудностями. Как мы уже говорили, Эквадор – это страна, отличающаяся большим культурным разнообразием, и очевидно, что это не все, что может предложить Эквадор.

Библиография

travel247 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://travel247.ru/country/america/1113-turizm-ehkvadora> [дата обращения – 25.09.2019].

Калинин А.И. Государственный строй Эквадора. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1959.

**Язык кино в медиaprостранстве современной России:
опыты и культурные практики социальной репрезентации**

Никитина Полина Дмитриевна

Самарский государственный институт культуры (г. Самара),

4 курс бакалавриата, направление «Межкультурная коммуникация»

Научный руководитель – **Ионесов** Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор

Современная культура формирует новые ландшафты коммуникации в плотном взаимодействии различных сфер креативной деятельности. Это обстоятельство отмечается в работах многих культурологов, психологов и экономистов [Белкин, Ионесов 2016; Ганиева 2017: Электронный ресурс; Герасимов, Ионесов 2018; Простяков 2014; Розин 2015; Фрейлих 2005]. В этой связи интерес представляет художественный язык кинематографа. Как семантически ёмкий комплекс визуально-коммуникативных артикуляций, язык кино проецирует и ретранслирует социально значимые смыслы и значения, в которых «прочитываются» различные интонации, намёки, метафоры, образы и сюжеты быстро меняющейся культуры [Лотман 1973].

Феномен кинопремьеры в медиaprостранстве современного мира весьма неоднозначен. Несмотря на сравнительно недолгую историю, киноиндустрия, со вступлением в эпоху всемирной глобализации массмедийного пространства, совершила мощный прорыв гласности и освещаемости в СМИ. Благодаря техническому прогрессу и оснащённости всевозможными необходимыми девайсами съёмочный процесс обрёл свободу в реализации, ограничивающуюся лишь творческим потенциалом создателей кино и объёмом капиталовложений в реализуемый кинопродукт. То, ради чего создаётся кинокартина, её конечная отправная точка – премьера – не просто показ кино в назначенную красивую дату, с приглашённой съёмочной группой и сотнями баннеров и афиш, кричащих о предстоящем событии в мире кинематографии. Кинопреьера – особый ритуал со своим алгоритмом и языком, преподносящийся как некий праздник – день рождения нового фильма.

Премьера фильма в России, прогрессирующая в соответствии с заданными мировыми стандартами, всё чаще внедряет в социально-культурные практики новые способы привлечения потенциальных зрителей и имеет право сравни-

ваться с всемирно известными голливудскими аналогами. Прибытие «киноиндустрии» в Россию было неслучайным – один из операторов компании братьев Люмьер, Камилл Серф, запросил официальное прошение о съёмке коронации императора Николая II, тем самым сняв первый в истории фильм-репортаж, а также распространив киноискусство в нашей стране. За более чем вековую историю многое изменилось. Главное: кино стало социализированным явлением. Если первые фильмы преподносились более как досуг для знатных сословий и высокопоставленных особ, то сейчас кино – наиболее доступный и популярный вид развлечения общества в целом, имеющий целью массовую культуру. Поэтому кинопреьера сейчас – отдельное событие, целый ритуал, берущий своё начало задолго до старта съёмочного процесса. И данный факт накладывает особый отпечаток на вектор развития современной киноиндустрии.

Вступление человечества в XXI в. было ознаменовано процессом бурного технического прогресса, развитием разнообразных средств коммуникации, реформированием всех сфер человеческой жизни посредством интеграции с новыми технологиями, лидирующее место среди которых заняли аудиовизуальные формы представления информации, в частности, институт кинематографии.

Под волну изменений в связи с техническим прогрессом попала и кинопреьера. Процесс кинопрееры длится весь съёмочный процесс и только по завершению пост-продакшена знаменуется заключительной презентацией массовому зрителю в торжественной обстановке, предвещающей начало путешествия по многочисленным кинотеатрам страны. Режиссер, киноактеры, авторы сценария, все создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента – это письмо, послание зрителям. Но, чтобы понять послание, надо знать его язык.

Кинопреьера – некий символический ритуал, имеющий свой алгоритм. К настоящему моменту сложилась определённая формула воплощения фильма в жизнь, и этот глобальный путь от первого кадра до выхода в широкий прокат и грандиозной мировой презентации начинается с пре-продакшена.

Пиар-кампания – основной, самый продолжительный и самый важный этап в продвижении фильма, практическая часть нацеленности кино на массового зрителя. Именно во время работы пиар-кампании формируется основная аудитория кинопроекта и привлекается внимание наибольшего числа зрителей. И именно здесь завязывается эстетическая составляющая культурной практики репрезентации кинематографического произведения. В настоящее время рекламное продвижение фильма представляет собой набор единых знаковых составляющих в глобальной площадке средств массовой информации. В этот набор входят современные аудиовизуальные средства массовой информации – трейлеры и тизеры, различающиеся по длительности анонсируемого материала, реклама в сетке теле- и радиовещания, а также новое веяние моды – моушн-постеры, представляющие собой анимированную афишу фильма, транслирующуюся в сети Интернет и на разнообразных медиаплощадках.

Всевозможные кинофестивали как отечественного, так и международного порядка также играют важную роль в рекламе будущего фильма. Они являются очередным своеобразным трамплином по судейской части готовящегося к выходу в свет кино, в частности, привлекая внимание прославленных кинокритиков, мнение которых весьма авторитетно и зачастую определяет судьбу картины в прокате. Однако мнение критиков и зрителей часто не совпадает, и это довольно символическая параллель с различиями специфик элитарной и массовой культур. Хотя мнение «авторитетов» кино весомо, успех фильму в прокате обеспечивают как раз зрители, т.к. если картина нацелена на массового зрителя, то для кинокомпании и дистрибьюторов важна будет её непосредственная коммерческая прибыль.

Как совокупность социально-культурных особенностей, тесно связанная с обществом, кинопреьера располагает своим собственным, уникальным языком. Этот язык составляют все основные и вспомогательные фазы алгоритма кинопрееры. Каждый этап, помимо своего главенствующего предназначения, имеет символический подтекст, знаменующий не просто механическое превращение очередного фильма в жизнь, с уже имеющимся набором периодизации премьерных этапов – каждый раз эта схема воплощается с индивидуальными изменениями, привносящими в стандартную процедуру новые возможности реализации. Изменения зависят практически от всех факторов, отличающих одно кино от другого – жанр, принадлежность к массовой или элитарной культуре, компьютеризированность съёмочных локаций. Так, в практическом воплощении – одни фильмы презентуются массовому зрителю, другие не имеют продуктивной пиар-кампании, обходясь узким кругом просмотров, третьи не выходят в широкий прокат, но собирают овации критиков на различных кинофестивалях.

Каждый фильм индивидуален. Неизменно лишь одно обстоятельство, объединяющее все творения института кинематографии, – самый первый показ.

Библиография

Белкин А.И., Ионесов В.И. Коммуникация в контексте сознания и социодинамики культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5. – № 4.

Ганиева Э.Р. Кино и телевидение как одни из основных факторов формирования визуальной культуры зрителя / Э.Р. Ганиева // Молодой ученый. – 2017. – № 21. – С. 59–61 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/155/43912/> (дата обращения – 21.09.2019).

Герасимов Б.Н., Ионесов В.И. Перспективы взаимодействия культуры, экономики политики в современном мире / Б.Н. Герасимов, В.И. Ионесов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 8. – С. 9–17.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973.

Простяков А. Как устроен кинопрокат? / А. Простяков. The Village. – М., 2014.

Розин В.М. Особенности культурологического дискурса / В.М. Розин // Культура культуры. – 2015. – № 1.

Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского / С.И. Фрейлих. – М.: Академический проект, 2005.

Русский код в монгольской культуре

Нурлан Умит (г. Баян-Улгий, Монголия),
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
Научный руководитель – **Фролова** Ольга Андреевна

Монголия – далекое, загадочное государство, родина великого завоевателя Чингисхана. Ее очень часто называют «Страной голубого неба». Это страна скалистых гор, озер, бескрайних степей и пустыни Гоби. В Монголии прекрасные природные пейзажи, много буддистских храмов и, конечно же, гостеприимные местные жители с самобытной уникальной культурой.

Монголия располагается в Восточной и Центральной Азии. На востоке, западе и юге граничит с Китаем, а на севере – с Россией. Эта страна не имеет выхода к морю. Общая площадь Монголии – 1 564 120 кв. км, а общая длина государственной границы – 8 220 км. Монголия делится на 21 аймак, которые, в свою очередь, имеют в своём составе 330 сомонов. Столица Монголии – Улан-Батор, в нем сейчас проживают около 1,3 млн человек. Улан-Батор был построен в 1639 г., вначале на его месте был буддистский монастырь. Официальный язык населения Монголии – монгольский, относящийся к урало-алтайской языковой семье. Около 50 % населения Монголии исповедует буддизм (в частности, тибетский буддизм), 40 % населения – атеисты. Еще 6 % монголов – сторонники шаманизма и христианства, а 4 % – мусульмане. В Монголии проживает много национальностей, в том числе – русские. Более 10 % иностранных граждан в стране – это граждане России. По данным посольства РФ, в Монголии постоянно проживают более 2000 российских граждан, из них 1300 живут в столице страны – в г. Улан-Баторе.

Монголия впервые заключила с Россией соглашение о дружбе в 1912 г. после обретения независимости. Историки считают, что первые русские переехали в страну еще до заключения этого соглашения. А после ряды переселенцев дополнили представители «белой эмиграции». С 1920-х гг. началось углубление отношений двух стран, которое сопровождалось потоком советских специалистов и рабочих, которые участвовали в индустриализации Монголии.

Когда-то для монголов русский язык был необходимым и самым важным иностранным языком. Для Монголии СССР был мостом для общения с миром, во всех средних школах и вузах русский язык был в числе обязательных предметов. Но после демократической революции страна начала расширять отношения с другими государствами, монголы начали интересоваться другими языками, особенно английским. И в период с 1994 по 2005 гг. русский язык резко сдал свои позиции. Однако монголы до сих пор считают нужным учить язык соседней страны, и в последние годы те, кому небезразлично образование детей, выбирают школы с русским языком. Поэтому в последние годы в стране растет количество школ и детских садов с углубленным изучением русского языка, где преподают учителя из России. Тем самым из года в год увеличивается и численность русских, работающих в Монголии.

Для местных и временно проживающих в Монголии русских одним из главных мест встречи является Российский центр науки и культуры в Улан-Баторе. Это место, где собираются не только русские, но и все желающие узнать русскую культуру. Российский центр науки и культуры был открыт в 1976 г. Здесь проводятся культурные и научные мероприятия, музыкальные фестивали, кинопросмотры, научные семинары и проходят курсы русского языка. Другое место, где собираются местные русские, – храм Святой Троицы. В районе, где живёт много русских, находится единственная в Монголии православная церковь. Сегодня этот храм является не только центром сбора всех православных Монголии – при храме работают разные кружки для детей: кружок русского языка, изобразительного и гончарного искусства. У храма более 150 постоянных прихожан.

Хотя после демократической революции Монголии культурное влияние России уменьшилось за счет расширения контактов с другими странами, в стране все еще очевидно присутствие русской культуры. В монгольский язык вошло множество русских слов, от названий автозапчастей до названий предметов повседневного обихода, сохранились и русские географические названия. Например, участок территории района Баянзурх, где находится Троицкий храм и проживает много русских, монголы до сих пор называют «Жуков», поскольку здесь находятся дом-музей и памятник маршалу Георгию Константиновичу Жукову. Также недалеко от столицы находится участок «Гордоок». Это омонголизированный вариант слова «городок». До 1990 г. здесь находился военный городок Красной армии, а после ухода советских военных здесь стали жить монголы. В столице и провинциях Монголии сохранились примеры монументального искусства, где прославляется дружба и совместные достижения двух народов.

Библиография

- Единархова Н.Е. К истории русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры. – 1999. – № 1.
Русский консул в Монголии: Отчет Я. Шишмарева о 25-лети деятельности Ургинского консульства. – Иркутск, 2001.

Восприятие личности и творчества П.И. Чайковского в Латинской Америке

Санабрия Рохас Томас Андрес (г. Богота, Колумбия),
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
Научный руководитель – **Скуратова** Елена Александровна

Что такое музыка Чайковского? Это красота, сила, решимость, просто живая история. Любое прилагательное не сможет описать Чайковского, который через свои оперы, балеты и концерты завоевал неоспоримое место в культуре России и всего мира. Чтобы узнать суть этой личности, недостаточно просто слушать его произведения, нет, чтобы его понять, необходимо совершить путешествие по жизни Чайковского и по России, в которой он жил. Многие писатели часто ссылаются на одну фразу: «России нужен Чайковский», которая лично мне кажется очень любопытной и справедливой. В данной работе, опираясь на эту фразу, мы сможем ответить на вопрос: почему многие латиноамериканцы, и я в том числе, очарованы музыкой Чайковского?

Пётр Ильич Чайковский родился 7 мая 1840 г. В доме Чайковских часто звучала музыка. Его родители увлекались игрой на фортепиано и органе. В возрасте пяти лет Петр Чайковский уже умел играть на фортепиано, еще через три года превосходно играл по нотам. Учиться поступил в училище правоведения Петербурга, но никогда не переставал заниматься музыкой. После окончания училища он стал служить в Департаменте юстиции, но вскоре поступил в кон-

серваторию Петербурга. Дальнейшие занятия в жизни Чайковского у великолепных преподавателей во многом помогли формированию музыкальной личности. После окончания консерватории композитор Чайковский был приглашен Николаем Рубинштейном в Московскую консерваторию на должность профессора.

30 января 1869 г. в Большом театре состоялась премьера оперы Чайковского «Воевода». Однако несколько лет спустя, в 70-х, Петр Ильич уничтожил оперу, сохранив только небольшую часть материала.

Всего Чайковским было создано 10 опер. Две из них он уничтожил, а восемь остальных, к счастью, сохранились.

В 1877 году, чтобы избавиться от сплетен о гомосексуальных наклонностях, Чайковский женился на Антонине Милуковой. В то же время близко общался с Надеждой фон Мекк – богатой любительницей музыки Чайковского. Петр Ильич пытался покончить жизнь самоубийством, но позже он навсегда уехал от жены. Этот отрезок биографии Чайковского наполнен чувством вины автора по отношению к себе. Благодаря материальной помощи Надежды фон Мекк композитор много путешествует. С 1881 по 1888 гг. им было написано множество произведений, в частности, опера «Евгений Онегин», вальсы, симфонии, увертюры, сюиты. Наконец, в биографии Петра Ильича Чайковского установился спокойный творческий период, тогда же автор сам смог дирижировать на концертах. Умер Чайковский в Петербурге 6 ноября 1893 г. от холеры.

Может быть, из-за погоды, исторических условий или просто из-за особенностей характера русских, из-за того впечатления, которое они производят, пока не узнаешь их поближе, очень удивляешься, как в этом обществе может сформироваться личность вроде Чайковского, который поражает уровнем своей восприимчивости.

Только-только приехав в Россию, я чувствовал себя немножко испуганно, т.к. взгляд людей был очень холоден и невыразителен. И если бы мы судили о людях просто по их взгляду, то мы могли бы подумать (и при этом ошибиться), что они бесчувственные и в их душах нет места прекрасному. Это было бы грубой ошибкой, т.к. Чайковский говорит нам, что это не так. Чтобы убедиться в этом, нам надо послушать и посмотреть, например, «Лебединое озеро», чтобы узнать, как он выражал чувства. Конечно, не каждый человек так глубоко чувствителен, как Чайковский, но факт того, что он жил и был таким, какой он есть, и что его произведения на протяжении веков трогают души порой угрюмых русских, говорит нам о том, что русский народ не чужд сентиментальному.

Хотя Чайковский часто бывал за границей, он никогда не забывал о своей родине. Например, когда Петр Ильич дирижировал своими сочинениями в Нью-Йорке, Балтиморе и Филадельфии, он писал своему приятелю: «Меня принимали там восторженно; успех был огромный... Но теперь мне приятно обо всем этом вспоминать; находясь же там, я все время страшно тосковал по России и всей душой стремился домой».

Из письма Чайковского Надежде фон Мекк (Флоренция, 9/21 февраля 1878 г., четверг, 10 часов вечера): «...Как бы я ни наслаждался Италией, какое бы благотворное влияние ни оказывала она теперь на меня, – а все-таки я остаюсь и навеки останусь верен России... Я не встречал человека, более меня влюбленного в матушку-Русь вообще и в ее великорусские части в особенности... Напрасно я пытался бы объяснить эту влюбленность теми или иными качествами русского народа. Качества эти, конечно, есть, но влюбленный человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, – он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголку Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне; они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято».

Актуальный и вневременной характер музыки Чайковского подтверждается тем, насколько она популярна в современном кинематографе. В 2010 г. премия «Оскар» досталась Натали Портман, сыгравшей балерину, которая помешана на мечте станцевать главную партию в «Лебедином озере». И это не единственный фильм, в котором Портман играла главную роль под музыку Чайковского: в фильме «V – значит вендетта» звучит его увертюра «1812 год».

Каждый раз оперы, концерты, симфонии П. Чайковского завоевывают концертные залы и театры в Латинской Америке. Они становятся частью обязательного репертуара любого симфонического оркестра, также с годами проводится много фестивалей, носящих его имя, он выполняет, таким образом, роль посла русской культуры. Как уже было сказано, Чайковский создавал музыку, европейскую музыку на все времена, как и его предшественники Моцарт, Бетховен, Шопен и Бах. Но ещё он вложил в эту музыку красоту русской души. Чайковский комбинировал красоту и силу музыкальной манеры предшественников. Он показал, что человек из страны, о которой существует ряд стереотипов о холодности и безэмоциональности людей, может подарить миру талантливые работы, настолько прекрасные, как «Лебединое озеро», бесчисленные концерты и другие чудесные произведения. Чайковский разрушает стереотипы и переходит границы. Можно сказать, что Чайковский нужен не только России, но и всему миру.

Библиография

Ковалевский Г.В. Из прошлого к веку нынешнему: к проблеме восприятия личности и творчества П.И. Чайковского // Вестник РХГА. – 2018. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-proshlogo-k-veku-nyneshnemu-k-probleme-vospriyatiya-lichnosti-i-tvorchestva-p-i-chaykovskogo> (дата обращения – 13.11.2019).

Феминативы: языковая мода или необходимость коммуникации

Сироткина Ксения Дмитриевна

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург),

1 курс специалитета, направление «Судебная и прокурорская деятельность»

Научный руководитель – Феденева Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент

В XXI в. четко прослеживается тенденция к увеличению имен существительных женского рода в русском языке. Под действием общественно-политических настроений, стремительных изменений в мировоззрении общества и вопросов гендерного равенства начинает формироваться огромная масса феминативов.

Само слово «феминатив» пришло к нам из латинского языка (от лат. *femina* – «женщина») и прочно закрепилось в русском языке в значении существительного женского рода, которое обозначает женщин. Подобные слова образованы от однокоренных существительных мужского рода и являются парными к ним [Самойленко, Стеклёнева 2019: 126].

Зачастую они нам знакомы в значении профессиональной принадлежности, социального положения и места жительства. Например: пианистка, капитанша, немка.

Использование этого класса слов очень актуальна и для правовой сферы. Феминативы часто используются в судебной практике, например, при обращении прокурора к участникам процесса: «гражданка», «свидетельница», «супруга» и т.д. Некоторые феминативы даже встречаются в текстах различных нормативно-правовых актов: кодексах, федеральных законах, федеральных конституционных законах и прочих. С недавнего времени в разговорной речи стал употребляться такой феминатив, как «истица».

Данная тенденция была намечена еще с момента становления русского языка в XI в. и продолжает развиваться до сегодняшнего дня. Пиком образования и распространения феминитивов считаются XIX–XX вв. Именно в этот период протекает активная борьба за равенство мужчин и женщин в профессиональной и иных сферах. Увеличивается количество женщин во многих нетипичных для них профессиях: появляются крановщицы, телеграфистки, лектрисы, авиаторши и др., но в то же время сохраняются и понятия, применяемые для обоих полов (прокурор, юрист, врач).

Говоря о феминитивах, следует уделить большое внимание понятиям общего рода. Общий род зависит от того, лицо какого пола понимается под данным именем существительным. Существительные общего рода можно разделить на три группы: некоторые личные имена, несклоняемые фамилии и характеризующие имена. Так, например, если произносим имя Женя без какого-либо контекста, мы не можем определить, мужского или женского пола это лицо. Для точного понимания сказанного необходимо иметь хотя бы одно согласуемое с данным именем слово. Услышав «пришла Женя», человек понимает, что речь идет о какой-то девушке по имени Евгения. Фамилия Ким может принадлежать как мужчине, так и женщине, и только после появления другой информации о представителе этой фамилии мы можем утверждать, какого он или она пола («А. Ким выступила с докладом на сегодняшнем собрании»). По такому же принципу мы можем определить половую принадлежность слов «плакса», «сирота», «изгой» и т.д. [Майданова 1993: 155].

Ответить на вопрос, является ли рост класса феминативов только откликом на активизацию феминизма, или же современной тенденцией в развитии норм русского языка, однозначно нельзя. В каждой версии есть доля истины.

Феминативы образуются путем использования различных суффиксов, таких как -ш- (генеральша), -их- (купчиха), -ис- (директриса), -есс- (стюардесса), -к- (студентка) и т.д. Некоторые суффиксы изменяют значения слова. Так, например, слово «прокурорша», образованное от лексемы «прокурор», вовсе не означает, что речь идет о государственном обвинителе. «Прокурорша» – это жена прокурора, и не более. Именно за суффиксом -ш-, имеющим немецкое происхождение, еще в XIX в. закрепилась функция образования феминативов в подобном значении («генеральша», «капитанша» и другие). Но в XXI в. этот суффикс начинает утрачивать свою роль, и с его помощью образуются феминативы, обозначающие профессию женского пола. В настоящий момент «прокурорша» – это прокурор женского пола.

Зачастую мы можем увидеть в толковых словарях рядом с различными феминативами пометы (разг.) и (устар.) Например, в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой слово «следовательша» снабжено стилистической пометой *разг.*, означающей, что оно может употребляться исключительно в устной неофициальной речи.

Многие женщины считают существование феминативов проявлением равенства мужчин и женщин уже на уровне языковых норм. «Почему есть «адвокат» и не используется «адвокатша» или «адвокатки»?» – вопрос, над которым уже сейчас размышляют и филологи, и нефилологи.

Феминативы необходимы не только для восстановления справедливости в гендерном плане, но и для упрощения коммуникации в повседневной жизни. На сегодняшний день широко распространены различные сообщества в социальных сетях, где женщины активно выступают за увеличение количества феминативов в нашей речи. Кроме того, существует онлайн-сервис, который способен из имен существительных мужского рода образовывать существительные женского рода. Он называется «Феминизатор слов» и открыт для свободного пользования. Этот факт свидетельствует о популяризации данного средства коммуникации.

Если привычные нам феминативы уже давно вошли в нашу речь и были закреплены в словарях, которые подтверждают их нормативность, то лексемы «докторка», «юристка», «профессорка» кажутся чуждыми или просторечными. В юридической практике, которая устанавливает жесткие правила, к феминативам относятся весьма скептически. Большинство не считает появление подобных форм необходимым и полагает, что в конечном итоге это может привести к засорению языка. Действительно ли это так?

Вероятно, новые феминативы (такие как «авторка», «блогерка», «режиссёрка» и т.п.) должны пройти тщательный отбор, чтобы по праву считаться языковыми средствами. Такая тенденция намечается и в юридической лексике, но пока только в разговорной речи («адвокатша», «прокурорша», «истица» и др.). Поэтому только время может показать, являются ли феминативы проявлением языковой моды или необходимостью.

Библиография

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (дата обращения – 09.11.2019).

Майданова Л.М. Практикум по современному литературному языку: для студентов-журналистов. – Екатеринбург: Изд-во Урал, 1993. – С. 155–157.

Самойленко Н.С., Стеклёнова А.А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ / Н.С. Самойленко, А.А. Стеклёнова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2019. – № 2.

Актуальные проблемы перевода художественных текстов на русский язык

Сисеналиева Гульнара Ренатовна

Казахско-Русский Международный университет, (г. Актобе, Казахстан),

2 курса бакалавриата, направление «Переводческое дело»

Научный руководитель – Емельянова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук

Перевод художественного текста – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности, в процессе которого сталкиваются различные культуры, разные личности, складывающиеся мышления, литературы, эпохи, традиции и установки. В основе перевода художественного текста лежит передача мысли, содержания оригинала, которое выражается

еще раз в переводе, но уже с помощью других средств, образующих иную систему знаков, имеющих свои собственные законы.

При переводе художественного текста необходимо учитывать прагматическую задачу перевода, заключающуюся в достижении желаемого коммуникативного эффекта, направленного на читателя. Прочтя художественное произведение в переводе, читатель должен почувствовать силу литературного таланта автора оригинала. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала. В связи с этим художественный перевод может быть приравнен к коммуникативному переводу. «В сущности, то, что в обиходе часто называется литературным и, в частности, художественным переводом, на самом деле представляет собой именно коммуникативный перевод, учитывающий – или программирующий – прагматику получателя» [Казакова 2002: 15].

Принимая во внимание прагматический аспект перевода художественного текста, под художественным переводом мы будем понимать вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода, равное тому воздействию, которое оказывает данное художественное произведение на исходном языке. Отличительная черта художественного перевода заключается в том, что при переводе имеет место столкновение двух культурных систем, неизбежно порождающее смешивание культурных тенденций. Текст перевода в тематическом и стилистическом отношении характеризуется тем, что в нем взаимоперекрываются две культуры. Каждый перевод в большей или меньшей степени отражает это противоречие, обозначаемое в рамках переводческой коммуникации термином «межпространственный фактор в переводе» [Попович 1980: 131]. Задача переводчика – выровнять этот фактор. Каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и переводчику необходимо выбрать наиболее подходящий смысловой оттенок в данном контексте языка перевода [Лосев 1981: 410]. Сравнивая художественные тексты с логическими (любые тексты нехудожественного характера), В.В. Сдобников и О.В. Петрова выделяют ряд отличий художественных текстов от любых других. Итак, художественные тексты отличаются: 1. Способом описания действительности, которая в художественном тексте представлена в виде образа. 2. Целью создания текста: помимо эстетического воздействия на читателя, художественный текст призван сформировать отношение читателя к содержанию художественного произведения. 3. Характером и способом передаваемой информации. Прежде всего, художественный текст характеризуется высокой степенью образности, кроме того, часть информации может быть передана имплицитно, за счет особого свойства художественной литературы, называемого «смысловой емкостью». «Это свойство проявляется в способности писателя сказать больше, чем говорит прямой смысл слов в их совокупности, заставить работать и мысли, и чувства, и воображение читателя» [Назин 2007: 38]. И наконец, в пределах художественного текста язык тоже становится носителем информации, поэтому произведение художественной литературы представляет собой многократно закодированный текст, что обуславливает его множественность прочтений и истолкований. 4. Степенью активности читателя: художественный текст предполагает определенную степень «домысливания», «сотворчество» читателя при создании произведения. 5. Наличием авторской позиции, образа автора, которые и создают внутреннее единство художественного текста. 6. Композиционным разнообразием. 7. Высокой степенью национально-культурной и временной обусловленности. 8. Самодостаточностью, поскольку любое художественное произведение можно рассматривать как произведение искусства.

По отношению ко всем этим особенностям, характерным для художественного произведения, и выявляется индивидуальная манера писателя, сохранение и передача которой являются первоочередными задачами переводчика. Однако эти задачи являются трудновыполнимыми, поскольку любой перевод неизбежно ведет к замене тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода, а выбор варианта перевода имеет субъективный характер, ориентированный на личность переводчика. В этом случае неизбежно возникает противоречие: с одной стороны, чтобы осуществлять художественный перевод, переводчик сам должен обладать литературным талантом, т.е., по сути, быть писателем. С другой стороны, чтобы быть писателем, нужно иметь свое эстетическое видение мира, свой стиль и манеру письма, которые могут не совпадать с авторскими. Таким образом, при переводе происходит столкновение двух творческих личностей, предполагающее либо сотрудничество, либо конфликт. Для того чтобы оно стало сотрудничеством, переводчик должен «не просто глубоко вникнуть в авторскую эстетику, в его образ мыслей и способ их выражения, он должен вжиться в них, сделать их на время своими. Для полноценного перевода требуется глубокое знание всего творчества автора и всех обстоятельств создания переводимого произведения» [Сдобников 2007: 409–410].

В отличие от переводов, к примеру, научных текстов, перевод художественных произведений можно в полной мере сравнить с искусством, чьей задачей является не буквальная передача текста, а нечто большее. Сложность перевода художественных текстов можно объяснить специфическими способами отражения мира в разных языках и различием культур, к которым принадлежат языки перевода и оригинала, из-за чего дословный перевод зачастую просто не в состоянии передать всю глубину художественного произведения. Далеко не каждый, даже практикующий, переводчик в состоянии качественно перевести художественное произведение, т.к. зачастую переводчику приходится не столько репродуцировать текст на иностранном языке, сколько создавать его заново, предварительно всесторонне осмыслив оригинал. Для создания грамотного литературного перевода переводчик должен обладать умением интерпретации игры слов, способностью передачи художественных образов. Следовательно, переводчик художественных произведений – это не просто человек, в совершенстве владеющий двумя языками, это также и писатель. Русский писатель Александр Иванович Куприн очень метко об этом сказал: «...для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык, а надо еще уметь проникать в глубокое, живое, разнообразное значение каждого слова и в таинственную власть соединения тех или других слов» [Куприн 2007: 26]. Иными словами, перевод художественного произведения не есть просто буквальный, дословный перевод текста, и зачастую художественный перевод текста может не совпадать с оригиналом, т.к. главная задача – чтобы перевод означал для носителей языка перевода то же самое, что значило исходное высказывание для носителей своего языка. Следовательно, переводчик излагает на бумаге свое видение, понимание художественного текста. Проведя анализ перевода и сопоставив результаты с оригиналом текста, можно определить уровень, художественный вкус, широту писательского кругозора и особенности мировоззрения переводчика.

Библиография

- Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian; учебное пособие. / Т.А. Казакова. – СПб.: Лениздат; Изд-во «Союз», 2002. – 320 с. (Изучаем иностранные языки).
- Куприн А.И. Юнкера. – М.: Эксмо-Пресс, 2007. – С. 1–78.
- Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности / А.Ф. Лосев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 5.
- Назин А.С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» и его переводах на русский язык: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Назин. – Екатеринбург, 2007. – 201 с.
- Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М.: Высшая школа, 1980. – 198 с.
- Сдобников В.В. Теория перевода: (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 448 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).

Нарушение языковой нормы как средство выразительности в вербальных интернет-мемах

Шолохов Матвей Александрович

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск),

3 курс бакалавриата, направление «Филология»

Научный руководитель – **Пелихов** Денис Александрович, кандидат филологических наук, доцент

Согласно мнению исследователя В.А. Михайлова [Михайлов 2004: 42], виртуальная сфера становится новой полноценной средой человеческой коммуникации, наряду с письменной и устной. Вполне предсказуемо появление в ней нового искусства: как авторского (сетевая литература), так и фольклорного. Свой аналог устное народное творчество находит в сфере комического: огромное распространение во Всемирной сети получают так называемые интернет-мемы. Это понятие происходит от термина «мем/мим», введенного британским философом Ричардом Докинзом [Докинз 1993: 215] и обозначающего единицу передачи культурной информации, репликации (ключевой характеристикой понятия является «вирусный» способ распространения: объект создает копии самого себя путем захвата человеческого сознания). Примером мемов, по Докинзу, являются выражения, песни, идеи.

Виртуальная сфера коммуникации стала новой средой для репликации, в которой возникло множество мемов (коэффициент их распространения и развития увеличился в разы). Однако значение термина «интернет-мем» закрепилось именно за проявлениями комического. Юмор Интернета вобрал в себя все особенности виртуальной среды: виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность. Он стал одним из проявлений « сетевого искусства », а потому в плане формы и содержания развивался в схожих с другими видами искусства направлениях.

Искусство постмодернизма, преобладающее в мировом культурном пространстве на данный момент, отличается тем, что на первый план выходят необычность формы, сложность восприятия и зачастую оттенки сюрреализма. Данные особенности перенеслись и на интернет-мемы. На первом этапе развития они представляли собой типичных персонажей, закрепившиеся образы, которые говорили что-то от своего лица. Либо фейсы – более сложные персонажи, олицетворяющие определенную эмоцию. Однако стандартный юмор, формат анекдотов и мемов содержания «Узнали? Согласны?» (данное словосочетание само по себе является мемом, высмеивающим старые форматы юмора) надоел пользователям виртуальной Сети. На данный момент самые популярные мемы представляют собой сочетание картинки и текста (креолизованные мемы, по классификации Ю.В. Щуриной [Щурина 2012: 168]), содержание которых находится в рамках так называемой постиронии, «трешового» и иногда бессмысленного юмора. Эта характеристика переходит и на формальную сторону мемов.

Интерес для нашего лингвистического исследования представляет вербальная часть креолизованных мемов. Проведем здесь аналогию с ближайшим видом искусства – литературой (по критерию вербальности). Тенденция к уходу от классического юмора к постиронии (юмор, близкий к «трешу», основанный на принципе « настолько несмешно, что смешно ») схожа с тенденцией модернизации литературы: появления направления футуризма, а затем и постмодерна. В данных течениях также ключевую роль играла формальная сторона, а одним из основных средств выразительности стали различные нарушения норм (от нарушения языковых норм до создания собственных слов).

Итак, рассмотрим типологию нарушений языковых норм, используемых в качестве средств художественной выразительности в интернет-мемах: 1) фонетическая имитация; 2) визуальная стилизация; 3) абстрактные языковые единицы.

Под фонетической имитацией мы понимаем какую-либо, включающую замену одних конкретных звуков на другие, орфографические эрративы, а также при необходимости – полное отсутствие пунктуации. Ярким примером развитой фонетической стилизации является «олбанский йезыг» или «йезыг падонкафф», популярный в начале 2000-х [Кронгауз 2013: 8]. Он представляет собой гротескную пародию на речь неграмотных интернет-пользователей. Правилом этого языка – соблюдение фонетического соответствия с нарушением максимально возможных норм орфографии («как слышу, так и пишу»). Другой пример – вербальная составляющая мемов про лемунов из серии «узбагойся». Все нарушения в данной группе являются отражением фонетического дефекта говорения «в нос»: «Збогийный гаг лемур».

Визуальная стилизация – более сложное нарушение языковой нормы, включающее в себя не только эрративы, но и визуальные изменения слов, по факту не являющиеся орфографическими ошибками. Функциональная роль этого приема также тяжело поддается объяснению. Это одно из проявлений постиронии: очень часто посты стилизуются под устаревший безвкусный юмор, часто свойственный социальной сети «Одноклассники», а нарушения языковой нормы добавляют эффект саркастичности. Либо такие мемы являются совершенно бессмысленными, глупыми, иногда трешевыми, в чем и кроется комический эффект, а визуальная стилизация только усиливает его. Рассмотрим примеры из паблика «ВКонтакте» «Мемы про котов (по ржать)». Уже в его названии мы видим написание приставки отдельно от основы, создающее трешевое-комичный эффект, но не являющееся типичной ошибкой. Отметим, что в этой среде существуют определенные правила и нормы. Основным жанром являются «лобстер-мемы» (наименование произошло от названия шрифта) – изображение чаще всего животных в странных ситуациях с еще более странными и комичными

подписями. Например, фотография татуировки, изображающая котенка, который видит в своем отражении тигра, и подпись: «эта тотуировка значит что я одно временно милый котык и злой тигар вот такакая я необычная глубокая личность». Таким образом, данный мем высмеивает свойственные современным людям попытки казаться «не такими, как все». Сочетание саркастичного текста с визуальной стилизацией, наигранность и глупость содержания в максимальной степени создают эффект комичности.

Абстрактные языковые единицы – явление нарушения словарной нормы путем создания слов, не соответствующих фонетическим и орфографическим законам языка, т.е. языковых единиц, которые в естественной среде просто не могли бы существовать. Примером являются ставшие популярным в 2019 г. слово «ъеъ» и все его производные (подстановка других гласных). Данная языковая единица не имеет лексического значения и используется в совершенно любом смысле, а также совершенно невозможна к прочтению. Например, распространена картинка с изображением кота с неестественно открытым ртом (язык свернут в трубочку) и подписью «ъеъ», что означает «попытку» животного произнести данное буквосочетание. «Суть ъеъ в отсутствии самой сути, что прекрасно собирает в себе принцип вот этих всех постироничных мемов», – утверждает автор мема Артем Ефремов [Memepedia]. Существует множество других похожих мемов, имеющих совершенно абстрактное («ъпръ рпыъ») или очень размытое значение.

Таким образом, нарушение языковой нормы не только перестало быть ошибкой, но и стало средством выразительности в новой культурной среде, которая требует все более и более изысканных и сложных методов воздействия на пользователей. Это произошло и с интернет-мемами, которые из обычных смешных картинок превратились в концентрацию сарказма и «треша», что вызывает безусловный интерес у пользователей и чему способствует прием нарушения языковой нормы.

Библиография

- Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
 Михайлов В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. Михайлов // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.
 Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. – М.: Corpus, 2013. – 288 с.
 Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. – № 3. Филология. – Екатеринбург, 2012. – С. 160–172.
 Энциклопедия мемов. Memepedia: ЪЕЪ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://memepedia.ru/eу/>

ЗАОЧНОЕ УЧАСТИЕ

Психолингвистические методики в процессе обучения РКИ

Ван-Чан-Жоу Анна Александровна

Уральский государственный педагогический институт (г. Екатеринбург),
 2 курс магистратуры, направление «Филология»

Научный руководитель – Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор

Ведущим подходом в обучении русскому языку как иностранному (далее РКИ) в настоящее время является коммуникативный (коммуникативно-деятельностный) подход Е.И. Пассова, И.А. Зимней. Его цель – научить студентов использовать язык для решения различных коммуникативных ситуаций и затруднений. Студент – активный субъект образовательного процесса, постоянно включённый в образовательную деятельность.

Вопрос о разработке наиболее эффективных способов обучения русскому языку студентов-иностранцев до сих пор является одним из самых актуальных в теории и практике преподавания РКИ. К психолингвистическому подходу в практике РКИ обратились совсем недавно. Он позволяет измерить эффективность какого-либо метода обучения для носителей определённого языка и обосновать это теоретически. Попытки описать соответствие методов особенностям обучения некоторых групп студентов предпринимались и ранее (И.А. Стернин, «Русский речевой этикет»). В выступлении ректора Хейлунцзянского университета Янь Цзэе было отмечено: сопоставительный метод наиболее продуктивен при обучении русскому языку [МАПРЯЛ 2015]. Благодаря инструментам психолингвистики можно сделать выводы об особенностях восприятия студентами-иностранцами русского языка более конкретными, что помогает в разработке новых технологий обучения РКИ, создании комфортных условий получения знаний.

На важность учёта особенностей восприятия указывал С.Л. Рубинштейн. Восприятие – существенное звено познавательной деятельности, обусловленное исторически через культурный опыт предков, полученный в результате познания окружающей действительности, и индивидуальный опыт личности; оно целостно, константно, опирается на определенную картину мира, сложившуюся у индивида в процессе его социализации, что и обуславливает его особенности [Рубинштейн, 2002: 275–289].

У каждого народа или нации существуют свои особенности восприятия информации, обусловленные национальной картиной мира, репрезентированной в системе языка. В психолингвистике восприятие включено в понятие латерального профиля. Он характеризует особенности не только самого восприятия, но и обработки, воспроизведения и хранения информации, а также специфику когнитивных стратегий и эмоциональной сферы личности [Коновалова 2015: 12]. Латеральный профиль становится инструментом, позволяющим более точно описать особенности восприятия обучающихся разных национальностей и, в соответствии с характеристиками, подобрать методы обучения.

Китайский язык тесно связан с образностью. Иероглиф – графический образ слова или слога, знак, предназначенный для обозначения морфа, а иногда и целого понятия [Ожегов 2012: 531]. Пример наглядности – изобразительные иероглифы. Китайский язык идеографичен: в символе – идея, завершённый гештальт. Работа с такими образами тесно связана со зрительным каналом восприятия, позднее результат закрепляется кинестетически, посредством движения руки при написании иероглифа. Обработкой поступающей информации в этом случае занимается правое полушарие головного мозга, оно образует больше нейронных связей и развито сильнее. Носители китайского языка – правополушарные визуалы.

Сказанное подтверждается и дидактически. В методической литературе по РКИ для носителей китайского языка даются следующие рекомендации: а) предпочтение должно отдаваться наглядным материалам, т.к. визуальные образы воспринимаются обучающимися лучше; б) лучший вариант систематизации материала – таблицы и схемы; в) важна опора на текст и словарная работа, т.к. учащимся легче дается выделение частного из целого, чем восприятие целого, хотя в то же время текст должен восприниматься как целое.

Цель работы преподавателя РКИ в такой аудитории – создание наиболее эффективных упражнений в опоре на латеральный профиль для лучшего восприятия материала. Для разработки упражнений эффективно использовать в качестве основы следующие психолингвистические технологии: метод направленного ассоциативного эксперимента (далее НАЭ), методы вероятностного прогнозирования (заполнения речевых лакун, завершения высказывания), метод сопоставления, материал для воздействия на основной канал восприятия – визуальный: фильмы, схемы, таблицы.

Фрагменты фильмов, с нашей точки зрения, наиболее удачный материал. Он позволяет познакомить студентов с мимикой, жестами, интонацией, т.е. воздействовать можно сразу на 2 канала восприятия: основной (визуальный) и побочный (аудиальный). Для воздействия на визуальный канал удобно также использовать таблицы и схемы, мультимедийные презентации, иллюстрации, тексты. В презентации полезно дублировать упражнения для лучшего воздействия на основной канал восприятия.

Моделировать задания необходимо с учётом особенностей межполушарной асимметрии обучающихся (доминирование правого полушария). Выбирая в качестве основы упражнения НАЭ, преподаватель опирается на активность, подвижность правого полушария при подборе реакции на стимул для завершения гештальта. Такие упражнения наиболее эффективны в начале обучения. Пример упражнения: «Продолжи ряд: привет, здравствуй...».

Таблицы не только способ представления информации, но и основа упражнений на сопоставление. В данном случае учитывается латеральный профиль в целом: наглядно в виде таблицы представлена учебная информация (задействован зрительный канал восприятия), от учащихся требуется конкретная операция – соотнесение, за выполнение которой отвечает именно правое полушарие.

Методы вероятностного прогнозирования при создании упражнений не менее эффективны: подсознательное стремление завершить гештальт, получить целостный образ приводит к успешному пониманию функциональной стороны слова, помогает запомнить типовой контекст. Применять такие упражнения лучше на занятиях с достаточно подготовленными студентами. Пример такого упражнения – восстановление пропусков в повреждённом тексте («Вставь верное междометие: ... твоя помощь важна для меня»).

Необходимо учесть ряд факторов: важно верно распределять время на работу, не забывать просить студентов искать аналоги в родном языке, т.к. за счёт проведения операций сопоставления материал усваивается лучше; необходимо также использовать аудиовизуальный ряд, что облегчит обучающимся считывание интонации, что особенно важно у некоторых частей речи, например, у междометий.

Библиография

- Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности. – Екатеринбург: УрГПУ, 2015. – 121 с.
 Ожегов С. Толковый словарь русского языка; под ред. проф. Л. Сворцова. – 28 изд., перераб. – М.: Оникс. 2012.
 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 570 с.
 Вакула Е.А., Колесникова В.В., Можаяева Е.Ю. Особенности преподавания русского языка как иностранного китайским слушателям на начальном этапе обучения // Современные проблемы науки и образования / Издательский дом «Академия естествознания» – 2018. – № 4. – С. 38–39.
 Вербицкая Л.А., Рогова К.А., Попова Т.И. и др. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). – В 15 т. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015.

Употребление предлогов «в» и «на» в речемыслительной практике: «математический аспект»

Иванова Светлана Ивановна

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» (г. Сочи),
 1 курс, профиль «Математика и информатика», СПФ, гр.19-МИ

Как известно, «Предлог – служебная часть речи, обозначающая отношение между объектом и субъектом, выражающая синтаксическую зависимость имен существительных, местоимений, числительных от других слов в словосочетаниях и предложениях. Предлоги, как и все служебные слова, не могут употребляться самостоятельно, они всегда относятся к какому-нибудь существительному (или слову, употребляемому в функции существительного). Вследствие своей синтаксической несамостоятельности предлоги никогда не выступают в качестве членов предложения. Они обслуживают управление как вид подчинительной связи, будучи связанными с управляющим компонентом словосочетания [Предлог: Электронный ресурс]. Существует весьма развитая классификация предлогов. Классификация по происхождению и строению относит предлоги «в» и «на» к непроизводным (древнейшие предлоги). В классификации по структуре указанные предлоги относятся к простым (состоят из одного слова), а в классификации по отношениям эти предлоги относятся к группе пространственных [Там же]. Известно, что функциональные отношения (отображения) бывают инъективными, сюръективными и биективными.

Сюръекция (сюръективное отображение, от фр. *sur* – «на», лат. *actio* – «бросаю») – отображение $f: X \rightarrow Y$, при котором каждый элемент множества является образом хотя бы одного элемента множества, т.е., иными словами – функция, принимающая всевозможные значения. Говорят, что сюръективное отображение $f: X \rightarrow Y$, отображает X на Y .

Инъекция (инъективное отображение, от английского *in* «в») в математике – отображение $f: X \rightarrow Y$, при котором разные элементы множества X переводятся в разные элементы множества Y , т.е., если два образа при отображении совпадают, то совпадают и прообразы: $f(x)=f(y) \rightarrow x=y$. Инъекцию также называют вложением или одно-однозначным отображением. В отличие от сюръекции, про которую говорят, что она отображает одно множество на другое, об инъекции $f: X \rightarrow Y$ аналогичная фраза формулируется как отображение X в Y .

Биекция – это отображение, которое является одновременно и сюръективным, и инъективным. При биективном отображении каждому элементу одного множества соответствует ровно один элемент другого множества, при этом

определено обратное отображение, которое обладает тем же свойством. В соответствии с определением естественно утверждать, что можно говорить как об отображении $f: X \rightarrow Y$ одного множества на другое, так и об отображении $f: Y \rightarrow X$ одного множества в другое.

Рассмотрим, как язык отображений в математике «отображается» на (в) соответствующие «конструкции» русского языка. Сюръективные отображения находят свое выражение при использовании предлога «на». Например, надеть шляпу на голову, накинуть пиджак на плечи, т.е. элементы одного множества (шляпа) «покрывают» элементы другого множества «голова» и т.д. Понятно, что никому не придет в голову употребление выражений «надеть шляпу в голову», «накинуть пиджак в плечи» и т.д. Инъективные отображения связываются с предлогом «в». Например, «кошка зашла в комнату», «налил чай в стакан» и т.д., т.е. элементы одного множества (кошка) «инъецируются» в элементы другого множества «комната» и т.д. Опять же не употребляются выражения типа «кошка зашла на комнату», «налил чай на стакан» и т.д.

В ряде случаев не возникает противоречий между употреблением инъективных («в») и сюръективных («на») предлогов. Например, «человек в пальто» и «пальто надето на человека», т.е. существует взаимное отображение «множеств» «пальто, человек» – фраза содержательна как в «прямом», так и в «обратном направлении». Однако в русском языке можно найти и отсутствие взаимного отображения «множеств». Например, «Кошка Сильва зашла в комнату». А «обратное отображение» – «Комната зашла на кошку Сильву» – уже не имеет смысла.

Отдельного внимания заслуживает употребление предлогов «в» и «на» при использовании их в ситуациях, связанных с обозначением местоположения человека. Еще лет двадцать назад совершенно естественным было употребление оборота речи «поехать на Украину», но при этом все ехали в Белоруссию, в Эстонию, в Таджикистан, в Европу, и т.д. Да и Т.Г. Шевченко писал: «Как умру, похороните на Украине милой...» И исторически относительно недавно стало возможным использование словосочетания «поехать в Украину» – для самосознания и самоидентификации украинцев смена предлога в этом выражении «на» на «в» имела, как известно, принципиальное значение.

Возникает вопрос: в каких случаях все-таки надо использовать предлог «на», а в каких – «в» в рассматриваемом выше контексте проблемы, чтобы это было грамотно и, что не менее важно, предложение с этими предлогами понималось однозначно? Выше был обозначен подход (элементы математической теории бинарных отношений) к разработке соответствующих правил.

Используя представления о бинарном отношении между множествами, можно сформулировать условия употребления предлогов «в» и «на» в русском языке – они дадут возможность унифицировать их употребление и привнесут большую упорядоченность в использовании «математических» предлогов как средства ясного и однозначно понимаемого смысла выражений для эффективных коммуникаций как в науке, так и в повседневной речемыслительной практике человека.

Библиография

Предлог. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Предлог>

Ироническое употребление оценочных слов в публицистике

Ишанова Гульназик Муратовна

Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова (г. Атырау, Казахстан),

4 курс бакалавриата, направление «Русский язык и литература в школах с нерусским языком обучения»

Научный руководитель – Карташова Анна Нахемовна, кандидат филологических наук, доцент

«Ирония – троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики. Ирония чаще всего имеет место в высказываниях, содержащих положительную оценку, которую говорящий (пишущий) отвергает» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 159]. Из этого определения следует, что иронически используемое слово всегда является оценочным. Раскрытие и объяснение иронической связи автора с объектом оценки зависит от контекста. К иронии склонны оценочные слова, которые выражают положительную или отрицательную оценку. Слово, обладающее ранее положительным значением, получает противоположный заряд в ироническом контексте. И наоборот, слово с отрицательной оценкой в ироническом употреблении может восприниматься как положительное. В языке публицистики часто иронически используются оценочные прилагательные. Собранный нами материал позволил выделить следующие их типы: 1. Прилагательные с положительной/отрицательной оценкой. 2. Прилагательные с увеличителями (интенсификаторами) или уменьшителями (деинтенсификаторами) степени признака.

Прилагательные, выражающие положительную оценку, являются наиболее распространенными; во многих случаях ирония рассматривается как осуждение или издевательство, замаскированные под одобрение, похвалу (например, определение иронии О.С. Ахмановой: «Троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления») [Ахманова 1969: 185]. Например: «*Может быть, люди имеют в виду то, что вы в ответе за развал СССР? – Это хорошая шутка! Вы думаете, я один мог развалить империю, самую большую страну в мире, с миллионами людей, огромной бюрократией, КГБ и армией? Это ерунда*» (КП, 14.06.2012). Или: «*И очень важен аспект, Грачева. Представь, что так через... триста лет люди в России станут умнее, а следовательно – нравственней, благородней. И вот какой-то порядочный молодой вдруг узнает по ДНК, что пращур его был министром-вором, иль пращуриха пугалась с тем министром... И это известие просто убьет порядочного потомка*» (КП, 05.04.2013).

Прилагательные с отрицательной оценкой также могут употребляться авторами публицистических текстов иронично. Например, в тех случаях, когда говорящий (пишущий) иронически поддерживает отрицательную оценку состояния, рассказанную собеседником, на самом деле так не считая [Ермакова 2005: 95]: «...что люди не угнетены, беспечно шутят. Девушка ликовала: «Люди восприняли это как подарок – на чём заработать? как привлечь туристов?» В общем, аморальный рынок в действии...» (ЛГ, 20.02.2013).

Иногда насмешка, высказанная отрицательно заряженными оценочными прилагательными, перенаправляется от одного объекта оценки к другому: «...после чего воодушевлённый поддержкой мэтра ведущий (Виктор Ерофеев, пе-

редача «Апокриф». – Г. И.) заявил, что «Пер Гюнт» – это коллаيدر литературы, который разгоняет и даёт нам представление... О чём даёт представление, взволнованный Виктор так и не сказал. Как говорила Дашенька из чеховской «Свадьбы», «они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном». Только прошу уважаемого писателя не обижаться на Дашеньку, она просто дура **безграмотная**. А вы большой и грамотный. Вроде» (ЛГ, 04.05.2011). При этом, иронично оценивая героиню пьесы Чехова, автор высмеивает интеллектуальные возможности ведущего телевизионной программы.

В словах с увеличителями (интенсификаторами) или уменьшителями (деинтенсификаторами) степени признака ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, оценки, характеристики: она присутствует в преувеличении воображаемой похвалы, в преуменьшении отрицательной характеристики, свойственной объекту в высшей степени, и мало реагирует на умеренность оценки, характеристики и т.д.

Высокая степень проявления «похвалы» может заключаться в самом слове (*Замечательно!*) или выражаться с помощью интенсификаторов: *очень приятная новость (плохая весть)* [Ермакова 2005: 106].

Оценочные слова могут иронически употребляться с различными интенсификаторами: «По законам Арканзаса и Техаса – штатов, родных для последних двух президентов США, начавших незаконные точки зрения международного права войны в Югославии и Ираке – за такие преступления полагается смертная казнь. Но дома американские президенты так себя не ведут – здесь они **вполне достойные** джентльмены: играют на саксофоне, катаются на велосипеде, держат под рабочим столом любовниц, на худой конец, давятся бубликом и падают с дивана. Все в рамках приличий. Но стоит им выйти за калитку – прячься, кто может». (РИА Новости, 22.02.08). Ср.: **достойные** президенты, **очень достойные** президенты, **такие достойные** президенты, **наидостойнейшие** президенты. Семантический результат в каждом случае будет зависеть от выбранного интенсификатора или деинтенсификатора.

Ирония как один из способов имплицитного выражения оценки используется авторами публицистических текстов для воздействия на мысли и чувства аудитории. Собранный нами материал показывает, что прилагательные действительно выполняющая важнейшую роль в формировании оценочности медиатекста. Использование иронии как одного из средств выражения скрытой оценки усиливает роль контекста в языке СМИ, позволяет авторам публикаций манипулировать мнением аудитории, проявлять свое критическое отношение к обсуждаемым проблемам.

Библиография

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова; изд. 2-е, стереотип. – М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
- Ермакова О. Ирония и ее роль в жизни языка / О. Ермакова. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
- Ермакова О.П. Ирония и проблемы лексической семантики / О.П. Ермакова // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 2002. – С. 30–36.
- Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Караулов Ю.Н.; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

Языковые средства пополнения молодежной жаргонной лексики

Косали Нургүль Раимбердиевна

Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова (г. Атырау, Казахстан),

4 курс бакалавриата, направление «Русский язык и литература в школах с нерусским языком обучения»

Научный руководитель – **Карташёва** Анна Нахемовна, кандидат филологических наук, доцент

Пополнение любого национального языка связано с особенностями характера номинации его отдельных лексических подсистем. В русском языке самым продуктивным способом пополнения словарного состава современного молодежного жаргона являются аффиксальная деривация, метафорический и метонимический перенос, иноязычные заимствования.

Аффиксация – самый продуктивный тип морфологического словообразования и в современном русском литературном языке, и в жаргоне. Новое слово создается посредством присоединения к основе образующего слова или к слову в целом тех или иных аффиксов. Аффиксация продуктивна как с исконно русскими, так и с иноязычными корнями: *накосячить* – «совершить ошибку, испортить», *обломать* – «сорвать чьи-либо планы»; «совершить *облом* кому-либо», *облом* – «1. Неудача, крушение надежд. 2. В знач. межд. – выражение разочарования, досады из-за неудачи», *тормоз*, *тормозила*, *тормозок* – «медленно соображающий человек, тугодум», *тормознуть* – «сразу не сообразить, не понять», *тормозной* – «тупой, медленно соображающий», *тормозняк* – «заторможенность», *отмазать* – «избавить кого-либо от неприятностей, защитит», *отмазаться* – «1. Отвертеться, избежать чего-либо. 2. Оправдаться», *отмазка* – «оправдание, алиби».

Производящей основой новообразований в современном молодежном жаргоне могут быть слова и основы литературных и жаргонных единиц. Например, в жаргонизме *нефонтан* – «плохо, некрасиво» производящей основой является литературное слово *фонтан*, а в жаргонизме *беспонтово* – «бесполезно, глупо, непривычно, плохо, неинтересно, невыгодно» производящей основой выступает основа жаргонизма *беспонтовый* («неинтересный, скучный, немодный, невыгодный»). Носители жаргона используют основные виды аффиксальной деривации: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный, постфиксальный.

Наряду с аффиксацией, большую роль в пополнении молодежного жаргона играет метафорический и метонимический перенос. Молодые люди часто создают и используют метафору, стремясь к более точному и яркому определению предмета или явления, к экономии речевых средств. В современном молодежном жаргоне в основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов, например: цвет: *шоколадка*, *уголек*, *негатив* – «негр», *зебра* – «штрихкод на продаваемом товаре»; звук: *шуришать* – «говорить», *базар* – «шум, беспорядок»; форма: *пузырь* – «бутылка спиртного», *рубильник*, *паяльник* – «нос»; физическое действие: *раздеть* – «обокрасть», *цирк на льду* – «веселые, дурачество», *пахота* – «тяжелая, напряженная работа»; ощущения и психическое действие: *северное сияние* – «коктейль из водки с шампанским», *кровельные работы* – «психиатрическое лечение»; размер, объем: *толстый* – «заслуживающий особого уважения», *сошка* – «мелкий преступник»; назначение: *камуфляж* – «макияж», *вратарь* – «вышибала в ресторане, баре»; положение в пространстве: *чердак*, *башня* – «голова», *хвост* –

«несданный зачет или экзамен»; время: *мамонт* – «старший по возрасту», *нафталин* – «древность, старость» и др.

В отличие от метафоры, перенос значения при метонимии совершается не на основе сходства, а на основании смежности, т.е. соприкосновения вещей в пространстве, во времени и т.п. В современном молодежном жаргоне встречаются типичные случаи метонимии, связанные с такими отношениями, как: предмет, вещество, характерные для какой-либо отрасли – субъект: *халат* – «студент медицинского вуза», *черпак* – «повар», *принтер* – «учитель информатики» и др.; материал – изделие из этого материала: *кожа* – «кожаная куртка», *металл* – «деньги», *бумага* – «журналы» и др.; место – изделие: *аптека* – «фармакологические средства, употребляемые не для лечения»; место – человек, находящийся там: *Африка* – «негр»; причина – следствие: *потеть* – «волноваться», *гастрит* – «дешевый пирожок», *тошиловка* – «столовая».

Жаргонизмы могут образовываться и на основе *синекдохи*, т.е. переноса названия с части на целое и с целого на часть (*букварь* – «зубрила», *мальборина* – «любая сигарета»). Метонимические единицы позволяют говорящим более кратко сформулировать мысль и служат, как и метафоры, источником образности. Некоторые единицы метонимии носят эвфемистический характер, заглушевают негативную суть называемых денотатов: *травы* – «наркотики для курения», *стекло* – «лекарства в ампулах, употребляемые как наркотики».

В формировании словарного состава молодежного жаргона участвуют и иноязычные заимствования. В современном молодежном жаргоне встречаются заимствования из разных языков: из немецкого (*аллес* – «конец, финиш, краш», *натринкаться* – «напиться», *натюрлих* – «безусловно, обязательно, конечно»), французского (*сак* – «лоботряс, бездельник, лодырь», *сельяуха* – «жизнь», *нютитить* – «ночевать») и других языков. Однако наибольшее количество современных молодежных жаргонизмов заимствуется из английского языка: агриться – «злой, раздраженный», байтить – «копировать чей-то стиль или идеи», краш – «увлечение», «объект обожания», сасно – «дерзкий», «нахальный», флексить – «гнуть», «сгибать», хейтить – «ненавидеть», «публично унижать», бинджвотчинг – «смотреть», броманские – «другие».

Библиография

Земская Е.А. Словообразование / Е.А. Земская // Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999. – С. 18–26.

Химик В.В. Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование. – СПб., 2004.

Языковая личность современного студента-филолога в зеркале интерпретации художественного текста

Пичковская Екатерина Сергеевна

ГУО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно, Беларусь),
3 курс бакалавриата, направление «Русская филология»

Научный руководитель – Антонова Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать.

Г.И. Богин [Богин 1980: 3].

Феномен языковой личности [ЯЛ], привлёкший к себе внимание учёных в первой трети XX в. в связи с осмыслением роли языка и языковой картины мира в становлении человека и социума [Вайсгербер 2004, Виноградов 1980], за 90 лет не только определил научный интерес к «человеческому фактору» в языке как не случайный и устойчивый, но и потребовал найти адекватную ему методику рассмотрения языковых феноменов. Как результат – сегодня в ЯЛ стержневое интегративное системообразующее филологическое начало, фундамент антропологистики [Кочеткова 1996: 15]. В связи с антропологическим миромоделированием человека и социума утверждены, наряду с традиционными (формальным и семантическим), два новых подхода к языку – когнитивный и коммуникативный, которые прирастили науку изучением продуктивности языка (т.е. процесса освоения мира языком) и направили на изучение эффективности языка (т.е. влияния языковой картины мира на языковую общность [Вайсгербер 2004]). При этом всё по-прежнему лингводидактикой во многом предопределено, ведомо и «выстрадано», ибо по-прежнему (если не всё более) актуально изучение соотношения языка и сознания, роли языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связи отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. Не менее актуально со времён Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова и стремление не только познать, но и научиться эффективно формировать ЯЛ как того «человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки; <...> кто присваивает язык, <...> для кого язык есть речь», ибо по-прежнему «человек обладает родовой способностью быть ЯЛ, но каждый индивид ещё должен стать ею» [Богин 1980: 3].

В данном исследовании антропологический подход к пониманию ЯЛ реализован в обращении к материалам самой эффективной деятельности по присвоению языка – к интерпретации художественного текста (ХТ) будущими учителями-филологами – с целью выявить когнитивные и коммуникативные особенности становления креативной составляющей ЯЛ филолога и её взаимодействия с прецедентным ХТ. Материалом наблюдения послужили 17 ХТ интерпретаций рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия», созданных в спецкурсе «Анализ ХТ» студентами III курса филфака ГрГУ им. Янки Купалы по заданию автора курса доц. С.М. Антоновой.

Все интерпретации по типу повествователя, представляющего точку зрения интерпретатора на ХТ, делятся на две группы. I группу составили тексты 12 авторов, избравших точку зрения представителя живой природы: людей (соседки, поварёнка Петьки, студентки филфака, жены, сына, человека из толпы, Овсова); б) животных (2 работы от имени лошади); в) растений (от имени цветка и овса); г) насекомых (от имени мухи).

Во II группу вошли интерпретации с точки зрения «представителя» неживой природы (5 работ): а) конкретного предмета (зуба, ватки, портрета); б) абстрактного образа (духа предка, боли).

Как известно, постулат Р. Барта о свободе интерпретатора ХТ, позволяющей «оценить, к какому множеству он принадлежит» [Барт 2001], и давшей право на «использование любой информации (романа, поэмы, пьесы, песни, со-

наты и т.п.) любым её реципиентом (писателем, композитором, критиком, слушателем, издателем и т.д.) в изменённом виде вне зависимости от традиций авторских прав и обвинений в плагиате [Элмор 1992: 365, 497], узаконил смешение текстов, голосов автора и читателя, породив новые представления о традиционных произведениях, актуализируя новые смыслы и новую прагматику в их содержании. Более того, ремиксинг¹ современной коммуникативистикой признан массовым явлением, обуславливающим природу и разновидности интерпретаций как отражения стыков сознания двух языковых личностей (автора и интерпретатора), семантических «отклонений» и целей построения вторичной проекции текста. Интерпретатор волен: а) достроить здание концепции, не завершённое, по его мнению, автором; б) провести целостную реконструкцию авторской концепции; в) включить фрагменты авторской концепции в состав «теоретического багажа единого потока идеи науки» [Постовалова 1988].

Всё чаще сегодня студенты-филологи не знакомы даже с самыми известными именами и текстами русской и зарубежной классики, не говоря уже о современных авторах. Большая часть студентов признаётся, что системное и целенаправленное чтение художественной литературы началось для них лишь в вузе при обучении по специальности (литературное редактирование, деловая коммуникация и т.п.), причём и тут чаще всего это именно «заданная» программой литература, а потому студент-филолог не видит необходимости формировать свои читательские жанровые, стилистические вкусы, что уже отражается в его мировосприятии, становлении ЯЛ, вынужденной развиваться в условиях «открытой изоляции». Так, в нашем распоряжении были интерпретации этого же рассказа, созданные в 1999 г. филологами-второкурсниками (21 версия), где точку зрения на рассказ представляли: сельская учительница русского языка с 30-летним стажем Темчина; критики (оппонент и пропонент) А.П. Чехова; Вовочка, которому Марья Ивановна дала написать сочинение по рассказу; любитель выпить; молодой человек в жёлтом ботинке, решивший приударить за девушкой; врач-инфекционист; стоматолог; миссионер; лингвист-дериватолог; иностранка, которой подарили томик А.П. Чехова; генеральша; новый русский; Овсов; Сам Себеевич; Рэма Пролетаровна; адвокат вырванного зуба; сам зуб; лошадь; мушка, сидевшая на чернильном приборе, когда Чехов писал рассказ. В отличие от наших предшественников, основой ЯЛ которых была русская литературная классика, современный студент формирует советские и американские мультфильмы, художественные фильмы Голивуда, а также компьютерные игры. Поколение, выросшее в масскультуре, тесноцентрированное лингводидактикой, манифестирует себя как через речь (современный «новояз», состоящий из молодёжного сленга, англицизмов и т.п.), так и на уровне художественного моделирования диалога с классической литературой в текстах интерпретаций. В нашем эксперименте это обнаруживают четыре основные черты интерпретационной, когнитивной и коммуникативной деятельности ЯЛ по присвоению и презентации прецедентного художественного текста: а) антропоцентризм мышления и миромоделирования, б) превалирование фактологического типа интерпретации, в) уход в комизм, г) сюрреализм. Таким образом, антропоцентричный и антропоморфный по природе своей отражательности язык в зеркале художественной – человековедческой – модели мира оказывается антропогенным в кубе: и предназначен для человека, и осознан им как «книга жизни» (Н.Г. Чернышевский) по «человековедению» (М. Горький), где языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека, на индивидуальность и уникально представляет мир сквозь призму неповторимого авторского языкового сознания. А потому встреча с авторской художественной моделью мира языкового сознания и ЯЛ филолога как читателя-интерпретатора отражает статику и динамику становления и развития языковой картины мира и логосферы одновременно, свидетельствуя о новых по сравнению с классической художественной литературой источниках и прецедентах влияния, что разводит миры субъектов образовательного процесса и актуальные для них формирующие/формируемые филолога картины.

Библиография

- Барт Р. S/Z. Пер. с фр.; 2-е изд., испр.; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
 Богин Г.И. Современная лингводидактика. – Калинин: Калининский государственный университет, 1980. – 61 с.
 Вайсгербер Й. Родной язык и формирование духа; пер. с нем.; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.
 Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
 Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26. – С. 14–24.
 Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энцикл. ; СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с. – [БЭС].
 Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
 Элмор Р.Т. Словарь языковых средств массовой информации США; специальное издание – М.: Русский язык, 1992. – 668 с.

Семиотика вербальной репрезентации зооморфных образов славян

Тамерьян Мария Алексеевна

МБОУ СОШ № 48 (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

Научный руководитель – Абаева Лариса Руслановна, учитель-методист

Мировая история тотемов, в том числе общеславянских и русских, – это неисчерпаемый источник семиотических сведений, наполняющих нашу культуру. Каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и свой образ мира, когда слова обыденного языка получают в языке культуры особые символические значения – культурную семантику [Толстой 1995: 291]. Семиотическая система, связывая настоящее и прошлое этноса, сохраняется благодаря стержневой группе символов, имеющей глубоко архаическую природу [Лотман 1987: 11].

В славянской языческой мифологии отражена неразрывная связь человека и природы, времени и пространства.

Славяне верили, что люди наделены характеристиками, присущими различным животным. Славянский гороскоп опирался на понятие тотема, когда, согласно верованиям, определенному животному поклонялись как родоначальни-

¹ от *mixing* – ‘смешивание’ с префиксом *re-*, усиливающим значение многократности повторяемого действия) [БЭС 2001: 191].

ку племени. Шестнадцатилетний календарь представляет высшие качества тотема, которые человек может наработать в течение жизни. Его возглавляет тотем *Лося/Соax/Сохатого* символизируя стремительность, гордость, желание вести за собой других. Затем следуют *Жалящий шершень, Притаившийся лют/Волк/Серый, Огненная векиа/Белка, Жемчужная щука, Бородатая жаба, Дикая вепрь, Белый филин, Шипящий уж, Крадущий лис, Свернувшийся еж, Парящий орел* (этот тотем покровительствует реформаторам, храбрым, гордым; наступивший год – это год Парящего орла), *Прыдущий мизгирь/паук, Кричащий петух, Тур Золотые Роза и Огнезривый конь* [Жилинский 2007].

Существуют также тотемные месяцесловы, представленные различными наборами животных: двенадцати месячные циклы всегда возглавляет *Медведь*. Главенствующие тотемы *Лося* и *Медведя* присутствуют во многих культурах, в каждой из которых они приобретают особые этнические смыслы.

На следующем этапе культурно-исторического развития сохранялась неразрывная связь животных с языческими богами, часто принимавшими облик этих животных. Так, корова, медведь и кошка считались животными Велеса; белка и кабан – Перуна; бык – Сварога; заяц – Ярилы; лиса – Макоши, конь – Дажьбога; олень – зверь Родов [Славянские древности. Этнолингвистический словарь 1995–2012].

У русского народа отголоски тотемизма, связанного с почитанием зверей и птиц, сохранились в сказках о животных [Пропп 1969, Пропп 1976, Пропп 1984, Пропп 1998]. Об этом свидетельствует их персонификация, а также оберегательные функции, персонажей-животных, поскольку важнейшее предназначение тотема – оказывать помощь тем, кто находится с ним в социально-родственных отношениях. Предпосылкой превращения мифов в сказку выступает разрыв непосредственной связи мифов с ритуальной жизнью племени. Историк культуры Эдуард Тейлор полагал, что известная русская сказка «Волк и семеро козлят» содержит мифологемы древнего космического мировоззрения, когда под «волком» понимались тёмные силы хаоса, поглощавшие во время затмения солнце, луну, а небесные светила представляли в сказочном облике «козлят», которых проглатывал «волк», а затем выпускал на волю. *Образ крылатого волка, восходит к тому периоду, когда человек «населял» небо животными, олицетворявшими летучие облака* [Тейлор 1989: 122].

Зооморфные персонажи, сохраняя архаические представления, олицетворяют стихии огня (*Жар-птица*) и воды (*русалка, лебедь*), смену дня (*гуси-лебеди*) и ночи (*волк*), солнце (*конь, заяц*) и луну (*волк*), явления природы (молнию – *Змей Горыныч*). Сказочный мир строится на полярности признаков и оценок, в нем действуют положительные и отрицательные персонажи-животные, которые передают черты людей, особенности их характеров и поведения.

Отголоском тотемно-родственных отношений между животными и людьми служат прозвища некоторых зверей – представителей главных тотемов: *медведя: Косолапый, Топтыгин, Хозяин, Михайло Потапыч* (кроме того, номинация *медведь* – общеславянская от **medu-/medv-* «поедающий мёд», уже табуирована); *волка – Лютый, Серый*; *лося – Сохатый, Рогатый, заяц – Серый и Косой* и лисы – *Сестричка или Кума*. Данные названия табуировались и заменялись эвфемизмами, чтобы не вызвать гнев покровителей.

Система положительных тотемных характеристик сохранялась или переходила в фольклоре в противоположные, отрицательные качества, а также приобретала амбивалентность, т.е. двойственность оценок. Так, например: за *собакой* сохранилась символика верности; за *муравьем* – трудолюбия; за *конем* – выносливости и упорной работы; за *совой* – мудрости и ночного образа жизни; за *медведем* – силы и наставничества.

Волк из сильного зверя-воина превратился в агрессивного хищника (в сказках также помощник главного героя); *лиса* считалась смекалистой, а стала хитрой; *заяц* из предусмотрительного и осторожного превратился в трусливого; *паук* рассматривался как персонаж, способствующий соединению людей, спасению, а затем стал олицетворением хитрости и коварных сетей; *щука* из избавителя от всего отжившего превратилась в хищника.

Двойная оценочность сохранилась за такими зооморфными образами, как: *уж* – гибкость и изворотливость; *змея* – мудрость и коварство. *Способность человека трансформироваться в животное и возвращать себе человеческий облик в сказках обусловлена остаточными формами тотемных представлений, связанных с приобретением древним человеком магических свойств и силы тотемного животного. Многие герои русских сказок являются антропоморфно-зооморфными персонажами (Царевна-лягушка, Финист – Ясный сокол, Царевна Лебедь).*

В русском фольклоре выделяется особая группа персонажей, посредников между мирами, так называемая нежить (*Змей Горыныч, русалка*). Отдельную группу составляют зооморфемы, связанные с нечистой силой (*ворон, козел, кот* и др.). Многие зооморфные образы связывают мир людей и мир духов (*медведь, лягушка* и др.).

К гибридным персонажам относятся летающий конь (*Сивка-Бурка*), летающий змей (*Змей Горыныч*) и полуженщина-полурыба (*русалка*). *В русских сказках волшебными помощниками героев служат животные – медведь, заяц, утка и щука, жук и шуренок; древнейшие из них – птица (Жар-птица) и конь (Сивка-Бурка).*

Таким образом, анализ основных черт фольклорной картины мира позволяет заключить, что она является сложным символическим образованием, отражающим мифологические представления, менталитет и своеобразие национальной культуры.

Библиография

- Жилинский К. История астрологии. – М.: Профит Стайл, 2007. – 304 с.
 Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
 Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. – Тарту, 1987. – С. 11–12.
 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Наука, 1996. – 364 с.
 Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М., Лабиринт, 1998.
 Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1969. – 152 с.
 Пропп В.Я. Русская сказка. – Л.: Наука, 1984 (2000). – 416 с.
 Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
 Славянские древности. Этнолингвистический словарь; под ред. Н.И. Толстого. – В 5-ти тт. – М., 1995–2012.
 Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 576 с.
 Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. В 3-х тт. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.

О роли коммуникации в кодификации форм личных местоимений с предлогом *по*

Чувиллина София Вадимовна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин),
4 курс бакалавриата, направление «Филология»

Научный руководитель – Мещерякова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент

Главной функцией коммуникации является сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц. В теории культуры речи коммуникативная целесообразность считается одной из главных категорий, и адресанту, как правило, нужно учитывать нормы литературного языка для успешного речевого взаимодействия. В акте коммуникации нормированная речь адекватно воспринимается адресатом/адресатами, что заставляет говорящего стремиться соблюдать принятые речевые законы. В то же время сам процесс общения становится фактором, который влияет на изменение нормы. Чем чаще в акте общения присутствует тот или иной некодифицированный элемент, тем больше он приближается к тому, чтобы именно его воспринимали как правильный.

Рассмотрим влияние коммуникации на изменение морфологической нормы, а именно падежа местоимения, употребляемого с предлогом *по*: *скупаю по вас* или *скупаю по вам*?

Чтобы разобраться в истоках этого вопроса, мы обратились к формам склонения местоимения в древнерусском языке. В парадигме склонения личных местоимений мы видим употребление формы *нас* в местном (в современном русском языке – предложном) падеже [Захарова 2012: 206]. Это позволяет говорить о том, что в русском языке *по нас* относится к исконной парадигме склонений личных местоимений множественного числа. Закономерно возникает вопрос о времени и условиях, под воздействием которых произошло влияние дательного падежа на предложный.

В XIX в. при употреблении местоимений *кто, что, он, мы, вы* с предлогом *по* нормативными были формы предложного падежа: *по ком, по чем, по нас, по вас*. Такую форму мы, к примеру, встречаем на страницах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: <...> она мне родственница – по вас <...>.

В последнее тридцатилетие XX в. в языковом употреблении отмечается вариативность форм местоимений с предлогом *по*. В 1976 г. автор справочника «Грамматическая правильность русской речи», говоря о характерных для того времени тенденциях, отмечает, что формы *по нам, по вам* нельзя считать литературной нормой [Граудина 1976: 50]. Однако исследователи этой проблемы фиксируют и то, что не соответствующая нормам форма уже давно встречается в печати: *Ударили по нам с чердака* [Жданова 1965: 50].

Дальнейшие процессы, связанные с употреблением форм *по нам – по вам* в русском языке, не затормозились, а продолжали развиваться. Поэтому буквально через несколько лет такой авторитетный источник, как «Русская грамматика», уже рассматривал выражения *скупать по вам* и *скупать по вас* как вариативные [Русская грамматика-80 1980: 388].

Следующий «виток» в развитии представлений о норме связан с 1997 г., а именно с «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. В нем уже утверждается, что правильно говорить *скупаю по вам* (в дательном падеже) и *скупаю о вас* (в предложном падеже) [Ожегов, Шведова 1999: 673]. Также в словарной статье к слову *скупаю* дается помета о том, что *скупаю по вас* (в предложном падеже) – это устарелое и просторечное выражение, но, тем не менее, допустимое в разговорной речи [Там же].

Для более полного анализа современных тенденций и проверки актуальности высказываний ученых прошлого столетия мы обратились к сайту «Национальный корпус русского языка». Согласно предоставленным данным, даже в литературном дискурсе отмечается форма *по вам*, например, известный поэт Евгений Евтушенко в 1982 г. *по вам* использовал в романе «Ягодные места»: *Видно, по вам тоскуют*, хотя в этот период *скупать по вам* и *скупать по вас* считались вариативными, а «Национальный корпус русского языка» в 70–80-е гг. фиксирует значительно больше примеров с употреблением форм *по вас*. Но с течением времени частота употребления форм *по вам* возрастает и, согласно «Национальному корпусу русского языка», в 1990–2010-е гг. получает широкое распространение.

В целом динамика изменений в употреблении форм (по данным «Национального корпуса русского языка») за период с 1950 г. по 2010 г. представляет следующую картину:

1950–1960-е гг. форма *по вам* использовалась в 9 % случаев, *по вас* в 91 %;

1970-е гг. форма *по вам* использовалась в 15 % случаев, *по вас* в 85 %;

1980-е гг. форма *по вам* использовалась в 25 % случаев, *по вас* в 75 %;

1990–2010-е гг. форма *по вам* использовалась в 58 % случаев, *по вас* в 42 %.

Коммуникация, в которой было отдано предпочтение форме *по вам*, повлияла на кодификацию формы местоимения в дательном падеже. Отражением этого явления становится тот факт, что сайт Грамота.ру (дата обращения 14.11.2019) считает нормой форму *по вам*, а *по вас* относит к устаревшей.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что, хотя исконной нормой было употребление *по нас, по вас*, в последнее время форма *по нам, по вам* благодаря активному употреблению в коммуникации не только прочно закрепляется в речи современников, но и переходит в разряд кодифицированных.

Библиография

- Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. – М., 1976. – 456 с.
 Жданова А.К. Предлог *по* при местоимениях и отдельных формах имен существительных // Научные труды Краснодарского педагогического института. – 1965. – № 44. – С. 49–50.
 Захарова Л.А. История русского языка. Историческая грамматика. – М., 2012. – 224 с.
 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – 750 с.
 Русская грамматика-80: в 2 т. Т. 1. – М., 1980. – 789 с.

«Художественный билингвизм в творчестве И. Кодзоева (на примере романа «Обвал»)**Шанхоева Яха Ахмет-Башировна**

Ингушский государственный университет (г. Магас, Республика Ингушетия),

4 курс бакалавриата, направление «Филология»

Научный руководитель – **Добриева Зейнаб Израиловна**, кандидат филологических наук

Проблема изучения билингвизма, предполагающая рассмотрение с точки зрения не только языковедения, но и психолингвистики, психологии, социологии остается одной из интересных и нерешенных в лингвистике. За исследование данного феномена принимались В.А. Аврорин, который ввел понятие «билингвизм», Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, представивший в своей работе «Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия» типологию билингвизма, в которой попытался объяснить причины возникновения данного языкового состояния.

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило билингвизм определяется как «взаимодействие двух или трех языков в одном и том же коллективе, языковом социуме» [Жеребило 2005: 47].

На основании приведенного нами определения мы проанализировали произведение современного ингушского писателя И. Кодзоева «Обвал», в котором прослеживается художественный билингвизм. При исследовании данного текста обнаруживаются следующие лексико-семантические группы слов: 1) слова (имена существительные), обозначающие статус человека, род деятельности; 2) слова (чаще всего имена существительные), обозначающие понятия, связанные с религиозным воззрением ингушей; 3) слова (имена существительные, сочетания слов), связанные с исламскими понятиями, которые пришли в ингушский язык путем заимствования из арабского языка; 4) слова (чаще имена существительные), представляющие предметы, необходимые для повседневного быта ингушей, такие как посуда, предметы одежды и т.д.; 5) названия традиционных ингушских блюд и ингредиентов, входивших в их состав; 6) слова, выражающие абстрактные понятия; 7) прилагательные, определяющие национальную принадлежность человека и характеризующие религиозную сторону. Автор также употребил ингушские междометия со значением удивления, восторга, неожиданности: 1) междометия, призывающие к чему-нибудь «– Ой, *ванах!*» [Кодзоев 2007: 41]; 2) междометия со значением возгласа, страха, опасения «*Эшишахь!*...» [Там же: 48].

Обилие представленной писателем лексики отражает суть той действительности, которую в своем романе изобразил автор с ее национальными, религиозными, социальными и языковыми особенностями. Так, И. Кодзоев употребляет такие ингушские лексемы, которые не имеют однозначного перевода на русский язык. *Эздел* – этический кодекс ингушей, регулирующий все стороны жизни: «Одной из важных дисциплин, изучаемых во всех галгайских худжре, был – *эздел*» [Там же: 33].

Таким образом, из анализа лексических единиц романа «Обвал» следует, что творческий билингвизм играет важную роль в литературном процессе современной прозы ингушей.

Библиография

Ажигова Т.М., Дударова Л.М., Добриева З.И. Особенности билингвизма в Ингушетии: Взаимовлияние ингушского и русского языков. Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 4. – С. 233–236.

Верещагин Е.М. Психолингвистическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М., 1989.

Добриева З.И., Дударова Л.М., Ажигова Т.М. Ингушская лексика в русской литературе (на материале произведений Х. Плиева). Современный ученый. – Белгород. – 2019. – № 5. – С. 176–179.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов; изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань: «Пилигрим», 2005.

Кодзоев И.А. Обвал: роман. – Назрань: «Пилигрим», 2007. – 326 с.

«Казнить нельзя помиловать»: речевая культура юриста как залог справедливости правосудия**Шашко Виталий Андреевич**

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург),

2 курс специалитета, специальность «Судебная и прокурорская деятельность»

Научный руководитель – **Феденёва Юлия Борисовна**, кандидат филологических наук, доцент

Норма – это узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь [Ожегов, Шведова 2003: 421]. Для юриста же, наряду с нормами права, безусловно, являющимися первоочередными, немаловажная роль отводится нормам речи. Но чем же обусловлена такая значимость языковых установлений? Вероятно, необходимостью того, чтобы «общение в правовой сфере соответствовало требованиям правовой культуры, одной из составных частей которой учёные считают культуру речи» [Подголин 1978: 4]. Речевую культуру, или культуру речи, следует определить как «умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения» [Скворцов 1979: 290].

Необходимо принять во внимание, что речь в деятельности юриста выступает как носитель информации и как средство воздействия [Канафина 2015: 154]. Уровень речевого развития позволяет сделать вывод об уровне квалификации юриста, поскольку напрямую отражает количество прочитанной литературы и, следовательно, интеллектуальный багаж. Языковая культура юриста формируется, прежде всего, в процессе овладения юридическим языком и его непосредственного использования в профессиональной юридической деятельности [Шепелёв 2013: 493]. В свою очередь, для того чтобы постигнуть юридический язык и творчески его использовать, юрист должен быть образованным человеком в различных отраслях знаний, в первую очередь в филологии и лингвистике [Там же].

Лексика является ядром любого языка, естественного и специального. Именно поэтому лексикологическая (лексическая) ориентированность юриста не должна ограничиваться профессиональным уровнем. Чрезмерная же «специализированность» речи – проблема современной юриспруденции. Основываясь на специально-юридических конструкциях и речевых оборотах, не стоит пренебрегать использованием нейтральной лексики. Следует различать конструкции, применимые в устной речи и на письме, смешение их воспрепятствует правильному отражению мысли автора и адекватному восприятию её слушателем/читателем.

Необходимо взвешенно, разумно и грамотно сочетать, употреблять и произносить лексические единицы разных стилистических групп, поскольку орфоэпические, акцентологические и стилистические ошибки снижают воздействие

на аудиторию и мешают достижению желаемого результата. В свою очередь, память о том, что грамотная речь не значит сложная, юрист должен строить свою речь сообразно легкости восприятия на слух, поскольку в противном случае она теряет свою глубокую смысловую нагрузку и общую эффективность.

Любое правовое явление – будь то закон или судебный процесс – есть текстовое явление, явление речевой коммуникации [Александров 2003: 12]. Поэтому точность употребляемых дефиниций и речи в целом – крайняя необходимость для юриста и залог эффективности юридической деятельности, а недвусмысленность и ясность формулировок в купе с безупречной логической последовательностью изложения – основа справедливого решения.

В свою очередь, речевая культура должна быть присуща не только правоприменителю, но и законодателю, иначе неточность последнего будет причиной ошибки первого. Часть законодательных актов нашего времени очень абстрактна, широка и обобщена в своих формулировках, чем создается простор для вольного толкования, восприятия, понимания и применения. Но во избежание этого, а также для унификации понимания и единства практики применения норм права суды РФ наделены исключительным правом толкования нормативно-правовых актов, что позволяет упорядочить и установить точный смысл нормативного текста и совершенно конкретно определить вектор его понимания.

Всякому юристу не стоит злоупотреблять риторическим искусством, а именно чрезмерно воздействовать на специфического слушателя, создавая желаемую правовую иллюзию, вводя слушателя в которую можно незаконно влиять на принятие решения. Речь должна ограничиваться моральными и этическими установками, а также соображениями вежливости и корректности, что является необходимым условием соблюдения законности, уважения прав и свобод человека и справедливого отправления правосудия.

Библиография

- Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003.
- Канафина М.А. Профессиональная речь юриста // Наука и современность. – 2015. – № 36. – С. 154–157.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
- Подголин Е.Е. Культура следственных действий: учебное пособие. – Волгоград, 1978. – С. 4–6.
- Скворцов Л.И. Культура речи // Русский язык. Энциклопедический словарь. – М., 1979. – 290 с.
- Шепелёв А.Н. Формирование языковой культуры юриста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, – 2013. – № 12 (128). – С. 493–497.

«Квасисубъектные» модели типа *Книга легко читается* и их когнитивный статус

Шестопалова Анна Михайловна

Московский городской педагогический университет (г. Москва),

2 курс магистратуры, направление «Лингвистика»

Научный руководитель – Сулейманова Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор

В настоящее время объектом многих лингвистических исследований становятся способы организации языка, а также языковое сознание индивида и сопутствующая ему языковая картина мира. Вместе с тем, изучение различных языковых средств, с помощью которых происходит категоризация и концептуализация окружающей действительности, не может проходить в отрыве от порождающих их познавательных процессов [Болдырев 2006: 5]. Соответственно, при изучении языковых структур требуется принимать во внимание их когнитивный статус в том или ином языке. Таким образом, изучая какие-либо единицы и модели языка, следует обратить внимание на их составные элементы, обращение к которым позволит представить данные единицы в структурированном виде, а также адекватно описать их когнитивный статус в сознании индивидуума [Болдырев 2016: 10–12].

В данной работе рассматриваются такие «квасисубъектные» модели, как *Книга легко читается*, семантика данных синтаксических структур и способы их представления в сознании носителей языка. Проблема описания когнитивного статуса таких моделей, как *Книга легко читается*, тем не менее, не представляется достаточно изученной, т.к. комплексных исследований, раскрывающих когнитивный потенциал подобных конструкций, на данный момент не представлено; не предложена развернутая классификация типов субъектов, реализующихся в рамках вышеуказанных моделей.

Проведенное исследование позволило выделить несколько типов субъекта, которые реализуются в рамках рассматриваемых «квасисубъектных» моделей, описывающих событие, участников которого обозначим следующими символами: X, P и Z, где X представляет член предложения, который характеризуется предикатом P и называется субъектом вне зависимости от его синтаксической функции и конкретной семантической характеристики при условии, что в предложении не присутствует другой деятель. Обозначение Z указывает на наличие какой-либо внешней силы по отношению к X-у, которая влияет на появление P [Селиверстова 1982: 110–111]. На данном этапе исследования выделены следующие типы субъекта [Там же: 111–112]:

неопределяющий агентивный (X может прикладывать определенные усилия для осуществления P, но появление P в итоге будет зависеть от силы Z): *вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются; процесс приготовления значительно ускоряется; перегретый жир и масло легко возгораются;*

неопределяющий неагентивный (пациент; осуществление и поддержание P полностью зависит от силы Z): *законы нарушаются постоянно; выпечка пропекается хуже; дверца правильно закрывается;*

определяющий неагентивный (X не прилагает усилия для осуществления P, и воздействие производится благодаря внутреннему источнику энергии субъекта): *индикатор загорится сразу; конфорки нагреваются значительно быстрее; огонь быстро распространяется.*

Для получения адекватного описания семантики исследуемых «квасисубъектных» моделей определялось также значение форманта *-ся/-тсья/-тсья*, характеризующего реализуемые в исследуемых конструкциях предикаты. Как представляется, формант *-ся/-тсья/-тсья* может быть представлен в различных глагольных формах: например, глагольные формы страдательного залога могут быть омонимичны формам возвратного залога. Разграничение данных

форм возможно с опорой на элементы контекста. Так, в высказывании *лампочка включается нажатием кнопки* представлена пассивная конструкция, которая подразумевает наличие активного субъекта, который воздействует на объект высказывания (*нажатие*). Напротив, в высказывании *лампочка легко включается* представлена возвратная конструкция, где с помощью наречия *легко* дается характеристика определенного события (*включение лампочки*), возможность реализации которого определяется свойствами самого субъекта высказывания (*лампочка*). Таким образом, основным критерием разграничения страдательных и возвратных конструкций являлось наличие в высказывании наречия, с помощью которого дается характеристика описываемому действию. Учет данного условия при анализе собранного материала позволил исключить из общего списка те примеры, в которых была явно представлена страдательная конструкция.

Результаты данного исследования способствуют развитию представлений в области исследования семантики языковых единиц; получают также описание когнитивные механизмы категоризации действительности, которые отображаются в языковом поведении носителей языка. Перспективу дальнейшего исследования может составить изучение «квазисубъектных» моделей в других языках, что позволило бы выявить общие и отличительные особенности когнитивного статуса данных конструкций в естественном языке.

Библиография

- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4.
Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2.
Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

Индексирование:

ISSN 2307-6364

9 772307 636237 >